• Редактор тома Франсуаза Тебо

под общей редакцией Жоржа Дюби и Мишель Перро

ИСТОРИЯ ЖЕНЩИН

Становление культурной идентичности в XX столетии

В издательстве «Алетейя»
вышли в свет книги:

• редактор тома Полин Шмитт Пантель

под общей редакцией Жоржа Дюби и Мишель Перро

ИСТОРИЯ ЖЕНЩИН

От древних богинь
до христианских святых

Книжная серия
«ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»
основана в 2001 году
при поддержке
Фонда Дж. Д. и К. Т. Макартуров

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

A HISTORY OF WOMEN

IN THE WEST

V. Toward a Cultural Identity in the Twentieth Century

Françoise Thébaud,
Editor

The Belknap Press of
Harvard University Press
Cambridge, Massachusetts
London, England

ИСТОРИЯ ЖЕНЩИН

НА ЗАПАДЕ

ТОМ ПЯТЫЙ

Становление культурной идентичности в XX столетии

Редактор тома
Франсуаза Тебо

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2015

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)
И 90

Издание подготовлено при поддержке Фонда Дж. Д. и К. Т. Макартуров в рамках проекта «Университетская сеть по гендерным исследованиям для стран бывшего СССР»

Научный редактор перевода *Н. Л. Пушкарева*
Ведущий редактор *С. В. Жеребкин*
Художественный редактор *Лиза Диркс*
Перевод на русский язык: *Н. Пушкарева* (предисловие, главы 5, 6, 7, 8,10), *М. Муравьева* (главы 13, 15, 17, 19), *Т. Рябова* (главы 1, 4, 11), *И. Чикалова* (главы 2, 3), *Я. Боцман* (главы 9, 12), *М. Жеребкин* (глава 16)

И 90 История женщин на Западе: в 5 т. Т. V: Становление культурной идентичности в XX столетии / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. Ф. Тебо; науч. ред. перевода Н.Л. Пушкарева. – СПб.: Алетейя, 2015. – 624 с.: ил. – (Гендерные исследования).

ISBN 978-5-91419-033-7
ISBN 978-5-906792-26-6 (т. V)

Детальная панорама жизни женщин в контексте труда, брака и семьи, а также как объекта дискуссий – иногда комических, иногда саркастических – ведущихся в самых различных формах: личные письма, искусство, философия, наука и медицина. Сопротивляясь репрессивным практикам, ограничивающему законодательству и продолжительным дебатам о женской «природе», женщины проявляли инициативу как путем неявных маневров, так и путем открытого несогласия. В конформизме и публичном сопротивлении, в репрезентации и социальной реальности женщины представлены на этих страницах в примечательном разнообразии.

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

Франсуаза Тебо

Первая половина двадцатого века стала свидетельницей не только двух мировых войн, но и годами длившегося геноцида, тоталитарных диктатур и Великой депрессии. Восемь статей в начале этого тома посвящены пересмотру истории этих событий сквозь призму проблемы отношений между полами. Вооруженные таким подходом, авторы данных работ пользуются также возможностью взглянуть по-иному и на понятия равенства и различия, сопротивления и покорности, эмансипации и угнетения.

Новый женский тип появляется в двадцатых годах XX столетия в Соединенных Штатах Америки, что стало следствием как технологического лидерства США, так и исторических традиций борьбы американских феминисток. Тот образ «современной женщины» определил изменения в представлениях о половых ролях, однако в действительности он содержал в себе не только призыв к освобождению, но и интенции конформизма. На Востоке только что родившийся Советский Союз создает промышленную рабочую силу, в которой, казалось, не существует различий между работниками и работницами. На самом же деле советские женщины были первыми жертвами новых законов о семье — законов, принимаемых без обсуждения и изменяемых по прихоти центральных властей. Реакцией европейских стран на потрясения Первой мировой войны и вторжение американской культуры становится защита национального своеобразия. Столкнувшись с двойным вызовом демократизации и «вопроса народонаселения», который выглядел как проблема не только депопуляции, но и изменения отношений между полами, большинство европейских стран уничтожают прежние границы между частным и публичным, семьей и правительством, индивидами и государством. Правительство любой политической направленности — от социал-демократической Швеции до фашистских и нацистских диктаторских режимов, включая вначале республиканскую, а позднее и вишистскую Францию, — пытаются

«национализировать» женскую часть своих граждан. Методы подобной национализации были более *авторитарными* в одних странах, и менее *авторитарными* – в других. Материнство превращается в предмет публичной политики. Делаются первые шаги в направлении к «государству всеобщего благосостояния». Женщин мобилизуют на службу для сражающегося отечества, они вербуются и на военную службу в организации, ставившие себе цель: борьбу за величие нации.

Разумеется, нацистская Германия – случай особый. Геноцид евреев и цыган делает его исключительным явлением даже в ряду прочих тоталитарных режимов, вопреки ревизионистским попыткам утверждать обратное*. В период правления фашистов национализация немецкой женщины разрушает традиционные семейные ценности и ставит женщин, матерей, партийных активисток или работниц, на службу германскому *Volk*. Марксисты и феминисты, разделяющие идею о вовлечении женщины в общественное производство как способе эмансипации, длительное время полагали, что авторитарные режимы видят предназначение женщины в материнстве. Эта точка зрения не может выдержать серьезной критики. В действительности фашисты, нацисты и вишисты были вынуждены значительно скорректировать свои пронаталистские, ориентирующиеся на увеличение рождаемости, воззрения, с тем чтобы приспособиться к экономическим реалиям. В случае же нацистов, помимо этого, подобная пронаталистская политика часто приходила в конфликт с их же расистским антинатализмом. В любом случае, усилия по увеличению народонаселения, несомненно, нельзя рассматривать как самую отличительную черту этих режимов.

Как подобная национализация женщин соотносится с тем, что Рита Тальманн назвала «искушением национализма» (nationalist temptation)?** И как эта история помогает прояснить вопрос о противоречивых ролях женщины при нацизме? Это важные и сложные вопросы. Споры о данных проблемах оказали влияние на феминистские дискуссии, которые имели тенденцию, обусловленную поисками доказательств преемственности и непрерывности патриархатного подавления, смотреть на немецких «женщин как на жертвы – часто только жертвы, а иногда

---

* *Vidal-Naquet P.* Les Assassins de la mémoire. Paris: La Découverte, 1987. (В английском переводе – Assassins of Memory: Essays on the Denial of the Holocaust. Boulder: Colorado University Press, 1993 / transl. by J. Mehlmann.) О полемике историков по поводу ревизионистских интерпретаций истории фашизма (Historikerstreit) см: *Devant l'histoire*: la controverse sur la singularité de l'extermination des Juifs par le régime nazi. Paris: Cerf, 1988. (На английском прежде всего см.: *Maier Ch.* Unmasterable Past. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989.*Прим. пер. на англ.*)

** *Thalmann R.* La Tentation nationaliste, 1914–1945. Paris: Deuxtemps Tierce, 1990.

единственные жертвы»*. В самых разных странах перед историками ставилась задача изучать национальный вопрос. Случай с национализмом заслуживает особого внимания. Гизела Бок в своей работе старается соотнести сексизм и расизм нацистов. Ее статья служит подкреплением работ, написанных Ритой Тальманн из Франции и Клаудией Кунц из Соединенных Штатов Америки**. Все труды этих историков позволяют нам лучше понять, что́ *представляли собой* разнообразные движения в Германии двадцатых годов – светские и религиозные, маскулинные и *феминные,* модернистские и традиционалистские, – которые атаковали Веймарский режим и призывали к духовному возрождению немецкого народа. *Эти работы* позволяют увидеть за преступлениями расистского мужского порядка нечто большее и помогают понять, почему Третий рейх мог быть привлекательным для многих женщин, заинтересованных в восстановлении моральных устоев и семейных ценностей и ищущих женского *Lebensraum.*

Однако, в чем же заключается ценность *происходящей* в данном издании дискуссии о степени ответственности немецких женщин и объединений, их представляющих, за преступления нацизма? Несут ли женщины основную долю вины на основании того, что они, как жены и матери, не только сами подписались под нацизмом, но и выступали пособниками мужского насилия, утешая палачей и «очеловечивая» образ режима? Может ли нацистское государство рассматриваться как последствие и крайняя форма разделения мужской и женских сфер? Я так не думаю. Тем не менее проблема покорности и мужчин, и женщин (сопротивление, вопрос о котором все еще нуждается в дальнейшем исследовании, не было широко распространенным) порождает дальнейшие вопросы об опасностях такого разделения мужской и женской сфер, равно как и об опасностях «мягкого» приспособления к тоталитаризму и расизму. *Этот долгий промежуток истории* поднимает также вопросы о роли войны в этом веке и – на более скромном уровне – о гендерном характере политики военного времени. Весьма сложно однако делать любые обобщения о Второй мировой войне, результаты которой в разных странах различались столь значительно.

Война традиционно была делом мужчин, самой сущностью маскулинности. Но война современная требует не *меньшей* мобилизации в тылу, чем мобилизации на фронт; она делает жертвами равным

---

* *Kandel L.* Féminisme et nazisme // Les Temps Modernes. March 1990. P. 17–53. P. 41.

** *Thalmann R.* Protestantisme et nationalisme en Allemagne de 1900 a 1945. Paris: Klincksieck, 1976; idem. Etre femme sous le IIIe Reich. Paris: Robert Laffont, 1982; idem. Ed. Femmes et fascismes. Paris: Tierce, 1986; *Koonz C.* Mothers in the Fatherland: Women, the Family, and Nazi Politics. New York: St. Martin Press, 1986.

образом и мужчин, и женщин. На более продолжительном отрезке времени, однако, война представляет собой фактор скорее консервативный, даже реакционный, чем фактор перемен. Ни Сопротивление во Франции, участие в котором привело столь многих женщин к депортации и смерти, ни даже гражданская война в Испании, на которой сражалось немало женщин, не предоставили женщинам право взять на себя ответственность за сражения и не воздали *им соответствующую* долю признания и почестей. Когда Сопротивление превратилось в вооруженные сражения, когда стали организовываться регулярные воинские части, женщины были исключены из командования. А всякий раз, когда война заканчивалась, женщинам напоминали об особенности их предназначения. Войны национального освобождения показали, что и они не являются исключением из этого правила. Хотя некоторые из них привели к изменениям в поведении тех женщин, которые принимали участие в сражениях (например женщины-повстанцы в Алжире впоследствии имели меньше детей, чем их соотечественницы)*, в целом изменения в гендерных отношениях были незначительными. Что же касается вооруженной борьбы в странах третьего мира и партизанской войны в городах западного мира, лишь Красная бригада (также известная как группа Баадер-Майнхоф, названна так в честь ее лидеров Андреаса Баадера и Ульрики Майнхоф), которая пересмотрела террористическую традицию, казалось, позволила женщинам достичь *чего-то* большего, чем подчиненное положение**. Было бы интересно — вне зависимости от того, одобряет ли кто эти изменения [в положении женщины] или нет — рассмотреть в этом свете происходящую сейчас феминизацию западных армий, феминизацию, которую Германия, между прочим, до сих пор отказывается *признавать****.

* *Amrane D.* Les Femmes algériennes dans la guerre. Paris: Plon, 1991.

** *Steiner A., Debray L.* La Fraction Armée rouge: Guérilla urbaine en Europe occidentale. Paris, Méridiens Kliecksieck, 1988.

*** *Reynard E.* Les Femmes, la violence et l'armée. Paris: Fondation pour les Études de Défense Nationale, 1988.

ВОССОЗДАВАЯ ИСТОРИЮ ЖЕНЩИН...

Жорж Дюби, Мишель Перро

Долгое время женщины были отодвинуты в тень истории. Развитие антропологии и новый интерес к семье, к истории *«ментальностей», более чуткой* к повседневной жизни, к частному и индивидуальному немало способствовали тому, чтобы рассеять эту тень. Женское движение и проблемы, им поднятые, сделали еще больше. «Откуда мы пришли? Куда мы идем?» — таковы вопросы, которые стали задавать себе женщины. И внутри и за пределами университетских стен они вознамерились разыскать своих предшественниц и попытались понять, как осуществлялось господство над ними и как менялись взаимоотношения мужчин и женщин в пространстве и времени.

«История женщин» — это удобное и очень красивое название. Однако следует решительно отказаться от идеи о том, что женщины сами по себе являются объектом истории. Мы хотим отыскать место женщин в истории, показать все постоянство и всю переменчивость условий их существования, описать их роли и их возможности. Мы хотим исследовать, как действовали женщины; понять их слова и их молчание. Рассмотреть их образы во всем разнообразии — будь то богиня, мадонна, блудница или ведьма. Наша история в основе своей есть история отношений между людьми. Мы подходим к обществу как к некоему целому, и потому история женщин неизбежно оказывается также историей мужчин.

Речь идет о большом историческом периоде: наши пять томов охватывают историю Запада от Античности до наших дней. Подчеркнем: только историю Запада — от Средиземноморья до Атлантики. Конечно, история женщин Востока, Латинской Америки и Африки также необходима, и мы надеемся, что в один прекрасный день женщины и мужчины этих регионов напишут ее.

Наш анализ является «феминистским»: мы исходим из эгалитаристской перспективы истории, оставляем возможности для различных ее интерпретаций, проблематизируем события, но избегаем идеологической заданности. Это — плюралистическая история женщин, рассмотренная с самых различных точек зрения.

Эта работа является результатом усилий целой команды. Общую координацию осуществляли Жорж Дюби и Мишель Перро. За каждый том отвечали один или два ответственных редактора: Паулин Шмитт Пантель (Античность), Кристиана Клапиш-Зубер (Средние века), Натали Земон Девис и Арлетта Фарж (Новое время), Женевьева Фрэсс и Мишель Перро (XIX век) и Франсуаза Тебо (XX век). Они собрали коллектив авторов — шестьдесят восемь ученых, которые, мы надеемся, достойно представляют современную науку Европы и Соединенных Штатов Америки.

Мы рассматриваем эту серию и как предварительный итог того, что было достигнуто в данной области к настоящему времени, и как приглашение к дальнейшим исследоваииям. Надеемся, что наш труд принесет читателям удовольствие от новой встречи с историей и станет стимулом упрочения исторической памяти.

Гендерные исследования

Франсуаза Тебо

Тот, кто изучает судьбы женщин в XX веке, испытывает потрясение от их трагичности и величия. Вместе с бедствиями войн, революций и диктатур женщины пережили также глобальное изменение во взаимоотношениях между полами. Это не означает, что сегодня можно говорить о «конце» женской истории как кульминации многолетнего неуклонного и неизбежного движения к эмансипации. Если с геополитической точки зрения XX век, рожденный в водовороте Первой мировой войны и русской революции, ныне пришел к завершению, то идея «конца истории» как следствия триумфа либерализма после распада Восточного блока не выдержала испытания временем перед лицом событий в Европе и других частях мира. Что же этот «конец истории» мог означать для женщин? Сумерки мужского владычества и рассвет нового общества? Новую эру равенства «одного» и «другого», в которую разделение полов почти исчезнет?* Или мир, в котором мужчины и женщины сохранят свои особые черты, хотя и будут пользоваться равными правами и возможностями? Современные феминистки до сих пор спорят на эти темы. Хотя их цель состоит в том, чтобы утвердить женщину в качестве субъекта истории, возникает постоянный конфликт между потребностью сконструировать женскую идентичность и желанием совершенно отказаться от категории «женщина». Сепаратизм не кажется сегодня плодотворным; определенная форма сосуществования с мужчинами, однако, на условиях, которые еще требуется установить, представляется все более желательной. Чего хочет женщина? Чего хотят женщины? Читатель этой книги, будь то мужчина или женщина, – действующее лицо творящейся на наших глазах истории – найдет здесь не ответы на эти вопросы (давать такие ответы не входит в задачу ученых), а только пищу для размышления.

---

* Как намекает название книги Элизабет Бадинтер «Один – это другой: отношения между мужчинами и женщинами» (*Badinter E.* L'Un est l'autre: des relations entre hommes et femmes. Paris: Odile Jacob, 1986).

Наш читатель, возможно, будет удивлен тем, что этот том не содержит хронологического рассказа об истории эмансипации женщин. То, что жизнь дочери отныне не похожа на жизнь ее матери, – факт столь очевидный, что едва ли нуждается в доказательстве. Невозможно отрицать всего того, чего добились женщины: право голоса, внушительное сокращение риска при вынашивании ребенка, контрацепция, новые профессиональные возможности. Но что же такое все эти «достижения», возникшие как определенный социальный конструкт, которые затем необходимо вновь подвергнуть деконструкции? Чего добилось женское движение? Кто противостоял и кто поддерживал происходящие перемены? И каковы были проблемы и последствия – были ли они в той же степени символическими, как и реальными? Таковы вопросы, которые требуют ответа. Вспомним также, что ни одно достижение не является окончательным: сегодняшний размах борьбы против абортов и распространение СПИДа подтверждают эту важную истину. Наше сознание активисток женского движения, вызревшее на идее о том, что история женщин совпадает с историей прогресса, мешает нам зачастую понять, что на самом деле все обстоит гораздо сложнее.

Представление о XX веке как *об* эпохе прогресса для женщин, резко контрастирующей с викторианской эрой, основывается на целом ряде *стереотипов*. Забывают об убийствах и мировых войнах и помнят только о девочке-подростке «безумных двадцатых», об «эмансипированной» женщине, освободившейся благодаря пилюле, или же о "superwoman" восьмидесятых годов, продукте феминизма и общества потребления, способной ловко балансировать между карьерой, детьми и любовниками. На самом деле *имиджи* «девочки-подростка» и «эмансипированной» женщины гораздо чаще использовались не для прославления успехов женского движения, а чтобы дискредитировать идею уничтожения межполовых барьеров и двойных стандартов. А образ "superwoman", раскритикованный Бетти Фридан во «Второй стадии» (1981), кажется, как минимум, аморфным: эта модель недоступна для большинства современных женщин и скрывает напряженность, возникающую при столкновении противоречивых требований. Роз-Мари Лаграв доказала, что социальная функция идеала "superwoman" состоит главным образом в том, чтобы замаскировать растущее неравенство между полами.

Эти стереотипы, как и достижения женского движения, тем не менее интересны при решении вопроса о том, какие события значимы для истории женщин и в какой степени они соответствуют или не соответствуют традиционной, маскулинной по сути, хронологии общей истории. Следует также сказать, что история женщин немыслима без истории репрезентаций, представлений, т. е. без расшифровки образов и дискурсов, рожденных мужским воображением и социальной нормой. XX век – век

психологии и образа — продемонстрировал, кроме всего прочего, что западная культура предложила небогатый набор способов, чтобы представить женщин в позитивном свете. Хотя Фрейд усложнил определение пола и половой идентичности, философия и социология продолжали ориентироваться на традиционный заурядный сексизм, который видит женское назначение в служении мужчине и семье. Украшенная всеми атрибутами современности, изучаемая наукой, тиражируемая кинематографом, газетами, журналами и рекламой модель домашней хозяйки — женщины-матери без профессии — триумфально утверждалась и вместе с тем успешно демократизировалась. Демографический рост стал предметом официальной заботы со стороны правительств, и не только диктаторских. В воспитание детей вторглась медицина. Психологи разработали нормы взаимоотношений матери и ребенка. Все эти новые факторы еще более побуждают женщин оставаться дома. Сексуальная жизнь рассматривается ныне как источник удовольствия, и сексуальность женщин получила признание, однако брак продолжает считаться должным для ее выражения; женщины же пытаются соответствовать новому идеалу женственности, олицетворяемому невообразимо худыми звездами кино, моделями и королевами красоты. Рядом с ними существует и иной образ современной женщины — опытной домашней хозяйки, властительницы очага и экономной потребительницы. Вместе с товарами реклама продает и такой женский образ. Но, несмотря на блестящую обертку, рекламируемая модель по сути мало отличается от прежней. Кроме того, реклама делает из женщины объект сексуального влечения, пользующийся спросом предмет потребления. И этот образ, тиражируемый повсюду благодаря бесчисленным журналам и видеофильмам, навязывается публике воинствующей порнографией. Однако сегодня все большее количество женщин начинает заявлять о себе и контролировать моделирование своей визуальной идентичности. Подчеркивая политическую значимость репрезентации, они пытаются разрушить старые стереотипы и предложить самые разные пути женской самореализации. Никогда прежде образ женщины не изменялся столь стремительно, как в последние годы. Мы попытаемся измерить, датировать и понять эти изменения.

Этот том предлагает не просто рассказ об эмансипации женщин или историю репрезентаций. По примеру авторов четырех предшествующих томов этой серии мы ставим перед собой более честолюбивую задачу, продиктованную двадцатилетними исследованиями женской истории. Здесь не место говорить об интенсивных дебатах о предмете такой истории*. Я просто хочу, отвлекаясь от различий, существующих между

* Среди ведущих участников этих дебатов есть и некоторые авторы нашеé серии, в частности Мишель Перро, Джоан Скотт и Гизела Бок. Для

отдельными авторами, дать короткий обзор общего научного подхода к нашей теме, который, мы надеемся, поможет нам глубже понять двадцатое столетие.

История долгое время была историей мужчин, в которых видели типичных представителей рода человеческого. Недавние многочисленные исследования (только о XX веке были написаны тысячи работ) продемонстрировали, что женщины тоже имеют историю и они тоже являются полноправными участниками всеобщей истории человечества. Однако исследовать историю женщин отдельно от истории мужчин, как бы в вакууме, — теоретически тупиковый путь и возможный источник ошибочных исторических трактовок. Мы же предлагаем, напротив, гендерный подход. Отношения между мужчинами и женщинами являются важным измерением истории. Эти отношения суть не естественный феномен, но социальный конструкт; который постоянно приобретает другую форму, ремоделируется. Это ремоделирование оказывается одновременно и результатом, и причиной социальной динамики. Поэтому социальные взаимоотношения между полами, определяемые как «гендер», становятся необходимой категорией анализа наряду с другими, давно известными историкам, такими как отношения между классами, расами, нациями и поколениями. Как всякий новый взгляд на прошлое, эта категория анализа становится источником нового знания. Она даже может открыть путь к переписыванию истории, поскольку дает возможность объять более широкие пласты человеческого опыта, чем это позволяли сделать прежние подходы. Например, гендерный анализ расизма, культивировавшегося нацистами, приводит к заключению, что гитлеровская политика по отношению к женщинам не была пронаталистской и не основывалась на культе материнства, но скорее была антинаталистской. Она основывалась на культе вирильности и на массовом уничтожении низших рас, причем женщины оказывались ее первыми и предпочтительными жертвами. Авторы нашего тома пытались, когда это было необходимо, связать понятия «гендер» и «класс», «гендер» и «национальность», «гендер» и «возраст», «гендер» и «религия». При этом обнаружилось, что гендер оказался дифференцирующим фактором для групп, слишком часто считавшихся гомогенными.

С этой точки зрения читателя должны занимать не столько вопросы о достижениях женщин, сколько представления об эволюции «гендерной системы», под которой я понимаю набор гендерных ролей вкупе

дополнительноé информации смотрите библиографию. В качестве лучшего источика назовем: Writing Women's History: International Perspectives / Karen Offen, Ruth Pierson and Jane Rendall. Eds. London: International Federation for Research in Women's History, 1991; особеино главу Гизелы Бок "Challenging Dichotomies: Perspectives on Women's History"..

с системой идей и представлений, на культурном уровне определяющих мужское и женское и тем самым формирующих половую идентичность. Изменения в положении женщин нужно рассматривать в связи с изменениями в положении мужчин. Если, например, на одном конце шкалы феминизация некоторых профессий цементирует разрыв между мужчинами и женщинами, то на другом конце новейшие методы контрацепции позволяют женщинам не просто избежать нежелательной беременности, но в ущерб мужчинам полностью контролировать процесс деторождения. Разработка новых контрацептивов должна. следовательно, рассматриваться в связи с одновременными изменениями в законодательстве – изменениями, положившими конец подчиненности женщины мужчине в домашней сфере. Читателю также следует спросить себя, что придает смысл и ценность деятельности мужчин и женщин и их соответствующему статусу. Каковы функции и последствия гендериого символизма, рекламируемого тем или иным способом властями, группами и отдельными людьми? Такой символизм чрезвычайно часто используется, чтобы установить иерархию и обозначить отношения власти, и этот символизм скорее тормозит, чем ускоряет изменение. Например, война вообще и Первая мировая война в частности нередко рассматривается как событие, способствующее эмансипации женщин, однако любой вооруженный конфликт (его психологические и социальные последствия обычно ощущаются достаточно долго после прекращения военных действий) на деле является глубоко консервативным феноменом, поскольку он благоприятствует, даже в сфере феминизма, восприятию гендерных проблем в дихотомических терминах. Или возьмем политику: в момент утверждения избирательного права им были наделены лишь мужчины, однако выражение «всеобщее избирательное право» стало ошибочно использоваться применительно к ситуации, когда женщины все еще ие обладали им. Политика до сих пор остается мужской прерогативой: только небольшая часть женщин занимает выборные должности – даже там, где женщины составляют большинство электората. Женщин ограничивают определенными сферами управления, сохраняя старое деление между мужским «политическим» и женским «социальным». На женщин, занимающих официальные посты, коллеги-мужчины часто смотрят как на незваных гостей, и порой даже они сами считают себя маргиналами. Тем не менее женщины не раз завоевывали уважение благодаря своим политическим усилиям. Вспомним, в частности, русскую революциоиерку Александру Коллонтай, испанскую анархистку Федерику Монтсени, француженку Симону Вейль. Все они в разное время были министрами здравоохранения и добились легализации абортов в своих странах.

История женщин, таким образом, имеет подтекст: мужчины также являются объектами гендерного анализа. Читатель должен попытаться

понять, как история женщин, здесь представленная, воздействует на реконструкцию исторической картины в целом. Ясно, что она немало добавляет к социальной истории. Но она также способствует пересмотру условной периодизации культурной истории и даже, что еще более удивительно, политической истории, курс которой остается одним из доминирующих способов изучения прошлого. Наш подход ведет к новой интерпретации патерналистской политики по защите женщин в военные годы. Он заставляет задуматься о природе фашизма и нацизма, которые, помимо прочего, стремились подавить гендерный конфликт в интересах более эффективной эксплуатации. Он раскрывает особенности режима Виши и «национал-католического» режима Франко. Он позволяет переосмыслить истоки и механизмы функционирования государства «всеобщего благосостояния», которое взяло на вооружение требования ранних феминистских движений об общественном признании социальной полезности материнства и реинтерпретировало их в патерналистском духе. Он также помогает нам понять уникальность Квебека, чья история рассматривается здесь в феминистско-националистических терминах. И он проливает новый свет на причины неудачи коммунистической системы советского типа, которая навязывала волюнтаристскую экономистическую модель даже в сфере гендерных отношений. Александра Коллонтай, которая не верила в естественное вырождение буржуазной семьи и мечтала о новой морали рабочего класса, была подвергнута критике за «жоржсандизм». Но она, по всей видимости, опережала время, проповедуя свое учение в бедной сельскохозяйственной и находящейся в блокаде стране, где гражданское общество в целом и женщины в частности испытывали постоянное вмешательство со стороны центральной власти.

История феминизма и женских движений, конечно, является неотъемлемой частью политической истории Запада. Много работы еще предстоит в этой области. Период 1920–1960 гг., долгое время рассматривавшийся как антракт между двумя волнами феминизма, только сейчас начинают исследовать, хотя он чрезвычайно важен для понимания всего столетия. Как движение за женские права, вышедшее из XIX века и пропитанное его рационализмом и либерализмом, отвечало на вызовы массовой политики, коммунизма, национализма и фрейдизма? Каковы были взаимоотношения между этим ранним движением и движением за женскую эмансипацию, выросшим из движения новых левых, антиколониализма и борьбы за сексуальную свободу в 60-х годах XX века? Чтобы попытаться понять все это, следует с осторожностью использовать такие уничижительные ярлыки, как «буржуазный феминизм», и задаться вопросом, действительно ли существовало четкое разделение между эгалитаристским феминизмом и «феминизмом

различия»*. Гендерный подход, *основанный* на идее такого равенства, которое предполагает признание и учет различий, может привести к обновлению политической мысли. История женщин может также обогатить всеобщую историю путем исследования и истории в целом как когнитивного процесса. Благодаря анализу посредством гендерных категорий, структурирующих наши культурно определяемые понятия половых различий, мы учимся смотреть на источники по-новому и, соответственно, ревизовать наш методологический инструментарий. Хотя историю женщин иногда критикуют за то, что она является «дискурсом о дискурсе», такой подход – необходимость, а не прихоть и не уловка для облегчения трудной работы.

Тот же подход значим и для других научных дисциплин, которые щедро представлены в этом томе**: философии, права, социологии, политической экономии и литературной критики, испытавших наряду с историей воздействие современной феминистской мысли. Ныне уже никакой односторонний подход более не может приниматься за всеобщий. *Гендерный анализ* помогает извлечь наружу идеологические установки, которые порой скрываются за самыми научными штудиями или самыми исчерпывающими цифровыми данными. Это особенно верно при исследовании проблем труда и трудовой статистики. В этой сфере до сих пор бытует представление, что женщины должны нести ответственность за воспитание ребенка и работу по дому, тогда как работа вне дома рассматривается как естественное право мужчин и аномалия для женщин; а современные политические экономисты, подобно их предшественникам в XIX в., пытаются оправдать половое разделение труда, доказывая, что оно обусловлено природой***.

Но что сказать о XX веке? Он был, конечно, самым кровавым веком в истории человечества, веком тотальной войны, чьи жертвы, как гражданские, так и военные, исчисляются сотнями миллионов, и веком геноцида, который не проявил к женщинам никакого снисхождения и целенаправленно уничтожал евреек и цыганок как матерей будуще-

* *Françoise Picq.* Le Féminisme bourgeois: une théorie élaborée par les femmes socialistes avant la guerre de 14 // Stratégies des femmes. Paris: Tierce, 1984 (американское издание этого коллективного труда см.: Women in Culture and Politics: A Century of Change / Judith Friedlander. Ed. Bloomington: Indiana University Press, 1986); *Nancy F. Cott.* The Grounding of Modern Feminism. New Haven: Yale University Press, 1987; *Joan Scott.* Deconstructing Equality-Versus-Difference: or, The Uses of Poststructuralist Theory for Feminism // Feminist Studies. Vol. 14. N 1. 1988; *Karen Offen.* Defining Feminism: A Comparative Historical Approach // Signs. Vol. 14. N 1. 1988; а также упомянутая глава Гизелы Бок.

** См. специальный номер журнала "Cahiers du Grif" (Vol. 45. 1990), вышедший под названием "Savoir et différence des sexes".

*** См. очерк Джоан Скотт в четвертом томе этой серии.

го поколения. Женщинам пришлось также страдать не только за свой политический выбор. Репрессии, жестокие для всех жертв, порой были специально направлены против женщин, чьи головы обривали и чьи тела насиловали. Тоталитарные режимы часто практиковали устрашающую идею семейной ответственности. В память о всех жертвах тоталитарных режимов позвольте мне упомянуть здесь имена двух исключительных женщин, ставших подругами во время заключения в Равенсбрюке: чешской журналистки Милены Есенки, подруги и переводчицы Кафки, непримиримой противницы угнетения во всех его формах, и немецкой коммунистки Маргариты Бубер-Ноймер, которая не только рассказала миру о лагерях Сталина и Гитлера, но также сохранила память о своей подруге, умершей в 1944 г.*

Однако XX век был также веком, в котором женщины наконец (и намного позже мужчин) вступили в современный мир. Новейшие технологии обеспечили женщинам, как и мужчинам, лучшее здоровье и более продолжительную жизнь. Детская смертность резко сократилась. Женщинам стали доступны все, даже самые высокие, уровни образования. Урбанизация и увеличение предметов потребления изменили уклад нашей жизни. Труд стал занимать меньше времени, и в сумме это следует считать прогрессом, даже принимая во внимание недостатки и неравенство, присущее обществу всеобщего потребления. Для женщин это означало изменение природы домашнего труда и воспитания детей. Поскольку этим видам деятельности требовалось теперь меньше временны́х затрат, больше времени освобождалось для участия в общественной жизни. Но для женщин современная модель существования значит и еще кое-что. Находившимся долгое время в тенетах естественной общности (семьи) женщинам не удалось пожать плоды динамичного расширения прав личности, инициированного Великой французской революцией. Современный же мир принес им осознание собственной индивидуальности, обладание полноправным гражданским статусом и экономическую, юридическую и символическую независимость по отношению к отцам и мужьям. Некогда мощные тиски разжались, что и продемонстрировали многие монографические исследования**.

Как же датировать и объяснить эту революцию в гендерных отношениях, которая, как кажется, стала причиной кризиса маскулинной

---

* *Margarete Buber-Neumann.* Milena. Paris: Seuil, 1988 (переведено с немецкого издания: *Margarete Buber-Neumann.* Milena Kafra's Freundin. Albert Langen-Georg Müller Verlag, 1977); idem. Als Gefangene bei Stalin und Hitler. Stuttgart: Seewald Ferlag, 1985.

** См.: Mathilde Dubesset et Michelle Zancarini-Fournel. Parcours de femmes: réalités et représentations, Saint-Etienne 1850–1950 (диссертация, написанная под руководством Ива Лекена и защищенная в Университете Лион II в 1988 г.).

идентичности. Признаков этого кризиса множество, хотя их и трудно уловить. Классическая дата – 1945 года, – знаменующая разрыв с прошлым и начало длительного периода демократии и экономического роста на Западе, не является судьбоносной в рамках женской истории (хотя она и принесла француженкам право голоса). Второй раз в этом столетии конец мировой войны означал возвращение женщин в частную жизнь. Поскольку дети следующего поколения были объявлены *ключевым условием* национального возрождения, женщин убеждали, что их гражданский долг – вернуться к своим очагам, так же как за несколько лет до этого убеждали, что их долг – пойти работать. Действительно, в некоторых странах военное поколение женщин оказалось самым малоактивным в профессиональной сфере и самым активным в сфере деторождения. Это поколение испытывало мало интереса к политике в ее обычном смысле: 1950-е годы стали временем апофеоза матери-домохозяйки. Идеологические основы этого стереотипа, закрепленные средствами массовой информации – не говоря уже о психоаналитиках, – Бетти Фридан осудила в 1963 г. в работе «Мистика женственности» («The Feminine Mystique»), историческом бестселлере о женщинах, который стал одним из основополагающих произведений феминистской литературы – сразу после «Собственной комнаты» Вирджинии Вулф («A Room of One's Own», 1929) и «Второго пола» Симоны де Бовуар («Deuxieme sexe»,1949). В случае с Францией речь шла о преемственности определенного курса: режим Виши порвал в политическом плане с республиканским прошлым, но продолжил политику предыдущих правительств по отношению к семье. Начиная с 1920-х по 1960-е годы от французской женщины требовали исполнения долга материнства, а от мужчин – хорошо оплачиваемой работы для содержания семьи. Очень немногие демократы осуждали тоталитарную составляющую такой политики, так же как очень немногие сторонники отделения церкви от государства осуждали влияние религии на правительство в его попытках контролировать женское чрево.

В этом томе можно было бы уделить больше места сторонникам контроля над рождаемостью, таким как Маргарет Сангер в США или Мадлен Пеллетье, Жанна и Эжен Юмбер во Франции*. И мы могли бы больше сказать о приверженцах планирования семьи и свободного материнства, многие из которых также активно участвовали в международном движении за сексуальную реформу в 1920-х и 1930-гг. Мы могли бы также попытаться оценить место религии в жизни женщины – проблема важная, но слишком громадная. Идея гендерных различий является од-

---

* О них см.: *Roger-Henri Guerrand et Francis Ronsin.* Le Sexe apprivoisé: Jeanne Humbert et la lutte pour le contrфle des naissances. Paris: La Découverte, 1990; *Felicia Gordon.* The Integral Feminist: Madeleine Pelletier, 1874–1939. London: Polity Press, 1990.

ним из краеугольных камней католической церкви, которая, кажется, больше, чем другие, проявила консерватизм в этом вопросе: сошлемся на ее отказ санкционировать контрацепцию в любой форме, браки священников и рукоположение женщин. Эта непримиримость породила целые поколения католических активисток, женщин-реформаторов, которые способствовали изменениям, произошедшим в церкви и в положении женщин. Однако, даже несмотря на это, во Франции произошел явный спад религиозности*.

В большинстве западных стран гендерные отношения начали изменяться не раньше середины 1960-х гг., более полувека спустя после первых надежд Прекрасной эпохи (Belle Epoque). Трудно сказать, какие факторы здесь стали решающими. Мир, процветание и научные открытия, конечно, сыграли свою роль, и я должна по крайней мере упомянуть имя Грегори Пинкуса, изобретателя контрацептивной пилюли**. Но не менее важными оказались и студенческие волнения 1968 г.: студенческое движение остается областью, еще не исследованной с гендерной точки зрения. И, сверх того, существует женское движение, которое яростно отвергает «патриархат» и все его образы. Очевидно, что самые большие изменения произошли в частной сфере: идея о том, что муж и жена являются равными партнерами в браке и что мужчина уже не «глава семьи», повлияла сначала на американское и британское законодательство, а затем и на континентальную юридическую систему. Законодательство ныне допускает разнообразие типов семьи и женских ролей. Более либеральное отношение к контрацепции и абортам дало женщинам возможность самостоятельно распоряжаться своим телом и сексуальной жизнью. Ныне женщины могут решить сами, когда им заводить ребенка, и власти пришлось отказаться от принудительной политики в семейной сфере. Когда феминистки настаивали на праве женщин определять, в какой момент и стоит ли вообще иметь детей, они в действительности подавали голос за присвоение женщинами своего тела и своей сексуальности, за присвоение репродуктивной функции, которая в течение столетия рассматривалась как общественная обязанность, к лучшему это было или нет. В более фундаментальном смысле они пытались переосмыслить отношение женщин к деторождению. Очень немногие современные феминистки последовали

---

* Среди многих других работ см.: *Gèrard Cholvy et Yves-Marie Hilaire.* Histoire religieuse de la France contemporaine. Toulouse: Privat, 1986. Vol. 2 (1880–1930); 1988. Vol. 3 (1930–1988); *Sylvie Fayet-Scribe.* Associations féminines et catholicisme, XIXe–XXe siècle. Paris: Les Editions Ouvriures, 1990. См. также: Société sécularisée et renouveau religieux, XXe siucle / René Rémond et Jacques Le Goff Ed. // L'Histoire de la France religieuse / Ed. René Rémond et Jacques Le Goff. Vol. 4.

** См.: *Etienne-Emile Beaulieu.* Génération pilule. Paris: Odile Jacob, 1990.

за своими предшественницами в этом спорном вопросе. Эмансипация, как кажется, легче достигается через самореализацию на рабочем месте и через давление на мужей ради равного распределения родительских обязанностей, чем через попытки добиться государственного признания и помощи материнству как важной социальной функции.

Изменения, однако, лучше всего измеряются не с помощью противопоставления общественного и частного, но по точкам взаимодействия этих двух сфер. У социального изменения никогда не бывает только одной причины, только одного исходного фактора. Наоборот, мы должны изучать игру причин и следствий. Чем активнее женщины вторгались на рынок труда, в культуру, в политику, тем больше это отражалось на частном праве. Облегчение груза домашних забот подтолкнуло женщину к более полнокровному участию в общественной жизни. Хотя социальное и налоговое законодательство сохранило многие следы неравенства полов в браке, отвращая многих женщин от желания работать, появление «государства всеобщего благосостояния» принесло им бóльшую независимость. Оно не только обеспечило им защиту, но и создало новые рабочие места и сократило число домашних забот. Рекордное число женщин стало получать образование, пришло в сферу наемного труда, и, хотя система образования отдавала предпочтение мальчикам и многие профессии оставались зарезервированными за мужчинами, последствия этих изменений оказались тем не менее значительными. Автократия в браке приказала долго жить, как и традиционный тип домохозяйки. Женский электорат все чаще и чаще голосовал за левых, опровергая свою репутацию политически консервативного. Действительно, во Франции молодые представительницы нынешнего поколения гораздо более охотно, чем их сверстники-мужчины, голосуют за левых кандидатов. Возможно, демократизировалась и повседневная семейная жизнь, хотя это труднее оценить. Культура любви претерпела эволюцию, и мужчины и женщины стали по-иному относиться друг к другу. Во всех этих изменениях, особенно при завоевании политической и символической самостоятельности — способности сказать «мы, женщины», — феминистское движение (или, точнее, феминистские движения) 1960-х и 1970-х годов сыграло ключевую роль, утвердив «женское» как фундаментальную политическую категорию и самоорганизовавшись как автономное направление, в рамках которого могли осуществляться реконструкция и деконструкция смысла этой категории. Используя здесь прошедшее время, я хочу лишь подчеркнуть, что, несмотря на быстроту изменений, этот процесс еще не завершен. Я не утверждаю, что женщины добились победы, но я и не имею в виду, что произошел возврат к более «нормальным» гендерным отношениям после «эксцессов», приписываемых феминистской эре. В видимом спаде феминизма (который побудил некоторых комментаторов говорить

о «постфеминизме») можно обнаружить столько же изменений, сколько и потерь: история продолжается как процесс постоянного преобразования — непредсказуемый и одновременно предопределенный прошлым.

Более того, использование множественного числа — «женщины» — никоим образом не предполагает их единства. Феминизм продемонстрировал множественность женских проблем через конфликты между различными группами: это, например, и разногласия между черными и белыми активистками в США или еще более драматические конфронтации на международных конференциях, когда представительницы третьего мира обвиняли европейских и американских женщин в империализме. Даже в Западной Европе и США не все женщины обладают равными возможностями жить по своему выбору: социальное происхождение, профессиональный статус, национальность и этническая принадлежность остаются тому помехами, не говоря уже о рисках, и поныне возникающих в жизни одиноких матерей, — отзвук тех трудностей, которые пришлось преодолевать в прошлом незамужним женщинам. Женщины сталкиваются также и с другими проблемами, о которых мы обстоятельно расскажем в нашем томе, не затрагивая, однако, темы женской маргинальности.

Эта книга, я должна подчеркнуть, не претендует на универсальность или даже на исчерпывающее раскрытие избранного предмета. Это история западных женщин, написанная западными историками. Если сказать еще точнее, это история белых женщин, родившихся на Западе. Она не касается отношений Запада с остальным миром, которые остаются практически неисследованными под этим специфическим углом зрения. Мы не затрагиваем и темы доминирования Севера над Югом, которое в постколониальный период выразилось не только в экономическом и / или культурном империализме, но также в сложных миграционные процессах. Я особенно сожалею, что в этом томе нет главы о массовом потреблении. Огромное число потребительских товаров, доступных сегодня, трансформировали характер домашнего хозяйства, однако в глобальном масштабе неравенство продолжает сохраняться. Другой неисследованной сферой остается проблема гендера и расы. Как следует трактовать контакты между колонистками и представительницами колонизуемых народов?* Когда две цивилизации сталкиваются, какие отношения устанавливаются между женщинами или между женщинами и мужчинами? Какова доля воображения и сексуальных фантазий в такой конфронтации? Какую роль сыграли иммигрантки (и их дочери) в сохранении этнической идентичности или, наоборот, в усилении потребности к интеграции?

* См.: *Yvonne Kniebieler et Régine Goutalier.* La Femme au temps des colonies. Paris: Stock, 1985.

Наше решение сфокусировать внимание на Западе может показаться, как и в случае с предшествующими томами этой серии, одновременно оправданным и излишне смелым. То, что я называю Западом – по существу Европа и Северная Америка, – обладает не только географическим и культурным, но также (в XX веке), экономическим и политическим единством: страны, которые мы изучаем, являются в целом богатыми и развитыми социумами с общей историей. Но мы не можем пройти мимо советского эксперимента, который с самого начала предложил установить новые взаимоотношения между полами, так же как и между классами. В течение десятилетий советское общество служило идеалом для коммунистов по всему миру; оно было также источником головоломных вопросов из-за непреодолимых противоречий между утопией и реальностью.

Наш подход является как хронологическим, так и тематическим. Обозревая первую половину столетия, мы обращаем внимание на национальные различия: в Европе имела место тенденция «национализировать» женщин. Под этим я понимаю попытки разных наций предложить свои собственные модели «женского» в противовес коммунистическим и американским моделям. Затем, однако, усилилась тенденция к интернационализации, если не сказать стандартизации, часто под эгидой США: такова ситуация и сегодня. Поэтому можно сожалеть, что мы не уделяем проблеме американских женщин того внимания, какого она заслуживает. Наше сравнительное исследование дает возможность выявить отдельные модели, хотя, по всей видимости, скорее необходим анализ сложных взаимоотношений между этими различными моделями, что предполагает изучение массовой культуры, миграции и международных связей*.

Таким образом, перед читателем вырисовывается пестрая география гендерных отношений и их историческая эволюция. Некоторые страны стали поистине экспериментальными лабораториями: лучшими примерами здесь, возможно, следует назвать США, которые, несмотря на периодические приступы пуританства, оказались колыбелью как «современной женщины», так и движения за женские свободы, и, конечно, социал-демократическую Швецию. Существуют значительные исторические и культурные разрывы между Северной Европой и латинскими странами европейского континента: Франция развивалась под воздействием Кодекса Наполеона, тогда как страны Средиземноморья боролись с собственными диктаторскими режимами и с реликтами правовой системы, основанной на конфессионализме. Если принять во внимание феномены,

---

* См.: *Victoria de Grazia.* Mass Culture and Sovereignty: The American Challenge to European Cinemas, 1920–1960 // Journal of Modern History. N 61. March 1989. P. 53–87; см. также: *Shari Benstock.* Femmes de la rive gauche. Paris: Editions des Femmes, 1987.

присущие всему Западу: спад рождаемости и снижение брачного коэффициента, рост числа работающих женщин и демократизацию брака, как и сферы политики, то недавние успехи Южной Европы покажутся особенно значительными. Этот прогресс привел к возникновению новых центров женской истории: в Испании гордятся тем, что восстанавливают утраченные связи со смелыми экспериментами республиканской эры и разрушают франкистские мифы. И, возможно, нам следовало бы пригласить страны Восточной Европы присоединиться к нам на гендерной территории, что они уже и сделали в других областях.

Необходимо внести еще одно уточнение, чтобы избежать возможного непонимания. Дело в том, что отсутствие в этом томе авторов-мужчин не результат намеренного исключения, но отражение историографической реальности. История женщин в XX в., будучи нашей историей и историей наших мам и бабушек, была (в гораздо большей степени, чем история женщин предшествующих периодов) написана женщинами. Пол автора, однако, необязательно ведет к эпистемологическому разрыву. Единство, если не сказать оригинальность, этого тома (и этой серии) обусловлено единым подходом, тем, как в нем задаются вопросы прошлому и настоящему. Оставим читателю – и обычному человеку, и профессиональному историку – решить, оказался ли такой подход плодотворным.

История женщин не претендует на то, чтобы предложить самую *верную* перспективу, которая *объяснит* наконец всю историю в целом*. Но ныне, когда история под натиском современных событий переосмысляет и свой предмет, и свои принципы, исходя из которых она постигает реальность, женская история может оказаться одним из путей обогащения наших представлений о прошлом**. Это единственный способ постичь истинную сложность социальных процессов.

* См.: *Françoise Collin.* Ces études qui sont "pas tout". Fécondité et limites des études féministes // Cahiers du Grif. Vol. 45. 1990.

** См., например.: Histoire et sciences sociales: un tournant critique // Annales ESC. N 6. Novembre-décembre 1989.

ЧАСТЬ I

Национализация женщин

1

Великая война и триумф разделения полов

Франсуаза Тебо

Период раннего Нового времени – «это первый час истории для женщин всего мира. Настала эпоха женщин», – провозгласила миссис Раймонд Робинс, делегатка на американском Конгрессе женской лиги тред-юнионов в 1917*. Будто эхо, из-за океана звучали голоса, приветствовавшие «рассвет новой цивилизации» (французский эссеист Гастон Ражо) и «приход женщин в жизнь нации» (феминистский историк Леон Абенсур)**

Представление о том, что Первая мировая война сделала больше, для того чтобы переформатировать отношения между полами и эмансипировать женщин, чем было достигнуто в годы и даже столетия предшествующей борьбы, получило широкое распространение и во время войны, и сразу после нее. Это было общим местом в литературе и политической риторике того времени вне зависимости от того, приветствовалось это или порицалось, добросовестно исследовалось, или же реальное положение дел искажалось. Несмотря на это, в дальнейшем память о войне создавалась уцелевшими ветеранами, их скорбью о погибших товарищах. Сохранялись лишь имена героев и полей сражений. Монументы павшим по всей Европе (в одной только Франции находится около 30 000 из них) обозначили место, которое должен занимать каждый пол. Женщины были

* Цит. по: *Lemons J.S.* The Woman Citizen: Social Feminism in the 1920s. New Haven: Yale University Press, 1973. P. 20.

** Цит. по: *Thébaud F.* La Femme au temps de la guerre de 14. Paris: Stock, 1986. P. 16.

востребованы только в качестве аллегорий: Победа, скорбящая вдова, иногда мать, проклинающая войну*

Между тем воздух был насыщен новым и скандальным ароматом — ароматом новой женщины, garsonne — женщины, похожей на мальчика и манерами, и внешностью. Одной из представительниц этой новой породы и был обязан названием бестселлер Виктора Маргеритта «La Garsonne» (1922), переведенный на английский язык как «Незамужняя девушка» (The Bachelor Girl). (В русских источниках роман известен под разными названиями: «Гарсон», «Женщина-мальчик», «Мальчик». – *Т. Р.*). Этот труд, как утверждают, задумывался как «добродетельная басня» (virtuous fable). Несмотря на то что тогда конформизм мирного времени уже вернулся, было распродано более миллиона экземпляров романа — succйs de scandale; и этот скандальный успех стоил автору исключения из числа кавалеров ордена Почетного легиона. Переведенная на дюжину языков, эта книга притягивала последователей повсюду на континенте**

После того как смолкли орудия, были написаны десятки тысяч книг, авторы которых спешили осмыслить чрезвычайные события только что ушедшего прошлого: невыразимые страдания и неисчислимые жертвы — вот та цена, которую Европа заплатила, чтобы попасть в двадцатое столетие. О женщинах же в этих произведениях говорилось немного. Разумеется, встречались истории о жизни за линией фронта, однако писательское внимание было сфокусировано на ином: причины войны, цели войны, издержки войны, а также военная стратегия и тактика. В работах, от серии Фонда Карнеги*** и до магистерской работы Жоржа-Анри Суту «Золото и кровь» (“L’or et le Sang”), доминировали экономические и политические подходы****. Более поздние труды по социальной истории, конечно, проложили много новых путей для исследования и по характеру используемой ими методологии были в значительно большей степени ориентированы на изучение проблемы

* *Prost A.* Les Anciens Combattants et la société française. Paris: Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques, 1977. Idem. Les monuments aux morts. Culte républicain? Culte civique? Culte patriotique? // P. Nova. Ed. Les Lieux de memoire. Paris: Gallimard, 1990. P. 195–225; *Monteleone R., Sarasini R.* I monumenti italiani ai caduti della Grande Guerra // D. Leoni, C. Zadra. Eds. La Grande Guerra: esperienza, memoria, immagini. Bologna: Il Milano, 1986, P. 631–662.

** *Sohn A.-M.* La Garçonne face a l’opinion publique // Le Mouvement Social. 1972. vol. 80. См. также ее статью в настоящем томе.

*** В двадцатых годах XX века Фонд Карнеги «За мир между народами» и Йельский университет начали публикацию серии монографий, посвященных экономической и социальной истории Первой мировой войны.

**** *Soutou G.-H.* L’Or et le sang: les buts de guerre économiques de la Première Guerre mondiale. Paris: Fayard, 1989.

тыла — поэтому они едва ли могли игнорировать присутствие женщин, в особенности тех, кто участвовал в войне, — в ее различных формах*. Однако подлинный импульс к появлению свежего взгляда был дан феминистским движением 60–70-х годов XX века. Что делали женщины в воюющих странах? И что делали с ними? Отражалась ли война на женщинах таким же образом, как и на мужчинах? Если мужчины испытали эмоциональную травму войны, то знали ли женщины что-то, кроме оплакивания павших, подавленности и забот материнства? Было ли это время, которое породило распад семьи и сокрушение социального порядка и в то же время сделало доступным новые виды деятельности, также временем появления новых возможностей для женщин? Все эти вопросы стимулировали рождение еще одного вопроса, который является предметом уже новой сферы исторического знания: какова была роль этой войны в долгом пути к женской эмансипации? В своем исследовании британских женщин Дэвид Митчелл и Артур Мэрвик отвечают на этот вопрос скорее положительно**

Действительно, сложно вообразить разрушение установленного порядка, сравнимое с тем, которое принесла война. Показать, что война не была исключительно мужским занятием, означает *по-новому* идентифицировать женщин, которые выполняли новые роли и занимали новые статусы: главы семьи, рабочей оборонного завода, кондуктора в транспорте или даже рядовой Женского вспомогательного корпуса в армии. Подобный опыт дал женщинам новую мобильность и помог приобрести уверенность в собственных силах. Источники свидетельствуют, что эти новые направления женской активности комментировались, оценивались, изображались на карикатурах или фотографиях. В Великобритании вклад женщин в войну получил официальное при-

* По Франции см. прежде всего: *Becker J.-J.* 1914. Comment les Français sont entrés dans la guerre. Paris: Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques, 1977; Les Français dans la Grande Guerre. Paris: Robert Laffont, 1980; *Prost A.* Les Anciens Combattants; *Robert J.-L.* Ouvriers et mouvements ouvriers parisiens pendant la Grande Guerre et l'immédiat après-guerre: histoire et anthropologie: thesis, University of Paris, 1989. По Германии и Великобритании см.: *Feldman G.D.* Armee, Industrie und Arbeiterschaft in Deutschland 1914 bis 1918. Berlin-Bonn, 1985; *Kocka J.* Klassengesellschaft im Krieg: Deutsche Sozialgeschichte 1914–1918. Göttingen, 1978; *Marwick A.* The Deluge: British Society and the First World War. London: The Boudley Head, 1965; *Winter J.* The Great War and the British People. London, 1985; *Wall R.* and *Winter J.* Eds. The Upheaval of War: Family, Work, and Welfare in Europe, 1914–1918. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

** *Mitchell D.* Women on the Warpath: The Story of the Women of the First World War. London: Jonathan Cape, 1966; *Marwick A.* Women at War, 1914–1918. Fontana Paperbacks, 1977; War and Social Change in the Twentieth Century: A Comparative Study of Britain, France, Germany, Russia, and the United States. London, 1979.

знание Женского комитета по работе для войны Военного музея империи (Women's War Work Subcommittee of the Imperial War Museum). Во Франции и Германии женщины должны были довольствоваться неофициальными почестями, оказываемыми такими организациями, как, например «L'effort Féminin», которая способствовала распространению скорее некритического взгляда на роль женщин в военное время. В семидесятых годах, когда историки интервьюировали женщин, принимавших участие в деятельности, связанной с войной, почти все эти женщины стремились выразить особенное чувство освобождения и гордости. «Вырвались из клетки» – сентенция, которая часто озвучивалась женщинами в интервью с исследователями из Военного музея империи и Музея Саутгемптона*. Пожилые женщины во Франции рассказывали, что во время войны абсолютно все виды деятельности были для них открыты – и впоследствии ничего подобного не было**

Тем не менее Джеймс А. Макмиллан отметил в работе, написанной в 1977 году, что во Франции традиционные взгляды на отношения полов были очень прочны. По его мнению, война лишь укрепила образ женщины как домохозяйки и матери***. В восьмидесятых годах более молодые историки также поставили под сомнение представления о том, что война имела освободительный характер. Повторный критический анализ источников показал, что перемены (в положении женщин) были временными и поверхностными****. За изменениями военного времени последовало возвращение к «нормальности». Идея эмансипации в целом оказалась иллюзорной. Война, более того, способствовала приостановке эмансипационного движения, которое в предвоенный период набирало силу по всей Европе и которое создало образец «новой женщины», экономически и сексуально независимой*****. Таким образом,

* *Braybon G., Summerfield P.* Out of the Cage: Women's Experiences in Two World Wars. London: Pandora, 1987.

** Интервью были проведены автором и представлены на телевидении в программе Dossiers de l'écran. Antenne 2, May 1, 1984.

*** *MacMillan J.F.* Housewife on Harlot: The Place of Women in French Society, 1870–1940. Brighton: The Harvester Press, 1981.

**** То, что здесь сработал эффект другого поколения, особенно ясно в случае Великобритании. См.: *Braybon G.* Women Workers in the First World War. London: Groom Helm, 1981; см. также: *Braybon G., Summerfield P.* Out of the Cage; *Thom D.* Women and Work in Wartime Britain // R. Wall, J. Winter. Eds. Upheaval of War, P. 297–325.

******Perrot M.* The New Eve and the Old Adam: French Women's Condition at the Turn of the Century // Higonnet M. et al. Behind the Lines: Gender and the Two World Wars. New Haven: Yale University Press, 1987. См. также ее статью в: Fraisse G., Perrot M. Eds. A History of Women. Vol. 4. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993); *Klejman L., Rochefort Fl.* L'Egalité en marche: le féminisme sous la Troisième République. Paris: Presses de la Fondation Nationale des Sciences

война реставрировала ту мужскую идентичность, которая находилась накануне конфликта в глубоком кризисе, и вернула женщин на их прежнее место плодовитых матерей и расторопных хозяек. Если война в чем-то и освободила женщин, то лишь для того, чтобы превратить их в еще более совершенных управительниц дома и сделать их еще в большей степени верными долгу и достойными восхищения.

Анализ женской истории в терминах эмансипации доказал свою ценность и продуктивность, и многие историки по-прежнему разделяют подобный подход. Проблема, однако, заключается в том, что этот подход изолирует женщину от истории всего остального человечества, поэтому в последние годы он все более подвергается критике. Юта Даниэл, одна из первых немецких историков, которая писала на эту тему, предложила не соразмерять эмансипацию с понятиями сегодняшнего дня. Наша цель, скорее, должна заключаться в том, чтобы восстановить восприятие и опыт исторических личностей, чьи взгляды часто отличались от взглядов государственных чиновников, политических и общественных лидеров*. Между тем американские историки с их понятием гендерной системы открыли новые перспективы исследований. Для них вопрос заключается не столько в том, как война повлияла на мужчин и женщин, сколько в том, как она переформатировала реальную и символическую составляющие отношений между полами. Сторонники такого подхода, примером которого может служить позиция участников конференции «Женщина и война», состоявшейся в январе 1984 года, придают огромную важность официальным дискурсам и репрезентациям**. Предмет изучения историков, на их взгляд, гендерная риторика и другие культурные реакции на переворот в отношении между полами, истоки которого — в войне, а также способность таких культурных манифестаций блокировать изменения. Конечный результат подобного подхода — переписать историю войны в гендерных терминах, перемещая женщин от краев картины к ее центру. Джоан Скотт, я полагаю, идет даже дальше в этом направлении в своих попытках двигать историю женщин к центру политической истории***. Гендер в результате этого начинает выглядеть как организующий принцип

Politiques / Editions des Femmes, 1989; Käpelli A.-M. Feminist Scenes // G. Fraisse, M. Perrot. Eds. A history of women. Vol. 4.

* *Daniel U.* Arbeiterfrauen in der Kriegsgesellschaft. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1989.

** Коллоквиум организован Центром по изучению Европы в Гарвардском университете. Большинство статей было издано в: *Higonnet M.* et al. Eds. Behind the Lines. См. также обзор: Perrot M. Sur le front des sexes: un combat douteux // Vingtième Siècle 3. July 1984.

*** *Scott J.W.* Rewriting History // M. Higonnet et al. Eds. Behind the Lines. P. 21–30.

политики военного времени и, без преувеличения, настоящее оружие войны: его конструкция и деконструкция стала дополнительным фронтом в войне, в котором были задействованы и правительства, и организации, и отдельные личности.

Мобилизация мужчин и женщин

О проблеме «Женщины и Первая мировая война» написано уже немало. В настоящей же работе исследования на эту тему обобщаются и осмысляются сквозь призму гендерной истории. Кроме того, я надеюсь выявить не только общее, но и особенное в опыте женщин различных стран.

1914-й: год женщин, год войны

Июль 1914-й. Это было прекрасное лето, и никто не мог предположить, что катастрофа неизбежна. Французская пресса едва упомянула об убийстве австрийского эрц-герцога Фердинанда в Сараево, произошедшее 28 июня – читатели интересовались далекими Балканами гораздо меньше, чем последним грандиозным политическим скандалом Belle Epoque, судом над Генриеттой Кэлло (за убийство издателя "*Le Figaro*", пытавшегося шантажировать ее мужа-политика, Жозефа, материалами ее внебрачных отношений. – *Прим. пер. на англ. яз*). Феминистки отправились на каникулы после большой суфражистской демонстрации 5 июля в честь Кондорсе – демонстрации, которая ознаменовала собой одну из вершин феминистской кампании за политическое равенство, получившей широкую поддержку. Union Fransaise pour le Suffrage des Femmes, UFSF (Французская лига за избирательные права женщин. – *Т. Р.*), насчитывавшая более 9000 сторонниц и сторонников, предпочитала придерживаться более умеренной тактики. Тем летом по стране широко циркулировала петиция в поддержку закона Дюссоссуа-Бюиссона, предоставлявшего французским женщинам право участвовать в муниципальных выборах 1916 года. Confédération Générale du Travail, GGT (Всеобщая конфедерация труда – *Т. Р.*), самый большой профсоюз страны, поставил тему женского труда на повестку своего осеннего конгресса; он предпринял эту акцию вслед за делом Эммы Курьё, которое завершилось фактическим исключением женщин из печатной промышленности*

* *Thébaud F.* Le Féminisme a l'épreuve de la guerre // R. Thalmann. Ed. La Tentation nationaliste, 1914—1945. Paris: Deuxtemps Tierce, 1990; Zylberberg-Hocquard M.-H. Féminisme et syndicalisme en France. Paris: Anthropos, 1978.

В Великобритании более радикальное феминистское движение атаковало викторианскую идеологию «двух сфер» (публичной мужской и приватной женской) и двойной стандарт в сексуальных отношениях. В неспокойные времена, непосредственно перед войной, «женский вопрос» был самым главным политическим вопросом, затмевал собой проблемы Ирландии или социальных волнений. Позаимствовав стратегию и технику пропаганды социалистов, Женский социально-политический союз (Women's Social and Political Union, WSPU), созданный в Ланкашире в 1903 году, сосредоточил свои усилия на вопросах избирательного права; в конечном счете, организация была разрушена как в результате насилия, репрессий властей, так и из-за авторитарной позиции семьи Панкхерст. Летом 1914 года Кристабель Панкхерст бежала во Францию, чтобы избежать тюрьмы, но возглавляемый миссис Фоссет Национальный союз женских суфражистских объединений (National Union of Women's Suffrage Societies, NUWSS), который пользовался серьезной поддержкой либералов и лейбористов, организовал огромную демонстрацию в Лондоне, продемонстрировав силу входящих в Союз четырехсот восьмидесяти групп и пятидесяти трех тысяч его членов. Таким образом, 1914 год мог бы быть годом женщин; но вместо этого пришла война, вернувшая оба пола на «свои» места.

Между 28 июля и 4 августа Европа взорвалась. Хотя первой реакцией было какое-то оцепенение, оно очень быстро сменилось чувством смирения у одних и взрывом энтузиазма у других (причем такое воодушевление было характерно скорее для городских слоев населения, нежели для сельских, и было распространено больше среди мужчин, чем среди женщин). Люди потому не отторгали от себя идею войны, что были, по сути, готовы к ней. Французские школы не позволяли угаснуть памяти о территориях, уступленных Германии в результате Франко-прусской войны 1870–71 гг., и внушали, что война Французской Республики, правительства закона и мира, просто не может быть несправедливой или агрессивной. Немцы, гордые своими экономическими успехами и убежденные в преимуществе своей цивилизации, выступили с целью покорить «варварскую» Россию и «женоподобную» Францию*. Едва ли не каждый, кто носил военную форму, воображал недолгую благородную войну, в которой солдаты получат возможность продемонстрировать высочайшие моральные качества и насладиться духом боевого товарищества. Такие анахронические ожидания поддерживались всей системой воинского ритуала, будь то красные штаны, кото-

* *Becker J.-J.* 1914, *Reulecke J.* Männerbund versus the Family: Middle-class Youth Movements and the Family in the Period of the First World War // R. Wall, J. Winter. Eds. The Upheaval of War. P. 439–451.

рые носили французские войска, или барабаны, под аккомпанемент которых проводили маневры немцы*. Повсеместно отбытие войск на фронт сопровождалось коллективными демонстрациями патриотизма, когда социальная дистанция становилась незаметной и когда восторги женщин выглядели более уместными, чем их слезы.

Это было странное лето, которое радикально разъединило мужчин и женщин и вместе с тем после напряжения предвоенного периода вернуло, пусть лишь ненадолго, ощущение гармонии полов. Мобилизация мужчин укрепила семейные чувства и возродила миф о мужчине—защитнике Родины. Солдатские письма первого периода войны наполнены сыновней почтительностью, изъявлениями любви, и в некоторых случаях тоски по детям**. Однако, как отмечается в подавляющем большинстве исторических исследований, хотя во всех воюющих странах политические партии и социальные классы сплотились, чтобы сформировать «национальный фронт», или «священный союз» (Union Sacrée), для спасения нации, к «единству полов» они призывали редко. Так, во Франции современники приветствовали появление настоящей Женщины, которая олицетворяет чистоту, целомудрие, осознает свое подлинное предназначение и вечные обязанности, является источником всеобщей любви и межклассовой солидарности. Эта настоящая женщина была воплощением идеала буржуазии XIX столетия***

Служение стало лозунгом французских женщин, которые утешали солдат в привокзальных буфетах, заботились о раненых в госпиталях Красного Креста и кормили всякого рода бездомных: беженцев, текущих рекой в тыл отступающей армии союзников, тех, кто лишился в хаосе прифронтовой полосы работы, а также оставленных без средств членов семей мобилизованных солдат. Немки и англичанки также занимались благотворительностью. В Великобритании например, профсоюзная деятельница Мэри Макартур объединилась с королевой Марией, с тем чтобы учредить Женский Фонд под патронажем королевы (Queen's Work for Women Fund). Эта организация предлагала традиционную женскую работу (например шитье) в обмен на питание или скромное жалованье тем, кто в этом нуждался.

---

* *Leed E. J.* No Man's Land: Combat and Identity in World War I. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. Ch. 2.

** *Tapfert A.* Ed. Despatches from the Heart: An Anthology of Letters from the Front during the First and Second World Wars. London: Hamish Hamilton, 1984. Цит. по: *Smith B.* Changing Lives: Women in European History since 1700. Lexington: D. C. Heath and Company, 1989; *Kahn A.* Journal de guerre d'un Juif patriote, 1914–1918. Paris: Jean-Claude Simoлn, 1978.

*** *Maugue A.* L'Identité masculine en crise au tournant du siècle. Marseille: Rivages, 1987; Thébaud F. La Femme au temps de la guerre de 14. P. 36–39.

Феминистки разделяли всеобщий энтузиазм служения нации. На какое-то время они сняли свои требования и посвятили себя ревностному исполнению своего женского долга. Маргарита Дюран выразила суть этой позиции в своей публикации в известной газете La Fronde, датированной двумя последними неделями августа 1914 года. Ее позиция была фактически такой же, как и та, что выразила миссис Фосетт в Common Cause 14 августа: «Женщины, ваша страна нуждается в вас. Давайте же покажем, что мы достойны быть гражданками своей страны – вне зависимости от того, признается ли наше требование права голоса или нет». И Жанна Мисм, редактор La Française, одного из самых влиятельных изданий умеренного феминизма, написала в первом же выпуске журнала военного периода: «Пока наша страна претерпевает страдания, никому не позволено говорить о правах. Сейчас у на только обязанности»*. Супруги Панкхерсты, получив амнистию, преобразились в настоящих сержантов, вербующих новобранцев. Их риторика была и сексистской, и милитаристской: мужчины, выполняйте свой долг и воспользуйтесь достойным поводом, если вы хотите смотреть без стыда в глаза женщин. Эта риторика не особенно отличалась от того, что подавалось в официальных государственных мобилизационных плакатах, изображавших стойких непреклонных женщин, которые, глядя из окон домов, призывали своих мужчин присоединяться к армии; их заголовок гласил: «Женщины Британии сказали: "Иди!"»**

Полагая, что война будет короткой, правительства ожидали от женщин, что те примирятся с неизбежным и будут рады поставить дело феминизма на службу нации. Однако, в то время как волонтерство женщин на поприще благотворительности встречалось ими с одобрением, они отвергали предложения женщин служить стране другими способами, в том числе и те немногие заявления с просьбой поступить на военную службу. Bund Deutscher Frauenvereine, BDF (Союз немецких женщин – *Т. Р.*) на своем конгрессе в 1912 году предложил для молодых женщин год социальной службы. 3 августа 1914 года Союз создал Nationaler Frauendienst, NFD (Национальную женскую службу – *Т. Р.*), которая помогала правительству, обеспечивая деятельность организаций социальной службы и выполняя работу по снабжению населения***. В Великобритании некоторых женщин-волонтеров принимали на сельскохозяйственные работы или на службу в качестве помощ-

* Цит. по: *Marwick A.* Women at War. P. 17. *Thébaud F.* Le Féminisme // R. Thalmann. Ed. La Tentation nalionaliste. P. 21.

** Этот плакат воспроизведен в: *Higonnet M.* et al. Eds. Behind the Lines, P. 210.

*** *Walle M.* Contribution a L'histoire des femmes allemandes entre 1848 et 1920 a travers les itinéraires de Louise Ono, Hélène Lang, Clara Zetkin et Lily Braun:

ников городских полисменов. Когда доктор Элси Инглис представила на рассмотрение свой проект создания госпиталей на континенте (позднее известных как Шотландские женские госпитали во Франции и Сербии), в военном ведомстве ей посоветовали «идти домой и сохранять спокойствие»*. Сексистская политика во Франции была схожей: с 5 августа жены мобилизованных солдат стали получать содержание от правительства, которое имело целью не заботу об их материальном благополучии, а поднятие духа войск. 7 августа французский премьер-министр Вивиани выпустил Обращение к французским женщинам. В действительности оно было адресовано крестьянкам: правительство полагало, что сельское хозяйство не может обойтись без их трудового вклада. По этому случаю Вивиани использовал лексикон военной героики: «Поднимайтесь, женщины и дети Франции, дочери и сыновья нации! Занимайте на поле труда место тех, кто сейчас на поле боя! Будьте готовы показать им, и очень скоро, возделанную землю, собранный урожай, засеянные поля! В этот тяжелый час нет труда незначительного! Все, что служит нашей стране, есть Великое! Вставайте! За дело! За работу! Завтра славы будет достаточно для каждого!»** Но когда Маргарита Дюран предложила, чтобы женщины служили во вспомогательных частях, то от нее отмахнулись, так же, как от писательницы мадам Жак де Бюси, когда та пыталась организовать Ligue des Enrфlées (Лигу женщин-волонтеров. – *Т. Р.*) еще 30 июля.

Все правительства воюющих стран, за исключением США, учредили пособие, которое британцы называли «пособие за раздельное проживание» ("allowance separation"). Оно выплачивалось как законным женам, так и сожительницам ушедших на фронт мужчин; его размер определялся количеством детей. В Великобритании это пособие, которое выплачивалось практически с самого начала войны и до ее окончания, было довольно большим – чуть выше, чем заработная плата незамужней женщины. Во Франции и Германии, однако, эти выплаты рассматривались в качестве формы материальной помощи и поэтому были невелики. Более того, считалось незаконным совмещать пособие за раздельное проживание с выплатами по безработице, которые теоретически предназначались для нуждающихся и выплачивались только до тех пор, пока получатель не находил работу с заработной платой, обеспечивающей средства на существование. Но даже в столь сокращенном виде французское и немецкое правительства не торопились воплощать эти решения в жизнь. Таким образом, для низших классов

---

doctoral thesis. University of Paris VII, 1989. Idem. Feminisme et narionalisme dans Die Frau // *Thalmann R.* Ed. La Tentation nationaliste.

* Цит. по: *Marwick A.* Women at War. P. 107.

** Цит. по: *Thébaud F.* La Femme au temps. P. 25.

эмоциональная травма от войны усугублялась серьезными экономическими проблемами. Какими бы патриотами своей страны не были люди, этого было недостаточно, чтобы заставить их забыть обстоятельства своей жизни – столь ужасные, что многие были вынуждены искать благотворительности или сбиваться с ног в поисках желаемой помощи. Безработица в традиционно женских отраслях, таких как текстильная промышленность, производство одежды, изделий роскоши, была высокой и постоянной. В августе 1914 года число женщин, занятых во французской торговле и промышленности, упало почти до 40% от довоенного уровня и к июлю 1915 года восстановилось только до 80%. В Париже было особенно нелегко – и по причине того, что это был промышленный центр, и по причине его близости к фронту. Кроме медсестер, которые находили работу при помощи агентств, помогающих раненым, крестьянок и хозяек лавок, заменивших отсутствующих супругов, женская рабочая сила очень медленно вовлекалась в работу для войны. И полная мобилизация женщин не начиналась, до тех пор пока не пришло понимание, что война быстро не закончится – сомнения относительно женщин-работниц так же неизбежно должны были быть похоронены, как и все прочие представления минувшего времени.

Но что более всего придавало этому масштаб, так это осознание того, что существующие рабочие ресурсы просто не в состоянии удовлетворить потребности в рабочей силе.

Мобилизация женщин

Война шла не так, как ожидалось. К концу осени ни одна из сторон не обрела явного преимущества, а более или менее стабильная линия фронта протянулась свыше чем на пятьсот миль – от Фландрии и до Швейцарской границы. С исчезновением иллюзорных надежд на быструю победу, воюющие страны не могли больше полагаться на те промышленные резервы, которые имелись в запасе; они были вынуждены быстрыми темпами развивать производство. Продолжительная и дорогостоящая (касается ли это людских потерь или материальных затрат), Первая мировая война не могла вестись без поддержки тыла, в том числе без сотрудничества женщин. В течение четырех с половиной лет сражений 8 миллионов мужчин (что составляло более 60% рабочей силы) были мобилизованы во Франции, 13 миллионов – в Германии и 5,7 миллионов – в Великобритании, которая два года, до установления обязательного призыва в мае 1916 года, полагалась на добровольцев. Кровопролитные сражения уничтожили как мужчин, так и запасы вооружений; новое вооружение стремительным потоком текло на фронт. Правительства создавали учреждения с целью осуществлять надзор за конверсией государственных и частных

военных заводов в современную оружейную индустрию с возросшими до беспрецедентного уровня количеством рабочих и объемом производимой продукции*. Современные методы ведения войны мобилизовывали умы, так же как и тела: эта война шла на два фронта – на передовой и в тылу. Сражения были исключительно миром мужчин, в то время как женщины составляли большинство тех, кто оставался за линией фронта, в тылу. Эти общие замечания относятся ко всем воющим странам. Чтобы изучать более глубоко политику и практику мобилизации женщин, мы должны рассматривать каждую страну отдельно.

Во Франции, где уже до 1914 года было 7,7 миллионов работающих женщин (включая 3,5 миллиона крестьянок), мобилизация женщин была в большой степени ad hoc, несмотря на то что такие люди, как министр торговли Этьен Клементель и социалист, министр вооружений Альберт Тома, делали для этой мобилизации все, что могли. Женщины предпочитали скорее откликаться на объявления газет, работать на соседей только за чаевые или осведомляться о наличии вакансий непосредственно на фабрике, чем наниматься на работу через один из региональных офисов по трудовой занятости, созданных министерством труда в 1915 году. Нередко солдата замещал кто-то из его семьи: работодатель мог предложить работу жене, дочери или сестре, чтобы те могли прокормить семью. Этот путь позволял избежать конкуренции из-за рабочего места после окончания войны, да и мужчинам на фронте было спокойнее, оттого что кто-то присматривает за добродетелью оставшихся дома женщин. Подобная практика была обычной в предпринимательстве, банках, транспортном секторе и некоторых государственных учреждениях, хотя в промышленности она применялась редко. Франция имела своих financiéres (работниц банков) и своих cheminottes (работниц железной дороги); женщины продавали и компостировали билеты в метро, работали кондукторами и даже водили трамваи. На оборонных же заводах женщины оставались и «последней надеждой», и «крайним средством», к которому прибегали лишь после того, как были задействованы все возможные гражданские лица: по закону Далбье, уже было призвано пятьсот тысяч рабочих, рабочие «импортировались» из колоний и из других стран мира.

С осени 1915 года правительство стало побуждать промышленников принимать на работу женщин. На всех стенах появились соответствующие плакаты, и конторы, занимающиеся наймом женщин, распространились по всей Франции. Хотя женские благотворительные организации пытались в отсутствие лидеров-феминисток сделать

* *Fridenson P.* Ed. 1914–1918: L'autre front, Cahier du Mouvement Social 2. Paris: Les Editions Ouvrières, 1977.

процедуру мобилизации женщин более рациональной, те текли на заводы из каждого квартала, привлеченные высокими зарплатами и необходимостью найти работу. Диапазон профессий, на которые нанимались женщины, становился все шире. К 1918 году в военной промышленности было занято около четырехсот тысяч женщин, что составляло четверть всей рабочей силы; в Париже и его окрестностях доля женщин от всех занятых в промышленности равнялась трети. Это свидетельствовало не только о вкладе женщин в работу нации для войны, но и символизировало то, что женщины занимают традиционно мужские сферы труда.

Тем не менее существовали ограничения на трудовую мобилизацию женщин. Согласно статистике министерства труда, только в 1916 году число работниц, занятых в промышленности и торговле, вернулось на довоенный уровень; к концу 1917 года, когда женская занятость достигла своего пика, оно превысило этот уровень лишь на 20%. Женщины тогда составляли 40% от всей рабочей силы (по сравнению с довоенными 32%). Но во Франции по крайней мере ни одна отрасль промышленности не была парализована нехваткой рабочих рук, в то время как в Германии мобилизация женщин была, очевидно, недостаточной, для того чтобы компенсировать нехватку мужчин-рабочих.

Таков, во всяком случае, взгляд Юты Дэниел, которая отвергает общепринятый тезис, что война стала свидетельницей впечатляющего роста женской занятости*. В частности, Дэниэл сомневается в достоверности источника, наиболее широко используемого для доказательства этого взгляда, а именно статистику медицинского страхования. Вне всякого сомнения, немецкие женщины призывались работать в военную промышленность. Сначала их вклад был небольшой и спорадический, вопреки усилиям NFD; рекрутизация стала более интенсивной и централизованной в последний период войны, когда экономика была полностью перестроена на военный лад, а лидеры правительства поняли, что без вовлечения в производство женщин не может быть никакой победы. Программа Гинденбурга (ноябрь 1916), которая усилила милитаризацию внутренней политики, поставила перед генералом Грёнером из Kriegsamt (военного ведомства) задачу промышленной мобилизации. Главным приоритетом, естественно, было определено производство вооружений: обеспечение рынка труда гарантировалось обязательной вспомогательной службой (Hilfdienst) для всех мужчин в возрасте от 17 до 60 лет, установленной 5 декабря 1916 года. Вопрос о включе-

* Daniel U. Arbeiterfrauen; Daniel U. Fiktionen, Friktionen, und Fakten—Frauenlohnarbeit im ersten Weltkrieg // G. Mai. Ed. Arbeiterschaft 1914–1918 // Deutschland. Düsseldorf, 1985; Women's Work in Industry and Family: German, 1914–1918 // *Wall R., Winter J.* Eds. The Upheaval of War. P. 167–296.

нии в нее женщин рассматривался, но был отвергнут гражданскими властями. Феминистки BDF возражали против этого; более того, они предлагали взамен проводить новую социальную политику для защиты работниц, а также назначать именно женщин на должности ответственных за женскую трудовую мобилизацию. С этой целью Kriegsamt учредил Frauenreferat, или Отдел женщин для трудовой мобилизации, и Frauenarbeitszentrale (FAZ), или Центральный jтдел по женскому труду, который был призван нести ответственность за благополучие женщин-работниц. К началу 1918 года эти организации наняли около тысячи женщин под руководством Мари-Элизабет Людерс из BDF.

Разумеется, эта мобилизация вела к росту абсолютного и относительного числа женщин, работающих в тяжелом машиностроении, химической и электротехнической отраслях, особенно на крупнейших предприятиях. Некоторые немецкие историки придерживаются мнения, что в компаниях с числом рабочих свыше 10 000, этот рост составил более 50 процентов. Империя Круппа представляет собой крайний случай; на ее заводах к концу войны из 110 000 человек было занято свыше 30 000 женщин*. Заметим, что этот рост произошел за счет тех секторов промышленности, где традиционно было много женщин и которыми пришлось пожертвовать, поскольку источники сырья и рынки для них были теперь недоступны из-за блокады союзников. К тому же рост занятости в промышленности, очевидно, был менее важным, чем расширяющееся использование надомного труда в интересах военной машины, — факт, подтверждаемый значительным количеством местных свидетельств. Так, швеи в Шварцвальде производили военное снаряжение; те, кто ранее делал корсеты, теперь изготавливали тенты и парадную форму одежды; женщинам, которые никогда не работали прежде, теперь поручили работу по производству рюкзаков, противогазов, носков и даже полного комплекта военной формы.

Почему следовало побудить женщин откликнуться на патриотические речи Гертруды Боймер, президента BDF или на призывы властей, вызывавшие чувство вины? За этими упражнениями в красноречии пусть плохо, но скрывались как внутренние конфликты в немецкой бюрократии, так и двусмысленная политика профсоюзов. Так, некоторые профсоюзы и работодатели имели серьезные сомнения по поводу того, брать ли женщин на рабочие места; иногда будущих работниц при найме принуждали подписать недатированное письмо об увольнении. В любом случае поступление на работу на завод часто означало необходимость пе-

* *Bessel R.* Keine allzu grosse Beunruhigung des Arbeitsmarktes. Frauenarbeit und Demobilmachung in Deutschland nach dem ersten Weltkrieg // Geschichte und Gesellschaft. 1983. V. 9. P. 111–119.

реезда на новое место, а многие женщины были связаны семейными обязанностями. К 1915 году дефицит ощущался во всем, и необходимость решать эту проблему оказалась самой важной в опыте немецких женщин военного времени. Они занимались изнурительным трудом по дому, размеры которого в условиях дефицита резко выросли, так что он стал поглощать массу энергии и ограничивал привлекательность возможной высокой зарплаты на заводе. С другой стороны, правительство обеспечило многие семьи необходимым количеством денег как в виде пособия по безработице, так и других пособий, выплачиваемых Kriegerfamilien (или семьям военным), для того чтобы те могли купить то немногое, что еще оставалось в магазинах. Таким образом, социальная политика, призванная успокоить солдат на фронте, убедить их в том, что правительство заботится об их оставшихся дома семьях, приводила к подрыву рынка труда и сводила на «нет» усилия по найму работниц.

В Англии миссис Панкхерст, поддержанная только что созданным Министерством вооружений, организовала 17 июля 1915 года марш под названием «Право служить» ("Right to serve"). «Положение критическое! – было написано на плакатах, которые несли демонстранты. – Женщины должны помочь спасти его!» Демонстрация служила знаком того, что суффражетки абсолютно преданы делу национального служения, а вместе с тем была ответом правительству Асквита на политический кризис, идущий от нехватки военных ресурсов. Она представляла собой также поворотный пункт в мобилизации британских женщин, которая была ускорена сначала воинской повинностью, а позже действиями правительства Ллойд Джоржа, которое пришло к власти в декабре 1916 года. Это правительство, профсоюзы и работодатели совместно выработали политику, учитывающую резкий рост числа работающих женщин.

Второе десятилетие XX века, и особенно военные годы, стало временем наивысшего расцвета британского тред-юнионизма. Количество членов профсоюзов росло, и профсоюзные лидеры нашли в правительстве партнеров, готовых к согласованию интересов и сотрудничеству в проведении социальных реформ*. В первые месяцы 1917 года профсоюзам было даже предоставлено право выдавать рабочие карточки, которые освобождали их обладателей от военной службы. В свою очередь, профсоюзы согласились принять принцип «размывания рабочей силы» (dilution), согласно которому призванные в армию квалифицированные работники могли быть заменены полуквалифицированными или неквалифицированными рабочими, и принцип «замены»

* *Reid A.* The Impact of the First World War on British Workers // R. Wall, J. Winter. Eds. The Upheaval of War. P. 121–133.

(*substitution*); оба эти принципа позволяли женщине получать работу, которая прежде рассматривалась как «мужская». Во многих отраслях промышленности были проведены переговоры по так называемым «соглашениям о размывании», иногда в форме весьма напряженных дискуссий, целью которых было определить, какие виды работ могут быть временно закреплены за женщинами. Предполагалось, что по завершении войны эти работницы будут уволены, а работники-мужчины и демобилизованные солдаты восстановят статус-кво или даже улучшат свое положение.

Сначала женщины заменили мужчин на торговых предприятиях и в учреждениях, где профсоюзы были слабыми и где работа считалась респектабельной. В дальнейшем они двинулись и в другие отрасли промышленности, о чем свидетельствуют документы ежемесячной статистики Board of Trade for Labor Supply (Комиссии по трудовым ресурсам). Хотя в Великобритании отношение к работе женщин в целом было более негативным, чем во Франции, в период с июля 1914 года (как признано, наивысшего пика безработицы) по ноябрь 1918 года число работающих женщин увеличилось с 3,3 до 4,9 миллионов человек, то есть на 50%. Заметим, что эти цифры не включали домашнюю прислугу, выполнявшую надомную работу, или женщин, задействованных в маленьких магазинчиках. Если ранее женщины составляли 24% рабочей силы Великобритании, то теперь их доля увеличилась до 38%*. Данное изменение стимулировалось как резким увеличением числа молодых женщин-работниц, которые уходили из сферы домашнего труда и традиционной торговли в промышленность, так и увеличением занятости среди замужних женщин и матерей. Этот рост был особенно заметен в отдельных отраслях, преимущественно таких же, как и во Франции: в производстве вооружений, где в 1918 году работал один миллион женщин (многие из них на таких огромных арсеналах, как Гретна и Вулвич), и в меньшей степени на транспорте, в банковском деле и государственных учреждениях. По всей вероятности, желание служить своей стране также являлось фактором вовлечения женщин в производство наряду с привлекательностью хорошего заработка: 9% рабочей силы в военной индустрии составляли женщины среднего и высшего классов.

Великобритания выделялась и тем, что именно в ней весною 1917 года впервые был создан Женский армейский вспомогательный корпус (Women's Army Auxialary Corps, WAAC). К ноябрю 1918 года в него были зачислены около 40000 женщин, 8500 из которых были

---

* Thom D. Women and Work; Wall R. English and German Families and the First World War, 1914–1918 // Wall R., Winter J. Eds. The Upheaval of War. P. 43–105.

посланы работать на континент. Непростая история корпуса свидетельствует, как трудно было современникам — и военным, и гражданским лицам — представить женщин в качестве солдат. Женщины-солдаты, носившие мужскую военную форму, были в Сербии, известный женский батальон смерти был в России, однако Франция медлила принимать женщин на военную службу или в военные учреждения. В самом конце 1916 года женщин наконец-то допустили занимать посты, связанные с военной службой, но от них требовалось приходить на работу и уходить с нее в иные, чем у мужчин, рабочие часы — за этим следил специальный отряд инспектрис (inspectice). Открытка, эта процветающая отрасль французской промышленности и одновременно национальная страсть французов, дала непристойную иллюстрацию к теме, изобразив poilues (женский род от poilu, что является сленговым обозначением пехотинца) в глубоком декольте, коротких штанишках и босоножках. Газеты, раздаваемые войскам в окопах, отражали мечты солдат об отдыхе за линией фронта.

Женский армейский вспомогательный корпус вырос из решимости ее лидеров, таких как Кэтрин Ферс, скоординировать работу многочисленных благотворительных организаций. Ее планы организовать объединение военного типа утвердились окончательно не без конфликта и горечи, взяв верх над планами Виолетты Маркхэм, не согласной с идеями военной структуры женского движения, и над планами маркизы Лондондерри, основавшей в 1915 году Женский легион. После долгих сомнений военное ведомство склонилось в пользу официального Женского корпуса, возглавляемого миссис Челмерс Ватсон. Планировалось наделить его обычными военными атрибутами — званиями, уставами, униформой в надежде на то, что такой статус поможет ему контролировать другие женские организации и даже вобрать их в себя. Мужчины получали возможность сражаться на фронте, в то время как женщины-рекруты были посланы во Францию работать поварами, клерками и механиками. Между тем мобилизация в тылу была расширена, женские вспомогательные отряды появились также в авиации и флоте. Хотя критики прямо обвиняли новые вспомогательные части за позор, наносимый королевской военной форме, пропитанной кровью поколений солдат, порицая женщин за «обезьянничание», копировании мужских манер, что было бы безвкусной пародией на настоящую армию. Рекрутов часто подозревали в аморализме, а иной раз и в гомосексуальных наклонностях. Плохая репутация сохранялась, несмотря на благоприятный отзыв Комиссии по расследованию жалоб (humiliating investigating comission), которой в 1918 году поручили расследовать подобные случаи. Уже само существование Женского армейского вспомогательного корпуса каким-то образом нарушало психосексуальную

экономику войны – обычно сражаются мужчины, чтобы защитить женщин и детей – и таким образом создавало проблемы для идентичности мужчин и женщин*. Женский армейский вспомогательный корпус кристаллизовал столь характерный для того времени страх о грядущей «маскулинизации» женщин» больше, чем женская трудовая мобилизация.

Маскулинизация женщин

Эстер Ньютон и Кэрол Смит-Розенберг показали, как мужчины XIX века переключали дебаты о социальной и политической роли «новой женщины» на сексуальную сферу – область, где они могли выражать собственные страхи и запугивать своих товарищей. Эмансипированных женщин сначала клеймили как людей «с врожденными отклонениями от нормы» (uterine deviants), а позже, особенно под влиянием немецкого психиатра Рихарда фон Крафт-Эбинга (1840–1902), как «мужеподобных лесбиянок», как опасных бесстыдных wo-men (игра слов: от англ. men- мужчины – Т. *Р.*)»**. В 1912 году известный немецкий врач А. фон Молль порицал эмансипацию женщин за то, что она делает их мужеподобными, приводя к снижению рождаемости и сексуальным извращениям***. Война, навязывая женщинам роли, которые прежде были исключительно мужскими, и бросая вызов существующим представления о фемининности, больше способствовала процветанию такого способа рассуждений, чем его осуждению.

Время от времени в литературе появлялось удивленное восхищение тем, как женщина доказывает, на что она в действительности способна. Гораздо чаще, однако, мы видим откровенную враждебность, подкрепляемую ссылками на физическую и умственную слабость, якобы присущую женскому полу: например, вызывает удивление, как много написано о том, насколько опасно допускать женщин водить трамвай. Страх был доминирующей эмоцией мужчин на мобилизацию женщин. В показаниях, данных в марте 1917 года Комитету Рейхстага по торговле и промышленности, который уже планировал демобилизацию, представитель Министерства внутренних дел выразил обеспокоенность

* *Marwick A.* Women at War. P. 83–114; *Gould J.* Women's Military Service in First World War Britain // M. Higonnet et al. Eds. Behind the Lines. P. 114–115.

** *Newton E., Smith-Rosenberg C.* Le Mythe de la lesbienne et la femme nouvelle: pouvoir, sexualité et légitimité, 1870–1930 // Stratégies des femmes. Paris: Tierce, 1984. P. 274–311; Schwarz G. L'Invention de la lesbienne par les psychiatres allemands. Idem. P. 311– 328. См. также: *Walkowitz J.* Dangerous Sexualities // G. Fraisse, M. Perrot, Eds. A History of Women, vol. 4.

*** Цит. по: *Usborne C.* Pregnancy Is the Woman's Active Service. Pronatalism in Germany during the First World War // R. Wall, J. Winter, Eds. The Upheaval of War. P. 389–415.

переменами в женских умах и телах: «Сегодня, когда мы смотрим на женщин, выполняющих самые сложные задачи, мы должны смотреть очень пристально, чтобы быть уверенными, что мы смотрим на женщину, а не на мужчину»*. Один французский врач, доктор Уот (Huot), употребил тогда еще новый термин «маскулинизация» в своей претенциозной статье, опубликованной в Mercure de France: он признал ошибочность собственных заключений о женской «чувственно-эмоциональной» конституции, высказав при этом опасение, что подобное смешение полов приводит к «нравственной анархии»**

Комментаторы всех национальностей мучительно искали фемининные метафоры, чтобы охарактеризовать труд женщин, выполняющих «мужскую» работу: они, например, «нанизывают» артиллерийские снаряды, как «жемчужины», или «сшивают» стальные бруски с грацией, искусностью и упорством. Создается впечатление, что эти комментаторы хотят убедить себя в том, что мир не изменился, что пограничная линия между полами остается незыблемой и что текущая ситуация только временная. Прекрасный образец жанра содержится в номере журнала J'ai vu от 16 июня 1917 года. Статья, превозносящая "Ouvrière de la victoire" (Работницу победы – Т. Р.), содержит рисунок улыбающейся работницы, баюкающей огромный артиллерийский снаряд под левой рукой и одновременно держащей винтовку в правой. Под этим рисунком расположена надпись: «Откликаясь на призыв подвергающейся опасности Родины, женщины Великой войны отдали ей все. Их можно встретить в мужской спецодежде на заводах, где они производят снаряды, сталь для пушек, взрывчатку. И в этой атмосфере смерти, справляясь с работой, подходящей только мужчинам, и подвергая суровым испытаниям свое хрупкое тело, женщины оставались женщинами, не принося в жертву ничего из своего изящества». Само слово "munitionnette", с его милым уменьшительным звучанием, имеет неизгладимо женственное звучание.

Патриотическая напыщенность правительственной пропаганды исследовалась не раз, но лишь очень немногие историки пытались выявить ее двойственное воздействие на восприятие ролей мужчины и женщины. В своих публичных заявлениях французское министерство вооружений апеллировало к чувству семейной солидарности: женщин убеждали идти на заводы, затем чтобы спасти жизни своих poilus на фронте, однако официальный журнал министерства Bulletin des usines de guerre («Журнал военных предприятий» – *Т. Р.*) с необычайной деловитостью обсуждал способы работы, сноровку и способности женщин.

* Цит. по: *Daniel U.* Fiktionen. P. 308.

** Цит. по: *Thébaud F.* La Femme au temps. P. 38, 181.

Британское правительство агитировало женщин работать в качестве «временной замены»: «Внесите свой вклад! Замените мужчину, *отправляющегося на* фронт!» Вместе с тем фотографии работниц, которые по приказу военного ведомства изготавливались и распространялись по всей стране с целью убедить работодателей нанимать женщин, делали акцент на новом и необычном, изображали гордых и улыбающихся женщин с ловкими телами, хорошо приспособленными для работы за машиной*. По обе стороны Ла-Манша риторика жертвенности не могла заслонить рекламу компетентности. В целом, однако, пресса и литература уделяла больше внимания традиционным женским ролям на войне (медсестры, помощницы рабочих, той, кому солдат писал письма с фронта), чем работе женщин на заводах. В карикатурах пяти ведущих ежедневных газет Франции женщины присутствуют лишь в виде Марианны, символа Республики, и «жены», сберегающей Дом, в то время как ее муж сражается на фронте.

Символически война сделала больше для того, чтобы воскресить и укрепить мифы о женщине как о воплощении спасения и утешения, чем для доказательства ее компетентности. Только феминистки подчеркивали высокую результативность женского труда и старались провести параллель между мужским и женским служением, используя для этого терминологию из лексикона войны. В 1916 году Фридрих Нойманн и Гертруда Боймер выпустили журнал, соединив символику меча и зерна пшеницы; если «Военная хроника» ("Kriegschronik") появилась в Die Hilfe, то «Хроника фронта и тыла» ("Heimatchronik") — в ежемесячном журнале Die Frau, который эмоционально воздавал должное «женскому служению Родине». В газете Fransaise от 6 марта 1915 года Жанна Мисм писала, что «солдаты тыла» откликнулись на «призыв нации» и держат «второй фронт» для того, чтобы «помочь сломать еще один замок в клетке», в которой женщины содержались столетия. На обложке «Женской жизни» (La Vie fiminine) от 15 апреля 1917 года была изображена крохотная midinette, или портниха, — символ женского труда в довоенный период, лицо которой обращено к высокой властной munitionnette на фоне заводских труб. В то время как немецкие феминистки из BDF надеялись на интеграцию женщин с учетом их особых женских качеств, французскне феминистки надеялись использовать опыт военного времени как трамплин для достижения профессионального равенства или по крайней мере для больших возможностей женщин-работниц получить более высокий уровень квали-

* *Thom D.* Women and Work; *Condell D., Liddiard J.* Working for Victory? Images of Women in the First World War, 1914–1918. New York: Routledge & Chapman Hall, 1988.

фикации. Они призывали женщин к профессиональному образованию, открывали новые школы, развивали уже существующие и заложили фундамент для дальнейшего прогресса, проводя специальные социологические обследования и распространяя информацию о женском образовании и карьерных возможностях.

Все же мобилизация женщин была отличной от мобилизации мужчин. Из-за каждой работающей женщины на фронт могли послать еще одного мужчину. Согласно Терезе Ноче, политически сознательные семьи рабочего класса в Турине устраивали женщинам-работницам на заводе «Фиат» нелегкую жизнь: подчеркивалось, что, работая, эти женщины тем самым посылали мужчин на смерть*. Застарелая враждебность рабочих к труду женщин, вскормленная страхом конкуренции, длительно существующей цеховой приверженностью, традиционными представлениями о женщине как матери и домохозяйке, теперь обострилась еще и страхом смерти. Женщины, которые шли работать на завод, иногда обвинялись в том, что гонятся за наживой, а иногда и в том, что они сами копают могилы для своих мужей (Totengräber в Германии). Французские анархисты и пацифисты, которые составляли меньшинство в GGT и SFIO (французская Социалистическая партия — секция Второго Интернационала), выступали против найма женщин не менее яростно. Раймон Перика из профсоюза строителей и Альфонс Мерейм из профсоюза металлистов обвиняли женщин в том, что они хуже животных: даже волчицы, и те защищают своих детенышей, а французские женщины не сделали ничего, чтобы удержать своих мужей не ходить на фронт в 1914 году, и фактически продали их за 25 су (размер пособия по раздельному проживанию). Пока мужчины умирают в сражениях, женщины развлекаются на балах.

Эпоха женщин?!

Был ли опыт войны позитивным для женщин? Или, поставим вопрос более провокационно: была ли эта война счастливым временем для женщин? В той или иной степени утвердительный ответ на этот вопрос подсказывают разные источники, включая устную историю британских и французских женщин, а также фотографии, собранные Военным музеем империи. В музее Саутгемтона хранится коллекция фотографий из ателье, в котором женщины различных профессий,

* Цит. по: *Cammarosano S. O.* Testimonianze proletarie e socialiste sulla guerra // D. Leoni, C. Zadra, Eds. La Grande Guerra. P. 577–604.

особенно работницы транспорта, снимались в своей рабочей одежде: мы видим женщин, гордящихся своей работой (а возможно, и своей рабочей униформой)*. Современные исследователи во Франции отмечают «фантастические» зарплаты и «сумасшедшие» траты женщин, работавших в оборонной промышленности: одни на свои заработки покупали туфли и шелковые чулки, другие предпочитали апельсины и цыплят. В то время как во всех феминистских текстах того периода подчеркивалось желание служить, доказать свою храбрость и внести собственный вклад в освобождение женщин, отдельные британские и американские писательницы упоминали также о наслаждении быть с другими женщинами. Хэрриот Стэнтон Блэтч описывала Англию 1918 года как «мир женщин». На место ушедшей в тень старой девы пришла «успешная и счастливая женщина со сверкающими глазами». Другие, оглядываясь на прошедшие годы, обозначили их как «хорошие времена», «прекрасные времена»**. Женская литература – от поэм и романов военного времени до более поздних мемуаров и эссеистики, от английской пропагандистки Джесси Поуп до американской романистки Виллы Кэтер – наслаждались самой сменой половых ролей: «Весь мир – вверх дном». Женщины радовались, что они могут по крайней мере открыто выражать свои желания***. Лесбиянки – такие как Эми Лоуэлл и Гертруда Стайн – написали свои самые эротические сочинения именно в военный период (например «Lifting belly» Гертруды Стайн), а в 1915 году Шарлотта Перкинс Гилман опубликовала «Herland», утопический роман о мире без мужчин.

Апофеоз женщин?! Поэты и романисты, такие как Д.Г. Лоуренс, Т.С. Элиот, Уилфред Оуэн, Зигфрид Сэссун и Эрнест Хемингуэй, описывали войну как апокалиптический поворотный пункт в борьбе полов, как жертву, которую молодые мужчины принесли отцам и жен-

---

* Фотографии воспроизведены в: *Braybon G., Summerfield P.* Out of the Cage.

** *Blatch H.S.* Mobilizing Woman-Power. New York: The Woman Press, 1918. P. 54–55. Слова «хорошие времена» принадлежат английской феминистке Г. Гасквен Хартли См.: *Gasquoine Hurtley. C.* Women's Wild Oats. New York, 1920. P. 38. Цит. по: *O'Neill W.I.* Feminism in America: A History. New Brunswick, Oxford: Transaction Publishers, 1989. P. 189; фраза «прекрасные времена» при надлежит Л. Прует. Цит. по: *Lemons J.C.* The Woman Citizen. P. 15.

*** *Gilbert S.M.* Soldier's Heart: Literary Men, Literary Women, and the Great War // Higonnet M. et al. Eds. Behind the Lines. P. 197–226; «Весь мир – вверх дном» – строчка из стихотворения Нины Макдональд (цит. по: *Reilly. C.* Ed. Scars upon My Heart: Women's Poetry and Verse of the First World War. London: Virago, 1981). Оптимистическая оценка С. Гилберт в какой-то степени оспорена Хелен Купер, особенно в том, что касается М. Синклэр (H.M. Cooper et al. Eds. Arms and the Woman: War, Gender, and Literary Representation. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1989).

щинам, а также, по словам Сандры Гилберт, как «праздник женского хаоса». Демаскулинизация – реальная или мнимая – была навязчивой темой этой литературы современных антигероев, парализованных, стерилизованных или покалеченных. Поль Фассел и Эрик Лид обратили внимание на этот кризис маскулинности, нашедший отражение в литературе н других свидетельствах той поры – в них показана глубокая психологическая травма, которую перенесли сражавшиеся на войне*

Нет сомнений, что Первая мировая война действительно явилась одной большой раной для мужчин: массовое кровопролитие практически обесценило мужественные образы войны и победы, да и ценности западной цивилизации в целом. Увязая в грязи и крови окопов, когда ничего не оставалось делать, кроме как ждать смертельной атаки или артиллерийского огня, некоторые солдаты поддались такому традиционно женскому недугу, как истерия, теперь переименованному английскими докторами в артиллерийский шок (shell shock)**. Сражавшиеся почувствовали себя так, как будто их ввергли в примитивное состояние всеобщей беспомощности, будь то в публичной или частной сферах жизни. В прошлом, когда мужчины уходили на войну, женщины благочестиво ждали их дома. Теперь же мужчина оставил дом, но женщина взвалила на себя выполнение публичных *обязанностей* и приняла ответственность за функционирование военной машины; воины же на фронте боялись, что, возвратившись с фронта домой, они обнаружат себя нищими рогоносцами.

Французская литература военного времени была, я думаю, в целом менее агрессивной и менее мизогиничной, хотя и она отражала чувство обиды пехотинца, poilu, на тыл и его потребность акцентировать мужские ценности: «Есть две страны, говорю Вам, мы разделены на две абсолютно разные страны. Там, на фронте, находится слишком много несчастных людей. А здесь, в тылу, слишком много счастливых», – говорил один из героев новеллы Анри Барбюса «Огонь» (1916 год). Исследование солдатских газет, проведенное Стефаном Одуэн-Рузо, также показывает, что солдаты той войны испытывали по отношению к женщинам, находящимся в тылу двойственные чувства***. С одной стороны, женщина символизировала «противоположность войне». Она была помощницей солдата, матерью его детей, архангелом, который

---

* *Fussell P.* The Great War and Modern Memory. Oxford: Oxford University Press, 1975; *Leed E.* No Man's Land.

** *Showalter E.* The Female Malady: Women, Madness and English Culture. New York: Pantheon, 1985; Idem. Rivers and Sassoon: The Inscription of Male Gender Anxieties // *M. Higonnet* et al. Eds. Behind the Lines. P. 61–69.

*** *Audoin-Rouzeau S.* 14–18: les combattants des tranchées. Paris: Armand Colin, 1986.

позволял мечтать о будущем, далеком от ужаса и хаоса настоящего. Она была возлюбленной, о которой солдат постоянно рассказывал своим боевым товарищам, женщиной его грез. К ней, как и к другим близким родственникам, он относился иначе, чем к остальным представителям гражданского населения, неспособного понять страдания солдата на войне и доверяющего «промывающей мозги» прессе. Но одновременно женщина была и предметом солдатских ночных кошмаров; он постоянно подозревал ее в неверности. Мужчины боялись, что, когда они вернутся домой, то не узнают своих жен. Ведь они были прекрасно осведомлены о том, что в тылу продолжается обычная жизнь. Недопонимания вели иногда к мучительным разрывам. В то время, когда писатель Ролан Доржеле ползал среди трупов, его любовница, танцуя на балу, сломала каблук

Опыт свободы

Война предложила женщинам беспрецедентный опыт свободы и ответственности, что получило выражение как в высокой оценке женского труда на благо родины, так и в расширении профессиональных возможностей – многие из них находили удовольствие в том, чтобы работать с новыми орудиями и технологиями. Война разрушила половые и возрастные барьеры и открыла много престижных профессий для женщин. В 1914 году во всей Франции было только несколько сотен женщин-докторов и только несколько дюжин женщин-адвокатов. Однако Мари Вероне и Жанне Шовен было дозволено вести процессы в военных судах, и молодые женщины были допущены в экономические колледжи и политехнические училища, включая престижную L'Ecole Centrale, которая впервые приняла студенток в 1918 году. Учителей-женщин встречали с распростертыми объятьями в школах для мальчиков. Профессия учителя все больше становилась женской профессией, к тревоге опасавшихся конкуренции учителей-мужчин. Во многих деревнях учителя-женщины становились делегатами, представителями сельских коммун, брали на себя функции отсутствующего мэра. Девушки нашли пути во все бастионы высшего образования, от Оксфорда до Сорбонны. Женщины, работая в кафе, отелях, торговых заведениях, банках и правительственных учреждениях, обозначали сам факт женского присутствия в общественном пространстве. Хотя некоторым были не рады, многих ценили за честность и благоразумие.

Большинство работающих женщин знали цену собственной профессиональной квалификации и ценили свою новоприобретенную финансовую независимость. Во время войны хорошо платили, особенно в оборонной промышленности, где женщины могли заработать вдвое

больше, чем в традиционных сферах женского труда. Во Франции и Великобритании прислуга постаралась использовать, быть может, единственный в жизни шанс избавиться от нищенского заработка и деспотизма хозяев, и это, наряду с уходом Fraüleins, усугубило «кризис прислуги», начавшийся еще до войны. В некоторых районах конкуренция принуждала работодателей в текстильной отрасли повышать размер жалованья; для того чтобы предотвратить переход женщин с одного завода оборонной промышленности на другой в поисках более высокооплачиваемой работы, был введен непопулярный «сертификат ухода». Женщины больше не работали за «деньги на булавки» (salarie d'appoint, или Zuverdienst): квалифицированная работница на арсенале в Вулвиче зарабатывала несколько фунтов в неделю (до 6 фунтов платили сварщику), женщина-шофер, работающая на армию, получала до 5 фунтов, что равнялось приличной заработной платой среднего класса.

Для женщин и девушек из среднего и высшего классов, привыкших к работе на ниве благотворительности, война была периодом лихорадочной деятельности, которая помогла сломать социальные барьеры и жесткие буржуазные порядки. Во Франции почтенный обычай принимать гостей в назначенные дни отмирал, поскольку бывшие хозяйки приемов теперь отдавали свое свободное время благотворительной работе и балам. Корсеты исчезли, юбки стали короче, и в целом одежда упростилась (наиболее примечательным примером было создание блузы-джерси Габриэль Шанель) — все это освободило тело и облегчило движения. Утрата компаньонок рождала в молодых девушках и испуг, и ослепление своей новообретенной свободой; среди этих девушек была и юная Клара Гольдшмидт (позднее — жена писателя Андрэ Мальро), которая решительно поднялась на защиту своей семьи от ксенофобских предрассудков*

Взрослые девушки, как и их матери, вступали в ряды Красного Креста и других благотворительных организаций. Работая медицинскими сестрами и санитарками, они познакомились с реальной жизнью. Они открыли для себя мужчин, секс, жизнь народных масс, а также людей с другим цветом кожи. Хотя известный «снобизм униформы» был осужден еще в начале войны, он и не мог сохраниться в условиях тяжкого труда и ежедневного контакта с людскими страданиями. Ошеломленные потоком раненых, военные лазареты приняли на службу тысячи волонтеров (во Франции, например, более чем 70.000 человек на фоне 30000 постоянного персонала). Кто-то из женщин был приписан к вспомогательным госпиталям, кто-то работал на каретах скорой помощи, некоторые были отправлены на фронт (причем французы

* *Malraux C.* Le Bruit de nos pas: apprendre a vivre. Paris: Grasset, 1986.

делали это менее охотно, чем англичане). Там, во Фландрии, Салониках и Сербии только храбрость могла соперничать с их преданностью своей работе. Многие погибли, но другие возвращались с медалями и с невероятными историями, которые можно было рассказать дома. В то время как Мария Кюри с дочерью организовали отряд рентгенологической помощи для обеспечения военных врачей рентгеноскопией, британская пресса окрестила «героинями Первиз» двух шотландских женщин, Майри Чизхольм, рожденную в 1896 году и миссис Нокер, будущую баронессу Серклэ. Будучи членами отряда скорой помощи в Бельгии, эти две женщины разбили полевой госпиталь в близкой к окопам разрушенной деревне, и, несмотря на постоянные бомбардировки вражеской артиллерии, они оставались там вплоть до 1918 года, когда серьезно пострадали во время газовой атаки. Пресса обсуждала слова префекта Констанцы, сказанные по случаю смерти Элси Инглис в ноябре 1917 года в Сербии: «Неудивительно, что Англия – великая страна, если у нее есть такие женщины»*

Медсестры были самим воплощением бескорыстного и ревностного служения, одновременно ангела милосердия и матери. Ни одна другая группа женщин не была столь воспеваема в военное время, как медсестры, которые стали излюбленным образом искусства той поры. Известный плакат Красного Креста изображал «Величайшую мать в мире». Этот типаж – гигантская медсестра, баюкающая миниатюрного мужчину, лежащего на носилках, – обозначил новые отношения между полами. Хотя солдаты, многие из которых происходили из низшего класса, ценили покой и тишину лазарета, вместе с тем они чувствовали себя униженными и беспомощными перед лицом довольно далеких от них, надменных женщин, которые заботились о них, как о детях, видели все их слабости и в итоге посылали их обратно на фронт. Преследуемые этим материнским стереотипом современники, казалось, воображали медсестру как фигуру власти – фантазия, которая проявлялась также в постоянных намеках на ее, по общему мнению, чудовищный сексуальный аппетит.

Хотя в послевоенном дискурсе подчеркивался аскетизм мужчин на фронте, их верность оставшимся дома женам, об их интимной жизни мы знаем очень мало. Сведения о росте внебрачных связей во время войны и резкий рост разводов после возвращения солдат домой можно только по крупицам собрать из мемуаров, писем или косвенных свидетельств. Страх смерти резко изменил отношение

* Цит. по: *Marwick A.* Women at War. P. 107; о Марии и Ирен Кюри см.: *Reid R.* Marie Curie, derrière la légende. Paris: Editions du Seuil, 1979; *Giroud F.* Une femme honorable. Paris: Fayard, 1981; *Loriot N.* Irène Joliot-Curie. Paris: Presses de la Renaissance, 1991.

к «другому», не только обострив «боль любви», но и сделав саму идею любви ничтожной. Обычай, когда свадьбе предшествовало длительное обручение, стал частью прошлого. Как предположила Мишель Перро, война даже внесла свой вклад в «возникновение современной супружеской пары, жизнь которой предопределяет требование личностной самореализации, а не наследование семейного состояния»*. Вынужденное раздельное проживание супругов и широко распространенная «смена партнеров» (писатель-солдат Жан Нортон Кру назвал это «chassé-croisé des ménages») пробуждали новые желания, отраженные на эротических открытках, в журналах, в театральной продукции, проявлявшиеся в росте числа супружеских измен и в нетрадиционных отношениях. Однако добавилась ли к этому сексуальная жажда, "Diable au corps" («Дьявол во плоти»), как гласило название романа скандального поэта Раймона Радиге, которому на тот момент был 21 год? Его роман, опубликованный в 1923 году, представлял собой историю о том, как порочная неверная жена (poilu) обучает одну юную девушку. Как и "La Garzonne", его роман имел скандальный успех, ведь он воскрешал в памяти все подозрения, и горечь, и страхи, которые сопутствовали образу одинокой женщины в военное время. Что было новым и наиболее заметным, так это возможность для женщины жить одной, выходить из дома без сопровождения, принимать на себя всю полноту семейной ответственности – прежде все это казалось невозможным и опасным. Некоторые женщины, совершенствуя высокий патриотический слог, даже осмеливались писать в каких-либо журналах, отмечая торжественные события или напоминая об упорном труде и невзгодах военных лет. Лишь немногие из них смогли найти издателя, отсюда возникает вопрос: сколько же подобных произведений исчезло, и сколько может оставаться на чердаках, ожидая своего открытия и публикации (как это делает, например, уже в течение нескольких лет Архив народных сочинений в Тренте, Италия)**

В Италии женский опыт военного времени имел в известной мере революционный характер, потому что война, в которую государство вступило на стороне союзников в 1915 году, разрушила традиционные элементы идентичности женщины: частную жизнь, дом и репродуктивную сферу. Между тем речь идет о стране, пропитанной среди-

* *Perrot M.* Sur le front des sexes: un combat douteux // Vingtième siècle. 3, 71 (July 1984); см. также: Ariès P., Duby G. Eds. A History of Private Life. Vol. 4, 5. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989–90.

** По поводу Франции см., например: *Deletang L.* Journal d'une ouvrière parisienne pendant la guerre. Paris, 1935; *Lesage M.* Journal de guerre d'une Française. Paris, 1938.

земноморскими традициями чести и католической моралью, стране, на которую сильное влияние оказали взгляды Чезаре Ломброзо и его последователей, искавших медицинское обоснование для исключения женщин из публичной жизни. Паола ди Кори интерпретировала эти изменения, анализируя фотографии, которые в первый раз показали итальянских женщин в публичной сфере; сначала занимающихся благотворительностью, а потом и на производстве. Эти женщины излучали уверенность, компетентность и горделивую маскулинную манеру держать себя. Однако итальянские репортеры все еще манипулировали фотографиями таким образом, чтобы создать представление, что женщины остаются в своем собственном мирке и едва ли могут представлять человеческую расу в целом. В то время как британское печатное издание «Иллюстрированные военные новости» без колебаний показывало солдат, занятых какой-либо домашней работой или иронически рисовало их переодетых в женщин, итальянские газеты публиковали фотографии только мужчин, занятых мужскими занятиями. Более того, итальянские журналисты в своих комментариях подчеркивали невозможность будущего равенства между полами, патологический характер нынешней инверсии ролей, а временами даже приравнивали работающих женщин к проституткам*

Давление традиции и неопределенность современности

Так что же, революция погибла в самом зародыше? Свобода была условной? Действительно, перемены, связанные с войной, были ограничены (объективно и субъективно) сохранением и даже усилением системы традиционных половых ролей и всей символической системой, которая отдавала солдатам на войне экономический, социальный и культурный приоритет. Прочие факторы, такие как социальная группа, возраст, семейное положение, национальность и личная биография, были, конечно, также важны. Это миф, что страдания и служение объединили женщин в единое сообщество — за исключением, может быть, первых нескольких месяцев войны. Понятиями «мобилизация» и «работа на войну» обозначали обширнейшее разнообразие личных опытов — разнообразие, которое подобной солидарности мешало. Воздуха свободы довелось отведать в основном более молодым женщинам. Освобожденные от родительского надзора работающие

* *Di Cori P.* Il doppio sguardo. Visibilita dei generi sessuali nella rappresentazione fotografica (1908–1918) // D. Leoni, C. Zadra, Eds. La Grande Guerra. P. 765–800; в этом же сборнике статей см. также: De Giorgio M. Dalla 'Donna Nuova' alia donna della 'nuova' Italia. P. 307–329.

девушки любили проводить время после работы в кампании друг друга. Молодые женщины из среднего класса еще более «преобразились» благодаря собственным социальным или интеллектуальным приключениям. Это и есть как раз те самые женщины, которые внесли ноту оптимизма в устную историю о том времени, собранную столь недавно и запоздало. Напротив, женщинам из рабочего класса со своими семьями было во время войны труднее всего, особенно в Центральной Европе, где лишения не заставили себя долго ждать.

Соединенные Штаты Америки заслуживают особого внимания — и поскольку они вступили в войну поздно, в апреле 1917 года, и потому что их население было достаточно разнородным. Здесь женщины уже в довоенное время поступали на рабочие места, что происходило благодаря введению новых методов производства. Война в Европе, приостановившая иммиграцию и увеличившая экспорт, привела к недостатку рабочей силы, что поощряло работодателей нанимать женщин уже задолго до того, как военные службы, постепенно наращивая темпы, призвали около двух миллионов мужчин. По этой причине не приходится говорить о значительном росте числа работающих женщин в США в период Первой мировой войны (в отличие от Второй мировой войны). Вместе с тем, в те годы произошли изменения, связанные с расовым, половым и географическим аспектами работы. Белые женщины заменили белых мужчин в тяжелой промышленности, в офисах, на транспорте. Чернокожие женщины, прежде работавшие в качестве сельскохозяйственных рабочих или домашней прислуги, заменили белых женщин и чернокожих мужчин в традиционно женских секторах, где заработная плата была низкой, а работа тяжелой*. На Юге, где расовые волнения обнаружили подлинный масштаб дискриминации, чернокожие женщины объединились с помощью федерального правительства в рядах особой организации, использовав возможности как продемонстрировать свой патриотизм, так и продвинуть социальные реформы. Однако война закончилась слишком быстро для того, чтобы сколько-нибудь значительные социальные изменения были доведены до ощутимого результата, и последующий рост нетерпимости и консерватизма положил конец многим прогрессивным мечтам, символом которых выступал президент Вильсон**

---

* *Greenwald M.W.* Women, War and Work: The Impact of World War I on Women Workers in the United States. Westport: Greenwood Press, 1980.

** *Breen W.J.* Black Women and the Great War: Mobilization and Reform in the South // The Journal of Southern History. August 1978. Vol. 44; *Kennedy D.M.* Over Here: The First World War and American Society. New York: Oxford University Press, 1980.

Был ли Женский комитет, учрежденный 21 апреля 1916 года в ответ на предложения женских организаций внести вклад в военный успех своей страны, чем-нибудь бо́льшим, чем жестокой шуткой, имевшей целью направить усилия женщин из среднего класса в такую безобидную деятельность, как кампания против ненужной траты продуктов или продажа «Займов Свободы»? Именно так расценивала этот факт в 1925 году феминистка Ида Кларк – вопреки ее энтузиазму в военные годы, энтузиазму, широко разделяемому многими женщинами в 1917–1918 годах, когда конфликт разворачивался вдалеке, и мужчины были втянуты в него надолго*. Невзирая на авторитет возглавлявшей Комитет Анны Говард Шоу, ему не хватало власти и финансовых ресурсов. Комитет не получил допуска к обеспечению помощи войскам, что стало прерогативой Красного Креста и YMCA. Некоторые американки организовывали благотворительные службы за рубежом. Так, Анна Морган вместе с миссис Мюррей Дайк была основательницей Американского Комитета для пострадавших регионов, и ее имя до сих пор украшает одну из организаций медицинской помощи в Суассоне**. Эти филантропки репрезентировали себя как «современных женщин», носили короткие волосы и исповедовали *передовые* взгляды на гигиену. Но мобилизация американских женщин в целом оставалась ограниченной и вялой. Суфражистское движение финансировало, однако, Американские женские госпитали, персонал которых был отмечен множеством наград за работу, достойную поощрения. Однако эти госпитали вынужденно учреждались в Европе, что происходило не только из солидарности с воюющими нациями Старого Света, но также и потому, что их врачей не принимали на службу в американскую армию.

Лишь с 1918 года под давлением феминистских групп появились федеральные организации, оказывавшие содействие найму женщин на промышленные предприятия. Возглавляемые такими известными реформистками, как Мария ван Клеек, или профсоюзными активистками, как Мэри Андерсон, которые стремились одновременно и помочь женщинам адаптироваться к условиям труда, и защитить их от эксплуатации, эти организации стремились внедрить новые меры социальной защиты, однако они встретили сопротивление от работодателей, не желавших улучшать условия труда или платить работницам столько же, сколько выполнявшим такую же работу мужчинам. Национальная военная комиссия по труду (National War Labor Board), в которую вошли пред-

* *Clarke I.C.* Uncle Sam Needs a Wife. Chicago, 1925. P. 5.Цит. по: O'Neill W.I. Feminism in America. P. 191.

** *Diebolt E., Laurent J.-P.* Anne Morgan: une Américaine en Soissonnais (1917–1952), частным образом опубликованная Медицинской общественной ассоциацией Анны Морган в 1990 году.

ставители профсоюзов, объединений, бизнеса и правительства, была учреждена в апреле 1918 года, чтобы разрешать трудовые конфликты в стратегически важных отраслях промышленности. Тем самым был сделан решающий шаг к признанию принципа равной оплаты за равный труд и минимальной заработной платы, достаточно высокой, чтобы позволить женщинам, равно как и мужчинам, жить в «здоровом и разумном комфорте». Однако такая политика не могла устоять под двойным давлением со стороны закона и традиций, с характерным для них неприятием равенства полов на рабочем месте. Доказательство тому — решения Комиссии по поводу знаменитых дел трамвайщиков Кливленда и Детройта, имевших место сразу после перемирия, а также отказ этой организации принимать в число своих членов женщин*.

Что было удивительно и в Европе, и в США, так это решимость ограничить роль женщин в производстве лишь временным замещением должностей (британцы говорили: «только на время»). В помощи женщин нуждались в военное время, а потом их непостижимо загадочной «природе» снова предъявили обвинение. Идеи о том, что только определенные занятия являются подходящими для женщин, обрели второе дыхание, равно как и выводы, согласно которым некоторые профессии являются исключительно мужскими привилегиями (среди последних — адвокаты, инженеры путей сообщения и ученые-медики). «Предоставьте раны докторам, а раненых — медсестрам», — заметил один французский врач. Это верно, что во Франции и Германии война сделала более привлекательной профессию медсестры; медсестер теперь награждали дипломами, и подобная карьера считалась вполне достойной для молодой женщины среднего класса. Однако вопреки напряженным усилиям Ханны Гамильтон повысить статус медсестры и подчеркнуть исключительную важность медицинского ухода, этой основной функции медсестры, иерархию в медицине возглавляли доктора, а главными добродетелями медсестры считались преданность делу (devotion) и осторожность**. В течение всей войны центральным местом активности женщин продолжали оставаться благотворительные собрания и организации: в качестве волонтеров они готовили здесь для фронта вязаные вещи, перевязочные материалы и предметы для ухода.

* *Conner V. J.* 'The Mothers of the Race' in World War I. The National War Labor Board and Women in Industry // Labor History. Winter 1980. Vol. 21.

** A. Mignon, главный врач Третьей армии, цит. по: *Thébaud F.* La femme au temps de la guerre de 14. P. 93; о медсестрах см. также: Y. Knibiehler. Ed. Cornettes et blouses blanches: les infirmières dans la société française 1880–1980. Paris: Hachette, 1984; *Diebolt E.* La Maison de santé protestante de Bordeaux, 1863–1934. Toulouse: Erès, 1990; *Collière M.-F.* Promouvoir la vie. Paris: Inter-Editions, 1982.

Война имела серьезные негативные последствия для сельских регионов Франции н Италии. Крестьянки замещали не только мужчин, но и скотину, реквизированную на фронт. Условия различались в зависимости от региона и размера хозяйства, и очень много вопросов еще нуждается в дальнейшем изучении. Прежнее разграничение обязанностей в соответствии с половой принадлежностью стало невозможным. Женщины и пахали, и сеяли, и косили, и обрабатывали виноградную лозу медным купоросом. Они выручали своих соседей, ссорились с чиновниками и даже укрывали юных дезертиров (несколько таких случаев известно в Пьемонте). На фермах женщины могли теперь дать волю некоторым своим скромным прихотям. Это стало возможным благодаря большему доступу к рыночной экономике, да и солдаты возвращались домой с новомодными идеями, позаимствованными ими от товарищей по окопам. Но работа была изнурительной для всех — от молодых до самых старых, и мечты о мгновенном освобождении *от тяжелых условий* сельского труда следовало *на время забыть.* Идеология сельского хозяйства предписывала женщине, помимо обработки земли, еще и роль хранительницы сельских обычаев; надлежащее поведение навязывалось ей всем обществом. *Здесь сильнее, чем где-либо еще, пожилым женщинам надлежало контролировать молодых,* а братьям — претендовать на власть над сестрами. Если мужчина был призван в армию, то его родители, тесть и теща или другой родственник обычно *принимали* ответственность за управление хозяйством. То есть в этой ситуации больше выигрывали молодые мужчины, а не женщины*

На заводах к работницам, которых нанимали без особого желания, относились с подозрением и работодатели, и работающие рядом рабочие-мужчины. *Окружающая среда* очень *слабо* поощряла женщину развивать свой потенциал. В Великобритании качество женской рабочей силы повергалось сомнению в течение всей войны. Мужская солидарность часто брала верх над солидарностью классовой. В Германии, которая начала подготовку к демобилизации еще в 1915 году, повсюду — от Рейхстага до BDF — звучали требования вернуть статус-кво во имя солдат и нации. Профессиональное обучение в Германии было даже большей редкостью, чем во Франции и Англии, где правительства совместно с крупными предприятиями учредили обучающие программы для рабочих. Для того, чтобы использовать неопытных рабочих, был реорганизован процесс труда, введены автоматы, а работницам поручены специфические несложные задачи под руководством масте-

---

* *Thébaud F.* La Femme au temps de la guerre de 14. P. 147–158; *Bravo A.* Per una storia delle donne: donne contadine ę prima guerra mondiale // Societa e historia. 1980. Vol. 10.

ров-мужчин, которые порой воспринимали себя как «дамских угодников». Эти изменения («на время») оказались постоянными, тем самым, создавая еще одно яблоко раздора между квалифицированными рабочими и женщинами. Промышленники повсюду «открывали» таланты женщин: они усердны, внимательны к деталям, пригодны для выполнения монотонных задач. Некоторые женщины были поставлены, например, работать на конвейеры, где собирались гаубицы, другие – на производство мелких деталей для машин, что требовало величайшего терпения. Это и были сферы, в которых работа женщин оказывалась наиболее эффективной.

Легендарно высокие зарплаты военного времени были доступны далеко не всем, и женщины, поскольку они работали на наименее оплачиваемых рабочих местах, фактически оплачивали своим трудом большое жалование, которое кто-то получал в другом месте. Традиционные женские занятия все еще оценивались скудно, особенно для тех, кто работал в сфере надомного труда, где законы о минимальной заработной плате (установленный в 1909 году в Великобритании и в 1915 году во Франции), даже несмотря на активность таких женщин, как Жанна Бовье и Сильвия Панкхерст, было сложно провести в жизнь*. В Германии разрыв между мужскими и женскими заработными платами уменьшился, но реальные зарплаты упали из-за взлета цен на черном рынке. В Великобритании, напротив, в течение второй половины войны реальные зарплаты возросли; во Франции же, вопреки росту цен, они стойко держались на прежнем уровне. Однако многим рабочим выплачивали заработную плату по частям, что сводило на нет принцип «равная оплата за равный труд». Британцы ввели подобную практику весной 1915 года, для того чтобы склонить на свою сторону профсоюзы в вопросе о «размывании». Промышленники обычно платили минимум, составлявший один фунт в неделю, обосновывая это тем, что женщины не делают ту же самую работу, что и мужчины, и к тому же в любом случае имеют другие источники существования. Помимо исключительных случаев и тех побед, которые были вырваны после ожесточенной борьбы, заработные платы в зависимости от пола разлнчались, будучи намного меньше для женщин,*чем для мужчин (в среднем наполовину). Мужские профсоюзы в целом принимали принцип равной оплаты за равный труд, но лишь потому, что были уверенными: женщины после окончания войны будут уволены. И при этом они отказывались принимать женщин в свои ряды. Однако работницы сами объединялись в союзы: почти четверть из них к концу войны принадлежала к Нацио-

* *Bouvier J.* Mes mémoires. Paris: Découverte/Maspéro, 1983); *Pankhurst S.* The Home Front. London: Hutchinson, 1932.

нальной федерации женщин работниц (National Federation of Women Workers), где они овладевали опытом промышленных сражений. Но этот профсоюз также не ставил под сомнение принцип, что работницы, нанятые в соответствии с соглашениями о «размывании», должны быть уволены, когда солдаты вернутся: такова была цена допуска в британский тред-юнионизм.

По всей вероятности, именно во Франции, женщины были инкорпорированы в сообщество рабочих в наибольшей степени, а разрыв между зарплатами мужчин и женщин был наименьшим, что стало результатом действия тарифной сетки заработной платы, введенной министром Альбером Тома в январе 1917 года*. Тем не менее как отмечает Жан-Луи Робер, даже во Франции женщины и рабочее движение оказались неспособными сотрудничать друг с другом, несмотря на некоторое улучшение обстановки весной 1917 года, когда после серии забастовок формируется образ работницы: воинственной профсоюзной активистки. Но война не смогла расширить брешь, впервые появившуюся в 1914 году**. Вместо этого укрепилось традиционно враждебное отношение к женскому труду, возросло презрение к якобы присущему женщине послушанию и усилилась ностальгия по идеализированному домашнему хозяйству рабочих семей. Если известный нонконформизм молодежи рабочий класс был готов терпеть, то женщины, как и иммигранты, подвергались маргинализации — рабочая среда с трудом воспринимала возрастающее разнообразие жизни. Рабочие занимали выжидательную позицию; в официальных же заявлениях их лидеров этот запутанный вопрос вообще не затрагивался. Находящийся в плену как милитантистской морали, так и могущественного корпоративного духа пролетарий оказался неспособным понять, что присутствие женщин на предприятии может привести к улучшению отношений на рабочем месте и оказать позитивное влияние на новое социальное законодательство, выгодное для всех. Профсоюзы призывали вместо этого к особым мерам социальной защиты, полагая, что такие меры — вольно или невольно — преградят женщинам путь к тем профессиям, где доминировали преимущественно мужчины.

Как установила Дебора Том, война укрепила воззрения довоенных теоретиков, которые по преимуществу рассматривали женщин в качестве слабого пола и полагали, что основное предназначение женщины за-

---

* См.: *Hardach G.* в: La Mobilisation industrielle en 1914–1918: production, planification et idéologie // 1914–1918: l'autre front; *Hennebicque A.* Albert Thomas et le régime des usines de guerre, 1915-1917 //1914–1918: l'autre front; *Dubesset M., Thébaud F.* Vincent C. Les Munitionnettes de la Seine // 1914–1918: l'autre front

** *Robert J.-L.* Ouvrièrs et mouvement. Ch. 11,12.

ключается в том, чтобы быть прежде всего «матерью рода человеческого». Конечно, война также вела к ослаблению многих норм общежития, к ухудшению условий труда и условий жизни (перенаселенные рабочие кварталы, плохо работающий транспорт). Она заставила женщин, работающих в некоторых отраслях (особенно в оборонной промышленности), выполнять тяжелую опасную работу. Источники рассказывают о женщинах, юных и крепких, жертвовавших своим здоровьем, а иногда и жизнью ради работы, которая требовала одиннадцати-двенадцати часов ежедневного труда, причем как в дневную, так и в ночную смены*. Сначала в Великобритании (1915), а позднее во Франции и Германии особые комитеты, состоящие из чиновников, промышленников, лидеров профсоюзов, врачей и феминисток, призывали к проведению специальной социальной политики, направленной на оказание помощи работницам военной промышленности. Речь шла о предоставлении им более гибкого рабочего графика, обедов в заводских кафетериях, возможности лечения во внутриведомственных амбулаториях и ухода за детьми**. Последнее было редкостью даже в Англии, являвшей собой образец благосостояния рабочего класса. В 1917 году только сто восемь заводов здесь предоставляли подобную возможность; на небольших заводах такие возможности (вместе с прочими социальными службами) практически отсутствовали. Помимо этого, необходимо упомянуть и повсеместное игнорирование опасности заболеваний на производстве, самым серьезным из которых стало отравление тротилом.

В Германии интенсификация производства оставалась основным приоритетом, и, следовательно, результаты социальной политики были ограниченными, несмотря на личное вмешательство императрицы Августы-Виктории. Эти результаты в основном свелись к тому, что крупные фирмы стали нанимать специальных служащих — так называемых Fabrikpflegerinnen, женщин среднего класса, часть из которых была феминистками; их работа должна была способствовать улучшению климата среди работников как на предприятии, так и за его стенами. Они совершенствовали методы управленческой деятельности, что позднее станет использоваться работниками новых профессий — менеджерами по персоналу и социальными работниками. Результатом их деятельности стала более эффективная система социального контроля в соответствии со стандартами поведения среднего класса и под прикрытием

* См., например: *Cosens M.* Lloyd George's Munition Girls. London: Hutchinson, 1916, цит. по: *Braybon G.* Out of the Cage, или Capy M. La Femme a l'usine // La Voix des Femmes. November 17, December 17, January 18.

** В Великобритании — The Women's Employment Committee, The Health of Munitions Workers Committee; во Франции — the Comité du Travail Féminin, в Германии — Der Nationale Ausschuss für Frauenarbeit im Kriege.

слов о социальном согласии и сестринской солидарности. Возможно, это и служит объяснением того, почему аналогичная британская Программа надзора за благосостоянием женщин (Lady Welfare Supervisors Program) так никогда и стала популярной вопреки тем благам, которые эта программа предоставляла. Во Франции так называемые surintendantes d'usine появились относительно поздно, и их усилия встречали значительное противодействие. После войны, однако, они продолжали функционировать и содействовали правительственной пронаталистской политике*. Желая одновременно иметь и как можно больше детей, и как можно больше гаубиц, Франция пыталась примирить промышленный труд с материнством. Закон Энжерана (август 1917) потребовал от работодателей создавать специальные медицинские комнаты для кормящих грудью матерей. Годом спустя «восстановление численности населения» станет лозунгом французской политики, а женщинам напомнят об их обязанности рожать детей.

Жесткое ядро семьи

Проститутка или мать: для женщин веер возможностей сексуального поведения оставался таким, каким он был всегда – застывшим, жестким выбором между диаметральными противоположностями. Как никогда прежде, семью расценивали в качестве основополагающей ячейки общества. Если в Соединенных Штатах беспрецедентное внимание привлекали опасности секса, то в Европе – двойной стандарт. Причем двойной стандарт, так неистово порицавшийся феминистками (предположительно скорее во имя чистоты нравов, чем сексуального освобождения), приобрел что-то вроде патриотического измерения. В то время как женская аморальность третировалась в качестве преступления, сопоставимого с государственной изменой, проституция официально санкционировалась в качестве необходимой, если не сказать, заслуженной, компенсации для солдата. Неверные жены клеймились как непатриотки, особенно те из них (их было больше в сельских районах, чем в городах), кто имел связи с пленниками: в немецкой прессе их могли пригвоздить к позорному столбу и опозорить штрафами и тюремными сроками. Во Франции суровость, проявлявшаяся судами по отношению к неверным женам, могла соперничать лишь с их мягкостью по отношению к солдатам, обвиненным за убийство

* Помимо работ Гейл Брэйбон (Gail Braybon) и Юты Дэниэл (Ute Daniel), цитированных выше, см.: *Downs L. L.* Women in Industry, 1914–1939: The Employer's Perspective: A Comparative Study of the French and British Metals Industry. Thesis. Columbia University, 1987; *Fourcaut A.* Femmes a l'usine en France dans l'entre-deux-guerres. Paris: Maspero, 1982.

изменниц. За британскими женщинами присматривали, как за детьми, в случае же «нарушения приличий» им угрожало лишение пособия за раздельное проживание. В некоторых городах, близких к военным базам, женщинам даже запрещалось посещать пабы или выходить по вечерам на улицу.

Военные власти на земле Джозефины Батлер (Великобритания. – *Т. Р.*) даже намекнули на необходимость возрождения знаменитого Акта о заразных болезнях с его драконовским контролем за проституцией, но из этого предложения ничего не вышло. В других странах война положила конец процессу, описанному Аленом Корбеном на примере Франции: проститутки были возвращены в особые дома, имевшие лицензии, и в военные бордели (которые в Италии назывались «*casini del soldato*»). Позиции приверженцев регуляции проституции укреплялись*. Проститутки получали особые удостоверения, подвергались постоянным медицинским обследованиям и принудительно госпитализировались. Нелегально практикующие в этой социальной среде врачи подвергались гонениям, а некоторые из них подозревались в шпионаже или в бактериологических диверсиях. Венерических заболеваний, которые могли истощить силы армий и испортить всю «расу», боялись даже больше, чем туберкулеза. Солдат учили профилактике и осматривали на предмет проявления признаков заболеваний. Хотя, кто знает, сколько жен было заражено мужьями после их возвращения домой?

Была ли права писательница Коллет, предположившая, что солдаты на фронте страдали от «комплекса сироты», заставлявшего их потом жениться в поисках не столько возлюбленной, сколько матери? Историкам все еще сложно писать об изменении ожиданий одного пола в отношении другого. Возможно, сниженный сексуальный язык, превалирующий в газетах, пьесах и переписке того времени, отразил девальвацию ценности женщин**.

Конечно, именно история семьи наиболее полно вскрывает диалектический и противоречивый характер конфликта: военная и промышленная мобилизация разрушила семейную жизнь и в то же время дала импульс тем политическим и социальным процессам, которые были способны восстановить традиционную семейную структуру. Мужчины ушли на фронт, но государство взяло на себя их функции: обеспечивать семью и поддерживать в ней дисциплину. Во Франции, например, где замужние женщины все еще считались юридически недееспособными, закон от 3 июля 1915 года дозволил матерям осуществлять отцовскую

* *Corbin A.* Filles de noce: misère sexuelle et prostitution au XIXe siècle. Paris: Aubier-Montaigne, 1978; Franzina E. Il tempo libero dalla guerra: Case del soldato e postriboli militari // Leoni D., Zadra C. Eds. La Grande Guerra. P. 161–230.

** *Colette.* La Chambre éclairée // Les Heures longues. Paris, 1917.

власть и совершать правовые действия без разрешения своих мужей — в случае когда суд решал, что дело является неотложным и что при этом мобилизованный супруг не в состоянии исполнять свои правовые обязанности. Более того, смерть большого количества мужчин и падение уровня рождаемости привлекли внимание к прежде незаметным политическим движениям — наталистов, фамилистов и гигиенистов. Помимо этих изменений, стала заметной новая демографическая политика, взявшая на вооружение в решении проблемы метод кнута и пряника. Для стимулирования рождаемости в семье предлагалось проведение новой медицинской и социальной политики, призванной отвечать интересам матерей и детей. Политика, которую проводили другие страны, была в целом примечательно схожей, хотя и различалась темпами и характером аргументации*.

Во Франции, где были распространены мальтузианские взгляды и где социальное законодательство было очень отсталым, открытки военного времени с бесконечными вариациями на тему любви, детей и семьи отражали особое значение детей в культуре, способствуя тем самым постепенному усвоению наталистской идеологии низшими слоями общества. Ожесточенные дебаты военного времени привели в итоге к утверждению законов (в 1920 и в 1923 гг.), объявивших нелегальными рекламу средств контрацепции или поиски возможностей для аборта. В Великобритании проводимая в течение десятилетия кампания по защите матерей и детей дала по крайней мере результат: число центров матери и ребенка удвоилось, и в 1918 году был принят Закон об охране материнства и детства, а в 1919 году было учреждено министерство здравоохранения. Подчеркнем, что сама риторика этой кампании была пропитана враждебностью по отношению к женскому труду, и эта враждебность возрастала; многое из этой риторики имело целью пробудить в работницах чувство вины (например национальная неделя младенца в 1917 и 1918 годах). Ставший следствием войны дисбаланс численности мужской и женской части населения превратился в навязчивую идею: необходимо было что-то делать для спасения мужчин. В Германии, где радикальное снижение рождаемости осложнилось результатами войны и недавним изменением демографического поведения, правительство в ответ на давление со всех сторон приняло грандиозную программу борьбы за общественное здоровье вместе с более суровыми штрафами за контрацепцию и аборты. (Хотя, следует заметить, для реализации этой программы было сделано немного.) Эта политика была введена от имени Volksgemeinschaft, народного сообще-

* *Wall R., Winter J.* Eds. The Upheaval of War. См. введение и главу 4 о социальной политике и семейной идеологии (Social Policy and Family Ideology).

ства: органицистская идеология исходила из того, что семья представляет собой основополагающую ячейку более крупного организма, Volk, или народа, что контроль за рождаемостью есть симптом вырождения, и, наконец, что материнство является жизненно важной функцией женщины, которая не обладает правом решать, становиться ей матерью или нет. Социал-демократы и феминистки из BDF протестовали против такого вмешательства правительства в частную жизнь, хотя и сами они расценивали материнство как природную обязанность женщины и, разумеется, как долг перед Родиной. Самые радикальные из французских наталистов называли деторождение «налогом на кровь», который якобы только и мог восстановить подобие суровой справедливости между мужчинами и женщинами.

Тем не менее пронаталисткое движение оказалось неспособным изменить поведение людей. Брачные пары регулировали деторождение при помощи coitus interruptus или абортов. Аборты были распространены среди низших классов, и запрет контрацепции только добавлял им популярности. Женщины – сторона, которой это касалось в первую очередь – часто не имели ни мужества, ни сил рожать в условиях военного времени.

«Налог на кровь»

Разве к месту говорить о страданиях женщин, когда они не встречали лицом к лицу смерть, поджидающую тебя за каждым углом? В своей поэме «Невоюющая» ("Non Combatant") английская поэтесса Сесилия Гамильтон описывала дилемму «бытия нахлебника»; между тем другие женщины говорили о вине тех, кто выжил, и о бесстыдстве тех, кто осмеливался позволить себе флирт, после того как их мужчины погибли*.

Смерть мужчин и боль женщин

Даже если не принимать в расчет убитых и раненых во время Гражданской войны и интервенции в России, военные потери в Первой мировой войне огромны – около 9 миллионов павших. Радостное возбуждение первых дней войны вскоре уступило место ужасу перед невероятным кровопролитием. Такая маленькая страна, как Сербия, потеряла четверть своей армии, Франция принесла в жертву 1,3 мил-

* *Hiamlton C.* Non-Combatant // Reilly. C. Ed. Scars upon My Heart.

лиона своих мужчин, что составляло 10 % от всех мужчин и более 3 % от населения в целом. Потери Германии составили 1,8 миллионов мужчин, около 3 % ее населения, а Италии и Соединенного Королевства — по 750 тысяч солдат, по преимуществу это были молодые люди.

На Западе, где фронт быстро стабилизировался, военные действия уничтожали войска, но щадили гражданское население. За линией фронта война едва чувствовалась — исключением были несколько бомбардировок, ущерб от которых был немногим больше, чем от случайных взрывов на оборонных заводах, которые происходили постоянно. Число гражданских потерь держалось в тайне; возможно, в Англии они составили 1 500 человек, в Париже — 600 человек, причем большинство из них приходится на 1918 год, когда немцы обстреливали город из знаменитых «Больших Берт». Тогда многие парижане, напуганные наступлением немецких войск, как и в 1914 году, покинули город.

Эти цифры потерь помогают представить повторенные миллионы и миллионы раз слезные прощания, бесконечное одиночество, вынужденное безбрачие, физические лишения и мучительное ожидание известия о том, что муж, сын, возлюбленный ранен, взят в плен или «пал, исполняя свой долг». Публичные собрания становились похожими на похороны из-за обилия женщин в черных платьях и вуалях. Образами из истории, литературы и даже религии женщин побуждали стать «сеятелями отваги», убеждать сыновей и мужей быть бесстрашными, а если случится, и героически принять свою смерть. Однако не все женщины откликались на подобные призывы. Мы можем судить об этом не только непосредственно, из их собственных текстов, но и косвенно — из сообщений полиции и негодования джингоистов, отвергающих подобный патриотизм. Боевой дух ослабевал, по мере того как затягивалась война, и смерть в конце концов становилась обычным явлением. Считалось, что женщины часто оказывались неспособными заменить отца своим сыновьям, обеспечить надлежащую дисциплину и в случае необходимости наказать. Скорбящие матери были закрытой темой для критики, однако такой темой не были вдовы, которых насчитывалось приблизительно по 600 тысяч во Франции и Германии и более 200 тысяч — в Великобритании; вдов, подозреваемых в том, что они приносят недостаточную жертву памяти своим павшим мужьям, сурово осуждали. Французский писатель Морис Баррес предложил наделять вдов, верных своему долгу, правом голоса вместо павших супругов; это «право голоса павших» также помогло бы спасти Францию от «правления тех, кто уклонился от войны». В Германии феминистки не смогли убедить правительство выплачивать пенсию матерям. Однако, чтобы помочь «детям павших героев», содержание получили вдовы. При этом в обмен на такие выплаты долга нации тем, кто пожертвовал собой,

правительство установило строгий контроль над частной жизнью получательниц этой помощи. Хотя Франция и Германия запоздало (соответственно в 1919 и 1929 гг.) провели законы, направленные на улучшение бедственной ситуации, в которой оказались многие солдатские вдовы, эти женщины, как подчеркнула Карен Хойзен, все же оставались среди забытых жертв войны*

Нет никакой справедливости в том, кого война выбирает своей жертвой. Неравенство, связанное с отношением к риску быть убитым на поле боя, не соответствовало социальным границам: жены шахтеров, железнодорожных инженеров и высококвалифицированных рабочих наслаждались завидной привилегией видеть своих мужчин далеко от линии фронта, иногда даже и дома. Во Франции социальными слоями, наиболее страдающими от бедствий войны, были, с одной стороны, крестьяне, из которых в основном состояла пехота, и, с другой — студенты университетов и люди, имеющие специальность, профессионалы, которые добровольно служили офицерами. В Англии Общество евгеники (Eugenics Education Society), возглавляемое младшим сыном Чарлза Дарвина, высказывало обеспокоенность тем, что нация потеряла «наилучшую» репродуктивную породу (молодых мужчин из среднего и высшего класса), и стремились убедить общество в том, что инвалидность, полученная на войне, не передается по наследству**. Среди жертв войны были и несчастные юные девушки, чьи женихи возвращались домой инвалидами, и многие другие женщины, обреченные на вечное одиночество по причине неожиданного отсутствия на брачном рынке женихов. Таким «непорочным» вдовам рекомендовалось суррогатное материнство — например, быть преданными тетями по отношению к племянникам или выполнять благотворительную работу для матерей и детей в целом.

Эти лишения личного характера, которые затронули так много жизней, нельзя считать неважными. Другие испытания еще ждут своего исследователя. Очень немного, например, известно о последствиях интервенции и оккупации или о жестоком голоде, который поразил Россию и соседние с ней страны.

Суровые испытания женщин

Бедствия нацистской оккупации вытеснили из сознания французов воспоминания о жизни в оккупированной немцами Северо-Восточной

* *Hausen K.* The German Nation's Obligations to the Heroes' Widows of World War I // *Higonnet M.* et al. Eds. Behind the Lines. P. 126–140.

** *Soloway R.* Eugenics and Pronatalism in Wartime Britain // R. Wall, J Winter. Eds. The Upheaval of War. P. 369–388.

Франции во время Первой мировой войны. Но первое вторжение немцев также сопровождалось зверствами, включая разрушение деревень Орши и Жербевийер, изнасилования, казни заложников и потоки беженцев. В итоге около 3 миллионов человек потеряли кров над головой, когда в течение войны фронт передвигался вперед и назад. И это не считая 500000 репатриантов, граждан Франции, которым Германия разрешила оставить зону оккупации лишь для того, чтобы не кормить их (преимущественно это были женщины, дети и старики). В Реймсе, который из-за близости к линии фронта стал «городом-мучеником», почти 20000 жителей жили в винных погребах, пока их не выселили силой в канун Пасхи 1917 года, когда возобновились тяжелые артобстрелы. В то время как оккупированную Бельгию немцы передали под юрисдикцию генерал-губернатора, во Франции оккупационные власти имели все полномочия и использовали их, чтобы усилить чиновничий террор, конфисковывать провизию и заставлять мужчин и женщин работать на благо Германии.

Голодающее городское население заплатило болезнями и смертями и выжило только благодаря американской помощи. На два миллиона жителей оккупированной зоны за четыре года приходилось только 19 000 браков и 93 000 рождений по сравнению с 190 000 смертями. К лету 1915 года вдоль голландско-бельгийской границы было построено заграждение, по которому был пущен ток, и немцы разгромили созданные патриотами разведывательную сеть и сеть, организующую побеги. 11 октября была казнена Эдит Кэвелл, британская медсестра, управлявшая госпиталем в Брюсселе. Другие женщины, принимавшие участие в сопротивлении, были заключены в крепость Зигбург – там в 1918 году умерла Луиза де Бетинье, молодая женщина из Лилля, завербованная британской разведкой. Массовые депортации 1916 года (целые города были эвакуированы в отдаленные деревни) прекратились после массовых протестов во Франции и за границей, но тем не менее они оставались квинтэссенцией военных преступлений немцев, особенно в глазах французских женских организаций, мобилизовавших сестринские объединения с целью созвать Мирную конференцию и потребовать наказания за все варварские деяния, и особенно за недостойные действия по отношению к женщинам.

Джей Винтер привлекает внимание к парадоксу войны, который выявляется из сравнительного изучения демографической статистики – продолжительность жизни в Великобритании военного времени на самом деле возросла. Это улучшение явилось следствием не столько правительственной политики здравоохранения, сколько повышения уровня жизни, особенно очевидного в случае рабочего класса. Данный успех, без которого победа была бы невозможна, может быть объяс-

нен, в частности, умелыми действиями британской администрации и частично британским контролем над морями. Политика интервенции правительства Ллойд Джорджа, нашедшая кульминацию в обложении налогами товаров в 1918 году, помогла избежать серьезных нехваток товаров*. Англичане оказались даже более (чем французы, ужасно страдавшие от недостатка угля в течение долгих зим) готовыми к тому, чтобы терпеть лишения, . Бедствия были практически одними и теми же по обе стороны Ла-Манша: длинные очереди, некачественный хлеб, отсутствие мяса, алкоголя и табака. Те, кто ушел работать на военные заводы, поддерживались ресурсами домохозяйства; людей призывали есть меньше и придерживаться диеты не по причине пользы для здоровья, но из патриотических мотивов. Чтобы сэкономить силы, граждан убеждали самостоятельно устранять домашние поломки. Хотя трудности со снабжением касались каждого и работающие матери были ужасно перегружены (о чем свидетельствует рост младенческой смертности во Франции), война иногда казалась такой далекой, что люди могли почти забыть о ней, и некоторые возвращались к мирным развлечениям и увеселениям. В Париже патриотический аскетизм первых месяцев войны уступил место оживленному вихрю мюзик-холла и американским фильмам, свергнувшим с престола французское кино.

Центрально-европейские державы, сильно страдавшие от блокады, между тем не смогли организовать ни снабжение продовольствием, ни функционирование экономики в целом до такой степени, чтобы обеспечить армию и тыл. Гражданское население дорого заплатило за эту неудачу. По оценке Юты Дэниэл, только в Германии умерло от недоедания около 700 000 человек. Больше всего от голода страдали многодетные городские семьи или же те, которые жили на фиксированный доход. Дети школьного возраста подвергались большему риску, чем их младшие братья и сестры. Уровень смертности для женщин в возрасте от 15 до 30 лет вырос втрое между 1913 и 1918 годом. Распределение продуктов по карточкам, введенное в 1915 году, в следующем году расширилось – по карточкам стали распределять даже каштаны и желуди. Потребление мяса упало до самого низкого уровня начиная с 1800 года. Самое худшее наступило в 1917 году, году Kohlrübenwinter, или Брюквенной зимы, когда брюква заменила картошку в качестве главного продукта питания. Домохозяйки должны были выстаивать в длинных очередях и возвратиться к экономике выживания, которая выглядела таким анахронизмом на фоне вполне современной экономи-

* *Winter J.* Some Paradoxes of the First World War; Dewey P. Nutrition and Living Standards in Wartime Britain // R. Wall, J. Winter Eds. The Upheaval of War. P. 9–42, 197–220.

ки войны. В последний раз Западная Европа стала свидетелем «бабьего бунта», возглавлявшего протест бедных слоев населения. Согласно рапортам полиции, женщины из низших классов были в числе первых и среди тех, кто критиковал войну, и среди тех, кто на ней наживался, и среди тех, кто прибегал к стратегии выживания, что в конце концов и обрекло на неудачу попытки правительства нормировать продовольствие: женщины торговали продуктовыми карточками, воровали продукты из магазинов и полей, делали нелегальные покупки на «черном рынке» или у крестьян. В поисках какого-нибудь продовольствия от фермы к ферме бродили воскресные «хомячки» и сбившиеся в шайки голодающие юнцы. По мере того как увеличивалось численность этих групп, возрастало их безразличие к закону и его представителям, росло и насилие. В 1916 году женщины спровоцировали продовольственные бунты, превратившие немецкие города в театр военных действий: мужчины же тем временем продолжали проводить организованные дисциплинированные демонстрации, а лидеры рабочего класса осуждали то, что они называли «инстинктивным» поведением протестующих женщин. Действия этих женщин разрушали гражданское согласие, подрывали авторитет и легитимность имперского государства и способствовали его крушению*

В конце войны ослабленное население Европы было подвергнуто еще одному испытанию — эпидемии гриппа «испанки»; никто не знал, как ее остановить. Тремя волнами, с весны 1918 до весны 1919 года, «испанка» унесла миллионы жизней по всему миру, поразив в первую очередь молодых мужчин и женщин, что создало весьма безрадостный фон для окончания войны. Так, в конце октября 1918 года в Париже даже не хватало гробов и катафалков, чтобы провожать в последний путь три сотни ежедневно умирающих людей.

На Западе воюющие питали недобрые чувства по отношению к невоюющим; в Германии, однако, бедные женщины, которые должны были кормить семью в трудное военное время, испытывали даже большее негодование по отношению к так называемым военным спекулянтам. Для того чтобы оценить своеобразие опыта военного времени, мы должны больше сфокусировать внимание на опыте отдельных личностей — ткань истории образуется переплетением бесконечного числа личных и семейных историй. Одним из самых необычных документов является завещание Веры Бриттан (1873–1970), которое показывает не

---

* *Daniel U.* The Politics of Rationing versus the Politics of Subsistence: Working-Class Women in Germany, 1914—1918 // R. Fletcher. Ed. Bernstein to Brandt: A Short History of German Social Democracy. London, 1987; *Perrot M.* La Femme populaire rebelle // L'Histoire sans qualites. Paris: Galilee, 1979; см. также ее статью в четвертом томе этой серии.

только сколь разрушительна была война, но и то, как в результате своего жизненного опыта женщина становится феминисткой и пацифисткой. Хотя ее дневник и письма военного времени показывают нам женщину, разрывавшуюся на части между патриотизмом идеалистки и ужасами военной повседневности, с которыми она познакомилась на своей работе в госпитале, ее поздняя автобиография представляет собой антивоенный манифест и некую декларацию собственного обращения в христианский пацифизм, основанный на убежденности в том, что женщина миролюбива по самой своей природе*.

Мужская война, женский мир?

Весной 1915 года Ромен Ролан, автор антивоенного обращения "Au-dessus de la mklée" («Над схваткой.» – Т. Р.) призвал женщин Европы стать «живым воплощением мира в океане войны, вечными Антигонами, которые отказываются опустошать себя ненавистью и которые, страдая, не могут больше делать различия между «воюющими братьями»**. Являются ли женщины пацифистками по самой своей природе? Или они пацифистки, поскольку являются матерями? Можно ли говорить об особой женской нравственности? Неразделимы ли пацифизм и феминизм? Эти вопросы находились на повестке дня с самого начала войны, и ответы на них часто связывали со специфическими понятиями феминизма***. Интерпретировать эти ответы, не учитывая релевантные ассоциации, не всегда легко. Нельзя также игнорировать тот факт, что националистические чувства и у женщин, и у мужчин оказались сильнее пацифистских и что все усилия избежать войны потерпели крах. Вопрос о роли феминисток в пацифистском движении в целом исследован еще недостаточно, для того чтобы понять неудачу феминистского пацифизма.

Феминизм в 1914 году был движением международным, что было обусловлено общностью интересов женщин: борьбой женщин за право голоса, растущим интересом к вопросам материнства и частыми контактами феминисток различных стран. Задолго до этого времени движение провозгласило свою преданность делу мира: крупные марши

---

* *Layton L.* Vera Brittain's Testament(s) // M. Higonnet et al. Eds. Behind the Lines. P. 70–83.

** Призыв Ромена Ролана был опубликован в журнале Международного женского суфражистского альянса и в журнале Анри Гильбо *De-main*.

*** *Thibault O.* Ed. Féminisme et pacifisme: mkme combat. Paris: Les Lettres Libres, 1985.

мира состоялись в 1899 и 1907 годах. Часто провозглашалось, что, если бы женщины имели право голоса, они бы положили конец войне. Однако к тому времени среди феминисток еще не было дискуссии о том, как относиться к настоящему конфликту. Учрежденный в 1888 году от лица американских женщин Международный женский совет (International Council of Women, ICW), возглавляемый леди Абердин из Англии, насчитывал около пятнадцати миллионов членов в 25 национальных союзах-филиалах; на осень 1914 был намечен конгресс более радикального Международного Женского суфражистского альянса (International Woman Suffrage Alliance); на конгрессе организацию возглавила миссис Чэпмен Кэтт из США. В этих международных кругах BDF критиковали за ее традиционализм, который стал еще более явно выраженным, после того как объединение поглотило Евангелическую организацию женщин (Organization of Evangelic Women) и после того как Гертруда Боймер заменила в 1910 году на посту президента Мэри Стрит. В международном движении социалисток, сделавшим одной из своих мишеней «буржуазных женщин» и поставившим превыше всего классовую солидарность, доминировали немки. Возглавляла это движение также немка, и к тому же очень сильная личность, Клара Цеткин. Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) гордилась тем, что в ней насчитывалось около 175 000 женщин по сравнению только с полутора тысячами французских женщин в СФИО*

Война разрушила женские союзы интернационалистов точно так же, как она разрушила и рабочий Интернационал. «Покуда продолжается война, женщины наших врагов будут и нашими врагами», — писала Жанна Мисм в газете Française за 19 ноября 1914 года. Феминистки, на время забывшие о своих требованиях ради единства нации в военное время, точно так же отказывались и от своих международных альянсов в пользу национал-феминизма, призывавшего женщин служить нации. Одновременно они стремились склонить нейтральные страны присоединиться к той воюющей стороне, которую они считали правой, и противостояли любым попыткам достичь мира путем переговоров или мира без победы. Феминистки-патриотки стремились быть вдохновительницами мужества и содействовать делу нации, которое они отождествляли со справедливостью и цивилизацией. Они были исполнены лютой ненавистью к былым подругам, продолжавшим це-

---

* По поводу феминизма см. выше примечания № 13, 24 и, конечно, три книги Ричарда Эванса: *Evans R. J.* The Feminist Movement in Germany, 1894–1933. London: Sage Publications, 1976; Idem. The Feminists: Women's Emancipation Movements in Europe, America and Australasia, 1840—1920. London; Croom Helm, 1977; Idem. Comrades and Sisters: Feminism, Socialism and Pacifism in Europe, 1870—1945. Sussex: Wheatsheaf Books, 1987.

пляться за пацифистские идеалы, которые теперь считались близорукими, а то и преступно пораженческими. Национал-феминистки оставались непримиримыми на протяжении всей войны, даже тогда, когда национальные объединения начали распадаться, а на фронте и в тылу появились признаки стремления закончить войну.

Провал феминистского пацифизма

Феминистки принимали участие в самых разнообразных инициативах пацифистов, особенно в первые годы войны. Эти попытки завершить военный конфликт в воюющих странах были делом радикального и изолированного меньшинства; к нему присоединились более крупные объединения женщин из нейтральных стран, таких как Нидерланды, Скандинавские государства и США, где «прогрессисты» верили в то, что прогресс цивилизации неминуемо сделает войну невозможной. Женская партия мира (Woman's Peace Party, WPP) была создана в январе 1915 году в Вашингтоне на женском съезде в защиту мира, организованном Джейн Адамс после визита в США двух европейских суфражисток-диссиденток. Спустя год партия, заявившая, что в ней состоит 25 000 членов из всех слоев общества, предприняла попытку создать федерацию американских пацифистских групп, а также бороться с подъемом в стране провоенных настроений и договариваться с представителями нейтральных стран о посредничестве в конфликте. Помимо этого, партия поддерживала идею объединения всех женщин в единый антивоенный фронт.

Женская Партия мира послала своих представителей на Международный конгресс «За будущий мир», организованный в Гааге кучкой радикальных феминисток (включая Джейн Адамс из США и доктора Алетту Якобс из Нидерландов), после того как французское и британское правительства не допустили, чтобы Международный женский суфражистский альянс принял приглашение, распространяемое одной суфражистской организацией Голландии. С 28 апреля до 1 мая 1915 года 800 голландских женщин, 28 немок из объединения Аниты Аугсбург, 47 американок, 16 шведок, 12 норвежек, 2 канадки, 1 итальянка, 3 бельгийки и 3 англичанки протестовали против войны и, задолго до того как Вильсон обнародовал свои 14 пунктов, обсудили условия, необходимые для гарантирования прочного мира. Среди предлагаемых мер были: обязательное третейское разбирательство конфликтов, уважение к правам и интересам наций, пацифистское образование детей, право голоса для женщин. Конгресс учредил Между-

народный женский комитет за постоянный мир (International Women's Committee for the Permanent peace); в 1919 году это название было изменено на другое: Международная женская лига за мир и свободу (International Women's League for Peace and Freedom). Эта организация посылала делегатов по всему миру для того, чтобы встречаться с членами других феминистских объединений и склонять нейтральные правительства к переговорам с воюющими сторонами о возможных условиях мира. Габриэлла Дюшен возглавила французское отделение организации – оно известно как Comitй de la rue Fondary (Комитет на улице Фондари. – *Т. Р.*). Вскоре Дюшен была исключена из Национального совета французских женщин (Conseil National des Femmes Fransaises (CNFF)) на том основании, что ее стали считать «феминисткой на службе кайзера Вильгельма»*.

Ричард Эванс привлек внимание к факту, что гаагские пацифистки видели тесную связь между триумфом милитаризма и порабощением женщины. Это было причиной радикального поворота к использованию того аргумента, что предоставление женщине права голоса будет способствовать прогрессу и приведет к борьбе против войны, которая будет рассматриваться как исключительно мужское предприятие. Свидетельствует ли, однако, такое понятие феминисток, как «вскармливающее материнство», об их неспособности переступить через стереотипы женщин, и была ли эта неспособность единственной причиной неудачи движения (так предлагает рассматривать этот вопрос на примере Женской партии мира Барбара Стейнсон)? Или женский пацифизм был тем видом гуманизма, что выразил мечту об «андрогинном» обществе, которое не только установило бы гендерное равенство, но н включило в себя женские моральные ценности? Многие активистки полагали, что эти ценности: уважение к жизни, решимость улучшить условия жизни, отказ от насилия как средства разрешения конфликта – берут истоки скорее в социальном опыте женщин, чем в их репродуктивной функции**

Так или иначе, было много причин для провала женского пацифистского движения. Совещание нейтральных стран, состоявшееся в январе 1916 года в Стокгольме, завершилось безрезультатно. Оно показало, что, пока бушует война, продолжать проводить пацифист-

* *Wiltsher A.* Most Dangerous Women. London, 1985; *Evans R.J.* The Feminist Movement in Germany; *O'Neill W.I.* Feminism in America. P. 169–185.

** *Steinson B.J.* The Mother Half of Humanity: American Women in the Peace and Preparedness Movements in World War I // C. Berkin, C. Lovett. Eds. Women, War and Revolution. New York: Holmes and Meier, 1980. P. 259–185; *Schott L.* The Woman's Peace Party and the Moral Basis for Women's Pacifism // Frontiers. 1985. 8, 2.

ские митинги невозможно. Пацифистки-феминистки были настроены подозрительно по отношению к другим пацифистским объединениям, большинство из которых отрицали наличие хоть какой-то связи между войной и маскулинностью. Еще одной причиной стало вмешательство правительства и репрессии (хотя британское правительство было относительно терпимым). Пацифистки были исключены из основных феминистских организаций. Таким образом, активисты европейского пацифизма оказались не в состоянии мобилизовать на массовом уровне женщин, которые либо пассивно принимали свою нелегкую судьбу, либо с энтузиазмом поддерживали дело своей страны. Но «патриотки» делали больше, чем просто вносили вклад в благотворительность и присутствовали на патриотических съездах; некоторые из них были самыми настоящими «воительницами тыла», готовыми указать на уклоняющихся (или проявивших малодушие в Англии), купить облигации военного займа и убедить это сделать других и обнаружить любое свидетельство присутствия врага, даже в безобидных на вид артефактах языка; «немецкие пастухи», «венский хлеб», и «одеколон» (одеколон в переводе с французского значит «кельнская вода»; в русском языке такое выражение было распространенным. — Т. Р.) — все становилось предметом критики патриоток. Некоторые женщины осмеливались даже на эксцентричные выходки. Хелен Тафт, племянница экс-президента США Тафта, забралась на вершину пожарной лестницы и сообщила, что спрыгнет на расставленную для нее спасательную сеть только в обмен на возможность купить на 5 000 долларов облигаций военного займа.

В США уже в 1915 году многие женщины присоединились к провоенному «движению подготовленности». Женская секция Лиги флота могла гордиться тем, что в ее рядах в 1916 году состояло более 100 000 членов. Эта организация учредила лагеря для подготовки женщин; их распорядок был скорее домашним, чем милитаризованным. Женщины настаивали на том, что матери должны защищать своих детей: они отрицали пацифистский сентиментализм ради более реалистичного взгляда на вещи; это побуждало их делать общее дело с мужскими организациями, поддерживающими американскую интервенцию в Европу. Разрыв Соединенными Штатами Америки дипломатических отношений с Германией, за которым 6 апреля 1917 года последовало и объявление войны (Жанетт Рэнкин, первая женщина, избранная в Конгресс, голосовала против этого), нанес смертельный удар пацифизму и привел к крушению Женской партии мира. Большинство членов партии, последовав за Джейн Адамс, заняли компромиссную позицию — одновременно и содействуя делу помощи своей нации, и способствуя распространению интернационализма в послевоенном мире. Большинство других феминист-

ских организаций обещали свою поддержку президенту Вильсону, но их патриотизм оставался умеренным: лишь немногие стали сторонницами шовинизма или охоты на ведьм. На международной арене, как показал Уильям О'Нил, влияние американских феминисток проявлялось в нейтрализации крайних, радикальных, позиций.

Женщины-социалистки также оказались неспособными предотвратить или остановить войну. Подавляющее большинство из них приняло вслед за своими партиями политику не интернациональных, а национальных объединений. Меньшинство же столкнулось с огромными трудностями, поскольку их точку зрения никто не хотел слышать, да и немного можно было сделать, для того чтобы перевести недовольство народа, очевидное в голодных бунтах и забастовках, в русло эффективных изменений в политике военного времени. После попытки мобилизовать левое крыло СДПГ Клара Цеткин обратилась к женщинам-социалисткам с призывом принять участие в международной конференции. Эта конференция состоялась в швейцарском Берне 26–28 марта 1915 года. На ней присутствовало семьдесят женщин из восьми европейских стран. Конференция приняла резолюцию, которая по содержанию не была ни феминистской, ни пораженческой. Вместо этого резолюция осудила войну как войну капиталистическую и призвала пролетарских женщин – матерей, жен, подруг погибших и раненых – спасти человечество, говоря вместо мужчин, чьи языки больше не были свободными. Но Цеткин, страдавшая от болезни сердца и находившаяся с 23 июля до 12 октября 1915 года в тюрьме, больше не могла играть активную роль в движении за мир. Луиза Зитц, единственная женщина, способная занять место Клары Цеткин, некоторое время колебалась между преданностью своей партии и противостоянием войне. В 1916 году ей запретили выступать публично (за слишком откровенное обсуждение недостатков в прошлом) и в конце концов исключили из СДПГ; вследствие этого Зитц присоединилась к Кларе Цеткин и 20 000 других женщин из USPD – партии, которая начиная с апреля 1917 года предлагала альтернативу для женщин, недовольных линией СДПГ. Этот раскол оказался очень болезненным для женского движения; по этой причине оно потеряло как большую часть оказываемой ему поддержки, так и последние остатки своей автономии.

Во Франции число социалисток было очень небольшим. Две таких женщины играли символическую роль в Социалистической партии и в пацифистском Comité pour la Reprise des Relations Internationales: Элен Брион – учительница и профсоюзная активистка, но сначала и прежде всего феминистка; и Луиза Сомоно, решительно настроенная против любой формы альянсов между классами. Брион, долго убеждавшая рабочие организации признать проблему женщин, была обвинена в по-

раженчестве и подвергнута военному суду. Однако она превратила этот процесс в оправдание феминизма, провозгласив 29 марта 1918 года: «Я враг войны, потому что я феминистка. Война – это победа сил жестокости. Феминизм же может восторжествовать только силой морали и интеллектуальной храбрости». Эта позиция была ближе к идеологии гаагских пацифистов, чем к сектантству Луизы Сомоно, которую Ричард Эванс удачно назвал «генералом без армии». Обнаружив в начале войны, что в Группе женщин-социалисток (Grouppe des Femmes Socialistes) она оказалась в меньшинстве, Сомоно совместно с двумя русскими студентками основала Социалистический комитет действия за мир и против шовинизма (Socialist Women's Action Committee for Peace and Against Chouvinism). Сомоно также присутствовала на конференции в Берне; в 1915 году она опубликовала несколько номеров журнала La Femme Socialiste вместе с грубыми памфлетами, настоящими инвективами в адрес пролетарских женщин, которых она обвинила в рабской покорности, неотесанности ума и апатичной имитации пороков буржуазии. На самом деле во время войны французские работницы не были пассивными. Они составляли большинство тех рабочих (включая рабочих, производящих вооружение), кто принимал участие в стачках летом и осенью 1917 года. Но эти стачки даже в критический период мая-июня 1917 года проходили прежде всего под лозунгами повышения заработной платы и были спровоцированы ростом цен. Жан-Луи Робер показывает, что представление о том, что парижские швеи инициировали рост пацифизма, является мифом. В действительности были две волны забастовок – майская и июньская. Майская забастовка проводилась исключительно во имя повышения заработной платы (и она была в значительной мере успешной). Июньская забастовка представляла собой более сложное явление; она совпала со вспышкой солдатских мятежей на фронте. Эти, более поздние, забастовки выражали смутное желание, если не мира, то по крайней мере возвращения войск домой*

Феминизм, национализм и право голоса для женщин

Никто не отрицает, что и феминизм, и социализм оказались не в состоянии выполнить прежние обязательства сопротивляться войне. Тем не менее последние исследования о позиции социалистов в этот период стремятся выйти за пределы темы о «предательстве» Второго Интернационала и выяснить вопрос о степени социальной и идеологической интег-

* *Brion H.* La Voie féministe. Paris: Syros, 1978; Sowerwine Ch. Les Femmes et le socialisme. Paris: Presses de la FNSP, 1978; *Robert J.L.* Ouvriers et mouvement ouvrier.

рации рабочего класса в разных странах*. Сходным образом, я полагаю, историки воздерживаются от упрощенной характеристики феминисток этого времени как «отчужденных» или «неподлинных» и в результате этого выбиравших для своей борьбы не те поля сражений. Ричард Эванс прав, указывая на историческую связь между европейским феминизмом и националистической идеологией, так же как на значимость на рубеже столетий национальных и классовых ограничений.

Феминистский патриотизм может быть рассмотрен и как проявление стремления к интеграции – стремления, согласующегося с целями движения и почти очевидного для тех, кто стремится расшифровывать язык того времени. Взять, к примеру, чету Панкхерстов, которых историки часто очень сурово осуждают за их словесный экстремизм и неожиданные метаморфозы из «активистов» в «суперпатриотов», ревностно противостоящих и «гуннам», и большевикам. Сандра Гилберт позаботилась об изменении названия своей газеты из Suffragette в Britannia**, появилось и новое посвящение – и все это было доказательством не шовинизма Панкхерстов, но их интуитивного прозрения в отношении того, что война может привести к эмансипации женщины в феминизированном государстве. Феминистки-патриотки наполняли свои речи гендерной риторикой («сердце и знание» во Франции, «мобилизация женственной души и мужественных тел» в Германии), и каждый может с уверенностью сказать, что эти речи были и отражением надежды на то, что женщины могут выиграть битву за право голоса, длившуюся в прошедшее десятилетие.

До 1914 года кампании за предоставление женщинам право голоса, предпринятые феминистками, преследовали двоякую цель: добиться равенства и расширить роль матери, придавая этой роли и социальное измерение путем вовлечения женщин в борьбу против самых разнообразных социальных пороков. Во время войны эта проблема ассоциировалась сначала с пацифизмом. Вскоре, однако, феминистки-патриотки, чувствуя, что они уже в достаточной мере продемонстрировали свою лояльность, в конце концов возобновили агитацию за право голоса. В ноябре 1915 года, после того как затонул плавучий госпиталь “Anglia”, газетный заголовок, авторство которого принадлежит одной английской суфражистке, призвал «предоставить право голоса героиням так же, как героям». Прав ли Артур Марвик, полагающий, что женщинам даровали право голоса как награду за их лояльность во время войны и сводящий таким образом к минимуму значение длительной борьбы суфражисток?

* Например, La Désunion des prolétaires 1889–1919 // Mouvement Social. April-June 1989. 147.

** *Gilbert S.M.* Soldiers' Heart. P. 223.

Или же прав Ричард Эванс, который усматривает причину этого «дарования» как в структурных, так и в политических факторах, относящихся к войне (особенно к такому, как страх революции), которые воздействовали после войны на многие страны? Какое значение, наконец, мы должны придавать битвам, часто победоносным, которые вели англичанки – активистки WSPU или американки – члены Национальной женской партии (NWP) , а также более умеренных объединений, таких как Национальная американская женская суфражистская ассоциация (National American Woman Suffrage Association, NAWSA), или NUWSS в Великобритании, или UFSF во Франции? Протест был заразительным: после того как Дания, Исландия и Нидерланды последовали примеру Финляндии (1906) (и предоставили женщинам право голоса)*, он воздействовал и на воюющие страны.

В Соединенных Штатах, которые вступили в войну поздно, в заключительной битве суфражисток, конфликт был не столь острым, хотя аргумент феминисток, что предоставление женщинам права голоса необходимо и для военных усилий, и для укрепления демократии внутри страны, играл определенную роль. В то время как противники права голоса для женщин шантажировали страну угрозой социальной революции и пугали перспективой утраты гендерной идентичности, NAWSA под энергичным руководством Кэрри Чепмэн Кэтт оказывала давление на правительства штатов и федеральные учреждения. Молодая организация NWP, небольшая отколовшаяся группа, была полна решимости добиться права голоса для женщин с помощью поправок в Конституцию; она выбрала английскую стратегию наказания партии власти. После того как попытка добиться перемен потерпела неудачу на выборах 1916 года, когда NWP вела кампанию против демократов в тех двенадцати штатах, где женщины уже имели право голоса, организация стала устраивать многомесячные пикеты у Белого дома; некоторые ее активистки приковывали себя к ограде или ложились на тротуар. Не имея какой-либо определенной позиции по отношению к войне, на волне антигерманской истерии они без колебаний называли президента «кайзер Вильсон». Будучи исключенными из NAWSA, они стали сразу и первыми жертвами репрессий военного времени, и мучениками дела. Окончательная победа, однако, была отсрочена еще на три года. 9 января 1918 года, после нескольких лет сопротивления, президент Вильсон, наконец, официально заявил о своей поддержке девятнадцатой поправки. На следующий день она

* Помимо уже цитированных прежде работ по феминизму см. также: *Hause S.C.* Hubertine Auclert: The French Suffragette. New Haven: Yale University Press, 1987; Idem. More Minerva than Mars: The French Women's Rights Campaign and the First World War // M. Higonnet et al. Eds. Behind the Lines. P. 99–113.

была одобрена Палатой представителей. Сенат принял Поправку в июне, и в течение следующих 14 месяцев она была ратифицирована в 36 штатах. Эта победа суфражисток совпала с принятием сухого закона и периодом политической реакции. Но будет ли точным говорить, что предоставление женщинам права голоса было лишь защитной реакций части пуританской, белой, Америки лишь попыткой WASP (white Anglo-Saxon protestants), организации среднего класса, контролировать чернокожих, иммигрантов и население городов? Подобный способ аргументации предполагает, что феминизм стал, по существу, консервативным движением, и не принимает во внимание ту поддержку, что суфражистки получали от общин иммигрантов, таких например, как еврейская община Нью-Йорка*

В Центральной Европе и в России, напротив, либералы-реформисты и социалисты буквально ухватились за женское суфражистское движение, осознав, что оно является способом предотвращения пролетарской социальной революции и механизмом стабилизации демократии, которая следует за крушением старых имперских режимов. В Германии гражданские права были предоставлены женщинам 20 ноября 1918 года декретом Веймарского национального собрания. Это произошло именно в то время, когда углублялась пропасть между СДПГ и «спартаковцами», сопротивлявшимися выборам Рейхстага. В военное время немецким женщинам были действительно благодарны за их работу. Эта благодарность проявлялась и в учреждении в июне 1915 года Женского дня, и в поздравительной телеграмме от 17 сентября 1917 года, которую Гинденбург отправил Гертруде Боймер. В своем Пасхальном послании 1917 года кайзер пообещал, что его подданным будет позволено играть более значительную роль в политике, однако Рейхстаг провозгласил, причем дважды, что место женщины – в доме.

В Великобритании война повлияла на положение суфражизма только косвенно, в результате воздействия на политическую ситуацию в целом. Британская политическая система испытывала крайнюю необходимость в широкой избирательной реформе. Последняя выглядела весьма недемократичной по причине действия сразу нескольких избирательных цензов – помимо полового, сохранялись имущественный ценз и ценз по гражданству. Решающим фактором в признании прав женщин стал, однако, переход суфражисток на оборонительные позиции: отрекаясь от довоенных обещаний, они поддержали закон от 6 февраля 1918 года, который предоставлял право голоса всем мужчинам, а также женщинам, которые достигли тридцатилетнего возраста. Этот компромисс может

* *Lerner E.* Structures familiales, typologie des emplois et soutien aux causes féministes a New York (1915–1917) // Stratégies des femmes. P. 424–441.

быть расценен и в качестве частичной победы, и в качестве частичного поражения. Закон лишил около пяти из двенадцати миллионов взрослых женщин права голоса: такая дискриминация была призвана «компенсировать» диспропорцию населения по полу, которая существовала не только по причине гибели большого числа мужчин на войне, но также из-за традиционного полового дисбаланса. Во Франции Комитет суфражисток, представивший после долгих колебаний законопроект Дюсоссуа об избирательной реформе в Палату депутатов (май 1919 г.), также избрал тридцатилетний возраст той границей, за которой женщинам предоставлялось право голоса. Другие предложения (такие как семейное голосование или «голос за павших», отданный их вдовам или матерям), были расценены как слишком чуждые французским правовым традициям и вследствие этого были отвергнуты. Однако оптимизм активисток феминистского движения скрывал множество проблем: воинственный дух 1914 года уходил в прошлое, на волне дискуссий военного времени об отношении к русской революции и личных сложностей феминистских лидеров движение раскололось.

Хотя Палата депутатов простым большинством приняла поправку Андрё, предоставляющую женщинам политическое равенство, Сенат сначала отказался даже рассматривать законопроект. А затем, в ноябре 1922 года, отверг его. Сенаторы обосновали свои действия традиционными сексистскими аргументами: никогда прежде женщины не принимали участия в политической жизни, и левые партии (особенно радикальная партия) опасались, что «женский голос» окажется консервативным.

Для мужчин-политиков, которые были вынуждены решать множество насущных и срочных проблем, женский вопрос *не выглядел* неотложным – проблемы депопуляции, резкой убыли населения, казалось, полностью заслонили проблему прав женщин. Ранее я упоминала о Законе против контрацепции 1920 года, *принятом* подавляющим большинством и отвергнутом лишь очень немногими феминистками. Этот закон действительно имел самое непосредственное отношение к положению французских женщин, хотя его целью было не сделать их полноправными гражданами, а контролировать их репродуктивную сферу. Из всех европейских стран политика Франции в этой области была наиболее репрессивной, что отражает пронаталистскую одержимость страны идеей увеличения рождаемости и провал в признании прав женщины, а также служит показателем решимости правительства восстановить довоенный статус-кво в гендерных отношениях*

* *Guerrand R.-H., Ronsin F.* Le Sexe apprivoisé: Jeanne Humbert et la lutte pour le contrфle des naissances. Paris: La Découverte, 1990; *Maclaren A.* Sexuality and Social Order. New York: Holmes and Meier, 1983.

Война и гендерные отношения

Изменила ли на самом деле война отношения между мужчинами и женщинами, их реальное и символическое положение в обществе? Несомненно, период, наступивший сразу после войны, свидетельствует об откате к традиционализму в одних сферах и ряде сдвигов в других. Помимо этой общей констатации, очень нелегко дать полный и однозначный ответ на поставленный вопрос, в том числе и по причине значимости национальной специфики для рассматриваемых процессов. Это будет очевидно из других статей, представленных в данном томе.

Послевоенный откат

Когда 11 ноября 1918 года прозвонили колокола, знаменующие наступление мира, война оставила Европу обессиленной, а США – торжествующими. Поверженные Германская и Австро-Венгерская империи были расчленены, а одержавшие победу Франция, Великобритания и Италия, несмотря на свой триумф, испытывали эмоциональный шок. Общее число жертв среди гражданского населения остается неизвестным, хотя в Центральной и Восточной Европе эти потери были очень высоки. Девять миллионов солдат погибло в военном конфликте, а миллионы выживших должны были адаптироваться к гражданской жизни. Для женщин вопреки громким обещаниям светлого будущего, или по крайней мере вопреки реальной возможности внести собственный вклад в послевоенное восстановление своей страны пришло время отказаться от завоеваний, достигнутых ценой больших усилий. Одним из них был приклеен ярлык «барышников от войны», других третировали как некомпетентных, но всех их просили ради блага ветеранов, страны, нации вернуться к традиционным женским занятиям. Некоторые отказывались подчиниться, но другие, уставшие от многолетнего тяжелого труда и одиночества, или же переполненные радостью воссоединения с любимыми людьми, охотно возвратились в семью. Конец конфликта был ознаменован беспрецедентным количеством браков: это была настоящая гонка за возвращение к частной жизни, к существованию, в центре которого находились семья и ребенок. Марсель Капи, некогда входившая в число наиболее радикальных французских феминисток, теперь увидела этот процесс как «мессию, величайшую надежду»*.

* «О гонке (rush) возвращения к частной жизни» смотри: *Hirschman A.* Shifting Involvements. Princeton: Princeton University Press, 1982.

Было признано, что женщины выполнили свою роль, став необходимой для войны рабочей силой, однако ее завершение сделало дальнейшие жертвы с их стороны ненужными. Поэтому демобилизация работниц везде была скорой и безжалостной — особенно на предприятиях оборонной промышленности, где женщины были первыми в списке тех, кого собирались увольнять. Из всех воюющих государств Франция была наименее великодушной, но наиболее практичной: несмотря на широко распространенное в стране мнение о том, что место женщины — в доме, многие полагали, что женщины нужны на рабочих местах, в том числе в промышленности. В Германии и Великобритании, с другой стороны, политика демобилизации женщин преследовала цель как можно более оперативно восстановить гендерно-дифференцированный рынок труда и возродить традиционную семью, в которой отец уходит на работу, а мать остается дома. В Германии даже те женщины, чей труд непосредственно относился к работе на войну, не получали выплат по безработице. В Великобритании эти женщины получали пособие, которое постепенно снижалось, однако в прессе развернулась кампания, критикующая женщин за то, что те живут на пособие и предают тем самым своих мужей. Протекционистские законы в этих странах были направлены против женщин: тем, кто отказывался от альтернативных вакансий домашней прислуги или других традиционно женских работ, прекращали выплачивать компенсации по безработице. Даже трудовые вакансии в церкви — вид деятельности, который мужчины обычно презирали, — были зарезервированы для ветеранов-инвалидов*. В этой атмосфере обострения гендерного противостояния, 37 женщин были избраны в Рейхстаг Веймарской республики. Однако на парламентских выборах в декабре 1918 года в Палату общин из пятнадцати английских женщин-кандидатов не была избрана ни одна. Единственной женщиной, избранной в парламент, была виконтесса Констанс Маркиевич, ирландская мятежница (заключенная за свою роль в Пасхальном восстании 1916 года в тюрьму и избежавшая смертной казни только потому, что она была женщиной) и феминистка, причем ее феминизм был всегда тесно связан с ирландским национальным вопросом**

---

* *Braybon G.* Out of the Cage. P. 115–131; *Bessel R.* Keine allzu grosse Unberuhigung; *Rouette S.* Die Erwerbslosenfürsorge für Frauen in Berlin nach 1918 // IWK. 1985. Vol. 21. P. 295–308; idem. 'Gleichberechtigung' ohne 'Recht auf Arbeit': Demobilmachung der Frauenarbeit nach dem Ersten Weltkrieg // Eifert Ch., Rouette S. Eds. Unter allen Umständen: Frauengeschichte(n) in Berlin. Berlin: Rotation, 1986.

** *Ward M.* Unmanageable Revolutionaries: Women and Irish Nationalism. London: Pluto Press, 1983.

Такое жестокое обращение с женщинами было следствием стремления предоставить возможность возвратившимся с войны ветеранам как можно быстрее адаптироваться к трудовой и семейной жизни. Очевидно также, что, помимо экономической, оно выполняло еще и психологическую функцию. Таким образом создавалась возможность восстановить мужскую идентичность, пострадавшую от четырех лет боев в безличном качестве, а также полностью вытеснить из памяти войну. В период социального брожения и политической реакции подобное отношение к женщинам отвечало сильно ощущавшейся потребности части ветеранов восстановить довоенный мир в том виде, в каком они оставили его, уходя на войну. Представитель английских тред-юнионов Мэри Макартур была не права, предположив в 1918 году, что взгляд, каким мужчины смотрят на женщин, изменился. Помимо потребности опереться на что-то безусловное и устойчивое и желания элементарной, по их мнению, справедливости, мужчинам нужно было найти своих женщин точно такими же, какими те были до расставания. Газеты с линии фронта говорят о том, что сражающиеся воины чувствовали не только глубокую потребность в признании, но также и страх перед тем, что по прибытии домой их места будут заняты. Они очень мало знали о том, какой вклад в окончание войны внес тыл, и страстно желали вернуться домой как господа и повелители и, прежде всего, правильно наставлять своих жен. Мужская литература того и более позднего периодов отражает существовавшие подозрения в тайном заговоре женщин против власти мужчин и отчаянные поиски новой маскулинности, основанной на господстве над женщинами и детьми. «Когда я увидел свою жену вновь, я не узнал ее глаза», — сказал награжденный орденами майор в рассказе Поля Жеральди*. Тем не менее проследить то, что происходило в частной жизни, сложно, а свидетельства весьма противоречивы. Одна интервьюируемая женщина отметила: «Я отдала им ягненка, а они возвратили мне льва»**. Есть следы того, что возросло домашнее насилие, и было бы хорошо, если бы системное изучение полицейских и судебных документов проверило этот факт.

У побежденных наций подобное восстановление старого порядка было невозможным. Это вызывало чувство ожесточенности по отношению к гражданскому населению, державшему ответ за поражение, стимулировало насильственные сексуальные фантазии, поощряло бегство в мужские союзы, или Männerbund: культ сильного лидера и дисциплинарное воспитание женщин, что, как надеялись, приведет к возрождению нации. Этот дух, вдохновивший в конце концов нацистские организации и гитлеровский режим, нашел свое первое воплощение в так называемом

* *Géraldy P.* Femmes // La Guerre, Madame. Paris, 1936.

** Я благодарю Эвелин Дьебо, которая провела это интервью.

Freicorps, который вселял страх в молодую Веймарскую республику*. В Австрии реалии войны и расчленение империи обострили кризис идентичности, который еще до войны нанес удар интеллектуальной Вене. «Последние дни человечества» Карла Крауса (1918–1919) были не только сатирой на войну, но и предостережением о современном упадке, выраженном в гендерном смешении и путанице полов**

Между тем демобилизация женщин сопровождалась ядовитой критикой эмансипированных женщин и феминизма: французская писательница Ивер Коллет повторила в "Les Jardins du féminisme" (1920) то, что уже высказывала в своих ранних романах "Les Cervelines" (1903) и "Princesses de science" (1907): женщина не может быть «автономной личностью» без риска для себя и общества. В период демобилизации похвалы сыпались на хозяйку дома, вновь коронованную королеву эротизированного и консьюмеристского домашнего союза (хотя в Европе в меньшей степени, чем в США). Но больше всего почестей оказывалось матери: США были первой страной, учредившей в 1912 году День матери; Канада и Великобритания вскоре последовали их примеру. Франция приняла эту идею на вооружение в 1918 году прежде всего с целью добиться увеличения рождаемости; правительство время от времени организовывало публичные церемонии в честь женщин, как позднее это регулярно делалось при режиме Виши. Матери пятерых и более детей награждались Медалью Семьи – знаком отличия, учрежденным в 1920 году вместе с премиями за рождение детей. Кроме наград для матерей, существовали награды для плодовитых отцов, «этих великих авантюристов современного мира». В проматеринском дискурсе акцент делался скорее на обязанностях матерей, чем на правах женщин***. В других странах новое протекционистское законодательство, такое как Закон о благосостоянии матери и ребенка (Maternal and Child Welfare Act) 1918 года в Великобритании и Закон Шеппарда–Таунера (Sheppard – Towner Act) 1921 года в США, несомненно, обнаружило прогресс в этой области. Однако оно оказалось неспособным решить специфические проблемы работающих матерей.

Была ли эта война временем «тайм-аута» для женщин? Наилучший образ, который Маргарет и Патриция Хиггонет, позаимствовали из

* *Theweleit K.* Männerphantasien. In 2 vol. Frankfurt: Roter Stern, 1977–78; *Reulecke J.* Männerbund.

** *Le Rider J.* Modernité viennoise et crises de l'identité. Paris: Presses Universitaires de France, 1990; Idem. Karl Kraus, satiriste de la femme en guerre // R. Thalmann. Ed. La Tentation nationaliste. P. 63–75.

*** *Thébaud F.* Quand nos grands-mères donnaient la vie: la maternité en France dans l'entre-deux-guerres. Lyon: Presses Universitaires de Lyon, 1986; выражение «великие авантюристы приключений современного мира» (adventurers of the modern world) принадлежит защищающему семейные ценности писателю Анри Бордо, который цитирует Шарля Пеги.

молекулярной биологии, применив его к отношениям между полами, это образ двойной спирали: изменения в жизни женщин были и временными, и поверхностными (спираль поворачивается сначала в одну сторону, затем – в другую), хотя постоянным во всех этих женских ролях остается подчинение мужчине (будь то подчинение непосредственное или опосредованное, через язык)*

Война и половые различия

Эти предварительные заключения верны в отношении рассмотренного краткого отрезка времени, однако, если брать более длительный период, то многие из них нуждаются в дальнейшем исследовании. В одних случаях война затормозила, в других – ускорила изменения в положении женщины, начавшиеся в Belle Epoque. Для женщин стали доступными новые возможности, и баланс власти несколько изменился. Степень этих изменений варьировалась в зависимости от страны, возраста и социального класса, но изменения, несомненно, были.

Вначале рассмотрим изменения в сфере труда. Верно, что война сделала немногое, для того чтобы смягчить разделение труда по признаку пола. Она сильнее, чем обычно, принуждала работодателей нанимать женщин; однако всякий раз, когда в экономике появлялись признаки кризиса, работницы подвергались критике. Во Франции в связи с нехваткой рабочих-мужчин соответственно росла женская занятость, особенно в аграрном секторе в 1921 году. Однако с этого времени и вплоть до 1968 года женская занятость и доля женщин в рабочей силе в целом ежегодно снижались, за исключением 1946 года. Таким образом, война обозначила завершение направленной вверх тенденции тех двух показателей женской занятости, которые характеризовали XIX век**. Тем не менее за этим спадом скрываются многие перемены и во Франции, и у ее европейских соседей.

Во-первых, труд домашней прислуги теперь рассматривался как холопский (servile), и работа такого рода воспринималась как свинцовая гиря на ногах. В Великобритании, однако, стойкая безработица в период между двумя войнами замедлила эту тенденцию, и там условия труда для домашней прислуги улучшились.

Во-вторых, крушение предприятий потогонной системы и текстильных кустарных промыслов увеличило долю женщин-работниц в отраслях, связанных с работой по металлу и в электротехнической промыш-

---

* *Higonnet M., Higonnet P.* The Double Helix // M. Higonnet et al. Eds. Behind the Lines. P. 31–47.

** *Thébaud F.* La Femme. P. 291; *Robert J.-L.* Women and Work in France during the First World War // R. Wall, J. Winter. Eds. The Upheaval of War. P. 251–266.

лённости, где применялась система научной организации труда Тэйлора. Во Франции и Великобритании новые поточные производства привели, вопреки сопротивлению профсоюзов, к возросшей занятости женщин в фабричном и заводском производстве. Благодаря уроку, усвоенному во время войны, промышленники закрепляли за женщинами монотонную работу, не требующую высокой квалификации. Женщины стали агентами модернизации: они доказали, что лучше приспособлены воспринимать инновации времени, чем их старшие коллеги-мужчины, которые, казалось, были ошеломлены темпом перемен. Иногда это шло на пользу женщинам, иногда – нет. Вопрос этот нуждается в более глубоком исследовании*

Третье изменение было, возможно, самым важным. Увеличение вакансий в третичном секторе, секторе услуг (торговле, банковском деле, государственных службах) привело к тому, что вся эта сфера стала основным работодателем для женщин. В Великобритании Виржиния Вульф в «Трех гинеях» приветствовала Закон об устранении дисквалификации по признаку пола (1919 г.) как «зарю новой цивилизации» для «дочерей культурного человека». Во Франции женщины добились равного доступа к среднему и профессиональному образованию, осуществив давнишнее требование феминисток: еще во время войны для женщин были открыты политехнические и экономические училища; в 1919 году был учрежден женский экзамен на степень бакалавра, что позволило женщинам поступать в университеты; и, наконец, в 1924 году были упразднены различия в учебных планах средних школ для мальчиков и девочек. Феминизация третичного сектора в сочетании с закатом прежде процветающей патриархальной семьи и со страхом остаться старой девой, характерным для женщины из среднего класса, сделала возможной для молодых женщин из буржуазии заниматься профессиональной карьерой. Они были, следовательно, теми, кто извлек наибольшую выгоду из ситуации войны, и многие из них знали, что их жизнь больше не похожа на жизни их матерей. В качестве образца для подражания, они выбирали активных и независимых женщин, таких как Сюзанна Ланглен, Мария Кюри и Коллет во Франции, или более скромных тружениц на поле профессиональной и общественной деятельности – представительниц как светских, так и католических организаций, в которых и Ивонна Книбелер и Сильвия Фэйет-Скрайб видят силу скорее новаторскую и динамичную, чем консервативную**

---

* *Zerner S.* Travail domestique et forme de travail. Ouvrières et employées entre la Première Guerre mondiale et la grande crise. Doctoral thesis. University of Paris, X-Nanterre, 1985; *Downs L.L.* Women in Industry.

** *Knibiehler Y.* Nous les assistantes sociales. Paris: Aubier-Montaigne, 1981; Idem. Cornettes et blouses blanches; *Idem.* Le Docteur Simone Sédan et la protection

Влияние войны на права женщин в разных странах было различным. Франция, которая запретила своим гражданам принимать меры по планированию семьи, отказала женщинам в праве голоса и вплоть до 1938 года тянула с тем, чтобы ликвидировать норму о гражданской недееспособности замужних женщин, выглядит на фоне Великобритании и Германии весьма отсталой. В Германии Конституция Веймарской Республики провозгласила равенство полов в принципе, но оказалась неспособной претворить этот принцип в конкретные законодательные акты. Типы поведения в разных странах сходны в одном: семейные пары стали иметь меньше детей, и хоть в какой-то мере стали больше ориентироваться на равенство. Тем временем суфражистские объединения трансформировались в общества, целью которых стало политическое образование: NAWSA превратилась в Национальную лигу женщин-избирателей (National League of Women Voters); NUWSS – в Нациоиальный союз обществ за равноправное гражданство (National Union of Societies for Equal Citizenship). Однако сам факт того, что женщины получили теперь право голоса, не означал реального политического участия или обладания властью. Наконец, такой элемент политики военного времени, как пособия по раздельному проживанию супругов и пенсии вдовам, установил защиту семьи в качестве главной цели государства всеобщего благосостояния: на государственную помощь имели право только те люди, которые работали. Женщины, таким образом, стали гражданами второго сорта, потому что именно работа мужчин из их семей оправдывала получение ими помощи от общества. Этот принцип поощрял сексистский подход в решении проблемы при составлении последующего законодательства государства всеобщего благосостояния*

Прогресс, возможно, был более очевиден на другом фронте: женщины за долгие годы одиночества и ответственности открыли для себя новую свободу поведения. Освобожденные от корсетов, длинных приталенных одеяний, сложных шляпок и шиньонов, женщины обрели наконец свободу движения. Сравните фотографии женщин бурных, оживленных двадцатых годов, которые сделал Жак-Анри Лартиг с фотографиями Belle Epoque. Прочтите мемуары Клары Мальро и других. Все говорит о революции в повседневной жизни, о новом отношении к телу и своему «я». Женщины могли теперь заниматься спортом, танцевать под новые

---

de l'enfance a Marseille // J.A. Gili, R. Schor. Eds. Hommes. Idées. Journaux. Mélanges en l'honneur de Pierre Guiral. Paris: Editions Ouvrières, 1990; *Fayet-Scribe S.* Associations féminines et cãtholicisme: de la charité a l'action sociale. Paris: Editions Ouvrières, 1990; *Idem.* La Résidence sociale de Levallois-Perret (1896–1936): la naissance des centres sociaux en France. Toulouse: Erès, 1990.

* *Pedersen S.* Gender, Welfare and Citizenship in Britain during the Great War // The American Historical Review. October 1990. Vol. 95, 4.

американские ритмы, исследовать свою сексуальность и в некоторых случаях решать, какого рода жизнь они желали бы вести. Больше всего выиграла от этих перемен молодежь*. Задолго до того, как в публичных школах стало нормой совместное обучение мальчиков и девочек, мужчины и женщины совместно проводили свой досуг. Как и мужчины, женщины узнали, что счастье — очень хрупкая вещь. Отвергая сдержанность и скромность, они жили теперь одним днем. Несмотря на эту, бóльшую, чем прежде свободу нравов, запретная линия была обозначена четко, когда речь шла о женской гомосексуальности. Если на рубеже веков сторонницы Сафо могли открыто заявлять о себе, то теперь лесбиянки были обречены скрывать свои сексуальные пристрастия и мучиться чувством вины за свой вызов гегемонии мужчин. Показательное явление — роман «Благо одиночества» (“The well of loneliness”), автором которого является Рэдклифф Холл. Это произведение было запрещено в 1928 году за непристойность; для последующих же поколений оно стало важнейшим лесбийским романом**

Чтобы лучше понять изменения, вызванные войной, нельзя ограничиваться простым перечислением улучшений, которые в любом случае оставались паллиативами. Каково было воздействие войны на психологию мужчин и женщин и, что еще более значимо, на социальное восприятие гендера? Война принудительно разделила два пола и породила барьер непонимания, иногда даже огонь вражды между фронтом и тылом. Это привело к жесткому осознанию противоположности двух реальностей: говоря словами Поля Фассела, modern versus habit***. Между мужской и женской сферами была проведена четкая и определенная граница. Возродились древние маскулинные мифы: мужчины созданы сражаться и покорять, а женщины вынашивать и воспитывать детей. Такая взаимодополняемость, комплементарность полов выглядела вполне необходимой, чтобы восстановить мир и безопасность в том миропорядке, который, казалось, был разрушен. Характерные для эры Эдуарда эгалитарные устремления и сомнения в гендерной идентичности были забыты, и дихотомия полов снова стала нормой в социальной и политической мысли. Свидетельством этого может служить успех доводов Дж. Ломброзо (дочь и биограф Чезаре Ломброзо. — Т. Р.), распространившихся далеко за пределами Италии, о том, что женщины ориентированы не на себя, а на другого. Это означает, что они могут стать

---

* *Desanti D.* La Femme an temps des années folles. Paris: Stock-Laurence Pernoud, 1984.

** *Fadermann L.* Surpassing the Love of Men: Romantic Friendship and Love Between Women from the Renaissance to the Present. London: Junction Books, 1980; *Newton E.* Smith-Rosenberg C. Le Mythe de la lesbienne.

*** Fussell P. The Great War. P. 79.

счастливыми, только отдавая себя, принимая семью и наталистскую, ориентированную на увеличение деторождения, идеологию. В культуре рабочего класса (оставим за скобками коммунизм двадцатых годов) мужчины идентифицировались с квалифицированным трудом, а женщины – с домом даже в большей степени, чем это было до 1914 года. Например, австрийские социал-демократы, которые с низвержением императора и расчленением империи, стали новыми «отцами» режима, учредили систему медицинского страхования (так называемую «венскую систему»). Рейнхард Зидер рассматривает ее как восстановление патриархатного порядка; как указывают другие историки, оно шло рука об руку с маргинализацией активисток феминистского движения*. Подъем христианского синдикализма с его социально-католической идеологией укрепил просемейную ориентацию рабочего класса**. Деятельность революционеров, этих конкистадоров века, приняла, несомненно, определенную военную окраску, а решение женского вопроса было отложено до лучших времен. Практика воздавать почести павшим выдвигала на первый план мужество мужчин, акцентируя мирную роль женщин. Важными центрами социальной жизни мужчин, ставшими очень влиятельными в межвоенный период, стали группы ветеранов и ассоциации инвалидов. Они были более пацифистскими во Франции и более милитаристскими в побежденных странах. В конце 1920-х годов утверждалось, что только во Франции в них состоит более трех миллионов членов. Не будучи объединенными организационно, они тем не менее составляли единое целое благодаря общим воспоминаниям и решимости оказывать моральное влияние на правительство***

Охотно ли женщины принимали закрепляемые за ними роли? Это очень важный, и, вместе с тем, очень сложный вопрос. Опыт военного времени был постоянной составляющей женского сознания, однако не у всех женщин он был одинаков и не все интерпретировали его на один манер. В зависимости от своей национальности, возраста и классового положения женщины придавали разное значение таким феноменам, как независимость, страдания, усталость. Хотя классовая солидарность во время войны была едва ли более заметной, чем солидарность гендерная, понятие класса все еще оставалось первостепенным в тех обществах, где

* *Sieder R.* Behind the Lines: Working-Class Family Life in Wartime Vienna // R. Wall, J. Winter, Eds. The Upheaval of War. P. 109–138; *Pasteur P.* Femmes dans le mouvement ouvrier autrichien (1918–1934). Doctoral thesis. University of Rouen, 1986.

** *Launay M.* La CFTC, origines et développement, 1919–1940. Paris: Publications de la Sorbonne, 1987; *Bard C.* L'Apфtre sociale et l'ange du foyer: les femmes et la CFTC dans l'entre-deux-guerres // Le Mouvement Social.

*** *Prost A.* Les Anciens Combattants.

социальные барьеры были высоки. В Германии, где лишения военного времени давали о себе знать еще несколько лет по окончании войны, буржуазные феминистские организации охотно приносили в жертву женщин из рабочего класса ради того, чтобы быть принятыми в обществе – за это их резко критиковала Кристиана Эйферт*. Несмотря на то, что в военное время некоторые женщины увидели в себе новую личность и открыли в себе новые силы, многие хотели бы вернуть себе мир и покой семейной жизни. Они хотели этого, потому что послевоенная обстановка была безжалостна к женщинам, сделавшим другой выбор; сама атмосфера времени отбивала охоту от любой формы движения по направлению к эмансипации. Разумеется, многие женщины и в межвоенные годы вели себя независимо, поощряемые к этому либеральным моральным климатом, «нехваткой мужчин», и известным ростом благосостояния. Но независимые лично, они никогда не объединялись в организацию. Все тенденции движения к такой организации вскоре угасли, столкнувшись с достигнутым в обществе консенсусом о том, что основное предназначение женщины есть материнство. Даже феминистки этого периода, казалось, топтались на месте или, по меньшей мере, повернулись в большинстве своем к «феминизму различий».

В 1977 году Ричард Эванс высказал точку зрения, согласно которой двадцатые годы ознаменовали конец «эры феминизма». Обретение женщинами права голоса (в некоторых странах) стало одновременно и симптомом, и причиной упадка движения. Возможно, Эванс был слишком категоричен, и его хронология нуждается в основательном пересмотре в свете продолжающихся сегодня исследований периода «между двумя феминизмами» (1920–1960). Нэнси Котт уже отмечала, что в США время между двадцатыми и тридцатыми годами было периодом не упадка феминизма, но скорее перехода от феминистского движения XIX века, движения за права женщины – женщины в общем – к современному феминизму, который, принимая в расчет многообразие (diversity) общества, пытается примирить равенство и различие, личную свободу и групповую солидарность**. Помимо решения этих вопросов, предстоит проделать большую работу по исследованию международных аспектов феминизма, включая и пацифистские группы, и группы, ставившие целью улучшение положения женщин.

Довоенный феминизм – движение на марше черпало силу в многообразии общества, и поэтому он выдвигал свои требованиями как

* *Eifert Ch.* Frauenarbeit im Krieg: Die Berliner 'Heimatfront' 1914 bis 1918. IWK. 1985. Vol. 21.

** *Cott N.F.* The Grounding of Modern Feminism. New Haven: Yale University Press, 1987. Кристина Бэрд (Bard) сейчас работает иад диссертацией «Жеиское движение во Фраиции, 1914–1939 гг.»

во имя индивидуального равенства, так и во имя гендерных особенностей. Феминизм межвоенного времени, казалось, принял традиционный взгляд на мужское и женское как природные феномены. Это привело к расколу в движении, поскольку радикальные меньшинства, которые боролись за сексуальную свободу или равенство на рабочем месте, пошли своим собственным путем. Эти меньшинства включали французское неомальтузианство (его представляли, например, Мадлен Пельтье и Жанна Умбер) и аналогичное американское движение; союз, связанный с журналом «Die Frau in Staat» в Германии, поддерживающий позиции Совета Открытых Дверей (Open Door Council) и NWP в США, которая боролась за Поправку о Равных правах*. Подавляющее же большинство феминисток настаивало на гендерных различиях и взаимодополняемости. Они превозносили материнство по моральным соображениям и призывали не к предоставлению прав женщинам, а к удовлетворению потребностей матерей, то есть к особым защитным гарантиям для работающих женщин. Это особенно характерно для Германии, где платформа BDF, принятая еще в 1919 году, определила обязанности женщин по отношению к национальному сообществу. Также верно это было и для Великобритании, где меньшинство «равноправок» покинуло NUSEC, чтобы протестовать против его проматеринского «нового феминизма» и его одержимости проблемой мужского насилия**. Будем иметь в виду, однако, что и тема материнства как «социальной функции» могла исподволь завоевать доверие женщинам и вовлекать их в политические акции снова, как это было во Франции***

В заключение вместо того, чтобы говорить о противоречивости военного опыта или противопоставлять двадцатые годы тридцатым (якобы времени реакции), подчеркну одну мысль: несмотря на то, что гендер играл ключевую роль в системах военного времени, война оказывала глубоко консервативное воздействие на гендерные отношения. С этой точки зрения, становится понятно, почему XX век, наполненный войнами, так поздно — только к шестидесятым годам подошел к подлинному перевороту в отношениях между мужчинами и женщинами.

---

* *Guerrand R.-H.*, *Ronsin F.* Le Sexe apprivoisé; Gabriel N. 'Des femmes appèlerent mais on les entendit pas': Anita Augspurg et Lida Gustava Heymann // R. Thalmann. Ed. La Tentation nationaliste; *Cott N.F.* The Grounding.

** *Kent S.K.* The Politics of Sexual Difference: World War I and the Demise of British Feminism // Journal of British Studies. July 1988. Vol.28. P. 232–253.

*** *Cova A.* Cécile Brunschvicg (1877–1946) et la protection de la maternite // Association pour l'Etude de l'Histoire de la Sécurité Sociale. Actes du 113e congrès national des sociétés savantes. Paris, 1989, P. 75–104. Cova сейчас работает над диссертацией под названием "Droits des femmes et protection de la maternite en France. 1892–1939". Смотри также в этом томе статью Гизелы Бок.

2

Современная женщина. Американский стиль 20-х годов

Нэнси Ф. Котт

Вызов, брошенный Соединенными Штатами миру в начале двадцатого века, был предопределен не только американским участием в Первой Мировой войне, он стал возможным еще и благодаря уверенному наступлению на протяжении последующих десятилетий американской технологии, продукции и наглядных средств массовой информации. Точно также, и старой патриархатной модели, и новому коллективистскому способу жизни был брошен вызов в образе современной американской женщины. В своих разнообразных воплощениях современные женщины формировались под влиянием предшествовавшей борьбы за политическую, экономическую и сексуальную эмансипацию. Десятилетия кануна и начала XX века вызвали к жизни самые эффективные из когда-либо существовавших в Соединенных Штатах социальных движений – феминистское, рабочее и социалистическое. 1910-е годы стали свидетелями столь беспрецедентного продвижения женщин в профессиональной сфере и в занятиях для «белых воротничков», что в результате стал широко распространяться язык «эмансипированной женщины». К 1920-м годам деятели того времени должны были принимать во внимание женские желания для репрезентации реальности и символов свободы и индивидуализма.

В 1920-е годы разнообразное в культурном отношении американское население столкнулось с беспрецедентной по силе волной культурного униформизма, которая также способство-

вала экспорту американского имиджа за рубеж. Контрасты и неравенства в среде американского населения, изначально значительные, стали даже еще большими в результате массовой иммиграции между 1880 и 1920 гг. Тем не менее, в XX веке стало возможным не только заявлять о праве на существование уникального «американского образа жизни», но также его рекламировать и пропагандировать. Американская массовая культура стала возможной как результат соединения массового производства и маркетинговых техник с новыми видами средств массовой информации (радио и кино) и старыми (газеты и журналы), уже вошедшими в обиход нации. На протяжении 1920-х годов сорок процентов всех семей в США приобрели радиоприемники, и еженедельное посещение кинотеатров удвоилось, достигнув 100–115 миллионов к концу десятилетия. Исследования показывали, что звезды кино, боготворимые молодежью, заняли места лидеров политики, бизнеса и искусства. Новые формы коммуникации приносили единообразную информацию и ценности.

Массовое производство и потребление

В 1920 году в первый раз американское население наполовину состояло из горожан (согласно переписи США, население, проживавшее в городских поселениях с числом жителей более 2500 человек). Индустриальная урбанистическая экономика, основанная на массовом производстве, наемном труде и циркуляции денег, стала определять нравы. Города, и в особенности мега-полисы, занимавшие большие территории, получили основные преимущества от прироста американского населения в 1920-е годы. Это происходило отчасти благодаря автомобилю, который превратился в столь популярное средство передвижения, что стал стимулировать рост пригородов. Если в Соединенных Штатах в 1910 году на каждые 265 человек приходилось по одному автомобилю, то в 1928 году – один на каждые шесть человек. Современные привычки производства, потребления и отдыха начали приводить к стиранию долго сохранявшихся различий между Югом и Севером, сельской местностью и городом. Фабрика и Форд, новая национальная «сеть» магазинов, изобретение национальных брэндов, массовые товары, продающиеся по почтовым заказам через каталоги – все это предвещало новый уровень стандартизации и единообразия повседневной жизни*.

---

* Fuller documentation for this essay may be found in *Nancy F. Cott*. The Grounding of Modern Feminism (New Haven: Yale University Press, 1987), chap. 5.

Экономический рост стал знаменем Новой эры, как любили называть это время республиканские президенты. В то же время, в сравнении с уровнем производительности в промышленности доход на человека и пропорция потребительских затрат к чистому национальному продукту, экономический рост и его материальные плоды были весьма неровно распределены. К примеру, в 1920-е и 1930-е годы чернокожие работницы табачных фабрик в Дэхэме (Durham), в Северной Каролине, стирали одежду для своих семей в лоханях во дворе, не имели удобств в доме и готовили еду на печах, стоявших на кострах, в то время как глянцевые журналы на своих страницах рекламировали домохозяек, освобожденных от нудной работы с помощью «электрических слуг». (Место проживания, а также покупательная способность тоже играли роль: в то время как расположенные в наиболее урбанизированных местностях домохозяйства могли рассчитывать на наличие у них электричества, канализации внутри дома и муниципального газового обслуживания, сельские районы были в значительно более слабой степени электрифицированы). Владельцы предприятий, которые верили, что технический прогресс основан на объемных покупках, стали стимулировать спрос с помощью маркетинговых исследований, рекламы и новых подходов к розничной продаже. Производство потребительских товаров, таких как консервированная и упакованная еда и готовая одежда, росло быстрыми темпами. С развитием торговли по заказам по каталогам, сельские домохозяйства, также как и домохозяйства, расположенные в столичных районах, стали вносить свою лепту в большой и постоянный рост покупок утюгов, плит, пылесосов, стиральных машин и холодильников.

Важным специфическим фактором экономического роста Соединенных Штатов в 1920-е годы и символом нового подхода к потреблению было изобретение оплаты в рассрочку: это поощряло людей к расширению их потребительских привычек за пределы того, что они могли себе позволить раньше, смещая фокус с откладывания денег к их расходованию. В 1925 году потребители использовали оплату в кредит, чтобы приобрести более, чем две трети от проданных домашней мебели и газовых плит и, по меньшей мере, три четверти личных автомобилей, пианино, стиральных и швейных машин, холодильников, фонографов, пылесосов и радиоприемников. Владельцы предприятий и рекламодатели ложно интерпретировали такие покупки как ведущие к улучшению семейного «жизненного стандарта»*.

* *Heidi I. Hartman*. «Capitalism and Women's Work in the Home, 1900–1940,» Ph.D. diss., Yale University, 1974. For the Durham counterexample, см.: *Dolores Janiewski*. Sisterhood Denied: Race, Gender and Class in a New South Community (Philadelphia: Temple University Press, 1985). Esp. p. 32.

Домохозяйства и семьи

Вместе с урбанизацией Новой эры и массовым материальным благополучием, была выставлена на продажу модель современной американской женщины. Портрет современной женщины, в американском стиле, следовало бы начать с размера ее семьи. Домохозяйства стали в среднем меньше в связи с тем, что падала брачная фертильность и потому, что все большей редкостью становились в доме жильцы-квартиранты и проживавшие в нем слуги. Стабильной была тенденция к уменьшению числа детей. Рождаемость сокращалась на протяжении не одной сотни лет к моменту начала двадцатого века. Между 1800 и 1900 годами среднее число детей у белой женщины сократилось наполовину, упав с 7 до 3,5. При наличии достаточной мотивации использовались воздержание, прерванный метод (coitus interruptus), аборт, спринцевание и (с конца века) презерватив и ритмический метод, но ни одно из этих средств (за исключением воздержания) не было достаточно надежным, чтобы люди могли «планировать» свои семьи.

Несмотря на то, что контрацептивные средства были все еще крайне ненадежными, в самом начале двадцатого века ограничение брачной фертильности стало общепринятой нормой. В 1910-е годы Маргарет Сэнгер пропагандировала контролируемый женщиной метод диафрагмы, существенно повышавший надежность в контрацепции. Тем не менее, клиники по контролю рождаемости, открытые Сэнгер и некоторыми ее соратницами, действовали в узком легальном поле только в некоторых штатах при наличии медицинской лицензии и могли удовлетворить лишь часть потребностей. Только в 1936 г. Верховный Суд США снял нормы ограничения, связанные с контролем над рождаемостью, из федерального закона против непристойностей. Но вплоть до следующего года Американская медицинская ассоциация не давала врачам разрешение распространять средства по контролю над рождаемостью. В 1920-х и 1930-х годах методу диафрагмы были обучены преуспевающие замужние женщины, чьи врачи частным образом обеспечивали их рецептами и инструкциями. Однако число женщин, желавших использовать методы контрацепции, намного расширилось за счет относящихся к другим слоям. В начале 1920-х годов в течение пяти лет Сэнгер получила миллион писем от матерей, в которых они спрашивали о методах контроля над рождаемостью. В 1920-е и 1930-е годы под воздействием этих методов, в любых комбинациях — с использованием старых или новых средств — рождаемость стала быстро падать, в особенности среди иммигранток (которые выходили замуж позже и реже, чем иммигрантки первой

волны) и среди сельских женщин, что было связано, вероятно, с сельскохозяйственной депрессией*.

Сексуальная идеология и поведение

В контексте сокращавшейся рождаемости место репродуктивных забот в браке заняли новые ценности сексуальной жизни. Поколение, повзрослевшее к 1920-м годам, пожинало плоды перемен в сексуальной идеологии и практиках, семена которых были посажены еще в прошлом веке и начали всходить в 1910-е годы. Как позже было обнаружено в исследованиях сексолога Альфреда Кинси, женский «петтинг», добрачный и внебрачный секс, достижение оргазма в супружеском сексе распространялись с рубежа двадцатого века. Резкие различия в сексуальном поведении обнаружились между теми, кто был рожден на десятилетие раньше 1900 года и теми, кто родился на протяжении десятилетия после него. Среди женщин с образованием, полученным в колледжах, маятник качнулся с наибольшим размахом. Исследования Кинси показали, что среди образованных женщин, родившихся до 1900 г., вероятность практиковать добрачный секс была меньшей, чем среди не учившихся в колледжах. Однако у появившихся на свет после 1900 года такое поведение было более вероятным**.

В 1920-е годы для девушек признание женской сексуальности было не столько проявлением бунта, сколько данью моде. Со стороны писателей и ученых стала распространяться волна презрительного отношения к «викторианской» половой морали, одновременно репрессивной и лицемерной. Художественные фильмы, дешевые журналы и рекламные листки сделали своей темой «трепет» секса. Кинолюбитель в типичном городке на среднем Западе в середине 1920-х годов, например, мог выбрать в течение одной недели фильмы из следующего набора: «Дерзкие годы», «Грешницы в шелке», «Женщины, которые дают» и «Цена, которую она заплатила», а в течение следующей недели — «Назови мужчину», «Крашенные губы» и «Королева греха». Автор фильма «Разогретая молодежь», который не отважился указать в титрах свое имя, обещал

* См.: *Carl N. Degler.* At Odds: Women and the Family in America from the Revolution to the Present (New York: Oxford University Press, 1980), pp. 178–248; *Richard A. Easterlin.* The American Baby Boom in Historical Perspective (New York: National Bureau of Economic Research, Occasional Paper # 79, 1962), pp. 6–12, 15–21.

** *Alfred Kinsey et al.* Sexual Behavior in the Human Female (Philadelphia: W. B. Saunders, 1953), pp. 242–245, 298–301, 339, 422–424, 461–462, 529, 553.

«объятия, ласки, белые поцелуи, красные поцелуи, дочерей наслаждения, сенсационно жаждущих матерей». Новый культурный порядок создавался вокруг открытия, что сексуальное выражение не иссушает энергию, как предупреждали моралисты XIX века, а является источником жизненности и проявлением индивидуальности, и что женское сексуальное желание должно выражаться и удовлетворяться*.

Брак на условиях предварительного договора

Между тем, сексуальная экспрессия была приспособлена к новой модели брака. Растущий хор обществоведов, социальных работников, журналистов и юристов выступил поборниками новой модели малой семьи, основанной на новой идее, согласно которой, семейная жизнь становится специальной ареной для эмоциональной близости, личностного и сексуального выражения. Хотя консерваторы раздражались и жаловались, обществоведы, руководствуясь разными целями, стали сходиться на новом идеале брака, который можно было бы назвать «брак на условиях предварительного договора» — по названию книги Бен Линдсей, судьи штата Колорадо, чья работа с подростками убедила его в том, что молодые люди должны стать друзьями и, возможно, побыть любовниками до того, как предпринять серьезное решение о браке. Профессиональные консультанты по вопросам брака в 1920-е и 1930-е годы смотрели на викторианский брак как на брак, иерархический и эмоционально бесплодный, имеющий в своей основе доминирование и подчинение. Они пробовали сменить идеал интимного партнерства на новый, в котором женская сексуальность считалась доказанной, и брак ценился за сохранявшуюся в нем возможность свободы личности каждого из партнеров при союзе двоих. Руководства по браку превратили секс в его сердцевину; сексуальное регулирование и удовлетворение обоих партнеров стало принципиально значимой мерой сексуальной гармонии, а так же — средством для поддержания более широкого социального порядка**.

---

* *Robert S. Lynd and Helen Merrell Lynd.* Middletown: A Study in Modern American Culture (New York: Harcourt, 1929), p. 266; см.: Linda Gordon, Woman's Body, Woman's Right (New York: Grossman, 1976), pp. 186–206; Estelle Freedman and John D'Emilio, Intimate Matters (New York: Harper and Row, 1988), pp. 222–274.

** *Christina Simmons.* «Companionate Marriage and the Lesbian Threat,» Frontiers 4 (Fall 1979): 54–59.

Когда наличие собственного заработка позволило женщинам освободиться от экономической необходимости выходить замуж, акцент на женском гетеросексуальном желании превратил брак в сексуальную необходимость для «нормального» удовлетворения. Не сговариваясь, и серьезная литература, и беллетристика стали формировать образ женщины, не нашедшей мужчины, как социально опасной – иррациональной, нездоровой, мужеподобной или фригидной. Поскольку модель брака по предварительной договоренности превращала брак в эгалитарный союз, у женщин практически не оставалось оснований его избегать; а возражения со стороны феминисток предыдущего поколения по поводу того, что брак является системой доминирования, были устранены.

Поскольку женское сексуальное желание было признано, отношения между женщинами также неизбежно переопределялись. Феминистская идеология XIX века говорила о женском нравственном влиянии и прославляла материнство, маскируя женский эротизм. Такой подход превращал интимность между женщинами в нечто безобидное. Но тот же интерес в среде врачей, реформаторов сексуальной морали и поведения, специалистов в области этики, который ранее установил викторианскую сдержанность как норму в сексуальных отношениях, создал и новые ярлыки «нормальности» и «ненормальности» в отношении спектра проявлений человеческого поведения от гетеросексуального до гомосексуального. Не только клиницисты и обществоведы, но все популярные средства массовой информации, любительски занимавшиеся вопросами психологии, в 1920-е и 1930-е годы сосредоточили свое внимание на природе женской эротики. Новым стало признание и инкриминирование женщинам гомосексуальности.

Фантом женщин, удовлетворявших свое желание самостоятельно или друг с другом, прошествовал по многим научным трудам. Культурная озабоченность женской возможностью избежать мужского контроля получила правдоподобный вид благодаря достойным новостей свидетельствам об успехах женщин-одиночек как в искусстве, сфере развлечений, спорте и профессиях, так и в гражданских и суфражистских организациях. Поскольку эротическая энергия получила в ту пору признание как важная составляющая женской природы – вполне сопоставимая с мужской – и стала рассматриваться как независимая от репродукции ценность, отношения женщин друг с другом, казалось, вступили в соревнование с гетеросексуальными. И попали под подозрение в качестве создающих угрозу существующему сексуальному и социальному порядку. Этот новый предмет общественного беспокойства был таким значимым, что спровоцировал пересмотр как идеи, так и практики существования независимых женщин.

Трудно сказать, приводили ли в действительности перемены в оценке сексуальной нормативности к исчезновению или укреплению лесбийских отношений. Исследования Кинзи не обнаружили роста гомосексуального поведения в противовес всем видам гетеросексуального поведения. Тем не менее, можно предположить, что женщины по-разному реагировали на новую легитимацию женской сексуальности. Как и гетеросексуальные женщины, лесбиянки должны были выиграть от послабления нравов в современную эру. В маленькой группе женщин- писательниц и художниц, лесбиянство, безусловно, проявлялось более открыто. В 1920-е годы оно признавалось гораздо сильнее, чем когда-либо раньше. Жизненные биографии некоторых выдающихся женщин поколения 1920-х годов обнаруживают, что они зачастую поддерживали сексуальные отношения с партнерами обоих полов. Медицинские и социологические исследования подтверждают, что некоторые женщины находили сексуальное и эмоциональное удовлетворение друг с другом, даже тогда, когда сами они изображали этот выбор как аберрацию (помрачение ума)*.

Невозможно сказать, насколько институт брака был обязан своей популярностью поборникам брачного союза по предварительной договоренности. Факт тот, что в межвоенный период в брак вступило людей больше, чем когда-либо раньше. Почти 10 процентов представителей поколения, родившегося между 1865 и 1885 годами, никогда не состояли в браке, но эта пропорция упала примерно до 6 процентов среди мужчин и женщин, рожденных между 1895 и 1915 годами. Средний возраст первого вступления в брак снизился с 26 лет для мужчин и около 24 — для женщин поколения конца девятнадцатого века до примерно 25 лет для мужчин и 22,5 – для женщин в поколении взрослевших в 1920-е и 1930-е годы**. Тенденция к замужеству особенно проявлялась среди выпускников колледжей. В девятнадцатом веке женщины, посещавшие колледж, оставались одинокими чаще, нежели их современницы, которые не учились, или выходили замуж позже. Но поскольку пропорция 18–22-летних американцев, обучавшихся в колледжах, увеличилась более, чем вчетверо между 1890 и 1930 годами, достигнув 20 процентов от молодежи этой возрастной группы, больше выпускниц колледжей стало выходить замуж и в более раннем возра-

* *Vern Bullough and Bonnie Bulough.* «Lesbianism in the 1920s and 1930s: A Newfound Study,» Signs 2 (1977): 896–904; *Leila Rupp.* «Imagine My Surprise': Women's Relationships in Historical Perspective,» Frontiers 5 (Fall 1980): 61–71; *Blanche Wiesen Cook.* «'Women Alone Stir My Imagination': Lesbianism and the Cultural Tradition,» (Summer 1978): 718–739.

** *John Modell et.al.* «The Timing of Marriage in the Transition to Adulthood, in John Demos and Saranne Boocock, eds. Turning Points: Historical and Sociological Essays on the Family (Chicago: University of Chicago Press, 1978), p. 12.

сте. Чем более распространенным явлением становилось посещение колледжа девушками, тем в большей степени брачное поведение студенток соответствовало нормам среднего класса*.

Женская занятость: дом и труд?

Эти же женщины, убежденные сторонницы брака рано вышедшие замуж, поступали в средние школы, университеты, выходили на рынок труда. Под действием законов об обязательном образовании и о стимулировании подготовки работ для белых воротничков посещение школ подскочило в 1920-е и 1930-е годы, охватывая от 50 до 60 процентов тинэйджеров, среди которых преобладали девушки. Даже в колледжах и университетах в 1920-е годы девушки составляли почти половину студентов. Пропорция женщин в составе рабочей силы составляла около одной четвертой между 1910 и 1940 годами, но женщины-рабочие в среднем становились старше (поскольку тинэйджеры находились в школах) и все в большем количестве концентрировались в канцелярском деле, торговле, административных и профессиональных областях. Они были более заметными для социальных комментаторов, чем женщины, занятые в домашнем обслуживании, сельском хозяйстве и промышленности. Хотя паникеры жаловались, что заработки женщин разрушат перспективы брака, обратное казалось правдой, поскольку оба члена объединенной пары могли вносить вклад в домашние сбережения. Пропорция работающих жен возросла в шесть раз — во столько же, во сколько увеличилась пропорция одиноких женщин**.

Присутствие женщин на рынке труда сопровождалось не только изменением возраста вступления в брак, но и распространением более широких представлений о браке, чем в предыдущих поколениях. Вопросы занятости по найму и вступления в брак для женщин были неизбежно соединены. Девушки из колледжей часто называли это «современной» проблемой. В колонке редактора в Weekly — газете колледжа Смит — в конце 1919 г. объявлялось: «Мы не можем поверить, что в природу вещей заложена для женщины необходимость выбирать между домом и работой в то время, как мужчина может иметь и одно, и другое. Должен быть выход из этого положения, и задача нашего

* *Barbarra Miller Solomon*. In the Company of Educated Women (New Haven: Yale, 1985), pp. 119–122; *Paula Fass*. The Damned and the Beautiful (New York: Oxford University Press, 1977), pp. 124 and 407–408, n4.

** *Lois Scharf*. To Work and to Wed: Female Employment, Feminism, and the Great Depression (Westport, Conn: Greenwood, 1980), pp. 15–16, 41–42.

поколения найти этот выход». С этой проблемой резонировали статьи и вопросы, озаглавленные, например, «Может ли женщина одновременно вести дом и работать?», «Жена, дом и работа», «Жены-студентки колледжей, которые работают», «От детской коляски в офис», «Почему замужние женщины работают?», «Женщина – дом-плюс-работа», «Дети плюс работа», «Жена с двойной занятостью»*.

Занятость замужних женщин в третичном секторе была самой заметной, так как она возростала быстрее, чем в любой другой области. Но даже в 1930 г., спустя десятилетие, в годы которого их пропорция удвоилась, согласно переписи США все еще менее 12 процентов женщин числились среди всех занятых. Среди работающих женщин, тем не менее, почти половина были замужем, разведены, являлись вдовами, или жили отдельно от мужа, и таким образом несли ответственность за поддержание дома и воспитание детей помимо выполнения оплачиваемой работы. Значительным большинством этих несущих двойную нагрузку женщин были работницы, занятые в не престижном домашнем хозяйстве или личном обслуживании, сельском хозяйстве или мануфактурной промышленности. В самом лучшем случае, менее, чем о 4 процентах замужних женщин в стране можно было сказать, что они сочетают «брак и карьеру»**.

Интервенция социальных наук

Внимание общественного мнения к проблеме совмещения женщинами любви и работы было спровоцировано не только деятельностью феминисток, начиная с рубежа веков, но также и тем обстоятельством, что представители социальных наук сосредоточили свое внимание на этой проблеме. Потеснившие в 1920-е годы народную мудрость и религиозные убеждения, имевшие больший, чем прежде запас знаний о роли женщин, социальные науки пользовались невиданным кредитом доверия. Их обещание объяснить природу и источники человеческого поведения посредством объективного эмпирического наблюдения и методологически выдержанного анализа приобрело огромную популярность наравне с академической привлекательностью. К 1920-м годам после полувекового развития отдельные дисциплины – социология, экономика, политология, психология и антропология – утвердились в учреждениях и по-

* Smith College Weekly 10 (Decemder 3, 1919): 2, quoted in *Peter Filene*. Him/Her/Self (New York: New American Library, 1974), p. 128.

** *Cott*. Grounding, p. 183.

лучили развернутую поддержку со стороны современной филантропии. Тысячи специалистов вели исследования и преподавали в сотнях американских колледжей и университетах. Их исследования популяризовались посредством публикаций и с помощью аудиовизуальных средств массовой информации. Их выводы и интерпретации отражались в практике менеджмента персонала и в маркетинговых стратегиях в бизнесе и промышленности, в правительственных исследованиях и процедуре, в журналистике и, возможно, наиболее эффективно — в рекламе*.

Хотя социальные науки никогда не были монолитными, в 1920-е годы они представляли собой объединенный фронт в одном отношении: их экспертиза была решающей в установлении современного, реалистического, эффективного и демократического социального порядка. Психология, в частности, рассматривалась в качестве инструмента, сделавшего возможным предсказание и контролирование «человеческого элемента», возможно даже — реализацию концепций «социальной инженерии», которые появились в предыдущее десятилетие. Самые влиятельные мужчины-психологи этого периода такие, как Джон Ватсон и Флойд Оллпорт, верили, что выдающимся обещанием психологии было произвести психологическую «подгонку» личности к одобренным социальным нормам. Хотя, начиная с первого десятилетия века, «передовыми» мыслителями были посеяны фрейдистские идеи, некоторые фрейдистские термины понимались поверхностно, поэтому не психоанализ, а такие направления, как психическая (умственная) гигиена и бихевиоризм, доминировали в психологической науке на протяжении 1920-х годов. Все они, тем не менее, сходились во мнении о существовании рациональных источников человеческого поведения, в общем взгляде на то, что глубоко спрятанные сексуальные побуждения лежат в основе действий, совершаемых публично, что поступки людей мотивируются механизмами их собственной психики, о наличии которых они не подозревают. Например, журналистка демонстрировала типичный популярный прием из психоанализа, задавая вопрос: является ли «сублимацией других желаний» стремление образованных женщин делать карьеру, и тут же делая предположение, что «самой важной причиной неудачи человека является его психическая неприспособленность, конфликты, запреты, тревоги, страхи и другие эмоциональные нарушения, которые безусловно, несут ответственность за деформированные и искривленные жизни**.

* *Edward A. Purcell. Jr.* The Crisis of Democratic Theory: Scientific Naturalism and the Problem of Value (Lexington, Ky.: University Press of Kentucky, 1973), pp. 16–23.

** *Bessie Bunzel.* «The Woman Goes to College: After Which, Must She Choose Between Marriage and a Career?» The Century Monthly Magazine 117 (Nov. 1928): 26–32, quotations from pp. 26 and 31; *John C. Burnham.* «The New Psychology:

Практикующие представители социальных наук были убеждены в том, что их дисциплины могут объяснить современные проблемы женщин и, одновременно, помочь в их разрешении, особенно, в вопросе примирения женских требований о необходимости совмещения любви, работы и индивидуальности. После того, как в 1890-х годах женщины-обществоведы предприняли эмпирические исследования и развенчали викторианскую убежденность в наличии половых различий при проявлении умственной деятельности, в 1920-е годы поколение психологов концептуализировало эти различия заново. Они увязывали теперь половые различия скорее с проблемой темперамента, нежели с проблемами познавательной способности. Льюис Терман и его коллеги лидировали в конструировании количественных измерений «маскулинности» и «феминности», которые, как они утверждали, являются реальными и поддающимися научной проверке качествами, а также поддающимися распознаванию в широком диапазоне от нормальности к девиантности. Модель благополучия виделась им как соответствие психологических коррелятов биологическому полу, но их так называемые эмпирические данные о категориях маскулинности и феминности строились, исходя из противоречивых предположений*. Новые подходы психологов к феминности разрушили междисциплинарные границы в социологической оценке pros and cons в женских карьерах. Область наемного труда была по общему признанию «маскулинной»; мужская способность обеспечивать финансами своих жену и детей была важным компонентом конвенционально понятой «маскулинности». Даже мужчины-социологи, внешне наиболее симпатизировавшие феминистским целям, предупреждали, что женщина в бизнесе, «становясь грубой», «отталкивает мужчин»**.

Такие комментарии обнаруживали, как глубоко социальная наука, невзирая на заверения в эмпиризме, интегрировала социальные предрассудки, согласно которым, «адаптация» женщин заключается в привитии им желания обслуживать мужские нужды и удовольствия. Зачастую современные обществоведы исходили из того, что соответствующие ценности вырастают из самой эмпирической работы, но терпе-

---

From Narcissism to Social Control», in Change and Continuity in Twentieth-Century America: The 1920s, John Braeman et al., eds. (Columbus: Ohio State University, 1968), pp. 351–398.

* *Jill Morawski*. «The Measurement of Masculinity and Femininity: Engendering Categorical Realities,» Journal of Personality 53, 2 (June 1985): 196–223. Compare with *Rosalind Rosenberg*. Beyond Separate Spheres (New Haven: Yale University Press, 1982), on earlier generation of women social scientists.

** *Ernest Groves*. «The Personality Results of the Wage Employment of Women Outside the Home and Their Social Consequences,» Annals 143 (May 1929): 315.

ли неудачу в объяснении, как преобладающие ценности конструировали научные установки в момент их оформления. Их упорное уклонение от метафизических или философских притязаний и пристрастие к экспериментальным и эмпирическим данным не оставляло места для критического взгляда. В то же время, поскольку исследования базировались на фактах, объявлявшихся полностью достоверными и достойными внимания, социальная наука демонстрировала тенденцию ограничиваться уже существующим гендерным порядком, подтверждать его и препятствовать любым иным видениям альтернатив.

Пропорция женщин, делавших карьеру в расширявшейся области социальных наук, была значительно большей, чем в медицине, естественных науках или других профессиональных областях, но феминистский голос, который пытался заговорить на языке современной социальной науки, оставался приглушенным.

Новое домашнее хозяйство

Домашнее хозяйство стало для социальной науки в 1920-е годы таким же предметом исследования, как сексуальные или брачные отношения. Профессиональные специалисты в области домашней экономики взяли на себя задачу повысить статус и улучшить условия домашней работы. Под влиянием идей научного менеджмента они приступили к сравнительным иследованиям времени, потраченного на домашнюю работу, и показали, что для городских домохозяек не меньше, чем для сельских, ведение домашего хозяйства являлось работой на полную занятость. Только 10 процентов городских домохозяек тратили менее 35 часов в неделю для выполнения всех работ, несмотря на современные преимущества, и большая их часть проводили рабочие недели, сравнимые по длительности с тем, что имели сельские домохозяйки – более 50 часов. Английская писательница Вера Бриттейн (Vera Brittain) после посещения страны в 1926 г. пришла к выводу, что американцы «добились успеха в устранении неприкосновенного иммунитета мужчин от всех форм домашней работы», но со стороны самих американских женщин свидетельства были намного менее оптимистическими – особенно в отношении тех, кто имел оплачиваемую работу вне дома: мужья по-прежнему ожидали, что их жены будут вести домашнее хозяйство в одиночку*.

Специалисты в области домашней экономики соглашались, что принципиальным результатом технологического прогресса в приложе-

* *Vera Brittain.* «Home-Making Husbands,» Equal Rights 13 (Jan.29, 1927): 403.

нии к дому был возраставший стандарт, предъявляемый к качеству заботы о домашнем хозяйстве. «Экономящие труд» домашние приспособления были более эффективными в отношении поднятия стандартов чистоты и порядка и поощрения домохозяек, стремившихся им соответствовать, чем в сокращении часов работы по поддержанию дома. Газовая плита, электрическое освещение и утюги, ставшие предметами традиционного пользования в 1920-е годы, улучшили комфорт и эффективность домашнего труда женщины, но не сделали ее домашние обязанности меньшими, чем требовала работа на полный рабочий день. Если домохозяйки экономили некоторое время за счет использования приборов и приспособлений, то они перераспределяли его в пользу детей, совершения покупок или в пользу вопросов, связанных с домашним управлением с тем, чтобы усовершенствовать окружающую рабочую обстановку или результат своей работы. Стандарты материального благополучия резко изменились по сравнению с теми, на которые ориентировались прошлые поколения. Домохозяйки всерьез отнеслись к своим возможностям по улучшению здоровья и безопасности своих семей, так как специалисты в области домашней экономики и рекламодатели беспрестанно напоминали, что женская адекватная забота о доме могла бы принести комфорт, урегулирование и эффективность в жизнь ее любимых. Более того, развернутый производителями агрессивный маркетинг домашней техники — стиральные машины в этом отношении были наилучшим примером — вернули в домашнее лоно некоторые работы, за которые предыдущие поколения городских семей платили с тем, чтобы они выполнялись за стенами домов*.

Уход за детьми по-новому

Как и обязанности, связанные с поддержанием дома, обязательства по уходу и воспитанию детей никогда не были столь разноообразно определяемыми. Новые квази научные учреждения увеличили поток рекомендаций и советов, адресованных родителям. Научно ориентированные директивы навязчиво лезли из агентств общественного здоровья и социальной работы, школ, женских клубов, журналов, газет, кафедр и из федерального правительства, стараясь удовлетворить материнский интерес. Правительственные рекомендации по уходу за детьми, согласно оценке Детского бюро США, коснулись половины младенцев, рожденных в 1929 году. Как отмечалось в одном исследовании, неожиданно

* См.: *Hartman*. «Capitalism and Women's Work.»

множество агентств стало предлагать помощь матери «в выполнении ее обязанностей в отношении детей», но те же самые агентства «увеличивали работу матери, предъявляя ей более высокие требования»*.

Если рождение детей было добровольным и могло планироваться, и по крайней мере в среде женщин среднего класса этот подход стал принятым, то ответственность с этим связанная, стала более развитой и внутренне согласованной. Теперь наука предложила новые подходы к питанию, санитарным нормам и к практикам ухода и воспитания детей, а также новые способы оценки родительского успеха или неудач. Область психической гигиены начала двадцатого века солидаризовалась с социальной наукой в том, что первостепенной обязанностью семьи в современном индустриальном обществе является более не экономическое производство, а создание правильной среды для здорового и нормального детского роста. Психические гигиенисты познакомили общественность со своей концепцией «нормальности», которая, как они считали, может быть измерена с помощью стандартизированных тестов. Родители были настроены настороженно по поводу возможной ненормальности, которая связывалась с «инфантильным» или «невротическим» поведением у их растущих детей**.

Реклама в обществе потребления

Сложные ожидания, связанные с образом «современной женщины», открывали широкое поле возможностей для психологических дискуссий. Реклама лезла напролом, стараясь утолить озабоченность, произраставшую из новых стандартов, подстраиваясь под научное правдоподобие и прибегая к запасам аргументов социальной науки. С помощью рекламы производители и торговцы приспособлениями для ведения домашнего хозяйства и средствами ухода за детьми развивали идею современной феминности. Посредством совершения правильных покупок хозяйка дома оказывалась связанной с «новым домашним хозяйством» и мать — с научным воспитанием детей. В 1920-е годы современная индустрия рекламы расцвела. Рекламные агентства в двадцатом веке оценили науку в качестве современной формы власти, или в качестве знамени промышленного продвижения и потребительской выгоды. Используя достижения социальной науки в сфере управления,

* *Gwendolyn Hughes Berry.* «Mothers in Industry,» Annals 143 (May 1929): 315.

** См.: *Burnham.* «The New Psychology: From Narcissism to Social Control,» pp. 360–366, 378–379, 381–384; Fass, Damned, pp. 96–101.

рекламщики презентовали себя в роли воспитателей и просветителей покупателей, или особенно информированных манипуляторов человеческого поведения. Большие компании, стремившиеся утвердиться на национальном рынке, увидели преимущество раскрутки «брэндов» на национальном уровне, позволявших заменить местного розничного торговца. К 1920-м годам рекламодатели считали само собой разумеющим, что их искусство опережает время: от снабжения информацией они перешли к созданию «потребностей». Рекламная техника все шире эксплуатировала открытия психологии о рациональных мотивах поведения и применяла техники символизма и психической ассоциации, подключая иллюстрацию с тем, чтобы заставить эмоции потребителя работать в направлении совершения покупки*.

По привычке рекламодатели и маркетологи по отношению к потребителю использовали местоимение «она». Бесчисленные публикации 1920-х годов ссылались на статистику, согласно которой женщины совершали 80 процентов всех потребительских покупок. Специалисты по домашней экономике приветствовали связанное и объявленное потребление как королеву задач хозяйки дома. «Ее самая важная работа – объявлял один из них – это быть директором семейных отношений и семейного потребления». Хотя разнообразные последствия рекламы для человеческого восприятия и поведения не поддаются точному измерению, тем не менее, ясно, что большинство объявлений ориентировались на женщин, которые, предположительно, поглощали большую, чем мужчины, дозу того, что им предлагали. В проведенном исследовании, замерявшем потребительские отклики на рекламу 1930-х годов, среди почти 15000 респондентов домохозяйки (более одно трети всех обследованных) были наименее критичными среди всех профессиональных групп. Только 31 процент комментариев домохозяек по поводу рекламных объявлений содержал жалобы. По контрасту, 85 процентов ответов, полученных от студентов, были критическими. Оплачиваемая работа, по-видимому, уменьшила толерантность женщин, особенно тех, кто работал вдали от дома: жалобы содержали 66 процентов ответов канцелярских работниц в то время, как со стороны занятых в домашнем обслуживании – аналогичными были 45 процентов откликов**.

---

* *A.M. McMahon.* «An American Courtship: Psychologist and Advertising Theory in the Progressive Era,» American Studies 13 (Fall 1972): esp. 3–8, 15; *Roland Marchand.* Advertising the American Dream (Berkeley: University of California Press, 1985), pp. 5–7.

** *Chase Going Woodhouse.* «The New Profession Homemaking,» Survey 57 (Dec. 1926): 339; см.: also Marchand, Advertising, pp. 34, 66–69, 162–163, 342–345; *Neil H. Borden.* The Economic Effects of Advertising (Chicago: Richard D. Irwin, 1942), chap. 26, esp. pp. 744–745, 763–765, 768–797.

Рекламодатели торопились упаковать личность и современный характер женщин в товарную форму. Новые графические и фотографические техники превратили рекламу в визуального посредника, влиявшего на подсознание как никогда ранее, и намеренно рекламировавшего женщинам не только продажные партии товаров, но также образы, с их помощью создаваемые. Экономическая власть, стоявшая за предлагаемыми образами современной женщины, была во много раз более мощной, чем прежде. Рекламодатели преуспели в создании современных символов из традиционных женских приоритетов. Идеальная современная женщина изображалась не как неуверенная в себе, хрупкая и покорная, а как энергичная и общительная. Ей нравилось получать удовольствие, любить мужчин и нравиться им. Естественно, сексуальная привлекательность была большим бизнесом. К 1929 году косметическая промышленность тратила на рекламу примерно столько же, сколько превосходившая ее в семнадцать раз по размерам пищевая промышленность. Но привлекательная современная женщина была не просто научно подкована в самых лучших методах ухода за мужем, детьми и домом, она была способна к несению ответственности за их благосостояние*.

Отныне традиционный женский статус домохозяйки, ее гетеросексуальность охранялись, даже агрессивно продавались. При этом происходило манипулирование терминами женского выбора, свободы и рациональности. Рекламные объявления отрабатывали и перерабатывали тему о том, что покупка является ареной выбора и социального контроля, здесь женщины якобы могли демонстрировать свою рациональность и выражать ценности. В этот спор, хотя и из других соображений, включились специалисты в области домашней экономики. Современная торговля восприняла феминистское предложение о том, что женщины должны иметь контроль над своей жизнью, и перевела его в потребительское определение выбора. Тумблер включения в слогане рекламодетелей компании Дженерал Электрик, соединил «суфражизм и электричество». В рекламе предметов домашнего хозяйства в Chicago Tribune в 1930 году читаем: «Сегодняшняя женщина имеет то, что хочет. Право голоса. Тонкие облегающие платья из шелка вместо объемных нижних юбок. Стеклянную посуду, украшенную голубыми сапфирами или сияющим янтарем. Право делать карьеру. Мыло, которое соответствует по цвету ее ванной комнате»**.

---

* On advertising volume see *Robert Lynd.* «The People as Consumers,» in Recent Social Trends (New York: McCraw-Hill, 1933), vol. 2.

** Quotation from Chicago Tribune, 1930, reported in Marchand, Advertising, p. 186; *Gwendolyn Wright.* Building the Dream: A Social History of Housing in America (New York: Pantheon Books, 1981), pp. 208–210.

Хотя некоторые противники возмущались по поводу того, что под видом привлекательного современного имиджа, на самом деле, продавались традиционные стереотипы взаимодействия мужского и женского, популярные средства массовой информации и реклама продолжали играть основную роль в предписывании моделей для реализации женских качеств. Феминистские цели и феминистская риторика ими не игнорировались, но адаптировались. Реклама уничтожила важную для феминизма сосредоточенность на женском пространстве и возможности выбора, переведя эту идею в политику индивидуального потребительства. Социальные психологи приспособили утвердившуюся в браке благодаря феминизму сексуальную свободу; феминистское открытое неповиновение разделению труда по половому признаку было сметено. Голливудские фильмы пропагандировали болтливый целлюлоидный образ, транслировавший месседж, что приватная близость уравнивает в цене свободу и плюш дорогого автомобиля; и этим покрывается поиск хорошей жизни*. Эти приемы обезоружили вызовы феминизма, и делалось это под маской их реализации.

Как в случае с феминизмом, распространявшимся на волне международного женского движения перед Первой мировой войной, когда этому не мешали никакие национальные границы, силы маркетинга и средств массовой информацией совершили нечто подобное. Произошло это особенно благодаря американской киноиндустрии, которая в 1920-е годы наводнила европейские кинозалы своей продукцией. Заграничной публике была приподнесена определенная модель эмансипации современной женщины, но в американском стиле, которая бросала вызов европейским нациям с их собственными моделями женского характера**. Европейские потребители получили идеализированную картинку современных американских женщин даже в более чистой

* См.: *Lary May*. Screening Out the Past (New York: Oxford University Press, 1980).

** Compare with two treatments by *Atina Grossman*. «The New Woman and the Rationalization of Sexuality in Weimar Germany», in Powers of Desire: The Politics of Sexuality, Christine Stansell, ed. (New York: Monthly Review, 1983), pp. 153–171, and «Girlkultur or Thoroughly Rationalized Female: a New Woman Sexuality in Weimar Germany? In Women in Culture and Politics: A Century of Change, Judith Friedlander et al., eds. (Bloomington: Indiana University Press, 1986), pp. 62–80. For an astute and enlightening discussion of the impact of American cinema and European national responses, см.: *Victoria de Grazia*. «Mass Culture and Sovereignty: The American Challenge to European Cinemas, 1920–1960,» Journal of Modern History 61 (March 1989): 53–87, and «Women's Last-Best Hope? Americanization and New Models of Modern womanhood in Interwar Europe,» paper revised for the Cockefeller Conference «Women in Dark Times,» Bellagio, Italy, August 11–14, 1987. См. также: *Victoria de Grazia*. How Fascism Ruled Women: Italy, 1922–1945. Berkeley: University of California Press, 1992. Chaps. 5 and 7.

форме, чем сами американцы. Там не было вида улиц, который бы раздражал на серебристом киноэкране или на фотографии, рассчитанной на массового потребителя.

Современная для того времени культура города абсорбировали вызовы феминизма и представили их заново в облике современной американской женщины. Это было особенно гениально в случае с американской рекламной индустрией, которая свела нескольких десятилетий радикальных перемен в возможностях женщин в качестве гражданок и работниц, их свободу выбора социального поведения и идеалов, практик брака, к простым технологическим усовершенствованиям и экономической экспансии, а вовсе не к целенаправленной борьбе за изменение гендерной иерархии. Так была создана американская модель современной женственности, обусловленная тем, что, как и где говорилось и показывалось. Экономический кризис, которым завершились 1920-е годы, также обнаружил, что так называемые современные (для того времени) паттерны были укоренены в долговечной субординации женщин и их любви к семейной жизни и уюту. Можно сказать, что модель 1920-х годов обладала эмансипационным импульсом, проистекавшим от поддерживавшегося потребительского спроса на фоне длительной экономической экспансии. Тем не менее, во время Великой депрессии реакционные призывы вернуть женщину домой, особенно вывести замужнюю женщину из сферы профессиональной деятельности показали, какой тонкой была аура свободы и индивидуальности, маскировавшая предписанную женщине роль.

3

Межвоенный период. Женские роли во Франции и Англии

Анна-Мари Сон

Периоду между двумя мировыми войнами посвящено намного меньше книг, чем викторианской Англии или победоносной Третьей республике во Франции. Если историческая наука в целом продемонстрировала тенденцию пренебрегать двумя десятилетиями между 1920 и 1940 годами, то поздно явившаяся на сцену женская история еще меньше интересовалась этим периодом. Что предопределило характер этого противоречивого времени, расположившегося между — здесь я попрошу снисхождения у читателя за обращение к стереотипам — «патриархальным» девятнадцатым веком и 1960-ми годами — эрой «противозачаточных пилюль» и «сексуальной революции»? Что произошло между вступлением женщин в состав промышленного пролетариата и наступлением общества потребления со всеми его удовольствиями и относительной безопасностью государства благосостояния? Знаки женской эмансипации проявились уже в 1920-е годы: женщины стали носить короткие волосы, получили возможность наслаждаться свободами, до этого принадлежавшими исключительно неженатым мужчинам. В Англии женщины получили право голоса. Тем не менее, в их повседневной жизни произошло мало перемен. Мнение, что идеальное место для женщины дом, осталось не поколебленным, также как сопутствовавшее этому разделение труда. Англия и Франция, будучи демократическими странами, позволили женщинам избежать строгой

регламентации жизни, характерной для тоталитарных режимов. И все же, при наличии общих черт и, несмотря на одинаковые уровни развития, эти две страны отличались, и эти различия в большой степени определяли место женщины в каждой из них. С одной стороны, протестантизм и католицизм занимали различные позиции по вопросу о контрацепции. С другой стороны, в Англии понятие домохозяйки на ферме практически исчезло. В то же время во Франции 40 процентов женской рабочей силы концентрировалось в сельском хозяйстве, и таким образом, по-прежнему подчинялось требованиям сельского окружения. В связи с этим я буду чаще обращаться к отличительным, а не схожим, чертам каждого национального типа.

От матери к «свободной девушке»

Короткие юбки, стриженные волосы – и готов портрет новой женщины, изображенный в романе "La Carconne". Эти признаки часто выдавались за символы нового типа женского поведения, пришествия освобожденной женщины. Однако, несмотря на эти внешние перемены, традиционные нормы оставались господствующими.

Самостоятельная девушка и распутница: Клише «безумных двадцатых»

Во Франции девятнадцатого века такие республиканцы, как Жюль Ферри и Камилл Сэ утверждали, что брак должен быть основан на интеллектуальном единении. Они надеялись, что образование поможет сократить «духовный разрыв», который, как они считали, вел к семейным раздорам. Однако, они отрицали, что мужчины и женщины могут играть одинаковые роли в жизни: долг женщины заключается, по их мнению, в служении своей семье. А тем временем романисты вывели на сцену фигуру жены-любовницы: привязав эротику к семье, они разрушили двойной стандарт и традиционные оправдания мужского адюльтера, однако одновременно возложили на жен обязанность всегда соответствовать чувственным желаниям их мужей. В Англии такие писатели, как Бернард Шоу и Джордж Уэллс пошли еще дальше в создании портретов сексуально и социально освобожденных женщин, некоторые из которых были основаны на их собственном опыте. Тем самым, они действовали на пользу сексуального равенства, выставляя в смешном виде современную им мораль, наносили ей удар. «Новая женщина» открыто бросала вызов обычаям в поисках своей идентич-

ности и автономии. Между тем, немногие маргинальные мыслители такие, как Леон Блюм, находившиеся под влиянием социалистических и анархистских идей, и решительно настроенные ниспровергнуть викторианскую мораль, защищали свободную любовь и пробный брак.

После Первой мировой войны тема «новой женщины» актуализируется. В Англии «распутница» стала точным образом освобожденной женщины: она носила короткие юбки и любила танцевать. Во Франции Виктор Маргеритт выкристаллизовал настроение дня в ярком, вымышленном архетипе «свободной девушки», давшей имя его роману "La Garconne". Мужчины, вернувшиеся из окопов войны, открыли заново радости жизни, и повсюду люди были ошеломлены российской революцией, обещавшей освобождение для каждого существа, о котором только можно было мечтать. Это был тот климат, в котором свободная девушка приковала общественное внимание: героиня Маргеритта надеялась достичь финансовой независимости с помощью карьеры. Она воплощала сексуальную свободу вплоть до экспериментов с бисексуальностью до той поры, пока не установит стабильные, эгалитарные отношения с «компаньоном». Ее создатель о ней сказал, что «она думает и действует как мужчина.» Короткие волосы символизировали маскулинный характер, отраженный в таких «мужественных» качествах как талант, логика, способность распоряжаться деньгами и отчаянная независимость («Я никому не принадлежу, только себе»). Эмансипированная женщина, коротко говоря, более не была женщиной; она была чем-то еще — новым видом, сорванцом. От 12 до 25 процентов французов прочитали роман; был продан миллион его экземпляров на двенадцати языках, а его успех был равен только вызванному им же скандалу, который привел к исключению его автора из числа членов Ордена Почетного легиона. В 1923 году британское правительство наложило арест на экземпляры этой книги, отправленные в Британию почтой, хотя оно никогда не афишировало этот факт и формально не запрещало книгу из-за страха обеспечить автора дополнительной рекламой. Дискуссия бушевала не только среди публики — прежде всего в прессе — но также внутри семей. Журналисты, политики и традиционные романисты осудили «женщину, которая живет своей собственной жизнью», как «проститутка» и критиковали книгу в самых сильных выражениях. Большинство феминисток посчитали «порнографическую» сторону романа шокирующей. Оставшиеся разделились в этом вопросе: они защищали свободу выражения, но выражали сомнения в содержании книги. Коммунисты, которые рассматривали эмансипацию женщин, как вопрос, который будет поднят после революции, выражали презрение «псевдо-требованиям республиканской буржуазии». Только революционные феминистки, особенно школьные учительницы, примыкавшие к CGTU, одобряли самостоятельную девуш-

ку, как пример сексуального равенства. Польза от La Garconne состоит в том, что роман дает нам возможность оценить взгляды официальных лиц, большинство которых по-прежнему стояло на страже традиционного имиджа женщин, – домохозяйки.

Домохозяйка, или настоящие женские каникулы

Стереотип женщины как «жрицы домашнего очага» и «ангела дома» стал арматурой не только литературы и искусства, но также научных текстов второй половины девятнадцатого века. Экзальтация женской «природы» и «священной женственности» фактически служила низведению женщин к подчиненному статусу. Теперь мужчины отмечали физическую слабость женщин как причину для необходимости их защищать и жалеть их за склонность к чрезмерной усталости. Материнство было долгом по очевидным биологическим причинам. Мужчины, принадлежавшие к элите общества, также рисовали нравственный портрет женщины, соответствовавший этой «научной» оценке: доказывалось, что чувствительность была более яркой чертой женского характера, чем интеллект. Покорность и послушание были ее огромными добродетелями, в то время как поиски амбиций или теоретические размышления легко могли перенапрячь ее силы или угрожать ее феминности. Публичная сфера была предназначена для мужчин в то время, как местом женщины был «дом, сладкий дом». Женщина в стиле пре-рафаэлитов — этакий декоративный цветок — была взята в качестве идеала для подражания британскими женщинами высшего класса.

В то же время аргументы в пользу традиционного назначения женщин усилила новая медицинская литература по воспитанию детей. Начиная с девятнадцатого века, медицинские авторитеты начали убеждать женщин помогать врачам в борьбе против младенческой смертности. Революционное открытие Луи Пастера подчеркнуло необходимость строгих мер по защите младенцев от заражения микробами. Материнским долгом было делать все необходимое, дабы защитить «расу» и нацию. Особенно во Франции, где снижение уровня рождаемости и последующее предчувствие депопуляции добавило настойчивости кампании за гигиену, которая соединилась с движением за рождаемость. В Англии эти тенденции не проявлялись вплоть до 1937 года, когда об угрозе сокращения уровня рождаемости и связанных с нею возможных последствиях для преуспевания и «поддержания Британской империи» впервые было упомянуто в Палате общин. Движение 1930-х годов «Назад на кухню» использовало похожие аргументы. Медицинский надзор за практиками воспитания детей стал единым только после Первой мировой войны, хотя доктора начали проверять состояние ухода за детьми уже

в 1890-е годы. В 1918 году в Англии были учреждены так называемые Центры материнства и младенчества в то время, как во Франции между двумя мировыми войнами число клиник по уходу за грудными детьми возросло с 400 до 5000. По американскому примеру няни навещали и проверяли матерей дома. Терапевты предъявили матерям так много новых обязанностей к выполнению, что работать вне дома становилось просто трудно. Меры, направленные на то, чтобы защитить детей, вели, таким образом, сначала к неявным, а затем и к явным ограничениям женского труда, особенно во Франции, в которой многие замужние женщины делали карьеру. Любой матери, которая не хотела быть заклейменной как «извращение природы», советовали не отдавать своего ребенка на попечение оплачиваемой няни, которая может инфицировать грудного ребенка. Кормление грудью означало, что мать должна оставаться дома. Газеты, романы и политики в один голос изображали и восхваляли материнство как наиблагороднейшую из всех карьер. Основанный в 1935 году во Франции Профсоюз домохозяек (Syndicat Professionnel de la Femme au Foyer) имел целью добиваться введения оплаты труда за выполнение домашней работы. Он превозносил материнство, как «социальную функцию, которая обеспечивает гармонию в семьях, здоровье детей, счастье каждой личности и, следовательно, процветание нации». Журнал Домохозяйка, который начал широко распространяться с 1939 года, писал следующее: «Счастлив тот мужчина, жена которого гордится своим домом, которой нравится выполнять дела настолько хорошо, чтобы он ощущал гордость за нее и за ее детей». Примерно в это время имидж французской домохозяйки изменился: «управительница дома», скрупулезно следящая за состоянием дел семейной фермы или бизнеса, или в случае с рабочим классом, «министр финансов работающего мужчины» уступили место матери, целиком посвятившей себя детям — именно целиком и временами даже чрезмерно, как в романе Франсуа Мориака Genetrix. Пропаганда в пользу стиля жизни домохозяйки была столь универсальной и убедительной, что многие пары внутренне приняли его.

Мать, жена и работница

Начиная с девятнадцатого века, секуляризация образования, переоценка феминности и новых обязанностей, возлагаемых на женщин в обществе под растущим воздействием медицины, в межвоенный период привели к триумфу дискурса, в котором акцент был сделан на материнстве, супружестве и отрицании «профессиональных возможностей» для женщин. Домохозяйка, привязанная к поденщине домашних

хлопот и ограниченная домашними стенами, была полной противоположностью типу свободной девушки, который к тридцатым годам практически исчез со сцены. Но женщины адаптировались к этой новой навязанной мужчинами модели такими своеобразными путями, которые обеспечили им некоторую свободу.

Сопротивление женского труда

Хотя традиционно женщин описывали как не имеющих профессии, многие из них работали, особенно во Франции. Между 1906 и 1946 годами женщины составляли между 36,6 и 37,9 процентами рабочей силы во Франции, в сравнении с 28,5 процентами в Великобритании. Хотя для молодых женщин скромного достатка до момента выхода замуж работать было принято в обеих странах, тем не менее, сравнительно мало замужних женщин работало в Англии (от 14 до 16 процентов рабочей силы), в то время как во Франции для них было обыденным продолжать работать. В 1920 году замужем была половина работниц-француженок, и их пропорция выросла до 55 процентов в 1936 году. Более того, вдовы с детьми составляли от 13,5 до 14,5 процентов от общего числа занятых женщин. Во Франции в межвоенный период две трети работавших женщин содержали семьи. Не относившиеся к высшему и высшему среднему классу французские женщины в значительной степени игнорировали про семейную пропаганду и преследовали свои собственные цели как дома, так и на рабочем месте.

Историки часто подчеркивают, что женский труд сокращался после Первой мировой войны и в Англии, и во Франции, тем не менее цифры вводят в заблуждение. Количество женщин, работавших на фабриках во Франции, возросло с одного миллиона в 1906 году до 1220 тысяч – в 1921 и 1470 тысяч – в 1926 году. Поразительно несоответствие между реальностью и характеристиками историков (и даже их использованием статистики). Структура французской рабочей силы была своеобразной в связи с высоким процентом женщин, работавших в аграрном секторе: 46 процентов от рабочей силы в 1921 году и 40 процентов в – 1936 году в сравнении соответственно с 1 и 2 процентами в Великобритании. Роль женщин в сельском хозяйстве фактически возросла в межвоенные годы благодаря развитию специализации и недостатку рабочих рук из-за исхода населения из сельской местности: согласно одному из обследований 1929 года, «Из-за нехватки рабочих рук в сельском хозяйстве женщины обычно заменяли работников-мужчин». В регионах, где выросло поголовье скота и где забота о животных

традиционно находилась в женских руках, их роль расширялась, так как фермеры зависели от роста продукции. В Нормандии, например, две трети доходов семей были получены от продажи молочных продуктов. Похожие перемены обнаружились и в областях, специализировавшихся на виноградарстве и овощеводстве. Женщины были выгодными работницами, способными адаптироваться к климатическим и сезонным изменениям. «Женщине следует делать всего понемногу», – говорили в Бургундии. Некоторые предпочитали работать в поле или на виноградниках, а другие – на кухне. Одна женщина из Од ностальгически припоминала: «Я бывало устраивала танцевальные вечера у себя на винограднике». Женщины, занятые в сельском хозяйстве, в целом могли оставить работу на короткое время в связи неотложными семейными или домашними проблемами. Матери маленьких детей могли на некоторое время оставить работу или вернуться к ней потом на основе частичной занятости. Они также могли опереться на соседей, дедушек и бабушек в уходе за детьми. По-прежнему, двойной груз, состоявший из домашней рутины и работы на ферме, был весьма существенным.

В городских районах двое из трех матерей были вынуждены трудиться, потому что их мужья зарабатывали слишком мало, чтобы содержать семью. У женщин было готовое занятие в связи с широким распространением во французской экономике малого бизнеса и из-за низкого уровня рождаемости, который, несмотря на большой приток иммигрантов, стал причиной нехватки рабочих рук. Эти факторы сказывались уже, начиная с прошлого века так, что сейчас не было ничего необычного в том, что женщины работали: идеология могла настаивать на том, чтобы женщины сидели дома, но реальность диктовала иное. Отчеты фабричных инспекторов, собранные Анни Фурко, показывают, что женщины были привязаны к работе еще и по личным мотивам. Два заработка позволяли семьям достичь скромного уровня комфорта, и работа была также местом для общения, где можно встретить других людей: «Фабричная жизнь с ее сплетнями, происшествиями и духом товарищества развлекала их». Она также была источником свободы: «Работа предоставляла им некоторую степень независимости от их мужей». Работницы департамента Нор, где места на текстильных фабриках передавалась от матери к дочери, отказывались ее оставлять после замужества: «Они любили свое ремесло».

В областях с преобладанием промышленности (такой, как угольная и сталелетейная), в которой было задействовано мало работниц, женщины содержали таверны, брали на квартиру жильцов, или стирали. Тем не менее, женщины, занятые на таких работах, едва считали свои занятия трудом. Когда одной мастерице по ремонту одежды из Сент-Этьена задали вопрос, работала ли ее мать после выхода замуж, та

ответила: «Нет, никогда. Она была дома и делала любой ремонт, кто бы ни попросил. У нее не было свободной минуты». Условия не выбирали, и становилось все менее и менее обычным для женщин оставлять работу по мере появления детей. В Париже одна из трех работниц делала длительный перерыв после рождения ребенка, но только 10 процентов – обычно женщины с большими семьями или имевшие неприятную работу – оставляли ее навсегда.

По контрасту, в Великобритании женщинам предоставлялись более ограниченные возможности, что было связано с постоянной, а временами, взрывной безработицей. Дела, фактически, были столь плохи между 1921 и 1931 годами, что 200000 женщин – «синих воротничков» должны были согласиться на работу в качестве прислуги из-за недостатка мест в промышленности. Более того, быстрый рост пригородов вдалеке от любого места возможной работы усложнил для многих женщин перспективы трудоустроиться. Один окончательный фактор сказался на установках рядовой женщины на ее социальную роль. Обследование 1913 года женщин из рабочего класса обнаружило растущее неприятие работы вне дома. Женщины начали рассматривать необходимость работать как бедствие. Выражение «работающая мать» сейчас стало относиться к женщинам, остающимся дома. Это негативное отношение к работе усилилось в межвоенный период. Когда Марджери Спринг Райс проводила в 1939 году обследование женщин из рабочего класса, она не спрашивала их об оплачиваемых рабочих местах, и лишь несколько женщин, с которыми она разговаривала, подняли этот вопрос.

Сопоставляя три фактора: состав рабочей силы, традицию женской занятости, доминирующую идеологию, мы видим, что французские и британские образцы женского труда были достаточно различными. В то же время работы, доступные женщинам, и навыки, предъявляемые к ним, были примерно одинаковыми. В обеих странах текстильное мануфактурное производство являлось отраслью, в которой работало женщин больше, чем в любой иной, – почти одна треть от всех занятых. Однако занятость в этой отрасли резко уменьшилась в межвоенный период, поскольку производство одежды переводилось на индустриальную основу, оставляя без работы множество швей. Искусство отделки, изготовления кружев, вышивания – все эти отрасли пострадали наравне с другими «небольшими профессиями» (такими как штопка и шитье дамского платья), ассоциировавшимися с разрушенным довоенным стилем жизни. Число текстильных рабочих во Франции уменьшилось с 1471000 в 1906 до 887500 в 1931 году; женщины, работавшие на себя, пострадали еще больше (их число сократилось с 907500 до 429500 за тот же период). С другой стороны, женщины начали находить работы в секторах, до этого считавшихся полностью мужскими, таких, как

машинная, химическая и пищевая промышленность. В Англии пропорция женщин в металлообрабатывающих профессиях выросла с 8,8 до 16,4 процентов, в центральной и юго-восточной Англии – родине новых отраслей тяжелой промышленности – занятость женщин стабильно росла в связи с большим предложением работ. В этих набиравших мощь отраслях женщины не просто вытесняли мужчин. В периоды рецессии они часто сохраняли свои рабочие места в то время, как мужчин увольняли, что было доказательством того, что прием женщин на работу отражал определенную экономическую логику. Безусловно, развитие сборочных конвейеров и замена грубой силы машинами стимулировало наем женщин, многим из которых предоставлялись работы неквалифицированные и менее оплачиваемые, чем те, что предоставлялись мужчинам. На этих работах традиционные женские умения, хотя непризнанные, доказывали свою неоценимость.

Многие женщины принимались на работу в качестве полуквалифицированных рабочих на новых сборочных конвейерах для экономии стоимости труда. В то же время рост сферы услуг также благоприятствовал женской занятости. В Англии пропорция женщин, занятых на работах для белых воротничков выросла с 2 процентов в 1911 году до 10 процентов в 1931. Во Франции к 1931 году соотношение женщин-служащих к фабричным работницам было один к трем. Пропорция рабочих-белых воротничков среди женщин удвоилась между 1906 и 1921 годами, и к 1931 году около одного миллиона женщин, или 22,6 процента женской трудовой силы, занимались офисными работами. Женщины кроме того находили работу в розничной торговле и в отделениях связи, а также в новых областях таких, как социальная работа и уход. Замужние женщины извлекали наибольшие выгоды из новых возможностей. Новые работы в сфере услуг требовали умений, которые женщины приобретали в ходе удлинявшегося обучения в общественных школах и на специальных курсах. Тем не менее к работникам мужского и женского пола проявлялось неодинаковое отношение: например, женщины реже продвигались по службе.

В обеих странах, и во Франции и в Англии, уменьшилось число людей со слишком высокими доходами, и это вело к сокращению числа слуг и к качественной трансформации природы домашнего обслуживания. Перемены были менее заметны в Англии, где одна из трех женщин продолжала работать в качестве прислуги. Во Франции, где от 15 до 18 процентов работавших женщин были прислугой, живших в домах слуг заменяли на поденно оплачиваемых уборщиц. Многие из этих женщин были замужем, и, потому что они не жили под одной крышей со своими работодателями, они располагали значительно большей свободой в личной жизни, чем те служанки, которых они сменили.

Таким образом, если француженки и британки в девятнадцатом веке выступали, главным образом, в качестве помощниц и жертв потогонной эксплуатации, то сейчас их труд был лучше оплачиваем, и для них стали открываться более престижные работы. Во Франции число женщин, занятых на оплачиваемых работах, и, особенно, замужних женщин, увеличилось. Работа приносила женщинам чувство личного удовлетворения и заставляла чувствовать себя «современными», а в промышленности появилось признание того, что они усовершенствовали свои навыки.

Работающая мать или домохозяйка

Природа домашней работы менялась медленно, и американская мечта о «научно управляемом» (по Тейлору) домохозяйстве для большей части оставалась мифом. Что хозяйка дома должна была делать, и сколько это отнимало у нее времени, в большой степени зависело от качества жилья и доступности водопроводной воды, газа и электричества. Улучшения в этих областях происходили медленно в обеих странах. Английские власти снесли миллион квартир трущобного типа и построили здоровые, хотя и монотонные пригороды, что было безусловным прогрессом, но все еще далеко до того, что требовалось. Новые «муниципальные дома» предоставлялись в первую очередь служащим. Жилье для синих воротничков оставалось, в лучшем случае, посредственным (и в большинстве случаев явно неприемлемым). Пятьдесят процентов лондонских семей не имели водопроводной воды, и перенаселенность жилья была суровой реальностью: например, пять человек проживало в средней по размерам комнате в Бетнал Грин (Bethnal Green). Обследование 1250 женщин из рабочего класса, проведенное Комитетом по исследованиям здоровья женщин, обнаружило, что 6,9 процентов из них проживали в благоприятных для здоровья, просторных квартирах с холодной и горячей водой, но часто находившихся на приличном расстоянии от центра города; 61,4 процента — в бедных, перенаселенных домах и 31 процент — в жилищах, «которые невозможно допускать ни в одном цивилизованном обществе.» Тем временем, во Франции нехватка жилья в сочетании с послевоенным замораживанием ренты вело к значительному перенаселению. Одновременно в Великобритании немногие рабочие семьи имели в распоряжении более, чем одну или две комнаты. Следует заметить, однако, что вплоть до 1930-х годов французы противились тратам больших сумм на жилье: «Мы скупимся на ренту.» Не так давно, как в 1954 году,

42 процента французских семей не имели горячей воды. В то же время, начиная с девятнадцатого века, в сельских домах наблюдался заметный прогресс: многие фермеры заменили у себя грунтовые полы на кафельные или каменные, добавили спальни на верхних этажах и покрасили главную комнату в доме. В восточной Франции на месте многих разрушенных войной фермерских домов были построены современные жилища, некоторые из которых были оборудованы центральным отоплением. Однако Бретань и горные части Франции все еще отставали от остальной страны. В департаменте Верхняя Луара крестьянские семьи по-прежнему делили комнату со своими животными по крайней мере днем, и довольно часто в течение зимы. Дороги находились в запущенном состоянии, дворы ферм были покрыты слоем вонючего навоза. В Лотарингии навоз хранился в открытых кучах, и дорожки в горной деревушке Уазан были «заблокированы кучами навоза и грязи.» Нечистоты и испражнения животных валялись повсюду, и содержать дома в чистоте было просто невозможно. Для того, чтобы могло измениться отношение женщин к домашней работе, сначала следовало как-то изменить условия жизни в деревнях и на фермах.

В городах перенаселенность и недостаток воды оказывали тот же удручающий эффект. В упомянутом выше английском исследовании сообщается, что «скверное жилье можно превратить в приличное только посредством огромных усилий.» Даже выражения сожаления по поводу грязи содержат намеки на ее непреодолимость. Жена одного больного моряка, жившего в однокомнатной квартире в Кройдоне, описывала: «в комнате столько кроватей, что я не могу толком поменять и высушить белье.»

Более половины всех женщин продолжали выполнять в основном ту же самую поденную домашнюю работу, что и их матери: изменений было очень мало. Правда, те счастливицы, кому повезло иметь водопровод, оказались освобождены от одной из работ, поглощавшей не менее трех четвертей часа в день: хождение за водой. Более того, к 1938 году 65 процентов британок и почти столько же француженок имели в домах электрическое освещение, и это сэкономило два с половиной часа в неделю, которые уходили на чистку и ремонт масляных ламп. Отопление с помощью газа или электричества могло сохранить дополнительные девять часов в неделю, но менее 20 процентов англичанок могли наслаждаться этим удовольствием. Большинство по-прежнему ухаживали за каминами или печами. И женщинам в обеих странах было далеко до извлечения выгод от пользования домашними приборами; более урбанизированная Британия показывала пример Франции в этом отношении, потому что в ней дома располагали большим доступом к электричеству.

«Движение за науку в доме», которое стало развиваться в Соединенных Штатах перед Первой мировой войной, поставило целью улучшить стандарты жизни посредством внедрения строгих принципов научного менеджмента, разработанных Фредериком Тейлором, в ведение домашнего хозяйства. Переводчик работы Тейлора «Принципы научного менеджмента» на французский язык инженер Анри Ле Шателье перенес американские идеи на Континент, но популяризировала их основательница Института менеджмента Полет Бернеж, организовавшая в Париже в 1923 году серию домашних шоу. В Англии «Ассоциация электричество для женщин» играла схожую роль, рекламируя внедрение в быт электрических приборов – блага, которое обещало сократить домашнюю работу до пятнадцати часов в неделю. К сожалению, новые приспособления оказывались недоступными для среднего покупателя. В 1929 году стиральная машина стоила 700 франков, или две трети от заработка парижского рабочего, холодильник – 7000 франков при годовом доходе горничной – 4500 франков. В 1938 году только 4 процента британских семей имели стиральную машину и только 2 процента – холодильник. Во Франции такие новшества, как электроутюги, вошли в моду только на севере и востоке – в районах, обладавших репутацией чистоплотных. Надо помнить, что вплоть до межвоенного периода широко употреблялся обычный таз для стирки. В конце концов, Великобритания стала вовлекаться в современность: к 1948 году 86 процентов британских семей имели электроутюг, 40 процентов – пылесос, и 75 процентов – газовую или электрическую плиту. Тем не менее, вплоть до 1939 года женщины в обеих странах продолжали стирать, готовить и чистить во многом теми же способами, что и в предшествовавшем столетии, хотя снижение цен стимулировало использование новых товаров, облегчавших труд по поддержанию дома.

Приготовление пищи было главной женской работой, и перемены, затронувшие кухню, привели к противоречивым последствиям. Даже в сельской Франции стало редкостью печь хлеб дома. Это высвободило от половины до целого дня в неделю. В Англии распространение консервов и порошкового молока упростило приготовление еды, которая и так была достаточно простой. В скромных домах ужин редко устраивался, и на скорую руку готовилась еда, состоявшая из хлеба, масла, тушеного мяса, пудинга, небольшого салата, овощей или иногда рыбы. Во Франции обычно прием пищи устраивался дважды, если – и это становилось все более распространенным – мужчина не кушал раз в день в служебном кафетерии. За городом, особенно в период сбора урожая, устраивался питательный ланч и готовилась легкая закуска. Стандартное меню представителя среднего класса – закуска, мясо и овощи, салат и десерт – распространилось на другие классы, и хозяйки долж-

ны были учить новые рецепты, чтобы быть на высоте. Традиционная крестьянская еда не исчезла, но ее приготовление требовало больше времени и энергии, чем современные блюда. Приготовление milhas — блюда по типу кукурузной каши, которую ели в юго-западной Франции, требовало участия нескольких соседок. Поскольку во Франции рос стандарт жизни, питание улучшалось и число блюд, подаваемых во время каждой еды, увеличивалось, матери перестали готовить свои гуляши и начали готовить более элегантные блюда, которые требовали проведения большего времени на кухне.

Последним, но не наименьшим по важности обстоятельством, было следующее: готовая одежда позволяла женщинам, особенно из рабочего класса, уменьшить количество часов, которые они тратили на пошив одежды для членов семьи. Домохозяйки все еще штопали носки, но жены английских рабочих отказывались проводить много времени за шитьем. Многие француженки продолжали им заниматься, что не только позволяло семьям сэкономить деньги на одежде, но и просто давало женщинам занятие, которое продолжало символизировать идеал женственности. Декоративные техники шитья, присущие буржуазии девятнадцатого века, сейчас распространились на рабочий класс и крестьянство.

В отсутствие достоверных данных трудно измерить, сколько часов женщины проводили в домашних хлопотах. «Ассоциация электричество для женщин» дала оценку в сорок девять часов в неделю, но эти цифры относились только к домам, обеспеченным новейшими электроприборами. В 1950 году по одной из французских оценок женщины тратили в среднем восемьдесят два часа, что кажется довольно много. По другой оценке, относящейся к 1947 году, утверждалось, что работавшие женщины в урбанизированных областях Франции трудились в среднем на девять часов в неделю больше тех женщин, которые оставались дома, включая время, посвящаемое домашним хлопотам: работавшие женщины попросту тратили на них меньше времени. Многие замужние женщины, которые продолжали трудиться на фабриках, заявляли, что «они мало работали дома». Другими словами, работавшие женщины урезали домашнюю работу; они были основными получателями выгоды от таких нововведений, как ванны, консервы и электроприборы. Однако в результате кампании за здоровый образ жизни и усовершенствование кулинарии французские домохозяйки, вероятно, проводили больше времени, выполняя домашние обязанности, чем их предшественницы. Хотя будучи довольными уничтожением некоторых наиболее тягостных забот (за исключением стирки), они все еще ощущали нехватку времени для себя. И сейчас намного больше времени они посвящали заботе о детях.

Также надо помнить, что женщины получали помощь со стороны взрослых дочерей и престарелых матерей. В Англии в рабочей среде

бабушки часто помогали в домах дочерей, когда те болели, или во время родов; они также готовили закуски после школы для внуков и делили вместе с матерями бремя ухода за детьми. Доступную помощь оказывали соседи, но в свою очередь, они настаивали на соблюдении моральных стандартов коммуны. И мужья из среды синих воротничков во Франции не боялись приложить руку к дому. Одна парижанка рассказывала о своих возвращениях домой, когда ее муж был безработным: «Когда я приходила, все было сделано: дом, еда — все, чем я должна была заниматься ». Женщины, которые работали на автомобильном заводе Панхарда в Париже, тоже находили добрые слова в адрес своих мужей: «Мы хорошо ладили и совместно занимались домашними делами. Первый, кто пришел домой, готовил ужин и мыл тарелки.» Тем не менее, мужчины в Англии и французские крестьяне откровенно не желали принять на себя такое разделение обязанностей.

Триумф матерей?

Идеал домохозяйки требовал в ту пору, чтобы она была в первую очередь матерью. Воспитание ребенка все чаще объявлялось привилегией женщин. В дискурсе по поводу детства отцы занимали второстепенное место. Тем не менее, действительность была сложнее. Следует делать различие между взращиванием и воспитанием. Взращивание младенцев и маленьких детей всегда было материнской функцией. Кормление грудью создавало физическую зависимость, и отцы не принимали участия в заботах о физических потребностей своих младенцев. Для французских и британских отцов невозможно было подумать, чтобы ухаживать за своими детьми. В годы между войнами эксперты по уходу за детьми убеждали, что матери, отказавшиеся от традиционных методов вскармливания , наносили вред здоровью младенцев. Кампания гигиенистов была столь успешной, что некоторые историки, такие как Ивонн Книбелер и Франсуаза Тебо, даже назвали ее идеологической обработкой матерей. И, безусловно верно то, что в течение двух десятилетий все классы приняли современные стандарты. Типичная мать посвящала физической заботе о своих детях больше времени, чем когда-либо раньше. Дети были чище, или в любом случае были чище те их части, которые были видны — лица и руки, чтобы только избежать упреков школьного учителя, который во Франции проверял внешний вид каждого ребенка и мог отослать обратно домой любого, если счел его неопрятным. Тем не менее, младенцев не купали ежедневно, а старшие дети купались только раз в неделю. Дети одевались

с большим разнообразием и лучше заботились о своей одежде. Строгое наказание ожидало ребенка, если он испачкал или испортил что-либо из одежды. Детское питание также улучшилось. Хотя французские доктора не преуспели в убеждении всех женщин в мудрости кормления грудью (его частота в действительности сократилась в межвоенный период), их рекомендации использовать свежее молоко и чистые бутылочки были услышаны (это было верно также для Англии). Сгущенное и порошковое молоко, появившиеся в продаже в 1925 году, позволили родителям готовить детскую формулу быстро и легко. Младенцев позже отнимали от груди и вскармливали коммерческими детскими продуктами. Вредные практики перекармливания (которое могло вести к летальной диарее), в частности типичные для сельских районов, постепенно исчезли. Хотя выполнение некоторых практик, рекомендованных врачами, отнимало время, матери их приняли. Поскольку рождаемость сокращалась, матери были готовы инвестировать больше времени в заботы о меньшем числе детей. Во Франции использование нянь – все еще обычное явление перед войной во всех классах – несмотря на неодобрение со стороны медицинских властей, резко уменьшилось после 1918, не только потому, что стал ощущаться недостаток нянь и их услуги стали дорогими, но также потому, что матери хотели видеть своих детей каждый день (хотя они и оставляли их с соседями или родственниками на время работы).

В Англии в уходе за совсем маленькими детьми матери полагались исключительно на безвозмездную помощь со стороны родственников. Английские матери целиком несли на себе ответственность за маленьких детей, в то время как во Франции ясли принимали около 400000 детей в городских районах, обеспечивая им компетентную и необходимую заботу и заменяя матерей. В Англии закон Фишера (1918 г.) создание подобных яслей предоставил местным властям, но закон о материнстве передал эту ответственность министерству здравоохранения, которое демонстрировало совсем мало интереса к этому вопросу: в 1932 году в Англии все еще было лишь 52 детских сада, и к 1938 их число увеличилось всего до 112. Отсутствие дневных центров, яслей и детских садов в сочетании с нехваткой домашней помощи означало, что британские женщины были вынуждены оставлять работу вне дома, как только появлялся первый ребенок.

Британские матери брали на себя полную ответственность также за образование. Они контролировали учебу детей в школе и давали им религиозные наставления. По контрасту, во Франции отцы играли более важную роль. Роль матерей в семьях английского рабочего класса была центральной, как зафиксировали Элизабет Робертс и Ричард Хоггарт для 1930-х и 1940-х и Янг и Вилмотт – для 1950-х годов. Когда Роберт

спрашивала женщин, были ли их родители строгими, большинство подчеркнули превосходство в этом своих матерей: «Моя мать была, да. Она была той, кто носил штаны в семье. Она не просто вела дом; она управляла им. Она была доминантной фигурой в семье.» Мать цементировала семью после того, как дети выросли. Она также помогала дочерям с детьми и давала им советы. Типичная замужняя женщина в Бетнал Грин видела свою мать четыре раза в неделю. Женщины часто выражали предпочтение дочерям перед сыновьями, потому что дочери будут составлять им компанию и уберегут от одиночества. Во Франции в определенном отношении ближе к своим матерям были дочери (они больше помогали по дому и были более склонны доверяться своим матерям в интимных вопросах), но они не были так близки к своим матерям, как английские девушки, за исключением жителей Армантье, где для дочерей эти отношения имели особенное значение. Отцы наравне с матерями интересовались только школьными успехами своих детей и их профессиональными карьерами. Многие вырабатывали стратегии социального успеха. Они также контролировали друзей их детей и их активность и назначали поощрения и наказания. Когда речь шла о любви детей, отцы и матери были близкими конкурентами, и люди легко осуждали тех отцов, которые были черство сердечными и авторитарными. Естественно, современники верили, что матери были прежде всего ответственными за нравственное воспитание своих детей, в особенности, за целомудрие своих дочерей. Их собственное поведение, особенно, в сексуальных вопросах, должно было быть, следовательно, безупречным. Повторное замужество после развода иногда рассматривалось как основа для отказа женщине в опеке над ее детьми.

Таким образом, существовали очевидные различия в поведении французских и английских матерей даже в рамках сходных социальных кругах; эти различия касались работы, делегирования родительских полномочий и самой концепции семьи. Тем не менее, деликатным делом является интерпретация смыслов этих различий, когда нужно определить относительную важность личного отрицания семьи или роли жены в браке.

Брак и женская свобода

В межвоенный период для мужчин и точно так же для женщин стало обычным делом самим выбирать партнера для создаиия семьи. Немногие родители, даже в сельской Франции, где вопросы наслед-

ства являлись основополагающими, все еще отваживались настаивать на устроенных браках. Однако с родителями советовались, поскольку дети не любили жениться против их воли. Мужчины начинали искать не просто жену, но «подругу души», и таким образом, проблема, где встретить представителей противоположного пола и как к ним приблизиться становилась основной. Танцевальные залы, где можно было совершать «современные» поступки стали популярными и во Франции, и в Англии. Парень-фермер больше не мог добиваться расположения с помощью пастушьего лассо, как он это делал в отдельных частях Франции не далее как в 1900 году. Сейчас более вероятным для него было приехать на велосипеде в город, чтобы встретить свою девушку в местном танцзале и постараться произвести на нее впечатление своими умениями на танцевальной площадке. Новые ритуалы ухаживания стали развиваться, и более опытная городская молодежь приятно проводила время с сельскими девушками, очарованными городом и его удовольствиями, как показал Пьер Бурдье в его исследовании Беарна . Однако сельские девушки также использовали преимущество соревнования, чтобы изучить вновь открытые возможности свободы, отчасти как результат ослабления родительского авторитета. Однако эта эмансипация молодых женщин оставляла многих молодых мужчин в сельских районах без перспектив на женитьбу. В Англии, тем временем, война сделала для молодых женщин выход в общество без сопровождения более естественным, и многие девушки из рабочей среды получили беспрецедентную сексуальную свободу. Одно исследование обнаружило, что 7 процентов женщин, рожденных до 1904 года, флиртовали и еще 19 процентов имели сексуальные отношения до брака; соответствующие цифры для поколения, рожденного между 1904 и 1914 годами, были 22 и 36 процентов. Тем не менее, мужчины оставались верными своим традиционным взглядам на брак. Жесткое разделение труда сохранялось в семьях рабочего класса: муж был добытчиком, жена – «управительницей» дома. Мужская экономическая роль находила отражение в языке: одна женщина ссылалась на мужа, как на «хозяина», и говорила: «он – босс». Муж часто приказывал ей «заткнуться» и не колебался, когда хотел ударить ее. Хотя такое поведение вызывало критику, жена замечала, что он был «настоящим мужчиной». Французские мужчины и женщины разделяли похожие взгляды в отношении качеств, которые присущи хорошему партнеру: идеальный партнер был трудолюбивым, хорошим родителем, верным супругом, не фригидным и не истеричным, привлекательным физически (внешность играла все большую роль для обоих полов), не алкоголиком и не извращенцем. Старые стереотипы стали постепенно исчезать: от женщин больше не ожидали, что они будут мягкими и об-

ходительными, а от мужчин — того, что они будут властными и сильными, хотя мужчина, который был «слабым» или «слишком хорошим», рассматривался как плохой материал для брака. Очень редко можно было найти кого-нибудь во Франции, желавшего мириться с плохим обращением с женой со стороны мужа. Французское и британское отношение к семье, таким образом, оказывалось, заметно различалось.

Было широко принятым, что женщины из рабочего класса имели в руках финансовую власть, что частично компенсировало их подчиненное положение в браке. Рабочие мужчины девятнадцатого века отдавали свои заработок женам. В Англии эта традиция сохранилась и после войны: один из каждых двух рабочих полностью приносил свой заработок жене, иногда даже в запечатанном конверте. Некоторые оставляли на руках часть своего заработка. В обмен жена выделяла мужу сумму на карманные расходы, даже в периоды безработицы. Жена также заботилась о ведении дел с властями. Французские женщины настаивали, чтобы мужья отдавали по крайней мере сумму, достаточную для покрытия домашних расходов, но некоторые мужчины отдавали зарплату целиком. Многие пары устраивали «домашний банк», из которого и муж и жена могли брать в случае необходимости. Муж-алкоголик мог легко пропить весь семейный бюджет, вынуждая в связи с этим свою жену работать, дабы обеспечить себя и детей. Ничего не было необычного в том, если муж управлял бюджетом, как в случае с рабочим по имени Лоррэн, чья жена жаловалась: «Мне всегда не хватало денег, потому что Л. руководил финансами.» Жены рабочих, которые не управляли домашними финансами, чувствовали, что они обладали правами на совместную собственность, и, если жена оставляла мужа, она могла забрать мебель и другие вещи в пропорции к ее вкладу в домашнее преуспевание. Контроль над финансами, таким образом, был источником власти, и когда иногда эта власть полюбовно (мирно) делилась, это тоже могло становиться причиной для споров.

Многие женщины из высшего класса оставались несведущими в финансовых вопросах, хотя мужья часто обсуждали основные решения такие, как покупки, продажи, сумму арендной платы за собственность со своими женами. Сельские пары также обсуждали важные вопросы. В фольклоре мужчина в доме был тем, кто традиционно решал вопросы, связанные с фермой: что посадить, куда продать урожай и где купить припасы, как инвестировать и что сказать нотариусу. Однако этот патриархальный стиль в межвоенный период постепенно исчезал из-за сокращения уровня рождаемости и массового исхода населения из сельской местности, который заставил мужей и жен кооперироваться по поводу ежедневных забот. Безусловно, мужчины по-прежнему продавали зерновые культуры и домашний скот в то время, как их

жены носили на рынок дары садов и запасы из амбара (которые часто приносили существенный доход), однако инвестиции и переговоры с нотариусом были вопросами, которые супруги решали совместно. Некоторые женщины обладали несомненной финансовой независимостью, потому что они оставляли себе то, что заработали на рынке и тратили этот доход по своему усмотрению, обычно – на себя и на детей. Влияние жены также зависело от количества земли, которое она принесла с собой при замужестве, и могло быть значительным: если «наследница» в Беарне выходила замуж за младшего сына, она становилась «главой семьи». Символом изменяющихся нравов являлось то, что после Первой мировой войны женщины в Солоне и Лимузэне отказывались прислуживать мужьям, если те не позволяли им сидеть за одним с ними столом (было традицией для жены находиться на ногах, пока ее семья кушала).

Секреты супружеской спальни раскрыть труднее. Пассивность или даже фригидность со стороны женщины была плодом воспитания, которое отвергало удовольствие плоти: информация на эту тему изредка всплывала благодаря исследованиям, или в моменты, когда кризис в семье приоткрывал завесу над обычно приватными сексуальными проблемами. Степень, в которой женские запросы были удовлетворены, трудно количественно определить. Также трудно установить, кто решал, сколько детей иметь, или, какие способы контрацепции использовать. Более того, французская и британская демографические политики были радикально отличными. В то время как во Франции, которая некоторое время страдала от падения роста рождаемости, искали способы устранения контрацепции, в устойчиво плодовитой Англии в течение двадцати лет без правительственного вмешательства завершилась демографическая революция. Уровень рождаемости, который находился на высокой отметке 30 человек на 1000 в 1896 году, упал до 20 человек в 1921 и 15 – в 1933 году, т.е. до такого же уровня как во Франции. В одном поколении среднее число детей на мать уменьшилось от пяти или шести до двух или трех. Это внезапное изменение тенденции сопровождалось интенсивной агитацией в пользу контроля над рождаемостью, который по крайней мере облегчал супругам чувство вины в связи с их прокреативными решениями.

Мальтузианская лига и Британское общество изучения половой психологии, основанные феминистками и социалистками Стеллой Броуни и Джорджем Айвзом, которых поддерживали такие интеллектуалы как Бернард Шоу и Бертран Расселл, агитировали за контроль над рождаемостью по экономическим и политическим причинам до 1918 года. В 1921 году доктор Мэри Стоупс при поддержке Стеллы

Броуни основала «Общество за конструктивный контроль над рождаемостью и расовый прогресс».

Общество одобрило принципы, выдвинутые американской медсестрой Маргарет Сангер: стабилизировать рост населения, предупреждать аборты и рекламировать гармонию в браке на традиционных основах. Эти пионеры возглавили мощное движение в защиту контрацепции, которая пропагандировалась с помощью лекций и книг, таких, как «Женатая любовь»* (1918) Мэри Стоупс, а также клиник, первая из которых была открыта в Халлоуэй той же Мэри Стоупс. К 1939 году по всей Англии насчитывалось более сотни центров, снабжавших информацией о контроле над рождаемостью. Движение поддержали «новые феминисты» и активистки Лейбористской партии и Женской кооперативной гильдии. Немногие муниципальные советы желали заботиться об этих клиниках, и к 1939 году две-трети из них существовали благодаря общественным фондам. В 1930 году контролируемое лейбористами министерство здравоохранения отменило запрет для центров материнства и детства предоставлять консультации по контрацепции. Наконец, в том же году Британская медицинская ассоциация и Конференция англиканской церкви дали согласие на осуществление контроля над рождаемостью, если этого требовало здоровье матери. Как только контроль над рождаемостью приобрел и юридическую, и нравственную легитимность, обращение к нему стало нормой жизни супружеских пар, как отмечали разнообразные исследования. В 1900 году только 18 процентов семей из рабочего класса использовали методы контрацепции, к 1935–1939 годам эта пропорция выросла до 68 процентов. Аналогичные показатели для неквалифицированных рабочих были 5 и 54 процента, для белых воротничков – 26 и 73 процента соответственно. Женщины играли важную роль в этом процессе, который отражал глубокую, но скрытую необходимость. В 1923 году Дора Рассел с удивлением обнаружила на лейбористской женской конференции: «Я и другие участницы были ошеломлены взрывом поношения идеи беременности Эти женщины страстно атакуют то, что, как нас учили, надо рассматривать как самую благородную женскую задачу.»

В среде рабочего класса, как обнаружила Дайана Гиттинс , жены были наиболее свободными в плане контрацепции. Они обладали самой полной информацией о ней и первыми ее использовали. Однако женщины продолжали полагаться на методы, которые оставляли контроль за их мужьями: coitus interruptus и презервативы были

* Здесь, скорее всего, следуя смыслу, надо перевести как «Любовь в браке» (*Примеч. переводчика*)

намного популярней маточных колец. Когда же битва за контроль над рождаемостью была выиграна, началась борьба за признание абортов. Закон о преступлениях против личности (Offence Against the Person Act) 1861 года и Закон о сохранении младенцев (Infant Preservation Act) 1929 года официально запретили аборты за исключением случаев угрозы здоровью матери. В 1936 году с помощью активистов движения за контроль над рождаемостью таких, как Стелла Броуни, была основана Ассоциация за реформу закона об абортах (the Abortion Law Reform Association). И в 1938 году был предпринят главный юридический шаг: суды признали законность аборта в случаях «физического или ментального недомогания». В течение двух десятилетий английские женщины вели борьбу и выиграли право свободно решать, когда им вынашивать детей.

Тем временем во Франции любая пропаганда контрацепции находилась под запретом закона от 3 июля 1920 года. Аборт являлся уголовным преступлением, рассматривавшимся судом присяжных, однако снисходительные присяжные обычно оправдывали до 80 процентов вызванных в суд женщин. Закон от 23 марта 1923 года понизил аборт до проступка, являвшегося объектом рассмотрения только судьи; но надежды законодателей были связаны с тем, что профессиональные судьи окажутся более строгими, чем присяжные из народа. И на самом деле между 1925 и 1935 годами уровень оправдательных приговоров упал до 19 процентов. Однако число обвинений было небольшим: между 1920 и 1930 годами в суд было передано 978 дел по закону 1920 года о запрете пропаганды контрацепции, и ежегодно в среднем осуждалось от 400 до 500 женщин. Когда Анриетт Алкье, школьная учительница, которая написала отчет о «сознательном материнстве» для Лиги феминистских групп, в 1927 году была привлечена к суду, общественный протест в ее поддержку был столь громким, что она была оправдана. Количество арестов было каплей в море по сравнению с фактическим числом абортов, которое, несомненно, превышало 100000 в год. Более того, репрессивный моральный климат не поспособствовал снижению падения рождаемости, которая в 1930-е годы достигла самого низкого уровня, сопоставимого с уровнем смертности, который, в отдельные годы, возможно, даже превосходил рождаемость. Эти статистические свидетельства вряд ли являются удивительными, поскольку закон разрешал самые широко используемые методы контроля рождаемости — прерванный акт, кондомы, использование которых было легальным для предотвращения от заражения венерическим заболеванием, и «естественные» методы, пропагандировавшиеся докторами Огино и Кносс. Под запретом находился только метод диафрагмы. Что касается аборта, который мог совершаться

исключительно в тайне, то, оказывается, число операций возросло так же, как увеличилась эффективность самой распространенной техники внутриматочной инъекции. Консерватизм Национального блока, который стоял за законами против контрацепции и абортов, и влияние католической церкви в номинально светской стране, должно быть, оказывало давление на политиков. Радикалы и социалисты, несмотря на свои неоднократные заверения во враждебности к сомнительным законам, не отважились их отменить в годы правления Народного фронта. Однако даже фактическое единодушие правительственных чиновников не было в состоянии затормозить эволюцию отношения населения в пользу разделенной ответственности за контрацепцию. Аборт, тем не менее, оставался делом женщин. Женщины в поисках возможности проведения аборта полагались на других женщин в подсказке о faiseuses d'anges (меценатах или о женщинах, которые выполняли нелегальные аборты), и часто это делали без ведома мужей. Ангус Макларен предположила, что наличие неформальных сетей отражало существование не вербализированного феминизма в повседневной жизни. Хотя такое утверждение не подкрепляется данными, тем не менее, ясно, что женщины сопротивлялись политическому, медицинскому и социальному давлению. Несоответствие между официальным дискурсом и личными убеждениями также как между законом и практикой в этом случае – поразительно. Несмотря на различия во французской и британской политике в этой области, можно утверждать, что в межвоенный период в обеих странах существовало растущее, хотя и не открыто признанное убеждение, что у женщин есть право контролировать их собственные тела.

Развод еще больше расширил свободу женщин, однако во Франции и в Великобритании это происходило по-разному. Во Франции закон 1884 года главным образом покровительствовал женщинам, даже несмотря на то, что он не был эгалитаристским. По этому закону, например, уличенный в измене муж мог быть посажен в тюрьму только в случае, если имел наложницу в доме под одной крышей со своей женой. Но одновременно более чем в половине случаев, возбужденных по этому закону, именно жена добивалась развода. И число судебных дел постоянно росло: с 8000 в 1880-е годы до 15000 в 1914 и 25000 в 1935 году. Разумеется, чаще всего разводились горожанки, работницы или служащие, жительницы регионов с низким влиянием церкви, осведомленные о методах контроля над рождаемостью: половина из тех, кто добивался развода были бездетны, а в другой половине в среднем на женщину приходилось 0,84 ребенка. В Англии развод был ограничен по закону, который определял четкие основания для сепарации и требовал затратной, с точки зрения финансов, юридической процедуры;

более того, единственный в стране суд по рассмотрению дел о разводе находился в Лондоне. На рубеже веков количество ежегодно совершаемых разводов, едва достигало двухсот. Однако в 1923 году суды по рассмотрению дел о разводе были учреждены за пределами Лондона, и измена со стороны мужа стала рассматриваться в качестве основания для развода. Таким образом, даже в отсутствие правовой помощи, когда только обеспеченные лица могли позволить себе подачу иска о разводе, более 4000 заявлений ежегодно удовлетворялись в период между 1920–1930 годами и 7500 – в 1940 году. Закон о матримониальных делах (Matrimonial Causes Act) 1937 года расширил основания для развода, но его действие станет ощутимым позднее. Более того, общественность по-прежнему не одобряла развод: брак короля Эдуарда VII на разведенной женщине был самым печально известным примером того времени. Во Франции развод не стал распространенным явлением накануне Второй мировой войны, но он считался эмансипированными женщинами более предпочтительным вариантом, чем невыносимый брак.

Медленно, но уверенно, таким образом, брак развивался в сторону эгалитарного партнерства. Хотя плохо выполненные аборты по-прежнему являлись высокой платой за свободу, большинство женщин почувствовало себя освобожденными от страха нежеланной беременности. Однако небольшое меньшинство, женщины из низших слоев общества, или «четвертого мира», как их иногда называли, оставались в рабстве биологии из-за недостатка образования, нестабильной семейной ситуации и низких доходов. Другие женщины по-прежнему следовали библейским предписаниям «быть плодовитой и размножаться», но их число сокращалось. Наконец, были женщины, которые никогда не состояли в браке: после войны, скосившей ряды молодых мужчин, увеличилось число одиноких женщин, и на время – царство «свободной самостоятельной девушки» – они стали достойной темой для освещения в печати. Однако когда интерес прессы пошел на убыль, вместе с ним они опять растворились в толпе. Для таких женщин наличие профессии было жизненно необходимым , если только им не удавалось жить на частные доходы, что из-за инфляции становилось делать все труднее. Многие женщины из среднего класса стекались на новые и относительно уважаемые работы в сфере обслуживания. Тем не менее, немного известно об их одиноких жизнях или о смягчающих одиночество средствах, к которым они, возможно, прибегали в своих тайных историях. История их жизней была заслонена историей матерей и жен. И все же нашлись авторы, которые увидели в агрессивности публичной сферы отвлекающее средство или альтернативную форму для самореализации таких женщин.

Конец зависимости?

Комментаторы французского Гражданского кодекса традиционно отмечали его сексистский характер: замужние женщины рассматривались в качестве второстепенных лиц, и женщины, в принципе, определялись в терминах зависимости или от отца или от мужа. Несмотря на попытки модернизировать законодательство до 1914 года, Франция продолжала отставать от Англии. Например, французские женщины не имели юридического права контролировать свои заработки вплоть до 1907 года, в то время как в Англии такие меры были приняты еще в 1870 году. Между войнами в обеих странах гражданский статус женщин изменялся схожими путями. Таким образом эмансипация, которая уже вошла в человеческие нравы, получала и юридическую поддержку.

Уменьшая юридическую дискриминацию

Во Франции в 1920 году женщины получили право вступать в рабочие союзы без согласия со стороны мужа, и после 1927 года им разрешили сохранять гражданство в случае выхода замуж за иностранца. Права вдов наследовать мужу были усилены в противовес семье мужа, что явилось свидетельством растущей важности родства между супругами в противовес родству по мужской линии. Наиважнейшим из всего стало принятие закона от 18 февраля 1938 года, который упразднил гражданскую недееспособность замужних женщин. Он явился следствием прекращения действия статьи 215 Гражданского кодекса о полномочиях мужа. Замужним женщинам с этого времени разрешалось свидетельствовать в суде, подписывать контракты, открывать банковские счета, получать степени, участвовать в конкурсных экзаменах и требовать выдачи паспорта без разрешения со стороны мужа. Тем не менее, муж оставался главой семьи; его место проживания устанавливало юридический адрес постоянного местожительства семьи; и он мог запретить жене заниматься профессией. В то же время жена могла опротестовать решение мужа в суде. Наконец, отец располагал исключительной родительской властью, хотя он мог быть ее лишен в случае ухода из семьи (1924) или невыплаты средств для ее существования. Юридические перемены задели главным образом средний и высший классы: рафинированные пункты Гражданского кодекса оказывали слабое воздействие на людей более скромного происхождения.

Подобные перемены произошли и в Великобритании. В 1882 году замужние женщины получили право распоряжаться своими заработками и собственностью. Закон об устранении неправоспособности по признаку пола от 23 декабря 1919 года сделал прежде исключительно

мужские профессии и в особенности юриспруденцию доступными для женщин. Закон 1922 года о праве на собственность определил жену наследницей в случае, если ее супруг умер, не оставив завещания, и мужа и жену — совместными наследниками в связи со смертью не оставившего завещания ребенка. Закон о матримониальных делах 1923 года восстановил равноправие между мужем и женой в случаях адюльтера и развода. Закон об опекунстве от 1925 года определил мать в случае развода опекуном ее детей; прежде в этом случае ей грозило лишиться детей. Наконец, закон об уголовной справедливости от 1925 года отменил юридическую фикцию, в соответствии с которой предполагалось, что женщина, совершившая преступление в присутствии мужа, действовала по принуждению. Таким образом, было покончено с ограничением женской ответственности за свои действия перед законом. Тем не менее, женщины должны были оставаться бдительными в связи с предпринимавшимися попытками внедрить в законодательство новые нормы неравенства. Например, в 1935 году были установлены нормы о специальных условиях для замужних женщин, которые обращались за пособиями по безработице. Ограничения были столь тягостными, что женщины могли лишиться компенсации даже в случаях, если они регулярно платили взносы в кассу по безработице.

Активные и пассивные граждане

Самым заметным различием в положении французских и английских женщин являлось право голоса. Английский предвоенный феминизм, который доказал свою силу в больших демонстрациях, устраивавшихся Женский социально-политический союз Эммилин Панкхерст сыграл важную роль в одобрении 6 февраля 1918 года Билля о представительстве народа, предоставившего англичанкам избирательное право. Разумеется, реформа была несовершенной, потому что голосовать было разрешено только женщинам, достигшим тридцати лет. Полное гражданское равенство не было достигнуто вплоть до 1928 года, но надо сказать, что накануне 1918 года один мужчина из трех тоже был лишен права голосовать (нуждающиеся, домашняя прислуга и другие были ограждены от голосования): всеобщее избирательное право пришло в Великобританию поэтапно. Закон о квалификации власти в парламенте (Parliament Qualification of Power Act) от 6 ноября 1918 года разрешил женщинам бороться за места в Палате общин. В 1924 году лейбористский парламентарий Маргарет Бондфильд вошла в правительство Макдональда, став первой женщиной — министром в британской истории.

После окончания Первой мировой войны во Франции тоже обсуждались различные законопроекты, предлагавшие даровать право голоса

хотя бы части женщин в награду за их вклад в победу нации. Тогда 8 мая 1919 года на волне великодушия Палата депутатов ответила на призыв Аристида Бриана принятием законопроекта, предоставлявшего женщинам право голоса без ограничения. Для того, чтобы этот законопроект стал законом, требовалось одобрение Сената, в котором дебаты затянулись до тех пор, пока, в конце концов, 7 ноября 1922 года он не был отвергнут. Многие политики опасались, что участие женщин в голосовании позволит католической церкви осуществлять тайное политическое влияние посредством женской паствы, которая по своему числу намного превосходила верующих мужчин. Этот аргумент в соединении с глубоким консерватизмом сенаторов и их скрытой мизогинией завел вопрос в тупик: законопроекты, принимавшиеся парламентом, были одинаковым образом отвергнуты Сенатом в 1925, 1932 и 1935 годах. Феминистки единодушно поддерживали идею женского избирательного права, но их группы были недостаточно многочисленны для того, чтобы оказывать эффективное давление на политиков — даже несмотря на поддержку католичек, принадлежавших к Национальному союзу за женское избирательное право (1925), и не взирая на общеизвестные усилия Луизы Вейсс, основательницы La Femme Nouvelle (1934), кандидатки на муниципальных выборах в Монруж в 1935 году. К разочарованию Луизы Вейсс, большинство женщин проявляло к этой реформе лишь скромный интерес: «Сельские женщины стояли разинув рот, когда я говорила им о праве голоса. Рабочие женщины смеялись, лавочницы пожимали плечами, и леди из высшего класса разворачивались и в ужасе уходили.»

Даже после получения права голоса женщинам было трудно участвовать в общественной жизни. В Великобритании избранной на пост депутата оказалась только одна женщина в 1918, восемь в 1923 и четырнадцать в 1929 году. Женщины играли очень незначительную роль в Либеральной и Консервативной партиях. В Лейбористской партии, в которой имелась женская секция, женщины обладали сравнительно большим влиянием. Однако их битвы за групповое влияние были скорее женскими, чем социалистическими или феминистскими. Не случайно, эта секция стала известна как «секция замужних женщин».

Женщины из Лейбористской партии боролись за снижение уровня детской смертности, призывая открывать кафетерии и раздавать бесплатное молоко в школах. Они защищали не свои собственные права, но права своих детей, отстаивая обязательное посещение школы детьми до достижения ими шестнадцатилетнего возраста. Они призывали к благотворительным выплатам нуждающимся семьям, несмотря на то, что многие члены партии рассматривали благотворительность как предлог для снижения заработной платы. Количество активных

женщин-членов партии оставалось небольшим, и им было трудно убедить мужское большинство принять их точку зрения. Во Франции с подобной ситуацией сталкивались женщины в заново учрежденной Социалистической партии. Женское членство в ней держалось стабильно на отметке около 3 процентов. Группа женщин-социалисток, восстановленная в мае 1922 года, на протяжении 1930-х годов объединяла не более тысячи сторонниц (примерно то же количество, что и в 1914 году), в то время, как общее число членов партии выросло до 125000. Деятельность женской группы была полностью неудачной, поскольку ни одна из позиций, по которой дебатировали ее участницы, не получила ни малейшей поддержки со стороны других членов партии. Поэтому не следует удивляться тому, что правительство Народного фронта потерпело неудачу в наделении женщин избирательным правом; премьер-министр Леон Блюм ограничился символическим жестом, назначив трех женщин на должности заместителей министров. Удел женщин в Коммунистической партии (составлявших примерно одну десятую ее состава) был едва ли более завидным. Партия выступала защитницей работниц, эксплуатируемых одновременно и как женщины, и как пролетарии. Однако она рассчитывала на грядущую революцию в деле уничтожения неравенства полов, которое рассматривала скорее как плод капитализма, чем одинаково присущего и рабочим и работодателям мужского шовинизма. Кроме того, коммунистки равнялись на других женщин, поддерживая их право регулировать рождаемость. Тем не менее, после 1934 года им пришлось отказаться от этих позиций, поскольку новая советская семейная политика повсюду обязала коммунистов превозносить материнство и семью и осуждать контролирование рождаемости и аборт. Таким образом, женщины потерпели неудачу — они не нашли одобрения и поддержки в партии, теоретически наиболее восприимчивой к идее равенства между полами. Одной из причин недостатка такой поддержки было незначительное представительство женщин в партийных рядах.

Та же проблема мешала женщинам в профессиональных союзах, хотя процент женского присутствия в них был выше, чем в партиях. Во Франции число женщин, имевших членские билеты профсоюзов, увеличилось с 39000 в 1900 до 239000 в 1920 году, одна женщина приходилась на семеро мужчин. В Великобритании, в которой профсоюзы были многочисленными и влиятельными, к 1921 году к ним присоединилось более миллиона женщин, составив одну шестую общего членства и охватив каждую пятую женщину-работницу. Тем не менее, в 1930-е годы женское присутствие в профсоюзах уменьшилось до 750000. Мужчины получили доминирование в процессе слияния, в результате которого

в рамках одной промышленной отрасли объединялись прежде отдельные мужские и женские союзы. Два места в совете Конгресса тред-юнионов резервировались для женщин, и в какой-то момент Маргарет Бондфильд даже его возглавляла. В результате специфические женские требования были оттеснены нуждами профсоюзного движения как целого, и диссидентское поведение, которое ранее отличало женские союзы — например, неофициальные забастовки — закончилось.

Французские женщины с трудом добивались того, чтобы их голоса были услышаны, и чтобы профсоюзные лидеры серьезно относились к их проблемам. Они составляли только треть состава профсоюза учителей, несмотря на то, что еще в довоенное время им удалось добиться значительных завоеваний, таких, например, как равная заработная плата с мужчинами. Женщины были также недопредставлены на выборных должностях в профсоюзах во всех департаментах страны. Женщины в профсоюзах часто назначались на административные должности типа казначея, но не на посты, на которых разрабатывался политический курс: только от 7 до 18 процентов секретарей профсоюзов были женщины. Однако тщательное исследование показало, что женщины часто сами себя исключали, молчаливо присутствуя на собраниях союза. Их сдержанность во многом отражала воспитание, в соответствии с которым женская застенчивость считалась не просто приличествующей женщинам, но «естественной». В некоторых случаях они имели возможность приобрести ораторские навыки путем участия в небольших молодежных и женских группах, где они учились преодолевать этот недостаток, тем самым увеличивая свои шансы быть признанными как способные принять на себя обязанности по выработке политики. На этом этапе барьеры стали разрушаться, и одна женщина — Мари Гийо — даже стала генеральным секретарем профсоюза. Необходимо помнить, что семейные обязанности мешали многим женщинам посещать собрания. Ведущие активистки были или одинокими, или находились замужем за членами профсоюза, которые соглашались совместно выполнять домашнюю работу. Препятствия, которые мешали женщинам двигаться вперед, были укоренены как в семье, так и в воспитании, в ситуации, которая делала трудным отделение приватной жизни от общественной.

Более того, в межвоенное время феминизм находился в обороне. В Англии суфражистское движение, достигнув своих целей, распалось. Некоторые суфражистки, такие как Панкхерст, стали поддерживать тори, в то время как другие — либералов. Самые прогрессивные бывшие суфражистки стремились расширить критику, распространить ее на все стороны социальной жизни, однако они находились в меньшинстве. Некоторые феминистки обратили свое внимание на более конкретные

цели. Например, бывшая коммунистка, ставшая лейбористкой, Стелла Броуни работала над легализацией контроля над рождаемостью и аборта. Во Франции успех Российской революции инспирировал немедленно после войны короткий период быстрого роста феминистских групп и публикаций, однако движение быстро утратило размах. Был прекращен выпуск таких изданий как La Voix des femmes. Феминистские группы внутри федерации учителей растворились, когда в минуту опасности женщины-учителя почувствовали, что более важным будет присоединиться к борьбе с фашизмом, чем продолжать добиваться равенства полов. Умеренные феминистки, типичным примером которых было объединение Французская Лига защиты прав женщин, покровительствовали умеренной политике, в центре внимания которой были требования права голоса и равной заработной платы за труд равной ценности. По-прежнему более консервативные женщины поддерживали моралистические взгляды определенных политиков и в итоге помогали сохранять ситуацию, в которой женщины удерживались в рамках традиционных ролей и не получали уступок от правительства.

Таким образом, женщины продолжали играть очень небольшую роль в общественной жизни. Хотя женские заработки все еще отставали от мужских во многих областях, право на труд оказывалось менее противоречивым, чем право высказываться на политические темы. Женщины совершили прогресс в завоевании контроля над своими телами и собственностью, однако семейные роли оставались детерминированными полом, особенно в среде буржуазии в обеих странах и в среде английского рабочего класса. Некоторые мужья продолжали вести себя как хозяева, и некоторые женщины по-прежнему представали в качестве покорных и преданных жен. Но все же чаще, чем прежде реальная жизнь оказывалась зажатой где-то между классическими стереотипами и скандальным нововведением. Типичной женщиной межвоенного времени не была ни Офелия, ни девушка-подросток, ни традиционная домохозяйка и ни синий чулок. Эта женщина начала избавляться от ярма природы, завоевывать права в семейной жизни, но по-прежнему приносила себя в жертву либо как мать, либо как провозвестница модернизма. С этой точки зрения, межвоенный период воплощал противоречивые тенденции, был сложным временем перехода, который был слабо проанализирован многими современниками.

4

Как Муссолини управлял итальянскими женщинами

Виктория де Грация

Изучая положение итальянских женщин при Муссолини, необходимо принимать во внимание два обстоятельства. Во-первых, что было «специфически фашистского» в подавлении женщин в Италии в период между двумя мировыми войнами? Во-вторых, каким образом анализ отношения этого режима к женщинам может способствовать лучшему пониманию природы фашистского правления в целом? Моя точка зрения, кратко, заключается в следующем: диктатура Муссолини представляла собой совершенно особый эпизод патриархатного правления. Фашистский патриархат принял за аксиому то, что мужчины и женщины различны по самой своей природе. Впоследствии он интерпретировал эту идею в пользу преимущества итальянских мужчин и встроил ее в особенно репрессивную, всеобъемлющую и беспрецедентную систему определения женского гражданства, контроля над женской сексуальностью, над оплатой труда женщин и над их участием в жизни общества. В конечном счете, эта система точно так же неотъемлема от стратегий диктатуры в сфере государственного строительства, как и ее корпоративистская регуляция труда, ее автаркичная экономика и ее ориентация на войну. Антифеминистские воззрения представляли собой такую же часть фашистских убеждений, как их жесткий антилиберализм, расизм и милитаризм.

В соответствии с этим, я стремилась провести четкую грань между фашистской системой гендерных отношений и системой «либеральной патриархии», как называют иногда основанный на неравенстве порядок, преобладавший в западных обществах

XIX века. Подобным же образом следует отделять фашистскую систему гендерных отношений от так называемой «социальной патриархии»; термин «социальная патриархия» был создан для того, чтобы обозначить, сделать видимым статус женщины как граждан второго сорта в капиталистических «государствах всеобщего благосостояния» (основным прародителем которых была шведская социал-демократия тридцатых годов XX века) в период после Второй мировой войны*. Кроме того, политика итальянского фашизма по отношению к женщинам имела достаточно много общего с политикой, проводившейся нацистским руководством в Германии, чтобы оправдать их изучение и в подобной интерпретации. Хотя положение женщин полезно исследовать в контексте истории конкретной страны и конкретного периода времени, в рамках этой статьи я предлагаю все же использовать системный подход. Такой подход исходит из посылки, что определенные изменения в гендерных отношениях данного режима не следует приписывать исключительно специфике его политики и его действиям. Причем это касается как изменений к лучшему (таких, как больший доступ женщин к образованию, возможность для них отношений товарищества), так и к худшему (таких, как предрассудки в отношении женского труда, представления о месте женщины в семье и государственное регулироваиие сексуальности). Происходящие процессы были гораздо более сложными, продолжительными, распространенными. Если мы попытаемся объяснить гендерную политику итальянских фашистов только приказами диктатуры, то рискуем не понять вовсе, как фашизм мог выступать одновременно и за семью, и против семьи; и модернизировать женские роли, и в то же самое время призывать вернуть женщин к домашнему очагу; стимулировать рождаемость, и, вместе с тем, сдерживать эти процессы. Если же, напротив, мы поместим проблему положения женщин при Муссолини в контекст изменения стратегий государственного строительства в межвоенный период, когда европейское искусство управления государством переживало кризис, то мы сможем лучше объяснить как парадоксы новой, гендерно обусловленной, системы эксплуатации, так и противоречивые реакции, которые она вызывала у итальянских женщин**

* О понятии «либеральная патриархия» см.: *Nicholson L. J.* Gender and History: The Limits of Social Theory in the Age of the Family. New York: Columbia University Press, 1986; см. также: *Pateman C.* The Sexual Contract. Stanford: Stanford University Press, 1988. О понятии «социальная патриархия» см.: *H. Holter*. Ed. Patriarchy in a Welfare Society. Oslo: Universitetforlaget, 1984; *Pateman C.* The Patriarchal Welfare State. Cambridge, Mass.: Harvard Center for European Studies Working Paper Series, 1987. Working Paper Series, 1987.

** de Grazia V. How Fascism Ruled Women: Italy, 1922–1945. Berkeley: University of California Press, 1992. Сравните с национальными подходами, лучшие образцы которых см.: *Bortolotti F.P.* Femminismo e partiti politici in Italia,

Перестраивая гендерные отношения

Гендерная политика фашистского режима во многих отношениях представляла собой специфически итальянскую реакцию на крушение страны в Первой мировой войне и на то, что происходило после этого — на те процессы, которые британский экономист Джон Мейнард Кейнс охарактеризовал в 1919 году как викторианскую модель капиталистического накопления*. Европейский либерализм довоенного периода, основанный на запрете пользования гражданскими правами, на усиливающейся идеологии дефицита и на политике радикального сокращения потребления, развивался через требование от подданных жесткого порядка в обществе и пуританской морали. Великое эмансипационное движение европейских женщин (заметное уже в довоенном суфражизме), с его глубокими корнями в демографической революции и распространении в середине XIX века либеральных идей, стало необратимым после того, когда миллионы женщин были вовлечены в экономику военного времени. Впоследствии многие женщины двинулись в сферу труда белых воротничков, и, что совершенно очевидно, большинство городских жителей уже жили в соответствии с более свободными сексуальными и социальными нормами, связанными с массовой культурой. Вместе с тем, правительства, соперничая с этим прессом эмансипации, столкнулись со сложными проблемами, которые творцы политики объединяли в рубрику «проблемы народонаселения»**. Эти проблемы включали в себя широкий диапазон вопросов от спада рождаемости и того феномена, который социальные работники в настоящее время называют «проблемами семьи», до конкуренции мужчин и женщин на рынке труда и непредсказуемости поведения потребителей. Практически все эти вопросы имели отношение к выполнению женщиной того времени множества ролей, иногда несовместимых между собой — матери, жены, гражданина, работницы, потребителя и клиента правительственных социальных служб. Предлагаемые решения неизбежно ставили авторов

1919–1926. Rome: Editori Riuniti, 1978; *Macciocchi M.A.* La donna nera. Milan: Feltrinelli, 1976; *Meldini P.* Sposa e madre esemplare. Rome, Florence: Guaraldi, 1975; *Mondello E.* La donna nuova. Rome: Editori Riuniti, 1987.

* *Keynes J.M.* The Economic Consequences of the Peace. 1920, rpt. New York: Harper and Row, 1971. P. 9–26.

** *Myrdal G.* Population: A Problem for Democracy. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1940; *Myrdal A., Myrdal G.* Crisis in the Population Question. Stockholm, Albert Bonniers Forlag, 1935. В работе Д.В. Гласса содержится широкий круг сравнений — см.: *Glass D.V.* Population Policies and Movements in Europe. Oxford: Clarendon Press, 1940; краткий обзор см.: *McCleary C. F.* Pre-War European Population Policies // The Milbank Memorial Fund Quarterly. April 1941. Vol. 19, 2. P. 105–120.

разрабатываемой политики перед головоломкой, суммированной в язвительный фразе шведского социолога и социального реформатора Альвы Мюрдаль , а именно «Один пол — это социальная проблема»*

В межвоенные десятилетия всем западным правительствам был брошен двойной вызов: демократизации, с одной стороны, и «проблем народонаселения», с другой. Они ответили на вызов, во-первых, санкционированием женского суфражизма, и, во-вторых, предложением новых общественных дискурсов о женщине, разработкой законодательства, регулирующего роль женщины на рынке труда, а также переформулированием семейной политики. Реструктуризация гендерных отношений, таким образом, шла рука об руку с тем, что Чарльз Майер обозначил как «перестройку» экономических и политических институтов с целью гарантировать консервативные интересы перед лицом экономической нестабильности и демократизации общественной жизни**. Приобретала ли эта реструктуризация авторитарный или демократический оттенок, репрессировала ли она труд или ставила его себе на службу, допускала ли женщин к прогрессу или была недвусмысленно антифеминистской — все это варьировалась [в каждой стране] в зависимости от характера правящих классовых коалиций и их позиций по широкому кругу вопросов, связанных с проблемами общественного благосостояния и экономического перераспределения. Окончательный результат реструктуризации обусловил важные аспекты первого опыта женщин в условиях капитализма с государственным регулированием, появившимся в 1930-х годах.

В фашистской Италии правительство обращалось к двойной проблеме женской эмансипации и демографической политики, эксплуатируя старые традиции меркантилистского мышления. Эта традиция возродилась с семидесятых годов XIX века, когда европейские элиты, реагируя на усилившуюся международную конкуренцию и растущие классовые конфликты, стали добиваться защиты внутренних рынков от зарубежных товаров и наращивания своих экспортных возможностей. Как и их предшественники из XVIII века, теоретически обосновавшие потребность общества в «множестве работящих бедняков», неомеркантилисты были обеспокоены задачей достижения такого размера населения, который мог бы обеспечить дешевую рабочую силу, военные нужды и удовлетворить все внутренние потребности***. К началу двадцатого столетия к этим проблемам добавились снижение уровня рождаемости, пробле-

* *Myrdal A.* Nation and Family, The Swedish Experiment in Democratic Family and Population Policy. New York: Harper and Brothers, 1941. P. 398ff.

** *Maier Ch.* Recasting Bourgeois Europe. Princeton: Princeton University Press, 1975.

*** *Heckscher E.F.* Mercantilism. In 2 vol. / Transl. by. M. Shapiro. London: Allen and Unwin, 1935. Vol. 2. P. 145.

мы этнических меньшинств (чьи, как утверждалось, расовые характеристики и националистический голод размывали национальную/государственную идентичность), а также специфика рождаемости внутри страны, которая угрожала тем, что количество так называемых «наименее пригодных» возрастало, в то время как элита приходила в упадок. Накануне Великой войны в связи с демографическими вопросами появляется новая биологическая политика. Вдохновленные идеей социал-дарвинистов о жизни как смертельной борьбе за существование, творцы новой политики предложили приспособить к целям государственной политики программу общества евгеников и программу социального здоровья. Цели состояли, в основном, из двух частей: поддерживать приходящее в упадок на международном поле влияние и обеспечивать контроль над численностью населения внутри страны. Поскольку этническое разнообразие и женская эмансипация рассматривались как помехи, постольку биологическая политика легко впитывала в себя настроения антифеминизма и антисемитизма.

Взгляды итальянского фашизма по вопросу о росте населения, которые могут быть охарактеризованы как полностью авторитарные и антифеминистские, имеет смысл прояснить при помощи противопоставления их тому, что, по мнению современных ученых, является их полной противоположностью, а именно шведской демографической политике. Она была сформулирована в 1937 году, после того, как социал-демократы выиграли в 1932 году выборы и учредили в 1935 году Королевскую Комиссию по шведской проблеме народонаселения. В 1936 году они консолидировали свое большинство в обеих палатах парламента, открыв, таким образом, путь для национальной законодательной сессии следующего года – «сессии матерей и детей». Подобно фашистской элите, шведская социал-демократия отдавала себе отчет в значимости населения для укрепления государственной власти, поскольку Швеция в 1933 году насчитывала только 6,2 миллиона жителей. Чтобы преодолеть «кризис», вызванный падением уровня рождаемости, шведское государство, точно так же, как и Италия, стремилось стереть различия между публичной и приватной сферами, семьей и полномочиями правительства, личными и государственными интересами – различия, которые были основополагающими в либеральных концепциях политики и гендерных отношений в XIX веке.

Помимо этого, сходства было весьма немного. Шведские социал-демократы, опиравшиеся на либеральную коалицию с широкой социальной базой, включающей и фермеров, и феминисток, и рабочий класс, связали вопрос о необходимом размере населения с широкой программой социальных и экономических реформ. Шведская демографическая политика, как охарактеризовали ее главные архитекторы, Гуннар и Альва Мюр-

даль, имела важнейшей целью достижение оптимального и стабильного размера народонаселения. Это означало выработку непринудительных способов «добиться, чтобы люди воспроизводили себя»*. Эта политика предполагала «мягкую форму национализма», так как она соответствовала шведской открытости мировой экономике. Однако реформы были главным способом убеждения шведов в том, что даже когда преследуется общественное благо, их личные интересы также учитываются. С подобным же духом распределительной справедливости, который вдохновлял рост зарплаты и защиту крестьянского хозяйства, правительство национализировало некоторые важные стороны потребления, чтобы уравнять бремя воспитания детей. Важнейшими результатами такой национализации стали бесплатные службы, от недорогого проживания до бесплатных школьных завтраков. Помимо этого, государство продемонстрировало свою заинтересованность в том, чтобы заменить патриархальные семейные структуры более рациональными, эффективными и справедливыми средствами помощи женщинам и тем самым сбалансировать тяжкое, иногда несовместимое бремя быть одновременно женами, матерями, работницами и гражданками. Социальная политика, таким образом, подразумевала, что женщины все еще несут основной груз забот, связанных с деторождением и вскармливанием. Суть этой политики заключалась в том, чтобы выбор в пользу рождения ребенка был более осознанным, а воспитание ребенка – менее обременительным. В результате женщин поощряли работать так же, как и иметь детей; были легализованы аборты, широко пропагандировались меры контроля над деторождением и половое воспитание, что обосновывалось тем, что рождение детей не должно быть ни «нежеланным», ни неприятным**

Фашистская Италия, напротив, решала проблему народонаселения в неомеркантилистской парадигме; режим объяснял свою «битву» за увеличение рождаемости в терминологии национального спасения. Такая позиция имела немедленные последствия для женщин. Государство провозгласило, что оно является единственным арбитром в вопросе об оптимальном размере населения. В принципе, женщине не оставляли права решений в вопросах деторождения. Предполагалось, что подданые-женщины на деле являются антагонистами государства: принимали они сами или нет решение ограничить размер семьи, они считались ответственными за действия в интересах семьи. Цель разрабатываемой государством экономической политики заключалась в том, чтобы ограничить потребление и, тем самым, сокращать импорт и развивать экспорт. Кроме роста со-

* *Myrdal G.* Population: A Problem for Democracy. P. 20. Наиболее полную оценку см.: *Kalvemark A.S.* More Children or Better Quality? Aspects on Swedish Population Policy in the 1930s. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensia, 1980.

** *Myrdal G.* Population, P. 80, 190–191.

циального неравенства, это могло обусловить и усиление экономических факторов, способствующих снижению уровня рождаемости. Отвергая реформы для снижения таких сдерживающих средств, фашизм стремился навязать деторождение запрещением абортов, продажи контрацептивных средств и полового воспитания. Одновременно фашистское государство оказывало предпочтение мужчинам в семейных структурах, на рынке труда, в политической системе и обществе в целом. Это было осуществлено при помощи гигантского механизма политического и социального контроля, что сделало возможным переложить бремя экономического роста на наименее привилегированные в социальном отношении слои общества.

Наследие либеральной патриархии

Прогрессивные позиции социал-демократов Швеции были связаны с сильными традициями либерального феминизма, интегрированным аграрным сектором, относительно гомогенными гражданской культурой и сексуальными нормами. Патриархатность фашистов, напротив, была укоренена в слабости недавно объединенного итальянского либерализма и в неустойчивом общественном мнении запоздалого и неравномерно развитого индустриального общества. Итальянское женское движение появилось приблизительно на рубеже веков; все еще оставаясь незначительным и разрозненным, с наличием католического компонента и компонента среднего класса, оно находилось вне публичного пространства и проявляло себя лишь в обращениях от лица женщин и детей о предоставлении достойной работы. Тем не менее, женский вопрос все более обострялся. Одна из причин этого заключалась в том, что либеральные элиты пытались, хотя и непоследовательно, интегрировать в национальное сообщество итальянских мужчин, что соответствовало целям наскоро проделанного в 1859 году объединения Италии. На рубеже столетий классовые, региональные, гражданские и культурные разломы стали, пожалуй, намного более значительными, чем полвека назад, будучи отягощенными не только запаздывающим развитием итальянского Юга, но также и очевидным неравенством налоговых сборов, чахлой системой образования и откладыванием вплоть до 1912 года сколько-нибудь значительной суфражистской реформы. Сложность «женского вопроса» заключалась и в том, что он частично перекрывался «социальным вопросом»; итальянский социализм, военизированный и опирающийся на широкую социальную базу, имел значительное число последователей среди работающих женщин и фрустрированных реформаторов из среднего класса. Более того, последовательным противником либеральной

системы вплоть до 1904 года был итальянский католицизм. Его культура, противостоящая ценностям Модерна и нетерпимая к философии индивидуализма в целом, была враждебна идеям женской эмансипации. При этом церковь «по-отечески» защищала женщин и позиционировала себя в качестве главного опекуна семейных ценностей.

Следует уточнить, что отношение либерального государства к женщинам представляло собой определенную аномалию, что впоследствии будет эксплуатировать фашистская диктатура. Либеральное правительство следовало принципу невмешательства до такой степени, что это обстоятельство пропагандисты Муссолини впоследствии использовали для легитимации притязаний фашистов стать движущей силой реформ. Закон Пизанелли 1865 года представлял собой шаг назад по сравнению с семейным законодательством австрийской Италии. Как и другие семейные кодексы, вдохновляемые примером [кодекса] Наполеона, он добивался утверждения государственного интереса в семейном вопросе при помощи усиления авторитета мужчины-главы домохозяйства. Женщины были лишены права совершать большинство торговых и правовых действий без позволения своих мужей, не могли действовать как опекуны своих детей и даже исключались из «семейных советов», которые до 1942 года были официально наделены полномочиями регулировать вопросы, связанные с семейным имуществом, наследством и приданым в случае смерти или неспособности отца исполнять свои правовые обязанности. Другие семейные законодательства проявляли типичную для итальянского либерализма политику «чистой случайности». Для того, чтобы сохранить семейную собственность неделимой, государство лишило наследства потомков брачных союзов, допустивших супружеские измены или инцест (расценивая, однако, как преступление лишь измену жены), и запретило все формы исков о признании отцовства. При этом либеральная Италия признавала только браки гражданские, хотя каждый год тысячи людей заключали браки в церкви или обходились вовсе без какого-либо официального одобрения. Отпрыски таких браков в глазах государства были незаконными*

К 1900 году многие либеральные правительства становятся более патерналистскими, проводя реформы для того, чтобы защитить женщин и детей – хотя бы с целью обеспечения заработной платы для мужчин или «сохранения расы». В Италии этого времени целых 30% от всей промышленной рабочей силы составляли женщины. Тем не менее, ни один фабричный закон не включал положений, регулирующих условия жен-

* *Ungar P.* Storia del diritto di famiglia in Italia, 1796–1942. Bologna: Il Mulino, 1974. P. 123ff; *Ballestrero M.V.* Dalla tutela alla parita: La legislazione italiana sul lavoro delle donne. Bologna: Il Mulino, 1979. P. 11–56.

ского труда, вплоть до закона Каркано, принятого в 1902 году. Закон установил максимальную продолжительность рабочего дня для женщины и несовершеннолетних в 12 часов и запретил женщинам возвращаться на работу в течении месяца после рождения ребенка. Как и следовало ожидать, этот закон был, за небольшим исключением, встречен критически, и его было сложно провести в жизнь. Эти традиции пренебрежительного отношения к женщине обусловили то обстоятельство, что зарождающееся итальянское женское движение – и даже, может быть, женщины в целом – проявляли неоднозначное, если не сказать враждебное отношение к либеральной идеологии и либеральным институтам. Некоторые, самые первые, организации находились под влиянием эгалитаризма радикальной демократки Анны Марии Моццони, которая устанавливала контакты с представительницами рабочего класса, сочувствуя быстро распускающемуся бутону социалистического движения. На их взгляд, достижение женской эмансипации было неразрывно связано с бескомпромиссной политической и экономической демократизацией. Другие объединения, которые стали более жизнеспособными после 1908 года, были связаны с католической церковью; они защищали семью и другие консервативные ценности наряду с правом женщины создавать общественные объединения. После 1900 года все большее количество женщин из среднего класса вовлекались в так называемый «практический феминизм»*. Их главный организационной базой был Национальный Совет итальянских женщин (Consiglio Nazionale delle Donne Italiane), основанный в 1903 году. В отличие от англо-американских феминисток, которые делали акцент на равных правах, итальянские буржуазные феминистки мало верили в то, что сила рынка или суфражизм принесет эмансипацию. Отказываясь от прав и привилегий, обладая профамилистскими взглядами и патриотическим пылом, типичным для итальянского среднего класса, они рассматривали свое самопожертвование на поприще филантропических усилий как пролог к тому, чтобы им даровали гражданские права. Очень умеренные в требованиях по отношению к массовой политике, они добивались социального и государственного признания особой материнской миссии в современном обществе. Было неизбежно, что многие из них окажутся

* *Buttafuoco A.* La filantropia come politica. Esperienze dell'emancipazionismo italiano nel Novecento // Ragnatele di rapporti; *Ferrante L.*, *Palazzi M.*, *Pomata G.* Eds. Turin: Rosenberg & Sellier, 1988. P. 167ff; см. также ее: Condizione delle donne e movimento di emancipazione femminile // Storia della societa italiana. vol. XX. Pt. 5: L'Italia di Giolitti. Milan: Teti, 1981. P. 154–185. См. также: *Bortolotti F.P.* Alle origini del movimento femminile in Italia, 1848–1892. Turin: Einaudi, 1963; Socialismo e questione femminile in Italia, 1892–1922. Milan: Mazzotta, 1974; de Biase P. G. Le origini del movimento cattolico femminile. Brescia: Morcelliana, 1963; *Novelli C.D.* Societa, Chiesa e associazionismo femminile. Rome: Societa A.V.E, 1988.

восприимчивыми к громогласным заверениям Муссолини, что все это будет достигнуто в фашистскую эпоху.

То, что это количественно незначительное, фрагментарное и вовсе не воинственное феминистское движение повсеместно возбуждало сильный антагонизм, не может быть объяснено без некоторых дальнейших замечаний о слабости итальянской национальной гражданской культуры. Поведение эмансипированных женщин воспринималось с глубоким подозрением в этом полу-индустриальном, полу-аграрном обществе, которое, в дополнение к таким современным индустриальным и торговым центрам, как Милан и Турин, состояло более чем наполовину из людей, живущих за счет аграрных занятий. Либеральные элиты сами содействовали антифеминистским взглядам, в том числе, не в последнюю очередь, своим запретом права голоса для женщин. Вдобавок, они весьма мало ценили социальные службы, представленные женщинами, которые, ведомые своей верой в то, что их «материнская чувствительность» незаменима «для смягчения и совершенствования политического порядка», добивались права лечить социальные болезни и смягчать беспокойство рабочего класса посредством благотворительности. Потерпев неудачу в попытках добиться результатов в этой сфере самостоятельно, либеральные элиты упустили возможность признать труд женщин-волонтеров и не имели достаточно проницательности для того, чтобы подчинить центральной правительственной власти мютюэлизм рабочего класса и католическую благотворительность. Фашисты, напротив, смогли подхватить эту возможность. Во имя своей «национальной реконструкции», они громили «либеральное невмешательство», налагали жесткие дисциплинарные меры на местные ассоциации и мобилизовывали десятки тысяч женщин-волонтеров из среднего класса в фашистские объединения.

Фашизм также оказался способен «вынуть пробку» из доведенной до белого каления маскулинности итальянских мужчин. Целое исследование может быть посвящено социально-психологическим истокам демонстраций маскулинизма итальянскими интеллектуалами сразу после начала двадцатого века и их бесчисленным проявлениям – от эротической чувственности декадентского писателя Габриеле Д'Аннунцио и антифеминистских метафор влиятельного флорентийского литературного журнала La voce (Голос) до поэта-футуриста Филиппо Маринетти, печально известного как автора заявлений о «презрении к женщинам» (disprezzo per la donna). В Италии известный «латинский» сексизм был совершенно очевидно усугублен как фрустрацией мужчин, не допускаемых в узкие круги геронтократии, так и тревогой по поводу очень скромного в то время статуса Италии на международной арене – в то время, когда мужская доблесть поддерживалась в зависимости от последствий империалистических подвигов. Страхи

демографического истощения добавили еще один элемент [в отношении к женщинам], хотя итальянский уровень рождаемости (тридцать детей на тысячу человек) был самым высоким в Европе после Испании и Румынии. Очевидно, что тревоги в отношении нарушения гендерного порядка и расового упадка отягощались и другими факторами: постоянным оттоком итальянской мужественности, вызванным эмиграцией (накануне Первой мировой войны из страны ежегодно уезжали 500 000 человек); важностью, приписываемой числу существующих рабочих рук в неразвитом экономическом окружении, пугающим разнообразием норм сексуального поведения в таком отсталом развитом обществе и, наконец, все растущим влиянием на вопросы, касающиеся уровня рождаемости, идей католицизма и научной доктрины позитивизма*

К началу войны в Италии появляется то, что мы можем обозначить как неопатерналистская политика. Приблизительно с 1910 года фанатичные приверженцы соблюдения норм морали инициировали кампанию против упадка семейной жизни. Объединив силы с католическими лигами, они возлагали вину за падение уровня рождаемости на урбанизацию, женскую эмансипацию и радикальные неомальтузианские практики. Либеральные элиты, всегда сопротивляющиеся вмешательству в социальную политику, теперь сами были готовы к тому, что наделенный даром предвидения либеральный социолог Вильфредо Парето осудил как «мифы достоинства» (virtuist mythes) моральных реформ, а именно были готовы отказаться от невмешательства и антиклерикальных принципов для того, чтобы разрабатывать и проводить законы по поводу сексуальных норм**. С футуристским манифестом Маринетти (1909 год) модернистская культура уже оправилась после поражения; «Мы хотим разнести музеи и библиотеки, сражаться против морализма, феминизма и против оппортунистических и утилитарных форм малодушия***

Однако неопатерналистский взгляд едва ли добавил что-то к новой программе управления женщинами. И в нем не содержалось какой-либо ясной позиции по вопросу народонаселения, который, начиная с середины двадцатых годов XX века, задавал интеллектуальные и политические рамки, внутри которых концептуализировалась и осуществлялась антифеминистская программа. Важнее скорее то, что фашистский режим воспринял наследие других идеологий и институтов по поводу «женско-

* *Bruno P. S.* Wanrooij, Pudore e licenza: Una storia della questione sessuale in Italia. Venice: Marsilio Editore, 1990; *Mosse G.* Nationalism and Sexuality. New York: Howard Fertig, 1985.

** *Pareto V.* Il mito virtuista (1914) // Scritti sociologici. *G. Busino.* Ed. Turin: UTET, 1966. Особенно стр. 425ff, 484, 602.

*** Цит. по: L. de Maria. Ed. Teoria e invenzione futurista. Milan: Mondadori, 1983. P. 11.

го вопроса». Позиции некоторых институтов, например, церкви, заключалась в том, чтобы и поддерживать режим, и конкурировать с ним. Взгляды других (таких, например, как разработчиков демографической инженерии и приверженцев расовых взглядов), фашисты охотно использовали в деле своих собственных стратегий государственного строительства. Помимо всего этого, режим был способен порицать «агностицизм» либерализма в отношении семьи, детей и материнства с целью заявлять свои требования в качестве ведущей силы. Не в самой меньшей степени, дуче эксплуатировал патриотический пыл, дух самопожертвования и подсознательного желания признания, испытываемого женщинами среднего класса, включая многочисленных бывших феминисток.

Главные источники фашистской политики в области пола

Выдвигая тезис о том, что диктатура Муссолини разработала особую систему для управления женщинами, мы не хотим сказать, что у него была уже готовая программа, когда он вступил в 1922 году в Рим. Движение итальянского фашизма было похоже на хамелеона, мимикрирующего под своих потенциальных союзников и под изменяющийся политический ландшафт первых послевоенных лет. Так, в 1919 году только зародившееся движение поддержало позиции интеллектуалов-футуристов, готовых бросить вызов общепринятой морали поддержкой разводов и подавлением буржуазной семьи. В тот же год оппортунистический популистский голос фашистов прозвучал в пользу права голоса для женщин. Однако они быстро отреклись от этих взглядов, реагируя на позицию движения ветеранов, возражающего против этого, на негативное отношение к женскому труду фашистов-синдикалистов и на укорененный в католицизме и сельском этосе (Catholic-rural) антифеминизм земельных собственников, которые в 1920–1921 годах поддержали нападки чернорубашечников, squadristi, на социалистические союзы и кооперативы. После 1923 года фашистская мизогиния была усилена суровым авторитаризмом союзников Муссолини по Националистической партии. Они были теми, кто выдвинул идею приоритета государственного интереса над всем частным, и мечта о сильном и искусном государстве сплотила в их рядах антропологов-криминалистов, социальных гигиенистов, врачей, адвокатов, защищающих детей, и других реформаторов, которые, будучи глубоко фрустрированными бездействием либералов, надеялись

вдохнуть жизнь в свои проекты по улучшению итальянского «стада» (stripe). Церковные институты, католическая религиозная традиция и священнослужители, после Конкордата с Ватиканом (1929 год), также отдавали себя делу усиления фашистского антифеминизма.

Благодаря эклектизму фашистской доктрины, диктатура Муссолини оказалась способной разработать широкомасштабную политику в отношении женщины в обществе, столь неравномерно развитом. Дуче вполне осознанно изрек банальность тогда, когда советовал не дискутировать «хуже или лучше женщина; давайте просто скажем, что она другая». Такой довод мог оправдать практически любую позицию – в том случае, давали ли женщинам право голоса или отказывали в нем *. Фашистские взгляды на женщину, таким образом, существовали в широком диапазоне: от мизогинии Муссолини, укорененного в сельском этосе (женщины – ангелы или дьяволы, предназначенные для того, чтобы содержать дом, рожать детей или наставлять рога),** до воззрений философа Джентиле, создавшего рафинированную неогегельянскую доктрину комплиментарности сущностей (женщины, погрязшие в частных деталях – «не-завершенная природа», «примордиальное начало», – неспособны к трансцендентному)***. Незамысловатая позитивистская полемика обвиняла женщин в биологическом несовершенстве, а несколько прагматиков (таких, как главный технократ итальянских фашистов Джузеппе Боттаи, сдержанно оправдывали женское равенство, аргументируя это тем, что новая фашистская элита испытывает потребность в достойных спутницах и матерях для ее детей****. То есть, например, католического приверженца Амадео Балцари, предпринявшего в 1927 году национальную кампанию с целью «исправить» бесстыдное женское платье, отделяла огромная пропасть от бывшего футуриста Умберто Нотари, хорошо известного миланского журналиста и издателя, чьи приятно возбуждающие рассказы, например «La donna tipo tre» (1928) (ни «куртизанка», ни «мать-и-жена»), и пародировали образ «новой женщины», и распространяли этот образ*****. Подобным же образом, мнимые «латинские фе-

---

* *Mussolini B.* La donna e il voto // Opera Omnia. In 44 vol. E. Susmel, E. Sumsel Eds. Florence: La Fenice, 1951–1980. Vol. XXI. P. 303: "Non divaghiamo a discutere se la donna sia superiore o inferiore; costatiamo che e di versa".

** Цит. по: *Spinosa A.* I figli di Mussolini. Milan: Rizzoli, 1983. P. 18.

*** *Gentile G.* La donna e il fanciullo (1934). Цит. по: *Uliveri S.* La donna nella scuola dall'unita d'Italia a oggi: leggi, pregiudizi, lotte e prospettive // Nuova DWF. January-March, 1977. 2. P. 116ff.

**** Например: *Argo* (*Bottai G.*). Compiti ella donna // Critica fascista. 1933. 14. P. 267ff; Carta della Scuola illustrata nelle signole dichiarazioni da presidi e professori dell'Associazione fascista della Scuola. Rome: Editore Pinciana, 1939. P. 17.

***** *Notari U.* La donna tipo tre. Milan: Societa anonima Notari, 1928.

министки», такие как блестящая Тереза Лабриола, которая совершала идеологические кульбиты, примиряя фашизм и феминизм, заметно отличались от самодовольных официальных лиц, чьи мизогинические насмешки широко циркулировали в римских салонах. Всех их объединяло, однако, убеждение в том, что государственная власть должна столь же решительно заниматься вопросами приватного и этического, как политическими и экономическими проблемами. Интересы политики национального усиления заставляли их смотреть сквозь пальцы на подобные расхождения в оценках женского отличия и того, как это должно быть воплощено в политических шагах.

В конечном счете сами действия, предпринятые фашистским режимом с целью консолидироваться во власти, с самого начала полностью определили модели отношения к женщинам в итальянском обществе межвоенного периода. В политике фашизм прошел путь от оппозиционного движения до безраздельно правящей партии в середине двадцатых годов; от состояния авторитарного режима, с очень слабыми корнями в гражданском обществе, до государства, опирающегося в тридцатых годах на широкую поддержку. В экономической политике диктатура прошла путь от политики невмешательства до осуществления во второй половине двадцатых годов протекционистской политики. На волне Великой депрессии и Эфиопской войны (1936) она преследовала цель достичь полностью оформившейся автаркии. Эта эволюция имела серьезные причины и сопровождалась подтверждением социального союза диктатуры с консервативной Италией, означающей большой бизнес, крупных земельных собственников, монархию, армию и католическую церковь. В свою очередь, режим подчинил государственной бюрократии фашистскую партию PNF. Впоследствии он использовал PNF как приводной ремень для использования социальных групп (рабочих, крестьян, мелких собственников), вовлекая их в широкий, хотя и непрочный, политический консенсус*

Для того, чтобы обеспечить этот союз консервативных сил, диктатура неустанно сдерживала рост заработных плат и потребления. По мере развития, в тридцатых годах, стала все более проявляться дуалистическая сущность итальянского государства. С одной стороны, оно характеризовалось неразвитым сельским хозяйством и широким слоем мелких предпринимателей, которых официальные «лебединые песни» несправедливо воспевали в ключе прокрестьянской идеологии — по причине ненадежности их статуса. С другой стороны, страну отличал высоко концентрированный индустриальный сектор, поддерживаемый государ-

---

* *De Felice R.* Mussolini il Duce: Gli anni del consenso, 1929–1935. Turin: Einaudi, 1974; *de Grazia V.* The Culture of Consent: Mass Organization of Leisure in Fascist Italy. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1981; *Passerini L.* Torino operaia e socialista. Rome, Bari: Laterza, 1984.

ственной помощью, а после 1933 года – перевооружением, стимулировавшим экономику. К середине тридцатых годов немногим более 10% национального дохода и целая треть государственного бюджета были потрачены на вооруженные силы. Между тем доля труда в национальном доходе продолжала сокращаться. Одним из показателей фашистской «низко зарплатной» экономики было то, что в 1938 году реальный доход рабочих составлял на 3% меньше от уровня 1929 года, и на 26% – от своего довоенного пика в 1921 году. В 1938 году более половины среднего дохода итальянской семьи тратилось на питание (для сравнения: в США этот показатель составлял 25%). Все говорило о том, что Италия была единственной индустриальной страной, в которой присутствовала тенденция снижения зарплаты, с самого начала двадцатых годов и вплоть до крушения режима в конце Второй мировой войны. По уровню жизни, измеряемому тратами на питание, покупкой потребительских товаров длительного пользования и доступности общественных служб Италия располагалась далеко позади других индустриальных государств.

Такая политика неизбежно имела далеко идущие последствия для итальянских женщин, в особенности для рабочих и крестьянок, то есть большинства женского населения. Осуществляя свою демографическую политику, итальянский фашизм добивался того, чтобы установить больший контроль над телами женщин, особенно над женскими репродуктивными функциями. Равным образом, он стремился к сохранению патриархальных представлений о семье и отцовской власти. Чтобы поддерживать контроль над уровнем заработных плат и потребления, диктатура эксплуатировала ресурсы домашней экономики – сознательно и в необычайно высокой степени для страны, сильно продвинувшейся по пути индустриализации. В результате это потребовало от женщин выступать рачительным потребителем, эффективным управителем домашнего хозяйства и ловким клиентом социальных служб – для того, чтобы увеличить семейный доход, они пытались «выбить» что-либо из системы социальной помощи, и без того урезанной, часто скрывая при этом, что работают неполный рабочий день и получают за это зарплату. Чтобы сдержать использование дешевого женского труда в условиях высокой мужской безработицы, но в то же время поддерживать итальянскую промышленность резервной силой низкооплачиваемых рабочих, режим разработал целую систему регуляций – как защиты, так и запретов – относительно эксплуатации женского труда. Наконец, чтобы сделать женщин соответствующими все более сложным требованиям, а также эксплуатировать их подсознательные желания идентификации с нацией и служения ей, режим балансировал между модерностью (modernity) и эмансипацией. К середине тридцатых годов фашизм создал массовые организации, которые отвечали стремлениям женщин (особенно жен-

щин из буржуазии и молодых женщин) участвовать в жизни общества, хотя он осуждал женскую солидарность, индивидуалистические ценности и чувство автономности, которые пропагандировались эмансипационными движениями либеральной эры.

Репродуктивная политика

Атака фашистов на репродуктивную свободу, является, пожалуй, наиболее известным аспектом их сексуальной политики. В своей знаменитой речи на День Вознесения 26 мая 1927 года Муссолини оценил вопрос «защиты расы» как один из основных для внутренней политики фашизма; дуче поставил цель для нации, которая в это время насчитывала 49 миллионов человек, достичь к середине века численности в 60 миллионов человек. Чтобы обосновать значение этого вопроса, Муссолини использовал два способа аргументации (мы могли бы добавить, что подразумевался и третий, не менее важный, аргумент, а именно восстановить или «нормализовать» отношения между мужчинами и женщинами, перевернутые с ног на голову во время войны). Первый способ аргументации Муссолини был меркантилистским: в нем подчеркивалась потребность в максимальном количестве людей для удешевления рабочей силы. Другой способ был характерен для нации, вступившей на путь империалистической экспансии; сокращение роста населения в Италии (тенденция, усилившаяся в двадцатых годах, и даже более очевидная с того времени, когда правительство усовершенствовало технику социологических исследований), ставило под угрозу срыва экспансионистские амбиции лидеров диктатуры. Если Италия не станет империей, любил говорить дуче, то она определенно станет колонией.

В своем призыве «рожайте, больше рожайте» диктатура лавировала между реформами и репрессиями, призывами к индивидуальной инициативе и конкретными государственными стимулами. ONMI, национальная служба охраны материнства и детства, наилучшим образом представляет позиции реформаторов. Основанная 10 декабря 1925 года, с энтузиазмом встреченная и поддержанная католиками, националистами и либералами, она ставила в центр своей деятельности тех женщин и детей, которые не смогли добиться успеха в рамках обычной семейной структуры. Другие меры реформаторов включали налоговые льготы для отцов больших семейств, финансируемые государством страховку матерей и отпуск женщин по рождению ребенка, займы на рождение ребенка и брак, а также семейное пособие для тех, кто получает за свой труд заработную плату. Репрессивные меры включали отношение к абортам

как к преступлению, запрет регулирования деторождения, цензуру сексуального образования и специальный налог на холостяков. К этому можно добавить поощрение карьерного роста для мужчин-глав больших семей; эта мера в свете высокой безработицы была дискриминационной по отношению к женщинам и, равным образом, по отношению к «патологически эгоистичным» холостякам и бездетным женатым мужчинам.

В отличие от нацистской Германии, фашистская Италия отказалась от негативных мер евгеников. Это не означает, что идеология не была евгенической. Но фашистская инженерия населения основывалась на категориях, весьма отличных от категории «расы», и она оправдывала другой механизм расового отбора. В отличие от Германии, Италия никогда не сталкивалась с проблемой меньшинств, достойной обсуждения — по крайней мере, до того, как с завоеванием Эфиопии в 1936 году дуче не основал итальянскую африканскую империю. Только после этого последовали первые законы против расового смешения. И итальянские теоретики расы не опасались плодовитого размножения низших слоев. Скорее наоборот. Они отмечали «разницу в уровне рождаемости» и были настроены скептически по отношению к псевдонаучности англоамериканцев и, позднее, по отношению к нацистским способам биологического отбора. Фашистская «революция молодежи», как это было сформулировано ведущим итальянским демографом Коррадо Джини, обещала «открыть шлюзы» «единственного резервуара жизненной энергии», а именно деревни с ее «низшими плодовитыми классами, от изменения внутренней композиции и смешения которых зависит обновление нации»*. Эти взгляды усиливались суровыми предостережениями католической церкви против «зоотехники, применяемой к человеческому роду»**. Вдохновленный, с одной стороны, пессимистическими идеями мальтузианского невмешательства («рост населения будет обгонять ресурсы»), а, с другой, оптимистическими взглядами дарвинистов («выживут самые жизнеспособные»), режим, таким образом, лишь надзирал, хотя временами даже публично аплодировал той очевидной корреляции, о которой говорили преданные режиму демографы, а именно между так называемыми большими семьями и бедностью, перенаселением, недоеданием и неграмотностью.

Заявить, что фашистскую политику отличает от нацистской евгеники большее невмешательство, не означает считать ее менее тяжелой для женщин, особенно для женщин из бедных слоев. Развитие фашистской демографической политики имело два лица. С одной стороны, она была

* *Pogliani C.* Scienza e stirpe: eugenica in Italia, 1912–1939 // Passato e presente. 1984. Vol. 5. P. 79.

** *Pogliani C.* Scienza e stirpe: eugenica in Italia. P. 80–81.

строго нормативной. Эксперты рассматривали женщину как «плохо подготовленную» к материнской миссии, как «слабую и несовершенную в своем репродуктивном аппарате» и, тем самым, как предрасположенную производить «ненормальных» потомков*. Таким образом, в целом острие государственной политики было направлено на распространение «модернизированных» моделей деторождения и ухода за детьми. В то же самое время фашистские евгеники оправдывали политику невмешательства по крайней мере в отношении беднейших слоев населения. В конце концов, реформы могут стать не только дорогостоящими, но и контрпродуктивными, если их целью станет максимальная рождаемость. Да, конечно, более высокий уровень жизни мог побудить семью государственного служащего завести второго ребенка – соображение, которое оправдывало заботливое отношение режима к среднему классу, живущему на жалованье. Однако те же самые меры могли лишь породить завышенные ожидания в крестьянских семьях, что, в свою очередь, способствовало распространению расчетливости – то есть, как раз того, что привело к ограничению рождаемости в семьях горожан.

Последствия такой двуличной политики были очень суровыми. Итальянские женщины, особенно горожанки из рабочего класса, ориентировались на уменьшение количества детей в семье. «Один ребенок, профессор, мы ходим только одного ребенка», – признавались доктору Макконе, ведущему педиатру, многие туринские женщины**. Чтобы реализовать это желание, они практиковали планирование семьи так активно, как только могли, главным образом, при помощи абортов. Аборты, вопреки драконовским запретам, к концу тридцатых годов стали наиболее распространенной формой регулирования деторождаемости***. Поскольку все аборты были подпольными (вне зависимости от того, кто их делал – врач или соседская comare), женщина подвергалась высокому риску занесения инфекции, физического увечья или смерти. Более того, время запрета регулирования деторождаемости пришлось на тот самый момент, когда информация в обществе стала распространяться достаточно свободно, после нескольких веков цензорства Контрреформации, что делало фашистскую антимальтузианскую компанию особенно принудительной. Она усиливала, особенно в сельских районах, религиозно санкционированный фатализм по отношению к контролю над репродуктивными процессами. Но даже девушки-работницы с севера Италии

---

* *Pende N.* Nuovi orientamenti per la protezione e l'assistenza della madre e del fanciullo // Medicina Infantile. August, 1936. Vol. 7, 8. P. 233.

** *Maccone L.* Ricordi di un medico pediatra. Turin: G. B. Paravia, 1936. P. 62.

*** *Passerini L.* Torino operaia e fascismo. P. 213–219; Detragiache D. Un aspect de la politique demographique de l'Italie fasciste: la repression de l'avortement // Melanges de l'Ecole Française de Rome. 1980. 92, 2. P. 691–735.

вспоминали «почти враждебно», что они были невежественными «как животные» в отношении этой стороны жизни. Новые государственные, профессиональные и рыночные модели создали более высокие социальные стандарты для вынашивания и воспитания детей, и они клеймили, если не подавляли фактически, традиционную практику деторождения и вскармливания. Хотя они оказались неспособными обеспечить как социальные, так и экономические условия для того, чтобы женщина могла соответствовать новым стандартам и не приносить при этом значительных личных жертв. Детская смертность упала до 20%, с 128 человек на тысячу в 1922 году до 102 на тысячу в 1940 году, но эти темпы были почти равными динамике предшествующих двух десятилетий и все еще ставили детскую смертность в Италии на 25% выше, чем во Франции и Германии*. В целом, материнство при фашистском правлении было напряженным трудом. Не случайно, слова «жертва» и «ограничение себя во всем» шли лейтмотивом через женские рассказы о своем материнстве на всем протяжении тридцатых годов.

Семья как оплот государства

Семейная политика фашистов, подобно репродуктивной, сформировалась в контексте постоянных притязаний режима на ресурсы индивидуального домохозяйства. Идеологи жаловались на кризис итальянской семьи, ее сокращающиеся размеры, пресловутую потерю отцовского авторитета, чувство неудовлетворённости хозяйки и непокорность детей. Средний размер итальянской семьи сократился; он составлял по переписи 1936 года 4.7 человек (по сравнению с 4.3 человек в семье по переписи 1921 года). Тем не менее, семья все еще оставалась большой. Итоги специальной переписи показали, что по крайней мере 2 из 9,3 миллионов итальянских семей в 1927 году насчитывали семь и более живых детей. Почти 50% всех семей жили в маленьких городках с населением до 10.000 жителей и 38% получали основные доходы от сельского хозяйства. Доля натурального хозяйства, означавшего, что все необходимые материальные блага (равно как и услуги) производились внутри семьи и не поступали на рынок, оценивалась в 30%**. Как бы то ни было, дик-

* *Gattei G.* Per una storia del comportamento amoroso dei bolognesi: Le nascite dall'unita al fascismo // Societa e storia. 1980. Vol. 9. P. 627ff; Somogyi S., La mortalita nei primi cinque anni di eta in Italia, 1863–1963. Palermo: Ed. Ingrana, 1967. P. 42, table 7.

** См. в основном: *Melograni P.* Ed. La famiglia italiana dall' Ottocento a oggi. Rome, Bari: Laterza, 1988; *Barbagli M.* Sotto lo stesso tetto; Mutamenti della famiglia

татура, казалось, была уверена в том, что итальянские семейные связи достаточно прочны, чтобы выдержать то давление, которое появилось когда стали урезаться заработные платы, сниматься небольшие сбережения граждан для вложений в экономику и в колониальные начинания режима, ограничиваться расходы на общественные службы, аренду жилья и социальные расходы в целом. Этот пресс стал жестче и стал чаще озвучиваться публично в тридцатые годы, когда диктатура предприняла кампанию во имя экономической самодостаточности.

Подобная эксплуатация ресурсов домашнего хозяйства была особенно очевидной в двух программных пунктах: первый – это деурбанизация (ruralization), второй – это урезание заработных плат. Деурбанизация имела особую важность в свете усилий, предпринимавшихся режимом с целью сократить зависимость от зарубежных источников импорта продуктов питания, особенно пшеницы, и сдержать приток крестьян в города, что приводило к усилению роста безработицы, уменьшению благосостояния и обострению социальную нестабильность. Всеобъемлющая анти-урбанистическая кампания зависела от расширения ресурсов крестьянского домохозяйства. Впервые об этом упомянул Муссолини в своей речи на День Вознесения, когда он говорил о «стерилизующей» роли урбанизации и необходимости вернуться к сельскому образу жизни. Шаги, которые начали предприниматься в 1928 году с целью возвратить безработных на их первоначальное место проживания и сократить внутреннюю миграцию, сопровождались правительственной поддержкой исдольщины и проектов развития крестьянских ферм при помощи дарования права долгосрочной аренды в области освоения пустующих земель. В результате тесных связей родственников семьи должны были быть вытолкнуты в зоны низкого уровня потребления, где они не были бы защищены социальным законодательством и часто лишались муниципальной и приходской помощи. Таким образом, деурбанизация стала способом эксплуатации этой страхующей сети солидарности родственников. Из резервуара подобного семейного единства (как добровольного, так и вынужденного) окруженный домочадцами глава семейства мог черпать неоплачиваемый женский и детский труд дома, на поле, и в небольшом деревенском семейном производстве. В Италии не было попытки – как это случилось в нацистской Германии – реставрировать fidecommessi, или майорат, наследование старшим сыном семейной собственности внутри семьи. Такая мера определенно потребовала бы от фашизма высту-

in Italia dal XV al XX secolo. Bologna: Il Mulino, 1984; *Zamagni V.* Dinamica e problemi della distribuzione commerciale e al minuto tra il 1880 e la II Guerra mondiale // Mercati e consumi: Organizzazione e qualificazione del commercio in Italia dal XVII al XX secolo. Bologna: Edizioni Analisi, 1986. P. 598.

пить против коммерческих сельскохозяйственных интересов. Вместо этого режим предпочел возрождение многовековой формы держаний (а именно – исдольщины, или mezzadria). Так называемый vergaro, или capoccia, был настоящим патриархом. Чтобы вести переговоры с землевладельцами в периоды упадка цен на сельскохозяйственную продукцию, он должен был обладать полномочиями контролировать трудовые службы своей жены и детей. Семьи, практиковавшие издольщину, продолжали оставаться среди наиболее крупных семей; их численность составляла в среднем 7.5 человек, и труд massaia, или хозяйки, обычно превышал труд главы семьи (хотя в самых благоприятных сельскохозяйственных контрактах первый оценивался в две трети от второго). Согласно исследованиям Национального Института Сельского хозяйства, на тосканских фермах в начале тридцатых годов упорно работающие Джузеппе, Эгисто и Фаустино ежегодно выполняли работу на 2296, 2834 и 2487 часов, в то время как их жены Лючия, Вирджиния и Мария соответственно на 3290, 3001 и 3655 часов.*

Схожее отношение диктатуры к «средствам существования» и «семейным» заработным платам демонстрирует ее эксплуататорский взгляд на семьи рабочих . Представление о том, что мужчина должен быть в состоянии на свою зарплату содержать жену и иждивенцев, было широко распространено в Италии, как и везде, и расценивалось в качестве первостепенного условия для создания стабильной семейной жизни рабочего класса. То же заявляли буржуазные реформаторы – до того, как Муссолини вступил в Рим. Продолжали поддерживать подобные воззрения и католики; Энциклика Пия VI Quadrigesimo Anno вновь подтвердила тезис Льва XIII, заявленный в De rerum novarum (1891): социальная справедливость предполагает, чтобы «зарплаты рабочего были достаточны для того, чтобы прокормить его и его семью»**. К марту 1937 года, когда фашистский Большой Совет ухватился за эту идею с тем, чтобы поддержать демографическую политику дуче, данные переписи достаточно ясно свидетельствовали о том, насколько радикальны должны быть экономические реформы: даже уже в 1931 году 45% (4 280 000 из 9 300 000) итальянских семей зависели от двух и более кормильцев.

Как выяснилось, пособия, задумывавшиеся, чтобы, в конечном счете, пополнить семейный доход, добавляли немного к заработной плате большинства рабочих. Первоначально они были введены в 1934 году

---

* INEA. Monografie di famiglie agricole: Studi e monografie. Rome: 1929. No. 14. В частности: Mezzadri di Val di Pesa e del Chianti, 1931, особенно P. 46, 74, 94. О процессе деурбанизации в целом см.: *Preti D.* La modernizzazione corporativa: 1922–1940. Milan: Franco Angeli, 1987. P. 53–100.

** Цит. по: *I. Giordani.* Ed. Le encicliche sociali dei papi, 4th ed. Rome: Editrice Studium, 1956. P. 200.

с целью помочь тем семейным рабочим, которых ставили на неполный рабочий день, чтобы препятствовать массовым увольнениям. К середине июля 1937 года перечисления, финансируемые тремя долями от государства, работодателей и рабочих и выплачиваемые главам домохозяйств в зависимости от числа иждивенцев, распространялись на все частные и государственные предприятия, сельское хозяйство, торговлю и промышленность. В других странах такие выплаты наталкивались на резкое сопротивление профсоюзов; подобные меры обычно применялись в отраслях, находящихся в упадке (например, в текстильной или угольной промышленности). То, что фашистская Италия оказалась способной провести эти меры в полном объеме, отражало беспомощность организованного труда. Фашистская система вспомоществования семье, наряду со сдерживающими усилиями фашистских союзов торговаться по поводу увеличения заработных плат, играла в пользу интересов рабочих с семьями против интересов тех, кто семей не имел. Внутри же семьи эти меры были предназначены прежде всего главе-мужчине; на работающих жен, неженатых сыновей или дочерей, живших дома, пособие не распространялось. Самым же неприятным было то, что эти меры не были направлены на решение главной проблемы — выживание семьи зависело от работы нескольких ее членов, нередко включая и труд матери. Вопреки фашистской идеологии, число замужних работающих женщин возросло с 12% в 1931 году до 20,7% в 1936 году. В Италии тридцатых годов работали около 40% замужних женщин, что в процентном отношении больше всех других европейских стран, за исключением Швеции. Разумеется, от этой социальной демократии работающая женщина имела и выгоду — в относительно широком ранге защитных мер и служб*

Теоретически, то, что диктатура расширяла социальное страхование и пособия семье, уменьшало напряженность в итальянском обществе, которая стала очевидной по мере того, как оно становилось более урбанизированным, и экономика перешла на массовое производство, размывая тем самым семейную солидарность, основанную на ремесленных сообществах города и деревни. При Муссолини пропаганда утверждала, что если мать до безумия любит своих детей и заботится о них, то вся нация поддерживает ее в этом. INFPS, IPAP, INA, CRI, INFAIL, OND, GIL, не говоря о знакомой нам уже ONMI — вот тот набор аббревиатур названий правительственных и партийных организаций конца 1930-х годов, к которым отцы семейств могли обращаться за

* *Bettio F.* The Sexual Division of Labor: The Italian Case. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 117; *Saraceno C.* La famiglia operaia sotto il fascismo; La classe operaia durante il fascismo // Annali Fondazione Giangiacomo Feltrinelli. 1979–1980. V. 20; см. также ее: Percorsi di vita femminile nella classe operaia: tra famiglia e lavoro durante il fascismo // Memoria. October 1981. Vol. 2. P. 64–75.

помощью. Вместе с тем византийская запутанность социальных служб фашистской бюрократии нередко скорее усиливала сомнения, нежели их рассеивала. В целом система проводилась в жизнь по причине ее политической выгодности; она была привита к тысячелетним традициям частной и полу-частной церковной и муниципальной благотворительности. Чтобы рассчитывать на пособие, семьи должны были организовать работу с учетом родственных связей. В результате близкие родственники держались вместе, и стратегии выживания усиливали то, что пропагандисты режима иногда порицали как «священный эгоизм» («sacro egoismo») семьи (famigliuola). В то же самое время, когда фашистская диктатура сделала семью более публичным институтом, она непреднамеренно усилила частную сферу и «просемейное» поведение, которые обычно ассоциировалось с итальянской гражданской культурой.

Такая политика вынуждала итальянских женщин искать для себя новые социальные роли. Теоретически фашизм вернул женщин в дом, где они, рожая и вскармливая детей, вносили вклад в надлежащее функционирование частной сферы. Но, поскольку диктатура, придавая большое значение семье, развивала новые модели для ее функционирования, женщин принуждали к тому, чтобы они знали свои общественные обязанности. Не последней из этих обязанностей была «подготовка детей для фашистской послешкольной программы и проведение отдыха в партийных и городских лагерях»; если матери были бедными, они становились «specialisti della assistenza», чтобы добиться государственного пособия. Более того, фашистское государство всеобщего благосостояния серьезно рассчитывало на волонтеров-женщин для осуществления своей программы. Так, женщины из высшего класса играли ведущую роль в определении новых норм семейного поведения, помогая представительницам низших классов усваивать их. Они передавали способы ведения домашнего хозяйства женщинам из слоя мелкой буржуазии и рабочего класса и даже сельским massaie – через курсы домоводства, уроки по уходу за детьми и неформальные совместные собрания, которые финансировались женскими фашистскими группами, сформировавшимися под влиянием условных буржуазных представлений о респектабельности и «рациональном» управлении домом. Процесс управления домом был невозможен без мучительного составления бюджета, уменьшения количества детей, и напряженных калькуляций, как лучше использовать школы, политические организации и социальные службы режима в интересах собственных семей. Итогом было усилившееся осознание зависимости семьи от служб государства. Нет сомнений, что это стимулировало развитие известного чувства благодарности режиму; правительственная пропаганда восхваляла дуче как автора множества правовых нововведений. Но эта зависимость также порождала осознание проти-

воречий между интересами семьи и патриотическим долгом. «Скажите мне, профессор, – обратилась туринская работница к Луиджи Макконе, протестуя против демографической политики режима, – Разве это справедливо или человечно, что нам, женщинам, нужно рожать много детей, которые предназначены идти на войну, когда они повзрослеют? О, никогда! Мы любим своих детей, мы делаем своими жалкими средствами все, что только можем, для их воспитания. Мы воспитываем их для себя, для лучшего будущего для них, но не для Родины»*

Женский труд

В отличие от шведской социал-демократии, которая, следуя логике своей демографической политики, преследовала цель примирить необходимость жеищины работать с ее бременем матери, фашистская идеология предусматривала жесткое разделение труда: мужчины работали и были кормильцами семьи, а женщины рожали детей и занимались домашним хозяйством. Вместе с тем фашистские официальные лица были достаточно реалистичны, чтобы признать тот факт, что женщины работали; согласно данным переписи 1936 года, 27% от всей рабочей силы составляли женщины и около 25% всех женщин трудоспособного возраста работали. Более того, разделение по полу привело к феминизации труда «белых воротничков»; после закона Сакки (1919) женщины получили доступ к большинству видов работ в государственных учреждениях (за исключением, главным образом, должностей в вооруженных силах, юриспруденции и на дипломатическом поприще). В конечном счете, диктатура ввела законодательство с тем, чтобы удержать женщин от конкуренции за работу с мужчинами и защитить работающих матерей. Существовала и неявная цель – оградить женщин от восприятия оплачиваемого труда как средства к достижению эмансипации. В то время как работа была необходимым условием для устойчивой мужской идентичности, женская работа, как постановил Муссолини, «если и не полностью препятствует, то по крайней мере отвлекает от репродуктивной функции, подстрекает к независимости и сопутствующим ей физическим и нравственным образцам поведения, несовместимыми с деторождением»**. В конце концов, сочетание традиционных ограничений и государственного вмешательства, что действовало в экономике с хронической безработицей и что предполагало

* *Maccone L.* Ricordi. P. 67.

** *Mussolini B.* Macchina e donna, August 31, 1934 // Opera Omnia. Vol. XXVI. P. 311.

отношение к государству как «работодателю последней надежды», создавало общую атмосферу терпимости к труду женщин, которые работали в худших условиях, чем в любой другой промышленно развитой стране.

К середине тридцатых годов дискриминационные меры были разнообразными. Меры первого типа, как правило, упускаемые из виду, коренились в самой организации труда корпоративных институтов. Трудовое законодательство фашистского режима, воздвигая барьер забастовкам и централизуя процессы урегулирования трудовых конфликтов, наносило вред интересам рабочих в целом и женщинам в частности. Это привело к падению заработных плат мужчин до уровня, сопоставимого с заработными платами женщин и несовершеннолетних, что подталкивало профсоюзы, неспособные защищать уровень заработных плат или контролировать условия труда своих членов, к торгу о не-денежных уступках (таких, как ограничения на женский труд) и было на пользу рабочим, находящимся в наиболее благоприятной ситуации (то есть, наиболее квалифицированным, опытным и работавшим в стратегически важных отраслях промышленности). Большинство из них были мужчинами. Вопреки призывам Регины Терруци, Эстер Ломбардо, Адель Пертичи Понтекорво и других высокопоставленных сторонниц фашистского режима, женщины не были представлены в корпоративной иерархии. Можно назвать от силы полудюжину женщин- консультантов, поскольку менее, чем два десятка итальянских женщин обладали степенью в праве или политических науках, что было необходимо для работы чиновников в Министерстве Корпораций.

Сомнительно, что фашистские партийные институты для женщин предлагали альтернативу корпоративной организации труда. Massaie rurali для крестьянок, организация, основанная в 1934 году, и секция партии для женщин-работниц и домохозяек (Sezione Operaie e Lavaratrici a Domiciglio, или SOLD), учрежденная в 1938 году, обеспечили некоторые из вакансий, которые фашистские союзы предлагали мужчинам — такие, как курсы повышения квалификации и курсы руководства, как добиться социальных пособий. Однако женщины получали их с четким сообщением, что фашистская «солидарность» означает различные вещи для мужчин и женщин. Мужчины-рабочие принадлежали к профсоюзам и тем самым были вовлечены в коллективный торг за уступки, в то время как женщины были получателями благ от организаций, возглавляемых партиями и соглашались на милостыню государства. Мужчины были избирателями, субъектами при заключении контрактов и их интересы представляли их фабричные адвокаты (fiduciary); женщины же были потребителями, объектами социальной работы и их главными собеседниками были обученные партией социальные работники (visitatrici fasciste).

Значительные инновации диктатуры в области протекционистского законодательства обеспечили вторую форму дискриминации. К 1938 году

женщинам, которые имели в качестве источника дохода заработную плату, предоставили право на двухмесячный обязательный отпуск после рождения ребенка с выплатой, равной средней двухмесячной заработной плате, неоплачиваемый отпуск на срок 7 месяцев с правом вернуться на работу, а также ежедневно два перерыва на кормление ребенка до тех пор, пока тому не исполнялся один год. Диктатура еще сильнее ужесточила правила, запрещающие ночную работу для всех женщин, а также опасную и вредную для здоровья работу для несовершеннолетних женщин в возрасте от пятнадцати до двадцати лет и мужчин в возрасте до пятнадцати лет. Детям до двенадцати лет запрещалось работать совсем.

Эти меры были увязаны с чрезвычайными законами – если не наиболее эффективным, то с наиболее известным видом дискриминационных мер. Поскольку главное направление эмиграции, Соединенные Штаты Америки, было в начале двадцатых годов отсечено, то уровень хронический мужской безработицы еще больше повысился. Впоследствии это было усугублено Великой депрессией. Вместо того, чтобы инвестировать средства в правительственные проекты по организации рабочих мест, как это делалось в то время в других странах, и, возможно, опасаясь, что индустриальная мобилизация, пришпоренная перевооружением, будет благоприятствовать женщинам, правительство поддержало введение договорных ограничений на женский труд в определенных профессиях в 1934 году. Указ от 5 сентября 1938 года, который установил десятипроцентный лимит на работу женского персонала в государственных и частных учреждениях, был наиболее драконовской мерой из всех принятых. Он вызвал протесты у женщин-служащих и только начал проводиться в жизнь весной 1940 года, как ситуация изменилась, и большая часть ограничений на работающих женщин была забыта для обеспечения процесса военной мобилизации.

Подведем итоги. Фашистская трудовая политика включала в себя ряд парадоксов. Режим добивался удовлетворения аппетитов промышленности в дешевой рабочей силе (что могло быть достигнуто не только при помощи мужского труда, но и женского). Тем не менее, он хотел гарантировать рынок труда для мужчин-глав семей; в противном случае подвергалась риску самооценка безработных мужчин, не говоря уже о факторах «расового соответствия» и роста населения. Фашистские законодатели провозгласили, что они хотят, чтобы женщина была вне рабочего места. Однако, понимая, что это вряд ли случится, они выставляли напоказ свое покровительство тем их них, кто работал в интересах «расы». Основываясь на древних предрассудках по отношению к женщине на рынке труда, а также на фактически возросшем равенстве полов, когда итальянские рабочие подлежали inquadramento в корпоративном устройстве, диктатура проводила протекционистские законы, поддержи-

вала дискриминационные взгляды и принимала чрезвычайные законы. Они взаимодействовали с тенденциями итальянского рынка труда придать рабочей силе в Италии специфически гендерный профиль. Первый результат должен был сохранить для мужчин высоко престижные и с постоянно растущей заработной платой государственные бюрократические вакансии для того, чтобы тем самым препятствовать тенденции феминизации должностей в учреждениях по крайней мере в центральных правительственных учреждениях. Государственная политика также уверяла фашистские профсоюзы, что правительство занимается проблемами мужской безработицы, хотя некоторые свидетельства показывают, что мужчинам не оказывали явного предпочтения перед женщинами (при прочих равных условиях), за исключением, возможно, такой отрасли текстильной промышленности, как производство синтетических тканей — отрасли политически чувствительной и ужасно вредной для здоровья. Более того, государственная политика способствовала формированию женской рабочей силы, занятой неполный рабочий день, которая была периодической и не регистрировалась. Об этом свидетельствует значительный рост прислуги. Ее численность в межвоенной Италии возросла с 445 631 в 1921 году до 660 725 в 1936 году, между тем как в любом другом месте индустриальной Европы эта цифра сокращалось. Даже мелкая буржуазия полагалась на помощь домашней прислуги.

Неспособные защитить свои права на работу на основании требований равенства полов, женщины-работницы приспосабливали свои стремления и требования к существующей ситуации. Они оправдывали свой поиск работы «семейной необходимостью» или провозглашали, что их работа была целесообразной лишь временно, или что труд, который они выполняли, в любом случае слишком низко статусный и слишком женский, чтобы ими занимались мужчины. Женщины-специалисты, которые иногда объединяли свои усилия с женщинами из рабочего класса и которые были теперь организованы во вполне самостоятельные фашистские организации, такие как ANFAL, Национальная Ассоциация Женщин-Художниц и Обладателей Степени, использовали более сильные аргументы. Они отстаивали право достойных женщин на работу (в том случае, если та не противоречит семейным обязанностям), и защищали возможность обучения женщин профессиям медсестры, учителя, социального работника, что, помимо соответствия женским талантам, могло бы наилучшим образом способствовать прогрессу нации. Когда же речь шла о дискриминации в их карьере, то они скорее осуждали мужчин, ревниво препятствующих им, чем фашистскую систему*

* *Cascellani M.* Donne italiane di ieri e di oggi. Florence: Bemporad, 1937. P. 102ff.

Политические организации

Попытки диктатуры сплотить женщин в широком ряду партийных организаций, на первый взгляд, противоречат ее же усилиям по устранению женщин из публичной сферы. Однако фашизм, в отличие от консервативных режимов, осознавал, что социальная и гендерно дифференцированная политика сложных обществ не может проводиться не только без поддержки мужчин, но и без поддержки женщин. Действительно, к тому моменту, когда диктатура сама обострила и без того резкую социальную и половую дифференциацию итальянского общества, на PNF была возложена обязанность содействовать развитию сети организаций для женщин. К концу тридцатых годов партия имела полный набор таких объединений. В него входили fasci femminile — организация, предназначенная, главным образом, для горожанок из среднего класса (ее ядро было основано в 1920 году), massaie rurali для крестьянок (1934) и SOLD для женщин-работниц (1938); вдобавок к piccoli italiane было учреждено отделение организации студентов (GUF) для девушек, и, наконец, giovane fasciste. Накануне Второй мировой войны около 3 180 000 женщин были членами той или иной партийной группы.

Все же сначала фашистская партия так подозрительно относилась к эмансипационному движению, что долго откладывала санкционирование партийных организаций для женщин. PNF была откровенно враждебной к требованиям поддержать своих первых сторонниц; она грубо разрушила эмансипационные надежды пионерок фашистского движения, игнорируя своих основательниц, отвергая и в некоторых случаях исключая их — при том, что большинство этих женщин получили образование, имели аристократическое происхождение и были родом с севера Италии*. До начала тридцатых годов число членов женских католических объединений превышало численность fasci femminili. До 1931 года, когда была основана Академия Орвьето, PNF совсем не планировала обучать женские кадры и до 1936 года не была намерена делать это в значительном масштабе. Только в конце 1937 года PNF, наконец, заказала Фиат 1100s для fiduciares, попечителей женских отделений провинциальных объединений. До этого женщины-организаторы должны были пользоваться общественным транспортом. Впрочем, более вероятно, что, благодаря высокому статусу в обществе большинства семей, к которым они принадлежали, их возили повсюду семейные шоферы.

---

* *Detragiache D.* Il fascismo femminile da San Sepolcro all'affare Matteotti, 1919–1924 // Storia Contemporanea. April, 1983. 2. P. 211–251; Bartoloni S. Il fascismo femminile e la sua stampa: La Rassegna femminile italiana, 1925–1930 // Nuova DWF. 1982. 21. P. 143–169.

Мобилизация женщин в массовом масштабе началась только в начале тридцатых годов. Первый призыв расширять вовлечение в fasci femminili появился в начале Великой депрессии; волонтерки из высшего класса должны были «протянуть руку народу» работая на партийных кухнях, где людей обеспечивали благотворительным супом, и в государственных учреждениях социальной помощи, чтобы накормить или иным способом помочь нуждающимся. Второй призыв, во время Эфиопской войны, был направлен к «женщинам Италии», чтобы превратить «каждую семью в оплот сопротивления» против санкций Лиги Наций, наложенных на Италию*. В 1935–1937 годах численность фашистских женских групп резко увеличилась. Третий призыв должен был превратить женскую amore di patria (любовь к родине) в более всеохватывающую и деятельную sensibilita nazionale (национальную чувствительность); целью этого призыва было подготовить женщин к тотальной войне, и это разрушало все различия между личными и публичными обязанностями, между самопожертвованием, семейными интересами и общественным служением.

Тем не менее, если сравнивать с опытом нацистского режима, мобилизация женщин итальянским фашизмом была тонкой, как бумага. В Италии не было «женской F*ü*ehrer *ü*ber alles», подобной нацистке Гертруде Шольц-Клинк, оказывающей влияние через женское бюро NSDAP, включенной по крайней мере в список нацистских иерархов и гордившейся своими регулярными беседами с Гитлером. Fasci femminile управлялись комитетом под контролем секретаря PNF. В отличие от мужских организаций, которые, благодаря своей численности и сращиванию со столичной бюрократией, могли подать голос за своих избирателей, женские объединения не имели достаточно власти, чтобы представлять проблемы женщин. Их лидеры-аристократки имели какое-либо влияние лишь благодаря тому, что были богатыми и знатными женщинами или же имели высокопоставленных супругов. Действительно, режим был склонен отобрать у женских объединений даже те самые функции, которые сначала им делегировал, а именно социальную работу. Теоретики тоталитарного государства рассматривали оказание государственной помощи в качестве лишь временной меры по пути к совершенствованию всеобъемлющего, тотального государства социальной помощи. И эта помощь, как предполагалось, должна основываться на статистических науках, а не на чувствах, и работать над ее осуществлением должны мужчины, а не женщины. В конце концов, находившиеся среди организаторов социальной помощи женщины, некогда состоявшие в рядах активисток женского движения,

* *Mussolini B.* Elogio alle donne d'Italia // Opera Omnia. Vol. XXVII. P. 266.

отстояли свое право предоставлять кадры для выполнения этой исключительно важной общественной функции. Только женщины обладали чувствительностью, чтобы «проникнуть в тайны других душ и понять их настоящие чувства». Более того, женщины имели обязанность по отношению к обществу быть активными вне «узкой ограниченности семейного круга». Наконец, они одни могли обратить внимание на «неизбежные лакуны в действиях государства»*

В конечном счете, фашистской системе организации женщин дорогу преградил парадокс. Долгом женщины было материнство. Будучи custodi del focolare, они были обязаны в первую очередь производить потомство, вскармливать его и справляться с семейными обязанностями в интересах государства. Однако они не могли выполнять эти обязанности без того, чтобы не представлять себе те требования, которые общество к ним предъявляет. Если бы женщины оставались замкнутыми в рамках домашнего хозяйства, то они были бы не способны соединить личные интересы с интересами коллективности. В целом, при правлении Муссолини дорога женщины вела из домашнего хозяйства не к эмансипации, но к новым обязанностям по отношению к семье и государству; не к автономии, но к подчинению новым господам. Управление значениями женского политического участия было запутаннейшей задачей. Женские лидеры хотели, чтобы их юные подопечные сочетали в себе «благороднейшие традиции» с «современностью», будучи одновременно «созданиями мужественной отваги и утонченной женственности». Было неизбежным и то, что вовлечение женщин в политические организации заключало в себе риск поддержания женских эмансипационных чаяний.

В заключение отметим, что фашистское управление женщинами было продуктом эпохи, в которой демографическая политика воспринималась в контексте вопроса о силе нации. Фашизм смотрел в лицо этой проблеме с перспективы консервативной социальной коалиции и в контексте экономических стратегий, которые наложили тяжелое бремя на труд и ресурсы домохозяйства. Через рынок труда и иерархию власти внутри семейного союза режим переложил из этого бремени на женщин столько, сколько это было возможно. В то же самое время диктатура Муссолини представила целый ряд ответов на политику [государственного] невмешательства, осуществляемую либеральными предшественниками. Как в собственно политике, так и в области гендерной политики, диктатура использовала всю мощь государственной власти, чтобы установить новый «нравственный» порядок, отрицающий

* *Boni G.* Il lavoro sociale delle donne: le grandi organizzazioni in Italia e all'estero (Corso per visitatrici fasciste). Pisa: Tipografia Pellegrini, 1936. P. 4, 9. См. также: *Modigliani O.* Lavoro sociale delle donne. Rome, 1935. P. 22.

трансгрессивный гендерный порядок либеральной эры. Она признала женское гражданство, хотя отрицала его какое бы то ни было эмансипационное значение. Эксплуатируя страх многих женщин – равно как и мужчин – перед стихией рыночных сил, стремительными изменениями в уровне рождаемости и семейных нормах, отсутствием социальной защиты в либеральном государстве, диктатура представляла себя как защитницу интересов семьи, примиряя эти интересы с основной, национальной идентичностью.

Фашистское управление женщинами, таким образом, представляло собой сложную смесь патерналистского протекционизма и мягкого попустительства, позитивных факторов и нечестных принуждений. Не случайно, что наиболее тоталитарный взгляд на семейную политику в фашистской Италии, требовал от режима быть и более реформистским, и более репрессивным. Эта позиция была сформулирована самоуверенным, но ярким молодым католическим социологом Фердинандом Лоффредо. В своей часто цитируемой «Politica della famiglia» (1938) Лоффредо призывал к созданию того, что может быть названо неопатриархальной семьей. Основанная на доминировании отца и центральном месте в семье матери, эта семья была предана «расе» больше, чем любому режиму. Чтобы способствовать ее развитию, итальянский фашизм должен был отречься от своей «манчестерской» благотворительности, пособий по рождению и прочих демографических «трофеев», каждый из которых потворствовал индивидуалистической логике. Режим должен был также отречься от политических инициатив, которые подрывали семейную солидарность, таких, как расширяемая партией сеть центров dopolavoro, молодежные группы или коллективные празднования фашистского Крещения детей. Настоящая, подлинная реформа предполагала инвестирование в семейные выплаты, льготное налогообложение в зависимости от членов семьи, и поддержку бесплатных служб, ориентированных на семью – то есть, многое из тех мер, которые предполагались в Швеции того времени. Хотя эти реформы не только не разрешили бы «социальную проблему», порожденную женщинами, но и угрожали усугубить ее. Сама политика, предполагавшая, что женщине отводится центральное место в семье, а семье – в жизни расы и нации, находилась под угрозой быть разрушенной женщинами. По своей природе женщины более восприимчивы к индивидуалистической философии и наиболее склонны объединять ее с идеологией семьи. Следовательно, наряду с реформами, государство должно было проводить тотальную власть, прежде всего с целью установления «духовной автаркии нации», то есть остановить разлагающие потоки индивидуалистической идеологии из-за рубежа, и затем сплотить общественное мнение с целью вытеснения женщин с рабочего места и с публичной арены. Чтобы стать эффективными,

реформы должны были идти рука об руку с репрессиями. «Женщины, – заключил Лоффредо – должны вернуться под абсолютное подчинение мужчине – отца или мужа; подчинение и, следовательно, духовная, культурная и экономическая второсортность». *

Сама противоречивость фашистской патриархии неизбежно открыла двери разногласиям. На волне Указа от 5 сентября 1938 года рабочие из белых воротничков ходатайствовали перед Муссолини за то, чтобы не позволять фашизму отворачиваться от «итальянской женщины», которая во время эфиопской войны ответила с рвением на призыв фашизма к самопожертвованию**. Женщины-юристы праздновали десятилетие фашистской революции, но их интерпретация фашистского семейного законодательства показала, что нормы прогрессировали гораздо быстрее, чем того допускали законы***. Писательницы, шокированные женоненавистническим поворотом итальянского общества после 1925 года, населяли свои романы покорными героинями; те с мазохистским пылом мстили за себя миру и в то же самое время с фатализмом относились к своей судьбе****. Женщины-работницы устраивали «забастовки против родов», сопротивляясь ужасающему насилию, содержащемуся в приказе режима размножаться. К концу тридцатых годов XX века в университетах возросло число как студентов, так и студенток («поколение ликторских фашистов»); они видели в стареющем режиме препятствие для своих легитимных карьерных амбиций и стали поддерживать марксистскую и католическую идеологии.

То, что связало вместе настолько разные идеи, происходило не столько от какой-либо женской восприимчивости, сколько от факта, что все это отвечало общепринятой системе правления. За два десятилетия диктатура артикулировала новое понимание женского гражданства, хотя и затруднила его достижение. С самого начала фашизм принял решение относиться к женщинам как к единой группе, ставя на службу национальной государственной власти их общее биологическое предназначение – быть «матерями расы». Однако фашистское государство своей политикой усиления социальной дифференциации по доходу и привилегиям, разделило тем самым и женщин – по кастам и функциям. Законы, социальная служба и пропаганда постоянно воспроизво-

---

* *Loffredo F.* Politico della famiglia. Milan: Bompiani, 1938. P. 230–231, 376, 412, 464.

** Archivio Centrale dello Stato, Presidenza Consiglio dei Ministri, 1937–1939, fascicolo 1/3–1, f.954.4 petition. Rome, October 6, 1938.

*** La donna e la famiglia nella legislazione fascista. Naples: La Toga, 1933.

**** *Maggi M.* Rassegna letteraria: scrittrici d'Italia // Almanacco della donna italiana. 1930. P. 182. Примеры см. в: *Lombardo E.* La donna senza cuore. Milan: Corbaccio, 1929; *Pietravalle L.* Le Catene. Milan: Mondadori, 1930.

дили идею первостепенной важности материнства. Но бедность, скудная система государственной помощи и, наконец, вступление страны в войну сделали осуществление функции материнства исключительно трудным предприятием. В фашистской идеологии утверждалось, что семья является опорой государства, но стратегии семейного выживания требовали сокращения рождаемости в итальянском обществе. Массовая политика диктовала женщинам участие в политической жизни. Но семейные регуляции, социальные нормы и двойственные воззрения самих фашистских лидеров по вопросу о вовлечении женщин в публичную жизнь препятствовали большинству женщин интегрироваться в ритуализированный энтузиазм фашистской массовой политики.

Тем не менее фашистская система в значительной степени определяла тот путь, которым женщины (как и мужчины) интерпретировали свое предназначение, выражали свое недовольство, а также способ, каким они воспринимали последствия этого протеста. Итальянские женщины были примечательно активны в движении Сопротивления. С конца лета 1943 года движение распространялось от Неаполя в направлении севера, после того как Большой фашистский Совет, с поддержкой короля Виктора Эммануила II, сместил Муссолини в дворцовом перевороте 25 июля. Затем движение Сопротивления достигло центральных районов Северной Италии, когда 9 сентября временное правительство маршала Бадольо после подписания перемирия с союзниками трусливо бежало, бросив тем самым страну для немецкой оккупации. В начале 1945 года движение Сопротивления насчитывало около 250 000 членов. Семьдесят тысяч женщин состояли в Женских группах Обороны и двадцать пять тысяч находились в войсках. Кроме того, десятки тысяч других женщин укрывали борцов Сопротивления, заботились о них, приходили на выручку итальянским и иностранным солдатам из расформированных частей, помогали евреям бежать от нацистской и фашистской политики и защищали итальянских мужчин от депортации в Германию для принудительного труда. 4 600 женщин были арестованы, подвергались пыткам и мучениям. 2 750 были депортированы в немецкие концентрационные лагеря; 623 были казнены или убиты в сражениях*. Большинство из них составляли близкие к коммунистическому Сопротивлению работницы и крестьянки; их сплоченные сообщества и долговременные семейные политические привязанности усиливали оппозиционное движение. Однако там были и представительницы католического среднего класса и видные аристо-

* *Bruzzone A.*, *Farina R.* La resistenza taciuta. Florence: La Pietra, 1976; *Alloisio M.*, *Beltrami G.* Volontarie della liberta. Milan: Mazzotta, 1981; *Serra B.G.* Campagne: testimonianze di partecipazione politica femminile. In 2 vol. Turin: Einaudi, 1977.

кратки. Последних было не так уж и мало; среди них отметим Марию Жозе, уроженку Бельгии и невестку короля Виктора Эммануила III, которая склонялась к социализму.

Нет никаких сомнений, что сама война, сопровождавшаяся после 1943 года жестокой немецкой оккупацией, была очень большим стимулом для присоединения к Сопротивлению. Она показала неспособность женщин добиваться невозможного, а именно: выполняя свой патриотический долг, мужественно отдавать своих сыновей и мужей на уже совершенно ненужную фашистскую войну и одновременно добывать средства для пропитания. После 1943 года «женское сознание» (если использовать термин Теммы Каплан, который был призван выразить смысл коллективных обязанностей, коренящихся в принятии женщинами разделения социального труда по полу) объединилось с «коммунальным сознанием», что связало мужчин и женщин в борьбе за освобождение Италии от нацистов и фашистов*. Обнаружить следы некоего особого феминистского влияния в этом женском участии сложнее. Как политическое и общественное движение во имя свободы и социальной справедливости, возглавляемое политическими партиями, полными решимости завоевать власть с целью восстановления к концу войны Италии, Сопротивление не поощряло критики мужского превосходства. Оно не пыталось противостоять и сложным процессам самоидентификации и гендерной реконструкции, требовавшим переосмыслить обманчивые условия двух десятилетий национального развития при правлении фашистов. Когда же пришло время отмечать победы Сопротивления, вклад женщин в общем и целом «замалчивался». Новая Республика, хотя и допуская формальное равенство на рынке труда, даруя женщинам право голоса, все же поддерживала нормы и культурные модели поведения, заимствованные из фашистской эры.

---

* Female Consciousness and Collective Action: The Case of Barcelona, 1910–1918 // Signs. Spring 1982. Vol. 7. P. 545–566; Cott N.F. What's in a Name? The Limits of 'Social Feminism,' or Expanding the Vocabulary of Women's History // Journal of American History. December, 1989. Vol. 76, 3. P. 827.

5

Нацизм. Гендерная политика и жизнь женщин в Германии

Гизела Бок

Национал-социалистическая партия пришла к власти в 1933 г., когда Гитлер был назначен канцлером страны. Он получил 33% голосов на парламентских выборах в ноябре 1932 г., последних свободных выборах, потеряв 4% по сравнению с предыдущими выборами в июле 1932 г. «Гитлеровское движение» (такое название оно имело при голосовании) обещало освободить германскую нацию от унизительных условий, навязанных ей Версальским договором 1919 г., и справиться с тяжелым экономическим кризисом конца 1920-х – начала 1930-х гг. Чтобы достичь этих целей, было необходимо ликвидировать Веймарскую республику и установить истинную народную, или этническую, общность (Volksgemeinschaft). «Гитлеровское движение» призывало одновременно и к уничтожению классовых конфликтов, и к возрождению единства, самосознания и могущества нации. С самого начала и в течение всей избирательной кампании обе эти цели звучали не только на языке традиционного национализма и классового сотрудничества, но также и в терминах расизма. Германии угрожало расовое вырождение, виновниками которого были главным образом евреи (объявленные капиталистами и одновременно марксистами и большевиками), но также и цыгане, славяне, негры и другие нежелательные и «расово низшие»

меньшинства, которые угрожали телу народа, или расы (Volkskorper), его силе, его здоровью и его превосходству.

В этом символическом универсуме гендерные элементы играли важную роль. Самовосприятие национал-социалистического движения и режима было откровенно мужским. Его пропаганда описывала мужчин-евреев как насильников и сводников; в более общем плане экономический и политический антисемитизм шел рука об руку с «сексуальным антисемитизмом»*. Женская эмансипация была осуждена как продукт еврейского влияния. (Хотя это не было правдой, еврейские женщины в действительности сыграли важную роль в женском движении Германии, требуя доступа женщин к профессиям и социального признания «женской» сферы, особенно физического, духовного и социального материнства). Женщины, находившиеся на «полноценной» стороне расового водораздела, рассматривались как «матери народа», а находившиеся на другой стороне – как «вырождающиеся» и «низшие». «Подходящие» женщины должны были в качестве матерей способствовать национальному возрождению, производя много детей, поскольку рост рождаемости являлся желательным после длительного периода его спада. «Неподходящие» женщины считались недостойными иметь потомство. В 1930 г., спустя шесть лет после того, как Гитлер обрушился на еврейских женщин в «Майн Кампф» и призвал стерилизовать миллионы «низших», один из его идеологов «крови и почвы» разделил женский пол на четыре категории: женщины, которых нужно поощрять рожать детей; тех, против детей которых не следует возражать; тех, кому было бы лучше не иметь их; и тех, кому нужно было препятствовать производить потомство путем стерилизации. До 1933 г. национал-социалисты не были единственными, кто проповедовал такие евгенические и расово-гигиенические различия. Например, один влиятельный социал-демократ считал, что треть немецкого населения являлась «низшей» и недостойной иметь детей; определенное число женщин, в том числе небольшая группа феминисток радикального направления, также требовало евгенических реформ, включая принудительную стерилизацию**. Но только

* См.: Die Lage der Juden in Deutschland, 1933 (ed. par Comité des Délégations Juives). Paris, 1934 (repr.: Frankfurt; Berlin; Wien, 1983). S. 468; *Kaplan Marion.* The Jewish Feminist Movement in Germany. The Campaigns of the Jüdischer Frauenbund, 1904–1938. Westport (Conn.); London: Greenwood Press, 1979. Ch.3 and P. 114–115.

** См.: *Darré Richard Walther.* Neuadel aus Blut und Boden. München, 1930. S. 169–171; Alfred Grotjahn. Geburten-Rückgang und Geburten-Regelung im Lichte der individuellen und sozialen Hygiene. Berlin, 1914. S. 144–145; *Allen Ann Taylor.* German Radical Feminism and Eugenics, 1900–1918 // German Studies Review. Vol. 11. 1989. P. 31–56.

национал-социализму было суждено превратить такие идеалы и воззрения в сложную, целостную и систематическую практику расовой политики, которая в течение лишь нескольких лет привела к беспрецедентному уничтожению «низших».

Хотя в последние годы Веймарской республики и в первые годы нацистского режима многие люди, включая тех, кто голосовал за нацистов, не верили в это, расизм — особенно антиеврейский расизм — был ядром национал-социалистической политики. Следовательно, расизм также являлся и ядром национал-социалистической гендерной политики. Большинство исследований, посвященных женщинам в нацистской Германии, не затрагивает проблему расизма, а исследователи нацистского расизма, как правило, не касаются проблемы женщин, тем не менее очевидно, что ни нацистский расизм не был гендерно нейтральным, ни нацистская гендерная политика не была расово нейтральной. И хотя ясно, что не все женщины переживают одну и ту же историю, различия в истории женщин при нацистском режиме были столь же глубокими, как различие между жизнью и смертью. Конечно, национал-социализм имел и другие характерные черты, помимо расизма. Но именно расизм был его основой, и им пытались пропитать все поры общества. Во многих других областях режим проявлял относительную гибкость и способность к адаптации. Он не колебался пересматривать многие из его фундаментальных принципов, когда это казалось выгодным, в том числе его политику по отношению к «полноценным» женщинам. Однако он никогда не отказывался от своих расистских принципов, включая их гендерное выражение и политику по отношению к «низшим женщинам».

От антинатализма к геноциду: гендерное измерение национал-социалистического расизма

Примерно половину жертв нацистского расизма составляли женщины. Законы от 7 и 25 апреля 1933 г. изгнали, вместе с политическими противниками, евреев-мужчин и женщин с гражданской службы (включая многих учительниц-евреек; мужчины-неевреи могли быть уволены, если они были женаты на еврейках) и из университетов, где процент женщин среди студентов-евреев был выше, чем среди студентов-неевреев. Еврейские женщины, так же как и мужчины, стали

жертвами первых антиеврейских мер, направленных на сегрегацию евреев и их исключение из политической, профессиональной, экономической и культурной жизни. Равным образом, евреи обоих полов были жертвами расовой политики, когда она перешла от политической, экономической и культурной дискриминации к покушению на их тело и жизнь. В 1938 г. почти половину из девяноста евреев, убитых во время ноябрьского погрома («Хрустальная ночь»), составляли женщины*. Евреи обоих полов оказались среди жертв политики государственного контроля над рождаемостью, или антинатализма, которая призывала к принудительной стерилизации «расово неполноценных» ради «расового возрождения».

В июне 1933 г. министр внутренних дел произнес программную речь о расовой и демографической политике. Он нарисовал картину «культурного и этнического упадка», вызванного влиянием «чуждых рас», особенно евреев. Нации угрожало «расовое смешение» со стороны почти миллиона людей с «наследственными физическими и психическими болезнями», со стороны «слабоумных и низших» людей, чье «потомство более не было желательным», особенно когда доля их рождаемости была выше среднего. Он полагал, что целых 20% населения в Германии, т.е. двенадцать миллионов человек были нежелательны в качестве отцов и матерей; наоборот, процент рождаемости «здоровых немцев» должен возрасти на 30% (около трехсот тысяч в год). «Чтобы увеличить число детей со здоровой наследственностью, наш первый долг — помешать появлению детей с дурной наследственностью»**. Две недели спустя антинаталистская часть этой программы стала первым национал-социалистическим законом, касающимся демографической политики. Он предписывал евгеническую стерилизацию, и если это будет необходимо — насильственную и с помощью полиции. Правительство подчеркивало, что «биологически низший наследственный материал» должен быть искоренен, особенно среди «бесчисленных низших» людей, которые бесконтрольно размножались. Стерилизация «должна привести к постепенному очищению этнического тела», и чтобы достичь этой цели необходимо стерилизовать полтора миллиона человек, причем четыреста тысяч из них — как можно скорее. Из этих

---

* См.: *Rita R.* Thalmann. Jüdische Frauen nach dem Pogrom von 1938 // Die Juden im nationalsozialistischen Deutschland: The Jews in Nazi Germany, 1933–1943 / Hrsg. von Arnold Paucker. Tübingen: Mohr, 1986. S. 295–302; *Claudia Huerkamp.* Jüdische Akademikerinnen in der Weimarer Republik und im Nationalsozialismus // Geschichte und Gesellschaft. Bd. 19. 1993. N 3; *Raul Hilberg.* The Destruction of the European Jews. New York: Holmes & Meier, 1985. Vol. 1–3.

** *Wilhelm Frick.* Bevölkerungs und Rassenpolitik. Berlin, 1933. S. 3–8.

четырехсот тысяч подвергшихся стерилизации в течение последующего десятилетия (не считая неизвестного числа случаев вне рамок этого закона) половину составляли женщины, которые вместе с мужчинами составляли 1% тех, кто находился в возрасте, благоприятном для зачатия и деторождения. Для этого было создано двести пятьдесят специальных судов по стерилизации с участием юристов, психиатров, генетиков, антропологов и врачей. Были реорганизованы в нацистском духе медицинские учреждения в соответствие с законом и под контролем государства, чтобы искать среди населения кандидатов на стерилизацию. Попытались провести гигантскую пропагандистскую кампанию, правда, не очень успешную, чтобы убедить немцев в необходимости и полезности антинатализма. Никогда до этого в истории не было государства, которое бы соединило теорию, пропаганду и политико-институциональную практику в целях осуществления антинаталистской политики в таких масштабах, ставшей «предвестницей массового уничтожения»*. До недавнего времени феминистская историография ошибочно рассматривала национал-социалистическую политику по отношению к женщинам как «культ материнства» и поэтому серьезно не интересовалась ни размахом расистского антинатализма, ни женщинами, ставшими его жертвами.

Большинство стерилизаций совершалось на основании умственного или психического расстройства: реальные или предполагаемые случаи слабоумия, шизофрении, эпилепсии и маниакально-депрессивных нарушений. Закон о стерилизации не применялся исключительно к евреям, цыганам, неграм и другим «чуждым» расам, но они оставались его объектом (хотя Гитлер какое-то время считал, что чуждые расы не заслуживают «расового улучшения» с помощью стерилизации). Политика стерилизации была составной частью национал-социалистической расовой политики, на что часто указывали нацистские лидеры. «Очищаясь» от чуждых рас и народов, нацисты стремились одновременно «регенерировать» немецкую нацию путем дискриминации «низших» внутри собственного народа. Такая регенерация была необходима для создания «расы господ», которой еще не существовало, но которую нужно было «вывести». Существовало специальное постановление о стерилизации цыган и черных немцев как в рамках, так и вне рамок закона 1933 г. Считалось, что немецкие евреи особо подвержены шизофрении, а евреи Восточной Европы — слабоумию. Показателен пример с одной немецкой женщиной-еврейкой в Берлине. В 1941 г. она

* См.: *Robert Lay Lifton*. The Nazi Doctors. Medical Killing and the Psychology of Genocide. New York: Basic Books, 1986. P. 22. Преâыäущèе öèтаты nрèвеäены no èçäанèю: *Arthur Gütt*, *Ernst Rüdin* und *Falk Ruttke*. Gesetz zur Verhütung erbkranken Nachwuchses vom 14. Juli 1933. München, 1934. S. 60.

была стерилизована под предлогом шизофрении, о которой, по мнению судей, свидетельствовали «депрессия» и попытка к самоубийству. Ее душевное состояние, по всей видимости, было естественным; это произошло в тот год, когда количество самоубийств среди евреев драматически возросло, поскольку их, уже доведенных до крайней нищеты, заставили носить желтую звезду и начали депортировать в лагеря смерти. В марте 1942 г. евреев исключили из обычной узаконенной процедуры стерилизации. Но в некоторых лагерях по приказу Гиммлера испытывались, прежде всего на еврейских и цыганских женщинах, новые методы массовой стерилизации (через инъекцию в матку). После ожидаемой победы такие маточные инъекции планировалось применить для всех евгенически и этнически нежелательных женщин в Европе*.

Закон о стерилизации применялся по отношению к обоим полам, хотя первоначально некоторые эксперты хотели пощадить женщин, ибо их стерилизация предполагала серьезную операцию с сопутствующими рисками, что могло вызвать всеобщее сопротивление. Как оказалось, политика стерилизации на самом деле была далека от того, чтобы быть гендерно нейтральной. Хотя женщины начитывали только половину жертв стерилизации, они составляли 90% из тех нескольких тысяч, кто умер от нее — часто из-за того, что они пытались сопротивляться до последнего момента — и эти смерти иногда сравнивали с самопожертвованием мужчин, сражавшихся за свою родину на фронте. В более общем смысле политика стерилизации была официально провозглашена как «приоритетная задача государства в сфере жизни, брака и семьи», в которой «неполитическое» стало «политическим»**, — в сфере, особо касавшейся женщин и связанной с проблемами зачатия, рождения и кормления детей. Многие женщины, особенно молодые, пытались забеременеть до операции, и эта форма сопротивления стала важной настолько, что власти дали ей имя «протестная беременность» (Trotzschwangerschaften). Ей был поставлен предел в 1935 г., когда закон и стерилизации распространили и на аборт; абортам теперь могли подвергать по евгеническим причинам до шестого месяца беременности, и они дополнялись принудительной стерилизацией.

Среди «нежелательных» наиболее значительной и в количественном, и в стратегическом плане была группа «умственно отсталых».

---

* См.: *Gisela Bock.* Zwangssterilisation im Nationalsozialismus. Studien zur Rassenpolitik und Frauenpolitik. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1986. S. 351–362, 453–456; Theresia Seible. Aber ich wollte vorher noch ein Kind // Courage. N 6. Mai 1981. P. 21–24.

** *Arthur Gütt, Ernst Rüdin und Falk Ruttke.* Op. cit. S. 5, 176.

Они составляли почти 2/3 прошедших стерилизацию, и почти 2/3 из них были женщины. Этот дисбаланс объясняется двумя причинами: во-первых, женщин отбирали для стерилизации на основании того, что даже те из них, кто не имел активных гетеросексуальных связей, могли забеременеть против своей воли путем изнасилования; во-вторых, существовало гораздо больше показателей для определения «низшей природы» у женщин, чем у мужчин, в том числе оценивались их гетеросексуальное поведение, трудовая деятельность, порядок в доме и обращение с детьми. Мужчин тестировали главным образом, исходя из их поведения на работе. Например, одна женщина была направлена на стерилизацию из-за того, что «ее знания ограничиваются механически воспринятой информацией; она может приготовить различные блюда, такие как пудинг, хлебную похлебку или рисовый суп, но только так, как это обычно делают дома». Одна еврейская девушка из Восточной Европы, работавшая уборщицей в еврейском госпитале в Берлине, была приговорена к стерилизации как «умственно отсталая», потому что ее работа носила «механический характер»*.

Нацистская пропаганда стерилизации, и расизма в целом, была часто нацелена специально на женщин, потому что считалось, что они оказывали ей наибольшее сопротивление; это подтверждалось данными тайных донесений полиции. Специфически гендерная пропаганда свидетельствует, что нацистский образ женского пола был диаметрально противоположен тому, как его воспринимали прежние женские движения. Женщинам объясняли, что «возрождение», а не деторождение, ныне «стали целью государства». Женский «матернализм» был предметом расистской полемики и осуждался как «сентиментальный гуманитаризм», подобно христианской благотворительности и марксизму. Существовала «опасность, вызванная как раз матернализмом женщин, как и «женским инстинктом заботы обо всех, кто нуждается в помощи», ибо матернализм, «подобно всякой форме эгоизма, действует против расы». То, что «женщина в силу ее физических и психических черт» имеет «особую склонность ко всем живым существам», рассматривалось как «едва ли не самый большой грех против природы». В школьных учебниках для девочек только три страницы были посвящены прославлению германского материнства, а двенадцать – возможности стерилизации «чьего-то любимого ребенка» и запрету заключать браки с евреями, цыганами и другими народами с «низшей наследственностью». В 1935 г. антинаталистская политика пополнилась запретом на браки, ставшим еще одним

* Подробнее см.: *Gisela Bock*. Zwangssterilisation... S. 357, 412.

способом предотвращения нежелательного потомства. Сентябрьские Нюрнбергские законы запрещали немецким евреям, цыганам и неграм вступать в брак или иметь сексуальную связь с «чистокровными» немцами. Еврейским женщинам, как и мужчинам, угрожали тяжелые наказания в случае их нарушения*. Дополнительный закон октября 1935 г. запрещал браки между стерилизованными и нестерилизованными.

Национал-социалистическая политика стерилизации, названная также «предупреждением жизни, не имеющей ценности», явилась шагом на пути к «уничтожению жизни, не имеющей ценности» (эвтаназия, или «акция Т 4»). Этот шаг был предпринят в 1939 г., в результате чего около двухсот тысяч больных, престарелых или инвалидов, как мужчин, так и женщин, в большинстве случаев пациентов психиатрических клиник, были убиты, после того как их отобрали в качестве «неизлечимых». Пациенты-евреи были уничтожены поголовно без всякой селекции; таким образом, программа эвтаназии оказалась также первой фазой систематического истребления евреев. Программа «Т 4» впервые использовала специальный умерщвляющий газ. Источником политики уничтожения был национал-социалистического антинатализм. Во-первых, эта политика стала результатом сформировавшейся в предшествующие годы психологии, воспринимавшей стерилизацию не как личный и свободный выбор, но как «гуманную» альтернативу уничтожению ради «тела народа». Стерилизация как «искоренение без убийства»** служила политической субститутом «природы», которая путем «естественного отбора» (т.е. без вмешательства благотворительных организаций и медицины) препятствует выживанию «нежизнеспособным». Во-вторых, осуществление политики стерилизации уже сделало врачей и психиатров привычными к физическому вмешательству такого рода и к связанному с ним смертельному исходу, в основном в отношении женщин. В-третьих, первыми жертвами запланированного уничтожения (1939–1940 гг.) стали как раз те пять тысяч детей-инвалидов младше трех лет, чьих родителей чиновники, ответственные за аборты и стерилизацию, не смогли в свое время выявить. И, наконец, многие из активных участ-

---

* См.: *Lothar Gruchmann.* "Blutschutzgesetz" und Justiz // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Bd. 31. 1983. S. 418–442. Цитаты взяты из разных женских газет того времени, брошюр и школьных учебников и приводятся по изданию: Gisela Bock. Zwangssterilisation... S. 129–133; ср. : *Barbara Greven-Aschoff.* Die bürgerliche Frauenbewegung in Deutschland, 1894–1933. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1981. Ch. II–III.

** *Hans-Walter Schmuhl.* Rassenhygiene, Nationalsozialismus, Euthanasie. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1987. S. 40.

ников эвтаназии после 1939 г. и до этого поддерживали и осуществляли политику стерилизации; они сыграли важную роль в уничтожении евреев.

В конце 1941 г. камеры с газом Т 4 и мужская часть обслуживающего персонала были переведены из Германии в новопостроенные лагеря смерти на оккупированных восточных территориях, где их использовали для систематического и поставленного на индустриальную основу уничтожения миллионов евреев и цыган, как мужчин, так и женщин. Это перемещение явилось значимым в технологическом, психологическом и стратегическом плане. Оно также имело важное гендерное измерение, которое еще по-настоящему не исследовано. Сотни тысяч евреев были убиты, однако, до применения газа, в основном путем массовых расстрелов. Мужчины из СС, которые этим занимались, кажется, испытывали значительные «психологические трудности», особенно при расстрелах женщин и детей. Даже Генрих Гиммлер и Адольф Эйхман заболевали, наблюдая за их казнями. Газовую технологию ввели в 1941 г. не только как средство ускорения массового уничтожения, но также потому, что она предлагала «подходящий метод», «гуманную» альтернативу кровопролитию, позволявшую избавить эсэсовцев от сомнений, имевших преимущественно специфически гендерную природу*. Вот почему первые передвижные газовые фургоны (в России и Сербии) использовались главным образом для истребления женщин и детей, более же поздние источники обычно перечисляют их жертвы в следующем порядке – «мужчины, женщины и дети». Среди евреев, депортированных и убитых в ново организованных гетто в Польше, подавляющее большинство составляли женщины**. Когда в конце 1941 г. начали действовать стационарные газовые камеры в Аушвице, первыми, кого сразу по прибытии отобрали для уничтожения, были преимущественно женщины, особенно с детьми – «каждый еврейский ребенок автоматически означал смерть для его матери» – тогда как у мужчин оставался шанс быть оправленными на каторжные работы. Почти две трети немецких евреев, депортированных и убитых в лагерях смерти, и 56% цыган, посланных в газовые камеры Аушвица, со-

* См.: *Robert Lay Lifton.* Op. cit. P. 159 (см. также: P. 15, 147); Kommandant in Auschwitz. Autobiographische Aufzeichnungen des Rudolf Höss / Hrsg. von Martin Broszat. München: DTV, 1963. S. 127; *Raul Hilberg.* Op. cit. Vol. 1. P. 332–334.

** См.: *Joan Ringelheim.* Verschleppung, Tod und Überleben: Nationalsozialistische Ghetto-Politik gegen jüdische Frauen und Männer im besetzten Polen // Nach Osten: Verdeckte Spuren nationalsozialistischer Verbrechen / Hrsg. von Theresa Wobbe. Frankfurt: Neue Kritik, 1992. S. 135–160; см. также: Idem. Women and the Holocaust // Signs. N 10. 1985. P. 741–761; Nationalsozialistische Massentötungen durch Giftgas / Hrsg. von Eugen Kogon et al. Frankfurt: Fischer Verlag, 1986. S. 88, 91, 93-97, 105–108, 122, 131, 134, 158, 210–215.

ставляли женщины*; доля женщин среди миллионов убитых навсегда останется неизвестной. Недавнее исследование о нацистских врачах в лагерях смерти выявило, что эти мужчины-врачи, превратившиеся в убийц, могли действовать в основном благодаря мужской общности, беспробудному пьянству и вере в «универсальный нацистский идеал мужественности»**.

Ведущие эксперты по уничтожению никоим образом не были безразличными к гендерным аспектам геноцида, как объяснил Гиммлер в речи в 1943 г.: «Мы столкнулись с вопросом: как быть с женщинами и детьми? Я решил найти здесь ясное решение. Я не считал себя вправе уничтожать мужчин (позвольте нам сказать, убивая их или заставляя их убивать), позволив их детям вырасти в мстителей». Таким образом, еврейских женщин убивали именно как женщин, т.е. как матерей будущего поколения. Но Гиммлер пошел еще дальше, поместив проблему уничтожения женщин в центр своего собственного определения геноцида: «Когда я бывал вынужден где-нибудь, в какой-то деревне действовать против партизан и евреев-комиссаров... тогда я принципиально отдавал приказ убивать также их жен и детей... Поверьте мне, такой приказ было нелегко отдать и нелегко исполнить, как и логически осмыслить... Но мы должны всегда иметь в виду, что мы ведем расовую борьбу, первобытную, изначальную, естественную»***. В этом случае национал-социалистическая расовая борьба (Rassenfampf), возведенная в свою крайнюю форму, была определена как смертельная борьба мужчин в первую очередь против женщин и детей. Некоторые историки увидели в женской составляющей такого определения расовой борьбы особенность национал-социалистического геноцида еврейского народа****.

Среди активистов нацистской расовой политики женщины составляли меньшинство, и они являлись меньшинством среди немецких женщин, хотя и особенно жестоким и энергичными. Наибольшую активность среди них проявляли обычно незамужние и бездетные; они

---

* *Lucie Adelsberger.* Auschwitz. Ein Tatsachenbericht. Berlin, 1953. S. 126–128. См. также: *Jercy Ficowski.* Die Vernichtung // In Auschwitz vergast, bis heute verfolgt: Zur Situation der Roma (Zigeuner) in Deutschland und Europa / Hrsg. von Tilman Zülch. Reinbek: Rowohlt, 1979. S. 135–136.

** *Robert Jay Lifton.* Op. cit. P. 462; см. также: P. 193–196, 199, 231, 312–321, 443.

*** Heinrich Himmler: Geheimreden 1933–1945 und andere Ansprachen / Hrsg. von Bradley F. Smith und Agnes F. Peterson. Frankfurt; Berlin; Wien, 1974. S. 169–201.

**** *Eberhard Jäckel.* Die elende Praxis der Untersteller // “Historikerstreit”. Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung. *Мъnchen*: Piper, 1987. S. 118. Э. Нольте доказывает, что женщин не следует особо выделять в этом отношении, поскольку нх роль жертв расовой борьбы очевидна (Ibid. S. 229–230).

представляли все социальные слои, за исключением высшего; их участие в осуществлении расовой политики, как и в случае со многими мужчинами, было связано преимущественно с их работой или профессией. При том что политика стерилизации находилась под полным контролем мужчин, некоторое число женщин-социальных служащих и врачей помогало отбирать кандидатов. Сестры, работавшие в шести центрах эвтаназии, ассистировали врачам при селекции и убийствах. Некоторые женщины с университетским образованием проводили вместе со своими руководителями-мужчинами исследования о цыганах и готовили обоснование для их селекции и уничтожения; с этой целью они использовали свою женскую способность проникать в мир цыган и в их культуру. Надзирательницы женских концлагерей в основном имели низкое социальное происхождение и добровольно шли на это работу, которая позволяла им несколько подняться по социальной лестнице. Из всех активных участниц нацистского режима, они находились в наибольшей близости к эпицентру операций по уничтожению и несут за них ответственность; ошибочно полагать, что они «не играли никакой роли в деятельности нацистского государства»*. Кроме того, многие женщины работали рядом с мужчинами в разветвленной системе органов, занимавшихся геноцидом, тщательно регистрируя в рамках государственных и партийных организаций процесс определения, отбора, экспроприации и депортации евреев. Национал-социалистический расизм был не только институциализирован как государственная политика, но также и профессионализирован.

Некоторые историки считают, что немецкие женщины разделяют вину и ответственность за зло нацизма, поскольку они стремились оставаться лишь матерями и женами; это мнение долгое время являлось общим местом и основывалось на ошибочном предположении, что «среди преследуемых и арестованных подавляющее большинство составляли мужчины»**. Однако образ женщины как матери и супруги никогда не находился в фокусе нацистских представлений о женском поле и не

---

* *Claudia Koonz*. Mothers in the Fatherland: Women, the Family, and the Nazi Politics. New York: St. Martin's Press, 1987. P. 405. О связи карьерной и профессиональной стратегии женщин с их участием в осуществлении расовой политики см.: *Reimar Gilsenbach*. Wie Lolitschai zur Doktorwürde kam // Feinderklärung und Prävention / Hrsg. von Wolfgang Ayass et al. Berlin: Rotbuch Verlag, 1988. S. 101–134; статью Г. Фреаленаера (см.: Women Surviving the Holocaust / Ed. Esther Katz und Joan M. Ringelheim. New York: Institute for Research in History, 1983. P. 115–116); *Gisela Bock*. Zwangssterilisation... S. 208; Gudrun Schwartz. Verdrängte Täterinnen: Frauen im Apparat der SS (1939–1945) // *Nach Osten*... S. 197–227.

** Reinhard Kühnl. Der deutsche Faschismus in der neuerer Forschung // Neue Politische Literatur. Bd. 28. 1983. S. 71. См. также: *Claudia Koonz*. Op. cit. Ch. I and XI.

был субстанциональной чертой национал-социализма. С самого своего зарождения национал-социализм во многих отношениях отказался от этого образа, прежде всего в сфере расовой политики; именно эта политика, находившаяся в сердцевине национал-социализма, определила его новизну и специфику. Женщины, которые участвовали в ее реализации и были за нее ответственны, редко являлись матерями и не вели себя как матери или супруги; они скорее подчинились мужской стратегии в тех профессиональных сферах деятельности, которые были связаны с проведением расовой политики.

Женская занятость

Национал-социалистический режим не исключал женщин из сферы занятости. Хотя на это часто указывалось, начиная с 1930-х гг., сохраняется миф о массовых принудительных увольнениях в целях поддержки материнства*. В действительности число официально зарегистрированных работающих женщин выросло с 11, 5 млн. в 1933 г., т.е. 36% всех занятых и 48% всех женщин в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет, до 12, 8 млн. в 1939 г. (в границах Германии 1937 г., а если учесть аннексированные территории, то до 14, 6 млн.), соответственно 37% и 50%. В 1944 г. работало 14, 9 млн. немецких женщин (учитывая Австрию), составлявших 53% гражданской рабочей силы Германии и включавших более половины всех немецких женщин в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет. Переход от слабой занятости к полной, а позже к нехватке рабочей силы, прежде всего вследствие расширения военной индустрии, привели к увеличению числа работающих женщин в промышленности на 28,5% между 1933 г. (1, 2 млн.) и 1936 г. (1, 55 млн.) и еще на 19,2% в следующие два года. В сфере занятости увеличилось число не только одиноких женщин, но и замужних женщин и матерей. Между Веймарским периодом и 1939 г. количество работающих замужних женщин и их доля в массе всех занятых

---

* См.: *Claudia Koonz.* Op. cit. P. 149–150. По поводу приведенных ниже цифр см.: *Rüdiger Hachtmann.* Industriearbeiterinnen in der deutschen Kriegswirtschaft, 1936–1945 // Geschichte und gesellschaft. Bd. 19. 1993. N 3; Ulrich Herbert. Fremdarbeiter. Bonn: Dietz, 1985; *Clifford Kirkpatrick.* Woman in Nazi Germany. London: Jarrolds, 1939. Ch. 7; *Ingrid Schupetta.* Frauen- und Ausländererwerbstätigkeit in Deutschland von 1939 bis 1945. Köln: Pahl-Rugenstein, 1983. S. 63; Dörte Winkler. Frauenarbeit im "Dritten Reich". Hamburg: Hoffmann und Campe, 1977. Ch. 2–3 und S. 198; Stefan Bajohr. Die Hälfte der Fabrik. Marburg: Verlag Arbeiterpolitik, 1979. Ch. 2.

женщин резко возросло (31% в 1925 г., 37% в 1933 г. и 45% в 1939 г.), а в промышленности почти удвоилось (21,4% в 1925 г., 28,2% в 1933 г. и 41,3% в 1939 г.). В 1939 г. более 24% всех работающих женщин имели детей, и замужние среди них составляли 51% от всех занятых женщин. Как это часто случалось, неизвестное, но значительное число женщин имело оплачиваемую работу без официальной регистрации.

Во время Второй мировой войны около двух с половиной миллионов женщин из других стран было отправлено на работу в немецкую промышленность и сельское хозяйство вместе с еще большим числом мужчин; в основном они прибывали из Восточной Европы и трудились принудительно. Чем ниже была «расовая ценность» национальной группы — самая низкая у русских, за которыми следовали поляки, — тем выше был в ней процент работающих женщин, особенно в тяжелой военной промышленности. В 1944 г., когда почти два миллиона иностранок работало в Германии, 51% русских и 34% польских гражданских рабочих составляли женщины (еще выше в военной промышленности); в совокупности их доля достигала 85% всех работающих женщин из-за рубежа. К этому времени в промышленности трудилось 23% женщин-иностранок; остальные работали в сельском хозяйстве и в качестве прислуги.

Рост женской занятости с конца XIX в., особенно в промышленности, не прекратился и в нацистский период, и неравенство в оплате мужского и женского труда в общем сохранялось, если не считать некоторых важных секторов, где зарплата женщин поднялась до уровня мужской. Значительная доля женской рабочей силы была сосредоточена в «несовременных» секторах (в 1939 г. 35% работали в сельском хозяйстве и 10% в качестве домашней прислуги), но общие цифры показывают высокий уровень женской занятости по сравнению с другими странами. Даже политика исключения женщин из университетов и многих профессий, которая осуществлялась между 1933 г. и 1935 г. (хотя в действительности на положение женщин в сфере образования гораздо больше повлиял экономический кризис и рынок труда), была вскоре прекращена; единственным реальным и долговременным результатом этой политики стало неотступное выдавливание из этой сферы евреев — и мужчин, и женщин*. Такие факты, думается, требуют объяснения, прежде всего потому, что они диссонируют с тем, что обычно считается официальным нацистским идеалом женщины как матери и ядра семьи; они также противоречат постоянным нацистским

* См.: *Claudia Huerkamp*. Op. cit.; *Jacques Pauwels*. Women, Nazis, and Universities: Female University Students in the Third Reich, 1933–1945. Westport (Conn.): Greenwood Press, 1984; *Jill McIntyre*. Women and the Professions in Germany, 1930–1940 // German Democracy and the Triumph of Hitler / Eds. Anthony Nicholls and Erich Matthias. London, 1971.

выступлениям в период высокой безработицы 1930–1934 гг. против «получателей двойной зарплаты» (мужчин, имевших, помимо основной, еще и незаконную дополнительную работу, и женщин «на содержании» у одного из членов семьи, обычно мужчины).

Одно из объяснений состоит в том, что процесс экономической модернизации оказался слишком глубоким, чтобы режим мог его остановить или повернуть вспять, поэтому нацистам пришлось приспособиться к нему, надеясь на лучшее будущее без женского труда. Это объяснение предполагает, и совершенно справедливо, что культ материнства был далек от того, чтобы быть приоритетной задачей нацистской политики в целом и нацистской гендерной политики в частности. Другое объяснение заключается в том, что процесс «эмансипации» немецких женщин через вовлечение в трудовую деятельность продолжился и после 1933 г. Оно строится на предположении, что занятость являлась главной целью для женщин. Но многие источники показывают, что до и еще больше во время войны большинство женщин работало не ради эмансипации и самореализации, но исключительно по экономическим причинам. Действительно, во время войны некоторые работающие женщины выражали резкое недовольство «госпожами», которые могли позволить себе не трудиться на военных предприятиях, игнорируя официальную пропаганду, с 1939 г. призывавшую женщин работать на войну, и уклоняясь от трудовой повинности для женщин, введенной в 1943 г*. На самом деле, женщины из низших слоев населения пытались оставить работу, как только их материальное положение давало им такую возможность, особенно после 1939 г., и в то же время ни одной женщине, искавшей работу, не было в ней отказано ни в конце 1930-х гг., ни на протяжении всей войны. Третье объяснение акцентирует внимание на эволюции от идеологического культа материнства к осознанию потребности в женской рабочей силе, будь то в ранний период существования режима (1933 г.), или в эпоху полной занятости (1936 г.) или в начале войны. Эта теория, однако, требует полной реконструкции нацистской концепции женского пола, которая редко становилась предметом глубокого исследования.

Во время избирательной кампании 1932 г. нацисты начали заботиться о привлечении голосов женщин. Поэтому они приложили массу усилий, чтобы опровергнуть утверждения своих противников, что нацистский режим лишит женщин работы, и все это в контексте пропагандистской стратегии, обещавшей все всем, даже группам с проти-

* См.: *Leila J.* Rupp. “I Don’t Call That Volksgemeinschaft”: Women, Class and War in Nazi Germany // Women, War, and Revolution / Eds. Carol R. Berkin and Clara M. Lovett. New York; London, 1980. P. 37–53; Dörte Winkler. Op. cit. S. 110–114.

воположными интересами. Одним из их обещаний стало сохранение уровня занятости женщин, особенно одиноких или не имеющих поддержки, и освобождение их от необходимости трудиться (при условии, если они делают это не по желанию, а по экономическим причинам) путем предоставления работы их мужьям. Именно во время выборов 1932 г. поддержка, оказанная женщинами нацистской партии, по-видимому значительно возросла (хотя точные цифры имеются лишь для небольшой и нерепрезентативной части женского электората), что почти ликвидировало прежний четкий гендерный разрыв — гораздо меньше женщин, чем мужчин, голосовало за крайне правых и крайне левых — и число женских голосов приблизилось к числу мужских (за исключением католических областей). Неизвестны специфические мотивы такого электорального поведения (в отличие от лучше известных мотивов, побудивших 56386 женщин вступить в партию до захвата ею власти). Эти мотивы могли, а могли и не быть теми же, что и у мужчин; они, возможно, являлись гендерно нейтральными; или же на них могла повлиять восприимчивость к нацистскому культу матери, который чаще всего критиковали антинацистские партии; они, возможно, были также результатом нацистских заверений в поддержке женской занятости*. Реальное экономическое развитие после 1933 г. в целом подтвердило эти заверения, за исключением того, что матери, в первую очередь из рабочего класса, продолжали работать по экономической необходимости.

Заявления нацистов по поводу женской занятости не отличались единодушием. Но кампания против «получателей двойной зарплаты» поддерживалась и нацистами, и ненацистами, и мужчинами, и женщинами, и она имела место во всех странах, переживавших экономический кризис, особенно в США. Здесь, как и в Германии, она угасла с отступлением безработицы, и в этих двух странах продолжал распространяться даже труд матерей, вызывавший всеобщее осуждение. В обеих странах кампании против тех, кто получал поддержку от другого члена семья, способствовала популярная моралистическая точка зрения, согласно которой индивидуальное «право на труд» в ситуации ограниченного спроса на занятость, было ничем иным, как проявлением той же самой неуправляемой рыночной стихии, которая привела к экономической катастрофе. Рабочие места следует распределять не

* См.: *Helen L. Boak*. “Our Last Hope”: Women’s Votes for Hitler — A Reappraisal // German Studies Review. Vol. 12. 1989. P. 289–310; Jill Stephenson. The Nazi Organisation of Women. London: Croom Helm, 1981. P. 72; Wahlen und Abstimmungen in der Weimarer Republik / Hrsg. von Jürgen Falter et al. München: Beck, 1986. S. 81–85; Thomas Childers. The Nazi Voter: The Social Foundations of Fascist Germany, 1919–1933. Chapel Hill, 1983. P. 239–243.

в зависимости от абстрактного индивидуального «права», но исходя из необходимости при уважении к семейным узам*.

Национал-социализм, как мы уже увидели, был далек от признания материнства единственной задачей всех женщин. Подобным образом, в плане занятости материнство никоим образом не рассматривалось как препятствие для нее, по крайней мере не в большей степени, чем до 1933 г. или по сравнению с большинством других западных стран. Одно исследование, в котором был проведен систематический анализ нацистской концепции женщин до и во время войны в сравнении с общественными представлениями о женщинах в США, показывает, что нацистская концепция не была целостной, но являлась синтезом многих различных идей. Она была далека от традиционного викторианского культа истинной женственности и не сводилась только к теории «биологической» роли женщин, и хотя нацистские идеологи, не колеблясь, приветствовали перспективу того, что женщины останутся дом, они в то же время с самого начала признавали, что эта мечта была неосуществимой. В реальном мире идеальная нацистская женщина служила государству, независимо от того, имела ли она работу или оставалась в семье, в мирное время или в период войны. Прежняя метафора «духовного материнства», отсылающая к идее «женского» труда вне дома, отныне расширилась до обозначения любой формы тяжелого труда, даже на заводах и фермах, на благо «народа». В отличие от этого, общественные представления о женщинах в США в 1930-х гг. в гораздо большей степени сводились к стереотипу «занятие — домашняя хозяйка». Когда американская пропаганда пыталась с 1941 г. убедить женщин взяться за работу для дела войны, ей пришлось разрушить гораздо более укоренившийся, чем его германский аналог, традиционный образ женщины. В Германии лозунг «место женщины — в семье» относился не только к частному дому и к семье, но к «дому», которым являлась вся Германия в целом, как в мирное, так и в военное время**.

В значительной степени нацистская политика по отношению к женщинам стремилась побудить их работать как во имя своей семьи, так и для рынка или войны. Тогда как в США и других странах идея яслей пока еще, как правило, отвергалась, в Германии они организовывались в большом количестве и до, и во время войны, чтобы помочь женщинам справиться с их двойным бременем. Но только в 1942 г., десять лет спустя после своего рождения, нацистский режим значительно улуч-

* См.: *Alice Kessler-Harris*. Gender Ideology in Historical Reconstruction: A Case Study from the 1930s // Gender and History. Vol. 1. 1989. P. 31–49; *Leila J. Rupp*. Mobilizing Women for the War: German and American Propaganda, 1939–1945. Princeton: Princeton University Press, 1978. P. 39–40.

** См.: *Leila J. Rupp*. Mobilizing Women... P. 14, 42–48, 51, 71, 126–127, 132–136.

шил закон 1927 г. о защите работающих беременных женщин и молодых матерей, вновь с целью убедить их совмещать труд и материнство. Впервые закон 1942 г. вменял в обязанность государства организацию яслей. Декретный отпуск до и после родов продолжал составлять двенадцать недель и оплачивался в размерах полной заработной платы; рабочее место сохранялось за женщиной во время беременности и в течение четырех месяцев после родов. Однако, пособие по материнству полагалось только работающим матерям. Когда в 1942 г. Роберт Лей, руководитель Немецкого Трудового Фронта (нацистского суррогата профсоюзов), предложил распространить пособие на неработающих матерей, особенно на матерей из рабочего класса, занимающихся тяжелым трудом, Гитлер отверг это предложение на том основании, что государственные средства предназначены для решения «трудных задач» в последующие годы, имея в виду расходы на уничтожение военной живой силы и гражданского населения*.

Закон о защите материнства лишал пособия всех еврейских женщин и «расово низших» иностранных женщин, прежде всего из России и Польши, работавших в Германии. Характерно, что нет никаких статистических данных о числе беременных или матерей среди них. В первые годы войны польки отсылались на восток , если они оказывались беременными, и, кажется, многие из них совершенно сознательно воспользовались этим преимуществом, чтобы освободиться от принудительного труда. Но с 1941 г. польских и русских женщин, несмотря на беременность, оставляли в Германии. Их убеждали и часто принуждали делать аборты, а их детей нередко отнимали у них. Все это явилось результатом сложной игры взаимоотношений между гиммлеровскими экспертами по расовой проблеме, трудовыми службами, работодателями и врачами. Русских женщин специально отправляли на работы, которые могли спровоцировать выкидыш. Таким образом, труд стал орудием антинаталистской политики. Планы завоевания восточных территорий (особенно генеральный план «Ост») включал большое количество тщательно разработанных, добровольных или принудительных, методов, предназначенных для сокращения рождаемости у местного населения, которые применялись почти исключительно к матерям или потенциальным матерям. Тогда как в начальные годы нацистского режима объектом широкомасштабного антинатализма было меньшинство, после победы нацизма его жертвой суждено было стать большинству**.

---

* См.: *Gisela Bock.* Zwangssterilisation... S. 174–175.

** См.: *Ulrich Herbert.* Fremdarbeiter. Ch. VI–IX; см. также: *Idem.* Arbeiterschaft im “Dritten Reich” // Geschichte und Gesellschaft. Bd. 15. 1989. N 3. S. 320–360; *Gisela Bock.* Zwangssterilisation... S. 440–451.

Семейная политика, социальные реформы и национал-социалистическая система социального обеспечения

С момента своего возникновения и особенно во время избирательных кампаний начала 1930-х гг. национал-социализм выступал за возрождение и стабилизацию семьи, обещая полную занятость (по крайней мере, для мужчин-кормильцев) и всеобщую систему социальной защиты. Эти обещания звучали на фоне экономического кризиса, массового обнищания, развала семейной жизни и крайне высокого числа абортов, вызванных главным образом эпидемиями и нищетой. Они выражались в терминах национального и расового возрождения, в том числе в призывах к повышению рождаемости у «чистокровных немцев». Пропаганда и вытекающая из нее политическая практика включали элементы политики социальной защиты, семейной политики, пронаталистской политики и гендерной политики. Они осуществлялись с различной степенью интенсивности и эффективности, различными средствами и с различными результатами.

Нацистские призывы к возрождению семьи были обращены как к мужчинам, так и к женщинам. «Кампания по демографической политике», проводившаяся министром пропаганды Геббельсом в 1933–1934 гг., попыталась популяризировать одновременно и политику стерилизации, и идею, что «наш показатель рождаемости должен возрасти» и что «мать будет иметь, как и в древнегерманские времена, достойное место в общественной жизни и в семье». Министр внутренних дел выступил с осуждением свободных абортов (в речи 1933 г.) и подчеркнул, что «отношение к неродившейся жизни зависит не только от идеологии немецкой женщины и матери, но также от идеологии ее мужа, которого следует убедить, что его долг – создание семьи». Действительно, планировалось издать суровый закон против абортов, который пошел бы дальше параграфа 218 прежнего уголовного кодекса и основывался на идее, что аборт несет угрозу государству и расе. Но этот план оказался одним из тех, которые отложили из-за более важных проблем. После широкого обсуждения в правительстве власти высказались против такого закона; вместо этого закон 1935 г. разрешил аборты по медицинским и евгеническим основаниям (по решению врачей). В период нацистского режима было сделано около тридцати тысяч евгенических абортов, многие из них – принудительно, и все они сопровождались насильственной стерилизацией. Но оказалось, что количество нелегальных абортов, которые вызывали огромную озабоченность

властей, лишь немного сократилось по отношению к последним годам Веймарской эпохи. В 1933–1942 гг. число приговоров за незаконные аборты снизилось, по сравнению с 1923–1932 гг., на одну шестую (39902 осужденных, 70% которых составляли женщины). Хотя кажется, что на практике политика по отношению к не принудительным абортам существенно не менялась в течение всего нацистского периода по сравнению с предшествующими и последующими годами. Лишь в 1943 г. ввели смертную казнь для тех, кто совершает такие операции (но не для самих женщин), которые «постоянно вредят жизни немецкого народа»; очевидно, он применялся только к врачам из Восточной Европы, которые делали аборты немецким женщинам*.

Одним из репрессивных средств, призванных возродить семью, стала яростная кампания, развязанная против уличных проституток (Гитлер уже назвал их символами «евреизации» и «маммонификации» нашей эмоциональной жизни»). Ссылаясь на закон о «защите народа и государства» от 28 февраля 1933 г. (законодательная основа для рождающейся диктатуры), криминальная полиция арестовала сотни тысяч проституток. Но начиная с 1939 г. проституция стала поощряться: правда не в свободном варианте, а в борделях, предназначенных для военных, в концлагерях для некоторых привилегированных заключенных мужчин-рабочих (большинство женщин привозилось из других концлагерей) и в трудовых лагерях для иностранных мужчин-рабочих, которым предоставляли женщин той же национальности**.

Чтобы способствовать стабилизации семьи, репрессивные методы были дополнены позитивными шагами. Правительство ввело новые меры государственной социальной помощи для поддержки тех, кто хотел иметь детей, в надежде (которую в то время разделяли в других странах), что экономическая поддержка поможет им сделать этот выбор. С этой целью были осуществлены три главных социальных реформы. В 1933 г. учредили брачные ссуды для мужей, чьи жены оставляли работу после вступления в брак (но с 1936 г. , после достижения полной занятости, замужним женщинам позволяли и даже заставляли сохра-

---

* Министр пропаганды Й. Геббельс и министр внутренних дел В. Фрик цитируются по: *Gisela Bock*. Zwangssterilisation... S. 120, 153; см. также: *Claudia Rupp*. Mobilizing Women... P. 32–33. Статистика приговоров по делам об абортах взята из «Статистического ежегодника Германской империи» (Statistisches Jahrbuch fьr das Deutsche Reich. Bd. 45–59); см.: *Gisela Bock*. Op. cit. S. 160–163, 388. Согласно данным современных австрийских исследователей, некоторое число смертных приговоров было приведено в исполнение и в аннексированной Австрии.

** См.: *Gisela Bock*. “Keine Arbeitskräfte in diesem Sinne”: Prostituierte im Nazi-Staat // Wir sind Frauen wie andere auch / Hrsg. von Pieke Biermann. Reinbeck: Rowohlt, 1980. S. 70–106.

нять свою работу); эта ссуда давалась под низкий процент, который снижался на 1/4 за рождение каждого ребенка, т.е. после рождения четвертого она аннулировалась. Одной из главных целей реформы было снизить брачный возраст мужчин и тем самым уменьшить их потребность в проституции. Во-вторых, глава семьи получал налоговые скидки на доходы и на наследство при наличии жены и детей. Эти скидки были введены в 1934 г. и их размеры возросли в 1939 г. вместе с увеличением налога на бездетных. В-третьих, в 1936 г. было учреждено ежемесячное детское пособие, выплачивавшееся государством после рождения пятого ребенка; через два года родители получили право на субсидию уже после появления третьего ребенка. Такие меры не были исключительно немецкими; брачные пособия в 1930-х гг. были введены в Италии, Швеции, Франции и Испании, и подобные меры в сфере налогов и государственных детских пособий осуществлялись большинством европейских стран в 1930-х и 1940-х гг*

Тем не менее немецкая государственная политика оставалась во многих отношениях уникальной. Речь идет не столько о том, что государство не могло покрыть расходов на беременность и воспитание детей (они не должны «были превратиться в доходный бизнес»), хотя во многих других странах детские пособия выплачивались, начиная с рождения первого или второго ребенка. В нацистской Германии рождение детей рассматривалось как общественное дело, но соответствующие расходы оставались частной проблемой (в отличие от непомерных трат государства для предупреждения родов). Более специфической чертой стало то, что все семейные пособия выплачивались не женам и матерям, а мужьям и отцам. По словам одного нацистского министра, «отцовство есть понятие, происходящее из извечного закона природы», и «понятие «отец» —однозначно и должно находиться в центре финансовых мер». Цель субсидий заключалась не в повышении статуса матерей по отношению к отцам, но, как подчеркивал министр финансов, в повышении статуса отцов по отношению к холостякам. Отцовство воспринималось как «естественное» и поэтому заслуживало социальной награды, особенно через значительные налоговые льготы; одинокие матери получали пособие на детей, если только их отцы были известны и признаны властями. Но самой важной и самой характерной чертой стало то, что ни одна из этих мер не имела всеобщего применения: из сферы их действия были исключены родители или дети, считавшиеся

* См.: *David Victor Glass*. Population Policies and Movements in Europe. London, 1940 (repr.: London, 1967); Maternity and Gender Policies: Women and the Rise of the European Welfare States, 1880s–1950s / Eds. Gisela Bock and Pat Thane. London: Routledge, 1991.

евгенически или этически «ущербными»*. На самом деле, детских пособий пришлось ждать до того, как были разработаны критерии желательных детей и принято соответствующее законодательство: закон о стерилизации 1933 г., Нюрнбергские законы 1935 г. и закон 1935 г. о запрете второго брака. Ведомство по брачным ссудам стало главным органом для определения кандидатов на стерилизацию**. В широком контексте нацистского расизма эти меры семейной поддержки были по сути дела элементом не политики помощи семье, но демографической политики в строгом смысле слова: никакой помощи «нежелательным» и поддержка «наследственно здоровой немецкой семьи».

В то время как национал-социалистическое государство концентрировало усилия на поддержке отцов, национал-социалистическая партия предлагала некоторые льготы также и матерям; но и государство, и партия исключали «низших» обоих полов. Немецкий Трудовой Фронт, филиал партии, и отдельные работодатели оказывали определенную поддержку работающим матерям. Партийная благотворительная организация — «Национал-социалистическое Народное Общественное Вспомоществование» (Nationalsozialistische Volkswohlfahrt) — имело в своем составе отдел «матери и ребенка». Его глава Эрих Хильгенфельдт утверждал, что хорошая мать служит своим детям из любви, а не из-за денег; «как только она начинает требовать вознаграждения за свои усилия, она перестает быть хорошей матерью». «Народное Общественное Вспомоществование» предлагало скромную помощь «полноценным» многодетным матерям, беременным женщинам и вдовам, разведенным и незамужним матерям; эта организация помогала им найти работу, создавала детские сады, обеспечивала проведение каникул вне дома и покрывала расходы на роды и кормление. Ее деятельность финансировалась не из государственной казны, а за счет членских взносов (они были значительны, ибо в этой организации состояло около пятнадцати миллионов членов, поскольку многие немцы предпочитали вступать в ориентированное на благотворительность «Народное Общественное Вспомоществование», чем в партию), сборов и других денежных поступлений***. Поскольку поддержка материнства «Народным Общественным Вспомоществованием» фокусировалась на «полноценных» из бедных слоев, Гиммлер в 1936 г. создал другую организацию — «Лебенсборн» — для помощи матерям, имевшим детей от мужчин, которые считались принадлежавшими к расовой элите, в большинстве своем эсэсовцев, чтобы таким образом удержать их от

* См.: *Gisela Bock.* Zwangssterilisation... S. 169–177.

** См.: Gabriele Czarnowsky. Das kontrollierte Paar. Berlin, 1991.

*** См.: *Jill Stephenson.* The Nazi Organisation... P. 156–172. Э. **Хильгенфельдт** цитируется по: *Gisela Bock.* Zwangssterilisation... S. 174.

абортов. «Лебенсборн» не являлся ни институтом, предназначенным для принудительного производства потомства, ни эсэсовским борделем. Эта организация создала прекрасно оснащенные родильные дома (семь в Германии, позже шесть в Норвегии, один в Бельгии и один во Франции). В Германии около двух тысяч женщин родили в таких домах, начиная с 1936 г. (добавим шесть тысяч женщин в оккупированной Норвегии во время войны), и две трети из них были одинокими матерями. Прежде чем быть принятыми в подобный родильный дом, женщины и их отцы проходили этническую и евгеническую экспертизу. С 1939 г. эти родильные дома в Германии использовались для приема «полноценных» детей из оккупированных территорий на Востоке, которых похитили или чьи родители были убиты*.

Большая часть матерей не получала существенной помощи, и их чтили только на словах. Лига Многодетных Семей, созданная первоначально в ходе революции 1918–1919 гг. и боровшаяся за предоставление социальных льгот многодетным и бедным семьям, была в 1935 г. инкорпорирована в Бюро расовой политики нацистской партии; отныне она могла только пропагандировать расовую политику нацистов, но не располагала средствами для поддержки бедных семей. Она рассматривалась как элитарная организация «арийцев со здоровой наследственностью и упорядоченными семьями», и руководитель Бюро утверждал, что «мы отказались от оценки по простым количественным критериям и теперь проводим четкое разделение между теми многодетными семьями, которые являются благом для себя и своего народа, и остальными многодетными асоциальными семьями, которые представляют собой тяжкое бремя для жизни нации»**. В 1937 г. двести членов Лиги (в основном мужчин) получили «почетные карточки», дававшие им право на специальные семейные пособия. В 1939 г. была учреждена почетная награда для матерей, имевших четырех и более детей, — медаль «Материнский Крест» (без денежного вознаграждения); ограничительные критерии для ее получения были менее жесткими, чем для тех наград, которые были связаны с материальными выплатами, и поэтому к 1944 г. такие медали имело уже пять миллионов матерей.

Результаты пронаталистской пропаганды и мер по социальной помощи, предназначенных для того, чтобы способствовать повышению рождаемости, были скромными. Процент рождаемости, один из самых низких в мире в 1933 г., увеличился на одну треть к 1936 г. (от 14,7 до 19 на тысячу; чистый процент рождаемости вырос с 0,7 до 0,9),

* См.: *Georg Lilienthal.* Der “Lebensborn e. V”.. Stuttgart: Gustav Fischer Verlag, 1985.

** Walter Gross. Unsere Arbeit gilt der deutschen Familie // Nationalsozialistische Monatshefte. Bd. 9. 1939. S. 103–104.

достигнув уровня конца 1920-х гг.; затем он почти не менялся и вновь упал во время Второй мировой войны. Этот рост в основном был обязан тем парам, которые из-за экономического спада не могли вступить в брак и иметь детей, хотя и хотели, и которые нагнали упущенное, когда ситуация с занятостью улучшилась. Только четверть лиц, вступивших в брак, попросили семейное пособие. Речь шла, главным образом, о супружеских парах, которые желали детей, мать которых в любом случае прекратила бы работу после замужества, и о тех, кто не боялся, что во время обязательного медицинского обследования найдут какой-нибудь изъян, который приведет к стерилизации. Семьи, получавшие ссуду, в большинстве случаев пользовались сокращением процента только после рождения их первого ребенка, даже если они затем имели и других детей, поскольку предпочитали выплатить весь долг сразу. Семейные пособия не привели к увеличению числа рождений. Процент замужних женщин с четырьмя и более детьми (число, которое нацистские демографы установили как соответствующее «долгу» «полноценных» женщин) упал с 25% в 1933 г. до 21% в 1939 г. 31% пар, возникших в 1933 г., не имел детей в 1938 г*. Те, которые поженились после 1933 г, сократили число детей до одного, двух или трех; как и в других индустриальных странах, демографическая тенденция осталась, таким образом, неизменной после прихода нацистов к власти. Поведение двух особых групп населения прекрасно иллюстрирует границы и специфику пронаталистской политики нацистов. Отношение функционеров партии, точнее «чистокровных» немцев, близких к национал-социализму и особенно вовлеченных в эту политику, свидетельствует, что если они и были убеждены в несомненном благе ее пронаталистских целей, то только касательно других, а не их самих. Нацистские демографы сожалели, что среди функционеров партии, вступивших в брак между 1933–1937 гг., у 18% не было детей в 1939 г., у 42% был только один, а у 29% – лишь двое. Среди эсэсовцев в 1942 г. было 61% холостяков; а женатые в среднем имели каждый по 1–1,1 ребенка, почти как и врачи – профессия, самая распространенная среди членов партии и эсэсовцев. Очевидно, что приверженность национал-социализму членов элиты и число их детей находились в обратно пропорциональной зависимости. С другой стороны, существовала группа, у представителей которой число детей превышало средние показатели: это были семьи, которым отказывали в брачных ссудах и в семейных пособиях из-за «плохого» поведения и которых зачисляли в категорию «многодетных асоциальных семей». Нацистские демографы нередко

* Эти и приводимые ниже демографические данные содержатся в книге: *Gisela Bock*. Zwangssterilisation... S. 143–144, 151–152, 156–157, 168.

сожалели, что половина семей, имевших число детей выше среднего уровня, принадлежало к категории «нежелательных»*.

Во время Второй мировой войны, когда средний показатель рождаемости понижался, было два пика бэби-бума, которые тогда стали предметом многочисленных комментариев. В 1939 г. запретили профессионально активным женщинам, особенно из рабочего класса, добровольно уходить с работы, за исключением случаев беременности, так как военная промышленность испытывала в них насущную потребность. В 1943 г. беременные женщины и молодые матери были исключены из списков лиц, подлежащих трудовой повинности. В этих двух случаях многие немецкие женщины делали выбор скорее в пользу материнства, чем в пользу войны (между 1939 г. и 1941 г. число работающих женщин снизилось до полумиллиона, но затем вновь возросло до восьмисот тысяч в 1944 г.). Очевидно, что личная стратегия женщин, рожавших детей, чтобы избежать работы на войну, шла вразрез с политической стратегией в отношении «низших» женщин Восточной Европы: заставлять их тяжело трудиться, чтобы они не могли иметь потомства.

Нацистская пропаганда в пользу возрождения семьи и «роли матерей в общественной жизни и в семье» разочаровала многих немецких женщин, в том числе тех (и их было немало), которые голосовали за национал-социалистическую партию в 1932 г., может быть, надеясь – как это произошло с женщинами и в других странах, – что политика в пользу рождаемости была средством улучшения статуса матерей и женщин. Она разочаровала как мужчин, так и женщин, которые не приняли всерьез другие цели, заявленные нацистской пропагандой, а именно касающие расовой политики. Будь то в пропаганде или в политической практике, антинатализм одержал верх над пронатализмом; меры социальной помощи сконцентрировались на помощи отцовству, женщины же оставались объектом благотворительной деятельности партии и организаций, призванных поддержать элиту. Мероприятия в пользу семьи и детей не распространялись на евгенически и этнически «низшие» категории. Вектором демографической нацистской политики (демонстрирующим ее явные противоречия и колебания) был не «пронатализм и культ матери», но антинатализм, культ отцовства и культ вирильности.

Что касается «полноценного населения», то нацистская политика семьи не способствовала росту рождаемости, хотя, по крайней мере до войны, и породила веру в способность режима преодолеть экономический кризис. В то время как политики надеялись, что социальные акции

---

* *Wolfgang Knorr.* Praktische Rassenpolitik // Volk und Rasse. Bd. 13. 1938. S. 69–73; *Friedrich Burgdyrfer.* Geburtenschwund. Heidelberg, 1942. S. 157–184.

в пользу детей увеличат их численность, многие мужчины и женщины воспринимали их только как реформу, призванную компенсировать их низкие доходы и помочь им выжить с тем количеством детей, какое они желали иметь. Хотя политика стерилизации была далеко не популярной, мало людей беспокоилось о ее жертвах или же о тех, кто был исключен из системы социальной поддержки «немецких и генетически здоровых» семей. Сама по себе помощь семье не свойственна национал-социализму, тем более она не является составляющей нацистского расизма. Она вписывалась в более широкий процесс движения к современному «государству всеобщего благоденствия». Но национал-социализм связывал ее с расистской политикой в той мере, в какой он исключал из сферы помощи «низших людей». В этом смысле нацистская политика «возрождения» расы была не политикой поддержки семьи и уважения к материнству, но политикой, сущность которой была направлена на разрушение традиционных семейных ценностей.

И другие аспекты нацистской демографической политики шли вразрез с традиционной семейной жизнью. Например, в 1938 г. новый закон разрешил развод в случае «наследственных болезней, стерилизации или бесплодия одного из партнеров»; последствия были серьезными для замужних женщин, особенно пожилых, и многие женщины выражали протест. Попытки нацистов разделить немецкое население по группам от детей до стариков в рамках однополых организаций были также восприняты как форма агрессии против семьи. Один из анекдотов того времени намекал на это разрушение семьи: «Мой отец – член СА, мой старший брат – эсэсовец, мой младший брат – член Гитлерюгенда, моя мать состоит в Национал-социалистической лиге женщин, а я – в Лиге немецких девушек». – «Но когда же вы встречаетесь?». – Один раз в год на партийном конгрессе в Нюрнберге»*.

Политика, власть и национал-социалистические женские организации

В Веймарской Германии процент женщин в нацистской партии был меньше, чем в других партиях; в 1934 г. он равнялся 5,5%. В 1935 г. партия считала, что 40% мужчин и 70% женщин в ней были «пассивными»

* См.: *Dirk Blasius*. Ehescheidung in Deutschland 1794–1945. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1987. Ch. 7; *Hans-Jochen Gamm*. Der Flüsterwitz im Dritten Reich. München: DTV, 1979. S. 23; *Leila J. Rupp*. Mobilizing Women... P. 38–39.

членами. Большее число активных женщин состояло в Национал-социалистической лиге женщин (National-sozialistische Frauenschaft), НСЛЖ, созданной в 1931 г. в результате объединения различных локальных, относительно автономных групп, боровшихся за национальное возрождение или за национал-социализм. Эта организация стала филиалом партии в 1935 г., когда она уже насчитывала более двух миллионов членов против ста десяти тысяч в конце 1932 г. Руководимая с 1934 г. «лидером женщин Рейха» Гертрудой Шольц-Клинк, она ставила целью объединить элиту нацистских женщин и практически прекратила, начиная с 1936 г., прием новых членов. Ее задачей было организовать немецких женщин, независимо от мужчин, и воспитать их для национальных и политических свершений. Масса немецких женщин (их было около двадцати четырех миллионов в возрасте старше двадцати лет, а после аннексий 1938 г. их стало тридцать восемь миллионов) должна была объединиться в рамках Организации немецких женщин (Deutsches-Frauenwerk), ОНЖ, также руководимой Г. Шольц-Клинк, но официально не являющейся подразделением партии. При ее создании ОНЖ формировалась не по принципу индивидуального, а по принципу коллективного членства тех женских организаций Веймарской эпохи, которые не были распущены, но «скоординированы» (gleichgeschaltet – процедура, которая в первую очередь повлекла за собой исключение еврейских женщин); к ОНЖ присоединились все клубы досуга и социальные организации, созданные после 1933 г., кроме, естественно, Лиги еврейских женщин, распущенной в 1938 г. К этой дате ОНЖ насчитывала около четырех миллионов членов, пришедших из названных организаций, и, несмотря на интенсивную кампанию по пополнению своих рядов, менее двух миллионов вступивших на индивидуальной основе, из которых половину составляли немки из аннексированной Австрии и Чехословакии*. Небольшое число членов НСЛЖ (10% в 1935 г.) и еще меньше из ОНЖ, не считая трети их руководящего персонала, вступили в партию, где доминировали мужчины. В 1938 г. управленческая структура этих организаций насчитывала около трехсот двадцати тысяч женщин. По мнению ведущей исследовательницы женских нацистских организаций Джилл Стефенсон, эти цифры показывают, что женщины, особенно по сравнению с мужчинами, были слабо вовлечены в национал-социалистическое движение, вопреки заявлению Г. Шольц-Клинк, которая утверждала в 1934 г., что она объединила «всех немецких женщин под единым руководством». Д. Стефенсон

* См.: *Jill Stephenson.* The Nazi Organisation... P. 139–157; *Michael H. Kater.* Frauen in der NS-Bewegung // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Bd. 31. 1983. S. 202–239.

также подчеркивает слабое политическое влияние женских организаций, пассивность и неактивность многих женщин, как их членов, так и не членов, и факт их неучастия в преступлениях нацизма*. Тем не менее эти цифры заслуживают внимания в контексте женской и гендерной истории.

На начальном этапе нацистского движения его женщины-лидеры, как и лидеры-мужчины, разделяли более радикальные взгляды, чем позже. Сначала определенное их число восставало против исключительно мужской основы движения и требовало предоставить женщинам значительную роль в новом государстве, в том числе обеспечить им доступ к труду, к либеральным профессиям и политической жизни. Кроме того, они обвиняли «прежнее» женское движение за то, что оно сконцентрировалось на защите прав меньшинства пожилых женщин, принадлежавших к среднему и обеспеченному классам. Понимая буквально национал-»социализм», они настаивали на участии в общественной жизни женщин всех классов, в том числе и матерей. Некоторые из них требовали, чтобы семейные пособия выплачивались матерям, сожалея, что мужчины-нацисты отдавали дань культу материнства лишь на словах, и критиковали планы предоставления семейных пособий исключительно отцам**. Начиная с 1934 г., эти голоса умолкли. Организация Г. Шольц-Клинк и, в частности, два ее главных отделения (Volkswirtschaft/Hauswirtschaft и Reichsmütterdienst) посвятили себя главным образом воспитанию женщин для семейного очага и материнства; начиная с 1937 г., она стала проявлять заботу, хотя и несистематическую, о поддержке женщин в сфере высшего образования и об ориентации студенток на выполнение «социалистических» задач, таких как помощь женщинам-рабочим на производстве и в семье.

На ранней стадии движения женские нацистские группы и их лидеры часто открыто высказывались против господства мужчин, но и в ранний, и в более поздний периоды они отдавали приоритет национальному и этническому возрождению, часто выражавшемуся в антисемитской полемике. Г. Шольц-Клинк лично настаивала, что «женский вопрос» занимает второе место после борьбы против этнического «вырождения» и жертвования собой ради «нашего народа» и что в этой борьбе и в этом жертвовании женщины должны участвовать вместе

* *Jill Stephenson*. The Nazi Organisation... P. 18, 154–155, 178–181, 206–207. См.: Gertrud Scholtz-Klink. Rede an die deutsche Frau (1934), переизданное в 1978 г. (Gertrud Scholtz-Klink. Die Frau im Dritten Reich. Eine Dokumentation. Tübingen: Grabert, 1978. S. 498).

** Deutsche Frauen an Adolf Hitler / Hrsg. von Irmgart Reichenau. Leipzig, 1933. S. 7, 15, 37; *Charlotte Heinrichs*. Besoldung der Mutterschaftsleistung // Die Frau. N 41. 1934. S. 343–348.

с мужчинами. С ее точки зрения, прежнее женское движение совершало ошибку, когда «выделяло женщин в качестве особой группы внутри народа», и она утверждала, что сотрудничество полов важнее специфически «женских проблем». Хотя женщины должны оставить политику мужчинам, им, тем не менее, следует учиться «мыслить политически», а это означает, что они «должны спрашивать, не что национал-социализм может сделать для них, но что они могут сделать для национал-социализма». Они должны быть прежде всего немцами и только затем женщинами. В такой перспективе гендерное различие рассматривалось не как различие цели, идентичности или интересов (как в целом, так и относительно нацистского движения), а только как разделение задач в рамках реализации одной и той же цели; ссылаясь на лозунг нацистского, мужского по своей сути, движения, Г. Шольц-Клинк подчеркивала, что женщинам, как и мужчинам, следует стать «прямоугольными в теле и душе». Нацистские женщины-лидеры страстно настаивали на предполагаемом различии немецкой и ненемецкой, национал-социалистической и ненацистской науки, методологии и истории, но они утверждали, что не существует «какого-либо гендерного различия в научном подходе», «какого-либо специфически «женского» стремления к знанию» и «какого-либо особого «женского» метода» в исследовательской сфере. Более важно, что материнство и брак — общий знаменатель женщин всех классов — должны быть вписаны в новые расовые и стерилизационные законы, которые связывают матерей и бездетных женщин с судьбой «народа»*.

НСЛЖ пыталась организовывать и воспитывать прежде всего домохозяек и матерей; они очень неохотно шли за нацизмом, по крайней мере потому, что часто были связаны с церковью**. НСЛЖ удалось достучаться до них вне пределов собственных организация через курсы матерей Имперской службы материнства (ИСМ). Женщин обучали правилам гигиены, ведению хозяйства (в основном немецкой кухне в свете потребности Германии в самообеспечении), шитью, заботе о новорожденных, воспитанию детей и немецкому фольклору. Работа инструкторов полностью или частично оплачивалась, или они были добровольцами (штат оплачиваемых служащих насчитывал три с половиной тысячи женщин, получавших зарплату частью от правительства, но в основном от благотворительных фондов). Во время войны НСЛЖ организовала систему соседской помощи. Между 1934 г., когда была создана ИСМ, и 1944 г. курсы матерей прошли пять миллионов

* *Gertrud Scholtz-Klink*. Op. cit. S. 131, 364, 379, 402, 486–497, 500–505, 526.

** См.: *Jill Stephenson*. The Nazi Organisation... P. 17–18, 168, 170–171; *Michael Phayer*. Protestant and Catholic Women in Nazi Germany. Detroit: Wayne State University Press, 1990.

женщин. Женщин делили на классы приблизительно по двадцать человек в каждом; 24-часовой курс проходили за десять дней. Прежде такое обучение, если оно и имело место, было доступно только городским женщинам, но ИСМ также направляла инструкторов в сельскую местность. Курсы посещали почти в равной пропорции и замужние и незамужние женщины. В 1937 г. среди их активных участников 37% были «голубыми воротничками», а 45% — «белыми воротничками»; среди замужних женщин 34% состояло в браке с «голубыми воротничками» и 17% — с «белыми воротничками». Занятия по фольклору посещались менее всего; более половины участниц выбирало семейные курсы и курсы по уходу за младенцами. Вероятно, что такие курсы отчасти способствовали значительному падению детской смертности в этот период*.

В то же самое время курсы здоровья использовались для проведения «расовой и демографической политики», являвшейся элементом более широкого явления — национал-социалистического нацизма. Осуществление расовой политики, начиная со стерилизации и кончая акциями массового уничтожения, прежде всего возлагалось на органы здравоохранения и на медицинский корпус — докторов, психиатров и генетиков. Г. Шольц-Клинк не подвергала сомнению определяющее значение «расовой и демографической политики» при «духовном воспитании» клиентуры ее организации. Временами она выражала сожаление по поводу общего отсутствия у женщин симпатии к политике стерилизации и призывала приложить особые усилия, чтобы убедить женщин-католичек из рабочего класса принять стерилизацию (католички чрезвычайно яростно сопротивлялись стерилизации и по этой причине выступали против ИСМ; в результате Организация матерей-католичек была запрещена в 1935 г.). С самого начала в программу обучения матерей была включена «наследственная гигиена». В 1935 г. Г. Шольц-Клинк стала членом Экспертного комитета по демографической и расовой политике при Министерстве внутренних дел, главного консультативного органа в этой сфере, и в 1936 г. она создала отдел «расовой политики» в ОНЖ. Начиная с 1935 г., эксперты (обычно мужчины), такие как глава Бюро расовой политики нацистской партии, проводили инструктаж руководителей НСЛЖ на эту тему в Берлинском университете политических наук. Еврейские женщины, «неизлечимо больные» и женщины, страдавшие умственным или психическим расстройством, не могли стать членами ОНЖ**.

* См.: *Gertrud Scholtz-Klink*. Op. cit. S. 157, 173, 177, 180; Jill Stephenson. The Nazi Organisation... P. 154, 164–165, 170–171.

** *Gertrud Scholtz-Klink*. Op. cit. S. 69, 93, 95, 107, 156, 159, 211. См. также: *Jill Stephenson*. The Nazi Organisation... P. 152.

Хорошо организованные в центре и на местах курсы по подготовке учителей оказались самыми эффективными в рамках элитарной организации НСЛЖ, и почти триста восемьдесят тысяч женщин, специально подготовленных к 1938 г., превратились в важных пропагандистов нацистской идеологии среди членов ОНЖ и, возможно, также за ее пределами. Но большая часть тех миллионов женщин, которые закончили местные курсы педиатрии, кажется, не восприняли идею «заботы о расе и наследственности» слишком серьезно. Даже на высшем уровне подготовки преподавателей при НСЛЖ интерес к проблемам расы, наследственности и евгеники был ограниченным. Специальные «расово-политические» курсы привлекали менее одной десятой руководителей НСЛЖ, остальные же предпочитали обычные курсы по домашнему хозяйству, воспитанию детей, социальной поддержки, благотворительности и системе соседской помощи; то же верно и для участниц курсов на местном уровне. Хотя ссылки на «расовую и демографическую» политику изобиловали в пропаганде и учебных материалах НСЛЖ, в них редко упоминались стерилизация и антисемитизм. В этом отношении они отличались, например, от утвержденных государством школьных учебников для девочек (мы, конечно, не знаем, что говорилось в классах). Публикации НСЛЖ / ОНЖ не содержали антисемитской порнографии, столь излюбленной в публикациях известных нацистских авторов-мужчин*. Это не значит, что руководительницы НСЛЖ и ОНЖ верили в нацистскую расовую политику меньше своих коллег-мужчин; скорее им приходилось приспосабливаться к более прагматическим и более гуманным нуждам их женской клиентуры. Самые жесткие сторонницы расового оздоровления предпочитали печататься и действовать вне рамок НСЛЖ / ОНЖ, плечо к плечу с мужчинами.

НСЛЖ / ОНЖ имели мало влияния при нацистском режиме, даже среди женщин. Иногда их лидеры заявляли, что их ряды объединяют двенадцать миллионов женщин (иногда даже, что «всех германских женщин») на основе женских задач и под женским руководством. Это была неправда. Большинство женщин, участвовавших в нацистских организациях, находились под началом мужчин, часто к неудовольствию руководства НСЛЖ / ОНЖ, которому запрещали принимать в организацию девушек от десяти до двадцати лет. На его долю оставались девочки моложе десяти лет и молодые женщины от двадцати одного года до тридцати. Таким образом, женщины-лидеры столкнулись с той же самой проблемой поколений, которую они столь остро критиковали, нападая на женское движение Веймарской эпохи. Лига германских

* См.: Gertrud Scholtz-Klink. Op. cit. S. 500–501; Jill Stephenson. The Nazi Organisation... P. 154–161; Leila J. RupP. Mobilizing Women... P. 36–37.

девушек (Bund Deutscher Mддel) являлась частью смешанного, хотя и с внутренней сегрегацией, Гитлерюгенда под мужским руководством, и членство в ней стало обязательным с 1936 г. Большинство из тех двенадцати миллионов женщин, которых, как заявляла Г. Шольц-Клинк, она возглавляла, находились под ее руководством лишь номинально и в действительности были инкорпорированы в смешанные и возглавлявшиеся мужчинами организации. На сельских домохозяек претендовала организация Имперское сельское сословие. Четыре миллиона женщин-рабочих являлись членами Трудового Фронта Роберта Лея, и именно эта организация, а не НСЛЖ / ОНЖ иногда проводила кампании за повышение оплаты женского труда и в защиту материнства. Женщины-учительницы, студентки, доктора, девушки из Службы Труда принадлежали каждая к соответствующим смешанным организациям. Даже местные активистки НСЛЖ менее зависели от центрального женского руководства, чем от региональных партийных лидеров-мужчин*. НСЛЖ / ОНЖ не могла обеспечить даже чрезвычайно необходимую поддержку матерям; за исключением большого количества детских садов, созданных ею, она предлагала только «духовное воспитание». Ее лидеры не пытались даже участвовать в разработке законов 1935–1936 гг. о предоставлении отцам детских пособий (хотя они гордились законом 1942 г. о защите работающих матерей). Матери получали материальную поддержку не от государства и не от женских организаций, а от возглавлявшейся мужчинами благотворительной организации нацистской партии, которая обеспечивала, помимо других пособий, помощь нуждающимся матерям и создавала детские сады для детей работающих матерей. При нацистском режиме даже материнство и благотворительность, которые прежнее женское движение считало «женской сферой» с обязательным женским руководством, оказалось под руководством мужчин.

Во время Второй мировой войны НСЛЖ как организация не принимала участия в массовых уничтожениях людей и геноциде. Одна из главных ее задач в то время заключалась в том, чтобы помочь женщинам, часто очень эффективно, выжить в сложных условиях авиа налетов и эвакуаций. Но другой ее задачей было предотвратить контакты (и избежать сексуальных связей) германских женщин с миллионами восточно-европейских рабочих – как мужчин, так и женщин; иногда она доносила на женщин, нарушивших эти строгие запреты. Эти усилия в основном остались тщетными, и до конца войны нацистские власти продолжали сокрушаться об общем отсутствии у женщин

* См.: *Gertrud Scholtz-Klink*. Op. cit. S. 76; *Jill Stephenson*. The Nazi Organisation... P. 83–84, 117, 132, 140–147, 157–162.

«расового сознания» в этой области и пытались развить его с помощью большого числа смертных приговоров*. Тем не менее, идеологическая обработка НСЛЖ, возможно, весьма способствовала тому, что большинство немок не боролись активно против национал-социализма и его расовой политики. Их приверженность к материнству, частной жизни и семейным ценностям редко порождала у них обеспокоенность по поводу тех мужчин и женщин, которых режим лишил всего этого. Женское сопротивление остается в сущности еще не исследованной областью. Женщины, по-видимому, сыграли важную и недооцененную роль в организациях сопротивления, руководимых мужчинами. Отдельные случаи женского сопротивления показывают, что оно часто отличалось от мужского, было менее структурированным и организованным. Сопротивление женщин включало, например, помощь жертвам преследований (они укрывали их и поддерживали). Та сфера, в которой их сопротивление было наиболее эффективным, не привлекала внимания тайной полиции и других нацистских властей, и от их деятельности осталось гораздо меньше письменных источников, чем от деятельности возглавляемых мужчинами антинацистских организаций**. Но пока новые исследования не докажут обратного, кажется, что сопротивление среди немецких женщин было не более распространено, чем среди мужчин.

---

* См.: *Leila J. Rupp*. Mobilizing Women... P. 124–125; *Ulrich Herbert*. Fremdarbeiter. S. 79–81, 122–124; *Gisela Bock*. Zwangssterilisation... S. 438–440.

** См.: *Gitte Schefer*. Wo Unterdrückung ist, da ist auch Widerstand // Mutterkreuz und Arbeitsbuch. Zur Geschichte der Frauen in der Weimarer Republik und im Nationalsozialismus. Frankfurt: Fischer, 1981. S. 273–291.

6

Женщины Испании: от республики к франкизму

Даниэль Бюсси Женевуа

Местные выборы 12 апреля 1931 г. дали республиканско-социалистической коалиции достаточное большинство, чтобы убедить короля Альфонса XIII, что монархия закончилась, и что у него нет иного выбора, как только покинуть страну. 14 апреля при восторженных криках радости была провозглашена Республика – событие, которое должно было оказать глубокое влияние на жизнь испанских женщин. Для них монархия Бурбонов означала порабощение. Конституция 1876 г. восстановила союз трона и алтаря и вновь утвердила католицизм в качестве официальной религии. Испанская правовая система, основанная на Кодексе Наполеона, была особенно жесткой. Испанские женщины были подчинены двойной власти – Церкви и закона. Политических прав не существовало, и положение с образованием, несмотря на определенный прогресс, оставалось таковым, что в 1930 г. насчитывалось 44,4% безграмотных женщин (в 1900 г. примерно 60%). Диктатура генерала Мигеля Примо де Ривера, установленная в 1923 г. в результате государственного переворота, тайно инициированного самим королем, ввела два новшества: с одной стороны, декрет 1924 г. предоставил женщинам, правда только главам семей, право голоса на муниципальном уровне (мера, вдохновленная примером муссолиниевской Италии); с другой стороны, диктатор согласился на включение несколько женщин в Консультативную Ассамблею. Но его падение в январе 1930 г. все вернуло в прежнее положение.

Каким же образом Испанская Республика сумела предложить женщинам реформы, которые выведут страну в число передовых парламентских республик? Уже в 1931 г. они добиваются фундаментального права – права участия в выборах – они, чья страна оставалась нейтральной в 1914–1918 гг., тогда как во Франции женщины натолкнулись на отказ Сената ратифицировать решения, принятые Национальным Собранием в знак уважения к участницам войны! Как же так случилось, что после таких достижений мятеж генералов в 1936 г. против законно установленной республики вернул их в «детскую, единственное место для женщины» (Хартия труда 1938 г.)?

Вместо мало реальных и привлекательных женских образов, которые Европа или приписывает Испании – фатальную Кармен в XIX в. – или же находит на испанской почве – «Регентшу» де Кларин, разрываемую между любовью и религией , вместо реальных женщин, возведенных на уровень мифа в зависимости от идеологии – коммунистка Долорес Ибаррури («Пассионария»), анархистка Федерика Монтсени – будет справедливее следовать за испанскими женщинами по сначала радужным, а затем опасным дорогам, которые ведут их от освобождения к осознанию национальной причастности.

Прогресс при республике

Установление Республики идет рука об руку с захватом власти интеллектуальной элитой в широком смысле этого слова: писателями, врачами, учителями, юристами, а также Социалистической партией, чья популярность выросла за долгие годы репрессий сначала при диктатуре, а затем при монархии (в результате краха революционного движения в декабре 1930 г.). В Сан-Себастьянском пакте 18 августа 1930 г. социалисты предложили программу управления, в основе которой лежало их общее желание реформировать структуру испанского государства и уничтожить социальные привилегии «старого режима» и Церкви.

Женские требования

История демократической мысли в Испании всегда включала определенное число требований в пользу женщин. Существовавшее положение в сфере брачных и сексуальных отношений подвергалось единодушному осуждению. Во многих статьях выражался протест против культурного и юридического неравенства между супругами, чрезмерной рождаемости, ведущей к самой высокой в Европе детской смертно-

сти, против терпимого отношения к изменам супруга, большого числа незаконнорожденных детей, процветающей проституции и распространения венерических заболеваний. Антимонархически настроенные врачи и юристы ратовали за законодательную реформу и развитие медицинского обслуживания (защита материнства, добрачное медицинское освидетельствование). По распространенному убеждению, требование развода было разумным, несмотря на то, что многие среди людей «с передовой душой», как тогда говорили, опасались, как бы испанские обычаи не превратили его в некое подобие расторжения брака на восточный манер. В своей политике по отношению к рабочим Социалистическая партия отдавала приоритет мерам по регулированию труда, разводу и уничтожению проституции. Что касается анархистов, представлявших чрезвычайно важное течение в Испании, но находившихся, благодаря их оппозиции государству, на обочине движения, подготавливавшего Республику, то они боролись за признание свободной любви и внедрение контрацептических методов и были погружены в бесконечные профсоюзные баталии.

А сами женщины, способствовали ли они успеху этих требований? В повседневном мире труда они часто ведут активную профсоюзную борьбу, но только единицы заявляют о себе как о личностях. Маргарита Нелькен в 1919 г. дает самый суровый анализ условий женского труда, осуждая роды прямо на предприятии, рабский труд дома и несоблюдение принятых законов (это войдет в решения ОИТ, начиная с 1920 г.)*. Но женщины, близкие к прореспубликанским публицистам, — это служащие, в большинстве своем учительницы (декрет 1918 г. предоставлял женщинам доступ к некоторым профессиям) и, реже, журналистки.

Если абстрагироваться от индивидуальных судеб, то женщины начинают организовываться в основном со второго десятилетия XX в.; связи, установленные в 1915 г. с Женской лигой за мир и свободу, создание в 1918 г. Национальной ассоциации женщин (АНМЕ) и других феминистских групп делают послевоенный период временем требований, которые озвучиваются в их собственной прессе. Для этих союзов право голоса, уничтожение проституции, развитие культуры и законодательные реформы являются приоритетными. Напротив, рабочее движение выказывает сдержанность по отношению к избирательному праву, которое оно считает буржуазным требованием, тогда как феминистки, как и публицисты-мужчины, кажется, испытывают страх перед разводом.

---

* *Margarita Nelken.* La condiciyn social de la mujer en Espaca. Madrid: Minerva, 1919; repr. Madrid: CVS. Col. Ateneo, 1975).

Реформы, предложенные для женщин

С приходом к власти новые правители сразу же принимаются, среди прочего, за реформу государственной структуры в пользу автономии регионов, проводят отделение Церкви от государства, издают декреты об аграрной и военной реформах. Именно в таком контексте находят свое место меры, касающиеся женщин и семьи. Три момента поражают современного исследователя: оперативность в принятии этих первых мер, предоставление права голоса и решения, относящиеся к семейному праву. За два года республиканская элита радикально изменяет законодательную систему в стремлении изменить ментальность испанцев.

Желание исправить несправедливости монархии дает о себе знать в серии декретов (с 8 по 26 мая 1931 г.), в которых временное правительство «занимается судьбой» женщин, как и судьбой крестьян*. И вот уже женщины избираются – безопасное решение, поскольку могут избраться только женщины, удовлетворяющие определенным квалификационным требованиям, т. е. единицы. И вот уже работницы пользуются страхованием по материнству, за которое долго боролись социалисты. Апрель и май становятся месяцами празднования Республики, фригийских колпаков, трехцветных шествий, музыкальных шоу, выбора «Мисс Республика»; великодушие первых декретов причастно этой радости.

На собраниях и митингах, полных воодушевления, женщины напоминают, что право голоса – это тоже насущная необходимость; однако им придется ждать 1 октября и принятия, после трудных дебатов, статьи 34 Конституции. Действительно, если испанские женщины будут голосовать, то они составят более половины электората, но беспокойство по этому поводу (с точки зрения радикалов, как и многих социалистов, «женщины подчинены священнику») уступает место великодушию. Впрочем, многие республиканцы афишируют женоненавистничество: «природа женщины – истерическая», – говорит один из них. Женщина может голосовать разумно только в климактерическом возрасте, ибо менструация воздействует на ее разум, утверждает другой. Решающим станет историческое столкновение двух женщин, тогдашних депутатов (социалистка Маргарита Нелькен, избранная позже, была против избирательного права для женщин), – адвоката Виктории Кент, радикал-социалистки, и адвоката Клары Кампоамор, представительницы радикалов, первых женщин, принятых в мадридскую коллегию адвокатов; первая прославилась защитой перед военным трибуналом республиканцев, замешанных в декабрьском восстании 1930 г.; вторая

* Gaceta de Madrid. 15 abril 1931.

является представителем Испании в Лиге Наций. Они выступают искренне и взволнованно – Виктория Кент, ратуя за то, чтобы отложить исполнение «идеала», Клара Кампоамор, страстно требуя равенства: она и одерживает победу, убеждая социалистов голосовать за эту меру и вызывая радость феминисток. В своем желании «европеизировать» и модернизировать Испанию молодой испанский парламент будет осуществлять «искупление вины перед женщинами» (даже левый испанец может пользоваться словарем с религиозной окраской), реформируя семью. После ожесточенных дискуссий признан гражданский брак и установлен развод (статья 41 декабрьской Конституции 1931 г., закон от 2 марта 1932 г.). Испанские юристы пытаются найти образцы за границей, отвергая, правда, проповедуемую некоторыми советскую модель; они игнорируют анархические решения, которые им предлагает их собственная страна (это эпоха, когда юная Хильдегарт проводит активную анархическую и неомальтузианскую пропаганду)*; они вдохновляются Веймарской конституцией, провозглашая брак основой семьи и заявляя о равенстве полов; они многое берут из французского закона о разводе. Но в ряде случаев побеждает самобытность: разве дети, рожденные вне брака, не должны иметь те же права, что и законные? разве нельзя допускать развода, если есть согласие обеих сторон? разве родительская власть ограничивается только отцовской властью? В стране, где господствовал патриархат, это было необычайно смелым.

Отзвуки изменений

С точки зрения наблюдателя, законодатели оказались в тисках противоречивых тенденций: социалист Хименес де Асуа, сосланный Примо де Риверой за призывы к контролю над рождаемостью, считает, что проблема абортов не стоит в Испании; президент Республики Алькала Самора, истинный католик, ничего не предпринимает, чтобы воспрепятствовать разводу. Но можно также констатировать, что недостаточное знание положения испанских женщин порождает у некоторых заблуждения: так, социалист Ларго Кабальеро с горьким удивлением видит, что многие работницы отказываются от страхования по материнству, потому что они не хотят делать взносы или, если они не замужем, считают его бесполезным и даже в некоторых случаях оскорбительным для их «чести». Этот министр, воспитанный на требованиях западных рабочих, поражается такой нестыковке и демонстрирует свое полное

* Об этих идеях Хильдегарт (Кармен Родригес Карбальейры) см.: *Mary Nash*. Mujer y movimiento obrero en Espaca, 1931–1939. Barcelona: Fontamara, 1981. P. 165ff.

непонимание, полагая, что «испанская женщина продолжает оставаться рабыней»*. Тем не менее закон постепенно будет входить в действие.

Ситуация в Испании после введения закона о разводе стала предметом достаточно точных статистических исследований, и теперь видно, что масштабы его воздействия были значительно скромнее, чем это можно было предполагать; он был феноменом крупных городов, а также регионов, где преобладали левые избиратели, хотя даже в Мадриде из тысячи супружеских пар им воспользовалось только восемь**. Эти цифры ничтожны и совершенно несопоставимы с той мощной негативной реакцией, которую закон вызвал у правых; основатель Фаланги Хосе Антонио Примо де Ривера, сын диктатора, клеймит царство «чувственности»; по его мнению, брак обретает свое величие в том, что у него нет никакой «иной альтернативы, кроме счастья или трагедии»: «Тот, кто не способен, сходя на берег, сжигать свои корабли, не способен создавать империи»***.

Но истинное влияние реформ семейного законодательства, может быть, надо искать в другом, а именно в том отзвуке, который слышен при чтении ежедневных газет или автобиографий, и в той страстности, которая охватывает всех тех, кто требует или применить, или отложить исполнение законов: отец-монархист, готовый отдать целое состояние за аннулирование церковного брака своей дочери, чтобы она не разводилась, судья, сбегающий во время брачной церемонии, чтобы только не соединять разведенных, характер объявлений о гражданских браках («приветствуем товарищей, которые сбросили гнет Церкви»), а также о гражданских похоронах и о светском крещении детей, которые будут носить имена Свобода, Жизнь, Жерминаль или Флореаль... Именно в этих сложных противоречиях, как и в этой радостной и полной достоинства изобретательности, без сомнения, более всего проявляется ощущение того, что испанцы живут в новых условиях.

Нарастание антагонизмов

Два года, потраченных на проведение реформ, не должны заставить нас забыть, что у Республики оставалось мало времени. После провоз-

* El Socialista. 29 diciembre 1931. P. 1: «Интересные заявления нашего товарища Ларго Кабальеро».

** См.: *Inés Alberdi.* Historia y sociologna del divorcio en Espaca. Madrid: Center of Sociological Research (Col. Monografнas. Vol. 9), 1979.

*** *Felipe Ximénez de Sandoval.* José Antonio (Biografia apasionada). Madrid, 1941 (repr. 1972). P. 112.

глашения нового режима правые устраивают заговоры, несмотря на противоречия в их лагере (монархисты, поддерживающие Альфонса XIII, или карлисты, консерваторы, принимающие республиканский строй, фашисты...). Католическая Церковь распространяет во множестве пастырские послания против реформ, тогда как Ватикан, официально проповедуя осторожность, в тайне поощряет заговор, как о том свидетельствуют недавно открытые ватиканские архивы*. Первая значительная попытка государственного переворота 10 августа 1932 г. покажет всеобщее единство: армия, Церковь, монархисты, консерваторы и крупные собственники выдвинут в качестве своего вождя генерала Санхурхо, бывшего командующего гражданской гвардии.

Женщины в правом лагере

Этот мятеж заканчивается поражением для его вдохновителей, немедленно сосланных или брошенных в тюрьму. В то же время он интересен в плане той роли, которую правые намереваются отвести женщинам; на первый взгляд, газеты, созданные для них в январе и мае 1932 г., призывают женщин возносить молитвы за заключенных и помогать их семьям, устанавливая сеть солидарности. Но их миссия состоит не только в том, чтобы молиться и посылать подарки, которые, однако, лавиной текут со всей Испании. Женские газеты, называя себя просветительскими, занимают нишу газет, запрещенных правительством; кажется, они содержат зашифрованные послания, которые вызывают сильное подозренне.

Действительно, от женщин требуют не столько утешения, сколько особой активной и полноценной политической деятельности; она будет реализовываться в двух главных сферах: в борьбе против секуляризации государства и школы и, кроме того, в электоральной борьбе.

До сегодняшнего дня остается невыясненным вопрос, выходят ли женщины правых взглядов на политическую арену, подчинившись указаниям лидеров-мужчин, или же инициатива исходит от них самих? Если взять в качестве примера предоставление права голоса, то идея извлечь из этого политическую выгоду принадлежит мужчинам; монархисты, посчитав его таким же неприемлемым, как и всеобщее избирательное право («нескладный бал, на котором заставляют танцевать всех»), соглашаются с тезисами Х. М. Хиля Роблеса, будущего руководителя Испанской конфедерации автономных правых (СЭДА), в какой-то момент поддавшегося искушению нацизмом. По его мнению, необходимо «организовывать голосование» женщин, «этот неожиданный подарок государства»;

* См.: *Manuel Tucón de Lara.* Tres claves de la Segunda Repu.

чтобы это сделать, нужно возродить те организации (например, Католическое действие), у которых Республика отняла надежду, но которые приобрели опыт во времена диктатуры. Вспомним, что в 1929 г., когда Примо де Ривера переполнил чашу терпения даже своих сторонников и стал свидетелем краха своего Патриотического союза, по своей сути фашистского, он испытал радость, видя, что в его поддержку организуются женские манифестации и создаются газеты, их инициирующие, как, например, «Испанские женщины» («Mujeres espacolas»). Но в 1932 г. уже не стоит вопрос о том, чтобы посылать письма поддержки или букеты престарелому военачальнику, очень чувствительному к женскому вниманию. Теперь речь идет о том, чтобы как можно скорее вовлечь женщин в обновленные или только что созданные организации: 38 000 сторонниц Женского Католического действия в Испании, 5 000 участниц ассоциации «Устремления» («Aspirationes»), возникшей вокруг издания с тем же названием, 12 000 женщин на митинге в Галисии, 4 000 – в Саламанке... Этого достаточно. Хватило нескольким месяцев, чтобы вовлечь их в антиправительственное движение; они объезжают страну (монархистка Роза Уракка Пастор организует 50 митингов за четыре месяца), агитируют работниц за Католическое действие в мастерских и на дому, обучают составлять тайные списки сочувствующих и даже (в Мадриде) разносят электоральные карточки 230 886 избирателям. Некий светский хроникер берет обязательство провести пропаганду у своего парикмахера. Советуют организовывать «синие чаепития» или «благотворительные чаепития».

Если инициатива и исходила от «вождей», то женщины, тем не менее, шли дальше данных им указаний; они делают украшения из креста и монархической лилии и, когда они отказываются платить за такой поступок штраф в пятьсот песет, они идут в тюрьму, становясь символами; многие спешат нанести им визит и скрасить их заключение, правда очень краткое; в Валенсии местный епископ дойдет до того, что закажет в качестве подарка юной аристократке, находящейся в заключении, распятие, сделанное из серебра и черного дерева, с выгравированным на нем именем героини. А вот и иная форма борьбы, где женщины проявляют себя и даже часто берут инициативу в свои руки: борьба против статей Конституции и последующих законов, по которым провозглашается светский характер государства, распускается Орден иезуитов, а священнослужители лишаются возможности преподавать. Формы протеста многочисленны: женщины проводят манифестации, размахивая распятиями, и посылают своих детей в школу с тяжелыми крестами, они принимают в своих домах служителей Церкви, подписывают петиции, помогают собирать средства для создания параллельных школ, бойкотируют торговцев-ре-

спубликанцев. Их пресса играет в этом движении свою особую роль, как это показывает недавно обнаруженная газета «Устремления» («Aspirationes»), которая оказывается в самом центре чрезвычайно ожесточенной религиозной, антикоммунистической и антисемитской борьбы. Что касается празднований Сердца Иисусова в 1932 и 1933 гг., то они превратятся в агрессивные манифестации, возглавляемые женщинами в траурных одеждах.

Можно ли все-таки утверждать, как об этом не раз говорилось, что именно женщины правого лагеря способствовали изменению политического большинства в ноябре 1933 г.? Электоральные исследования, ведущиеся уже несколько лет, не подтверждают этого*; не отрицая организованности правых, необходимо принимать в расчет и другие факторы: недовольство умеренных республиканцев антиклерикальными мерами правительства, уход социалистов из правительства, сдержанность анархистов, чьи попытки устроить революцию были жестоко пресечены и, наконец, избирательный закон, составленный так, чтобы обеспечить стабильное парламентское большинство (партии, получившей большинство голосов, доставалось 80% депутатских мест)... также могут быть предложены в качестве дополнительных объяснений.

Впрочем, женщины правого лагеря будут слабо вознаграждены за их усилия: единственная из их рядов, учительница Франсиска Богигас, избрана в 1933 г. депутатом – та, которая в 20-х гг. была надеждой всей республиканской элиты.

Эволюция женщин в республиканском лагере

На женщин, будь то консерваторы или демократы, лег весь груз надежд в избирательной кампании: «Пусть не давит на твою совесть, женщина, возможное поражение правых», – говорила оппозиция. Социалисты организовывали по всей стране собрания, ибо, после того как они проголосовали за предоставление избирательных прав женщинам наравне с мужчинами, они испытали страх перед политической неподготовленностью страны, о чем писала их пресса. 2 октября 1931 г. «Эль-социалиста» заявляла:

«Рано выиграв, мы проиграли. Такова реальность... Признаем, что нам не хватило политического чутья, хотя мы и действовали в соответствии с главным принципом нашей партии». Тогда они тоже проводили кампанию на грани шантажа: «Матери, если ваши сыновья никогда не задумываются, достигнув зрелого возраста, если они не свободны, то это потому, что их матери не сумели их освободить».

* См., например: *Javier Tusell Gymez.* La Segunda Repu

Особенно интересно проанализировать эволюцию от 1933 г. к гражданской войне. В первый год проявляются тенденции, которые обострит так называемое восстание астурийцев в октябре 1934 г. Феминистки и умеренные республиканки отказались давать указания, как голосовать: получение избирательного права само по себе рассматривалось как победа. Вместо того чтобы интересоваться внутренней политикой, они скорее желали посвятить себя решению глобальных задач: здравоохранению, образованию, миру между народами. Именно этим женщинам мы обязаны первым осуждением нацизма и концентрационных лагерей*. Что касается феминисток из АНМЕ, вследствие смены большинства они становятся с каждым днем все более консервативными и пытаются создать в самом начале 1934 г. феминистскую группу, чей базовый манифест со всей очевидностью свидетельствует об отступлении от политики партии**; они, впрочем, так и называют свое объединение – «Независимое женское политическое действие».

Однако в 1933 г. также обозначатся и некоторые революционные тенденции: испанки левых взглядов были потрясены приходом Гитлера к власти. К тому же, в 1933 г. Коминтерн реорганизовал испанскую коммунистическую партию, до того очень слабую, поставив во главе ее Хосе Диаса и выдвинув на авансцену сильную личность – Долорес Ибаррури; испанские женщины-коммунистки участвуют в августе в антифашистском конгрессе в Париже, а в сентябре организуют первые выступления в Испании.

Но решающими оказываются события лета и осени 1934 г.: забастовка анархистов и социалистов поднимает сельское население; женщины в Андалусии и в Стране Басков организуют особые манифестации и изобретают способы захвата хлеба, ибо царит страшный голод. Когда в начале октября президент Республики после многочисленных правительственных кризисов совершает фатальный поступок, формируя кабинет с участием трех представителей правой партии СЭДА, левые объявляют всеобщую забастовку против решения, которое они сравнивают с предательством Гинденбурга. Хотя эта забастовка терпит неудачу на большей части территории страны, она продолжается несколько дней в Каталонии и более трех недель в Астурии, где восстание под влиянием социалистов или анархистов (в зависимости от региона) получает развитие, рождая комитеты, призванные организовывать повседневную жизнь людей и сопротивление войскам, которые на земле, с моря и с воздуха подавят астурийскую «коммуну». Здесь

* См. «Cultura integral y femenina» за 1933–1936 гг.

** Этот «Манифест» был опубликован 1 января 1934 г. в их печатном органе «Женский мир» («Mundo femenino»), который издавался с 1921 по 1936 гг.

астурийки, жены и дочери шахтеров или работницы, участвуют в борьбе в комитетах или берутся за оружие; эти последние случаи, еще единичные, вскоре поднимутся на уровень мифа (например, подвиг молодой коммунистки Аиды Лафуэнте, встретившей смерть с пулеметом в руках). Повсюду восстание обнажает самые различные позиции; республиканки кажутся расколотыми; все левые направления объединяются в осуждении репрессий и официальной версии (первого случая сознательного обмана общественного мнения). Маргарита Нелькен, высланная из страны, организует митинги во Франции; Виктория Кент, Клара Кампоамор, Долорес Ибаррури... организуют комитет «Помощь детям рабочих» («Pro Infancia Obrera»), чтобы спасти астурийских детей. Но среди феминисток встречаются и неожиданные взгляды: разве не их газета требует восстановить смертную казнь для революционеров? разве не они сожалеют, что слишком много «субъектов в юбке» участвовало в борьбе и что жены шахтеров не смогли «удержать своих мужей»?* Что касается партий, то репрессии способствуют их сплочению; программа Народного фронта будет подписана всеми, в том числе анархистами-диссидентами; республиканское правительство, пришедшее к власти после февральских выборов 1936 г., встретит поддержку всех левых. В ходе избирательной кампании трагедия астурийских женщин обретает символический смысл, а в речах Пассионарии, басконки и жены шахтера, начинает выстраиваться цепь революций в марксистской перспективе (Парижская коммуна, октябрь 1917 г., октябрь 1934 г.).

1 мая 1936 г. станет тому доказательством — в огромном шествии примет участие огромное количество женщин. Тогда рождается новая марксистская газета «Женщины» («Mujeres»), газета-афиша, издаваемая под руководством Пассионарии женщинами разных стран и распространяющая улыбающийся образ советского рая, воспетого Маргаритой Нелькен, которая нашла убежище в СССР; за несколько недель до этого женщины-врачи, сторонницы анархизма, выпустили своих «Свободных женщин» («Mujeres libres»), чтобы обсудить вопрос о месте женщин в анархическом движении, ибо слишком много мужчин, возвращаясь к своим очагам, забыло о революционных идеях. Для правых 1 мая — это потрясение. Оно побуждает Хосе Антонио обратиться 4 мая в армии со своим «Посланием к военным», в котором он (хотя и находится в тюрьме) призывает их к восстанию. Разве, по его словам, не являлись свидетельством «стыда» и «бесчестья» лозунги, которые выкрикивали женщины: «Дети — да! Мужья — нет!»?

---

* «Женщины, встаньте!», — призывала Альма Анхелико (Mundo femenino. N 102. 1935. P. 2).

Гражданская война в Испании

Призыв к военным был ни к чему. 17 февраля генерал Франко предложил временно исполняющему обязанности премьер-министра захватить власть, и с этого момента пошел отсчет заговора; несмотря на осторожность правительства, правда недостаточную, в июле 1936 г. разразился мятеж. Но ясно, что народ, за исключением Наварры, был против мятежа; без помощи Гитлера и Муссолини и двусмысленной позиции Комитета по невмешательству дело свелось бы к опасному пронунсиаменто.

Разделенные семьи, первые случаи бомбардировок гражданского населения: фотографии и письма протеста очевидцев из всех стран мира сохранили воспоминание о женщинах в черном и их детях, бегущих или лежащих убитыми под бомбами в Мадриде или Гернике. Помимо ежедневных страданий всего населения, что же можно сказать о женщинах, непосредственно участвовавших в гражданской войне, которая была одновременно и войной против фашизма, и революцией (анархистской, троцкистской или культурной)?

Для республиканского лагеря Испанская война – фактор парадоксального прогресса – ознаменовалась прежде всего продолжением реформ в сфере культуры и законодательства, что было вызвано насущной необходимостью. Речь идет о профессиональном образовании и ликвидации женской неграмотности (1936 г.), о легализации свободных союзов женщин и даже вдов ополченцев, о призыве женщин на военные предприятия (1937 г.), об обучение их летному делу (1938 г.). Кроме того, анархистка Федерика Монтсени, министр здравоохранения, легализует аборты в октябре 1936 г., исправляя упущение мирного времени: нынешнее исследование больничных архивов прояснит эту ситуацию*.

Как же в этом случае не понять, что война способствовала глубокому изменению менталитета многих молодых женщин, как это подтверждают историческая социология и постепенное открытие архивов, позволяющее выявить факты, замалчиваемые франкистскими историками**.

Можно ли пройти мимо участия женщин в сражениях и в сопротивлении? Те, кто занимаются историей женщин-ополченок, пытаются установить их истинную роль и их число, ибо в биографических очерках их то чрезмерно возносили, то низводили до положения кухарок и проституток; скоро о них узнают больше, ведь сейчас известны лишь

---

* *Mary Nash.* El estudio del control de natalidad en Espaca: ejemplos de metodologias diferentes // La Mujer en la Historia de Espaca (siglos XVI–XX). Madrid: Universidad Complutense, 1984. P. 241–262.

** См., например: *Mari-Carmen García Nieto.* Uníon de Muchachas, un modelo metodolygico // La Mujer... P. 313–331.

имена работниц, погибших в боях, или героические поступки некоторых женщин, иногда командиров отрядов, таких как Мика Этчебере от ПОУМ («Рабочая партия марксистского объединения») или Лина Одена от ПСЕ («Коммунистическая партия Испании»). Они сражались с оружием в руках; это они, как показывают вновь открытые документы, организовывали сети сопротивления в районах, захваченных в самые первые дни франкистами, например, в Наварре*.

На самом же деле, полемика о том, где полезнее использовать женщин – в авангарде или в арьергарде борьбы – расколола профсоюзы и партии. Решая этот вопрос, необходимо принять во внимание два момента: хронологию войны и, конечно, политическую принадлежность. В течение лета 1936 г. общая дезорганизация способствует созданию отрядов ополченцев и стихийному вступлению в них женщин наравне с мужчинами; начиная с осени, организация регулярной армии и растущее влияние сталинизма на сменяющие друг друга правительства будут иметь своим следствием разгром сначала троцкистского, а затем анархистского мятежей и вытеснение женщин на периферию борьбы. Среди основных организаций того времени выделяются «Союз молодых женщин» («Uniyn de Muchachas»), который в Мадриде, в течение трех лет переносившем осаду, прилагает все силы для защиты города и для эмансипации женщин; анархическая группа «Свободные женщины», которая в Каталонии организует тыл и борется против проституции; наконец, Ассоциация антифашистских женщин (АМА), которая, находясь под влиянием Пассионарии, объединяет коммунистов и не коммунистов на заводах и организует интернациональную помощь: «Мужчины – на бой, женщины – за работу!»; повсюду женщины начинают приходить к пониманию, что общественное и частное неразделимы, и вплоть до поражения революции они часто действовали сообща, преодолевая политические разногласия. Именно женщины из АМА становятся депутатами Второй Республики; и не только коммунисты прославляют достоинство и мужество Долорес Ибаррури.

Установление франкизма

В перспективе истории женщин, нужно, очевидно, относить возникновение франкизма не к моменту государственного переворота 18 июля 1936 г., а к гораздо более раннему времени. 1934 г. ознаменован

* См.: Las mujeres y la guerra civil espacola. Vol. 3. Jornadas de Estudios monográficos (Salamanca, octubre 1989). Madrid, 1991.

двойным процессом: с одной стороны, ужас и ненависть, порожденные октябрьским восстанием, с другой, создание женской фаланги в декабре и возврат к нравственному ригоризму под давлением самых крупных прелатов Церкви. Хотя и менее сенсационное, чем все это, восстановление церковной цензуры публикаций и спектаклей является, однако, неким сигналом: война против спорта, «нудизма» на пляжах и «фривольности» начинается не в 1939 г., а в 1934 г.

Борьба во имя «крестового похода»

Два события 1934 г. имеют, тем не менее, одну общую черту — попытку утвердить подчиненное положение женщин в правом лагере; деятельность, полная инициатив в первый период Республики, уступает место деятельности под диктовку политических и церковных лидеров. Для Фаланги необходимо, чтобы женщины своими пропагандистскими и организаторскими усилиями помогали «строительству великой и имперской Испании»; «не ты (женщина) должна действовать, но ты должна заставить действовать мужчину» (пункт 5 Устава Женской Фаланги); это движение укрепится только в ходе войны. Современные историки склонны видеть парадокс в Женской Фаланге: ведь это смерть руководителей (Хосе Антонио и О. Редондо) сделает сестру первого, Пилар Прима де Ривера, и вдову второго, Мерседес Санс Бачиллер, организаторами движения, которое новые лидеры (Франко, Церковь) постепенно трансформируют. Для Фаланги отделение Церкви от государства, борьба против крупной собственности, фашистская идея общества и империи являются приоритетными. С усилением же франкизма в условиях гражданской войны эти приоритеты выворачиваются наизнанку; слишком явные фашистские тенденции исчезнут во время Второй мировой войны, особенно после смерти Муссолини и в контексте ожидаемой победы союзников. Фалангистский заговор против Франко был подавлен в 1937 г. Тогда стало возможным перенести останки Хосе Антонио в Эскуриал и вести уже не фашистскую, а «национал-католическую» пропаганду среди масс*.

Гражданская война позволила Франко использовать женщин в рамках организации, названной «Зимняя помощь», а затем «Общественная помощь» (по образцу немецкой «Винтерхильфе») — «цветение лазури и нежности» —, «установленной Богом» и объединенной Франко

---

* Выражеиие «иационал-католический» используется Максом Галло в «Истории франкистской Испании» (*Max Gallo*. Histoire de l'Espagne franquiste. Verviers: Marabout Université, 1969).

с Женской Фалангой в 1937 г. Им доверяют вопросы снабжения продовольствием, шитье мундиров, помощь фронту и тылу, но также и пропаганду на радио, и многочисленные воспитательные рейды по всей Испании, отныне названной «национальной»; по подсчетам самой этой организации, из 580 000 ее участниц погибло якобы 58 женщин, что свидетельствует о ее эффективности. В женской и молодежной прессе новая Фаланга воспевает Изабеллу Католичку и св. Терезу Авильскую, стараясь через них создать свою историю.

Изменение законодательства

На самом деле, тип сознания, выкованный войной и франкизмом, может допустить исторических героинь, действующих только по воле Бога, и женщин, исполняющих только долг материнства; Пилар Примо де Ривера в присутствии 10 000 членов Женской Фаланги обращается к каудильо в мае 1939 г., чтобы «отпраздновать победу», ибо «единственная миссия, возложенная на женщин Родиной, — это домашний очаг»*. На эту тему кардинал Гома с лета 1934 г. стал писать передовицы в женских изданиях. В 1937 г. его послание епископам всего мира засвидетельствовало поддержку мятежа Церковью; письма, которыми обмениваются в 1939 г. каудильо с кардиналом-приматом, содержат уверения во взаимном интересе и поддержке.

В сентябре 1936 г. один из декретов «исправляет нравы», отменяя смешанное обучение в школах; в марте 1938 г. «замужнюю женщину освобождают от мастерской и труда» — такое «освобождение» сопровождается денежным поощрением материнства и запретом на свободные профессии; в 1938 г. отменяют также закон о гражданском браке и — ретроактивным образом — закон о разводе; с 1941 г. по 1946 г. в Уголовный кодекс вносятся многочисленные поправки по поводу абортов, супружеской измены, внебрачных связей (карающихся долгими годами тюремного заключения и тяжелыми общественными работами для женщин; муж, который убьет свою неверную жену и любовника, подвергается изгнанию, но оправдывается в том случае, если раны окажутся несмертельными). Проституция, тем не менее, не запрещена. Церковь вновь берет в свои руки образование; реорганизованная Фаланга и ее единственный обязательный профсоюз способствуют этому: обучение станет раздельным по принципу пола, и будет разрешено преподавание только тех предметов, которые «соответствуют догме и католической морали»**. Что касается Гражданского кодекса, то он

* Речь Пилар Примо де Ривера в Медине дель Кампо 30 мая 1939 г.

** Закон об Испанском Университете от 29 июля 1943 г.

поднимает возраст совершеннолетия до двадцати пяти лет и обязывает молодую женщину оставаться в отцовском доме вплоть до замужества (или до ухода в монастырь).

Женщины, принужденные к молчанию

Ненависть к женщинам-республиканкам стала мощным двигателем; можно ли ею объяснить тот факт, что, начиная с 1933 г., самые активные из женщин правых взглядов (депутаты, инженеры, учительницы) единодушно стали воспевать домашний очаг – «единственное занятие, достойное женщины». И, действительно, особенно начиная с января 1938 г., когда победа франкистов становится вероятной, былое неприятие средствами массовой информации таких выражений, как «жандармы в юбке», «грязнули», чудовища, «жаждущие крови», прилагаемых к женщинам левой ориентации, сменяется частым их использованием во франкистских журналах. Это они, разрушив христианский очаг и целомудрие испанских женщин, ответственны за катастрофу, утверждают публицисты, тем самым затушевывая порой саму реальность мятежа. Женская Фаланга способствует созданию идеального образа; она вносит вклад в перевоспитание «красных» и их детей и создает «социальную службу» – женский аналог обязательной военной службы, отказ от которой грозит лишением паспорта.

История репрессий против женщин лишь отчасти отличается от истории репрессий против мужчин; ссылка, казни, тюрьма, донос, запреты на профессию, сожжение книг коснулись всех республиканцев. Но женщины познали, кроме того, насилие, касторку, стрижку наголо, отдачу своих детей на перевоспитание, религиозные тюрьмы. Они не избежали и казней (сколько же их было убито в стране, где только в Мадриде в 1939 г. казнили по 6 000 человек в месяц, по подсчетам итальянского министра иностранных дел Чиано, посланца Муссолини). И женщины к тому же склонны испытывать чувство приниженности: считать себя виновной за то, что ты – жена, вдова или мать «побежденного».

Кажется, что за десятилетний период женщины проделали путь многих поколений и приобрели опыт, почти не переводя дыхания, сталкиваясь с противоречивыми явлениями жизни, каждое из которых женщины других стран Европы переживали или в разные периоды, или на протяжении долгих лет; они действительно получили самое передовое законодательство, какое только могла дать парламентская демократия; некоторые сотворили или пережили революцию; все перенесли войну и гнет национал-католического режима, если только не были приговорены к ссылке.

Нельзя забывать о чрезвычайной хронологической концентрации событий; их пресс затрудняет оценку действительной роли как самих женщин, так и масштабов воздействия законодательных мер, принятых первыми республиканскими правительствами с целью изменить менталитет испанского общества. Исследование истории испанских женщин характеризуется – так и должно быть – упорным поиском разрозненных фактов, которые позволяют делать более широкие обобщения (как это было, например, с изучением женского анархизма, социализма, франкизма и оппозиции ему); совсем недавно были также достаточно глубоко изучены материалы, касающиеся развода и материнства, системы образования, деятельности прессы во время гражданской войны; тем не менее некоторые области остались еще слабоосвещенными (деревня, труд, ассоциации, связь с женщинами Европы...) – о них имеются лишь фрагментарные сведения, и изучение их находится пока еще на самом начальном этапе.

Трудности исследования увеличиваются, конечно, из-за административной недобросовестности, сокрытия или уничтожения документов и переписывания истории – всего того, что свойственно франкистской эпохе; но ни помехи на пути исследователей, ни политическая пристрастность не смогут затенить своеобразия и величия недавней истории испанских женщин.

Принадлежность к «политическому большинству» – термин, постоянно употребляемый, когда говорят о праве участвовать в выборах – дала женщинам не только гражданские права, но также и осознание собственного достоинства, признание себя как личности, и это вышло далеко за рамки культурной и политической элиты; этот урок сработал и после 1936 г.: во время войны борьба женщин за свои права и свои организации – постоянная тема республиканских газет, писем и свидетельств.

Не желая соединять политически несоединимое, мы, тем не менее, должны подчеркнуть, что Республика в одном отношении сблизила женщин правой и левой ориентации, и это со всей очевидностью бросается в глаза при изучении их публикаций: и те, и другие высказывают собственную позицию; и не случайно, что женские правые газеты исчезают между 1935 и 1937 гг., чтобы воскреснуть в форме изданий, уже выражающих мнение их лидеров.

Продолжительное правление генерала Франко не было однозначным; жизнь женщин также. После периода молчания, подполья, «отречения» некоторых от прошлых «заблуждений», господства системы образования, воспитавшей целое поколение покорных девушек*, вза-

---

* См. данные опроса, проведенного под руководством Кампо Аланхе (Habla la mujer. Madrid: Edicusa, 1966).

имодействие самых различных факторов позволит многим женщинам вновь осознать свое угнетенное социальное и политическое положение: постоянная и многоликая оппозиция франкизму, забастовки конца 50-х гг., экономический кризис, вынуждающий женщин снова искать работу или эмигрировать (1960–1964 гг.), иностранный туризм, распространяющий иной образ жизни и иной образ мышления (начиная с 1960 г.). Пробуждение феминизма проходит сначала через кризис общественного сознания; там тоже действуют различные влияния, которые невозможно перечислить все: университетские ассоциации, квартальные объединения, подпольная деятельность коммунистической партии или Церковь, открывшаяся социальным проблемам, создают благоприятную почву для этого. И феминистки поднимают голос в 1975–1976 гг.; в то время их митинги собирают представителей самых различных политических сил*.

Между 1975 г. и 1978 г. — годом, когда провозглашается Конституция — историки, политики и феминистки снова связывают нити опыта, разорванные сорок лет тому назад; и если борьба за демократию и права женщин еще не совсем завершена, все же сегодняшняя Испания уже проделала основную часть пути.

* См.: *Amparo Moreno*. El movimiento feminista en Espaca. Barcelona: Anagrama, 1977.

7

Французские женщины при режиме Виши

Элен Эк

Исторические исследования режима Виши в течение последних двадцати лет продемонстрировали со всей очевидностью, что политика коллаборационизма с нацистской Германией возникла на самом раннем его этапе и никогда не прекращалась. Более того, выяснилось, что некоторые проявления этого режима имели свои корни в собственно французской идеологической традиции, которая, казалось, не могла иметь места в стране, принявшей демократию в светской республиканской форме и где левые играли значительную роль. Однако, это был бесспорно авторитарный и репрессивный режим, который ограничил состав французской нации, сначала юридически, а затем физически исключив из нее «нежелательных». Хорошо известна ответственность французского правительства за осуществление Окончательного Решения (еврейского вопроса. – Прим. пер.). Тем не менее различные идеологические и политические составляющие режима Виши, борьба за власть, сталкивавшая их друг с другом, сама его эволюция, которая за четыре года привела этот режим от антилиберализма к «границам тоталитаризма», не позволяет нам безоговорочно поставить его в ряд реакционных режимов, стремящихся к консервации прошлого. Ему была также свойственна решимость улучшить функционирование французской государственной системы, а также способность к нововведениям, которая проявлялась в эко-

номическом дирижизме и которая не всегда отвечала строгим консервативным идеалам*.

Виши как «плюралистическая диктатура», в своем желании преодолеть собственные противоречия, предприняла попытку осуществить социальную реорганизацию страны, чью сложную структуру не так легко понять. При том, что Франция была по сути дела нацией крестьян и мелких предпринимателей, она также знала крупный бизнес и значительную концентрацию рабочего класса. Хотя ее граждане были поборниками свободы, он спасовали перед германским вторжением мая-июня 1940 г. и последовавшим поражением французской армии. Едва утешившись перемирием, они почти сразу стали выказывать враждебность по отношению к оккупантам. Чтобы выявить степень реального воздействия режима на французское общество, измерить «мощь его эффективности», его способность изменять общественные реалии и формы политического сознания, унаследованные от Республики, необходим новый синтез, а также дополнительный анализ материальных условий, призванный дать картину того, как французы прожили все эти годы, то подчиняясь правительству Виши, то противостоя ему**. Большая часть существующих исследований этого периода принимает во внимание роль и место женщин, однако не в такой мере, чтобы оправдать претензию на глубокое знание вопроса***. Это кажется парадоксальным ввиду огромного числа работ, посвященных годам Оккупации. Но в этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что внимание к гендерной истории как фактору и индикатору важнейших характеристик общества еще не было актуальным, пока исследовались политическая сложность и механизмы функционирования режима Виши, который на самом высшем уровне состоял исключительно из мужчин. Работы Миранды Поллард вводят в эту политическую историю анализ женского дискурса как неотъемлемой части вишистской идеологии****.

---

* *Jean-Pierre Azéma.* Eléments pour une historiographie de la France de Vichy // Le Régime de Vichy et les Français: Colloque de l'Institut d'Histoire du Temps Présent (Paris, Juin 11–13, 1990). Paris: Fayard, 1992.

** См.: *Henry Rousso.* L'impact du régime sur la société: ses dimensions et ses limites // Le Régime de Vichy... Институт современной истории в настоящее время проводит два исследования – одно по теме «Эпоха ограничений (1939–1949 гг.)», другое по теме «Рабочие во Франции во время Второй мировой войны».

*** Работы, которые показались мне наиболее ценными, цитируются в настоящих примечаниях. Я хочу поблагодарить Доминик Вейон за ее любезную и постоянную помощь.

**** *Miranda Pollard.* Women and the National Revolution // Vichy France and the Resistance: Culture and Ideology / Eds. Roderick Kedward and Roger

Провозглашенная режимом программа Национальной Революции предложила женщинам символический и идеальный универсум материнства, семьи и дома, в то время как задача государства заключалась в регулировании и решении совсем других, коллективных и конкретных, проблем: дефицит, социальная помощь, рабочая сила для Германии. Нельзя сказать, что Национальная Революция потерпела неудачу во всех этих сферах. Ее осуществление не вело к автоматическому исключению женщин из общественной жизни, и они заявляли о себе всякий раз, когда вишистская политика вступала в противоречие с их ожиданиями и ценностными ориентациями. Конечно, не «женщины» в целом, но особые категории женщин.

Усилия правительства Виши по приданию конкретного смысла лозунгу «Труд, Семья, Отечество» указывают на противоречия в политике режима, часто принуждаемого обстоятельствами к конъюнктурным решениям. Однако обстоятельства и недостаток ресурсов сами по себе не могут объяснить разрыв между мечтами Виши и реалиями Оккупации. Сама структура общества сопротивлялась попыткам нового государства навязать свою волю. Многие семьи отказывались исполнять приказы правительства, хотя их отказ не обязательно имел чисто политическую подоплеку и не обязательно был в том или ином отношении связан с действующим Сопротивлением. Здесь, конечно, женщины играли существенную роль: самостоятельно или вместе со своими семьями, со своими мужьями и другими близкими они разрабатывали стратегию выживания. Установки и ценностные ориентиры, которые двигали ими, были часто чрезвычайно далеки от заповедей, пропагандируемых правительством. Этот факт, конечно, не нов, но он становится особенно очевидным в период, когда семейные ценности подвергаются серьезному испытанию и когда возникают значительные препятствия при решении даже самых обычных задач. Неподчинение, непонимание и сопротивление государству: такое поведение женщин является важной составляющей французской социальной и политической истории тех лет.

Годы Оккупации вписываются в историю женщин, которая выходит далеко за эти временные рамки и которую можно периодизировать по-разному, в зависимости от той или иной точки зрения. Семья, способ ее мировосприятия и ее функционирование проживают историю, ритм которой не подчиняется событиям. В какой степени ус-

---

Austin. London: Croom Helm, 1985. P. 36–47; idem. Vichy et les Françaises: la politique du travail // Le Régime de Vichy...; idem. Vichy and the Politics of Gender (1940–1944): Department of Modern History. Trinity College. Dublin, 1990 (диссертация, с которой я не смогла ознакомиться, но которая должна быть вскоре опубликована).

ловия существования во время Оккупации усиливают возродившуюся значимость семьи и семейных взаимоотношений, характерную уже для межвоенного периода? Хотя известно, что число женщин, занятых на производстве, падает в целом между 1920-ми и 1960-ми гг., мы пока еще имеем слабое представление о том, сохранялась ли эта общая тенденция в период Оккупации. Кроме того, именно такое бедствие, как Вторая мировая война, в конечном итоге сделало женщин гражданами Франции в том смысле, что после окончания войны им по крайней мере было предоставлено право голосовать. Но мы можем также сказать, что Оккупация ускорила политизацию женщин и в ином отношении: разве события тех лет не убеждают в важности политики и ее влияния на повседневную жизнь? Вспомним, что годы коллаборационизма и Оккупации никоим образом не были похожи на период 1914–1918 гг., когда существовало резкое различие между фронтом и тылом, военными и гражданскими, родиной и врагом. С 1940 по 1944 гг. «война» была везде и нигде, со всей той неопределенностью, которую только может породить такая исключительная ситуация.

Семья прежде всего

«Французское государство» (официальное название режима Виши, подчеркивающее его формальное отличие от «Французской республики». – Прим. переводчика) родилось в условиях внезапного ошеломительного поражения мая-июня 1940 г. Кроме насущной проблемы перемирия и налаживания отношений с оккупантами, этот новый авторитарный и реакционный режим попытался дать исчерпывающий ответ на военный, политический и моральный кризис, который только что перенесла Франция. В обстановке крайнего смятения лета 1940 г. режим Виши предложил решения, удивительные по своей простоте: французы, как заявило им их правительство, заплатили поражением за «дух, ищущий удовольствий», который воцарился в стране с 1918 г., породив нравственный упадок, оказавшийся фатальным. Единственным путем искупить эту коллективную вину для каждого гражданина Франции было способствовать делу национального возрождения, принципы и цели которого получили свое суммарное выражение в вишистском лозунге «Труд, Семья, Отечество». Национальная Революция осуществлялась под руководством маршала Петена, который провозгласил себя отцом нации: истинный отец, достаточно проницательный, чтобы укорять своих детей за дурное поведение, однако достаточно

снисходительный, чтобы желать облегчения их страданий. Этих безответственных детей лишили права голоса, заменив республиканский строй негласным политическим договором по образу семьи: за отцовскую заботу французы должны обещать абсолютную лояльность и повиновение.

Вишистский органицизм осуждал индивидуализм и его производные — самоутверждение и стремление к свободе. Он воспевал естественные группы и социальные институты, которые гарантировали индивиду место в обществе и в то же время накладывали на него определенные рамки. Он отвергал абстрактный интеллектуализм как химеру, далекую от живых национальных традиций. Он защищал нравственный идеал служения и труда, долга и солидарности и призывал к реализации конкретных задач во имя общих интересов. Когда Национальная Революция свершится, Франция увидит себя освобожденной от чуждых и антинациональных элементов. Тогда страна превратится в одну огромную семью, единую и иерархически выстроенную.

Режим Виши определял место каждого человека в обществе в соответствие с той категорией, к которой он принадлежал. Его идеология не позволяла французским гражданам свободно распоряжаться своими правами и реализовывать свои способности, тем самым обрекая общество на стагнацию, а индивида — едва ли не на наследственную участь.

Различие и взаимодополняемость полов

Определяя роль женщин в обществе, режим Виши указывал на различие и взаимодополняемость полов внутри семьи. Обязанности женщин обуславливались принципом полового различия: «по природе и по призванию» они были предназначены для материнства. Различие между полами лежало также в основе как правил поведения, которым девочки должны были подчиняться, так и умений, которые они должны были приобретать. Было также определено, чем и где им следует заниматься. Тем не менее было бы преувеличением утверждать, что режим Виши по женоненавистническим мотивам желал ограничить женщин домашними рамками и лишить их всех форм участия в общественной жизни.

В более широком смысле целью «Французского государства» было укрепить семью, которую он рассматривал как органическую единицу общества. Интересы семьи имели приоритет перед интересами ее отдельных членов. Для нормального функционирования семье требовалось строгое распределение материальных обязанностей, ролей и психологических реакций: отец как глава семьи должен был трудиться

и обладать властью; мать была ответственна за создание в доме атмосферы любви. Поскольку при всех различиях муж и жена взаимодополняют друг друга, они могут сообща обеспечить стабильность в семье при условии, что каждый остается в рамках собственной роли и демонстрирует добродетели, соответствующие своему полу. Воспевая и скрещивая таким образом понятия долга и различия, режим утверждал идеал семьи и использовал этот идеал для прославления материнства как единственно возможного предназначения женщины. Все, что стремится материально или психологически отдалить женщину от этого предназначения, считалось противоестественным, аморальным и враждебным национальным интересам. Нет такого явления, как плохая мать; есть только плохие женщины, отказывающиеся стать матерями. Решение не иметь детей не рассматривалось как результат свободного выбора женщины; в нем видели скорее апогей разрушительных социальных изменений, которые создали ложный образ, заставляющий женщин забыть о смысле своего существования и увлекающий их к одной или даже двум губительным крайностям: отказу от женственности, выражающемуся в попытке достичь равенства с мужчинами (отсюда честолюбие, гордыня и интеллектуализм), и извращению женственности через страсть к обольщению (отсюда фривольное поведение, флирт и неверность).

Активно и без принуждения реализуя свое материнское предназначение, женщины вновь бы раскрыли добродетели истинной женственности, единственно способной примирить личное счастье и общественную пользу в духе петеновских целей Национальной Революции и социального возрождения. Женщина-мать заняла свое место в вишистском пантеоне социально-ролевых моделей рядом с крестьянином и ремесленником: как и они, она была хранительницей традиции, основанной на принципах самоотверженности, терпения и уважения к честному труду. Поэтому семья и общество были обязаны ей уважением и признательностью: День Матери, отмечавшийся с 1926 г., но только официально, стал при Виши одновременно и общественным, и семейным праздником.

Преемственность и изменения в законодательстве

«Озабоченный восстановлением прочности и стабильности семьи» (закон от 23 июля 1942 г.), вишистский режим укреплял институт семьи более решительно, чем Третья Республика в свои последние годы. Важно, однако, попытаться выяснить, в каких аспектах политика вишистов продолжала политику предшественников, а в каких она была продиктована их стремлением к моральному порядку, призванному

регулировать поведение отдельных граждан*. В ответ на демографический спад межвоенного периода республиканские правительства предприняли шаги по поддержке семьи. Хотя первые меры в защиту рождаемости были чисто репрессивными, правительственные усилия в этой области обретали все больший размах и достигли, правда не в полном объеме и с запозданием, стадии согласования демографической и социальной политики. Унаследовав Семейный Кодекс, ставший законом при правительстве Даладье в июле 1939 г., режим Виши расширил сферу его применения. Такие законы, как закон Гуно от 29 декабря 1942 г. (который устанавливал связи между правительством и семейными организациями), были вдохновлены корпоративистской идеей, однако это не стало препятствием для сохранения некоторых из их положений после Освобождения. Таким образом, развивалась новая форма государственного вмешательства: семья стала социальным феноменом, вызывавшим общественный интерес.

В 1938 г. замужним женщинам были предоставлены дополнительные права, и их возможности действовать по собственной инициативе были расширены. Режим Виши видел в себе защитника интересов семьи, которые он ставил выше интересов отдельных граждан. Его цель состояла в том, чтобы обеспечить ее единство и стабильность, и поэтому обязательным стало положение, что женщина должна быть в состоянии занять место своего мужа в его отсутствие или в случае его недееспособности. Следовательно, у Виши не было причин ограничивать только что завоеванное женщинами право действовать от имени семьи, особенно в ситуации, когда многие мужчины еще оставались в Германии в качестве военнопленных или рабочих. Пределы для этой скромной эволюции к равенству в браке, однако, существовали, и это ощущалось еще долго и после 1945 г. Согласно закону 1938 г., супруг сохранял ответственность за решения, оказывающие существенное влияние на жизнь семьи. Супруг пользовался такой прерогативой как «глава семьи» (закон от 22 сентября 1942 г.). В 1945 г., когда возрожденная Республика искала возможности продемонстрировать свой новаторский дух, юристы утверждали, что право мужа воспрепятствовать желанию жены работать было в действительности «установлением ради общественного порядка», принятым в «интересах семьи в целом»**. Как таковое оно сохранит свою силу до 1965 г. Супруг, однако, останет-

---

* См.: *Aline Coutrot.* La Politique familiale // Le Gouvernement de Vichy (1940–1942) / Eds. René Rémond et Janine Bourdin. Paris: Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques, 1972. P. 245–265; а также работы Миранды Поллард, процитированные в сноске 4.

** Цит. по: *Guy Thuillier.* Les Femmes dans l'administration depuis 1900. Paris: Presses Universitaires de France, 1988. P. 77–78.

ся юридически «главой семьи» до 1970 г. В законах, ограничивавших свободу супружеских пар и превращавших материнство в долг перед нацией, со всей очевидностью обнаруживается авторитарный и реакционных характер режима Виши.

Аборты во Франции были вне закона с 1920 по 1975 гг., однако, вишисты изменили понимание этого преступления, охарактеризовав сторонников аборта как «опасных индивидов», виновных «в деяниях, позорящих французскую нацию» и подлежащих административному заключению и судебному разбирательству в государственных трибуналах. Теоретически закон он 15 февраля 1942 г. щадил женщин, пытавшихся сделать аборт, но сурово преследовал тех, кто помогал им. Между 1942 и 1944 гг. по этому закону в среднем осуждались около 4 000 человек ежегодно. Более того, в июле 1943 г. одна сделавшая аборт женщина была гильотинирована: режим Виши, чтобы преподнести урок, нарушил неписаный закон, освобождавший женщин от смертной казни.

Получение развода стало длительным и сложным делом благодаря принятию закона от 2 апреля 1941 г., который повернул вспять тенденцию 1930-х гг. к упрощению его процедуры. Сохранение семьи было теперь «моральной обязанностью», и «дезертирство» из семьи становится уголовно наказуемым деянием согласно закону от 23 июля 1942 г. Это не означает, однако, что режим Виши распределял семейные обязанности в равной степени между мужем и женой. Женщины продолжали нести большую часть этого груза, особенно когда речь шла о супружеской верности. Поскольку слишком многие супруги жили раздельно, правительство предприняло шаги, чтобы удержать женщин в рамках: закон от 23 декабря 1942 г., «призванный сохранить достоинство дома», в особой степени был направлен против измены жены, чей муж находился в плену. Такая измена уже не была просто частным правонарушением, но «преступлением против социального порядка, подлежащим преследованию ради общественного блага»*. Судьи проявляли особую бдительность, чтобы защитить права военнопленных, расширительно трактуя статью, ограничивавшую судебное преследование случаями «очевидного внебрачного сожительства».

Закон декабря 1942 г. ставит перед нами общий и трудно решаемый вопрос: одобряли ли французы правительственные меры в отношении семьи, которые, будучи провозглашенными не только для пользы, но и во имя семьи, стремились соединить личную нравственность с общественным порядком? Не было полной ясности, каким образом французское общество относилось к таким вещам, как счастье домашнего очага,

---

* *Michèle Bordeaux.* Femmes hors d'Etat français (1940–1944) // Femmes et fascismes / Ed. Rita Thalmann. Paris: Edition Tierce, 1987. P. 150.

ролевые модели полов и трудовая деятельность женщин; его ценности не были едиными, и их нелегко было выявить. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что новый консенсус утвердился еще в 1930-е гг.: люди соглашались, что супруги должны жениться по любви и что дети и дом значат много. Одновременно проявляется стремление к замкнутой семейной жизни, не столь тесно связанной с работой и с окружающим миром*. Различные христианские объединения начали задумываться в 1930-е гг. о проблеме супружеских отношений и природе брака; обсуждение этих вопросов продолжилось во время войны и стало особенно интенсивным в послевоенный период. Читатели новых женских журналов массового спроса (таких как «Мари-Клэр», который впервые вышел в 1937 г., и «Доверительные разговоры» (Confidences), опубликованные впервые в 1938 г.) также задавались вопросом, что требуется для счастливого брачного союза. Эти журналы защищали идеал «рукотворного счастья», который примирял любовь с благопристойностью, а романтику – с повседневными реалиями**. Этот идеал разделялся не всеми и еще реже реализовывался на практике. Во многих сельских районах главной целью брака оставалось сохранение или увеличение фамильного хозяйства. Впрочем, этот новый идеал не обязательно совпадал с реакционной авторитарной идеологией Национальной Революции. Режим Виши проповедовал долг, повиновение и иерархичность, тогда как другая модель стремилась гармонизировать счастье и обязанности, мораль и свободу во взаимном уважении и любви супругов. Ее приверженцы будут выступать против чрезмерного государственного вмешательства в дела семьи на том основании, что супругам следует предоставить возможность самим решать свои проблемы.

Должны ли женщины работать? Франсуаза Тебо показала***, что идеал женщины как матери, жены и домашней хозяйки разделялся многими, в том числе и левыми. Политика 1930-х гг. по предупреждению болезней и по распространению общественной гигиены и новая теория «научного» воспитания детей возлагали еще большую ответственность на матерей и подчеркивали предполагаемые преимущества от того, что женщина оставалась дома с детьми. Депрессия и весьма реальная угроза безработицы, возможно, привели многих женщин из рабочего клас-

---

* См. общие работы по истории семьи и частной жизни в библиографическом приложении к нашему тому.

** См.: *Marie-Geneviuve Chevignard et Nicole Faure.* Système de valeurs et de références dans la presse féminine // La France et les Français en 1938–1939 / Eds. René Remond et Janine Bourdin. Paris: Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques, 1978. P. 43–57.

*** *Françoise Thébaud.* Quand nos grand-mères donnaient la vie. La maternité en France dans l'entre-deux-guerres. Lyon: Presses Universitaires de Lyon, 1986.

са к мысли, что им лучше оставаться дома, чем идти на временную, тяжелую и изнуряющую работу, предлагаемую неквалифицированным работницам. В отчете, подготовленном в 1937 г. Берти Альбрехт в ее бытность надзирательницей над грузчицами при «Галери Лафайет», было отмечено, что они «завидуют богатым дамам не из-за их нарядов и драгоценностей. Они мучительно завидуют им только в одном: их возможности проводить время дома». Члены организации «Сельская католическая молодежь» ("Jeunesse Agricole Catholique") призывали предоставить крестьянкам «право оставаться дома» и освободить их от самого тяжелого труда в поле*. Это возродившееся внимание к семейным ценностям вместе с ожиданием правительственной помощи могут объяснить, почему значительное число женщин одобряло и участвовало в осуществлении семейной политики Виши.

Гражданская активность женщин

Добродетельные женщины, которых воспевает Национальная Революция, тем не менее остаются современными женщинами, умными, успешными, счастливыми в браке, но которые, даже ради интересов своих близких, не живут оторванными от внешнего мира, так как быть прекрасной хозяйкой и воспитательницей детей не достаточно, чтобы обеспечить счастье своей семьи.

Женское образование и женская культура: роль христиан

Исследователи уже давно признали, что домашняя функция женщин естественным образом дополнялась их участием в различных формах социальной и благотворительной деятельности, особенно в группах или организациях, связанных с Церковью. Межвоенные годы стали свидетелями роста «образовательных мероприятий, проводимых и предназначенных исключительно для женщин». Эти группы подчеркивали как «свою роль в просвещении рабочего класса, так и свою исключительно женскую миссию»**. Они

---

* Б. Альбрехт цитируется по: *Annie Fourcaut.* Femmes a l'usine dans l'entre-deux-guerres. Paris: Maspero, 1982. P. 239. О "Сельской католической молодежи" см.: *Martine Perrot.* La Jaciste: une figure emblématique // Celles de la terre: Agricultrice, l'invention politique d'un métier / Ed. Rose-Marie Lagrave. Paris: Editions de l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, 1987. P. 33–50.

** См.: *Sylvie Fayet-Scribe.* Associations féminines et catholicisme; de la charité a l'action sociale, XIX–XXe siècles. Paris: Editions Ouvrières, 1990. P. 111; Yvonne

стремились к тому, чтобы способствовать образованию женщин и девочек и научить женщин-лидеров нового молодежного движения действовать самостоятельно, независимо от мужчин.

После Первой мировой войны семьи, принадлежавшие к среднему и высшему классу, поняли, что, даже если брак и остается пока главным предназначением, девочек следует готовить к ситуации, когда им придется обеспечивать себя самим и жить самостоятельно по крайней мере какое-то время. В 1930-е годы поколение девушек – о них еще говорят, что они «в расцвете лет», но уже больше не невинные и застенчивые – осваивало жизнь в скаутских походах, на танцах, в кинозалах и работая в конторах рядом с мужчинами. В конце этого десятилетия молодых женщин, одетых в шорты, можно было увидеть путешествующими на велосипедах или пешком с рюкзаками за спиной от гостиницы к гостинице в поисках природы и ее благ. Хотя некоторые священнослужители оставались в убеждении, что «физическое воспитание не подобает женщинам», преподаватели гимнастики и руководители организации «Девочки-скауты» вряд ли подписались бы под такими устаревшими ханжескими высказываниями. Наоборот, физическая подготовка находила поддержку, поскольку, как считалось, она приносит пользу здоровью и нравственности. Большинство людей были теперь согласны с тем, что идеальная женщина должна обладать здоровым телом, одновременно сильным и гибким, и лицом естественным и открытым, точным отражением прямодушия и мужества. Женская пресса и индустрия моды рекламировали новый образ, отвергая «манерный, слишком изысканный тип красоты» предшествующей эпохи в пользу естественности и простоты*. Современный идеал подчеркивал важность индивидуальности женщины; девочек обучали проявлять инициативу и брать на себя большую ответственность, чем в прошлом. Конечно, концепция новой женщины никоим образом не являлась монополией христианских объединений, которые ее пропагандировали, но она нашла благодатную почву во время Национальной Революции, так как активистки католического движения (включая Жанну Обер, которая в 1928 г. основала ЖОСФ) играли важную роль в Генеральном секретариате по делам молодежи между 1940 и 1943 гг.

Деятельность этого секретариата в отношении молодых женщин была направлены на то, чтобы определить «роль женщин в граждан-

---

Knibiehler et al. De la pucelle a la minette: Les jeunes filles de l'вge classique a nos jours. Paris: Temps Actuels, 1983. P. 224–234.

* См.: *Dominique Veillon.* La Mode sous l'Occupation, débrouillardise et coquetterie dans la France en guerre (1939–1945). Paris: Payot, 1990 (особенно глава 8).

ском обществе». Об этом свидетельствует создание в октябре 1940 г. «Национальной школы женских кадров» (Ecole Nationale des Cadres Fйminins) в Экюлли. Целью школы было воспитание «ответственных руководителей». Большинство молодых женщин, принятых в эту школу, «рекрутировались в молодежных движениях и благотворительных организациях». Там они получали теоретические и практические знания, которые готовили их к конкретному делу: управлять центрами молодых работниц, впервые учрежденными в сентябре 1940 г., для безработных в возрасте от 14 до 21 года. Эти центры были призваны стать подмогой для уже существующих общественных и частных профессиональных школ. В 1944 г. на службе в 345 центрах по переподготовке кадров было занято приблизительно 20 000 молодых женщин*.

Женщины, работая с этим молодым контингентом, продемонстрировали свою компетентность и умение. Методы обучения, однако, имели оттенок антиинтеллектуализма и антииндивидуализма, и было нечто подозрительное во всей этой идее профессиональной переподготовки в ситуации, когда республиканская традиция женского образования подвергалась интенсивному пересмотру. В период между войнами серия реформ грубо уровняла среднее образование девочек и мальчиков – перемена, вызвавшая яростные протесты со стороны некоторых родителей, учителей, а также таких групп, как «Ассоциация родителей учащихся свободной школы» (Association des Parents de l'Ecole Libre). Критики взывали к женской «индивидуальности» – уделу женщин – и к иной, по общему мнению, «культуре» женского пола, отвергая эгалитаризм, который, считали они, не способен уделить достаточного внимания гендерным различиям. Они призывали искать методы, которые позволили бы обучать девочек «иным предметам и в иной манере»**.

Тем не менее режим Виши никогда не бросал серьезного вызова принципу равного образования для обоих полов, хотя и сделал курс «домашней экономики» обязательным для девочек на всех уровнях (закон от 18 марта 1942 г.). Этот закон, однако, не получил широкого применения, отчасти из-за недостатка ресурсов, но также, возможно,

* Nouvelle jeunesse, bulletin de formation et d'information des cadres féminins de la jeunesse française. N 1. Mars 1941. Цифры взяты из работы: *Vincent Troger*. Les Centres de formation professionnelle (1940–1945), naissance des lycées professionnels. Syndicat National des Personnels de Direction des Lycées Professionnels: Imprimerie Colombes, 1987. P. 41, 49.

** L'Education des filles. Quelques principes directeurs. Esquisse d'un plan général d'études: Association des parents d'élèves de l'enseignement libre. Limoges, 1941.

из-за скрытого сопротивления правительственным указам со стороны женщин-учителей. Могло ли правительство Виши, не опасаясь резкой реакции, поставить под сомнение традицию и право, ставшие незыблемыми, или же реформа среднего образования, принятая в 1942 г. и ужесточившая отбор, была достаточна, чтобы ограничить доступ девушек к среднему образованию? (В 1938 г. по всей Франции в лицеях и коллежах обучалось 55 000, а в средних специальных учебных заведениях – приблизительно 50 000 девушек).

Проблемы в системе социального обслуживания

Дефицит и другие трудности военного времени оправдывали призывы вишистов ко взаимной солидарности и поддержке. Чтобы справиться с насущными нуждами момента, правительство и его органы создало широкую сеть социальных служб с целью помочь семьям и женщинам, неожиданно оставшихся без мужей. Этот период ознаменовался резким усилением централизованного государственного вмешательства в сферу здравоохранения и социального обеспечения, а также профессионализацией работы этого сектора под контролем нового правительственного департамента по делам семьи и здоровья. Некоторые частные организации помогали правительству, среди них – «Народное движение семей» (Mouvement populaire des familles). НДС, первоначально входившее в «Конфедерацию христианских трудящихся» (Ligue Ouvrière Chrétienne), превратилось в самостоятельную организацию в 1941 г. Эти частные объединения порой вступали в конфликт с государственными структурами и с «Национальной помощью» (Secours National) – зонтичной организацией, ответственной за координацию деятельности частных благотворительных обществ.

Дух «Народного движения семей», кратко выраженный в лозунге «Смотри, оценивай, действуй», идеально соответствовал климату военного времени. Движение призывало жен военнопленных «взять на себя проблемы семьи» и одновременно самим организовывать коллективные акции. В том же самом стремлении к самостоятельной и ответственной деятельности жены военнопленных создали «Федерацию союзов жен военнопленных» (Federation des Associations de Femmes des Prisonniers), чтобы оказывать прямое влияние на решение затрагивающих их проблемы в обход неповоротливых официальных структур*.

---

* См.: Les Mouvements familiaux populaires et ruraux; naissance, développement, mutations (1939–1955) // Cahiers du GRMF (Groupement pour la Recherche sur les

Означала ли война апогей системы социальной помощи как феномена аполитического, автономного и почти исключительного по участию женщин в общественной жизни? Война обнаруживает ее ограниченность и неопределенность. Социальные служащие не всегда оставались вне политики: некоторые из них участвовали в пропаганде, убеждая французов отправиться на работу в Германию. Парижское радио в 1943 г. постоянно передавало утешительные рассказы некоторых социальных работников, только что вернувшихся из Германии. На другом краю политического спектра подпольная группа «Комба» получала помощь от девушек из «Школы инспекторов» (Ecole des Surintendantes d'Usine).

Возвращаясь к тому времени, некоторые бывшие активистки НДС задаются вопросом по поводу своей деятельности: при том, что необходимость в оказании социальной помощи была насущной и подлинной, не должна ли была эта организация избрать иную шкалу приоритетов? Отдельные участницы в 1945 г. мучительно сожалели о том, что не оказали поддержки Сопротивлению. Ряд работниц из социальных служб оказались в таком же деликатном положении в период Освобождения*.

Следовательно, при режиме Виши общественная роль женщин находилась где-то между тотальной эмансипацией и абсолютной подчиненностью авторитарному патриархату. Режим не осуждал участия женщин в общественной жизни и до некоторой степени допускал ее. Женщинам позволялось быть членами муниципальной администрации. В промышленности «Хартия труда» октября 1941 г. требовала создания заводских комитетов на всех предприятиях с числом более ста рабочих. Женщины могли в них участвовать, хотя на самом деле лишь очень немногие были их членами. В 1942 г., например, три женщины заседали в комитете завода Берлие (производителя грузовиков). И, наконец, Национальный Совет Виши, разрабатывая новую конституцию, намеревался предоставить женщинам права голоса**.

Mouvements Familiaux). Vol. 1. 1983 (ротапринт); L'Action familiale ouvrière et la politique de Vichy // Cahiers du GRMF. Vol. 3. 1985; Sarah Fishman. The Wives of French Prisoners of War (1940–1945): Harvard University. Cambridge (Mass.), 1987 (диссертация).

* Свидетельство Магдалины Лехейра (Les Mouvements familiaux... P. 98). См.: *Yvonne Knibiehler.* Nous, les assistantes sociales. Naissance d'une profession. Paris: Aubier-Montaigne, 1980 (особенно глава 5); *Robert Vandenbussche.* Un mouvement familial: La Ligue ouvière chrétienne sous l'Occupation; а также: Eglises et chrétiens dans le Nord-Pas-de-Calais pendant la Seconde Guerre mondiale // Revue du Nord. Vol. 60. N 238. Juillet-Septembre 1978. P. 663–673.

** См.: *Michèle Cointet-Labrousse.* Le Conseil national de Vichy. Vie politique et réforme de l'Etat en régime autoritaire (1940–1944): Université Paris X. Nanterre, 1984. P. 374–379 (докторская диссертация).

Такое признание роли женщин могло, во всяком случае теоретически, помочь заручиться их поддержкой для осуществления Национальной Революции. В отличие от тоталитарных режимов, режим Виши, однако, никогда не накладывал на женщин каких-либо принудительных повинностей и никогда не ставил их под прямой государственный контроль. Он не создал никаких официальных молодежных или женских организаций. После 1943 г., однако, его методы стало все более трудно отличать от методов фашистского полицейского государства, и поэтому и функционеры, и активисты многих христианских объединений неприязненно реагировали на риторику, которая не столько апеллировала к семье, сколько призывала содействовать победе Германии.

Что же на самом деле означала система гражданской и семейной помощи для миллионов женщин, вынужденных день ото дня сталкиваться с бесконечным числом разнообразных дефицитов и трудностей? И на какую поддержку могло рассчитывать правительство, когда реалии Оккупации показали несостоятельность его мечты о мирном благонравном сельском обществе, опирающемся на безустанную преданность добродетельных матерей?

Война и семейные ценности

В 1940 г. немцы захватили в плен 1 600 000 французов. Более половины из них были женатыми мужчинами, а одна четвертая – отцами. Около миллиона мужчин провели в лагерях для военнопленных все пять лет войны. Для тех женщин, которым посчастливилось увидеть своих мужей, женихов и сыновей, вернувшихся домой вскоре после поражения, передышка оказалась короткой. Между 1942 и 1944 гг. приблизительно от шестисот до семисот тысяч французских рабочих отправились в Германию по линии «Службы обязательной трудовой повинности» (Service du Travail Obligatoire, или STO). Опыт разлуки на этот раз отличался от опыта Первой мировой войны. Солдаты в траншеях могли возвращаться домой в отпуск на короткое время, но плен подразумевал полную разлуку с семьей. Хотя рабочие, завербованные «Службой», теоретически имели право на отпуск, немцы вскоре временно отменили эту привилегию. Контакты с домом ограничивались перепиской и отправкой разрешенных продуктов и вещей. Как и в 1914–1918 гг., женщины стали номинальными главами семей и обнаружили, что они могут «управлять домом по своему полному желанию», однако совсем не радовались этому, поскольку были принуждены к этому об-

стоятельствами. Сара Фишман показала, что отсутствие мужа само по себе не было достаточным, чтобы подорвать традиционное разделение ролей между полами. Женщины считали, что они лишь временно заменяют своих мужей. Жена одного военнопленного вспоминала, что «Сопротивление заключалось в первую очередь в том, чтобы сохранять дом, не расставаться с надеждой и готовиться к возвращению мужа»*.

Другой признак времени, который возбуждает молодежь: при отсутствии отца взрослые страшились губительных последствий для психики и нравственности ребенка. Подростки могли поддаться искушению отказать в повиновении своим матерям, а маленькие дети могли страдать, лишившись «нормальной» семейной жизни. Должностные лица советовали матерям объяснять детям, что их отец уехал и что в его отсутствие она была вынуждена принять на себя его обязанности.

Словом, женщины выступали в роли «хранительниц», пока их мужья отсутствовали. Мужчины питали такую же надежду. Как и во время Первой мировой войны, многих мучила мысль, что они отвергнуты или что им изменяют. Некоторые факторы способствовали этим страхам: многие военнопленные были молоды и состояли в браке совсем недолго; в лагерях постоянно циркулировали слухи, что прошения о разводе удовлетворяются; вдобавок на территории Франции, в отличие от 1914–1918 гг., располагалась вражеская армия. Правительство откликнулось на эти тревоги, приняв в декабре 1942 г. вышеупомянутый закон, «призванный сохранить достоинство дома». Оно также полагалось на коллективную слежку со стороны соседей, коллег по работе и членов семьи. Те, кто состоял в «Федерации жен военнопленных», вспоминают, что они немало пострадали от подозрительности друзей и соседей, которые считали оставшуюся без мужа жену легко поддающейся искушению. Некоторые женщины находили такую преувеличенную бдительность невыносимой и извращенной. Лаура, молодая мать двух маленьких девочек, жила с родителями мужа. В своем дневнике она мечтала о том, как в один прекрасный день она начнет вместе с ним вести собственное хозяйство; она пишет: «Дело в том, что я нуждаюсь в тебе. Семья — это отец, мать и дети. Это не всевластная пара свекра и свекрови, воспитывающих трех детей, где я — только самая старшая». Она признается, что тоже испытывала ревность: некоторые военнопленные имели связь с иностранными работницами и даже с немками, несмотря на постоянные

---

* Цит. по: *Yves Durand.* La Captivité. Histoire des prisonniers de guerre français 1939–1945. Paris: Fédération Nationale des Combattants Prisonniers de Guerre, 1981. P. 228. См.: *Sarah Fishman.* Op. cit. Part 2.

предупреждения и наказания со стороны германского верховного командования*. Когда война закончилась, не все мужчины оказались способными возобновить нормальную семейную жизнь. Опыт плена повлек за собой крах некоторых браков. По всей вероятности, необычно большое число возбужденных в 1945–1947 гг. дел о разводе было связано с возвращением военнопленных, хотя здесь надо сделать скидку на определенное количество разводов, отложенных из-за войны и из-за чрезмерно жесткого вишистского законодательства в этой сфере**.

Оккупация разрушила также обычные человеческие связи, ослабила некоторые социальные ограничения и открыла шлюзы для прежде подавляемых эмоций. Не было необычным, например, когда один из супругов доносил на другого. Нравственный шок от поражения, трудности повседневной жизни, искушение легким заработком от незаконных торговых сделок и необходимость для многих молодых людей покинуть дом (или чтобы отправиться на работу в Германию, или чтобы избежать этой повинности) — все эти факторы способствовали кризису традиционных ценностей, в том числе уважения к родительской власти. После Освобождения политические лидеры, аналитики и психологи выражали беспокойство по поводу будущего так называемых «Ж3» — кодовое обозначение, используемое службами по снабжению для категории подростков, считавшихся слабыми, деморализованными и склонными к совершению преступлений. Брижитт Фриан, женщина строгого католического воспитания, которая тогда была студенткой, вспоминает, что «времена были достаточно сумасшедшими, чтобы легко заставить моих родителей поверить во что угодно». Она вспоминает с удивлением, что они не протестовали, когда она говорила, что из-за комендантского часа проведет ночь вне дома или что уходит по не заслуживающей упоминания причине: «Война была их коллективным провалом... Она подвергла испытанию многие из любезных их сердцу принципов. Они больше не могли служить абсолютным образцом»***.

В то же самое время некоторые браки и семьи укрепились благодаря бедствиям и необходимости выжить, с которыми они сталкивались ежедневно. Некоторые супружеские пары в среде крестьян и торговцев не додавали властям по обязательным поставкам и продавали

* Le Journal de Laure // Celles qui attendaient témoignent aujourd'hui. Paris: Association Nationale pour les Rassemblements et Pèlerinages des Anciens Prisonniers de Guerre, 1985. P. 49–61.

** См.: *Christophe Lewin*. Le Retour des prisonnier de guerre français 1945 // Guerres mondiales et conflits contemporains. N 147. Juillet 1987. P. 49–79.

*** *Brigitte Friang*. Regarde-toi qui meurs (1943–1945). Paris: Plon, 1989. P. 24.

сокрытую продукцию на черном рынке, иногда получая неожиданный доход. Некоторые семьи объединяли усилия, чтобы помочь одному из своих членов избежать депортации в Германию. Последнее, но не менее важное, что я должна также отметить, так это мужество и смелость тех, кто отваживался защищать члена семьи, разыскиваемого властями. Сила семьи вновь заявила о себе: уже в 1943 г. произошел удивительный рост процента законнорожденных детей (с 14,7 на тысячу в 1939 г. до 15,8 в 1943 г.), предвестник послевоенного бума рождаемости. Трудно однозначно объяснить причины этого явления. Свидетельствует ли оно, что правительственная политика по отношению к семье имела успех? Или оно отражает тенденцию к уходу в частную жизнь в момент, когда внешний мир, казалось, источал угрозу?

Работа и средства существования

Как и во время Первой мировой войны, ввиду отсутствия мужчин женщин призывали работать ради выживания их семей, однако на этот раз их не просили вносить свой вклад в дело победы над врагом. Более того, им вполне хватало страданий из-за последствий бедственного положения в экономике, которой правительство по сути дела и не распоряжалось, ибо она была поставлена на службу оккупантам.

Виши и женский труд

В октябре 1940 г. правительство ввело строгие ограничения относительно найма женщин или продолжения их использования правительственными ведомствами. Эти меры пришлись на период роста безработицы, вызванной разрушением промышленности и возвращением домой многих солдат, чьи рабочие места во время так называемой «Странной войны» занимали женщины. Новые ограничения, однако, не применялись строго к частным предприятиям. Тем не менее закон 1940 г. был чрезвычайно непопулярен, и правительство было вынуждено оправдываться, говоря, что он представляет собой лишь временную меру, призванную обеспечить справедливое распределение рабочих мест. В одной радиопередаче чиновник из Государственного секретариата по труду Рене Гердан подчеркивал, что «правительство никогда не стремилось установить в качестве фундаментальной нормы, что женщины принадлежат дому, как могли подумать некоторые плохо информированные наблюдатели». Для женщин, однако, не было

большой разницы в том, являлись ли эти ограничения делом принципа, следствием обстоятельств или и тем и другим одновременно. Затянувшийся плен, вывоз большого числа мужчин-рабочих «Службой обязательной трудовой повинности» в 1942–1943 гг. и низкие доходы многих семей даже после воссоединения супругов сделали женский труд экономической и социальной реальностью: женщинам приходилось работать и потому что нация требовала этого (учитывая дефицит мужского труда), и потому что семьи хоть как-нибудь должны были сводить концы с концами. В сентябре 1942 г. правительство приостановило закон 1940 г. и еще до этого не препятствовало найму женщин на работу в качестве учителей, почтовых клерков и железнодорожных служащих.

Режим Виши изменил еще больше принципам Национальной Революции, пойдя навстречу требованием немцев об обязательной трудовой повинности для женщин в возрасте от пятнадцати до сорока пяти лет (т. е. около девяти миллионов). Тем не менее, хотя правительство согласилось обеспечивать Германию мужской рабочей силой, оно в действительности никогда не шло на это в отношении женщин-работниц. Законы, «касающиеся использования и распределения трудовых ресурсов» (4 сентября 1942 г., 26 августа 1943 г. и 1 февраля 1944 г.) применялись сначала к незамужним женщинам в возрасте от двадцати одного до тридцати пяти лет, а затем к женщинам от восемнадцати до сорока пяти лет, в том числе замужним, но никогда к матерям; позже добавили уточнение, что женщин, удовлетворявших соответствующим требованиям, следует использовать на работах только во Франции.

Создается впечатление, что правительство Виши желало поставить пределы требованиям оккупантов, которые a priori не исключали женщин из своих планов по трудовой мобилизации. Уже в 1941 г. германская пропаганда призывала женщин, как и мужчин, добровольно отправиться на работу в Германию, и некоторые женщины поддались на эти призывы. В начале 1943 г. Фриц Заукель, официальный немецкий уполномоченный по вербовке иностранной рабочей силы, провел переговоры о соглашении, по которому сто тысяч французских рабочих, мужчин и женщин, должны были быть посланы в Германию в дополнение к ста пятидесяти тысячам, имевшим опыт работы в металлургии. В апреле 1943 г. беспокойство по поводу того, что одинокие женщины действительно будут отправлены в Германию, побудило разные христианские организации обратиться с петицией к маршалу Петену. Преподобный Бенье прибыл в Виши с целью добиться от главы государства обещания, что «Служба обязательной трудовой повинности» пощадит жен-

щин*. В январе 1944 г. немцы выдвинули новые требования рабочей силы, включая и женщин, однако в отчете Гитлеру по итогам переговоров Заукель ответил, что «Маршал согласился на использование женщин на работах только во Франции, но не в Германии»**. Оппозиция заговорила в полный голос: ассамблея кардиналов и архиепископов в феврале 1944 г. опубликовала протест, а отделение «Народного движения семей» в Сент-Этьенне информировало префекта о широко распространенных опасениях, вызванных законом от 1 февраля. Участники Сопротивления распространяли брошюры, призывавшие «Ни одной француженки для Рейха!». Ограничительные статьи упомянутых выше законов не помешали оккупантам осуществлять сильное давление на местные власти и даже организовывать настоящие депортации. В июне 1944 г. на работах в Германии находилось 44 835 французских женщин. Правда, они составляли приблизительно 2% от общего числа всех работавших в Рейхе женщин-иностранок; тогда как одни советские и польские женщины насчитывали около 85%***. Однако при относительно малом количестве француженок, отправленных в Германию, сколько же женщин трудилось для Рейха на предприятиях Франции, как того требовали оккупационные власти?

Занятость женщин в военное время

Между 1936 и 1946 гг. процент работающих женщин увеличился, согласно данным того времени, на 3,4% или, после обработки данных, на 1–1,5%****. Этот рост коснулся всех возрастных групп, за исключением

* Уилфред Халс утверждает, что визит Бенье состоялся после принятия закона от 26 августа 1943 г. (*Wilfred D.* Halls. Les Jeunes et la politique de Vichy. Paris: Syros, 1988. P. 377). В своих свидетельских показаниях до процесса Петена Бенье заявил, что он посетил Виши весной 1943 г. См.: Le Procès du Maréchal Pétain, compte rendu sténographique. Paris: Albin Michel, 1945. Vol. 1. P. 369.

** Отчет Заукеля Гитлеру от 25 января 1944 г. (Procès des grands criminels de guerre devant le Tribunal militaire international de Nuremberg. Nuremberg, 1947. Vol. 26. P. 160).

*** Цифры взяты из издания: Commission consultative des dommages et des réparations. Dommages subis par la France et l'Union française du fait de la guerre et de l'Occupation ennemie (1939–1945). Vol. 9. Monographie DP I: Exploitation de la main-d'oeuvre française par l'Allemagne. Appendice 2. Paris: Imprimerie Nationale, 1948.

**** См.: *Jean Fourastié.* La Population active française pendant la Seconde Guerre mondiale // Aspects de l'économie française (Revue d'Histoire de la Deuxième Guerre Mondiale. N 57. Janvier 1965). P. 5–18. Корректировка данных была осуществлена Ж.-Ж. Карре, П. Дюбуа и Э. Малинво (*Jean-Jacques Carré, Paul*

женщин в возрасте от двадцати пяти до тридцати четырех лет; он был особенно значительным для группы от пятнадцати до двадцати четырех лет. Таким образом, межвоенное снижение процента работающих женщин временно остановилось. Это прежде всего было верно по отношению к индустриальному сектору, в котором в 1921 г. было занято 53% женщин, работавших за пределами собственного крестьянского хозяйства, а в 1936 г. только 44%, и это изменение произошло, несмотря на перераспределение занятости между различными отраслями, которое заставило женщин перейти от «шитья к типографскому станку»*. Однако за общей динамикой не видно колебаний, вызванных конъюнктурой: безработица и нестабильность в 1936–1938 гг., увеличение спроса на рабочую силу во время Странной войны и неопределенные цифры для 1940–1944 гг. (женский труд в эти годы еще не стал предметом всестороннего и целенаправленного исследования)**. Следовательно, рискованно утверждать, что женщины заменили или пополнили контингент мужчин, занятых в промышленности, не уточняя, когда, в какой отрасли, в какой пропорции и в какой профессии. Т. е. мы должны хорошо знать обстоятельства, влияющие на найм женщин. Французское промышленное производство в целом задыхалось: согласно выкладкам Альфреда Совн, «многие отрасли отставали более чем на столетие»***. Были ли женщины в состоянии сохранить рабочие места, которые они занимали в те трудные времена? Ответ варьируется в зависимости от региона, типа и отношения работодателя.

Dubois et Edmond Malinvaud. La Croissance française. Un essai d'analyse économique causale de l'après-guerre. Paris: Editions du Seuil, 1972. P. 69–76.

* См.: *Sylvie Zerner*. De la couture aux presses: l'emploi féminin entre les deux guerres // Métiers de femmes / Ed. Michelle Perrot (Le Mouvement Social. N 140. Juillet-Septembre 1987). P. 9–27; Jean-Paul Scot. La Crise sociale des années 1930 en France. Tendances et contre-tendances dans les rapports sociaux // Le Mouvement Social. N 142. Janvier-Mars 1988. P. 75–101.

** Например, цифры занятости, приведенные в издании "Консультативная комиссия" (см. сноску 25) и скорректированные Жаном-Мари д'Оопом (*Jean-Marie d'Hoop*. La Main-d'Oeuvre fransaise au service de l'Allemagne // Revue d'Histoire de la Deuxième Guerre Mondiale. № 1. Janvier 1971. P. 73–88), касаются всей рабочей силы без разделения труда на мужской и женский. Более обстоятельные исследования, представленные на коллоквиуме «Французские предприятия во время Второй мировой войны», демонстрируют разнообразие региональных ситуаций, однако они специально ие рассматривают вопроса о женской занятости. См.: Les Entreprises françaises pendant la Deuxième Guerre mondiale: Centre International d'Etudes Pédagogiques (Sèvres, Novembre 25–26, 1986) (неопубликованная рукопись, находящаяся в библиотеке Института современной истории).

*** *Alfred Sauvy*. La Vie économique des Français de 1939 a 1945. Paris: Flammarion, 1978. P. 156.

С 1941 г. французское производство, ориентированное на Германию, мало-помалу распространилось «на самые разнообразные виды деятельности и на всю страну»*. Оно приобрело более организованный характер после 1943 г. в результате соглашения Альберта Шпеера с бишелоновским министерством (министерством промышленного производства, возглавляемым Жаном Бишелоном. – Прим. пер.). По условиям этого соглашения, фирмам, работавшим на Рейх, предоставлялся приоритет при вербовке рабочей силы и при распределении сырьевых запасов. Оккупанты постоянно занимались подсчетом наличных человеческих ресурсов. В департаменте Вьенн, например, из требуемого контингента 15% составляли женщины. Немцы, естественно, поддерживали те сектора экономики (такие, например, как добывающая промышленность), которые более всего способствовали продолжению войны; они гораздо меньше интересовались производством вспомогательных или потребительских товаров. Индустрия синтетических тканей, к примеру, не могла заменить отсутствия поставок шерсти и хлопка, и женская занятость в уже находившемся в упадке текстильном секторе продолжала падать, особенно на севере. Напротив, в Сент-Этьенне, где металлургические предприятия находились в очень трудной ситуации из-за отправки в Германию большого количества квалифицированных рабочих, женщины оказались востребованными. В парижском округе в металлургической и электротехнической отраслях ситуация с занятостью женщин, которая начала выправляться еще до войны, оставалась стабильной по крайней мере для самых квалифицированных работниц. В Марселе спад в производстве продуктов питания и в торговом секторе обусловил существенный рост количества безработных женщин, достигший пика в 1943 г., в то время как другие отрасли, например, химическая промышленность и металлургия, сохраняли устойчивость.

В этих условиях отношение предпринимателей оказывалось решающим фактором. Несмотря на недостаток сырьевых ресурсов, некоторые работодатели продолжали упорно использовать женский контингент. Так поступали большие парижские дома мод, так делали и мелкие текстильные фирмы в западной Франции. В Сент-Этьенне фирма Казино, практиковавшая семейный тип производственной деятельности, особо широко применяла его в этот период: когда падал объем продаж, рабочую силу сокращали, однако фирма выплачивала им небольшое пособие, чтобы защитить их от полной безработицы и голодной смерти**. Женщины, которые не находили работы на

* См.: *Jean-Marie d'Hoop.* Op. cit. P. 76.

** Примеры взяты из работ: *Monique Luirard.* La Région stéphanoise dans la guerre et dans la paix (1936–1951). Centre d'Etudes Foréziennes, 1980; *Catherine Omnès.* Les Trajectoires professionnelles des ouvrières parisiennes au XXe siѐc-

промышленных предприятиях, могли надеяться получить ее в сфере общественных услуг, где зарплата была ниже, и многие мужчины, поэтому, оставили свои рабочие места. Около 25 000 мест почтовых служащих были заняты на временной основе, главным образом женщинами и даже некоторыми очень юными девушками. Между декабрем 1941 г. и декабрем 1943 г. Французские национальные железные дороги наняли 20 000 женщин*. Что стало с этими рабочими местами после создания в 1946–1947 гг. комиссий по сокращению бюджета и контингента административных учреждений и служб, ведавших сферой общественных услуг?

По причинам, рассмотренным выше, было бы ошибкой категорически утверждать, что между 1940 и 1944 гг. на работу в конторы пришло больше женщин, чем на производство, хотя это кажется вероятным, поскольку самый большой рост занятости женщин вне промышленной и сельскохозяйственной сфер пришелся как раз на этот период. Сразу после войны подсчитали, что доля женщин свободных профессий и занятых в общественном секторе выросла с 13,8% в 1936 г. до 21% с лишним в 1945 г.** Не следует удивляться тому, что занятость женщин увеличилась, несмотря на усилия правительства Виши удержать женщин у домашнего очага: в те трудные годы им приходилось вести повседневную борьбу за выживание.

Повседневные тяготы

Как же удавалось выживать женщинам в условиях, когда их мужья отсутствовали или, даже если они оставались дома, зарплата была заморожена, а цены постоянно росли? И если повышались государствен-

---

le. Délégation a la Condition Féminine, 1988 (неопубликованное исследование, о содержании которого нас любезно информировал автор); *J. P. Beauquier*. L'Activité économique dans la région marseillaise // Revue d'Histoire de la Deuxième Guerre Mondiale. N 95. Juillet 1974. P. 25–52; *Dominique Veillon*. La Mode sous l'Occupation...; *Michelle Zancarini-Fournel*. La Famille Casino. Saint-Etienne 1920–1960 // L'Usine et le bureau. Itinéraires sociaux et professionnels dans l'entreprise, XIXe et XXe siècles / Eds. Yves Lequin et Sylvie Vandecasteele. Lyon: Presses Universitaires de Lyon, 1990. P. 53–73.

* Цифры взяты из работ: *Pierre Delvincourt*. Problèmes relatifs de l'emploi dans les PTT pendant la Deuxième Guerre mondiale // Aspects de l'économie française (Revue d'Histoire de la Deuxième Guerre Mondiale. N 57. Janvier 1965). P. 41–52; *Paul Durand*. La Politique de l'emploi a la SNCF pendant la Deuxième Guerre mondiale // ibid. P. 19–40.

** Подсчеты произведены Жаном Дариком (*Jean Daric*. L'Activité professionnelle des femmes en France. Etude statistique, évolution, comparaisons internationales. Institut National d'Etudes Démographiques (Travaux et Documents. N 5). Paris: Presses Universitaires de France, 1947. P. 85.

ные цены, то цены на черном рынке взлетали на недосягаемую высоту, съедая большую часть государственной индексации заработной платы, что было особенно чувствительно в 1941 г. Средний парижанин зарабатывал две с половиной тысячи франков в месяц, однако менее квалифицированные рабочие получали от тысячи двухсот до тысячи восьмисот франков, а иногда и меньше. В других регионах расхождение было еще большим. В феврале 1944 г. в одной программе национального радио сообщалось, что женщины, занятые на текстильных фабриках Нормандии, заработная плата которым выплачивалась частями и которым приходилось работать с недоброкачественным сырьем, получали в месяц менее тысячи франков. В том же году на черном рынке килограмм масла стоил до четырехсот-шестисот франков, если его вообще удавалось найти. В августе 1943 г. жена военнопленного получала правительственное пособие в размере ста сорока франков в неделю, т. е. чуть больше стоимости блузки.

Правительство не оставалось равнодушным к такому положению нации. Оно увеличивало разнообразные государственные пособия. Введенное в 1941 г. специальное пособие для семей с одним источником дохода в 1943 г. было распространено и на незамужних матерей. В декабре 1943 г. к этому добавили новые компенсации и семейные пособия. Тем не менее такие выплаты не могли заменить второй зарплаты, необходимой для рабочих семей, чьи расходы только на питание достигали, по крайне мере, двух третей общего семейного дохода. Из-за постоянно растущих дефицитов продовольственные нормы, впервые установленные в 1940 г. и распространенные в 1941 г. почти на все категории продуктов, неизменно сокращались: мясной рацион снизился с 360 грамм в неделю в 1940 г. до 120 грамм в апреле 1943 г.; животные жиры – с 650 грамм в августе 1941 г. до 150 грамм в августе 1944 г. Поскольку идеология режима проповедовала социальную справедливость с целью положить конец классовой борьбе, такое издание, как «Единство: Бюллетень рабочих за Национальную Революцию» (Unite: Bulletin des ouvriers de la Revolution Nationale) смогло в 1943 г. опубликовать едкую статью с нападками на «упрощенные стереотипы, представляющие счастливых женщин в окружении очаровательных детей, которые превращают жизнь в радость», когда реальность являла скорее «ужасную картину тяжелого женского труда». Газета поэтому взывала к «справедливости для работающих женщин».

В этом аспекте Национальная Революция была едва не забыта. Не правительственные призывы жертвовать собой, но как раз повседневные реалии вынуждали женщин направлять все усилия на защиту своих семей и заботу о своем хозяйстве. Война заставила каждую из них изучить на практике курс домашней экономики, который официаль-

ные лица намеревались преподавать девочкам в школе. Газеты, афиши и радиопрограммы напоминали женщинам, как надо экономить, перешивать старое, хранить и вторично использовать даже самые мелкие вещи. Так называемые женские добродетели – преданность долгу и здравый смысл – ценились как никогда прежде. Женщины стояли в бесконечных очередях, начиная с очереди в ратушу за карточками, без которых было невозможно купить продовольствие или одежду, и кончая очередью в магазины, причем никогда не было уверенности, что на прилавке что-нибудь останется, ибо положение со снабжением было непредсказуемо. Поставки товаров порой задерживались, и правительство могло в любой момент принять решение об использовании резервов, так что женщины должны были быть все время начеку. Семьи организовывали свою собственную частную систему снабжения, основанную на бартере, сделках на «сером рынке», на связях с друзьями и родственниками в сельской местности, где продовольствие было легче достать, чем в городах.

Существовали также другие способы пополнения семейного стола: посылки с подарками от членов семьи, распродажа или распределение продовольствия, организуемые предприятиями или общественными организациями, программы детских завтраков и экскурсии в сельскую местность или выращивание овощей в саду позади дома*. Здоровье детей было общей заботой и высшим приоритетом. Социальные работники отмечали чесотку и гнойничковый лишай у школьников – признаки плохого питания. Молодые матери были признательны врачам за советы по поводу того, как минимизировать последствия скудного стола или как справиться с отсутствие тепла в доме.

Дефициты, строгая экономия и постоянное напряжение продолжали оставаться частью повседневной жизни большинства женщин до 1949 г., когда окончательно отменили карточную систему. Изобилие не вернулось сразу после Освобождения, на что многие без сомнения надеялись. Опыт 1940-х гг. бесспорно определил психологию женщин на долгие годы вперед. Умения, приобретенные в период Оккупации, пригодились многим из них в 1950-х и в начале 1960-х гг., когда пришлось жить в стесненных жилищных условиях (в условиях бума рождаемости) и когда было еще мало бытовой техники, облегчающей домашний труд.

Лишения повседневной жизни имели много социальных и политических последствий. Они влияли на суждения, которые люди

---

* Например, о работе заводских комитетов в департаменте Луара см.: *Monique Luirard*. Les Ouvriers de la Loire et la Charte du Travail // Revue d'Histoire de la Deuxième Guerre Mondiale. N 102. Avril 1976. P. 57–82.

делали относительно эгоистической или общественно ориентированной форм поведения, – суждения, могущие иметь политический подтекст. В тот период у женщин было много мотивов, чтобы совершить стратегическое отступление к дому и домашнему очагу и занять позицию «осторожного ожидания» и «самозащиты»*. Французы могли принять решение переждать конфликт, когда боевые действия проходили где-то далеко, однако они не могли избежать политизации своей повседневной жизни в контексте действий их собственного правительства и присутствия на земле Франции оккупантов (занявших всю территорию французской метрополии в ноябре 1942 г.). Они могли воздержаться от выбора между странами Оси и союзными державами, но они не могли игнорировать призывы обеих сторон, каждая из которых требовала обязательно сделать выбор. Женщины не были исключены из этой битвы. Их лояльность, как и лояльность мужчин, была призом, за который нужно было бороться, и они, следовательно, как и мужчины, были объектом пропаганды, поскольку противостоящие силы пытались обеспечить для своей идеологии и стратегии поддержку всего населения. Во Франции Вторая мировая война явилась войной без солдат и без фронта, поэтому женщины нашли свое место в ней с самого начала.

Патриотизм

Гунегунда, литературный персонаж, ставший привычным благодаря передачам радио Свободная Франция, вещавшего из Лондона, изображалась как женщина, которая понимала мало или совсем ничего во французской запутанной политической ситуации. Эта новая Бекассина полна, однако, добрых намерений и желания действовать в интересах своей страны. На примере незначительных фактов из ее повседневной жизни ей объясняли, как надо находить выход из трудных ситуаций, и постоянно напоминали, что «немцы – наши враги». Этот неизменный рефрен из Лондона навязывал мысль, что ни один француз ничего не выиграет в случае победы немцев: Оккупация явилась коллективным порабощением, которое превратила все население в заложника Германии. В этом отношении режим Виши – «анти-Франция» – был не их щитом и опорой, как могли думать некоторые французы, а пособником Гитлера.

---

* См.: *Pierre Laborie*. L'Opinion française sous Vichy. Paris: Editions du Seuil, 1990. P. 237.

«Каждый француз, каждая француженка может что-нибудь сделать»

«Не рассчитывайте, что Виши защитит вас». На первых порах Лондон призывал французов сопротивляться морально: не поддаваться пораженческим настроениям, не подчиняться Виши и не запираться исключительно в рамки своих собственных интересов. Женщины были непосредственным объектом этой стратегии, в особой степени после весны 1942 г., когда, по требованию участников Сопротивления, недавно прибывших из Франции, Лондон начал обращать больше внимания на повседневные проблемы французов, прежде всего на проблемы питания и здоровья. В передачах Свободного французского радио звучали возмущенные письма от анонимных француженок, которые называли себя «несломленными и не поддавшимися страху» и которые продолжали «держаться», несмотря на лишения*. Эти обращения сыграли существенную роль в изменении настроения французов, громадное большинство которых сначала не видело непосредственной связи между ненавистью к оккупантам и отказом в поддержке режиму Виши. Только в конце 1942 г. «связь между двумя политическими линиями» стала явной. Но даже после того как Виши, благодаря своей полиции и полувоенным формированиям (милиции), со всей очевидностью продемонстрировал, что он служит гитлеровскому режиму, «еще не обнаруживается истинный дух сопротивления и борьбы в общенациональном масштабе»**. В этом плане отношение женщин к происходящему не отличалось от отношения мужчин. Гражданские права, которыми мужчины единственные пользовались при Третьей Республике, не сделали их ни более проницательными, ни более решительными в защите свободы и родины, чем женщины. Неверно полагать, однако, что и те, и другие оставались пассивным вплоть до трусости. Покорность, погруженность в повседневные проблемы, усталость и страх могли сосуществовать с чувствами и даже актами солидарности с преследуемыми евреями и разыскиваемыми участниками Сопротивления, однако этим чувствам не удалось перерасти в коллективный протест.

Женщины также часто сталкивались с необходимостью выбора: от помощи попавшим в беду до полного погружения в борьбу с немцами. Они принимали решения самостоятельно, без влияния какой-либо организованной женской группы или идеологии. Неко-

---

* Тексты передач Свободного французского радио были изданы Ж.-Л. Кремье-Брилаком: Les Voix de la liberté (1940–1944) / Ed. Jean-Louis Crémieux-Brilhac. Paris: La Documentation Française, 1975. Vol. 1–5.

** *Pierre Laborie*. Op. cit. P. 333.

торые действовали из ненависти к немцам, другие – чтобы помочь родственнику или соседу, третьи – из солидарности с коллегами по работе. Медсестра могла подписывать справки об освобождении от работы. Служащая мэрии могла выдавать фальшивые карточки или удостоверения личности. Женщины, работающие на почте, в этом отношении дают особый пример – их вклад столь велик, что их и поныне считают «одним из главных колесиков Почтового Сопротивления». Трудно количественно определить сопротивление такого типа, безымянное, рассеянное повсюду, незаметное и, конечно, доступное как мужчинам, так и женщинам. Однако эта «инфраструктура молчания» была необходимой для опровержения клеветы и преодоления изоляции, и организованное Сопротивление опиралось в основном на «сумму этих индивидуальных актов»*. Евреи, сначала преследуемые, а затем, начиная с лета 1942 г., подвергнутые систематической травле, также получили помощь от этого молчаливого сопротивления.

Следует, конечно, сказать, что эта реакция была запоздалым выражением изменившегося отношения со стороны части нации, которая в 1940 г. оставалась безучастным зрителем, позволившим режиму Виши издать дискриминационное расовое законодательство и выдать немцам приблизительно 1/4 еврейской общины во Франции. Тем не менее, запоздалое или нет, такое изменение отношения случилось, и оно толкнуло французов и француженок на неподчинение правительству, чьи антисемитские методы осуждались не только как авторитарные, но и как антигуманные: ведь режим, который прославлял семью, на практике выдал немцам еврейских детей. Франсуа Бедарида отмечает, что «множество каналов, как индивидуальных, так и общественных, как спонтанных, так и организованных, были задействованы, чтобы «окончательное решение», спланированное и проводимое в жизнь нацистскими лидерами, в целом не было осуществлено во Франции»**. Именно в ходе деятельности по спасению еврейских детей Мадлен Баро и другие руководители протестантской благотворительной организации СИМАДЕ приняли решение присоединиться к подпольному Сопротивлению. Стало также возможным использовать в качестве прикрытия вишистские общественные ассоциации:

* См. доклады Роланды Трампе и Пьера Лабори на коллоквиуме, организованном Комитетом по истории Почтовой и телекоммуникационной службы и Институтом современной истории: L'Oeil et l'Oreille de la Résistance. Action et rôle des agents des PTT dans la clandestinité au cours de la Deuxième Guerre mondiale (Paris, Novembre 21–23, 1984). Toulouse: Edition ERES, 1986. P. 460–461.

** *François Bédarida.* Le Nazisme et le Génocide, histoire et enjeux. Paris: Nathan, 1989. P. 33.

в Роанне две женщины, функционеры «Крестьянской корпорации» (Corporation Paysanne), постоянно устраивали еврейских детей в крестьянские семьи*.

Проводились также женские демонстрации протеста, многие из которых возглавлялись активистками Коммунистической партии, особенно Даниэль Казанова, занимавшей до 1939 г. пост генерального секретаря «Союза французских девушек» (Union des Jeunes Filles de France). В согласии с общей стратегией партии, эти акции имели целью мобилизовать широкое общественное недовольство против правительства. Ивонна Дюмон, одна из партийных функционеров, ответственных за деятельность женщин в северной зоне, вспоминает, что «ввиду их численности и значимости, [женщины] в итоге представляли потенциальную силу для непосредственного участия в Сопротивлении или, по меньшей мере, для его поддержки... Мы должны были начать вовлекать их в демонстрации протеста и в активные действия»**.

Женщины создавали так называемые «Народные комитеты», которые призывали домохозяек устраивать демонстрации перед мэриями и префектурами, чтобы добиться то раздачи продуктов со складов, то получения талонов на уголь или на овощи. Местные и региональные подпольные газеты для женщин публиковали объявления о таких демонстрациях и объясняли их причины. Протесты умножились весной 1942 г., и радио Свободная Франция сообщало о них в новостях. В Париже толпы протестующих у магазинов на улицах Бюси и Дагерр внимали ораторам под охраной вооруженных людей из организации «Франтиреры и партизаны» (Francs-Tireurs Partisans). Кроме обычных криков «Долой спекулянтов! Хлеб народу!», демонстранты также кричали «Долой бошей!», а в Марселе «Долой милицию!». Лидеры протестующих надеялись использовать чисто материальные требования, чтобы внушить мысль о сговоре между режимом и оккупантами.

Трудно оценить реальное влияние этих комитетов или их роль в формировании женского общественного мнения. Для женщин, вхо-

---

* См.: *Madeleine Barot.* La CIMADE et des camps d'internement de la zone sud 1940–1944 // Eglises et chrétiens dans la Deuxième Guerre mondiale (La France) / Eds. Xavier de Montclos et al.: Colloque (Lyon, 1978). Lyon: Presses Universitaires de Lyon, 1982. P. 293–303; Monique Lewi. Le destin des Juifs et la solidarité chrétienne a Roanne entre 1940 et 1944 // Eglises et chrétiens dans la Deuxième Guerre mondiale (La Région Rhфne-Alpes): Colloque (Grenoble, 1976). Lyon: Presses Universitaires de Lyon, 1978. P. 191.

** Свидетельство Ивонны Дюмон цитировано по: *Marie-Louise Coudert* (avec l'assistance de Paul Hélène). Elles, la Résistance. Paris: Messidor-Temps Actuels, 1985. P. 59–60.

дивших в коммунистическую партию, участие в Сопротивлении было естественным и логическим продолжением их предвоенной борьбы. То же верно для женщин, начинавших свою политическую деятельность в антифашистских организациях, как, например, Мадлен Браун. Она в 1941 г. участвовала в создании Национального Фронта, а позже вступила в Коммунистическую партию. Сюзанна Бюиссон, секретарь Национального комитета женщин-социалисток, была депортирована летом 1943 г. и погибла. Принесенная ею жертва также явилась прямым следствием ее довоенной деятельности. Но большинство других женщин, присоедииившихся к Сопротивлению, не имело опыта политической борьбы.

Сопротивление: братство и равенство между полами?

Многие из тех, кто стал участником активного Сопротивления, отвергал либо режим Виши, либо перемирие, либо и то и другое вместе. Подпольные сети росли за счет привлечения друзей и знакомых*. Сопротивление было по своей природе тайным, молчаливым и разбитым на автономные ячейки. Его члены занимались обычной повседневной рутиной, ходили на работу и вели внешне спокойную семейную жизнь. Во многих случаях Сопротивление рождалось и осуществлялось вокруг домашнего очага. Оно принимало множество различных форм. Первые задания и поручения выполнялись и мужчинами и женщинами. Некоторые задания, предполагавшие использование частных жилищ, бесспорно требовали участия обоих супругов: предоставление убежища, работа проводниками, сбор информации, доставка продуктов — такие задачи не были сами по себе второстепенными или зарезервированными только за женщинами. Они были столь же опасны, ибо одной из особенностей Оккупации являлась доктрина коллективной ответственности: вся семья подозреваемого подлежала наказанию, независимо от действительной роли каждого отдельного ее члена, в нарушение юридического принципа, по которому наказание должно быть соразмерным преступлению. В ноябре 1943 г., например, Жанну Кан, мать двоих детей, бросили в тюрьму Монлюк в Лионе, а позже депортировали по единственной причине, что ее муж был арестован как участник Сопротивления**.

В условиях обычной войны женщина становилась героиней просто потому, что рисковала своей жизнью: ибо рисковать, в принципе, —

* См.: *Harry Roderick Kedward*. Naissance de la Résistance dans la France de Vichy. Idées et motivations 1940–1942. Seyssel: Champ Vallon, 1989.

** *Annette Kahn*. Robert et Jeanne. A Lyon sous l'Occupation. Paris: Payot, 1990.

обязанность одних только мужчин. В условнях же Сопротивлення, подпольного и нелегального, и мужчинам и женщннам приходилось преодолевать, кроме простого страха смерти, целый спектр чувств: беспокойство перед лицом постоянно грозящей опасности, страх перед физической пыткой и психологическим давлением, навязчивая тревога по поводу риска, которому подвергаются родные и друзья. Каждому причастному, независимо от ранга или задачи, требовались осторожность, мужество и выдержка, ибо часто враг не знал, с кем они были связаны, и использовал допрос как способ получения информации.

Однако это равенство в рнске и наказанин, кажется, не породило равенства ни в руководстве движеннем, ни в признанин заслуг. Коллективная память Сопротивления чтит немногих выдающнхся женщин, жертв репрессий, чьи имена служат напоминанием того, что женщины также заплатили цену за свободу: среди них Берти Альбрехт, возглавлявшая вместе с Анрн Френе движение «Комба», дважды пережившая арест и погибшая во время своего второго заключения в тюрьме Френ; Даниэль Казанова, арестованная в 1942 г. и умершая в Аушвице; Снмона Мишель-Леви, организовавшая сеть Сопротнвления в Почтовой и телекоммуникационной службе, подвергнутая пыткам, депортированная в Равенсбрюк, а затем повешенная за саботаж и посмертно названная «Соратником Освобождения» (Compagnon de la Liberation) – только шесть женщин удостоились этого звания. Но помимо этих героинь, сколько же тех, кто был забыт историей и историографией? Целое поколение участников Сопротивления, мужчин и женщин, обнаружило, что после войны политнческие движення, особенно голлисты и коммунисты, записалн их подвигн в свой актив, даже если они оставались в той борьбе вне партий. «Армия теней молчит»*. И самыми молчаливыми из всех были те, кто считал, что он служит нации более, чем какому-то политическому делу.

Женщины, более далекне от власти и политики, чем мужчины, не сумели извлечь выгоду из приобретенного ими опыта. Да и хотели лн онн этого? Когда пришло Освобождение, многие участницы движения франтиреров даже не побеспокоились обратиться за получением удостоверения волоитера Сопротнвления**. Их работа в Сопротивлении казалась им настолько привычной частью повседневной жизни, что онн забыли об опасностях, которым подвергались: жен-

* *Olivier Wiewiorka*. La Génération de la Résistance // Vingtième siècle, Revue d'Histoire. N 22. Avril-Juin 1989. P. 115.

** См.: *Dominique Veillon*. Elles étaient dans la Résistance // Repères, Bulletin de l'AFI (Agence Femmes Information). N 59. Mai 30 – Juin 5, 1983. P. 9–12.

щины, которые вместе со своими мужьями предоставляли убежища участникам подполья, считали рутиной свои обязанности «хозяйки». Деятельности женщин не придавали особого значения, возможно, потому что они реже, чем мужчины, входили в организованные группы и очень немногие руководили подпольными структурами. Среди последних – Мария-Луиза Диссар из сети «Франсуаза», которая выполняла приказы британского Военного министерства; Мари-Мадлен Мерик-Фуркад, возглавлявшая разведывательную сеть «Альянс» (она насчитывала приблизительно 3 000 агентов), работавшую для британской Интеллидженс Сервис; Клод Жерар, ответственная за организацию Тайной армии «Комба» в Дордони и сосредоточившая в своих руках руководство всеми партизанскими боевыми группами в семи департаментах юго-западной Франции.

Первые историки Сопротивления фокусировали внимание на исследовании организации движений и военных операций вооруженного Сопротивления, таких как саботаж и нападения партизан. Женщины не занимали значительного места в организационной иерархии большинства групп Сопротивления, и лишь немногие принимали участие в вооруженных столкновениях. Их вклад был иным: они были секретарями, связными и разведчиками (четвертую часть агентов сети «Альянс» составляли женщины). Они устраивали побеги. В конце 1940 г. была раскрыта британская сеть Гарроу, действовавшая в северной Франции. Более пятидесяти человек, многие из которых женщины в возрасте от тридцати до пятидесяти, были схвачены, депортированы или казнены. Существовало ли такое явление, как «женское Сопротивление» или же по крайней мере особое женское крыло Сопротивления? Нет сомнения, что Сопротивление использовало женские качества как прикрытие, полагаясь на веру немцев в то, что женщины – существа невинные, хрупкие и пребывающие в неведении. Жани Руссо, которой не было и двадцати, работала переводчицей в экономическом учреждении, сотрудничавшем с Германией. Она являлась также агентом в сети «Альянс» под кодовым именем Амниатрикс. «Я могла работать, не подвергаясь большому риску. Я была просто маленькой девочкой, спотыкавшейся о немецкие сапоги, с косичкой на боку и с милой мордашкой»*. Люси Обрак не только дала взятку немецкому офицеру, но также убедила его, что она – юная девушка из добропорядочной семьи, которую соблазнил и отверг ее любовник (она действительно была в тот момент беременна). Этим «соблазнителем», с которым ей

* Свидетельство Жани Руссо цитируется по: *Guylaine Guidez*. Femmes dans la guerre (1939–1945). Paris: Perrin, 1989. P. 200. О разведовательной информации, собранной Амниатрикс, см.: *Marie-Madeleine Fourcade*. L'Arche de Noé, réseau Alliance (1940–1945). Paris: Plon, 1989. P. 406–407.

таким способом удалось добиться свидания, был в действительности ее муж Раймон Обрак, содержавшийся гестаповцами в Лионе и чей побег она планировала.

Участницы Сопротивления часто рассказывают о том, как они использовали женские уловки и аксессуары в своей подпольной деятельности: женщина могла остановиться, чтобы поправить свою подвязку или подкраситься, и в это время изучить территорию вокруг определенного здания. Подлинная или мнимая беременность могли стать оправданием свободной одежды, удобной, чтобы прятать в ней документы или другие предметы. Листовки могли класть в детскую коляску. Традиционные хозяйственные сумки, незаменимые в те времена дефицита, использовались для переноски самых разных вещей. Ольга Бансив, единственная женщина в « группе Манушьяна » (группе военнопленных, бежавших из лагеря и примкнувших к Сопротивлению), переносила в таких сумках оружие. Следует ли из всего этого, что Сопротивление использовало женские качества только как прикрытие и видело в них не более, чем вспомогательную силу, полезную и, конечно, уязвимую, но все равно вспомогательную? Многие женщины говорят, что их опыт участия в Сопротивлении был опытом равенства и братства, опытом солидарности перед лицом сообща переживаемых опасностей, которые заставляли любого причастного к ним забывать об идее мужского превосходства. По мнению Брижитт Фриан, эгалитаристская атмосфера явилась результатом «непривычной войны, которая сорвала все оперения... Мы выковали на время новое общество, в котором каждая личность реализовывала во всей полноте свое человеческое достоинство и была равной каждой другой личности. Рабочий был равен крупному буржуа, конечно, но, что еще более удивительно, женщина была равна мужчине»*.

Кроме того, суждения мужчин о женщинах, что весьма возможно, менялись в результате изменения поведения самих женщин. В Школе кадров (Ecole des Cadres) в Урьяже выяснилось, например, что «маленькие секретарши», которых преподаватели в свое время игнорировали и держали на расстоянии, оказались очень полезными товарищами, когда наступил период подпольной деятельности. Но там, где борьба включала военные действия, существовали границы для такого равенства, как показала Паула Шварц в своем исследовании, посвященном женщинам-коммунисткам, участвовавшим в партизанской войне и в акциях саботажа (например, Мадлен Риффо в Париже и Мадлен Бодуан в Марселе). Очень немногие женщины принимали

* *Brigitte Friang*. Op. cit. P. 47–48.

участие в такого рода деятельности, и большинство из них были молодыми и незамужними. Женщины были вовлечены в планирование и осуществление операций, они были задействованы в транспортировке и сборе оружия, но лишь некоторые из них брали это оружие в руки регулярно. Женщины редко участвовали в боевых действиях, в отличие от других стран, таких как Югославия, где женщины стали важным отрядом вооруженного сопротивления. Более того, роль женщин в боевых группах постепенно ограничивалась по мере «нормализации» Сопротивления. Несмотря на отдельные протесты, женщин исключили из боевых отрядов «Французских внутренних сил» (Forces Fransaises de l'Interieur) во время Освобождения. Одной из женщин, чью просьбу о зачислении в боевое подразделение отвергли, оказалась Жанна Боэк, специалист-подрывник и инструктор по саботажу, связанная с Центральным бюро разведки и деятельностью Свободной Франции в Лондоне*. Подпольная и нелегальная жизнь привела к размыванию границ между гендерными ролями, но этого уже не допускали, когда функцию ведения военных действий взяла на себя официальная армия, составленная из «настоящих» солдат, сражающихся с врагом в открытом бою.

После пяти лет страданий

16 декабря 1943 г. Морис Шуман обратился к своим соотечественникам по радио Свободная Франция: «Если в предыдущей войне женщина отдала делу свободы сотни героинь, то в этой войне она впервые отдала ему сотни тысяч бойцов». Свободная Франция не просто отметила роль женщин, но пообещала вознаградить их, «обеспечив политическое, экономическое и социальное равенство между Ивелиной и ее мужем, между Арлеттой и ее женихом». Конечно, пропаганда Свободной Франции не всегда была последовательной, и Лондонское радио постоянно смешивало справедливость с заслугами, а равенство с различием. Утверждалось, например, что женщины способствовали возрождению Франции благодаря некоторым специфически женским добродетелям — добродетелям, тесно связанным с их женской природой и материнской функцией: они «проникают

---

* См.: *Paula Schwartz*. Partisanes and Gender Politics in Vichy France // French Historical Studies. Vol. 16. N 1. Spring 1989. P. 126–151. Свидетельство Жанны Боэк цитируется по: Les Femmes dans la Résistance: Colloque organisée par l'Union des Femmes Françaises (Sorbonne, Paris, Novembre 22–23, 1975). Paris: Editions du Rocher, 1977. P. 38.

в суть проблем и понимают преображение любви». Однако недвусмысленное обещание было сделано, и возникла реальная надежда, подтвержденная назначением Люси Обрак делегатом Консультативной ассамблеи в Алжире. «Освобождение нации приведет к эмансипации французских женщин»*. В июне 1942 г. генерал де Голль объявил, что французские женщины получат право голоса, и соответствующая мера была одобрена Алжирской ассамблеей 23 марта 1944 г. Этот факт остается самым ярким и знаковым проявлением решимости переделать Францию и покончить с медлительностью и колебаниями Третьей Республики. Однако эта самая решимость затеняла уже наметившуюся в период между двумя войнами тенденцию к предоставлению женщинам избирательного права и ту борьбу, которую женщины вели за него сами. Отношения между феминизмом и левыми, временами непростые, стирались из памяти.

«Налога кровью», однако, было недостаточно для установления равенства. Несмотря на приход к власти нового поколения политиков, которое выросло в годы Сопротивления, признанию женских прав и способностей препятствовали некоторые ценности и представления, которые не могли уничтожить даже пять лет страданий. В июне 1945 г. депутат Марианна Верже сочла необходимым выйти на трибуну, чтобы объяснить своим коллегам-мужчинам, что «особые требования», предъявляемые женщинам, желающим поступить в Национальную административную школу (Ecole Nationale d'Administration), являлись «безнадежно устаревшими и несправедливыми». Законодатели вновь действовали, исходя не из идеи второсортности женщин, а из представления об их отличии от мужчин. Верже признала это различие, однако призвала утвердить предложенную ею поправку на том основании, что «мы ставим вопрос не о наших правах, но лишь о праве исполнять наш долг»**. Явные и непосредственные последствия времени Оккупации, если рассматривать их в контексте всего периода (1930–1970 гг.), кажутся скромными: женщинам и девушкам, пережившим войну, не удалось добиться основных законодательных реформ, признания своих прав и упразднения дискриминации. Эти новые гражданки могли оказаться в сфере влияния крупных католи-

---

* Выступление Мориса Шумана в радиопрограмме"Честь и Родина" 16 декабря 1943 г. (Les Voix de la liberté... Vol. 4. P. 131–132) и 24 марта 1944 г. (ibid. P. 219).

** Свидетельство Марианны Верже приведено по: Guy Thuillier. Op. cit. P. 80–81. Об аморфности эгалитаристского дискурса см.: *Marie-France Brive.* L'Image des femmes a la Libération // La Libération dans le Midi de la France (Travaux de l'Université de Toulouse-Le Mirail. Ser. A. Vol. 35). Toulouse, 1986. P. 387–402.

ческих или коммунистических объединений, однако они продолжали недоверчиво относиться к своему участию в традиционных формах политической борьбы*.

В 1942 г. новеллист Веркор (Жан Брюлле) опубликовал в подполье свое классическое произведение «Молчание моря», представив в символических образах образцовые достоинство и сдержанность, которых требовало повседневное сосуществование с врагом. Освобождение показало, до какой степени обстоятельства Оккупации стерли границы между общественной и частной жизнью. Всякий, кто в личных интересах попытался извлечь выгоду из присутствия немцев на территории Франции, ныне должен был объяснить свое поведение судам или комиссиям по чистке (comissions d'epuration), даже если его мотивы не были явно политическими или идеологическими. Так как Оккупация политизировала повседневную жизнь, значительное число женщин теперь предстало перед судом по самым разным причинам. В 1944–1945 гг. в суде Орлеана почти 40% обвинений в клевете, работе на немцев или коллаборационизме касалось женщин**. Некоторые из них подверглись в период Освобождения публичному физическому унижению (стрижка наголо, выставление в обнаженном виде) за интимные связи с немецкими солдатами. В областях, в которых концентрировались оккупанты, многих женщин судили за тесные отношения с врагом, значительно увеличивая тем самым процент дел против женщин***.

Весной 1945 г. выжившие в лагерях возвращались из «адского мира, чудовищного, совершенно безумного и совсем другого – Иного Мира»****. Трудно, если не невозможно, исследовать в оставшейся части главы вопрос, могло или не могло мученичество женщин отличаться от мученичества мужчин. Если человечество состоит из мужчин и женщин, считается ли с этим различием бесчеловечность? Нацистская система интернирования была столь же беззаконной и жестокой по отношению к женщинам, как и по отношению к мужчинам. Усло-

* См.: *Mattei Dogan et Jacques Narbonne.* Les Françaises face a la politique. Comportement politique et condition sociale. Cahiers de la ENSP. N 72. Paris: Armand Colin, 1955.

** См.: *Jean Goueffon.* La Cour de justice d'Orléans 1944–1945 // Revue d'Histoire de la Deuxième Guerre Mondiale et des Conflits Contemporains. N 130. Avril 1983. P. 51–64.

*** См.: *Marcel Baudot.* L'Épuration, bilan chiffré // Bulletin de l'Institut d'Histoire du Temps Présent. N 25. Septembre 1986. P. 37–52 (результаты исследования ситуации в двадцати восьми департаментах).

**** Свидетельство Маринетты Дамбуайан (Les Françaises a Ravensbrück: Amicale de Ravensbrьck et Association des Déportées et internées de la Résistance. Paris: Gallimard, 1987. P. 288).

вия были столь же ужасны: принудительный труд, избиения, пытки и унижение всех видов. Старых, немощных, физически и психически больных систематически уничтожали, и женщины не пользовались особым снисхождением*. Напротив, в своих принципах и намерениях нацистская идеология различала тех, кого она считала «недочеловеками», и остальных. Что касается этнических групп, эксплуатировали и жестоким обращением доводили до смерти не только отдельных их представителей, но собирали целые семьи — мужчин, женщин и детей — с целью стереть весь их род с лица земли. Уничтожение планировали сделать тотальным, чтобы эти презираемые расы не имели потомков и никогда вновь не могли притязать на принадлежность к человеческому роду.

Женский лагерь в Равенсбрюке принял между маем 1939 г. и апрелем 1945 г. от 110 000 до 123 000 узников; не менее чем 90 000 из них погибли. «Однако кто-нибудь может сказать, что все смерти были похожи. Достаточно описать небольшое число, скажем, десять типичных случаев, а затем мысленно умножить на 10 000. Но это ложный путь... Мы знаем, что каждая агония была индивидуальной, что она была горьким уделом одной единственной женщины. И это сто тысяч раз»**. Это «мы знаем» делало столь трудной адаптацию к нормальным условиям после чуда выживания. Возвратившихся терзали воспоминания о лагере и, особенно, об умерших: «Мы живы. Это также плохо для нас», — писала Жермена Тийон в 1947 г. Некоторые женщины чувствовали, насколько глубоко трансформировалась их личность: «Официально, конечно, я вернулась назад. Но в действительности, вернулась ли я?», — спрашивала себя Мишлин Морель***. Другие, уже опустошенные, узнав по возвращении домой, что их любимые умерли или что они оставили их, говорили об «эмоциональной смерти». Кроме личных трагедий отдельных женщин, все вернувшиеся были поражены, потрясены и даже приходили в ужас, обнаружив, что «нормальный» мир не понимал, не мог и не хотел понять одного: «Как они могут, все они, продолжать жить, как прежде, просто жить — и мы в первую очередь? Возможно, именно это отделяет нас от них. Или, возможно, совершенно изменившаяся шкала ценностей»****.

Время не стерло этих воспоминаний — далеко не стерло. В 1988 г. Жермена Тийон опубликовала третью книгу о Равенсбрюке, вновь

---

* См.: *Anise Postel-Vinay.* Les Exterminations par gaz a Ravensbrück // Germaine Tillion. Ravensbrьck. Paris: Editions du Seuil, 1988. P. 305–330.

** Les Françaises a Ravensbrück... P. 293.

*** *Micheline Maurel.* Un camp très ordinaire. Paris: Editions de Minuit, 1985. P. 185.

**** Les Françaises a Ravensbrück... P. 305.

задавая вопрос, что побуждало обычных людей, «которые, казалось бы, ограждены всеми парапетами нашей цивилизации», «хладнокровно и день за днем» пытать, убивать или приказывать убивать «на их глазах миллионы людей». Она писала свою книгу без какой-либо особой ненависти к одной определенной нации: «С 1939 г. по 1945 г. я, подобно многим, поддалась искушению искать различия, отделять одних от других: «они» делали это, «мы» не совершили бы такого. Сегодня я больше не верю в это, и я убедилась на деле, что ни одна нация на земле не застрахована от коллективного нравственного падения»*.

* *Germaine Tillion*. Op. cit. P. 104.

8

Советская модель

Франсуаза Навай

«Никакое государство, никакое демократическое законодательство не сделало для женщин и половины того, что Советская власть стала делать с первых месяцев своего существования», – говорил Ленин*. С 1917 г. по 1944 г. СССР был гигантской лабораторией социального эксперимента, и пример советской женщины показателен. Исследователи женской проблемы не могут игнорировать этого, иначе они рискуют повторить прежние заблуждений или недооценить некоторые явления.

Ввиду того, что СССР расположен на огромной территории Европы и Азии и в нем проживало около ста народов с различными культурами и религиями, мы ограничимся исследованием только России. Москва, центр власти, навязала русскую модель и приложила все усилия, чтобы стереть национальные особенности. Был предложен один идеал, и периферия последовала ему.

Российская империя являлась автократией. В стране, где рабство было уничтожено только в 1861 г., а первые парламентские выборы проведены лишь в 1906 г., оппозиция очень быстро радикализировалась, и женский вопрос сразу же вписался в более широкие планы. Очень рано гораздо большее число женщин, чем где-либо, стало участвовать в революционном движении и составило 15–20% численности всех партий**.

---

* Цит. по: *Andre Pierre*. Les Femmes en Union soviétique. Paris: SPES, 1960. P. 15.

** См.: *Gail Warshofsky Lapidus*. Women in Soviet Society: Equality, development and social change. Berkeley: University of California Press, 1978. P. 37.

В городах существовало также независимое женское движение, особенно активное между 1905 г. и 1908 г., которое в конечном итоге сконцентрировало свои силы на борьбе за получение права голоса. Напрасно. Накануне Первой мировой войны Россия имела следующие социальные страты: тонкий культурный слой, ориентированный на Запад, зарождающаяся буржуазия и огромная отсталая крестьянская масса (80% населения). Эти три мира соприкасались друг с другом, но избегали и не понимали друг друга. Такая данность тяжело отразится на будущем.

1 августа 1914 г. начинается война. Между 1914 г. и 1917 г. более десяти миллионов мужчин мобилизовано, особенно крестьян. Ухудшается и без того бедственное положение деревни. Многие женщины вынуждены работать на земле, в конце концов они составят почти 72% рабочей силы в сельском хозяйстве*. Они заменяют мужчин и в промышленности: от 33% в 1914 г. до почти 50% в 1917 г**. С 1915 г. они осваивают новые сферы и массой идут работать в административный аппарат. Но им платят меньше, чем мужчинам, а цены молниеносно растут. Начиная с 1916 г., обеспечение продовольствием городов и фронта дезорганизовано. Страшно непопулярная война затягивается. вспыхивают бунты и стачки, в которых женщины принимают самое активное участие. Напряжение растет. Женщинам принадлежит честь начать революцию.

23 февраля 1917 г. по юлианскому календарю (т.е. 8 марта по новому стилю) работницы и их дети выходят на демонстрацию на улицы Петрограда: так как социалисты не смогли договориться о лозунгах и действиях, они импровизирует, требуя мира и хлеба. На следующий день к ним присоединяются и мужчины, движение быстро ширится, и 2 марта царь отрекается. Образовано Временное правительство, которое декретом от 20 июля предоставляет женщинам право избирать и быть избранными – раньше Англии (1918 г.) и США (1920 г.). Феминистки, одержав победу, прекращают свое существование как автономная сила. События ускользают из рук либерально настроенных женщин. Женский батальон, составленный из интеллигенток, дворянок, представительниц буржуазии и рабочего класса, защищает Зимний дворец, резиденцию правительства, взятый приступом в ночь с 25 на 26 октября. Революция превращается в кровавую Гражданскую войну, исход которой долгое время остается неопределенным.

---

* См.: *Nicolas Werth.* La Vie quotidienne des paysans russes de la Révolution a la collectivisation (1917–1939). Paris: Hachette, 1984.

** См.: *Gail Warshofsky Lapidus.* Op. cit. P. 164.

Противоречивое десятилетие

Советская Республика взята поначалу в кольцо фронтов белыми, союзниками и националистами, вскоре большевики восстанавливают почти всю Империю.

Декрет от 19 декабря 1917 г. автоматически признает развод в суде или в ЗАГСе в случае взаимного согласия супругов, аннулирует публичность приговора и понятие виновности. Россия – первая страна в мире, которая в такой степени облегчает бракоразводный процесс. Декрет от 20 декабря 1917 г. отменяет церковный брак и унифицирует процедуру бракосочетания, упрощая ее до крайности. Дети, и законные, и незаконные, имеют одинаковые права. Эти две меры затем включаются с дополнениями в Семейный Кодекс от 16 декабря 1918 г., уникальный для Европы того времени по своей открытости. Все происходит отныне через ЗАГС. Власть мужа в семье отменена. Муж не может навязать жене ни своего имени, ни своего дома, ни своей национальности. Существует абсолютное равенство между супругами и по отношению к детям. Гарантированы отпуск по беременности и защита женского труда. Фактически этот курс ориентируется на узкое определение семьи, которая включает только родственников по прямой линии, восходящей и нисходящей, и братьев с сестрами. Супруг имеет тот же статус, что и родственники по прямой и боковой линии без всяких привилегий и прерогатив. Это, конечно, не очень стабильная семья. Связи между ее членами ослаблены: наследование в апреле 1918 г. запрещено (и частично восстановлено в 1923 г.); аборт разрешен без всяких ограничений 20 ноября 1920 г.

Кодекс 19 ноября 1926 г. подтверждает эти положения и идет еще дальше, поскольку он уравнивает брак, зарегистрированный в ЗАГСе, и союз «по факту», сожительство. Чтобы развестись, достаточно простого заявления от одной стороны, даже отправленного по почте: развод «по почтовой карточке». Любовь более свободна, но взаимные обязательства имеют элемент принуждения в связи с алиментами*. Этот Кодекс – инструмент свободы, который освобождает женщину, мужчину и ребенка от прежних структур. Ничто не должно напоминать прошлого. Людей приглашают менять фамилии в 1918 г. и имена в 1924 г., чтобы называться Марленом (Марксизм-Ленинизм), Энгельсиной, Октябриной и пр. Кодекс одновременно – инструмент принуждения, который применяется к самым консервативным слоям общества – крестьянству и мусульманским областям. Фактически коммунистическая партия, горстка городских интеллектуалов, не считается – и не хочет считаться – с большинством населения страны, которое она толкает

---

* *Иван Курганов*. Семья в СССР: 1917–1967. Нью-Йорк: Посев, 1967.

к светлому будущему. Уничтожить царизм, построить социализм: все зигзаги законодательства вытекают из этого двойного императива.

Марксисты, женщина и семья

Главное содержание этих двух задач сформулировано еще в «Манифесте Коммунистической партии» (1848 г.), которое Энгельс затем развил в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» (1884 г.). Для марксистов семья, а значит женщина в семье, находится в тесной зависимости от экономического положения и от природы государства. У буржуазной семьи, основанной на выгоде, есть только одна, репродуктивная, функция. Капитализм эксплуатирует пролетариат и разрушает его семьи; буржуазия увековечивает общность жен благодаря адюльтеру и общность работниц благодаря проституции. При таком подходе аморальность субстанциональна капитализму и буржуазии. Если экономическая структура уничтожена, буржуазная семья исчезает как факт, так же как и проституция. С этого времени женщина получает абсолютное равенство в гражданских правах. Общественная организация домашнего труда, забота о воспитании подрастающего поколения, которую берет на себя государство, позволяет ей работать и быть экономически независимой. Чем же тогда становится семья? «Так как, однако, моногамия обязана своим происхождением экономическим причинам, то не исчезнет ли она, когда исчезнут эти причины? Можно было бы не без основания ответить, что она не только не исчезнет, но, напротив, только тогда полностью осуществится»*. Ибо брак основывается теперь только на естественной склонности без всякого материального принуждения. Союз естественно прекращается, когда исчезает чувство. Но развод, скорее подразумеваемый отцами-основателями, чем специально ими рассматриваемый, должен оставаться исключением, с их точки зрения.

Главный марксистский труд Августа Бебеля «Женщина и социализм» (1879 г.) исследует экономическое и сексуальное положение работницы в свете «Капитала» Маркса, извлекая из него принципиальные тезисы. Бебель полагает, что причиной неравенства могут быть сами мужчины, а не только буржуазная система. Но он добавляет, что получение чисто женских прав не сможет решить общей проблемы отчуждения женщины и что только уничтожение экономической составляющей способно освободить женщину от мужской опеки. Поэтому женщина должна бороться за дело революции вместе с пролетариатом. Что касается брака, он говорит только, что нужно принимать его

---

* *Фридрих Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Сочинения. 2-е изд. М., 1961. С. 78.

всерьез, не пренебрегать обязанностями и искать постоянства. Маркс, Энгельс и Бебель, такие точные при описании функционирования капитализма, становятся уклончивыми, когда встает вопрос о будущем. Они считают, что революция обязательно создаст новые отношения между полами — экономические, а значит и общественные, и человеческие. Все заключено в этой формуле «а значит». Прежняя семья неизбежно исчезнет и переродится. Для марксистов, и вообще для революционеров, чисто феминистская борьба — отвлекающий маневр буржуазии, который мешает единству и тормозит революцию. Поэтому в левом лагере не существует реальных разногласий по женскому вопросу. Один факт прекрасно иллюстрирует единодушие марксистов по этому поводу. Большевичка Инесса Арманд, стремящаяся примирить мораль, секс и коммунизм, планирует в 1915 г. написать памфлет, чтобы изложить в нем свой взгляд на семью. Ленин отговаривает ее от этого проекта, называя ее идеи левацкими*. Она уступает. Великолепный пример того, что Коллонтай называет конфликтом между «драконом и белой птицей»**, мужским неприятием творческого женского порыва.

Коллонтай, феминистка поневоле

Александра Коллонтай (1872–1952 гг.) находится в самой гуще спора о женщине и семье, разгоревшегося в первое десятилетие Советской власти. Сама ее личность воплощает этот противоречивый период. Ее биография типична для того поколения. Родившись в дворянской и обеспеченной семье, в детстве она мечтала о другой жизни. Выйдя в девятнадцать лет замуж, чтобы вырваться из своего круга, она в двадцать шесть лет оставляет мужа, уезжает для получения образования в Цюрих, Мекку русских интеллектуалов, ввязывается в политическую борьбу и становится профессиональной революционеркой. Ее послужной список блестящ: первая женщина, избранная в Центральный комитет в 1917 г., она голосует за Октябрьское восстание. Первая женщина в правительстве на посту наркома здравоохранения, она активно участвует в разработке кодекса законов 1918 г. Активный член «рабочей оппозиции» в 1920–1921 гг., она выступает за ограничение всевластия партии. В 1922 г. она — первая женщина-посол. С этого времени дипломатическая работа за границей отдаляет ее от Москвы до 1945 г.

* См.: *Richard Stites.* The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism. 1860–1930. Princeton: Princeton University Press, 1978. P. 260–261.

** *Александра Коллонтай.* Письма к трудящейся молодежи. Письмо 3-е. О «драконе» и «белой птице» // Марксистский феминизм: коллекция текстов А. М. Коллонтай. Тверь, 2003. С. 258–272.

Но ее имя неотделимо от полемики 1920-х гг., ожесточенности которой она способствует, делая на нее слишком большую ставку. Впоследствии раскритикованные, искаженные или окарикатуренные идеи Коллонтай излагаются ею в статьях, памфлетах и брошюрах. И особенно в документированных теоретических трудах («Социальные основы женского вопроса», 1909 г.; «Семья и коммунистическое государство», 1918 г.; «Новая мораль и рабочий класс», 1918 г.), так же как и в ее шести художественных произведениях, опубликованных в 1923 г. И даже если некоторые аспекты несут печать того времени, ее творчество в целом остается современным.

Коллонтай предлагает синтез марксизма и формально не признаваемого ею феминизма (она всегда с ним боролась), поскольку марксизм допускал феминизм с некоторой долей утопического фурьеризма. Она берет у Маркса и Энгельса идею распада буржуазной семьи и ее возрождения после революции; она заимствует многое у Бебеля, прежде всего идею несомненного единения женщин в условиях угнетения. Но она пытается преодолеть слишком обобщенные представления, осознавая, что революция является только исходным пунктом и что необходимо еще изменить ментальность и нравы, чтобы обеспечить новое содержание союза мужчины и женщины. И в этом ее оригинальность. Например, она подчеркивает материализованную волю мужчин и отчуждение женщин, которые предпочитают какой-угодно брак одиночеству и делают ставку только на любовь*. Коллонтай развивает таким образом теорию воспитания чувств: практика «любви-игры», тонкая эротическая дружба, основанная на взаимоуважении, должны уничтожить ревность и собственнический инстинкт**. Она определяет новую женщину (сквозная ее тема) как энергичную и самоутверждающуюся: ее основные характеристики – требовательность по отношению к мужчинам, отказ от материальной и эмоциональной зависимости, протест против общественно-экономических преград, лицемерной морали и рабства в любви. Самостоятельная и активная женщина узнает тогда «последовательную моногамию»***. В статье «Дорогу крылатому Эросу» (1923 г.) она анализирует любовь и ее различные грани: дружбу, страсть, материнскую нежность, духовную близость, привычку и пр. «Бескрылый Эрос», чисто физическое влечение, должен уступить место «Крылатому Эросу», который сочетает согласие тел и чувство долга перед коллективом, необходимое в переходный период строительства социализма. В развитом социалистическом обществе наступит эра «преображенного Эроса», когда союз будет основан на здоровом, свободном и естественном

* *Александра Коллонтай*. Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909.

** *Александра Коллонтай*. Любовь и новая мораль // Марксистский феминизм... С. 226–228.

*** Там же. С. 228.

влечении*. Чтобы союз мужчины и женщины расцвел, нужно отделить «кухню от брака»** и увеличить число столовых, яслей, диспансеров. И, наконец, она дает новую оценку материнству: оно – «не частное дело, а социальная обязанность»***. Женщина должна иметь детей во имя общества. Коллонтай рассматривает аборт как временное зло, существующее, пока сознание трудящихся женщин его не преодолеет. Она осуждает отказ от материнства как мелкобуржуазный эгоизм. Но это не означает коллективизации детей; родители свободны делать выбор – воспитывать их дома или в детских учреждениях. Однако любовь в целом – и секс – по своей духовной значимости преобладает над материнским инстинктом. «Новое трудовое государство нуждается в новой форме общения между полами. На место узкой любви матери только к своему ребенку должна вырасти любовь матерей ко всем детям великой трудовой семьи. На место нерасторжимого кабального брака создается свободный товарищеский союз двух любящих равноправных членов трудового общества. На место эгоистической замкнутой семейной ячейки вырастает большая всемирная трудовая семья, где все трудящиеся, мужчины и женщины, станут прежде всего братьями и товарищами»****. Коллонтай призывает женщин защищать, внедрять и нести в себе идею своей собственной ценности.

Несомненно, аргументация Коллонтай вписывается в классический марксизм с его приматом экономики, но она идет еще дальше и требует также высоких отношений, предупредительных и игровых. Этика для нее так же важна, как и политика. Она – одна из первых, кто соединяет сексуальность и классовую борьбу еще до В. Рейха: «Откуда же берется это непростительное равнодушие идеологов прогрессивной социальной группы к одной из существенных задач данного класса? Как объяснить себе то лицемерное отнесение «сексуальной проблемы» к числу «дел семейных», на которых нет надобности затрачивать коллективные силы и внимание? Как будто отношения между полами и выработка морального кодекса, регулирующего эти отношения, не являлись на всем протяжении истории одним из неизменных моментов социальной борьбы...»*****

В СССР 1920-х гг. у Коллонтай мало сторонников. Ее товарищи считают такие идеи легкомысленными и несвоевременными. Ибо ее точка зрения предполагает социальную и экономическую инфраструктуру,

---

* *Александра Коллонтай*. Дорогу крылатому эросу! (Письмо к трудящейся молодежи) // Марксистский феминизм... С. 291.

** *Александра Коллонтай*. Революция быта // Марксистский феминизм... С. 231.

*** Там же. С. 237.

**** Александра Коллонтай. Семья и коммунистическое государство. М., 1920. С. 22.

***** *Александра Коллонтай*. Половая мораль и социальная борьба // Марксистский феминизм... С. 83.

хотя и обещанную, но еще не реализованную. Коллонтай беспощадно раскритикована в статье большевички П. Виноградской, ее сотрудницы по Женотделу в 1920 г. П. Виноградская упрекает ее в смещении приоритетов, в пренебрежении классовой борьбой, в безответственном поощрении сексуальной анархии, беспорядочной частной жизни, провоцирующей контрреволюционные волнения. В настоящий момент следует заниматься актуальными проблемами, защищать жен и детей, выдвигать женщин вместо того, чтобы нападать на мужчин. Маркс и Энгельс уже все сказали по этому поводу; бесполезно исповедовать «жорж-сандизм».

Что касается Ленина, то он все связывает с экономикой и выбирает моногамную, эгалитарную и серьезную семью, преданную Делу: как его мирное супружество с Надеждой Крупской. Инессе Арманд, которая видит в свободной любви поэзию, он отвечает, что это — обыкновенная буржуазная безнравственность. Его идеал вдохновлен ригористическим романом Николая Чернышевского «Что делать?» (1862 г.), который, по его словам, «потряс его до глубины души»* и так сильно, что он заимствовал у него заглавие для своего теоретического труда 1902 г. В его беседах с Кларой Цеткин, происходивших в 1920 г., но которые были опубликованы в 1925 г., после его смерти, со всей очевидностью отражается его неприятие беспорядочных любовных и сексуальных связей. Он видит в этом знак декаданса и опасность для здоровья молодежи, а значит угрозу для революции. Он выступает против «антимарксистской», по его мнению, теории, которая хотела бы, чтобы «в коммунистическом обществе удовлетворение сексуальных желаний, любви было бы так же просто и неопасно, как выпить стакан воды». Ленин ни на кого конкретно не ссылается и не говорит о Коллонтай (его слова произнесены до полемики 1923 г.). Но он будет иметь в виду ее идеи и ее самое, когда возмущенно скажет: «Конечно, жажду необходимо утолять! Но разве нормальный человек в нормальных условиях ляжет плашмя на улице, чтобы пить из грязной лужи или даже из стакана, края которого были запачканы десятками других губ». Здесь абсолют чистоты и имплицитная мысль, что множество партнеров само по себе аморально. Кредо Ленина остается негативным: «Ни монах, ни Дон Жуан, ни немецкий филистер как нечто среднее»**. Конечно, Ленин осуждает семейное рабство: «женщину душат, огрубляют, унижают мелкие заботы домашней жизни, которые приковывают ее к кухне, к детской, которые расходуют ее силы на непродуктивный, тяжелый и страшно утомительный труд», но он ничего не говорит о новой семье.

---

* *Nicolas Valentinov.* Mes rencontres avec Lénine. Paris: Plon, 1964. P. 110.

** Цѐт. по: *Jean Früville.* La Femme et le Communisme: Anthologie de textes. Paris: Éditions Sociales, 1951. P. 220–222.

Для ортодоксальных марксистов дети существуют вне семейной схемы. Жены или женщины вообще – это не очень ясно в начале – занимаются ими, но отцы ни разу не упоминаются при распределении ролей. Коллектив поддерживает, защищает, пронизывает и оказывается важнее этой узкой пары, составленной из двух строго равноправных членов. Женщина прежде всего – это труженица, традиционная женственность отвергается, ибо она связана с прежним буржуазным режимом. Равенство в действительности – это идентичность полов. Существа-близнецы составляют новое трудящееся человечество. «Экономически и политически, а, следовательно, и физиологически, современная пролетарская женщина должна сближаться и все более и более сближается с мужчиной», – пишет психоневролог марксист Арон Залкинд в 1924 г*. Для таких не имеющих различий индивидов сексуальные отношения не играют большой роли. Такая позиция предполагает два возможных пути: или множественность партнеров ради удовлетворения простой физиологической потребности (эта позиция юной Жени в новелле Коллонтай «Любовь трех поколений»), или ленинский аскетический вариант. Самое важное – обуздать любовь.

Однако эту модель следует рассматривать только как гипотетическую. В 1920-х гг. частная сфера остается нетронутой. Сосуществуют многие разные типы отношений.

Новая Россия

Чтобы реализовать закон, осуществить экономическое равенство, унифицировать столь многообразную страну и ускорить интеграцию женщин, в сентябре 1919 г. создается Женотдел (Женский отдел при Центральном комитете) с филиалами на всех партийных уровнях. Им руководят последовательно пять женщин, среди которых – Инесса Арманд (1919–1920 гг.) и Александра Коллонтай (1920–1922 гг.). Женотдел дает советы, помогает, разрешает профессиональные и семейные конфликты (алименты), вносит законы, предлагает изменения или улучшения декретов, участвует в кампаниях по ликвидации безграмотности или по искоренению проституции, координирует деятельность различных административных органов, следит за соблюдением женских квот при найме на работу или в Советах, занимается продовольственными, жилищными, профилактическими вопросами, инспектирует школы и детские дома. Женотдел дополняется системой уполномоченных: работницы и крестьянки, избранные своими коллективами, посещают годичные

---

* Цит. по: *Wladimir Berelowitch*. Modèles familiaux dans la Russie des années 20 // L'Évolution des modèles familiaux: Cultures et Sociétés de l'Est. N 9. Paris: IMSECO, 1988. P. 35.

образовательные и просветительские курсы. Затем в течение двух месяцев они проходят практику в Советах или в судах, а затем возвращаются на свое рабочее место. Речь идет, таким образом, о настоящей школе гражданства. В конце 1920-х гг. через нее прошло около десяти миллионов женщин. Даша, героиня романа Федора Гладкова «Цемент» (1925 г.), – это крайний пример свободной женщины. Активистка-делегатка, она настолько освободилась от старых связей, что жертвует своей семьей, своим очагом и даже своей дочкой, которая, отданная в детский дом, там умирает. Влияние Женотдела и уполномоченных очевидно, и они играют решающую роль в формировании женского самосознания. Однако Женотдел остается второстепенной политической силой и часто служит обычным приводным ремнем власти. Начиная с 1923 г., его обвиняют в феминистском уклонизме, неизлечимом грехе.

Итак, новая Россия находится еще в пеленках. Реальность, игнорируемая утопией, влияет на коммунистический проект, который в ответ становится то более умеренным, то более жестким, вызывая новые реакции. Эти резкие скачки продолжаются до середины 1930-х гг.

Во-первых, идет Гражданская война, в которой женщины принимают самое активное участие на всех уровнях (медицинском, военном, политическом) и которая порождает невероятную социальную и политическую мобильность. Но итог тяжел: в 1921 г. уже пять миллионов умерших, начало дефицита мужчин, вскоре ставшего хроническим, и страшная нищета. Больше не существует каналов обмена. Торговля и обмен запрещены. Правительство хочет установить прямое распределение продуктов. Рабочим платят товарными талонами, но эти талоны не могут быть реализованы. Промышленность производит не более 15% довоенной продукции, сельское хозяйство – приблизительно 60%. Нормирование снижается. В городах хлебный паек иногда доходит до двадцати пяти грамм в день. Не хватает мяса, обуви, одежды, угля и дров. Крестьянские мятежи против продразверстки, эпидемии тифа и холеры, страшный голод 1920–1921 гг. с проявлениями каннибализма и с двумя миллионами жертв приводят к политической, экономической и гуманитарной катастрофе. Люди едва выживают среди холода и голода. Как следствие полного развала банды беспризорных детей бродят по стране, живут в развалившихся домах, просят милостыню, воруют, убивают, занимаются проституцией. Их около семи миллионов в 1921 г. Это явление сопровождает периодически каждый очередной социально-экономический перелом, и до начала 1950-х гг. зрелище нищих детей в лохмотьях будет обычным. Чтобы социализировать этих правонарушителей, в 1923 г. восстанавливают институт усыновления, отмененный в 1918 г.

В феврале 1921 г. мятеж кронштадских моряков ставит под сомнение саму легитимность власти. Перед лицом этого грандиозного кризиса по

предложению Ленина на партийном съезде в марте 1921 г. принимается решение о НЭПе (Новой экономической политике). Чтобы как можно скорее восстановить экономику и спасти режим, разрешены мелкая торговля и частное предпринимательство, в 1922 г. и 1924 г. драконовскими мерами проводят оздоровление денежной системы. Однако остаются национализированными базовые секторы: тяжелая промышленность, транспорт, внешняя торговля, часть внутренней торговли, образование, пресса, медицина. Быстро улучшается продовольственное обеспечение городов, которое, правда, пока остается ненадежным и мало разнообразным. Напротив, потребительских товаров, даже первой необходимости, мало, они дороги и низкого качества. Очень сильна инфляция: 60% для розничных цен в 1923 г. Уровень жизни поднимается медленно, и только в 1923 г. достигает показателей 1913 г. Вновь появляется заработная плата, размеры которой зависят от квалификации и должности: удар по тотальной уравниловке 1917 г. Для некоторых максималистов НЭП кажется предательством. Но он позволяет обществу перевести дух и реорганизоваться. Кроме того, это время, когда создаются параллельные каналы распределения питания (спецмагазины, спецстоловые) и других благ (квартиры, дачи, «конверты») для членов партии, которые тайно улучшают свой быт, демонстративно скромный. Мало-помалу растет пропасть между народными массами и руководителями, и в отношения между людьми вновь вторгается материальный интерес*.

Сосуществование двух неравных секторов экономики — мелко частническая торговля, когда все остальное национализировано — ярко отражает фундаментальный дуализм власти: с одной стороны, реализация желаний и потребностей общества, с другой, устройство общества по заранее установленной схеме без учета его желаний и потребностей. Волюнтаристское законодательство и искусство поддерживают утопию. Представители всех областей культуры воспевают революцию и служат ей; они пишут рекламные лозунги или трудятся в средствах массовой информации, как поэт Маяковский. Кино прославляет революционную эпоху. Писатели пытаются осмыслить новую жизнь, и некоторые архитекторы уже мечтают о счастливом городе будущего с его семейными коммунами-фалангами и рабочими клубами.

Но прозаическая реальность НЭПа опровергает и смеется над этими грандиозными мечтами. Например, официальная норма жилой площади на человека — 9 кв. м. Она падает иногда до 6 кв. м. и меньше на человека и даже на семью. В результате разрухи и застоя многие живут в общежитиях или теснятся в неприспособленных и мало обору-

* См.: *Yves Trotignon.* Naissance et Croissance de l'URSS. Paris: Bordas, 1970. P. 64–86.

дованных квартирах. Это «коммуналка»: в конфискованной квартире выделяют одну комнату для семьи или одинокого человека, ванная и кухня – общие. Теснота порождает мелочные конфликты, которые отравляют быт. Очереди становятся обычным явлением. Только на экранах и в ограниченном кругу руководителей появляются вкусная еда и элегантность.

Наконец, роль и влияние партии варьируется в зависимости от регионов. Несмотря на сенсационные успехи, явные неудачи отбрасывают страну за пределы социализма. Из-за низкой квалификации и в связи с демобилизацией мужчин доля женщин среди рабочих и служащих снижается: только 24% рабочих и служащий в 1928 г*. против 40% в 1914 г. Внедрение женщин в мир труда протекает медленно, их интерес к политической жизни остается слабым. Если в 1926 г. в городах голосует 42,9% женщин, то в деревне лишь 28%. Нужно ждать 1934 г., чтобы достигнуть соответственно 89,7% и 80,3%**. В деревнях уполномоченные – это чаще всего учительницы или медсестры, приехавшие из города, а не крестьянки. Последние держатся в стороне от власти. В 1926 г. в городских Советах насчитывается 18,2% женщин против 9,9% в сельских Советах***.

Свободы и беспорядки

Общество еще не стабилизировалось. В результате войны и голода население переживает масштабные миграционные процессы. Надеясь жить лучше и не голодать, потоки людей то направляются в города, то бегут в деревню. Эти «кочевники» живут вне закона. Вместе с тем ясли, детские сады, столовые, прачечные и другие учреждения становятся дешевле, ибо государство из своих многочисленных приоритетов выбирает экономическое возрождение. Идеология руководит всем: когда желают порвать с буржуазным кодексом поведения и ведут себя демонстративно плебейски, за неимением образования и благородного происхождения, жестокость становится добродетелью, а грубость языка и нравов – нормой. Рассказ Пантелеймона Романова «Без боярышника» (1926 г.) повествует о первом свидании студентки, навсегда оскорбленной грубым и быстрым актом того, кого она любит среди грязи общежитской спальни. Возвращается проституция и с нею – венерические заболевания. Среди проституток много деклассированных и крестьянок, вырванных из своей среды, которых пытаются перевоспитать. Кто они? Жертвы или антисоциальные элементы? Власть колеблется.

* См.: Gail Warshofsky Lapidus. Op. cit. P. 165.
** См.: Ibid. P. 204.
*** См.: André Pierre. Op. cit. P. 16–17.

В определенном смысле женщинам было предоставлено все сразу и без борьбы. Остается самое трудное – обучение правам и создание нового образа жизни. Но как следствие социально-исторического контекста и законодательства 1918 г. и 1926 г. со всеми его лакунами свобода вырождается и приводит к обратному результату.

Нестабильность брака и массовый отказ от детей – это два знака времени. Множатся аборты, рождаемость угрожающе падает, становится частым отказ от новорожденных. Переполненные детские дома превращаются в настоящие богадельни. Увеличивается число дето- и женоубийств. Действительно, дети и женщины – первые жертвы нового порядка вещей. Ухудшение положения женщин (особенно в городах) очевидно. Отцы покидают семью, часто оставляя жену без средств к существованию. Процедура развода по простому заявлению одной стороны порождает самое циничное поведение. Уравнение брака «по факту» с зарегистрированным направлено как раз на то, чтобы защитить женщину от случайных связей и обязать мужа обеспечить ее потребности, как и потребности потенциальных детей. Этим способом на мужчину возлагают обязанность, которую государство не способно взять на себя. Но нужно доказать эту связь, а в законе отсутствуют критерии ее определения. Юриспруденция ищет наугад. Отсюда долгие и часто безрезультатные поиски отцовства, которые отравляют отношения между полами и становятся литературными сюжетами эпохи. Алименты часто проблематичны: закон не устанавливает их размеров, а суды определяют их, как придется. Часто назначают 1/3 месячной зарплаты. Это порождает непредвиденные последствия и невыносимые расходы: как прожить, отчисляя десять рублей из зарплаты в сорок рублей? как содержать внебрачного ребенка, когда на шее сидит еще четверо законных? Мужчина платит алименты, если имеет на это средства, что случается редко, чаще же просто отказывается содержать незаконнорожденных детей. Почти в половине случаев решения судов не выполняются.

На это накладываются практические проблемы. Так как предоставление жилья является монополией государства и так как очередь на его получение бесконечна, некоторые разведенные вынуждены продолжительное время жить вместе, и поэтому не имеют возможности создать новую семью. Фильм Абрама Роома «Трое в подвале» (1927 г.) прекрасно иллюстрирует нравы эпохи НЭПа. Он воспроизводит вечный треугольник, показывая всю тяжесть вынужденного сожительства – муж, жена и любовник делят одну комнату – и вечную мужскую проблему, когда после уловок обольщения наступают бесцеремонность и мужская солидарность против женщины-супруги и/или любовницы.

Материальные причины (жилье, низкая зарплата, дефицит) и нравственные (одиночество) толкают многих женщин на аборты, несмотря

на их желание иметь детей. Анкетирование, проведенное в 1927 г. в Москве, показало, что 71% женщин выдвигают на первый план условия жизни и 22% – свою «нестабильную личную жизнь». Только 6% отвергают идею материнства*.

Если городская среда, высокоинтеллигентная и квази интеллигентная, исповедует нонконформистскую модель, как это показывает личная жизнь поэта Маяковского, некоторые слои населения не принимают ее. В 1928 г. насчитывается еще 77,8% крестьян против 17,6% рабочих и служащих**. Идут жаркие споры вокруг Кодекса 1926 г., что свидетельствует о сохранении значительного влияния крестьянского сознания. Несмотря на статьи, брошюры и митинги, информация доходит плохо. Крестьяне, взволнованные неконтролируемыми слухами, верят, например, что установят обязательную общность жен. Самым спорным пунктом Кодекса является абсолютное равенство между зарегистрированным браком и браком «по факту». Аграрный Кодекс 1922 г. подтвердил общинную организацию деревни, мира, и подтвердил принцип неделимости семейной собственности, двора. Развод одного члена двора и уплата алиментов влекут за собой деление двора, трудно реализуемое и катастрофическое для крестьянского хозяйства. Ослабевшее от бесконечных военных действий 1914–1921 гг., крестьянство замыкается в своих ценностях и боится любых новшеств.

Из всех статей, брошюр, памфлетов, опросов, речей, романов и фильмов той эпохи вырисовывается достаточно неоднозначный образ женщины: передовая работница в красном платке, плохо одетая и серьезная, или отсталая крестьянка в белом платке по самые глаза; комсомолка, раскованная и боевая, или машинистка, легкомысленная, кокетливая и флиртующая. Женщина воплощает одновременно арьергард и авангард общества. Умы разрываются между убежденностью и смятением. В конце 1920-х гг. романы изображают упрямых, неспокойных и несчастных героинь. Развращенность города и консерватизм села волнуют и ведомых и поводырей. Женщины хотят стабильности, мужчины отказываются от ответственности, а партия пытается защитить свой глобальный проект. С 1926 г. становится ясно, что несмотря ни на что, семья уцелеет. Во имя экономического прогресса жертвуют некоторыми отраслями легкой промышленности. Семья и дети возвращаются и остаются в руках женщин. Считается, что женский вопрос окончательно урегулирован: Женотдел распущен в 1929 г.

---

* См.: *Nicolas Werth.* L'URSS: de l'amour libre a l'ordre moral // Histoire. N 72. Novembre 1974. P. 74–79.

** См.: *Yves Trotignon.* Op. cit. P. 82.

«Женщина Востока, сбрось паранджу!»

Женотдел, тем не менее, сохраняется в Средней Азии до середины 1950-х гг. Надо сказать, что Советская власть устанавливается там с трудом. По-настоящему в этот регион мир приходит только в 1936 г. Очень долго села, захваченные бандами басмачей, живут в неуверенности. В этой ситуации лозунг «Освободить женщину!» тождественен призыву к разрушению экономической и социальной структуры. Деисламизация женщины – это политический инструмент.

Положение мусульманок до революции было различным. У казанских татар реформы предвосхитили социализм, так как в 1900 г. на двенадцать татарских женщин приходилась одна, получившая образование, против одной на пятьдесят пять в России. Тысяча делегатов, из которых двести составляли женщины, Первого Всероссийского мусульманского съезда, открывшегося в Москве 1 мая 1917 г., провозглашают равные права для мусульман – и мужчин, и женщин, показывая пример всему миру*. Несмотря на эти достижения, ситуация в целом оставалась негативной. 19 января 1918 г. создается Центральный комиссариат по делам мусульман. Отменяются полигамия, браки с девочками, не достигшими половой зрелости, левират, выкуп за невесту (калым). Вводится обязательное образование, открывается доступ ко всем профессиям. Самая сенсационная мера и самая символическая – снятие паранджи, которое превращается в систематическую кампанию, начиная с 1926 г. Это чревато опасностью. Передовые женщины, решившиеся отказаться от паранджи, подвергаются насилию и убийству со стороны мужей или оскорбленных братьев. В 1928 г. погибает более трехсот женщин. В 1930 г. эти преступления квалифицируются как контрреволюционные. Но обычаи сдают свои позиции очень медленно. В 1950-х гг. еще встречаются женщины с паранджой, ранние браки и полигамия даже в руководящих кругах. Сохраняется калым. Политика повышения статуса женщин свидетельствует об ощутимом отставании. Это доказывают итоги кампании по ликвидации безграмотности: к 1927 г. 95% женщин в Средней Азии безграмотны, тогда как средний национальный показатель – приблизительно 60%. В 1959 г. на тысячу учащихся мальчиков приходится девятьсот двадцать одна русская девочка и шестьсот тринадцать мусульманок**. Приобщение женщин к миру труда также наталкивается на сопротивление. В своем громадном большинстве они заняты в сельском хозяйстве, но их чрезвычайно мало в промышленности и в государственных учреждениях. Еще сегодня в пяти республиках

---

* См.: *Vincent Monteil*. Les Musulmans soviétiques. Paris: Le Seuil, 1982. P. 125–135.

** См.: *Gail Warshofsky Lapidus*. Op. cit. P. 142.

Средней Азии работает 25,6% против 43,6% в славянских республиках*. Их участие в политике также остается ниже среднего.

Тем не менее эмансипация женщин Средней Азии – это реальность. Между 1933 г. и 1979 г. их число в обрабатывающей промышленности увеличилось в тридцать три раза. Они вышли из заточения, получили образование и квалификацию. Но мусульманские общества глубоко эндогамны. Национальная идея часто связана с традицией и религией; традиционное отношение к женщине является фундаментальным при конструировании национальной идентичности. Противиться выдвижению женщины, тормозить его значит бороться против русификации. Переориентация Средней Азии на Европу не проходит без столкновения и отступлений и остается поверхностной.

Консервативная революция

НЭПу не удалось обеспечить длительного оживления экономики, которая остается неустойчивой и разбалансированной. Безработных в 1924 г. семьсот тысяч человек, а в 1927 г. уже почти два миллиона. Чтобы поставить на ноги промышленность, власти запрещают частный сектор и составляют весной 1928 г. Первый пятилетний план, который предусматривает поэтапную индустриализацию страны, а вместе с ней и непрерывную череду высоких урожаев и стабильную внешнюю торговлю. В марте 1928 г. в результате зернового кризиса ухудшается обеспечение города. Вводится карточная система. Снова не хватает хлеба, сахара, молока, мыла и тканей. Начинается силовое противостояние крестьянства и власти, которого избежали в 1921 г. Это решающий поворот. Коллективизация сельского хозяйства, осуществляемая драконовскими методами, должна обеспечить регулярные поставки зерна для внутренних нужд и для экспорта. Перед лицом крестьянской оппозиции, открытой или пассивной, правительство проводит аресты и конфискации. Некоторые крестьянки действуют решительно: они препятствуют изъятиям, оскорбляют и избивают представителей власти. Но эти выступления анархичны и ограниченны, за исключением Средней Азии, где уже стоят на грани гражданской войны**.

Процесс нормализации длится до 1935 г. От страшного голода 1932–1933 гг. умирает около шести миллионов человек, к которым надо доба-

* Данные 1987 г. (Женщины в СССР – 1989. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 10, 16).

** См.: *Lynne Viola*. Babi Bunty and Peasant Women's Protest during Collectivisation // The Russian Review. Vol. 45. 1986. N 1. P. 23–42.

вить два с половиной миллиона жертв репрессий*. Уровень жизни снова обрушивается; заработная плата замораживается или снижается. За исключением кратких передышек, инфляция упорно держится до 1945 г**. Основные продукты исчезают; продолжается дезорганизация потребления, а с ней и обнищание большей части населения. Крестьянство отныне имеет особый статус – с 1932 г. до 1972 г. –, который приковывает его к колхозу; оно превращается в класс второй категории. Ухудшается положение рабочих. Сдельная зарплата (1932 г.), трудовые книжки (1938 г.), ужесточение дисциплины, ограничение перехода с одной работы на другую способствуют созданию «казарменного социализма», который характеризуется централизмом, строгой иерархией и частой ротацией персонала благодаря двуединой политике отстранения и выдвижения кадров.

Индустриализация и мораль: возвращение семьи

Кризис 1929 г. побуждает СССР выбрать автаркию – страна вернется в мировой процесс только в 1960 г. Сектор А (тяжелая промышленность) имеет приоритет над сектором Б (легкая промышленность). Снова настоящее посвящено будущему. Народ мобилизован, чтобы осуществлять грандиозные (плотины, гигантские заводы, каналы и т.д.) или показные проекты (московское метро). В то время как класс, названный гегемоном, живет в нищих бараках и недоедает***, мистика Плана растет. Поэт И. Мандельштам восклицает:

«Пусть это оскорбительно – поймите:
Есть блуд труда и он у нас в крови»****.

Растрачивать свои силы на любовь и секс значит обкрадывать революцию. Свобода нравов и частая смена сексуальных партнеров осуждаются в пользу революционной сублимации, выдвинутой Ароном Залкиндом в его «Двенадцати заповедях» и возведенной отныне в догму*****. Общество считает себя нормативным, гомосексуализм квалифицируется как преступление в 1934 г., проститутки снова становятся вне закона. Богема 1920-х гг. изжила себя, педагогические, художественные и социальные эксперименты закончились. Культ стальных машин, сверкающих тракторов и доблестных стахановцев господствует

* См.: *Ivan Kourganov*. La Catastrophe démographique // Est-Ouest. N 598. 16 juillet 1977. P. 14–20 (данные приведены на стр. 18).

** См.: *Basile Kerblay*. La Société soviétique contemporaine. Paris: Armand Colin, 1977. P. 174.

*** *Andrй Gide*. Retour de l'URSS. Paris: Gallimard-Idées, 1978. P. 51.

**** *Осип Мандельштам*. Избранное. М., 1991. С. 308.

***** См.: *Nicolas Werth*. L'URSS... P. 77.

на страницах газет и на экранах. Массовый гипноз охватывает умы, и в этом, начиная с 1934 г., самое активное участие принимает интеллигенция, как, например, писатели Валентин Катаев и Лидия Сейфуллина или кинорежиссер Сергей Эйзенштейн. Они отливают свое творчество в форму «социалистического реализма». Повсюду стройки пятилетки требуют рабочую силу. Женщин-рабочих занято в производстве от 28,8% в 1928 г. до 43% в 1940 г*. Женщины осваивают новые секторы: шахты, металлургию, химическую промышленность. Некоторые профессии им запрещены как тяжелые и опасные для здоровья; закон защищает беременных женщин. Но индустриализация, а затем война ведут к тому, что запреты не соблюдаются, а отпуск по беременности сокращается. Использование женщин на тяжелых работах имеет, впрочем, двоякий смысл: оно доказывает, что все профессии им открыты. В целом женщины занимают, как правило, должности, не требующие особой квалификации.

Но строительство социализма нуждается в стабильном обществе, базовой ячейкой которого является крепкая и сплоченная семья. Необходимо также восстанавливать демографические потери в результате войн и репрессий. Экономические и идеологические императивы объединяются, чтобы создать новую модель и реабилитировать семью. Осуждение ее объявляется буржуазным и левацким. Долой экзальтированного андрогина! Отныне прославляют широкобедрую mater familias. «Правда» чествует передовую доярку, чьи ловкие пальцы выдаивают молочные реки, символ плодовитости. В августе 1935 г. «Известия» пишут: «Наши женщины, гражданки самой свободной страны в мире, получили от Природы дар материнства. Пусть они бережно хранят его, чтобы рождать советских героев!». В апреле 1936 г. Сталин пишет в газете «Труд»: «Аборт, который убивает жизнь, недопустим в нашей стране. У советской женщины те же пальцы, что и у мужчины, но это не освобождает ее от великого и благородного долга, который ей дала природа: она мать, она дает жизнь».

В 1935 г. в прессе развертывается жаркая кампания вокруг двух проблем: аборт и развод. В 1928 г. абортов было в полтора раза больше, чем рождений; в 1934 г. в Москве на три аборта приходилось одно рождение**. В мае 1935 г. процент разводов в городах — 44,3%***. В связи с этим в июне 1936 г. аборт запрещен, за исключением случаев по медицинским показаниям, несмотря на явную оппозицию женщин,

* *Moshe Lewin*. La Formation du système soviétique. Paris: Gallimard, 1987. P. 359.

** См.: *Иван Курганов*. Женщина и коммунизм. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1968. С. 188.

*** См.: *Andrü Pierre*. Op. cit. P. 26.

которая проявляется в огромной почте. В качестве компенсации вводится система семейных пособий и увеличиваются алименты. Вместе с тем бракоразводная процедура усложнена: обязательное присутствие супругов, запись в паспорте о разводе, повышенный тариф. Тем не менее брак «по факту» сохраняется.

Эти реформы утверждают тесную связь между материнством, постоянным замужеством и крепкой индивидуальной семьей. В 1935 г. даже восстанавливается власть отца в семье. Первые результаты потрясают. За один год показатель разводов падает на 61,3%. В Москве между октябрем 1935 г. и октябрем 1936 г. аборты снижаются в пятнадцать раз. Рождаемость растет слабо. Но падение доли рождаемости неумолимо: 14, 7 на 1000 в 1925 г.; 39, 2 на 1000 в 1930 г., 31 на 1000 в 1940 г*. Поскольку объективные условия не меняются, женщины продолжают делать аборты. Они это делают подпольно со всеми сопутствующими рисками.

Чтобы держать в руках все общество и обеспечить себе преданный аппарат, Сталин прибегает к террору. В 1935 г. смертная казнь применяется, начиная с двенадцати лет. В 1937 г. разрешены пытки; незаконные и массовые аресты, сфабрикованные показательные процессы в Москве определяют ритм дней и ночей. Между январем 1937 г. и декабрем 1938 г. арестовано семь миллионов человек, три миллиона расстреляно или умерло в лагерях**. Женщины составляют 12–14% из числа арестованных коммунистов***. Обвинения идентичны для всех: саботаж, троцкизм, шпионаж... Но к этому с августа 1934 г. добавляется понятие «родственник врага народа», которое касается в первую очередь жен и сестер: от двух до пяти лет лагерей за недоносительство на мужа или брата, «врагов-народа», пять лет ссылки за незнание****. Детей репрессированных отправляют в детские дома. Поощряемый донос разрушает семьи и человеческие отношения, в то время как на афишах лица расцветают в улыбках.

Однако некоторым людям режим выгоден. После предвоенных чисток настоящая мелкая буржуазия, чрезвычайно конформистская, приверженная к ритуалам, эмблемам и нормам, выходит на поверхность и удобно устраивается за своими тюлевыми занавесками и геранью, следуя литературным штампам эпохи. Революция обуржуазивается: возвращаются шляпы и галстуки. Действительно, сталинская реакция обеспечивает определенный консенсус, несмотря на все свои негативные стороны, ибо она дает реальные возможности для социального продвижения. Воспеваемая Мать, ассоциированная с Родиной-кормилицей, во-

* См.: Ibid. P. 30–31.

** См.: *Robert Conquest*. La Grande Terreur. Paris: Stock, 1970. P. 493.

*** См.: *Иван Курганов*. Женщёна... С. 86–87.

**** *Michel Heller*. La Machine et les rouages. Paris: Calmann-Lévy, 1985. P. 218.

площается в традиционным образе здоровой крестьянки. Ибо «окрестьянивание» советских ценностей очевидно. Индустриализация ускорила исход из села: между 1928 г. и 1940 г. население городов удваивается*. Сельские предпочтения и предрассудки оставляют глубокий след в ментальности новоиспеченных горожан, даже если крестьянин потерял свой статус главы семьи и хозяина. Иногда колхозница зарабатывает больше, чем он, она может быть экономически независимой. Фактически деклассированный, мужчина теряет самоуважение и уважение других. Один фильм прекрасно иллюстрирует новое реальное и одновременно идеализированное место женщины. «Член правительства» (1939 г.) Иосифа Хейфица и Натана Зархи рассказывает о пути безграмотной и избиваемой мужем крестьянки. При поддержке партии она становится председателем колхоза, затем депутатом Верховного Совета. Муж оставляет ее, униженный ее возвышением, но потом возвращается. Послание ясно: женщина выигрывает на всех досках – образование, семья, власть –, ибо ставит на первое место свои обязанности гражданки; и за это ей дано еще большее счастье. Кроме того, в фильме развивается тема соперничества мужчины и женщины, где в качестве арбитра выступает партия. По отношению к 1926 г. наблюдается четкое и очевидное отступление в законодательном и нравственном плане; героиня замужем, и у нее нет никаких связей после ухода супруга.

Однако по сравнению с заграницей СССР в правовой сфере остается передовой страной: смешанное обучение, гражданский брак, совершеннолетие в восемнадцать лет, право голосовать и быть избранной, политическая карьера, широкий спектр профессий. Советская женщина в принципе экономически свободна: за равный труд – равная зарплата. Но сдельная оплата ей невыгодна, так как ее производительность ниже. Кроме того, женщина, работающая на предприятии, еще ведет и свое домашнее хозяйство. Двойной рабочий день – норма. В 1937 г. героиня одной книги так резюмирует то, что от нее ждут: «Конечно, жена должна быть матерью, быть тем человеком, который должен создавать и семейный уют. Но ведь для этого вовсе не надо уходить от общественной работы. Для этого надо сочетать семейные дела с делами общественными и работать в обществе наравне с мужчинами»**. Эту цель тем более трудно достичь, что правительство не выполняет своих обещаний. Постановления 1936 г. по поводу яслей и детских садов остаются одним пожеланием. В 1951 г. их количество уступает уровню 1934 г***, а в деревне

* См.: *Yves Trotignon*. Op. cit. P. 225.

** *Федор Панферов*. Бруски. Книга четвертая // Федор Панферов. Собрание сочинений в шести томах. М., 1986. Т. 3. С. 294–295.

*** *Louise E. Luke*. Marxian Woman: Soviet Variants // Ernest J. Simmons. Through the Glass of Soviet Literature. New York: Columbia University Press,

их нет вовсе. Жизнь тяжела, но надежда на лучшее будущее, готовность приносить ради него жертвы поддерживает людей.

Шаг вперед, два шага назад

В 1940 г. в сельском хозяйстве занято шестнадцать миллионов человек. Когда 22 июня 1941 г. начинается война, тринадцать миллионов мобилизовано или отправлено на военные предприятия. Рабочую силу в деревне составляют теперь на 70% женщины*. Как и в 1914 г., они принимают эстафету. В 1945 г. их в целом 56% среди рабочих и служащих – самая высокая цифра во всей истории советских женщин. Спектр профессий – от чернорабочего до высшего функционера. Война способствует выдвижению женщин, повышению их квалификации и ускоренной ликвидации старых обычаев в Средней Азии и на Кавказе.

Послевоенный период приносит разочарование: демобилизованные ветераны возвращаются на свои прежние должности. В 1950 г. женщины занимают только 47% мест. Регресс особенно заметен для некоторых категорий, как, например, женщин-председателей колхозов и директоров совхозов, которых было 2,6% в 1940 г., 14,2% в 1943 г., 2% в 1961 г. и 1,5% в 1975 г**. Некоторые женщины тяжело переживают возврат к прежнему положению. Проблемы и драмы, сопровождающие возвращение мужей, – популярная литературная тема после 1945 г. Другие с трудом переживают одиночество, ибо война унесла миллионы жизней и обострила неравенство между полами: в 1959 г. женщин было на двадцать миллионов больше, чем мужчин. Почти 30% семей находятся на содержании исключительно женщин***. Работа становится необходимостью, а не только выбором. Такая ситуация осложняет отношения между мужчинами и женщинами, матерями и их детьми. Из-за самого факта их «раритета» мальчиков балуют, и мужчины ценятся высоко.

Тем временем изменилось законодательство. В 1943 г., когда победа уже очевидна, Сталин начинает подготавливать послевоенную систему. «Интернационал» прекращает быть национальным гимном, отменено смешанное обучение. Без предварительного обсуждения, даже фиктивного, декретом от 18 июля 1944 г. отменяется брак «по факту», увеличиваются семейные пособия, учреждается звание «Матери-героини» (более десяти детей), орден Материнской Славы (от семи до девяти детей) и т.д. Холостяки и бездетные семьи платят налог. Мать-одиночка

1967. P. 27–109.

* См.: *Basile Kerblay*. La Civilisation paysanne russe 1861–1964.

** См.: *Gail Warshofsky Lapidus*. Op. cit. P. 179.

*** См.: Ibid. P. 169.

не имеет права ни инициировать судебные действия по признанию отцовства, ни получать пособие. Незаконнорожденные дети вновь имеют тот же статус, что и до 1917 г. Мужчина освобожден от всякой ответственности за них и от всякого наказания. Наконец, развод становится почти невозможным: затяжная процедура нескольких судов, наличие доказательств и обязательное присутствие свидетелей, высокий тариф. Мужчины и женщины прикованы друг к другу, и адюльтер не влечет за собой никаких последствий.

Холодная война и медленное восстановление страны, лежащей в руинах, обостряют трудности и усиливают напряженность. Снова начинается террор; СССР изолируется. По февральскому декрету 1947 г. запрещаются браки с иностранцами.

Смерть Сталина в марте 1953 г. прерывает новый виток насилия. С Оттепелью власть начинает прислушиваться к народу. Аборт снова разрешен без ограничений 23 ноября 1955 г. После продолжительной кампании в прессе декрет 1965 г. упрощает процедуру развода и снижает тариф. Согласно Семейному Кодексу 1968 г., развод возможен по взаимному согласию сторон в ЗАГСе, если нет детей. В других случаях вмешивается суд, но формальности не очень большие.

Фактически, Оттепель смывает сталинский период и пытается поставить точку в предшествующем развитии. Кодекс 1968 г. отказывается от анархнческих крайностей 1928 г. и ригоризма 1936 г.

Бесспорный упадок

После стольких потрясений, какой же итог можно подвести под более чем семидесятилетней историей Советской власти? Отметим в первую очередь отсутствие до недавнего времени образа женщины, отклоняющегося от морального стандарта, поскольку порнография пока еще делает только первые шаги. Поощряемая к участию в экономической и политической жизни, убежденная в своем абсолютном равенстве, женщина считает совершенно естественным для себя трудиться. По сравнению с женщинами Европы и Америки, советская женщина более активна. Она ощущает себя полезной для общества и гордится этим.

Но условия жизни делают иллюзорными некоторые завоевания. Очереди, нехватка или плохое качество продуктов, отсутствие оборудования и бытовой электротехники, тесные квартиры осложняют быт, порождают раздражение, даже физическую расслабленность и усталость. Эти трудности в сочетании с невежеством и предрассудками приводят к неполноценным сексуальным отношениям. Без планирования

семьи и доступной контрацепции аборт становится правилом; к тридцати годам женщина может сделать уже от пяти до семи абортов.

Большинство, находящееся в меньшинстве

Частная жизнь, таким образом, не приносит удовлетворения. Но находят ли люди компенсацию в общественной сфере? Если свобода достигается через образование и труд, то тогда советская женщина свободна. В 1989 г. около 92% женщин от восемнадцати до пятидесяти пяти лет учатся или работают. На фоне того, что в 1897 г. 86,3% женщин были безграмотны (против 60,9% мужчин), результаты кампании по ликвидации безграмотности (ликбез), начатой в 1920 г., и ставшей систематической после 1930 г., оказываются просто поразительными, как показывает следующая таблица*:

	1926 г.	**1939 г.**	**1959 г.**
Безграмотные мужчины	28,5%	4,9%	0,7%
Безграмотные женщины	57,3%	16,6%	2,2%

Процент студенток возрос с 31% в 1926 г. до 43% в 1937 г. и 55,5% в 1989 г**. Ныне женщины составляют 50,6% от общего числа работающих против 38,9% в 1940 г***. Они особенно многочисленны в определенных областях – в 1989 г. 66,6% в медицине, 74% в образовании, 78% в торговле**** –, они также концентрируются в низкооплачиваемых секторах или же выполняют неквалифицированную работу, которую можно без сожаления оставить, чтобы воспитывать детей. Наследие войны и политики пренебрежения к человеческому материалу сказывается в том, что предпочитают использовать на тяжелых работах женщин, вместо того чтобы механизировать труд. В 1976 г. они составляли 70–80% среди двух самых неквалифицированных категорий и от 5% до 10% среди двух самых высших категорий*****. Они занимали только 6% управленческих должностей на предприятиях******. Женщина производит, но руководит мало, и еще реже принимает решения. Она живет судьбой, над которой не властна. Социализация детей, которая должна была бы способствовать ее включению в мир труда, недостаточна.

---

* Малая Советская Энциклопедия. М., 1960. Т. 8. С. 915.

** Les Femmes en URSS – Chiffres et faits. Moscou: Novosti, 1985. P. 11; Женщины в СССР... С. 24.

*** См.: Женщины в СССР... С. 15.

**** См.: Там же. С. 30.

***** См.: *Gail Warshofsky Lapidus*. Op. cit. P. 182.

****** См.: *Иван Курганов*. Женщёна... С. 44–45.

Политический контекст – разруха 1920-х гг., жестокость 1930-х гг., послевоенное восстановление – и волюнтаристские решения принесли в жертву дело женщин. В 1980 г. платные детские сады принимали только 45% детей против 75% детей во Франции в бесплатных детских садах*. В 1988 г. только 60% детей посещали их**.

Мужчина был отстранен от решения семейных проблем и от разделения обязанностей. Обещанное освобождение, которое пытались осуществить, мало-помалу сходило на нет. Женщину отправили на завод и возвратили на кухню, в то время как ее политическая роль никак не расширилась.

Конечно, процент женщин в партии увеличивался, но медленно: 7,4% в 1920 г., 18,7% в 1946 г. и 27% в 1985 г***, хотя они составляют 53,1% населения. Кроме того, женщины неравно представлены во властных структурах. Они часто работали на низшем управленческом уровне – местных Советах (14% в 1926 г., 29,5% в 1934 г., 49% в 1987 г****), но практически отсутствовали в высших эшелонах. С 1924 г. по 1939 г. в Центральном Комитете было только четыре женщины. Когда его состав распухает (девять членов в 1917 г., пятьдесят семь в 1923 г., сто шесть в 1925 г. и т.д.), доля женщин уменьшается с 9,7% в 1917 г. до 3,3% в 1976 г*****. В любом случае этот раздутый Центральный Комитет – лишь регистрационная палата, как и Верховный Совет, в котором доля женщин снижается от 33% в 1984 г. до 18,4% после мартовских выборов 1989 г******, не играет никакой существенной роли. Реальная власть принадлежит Политбюро и Секретариату. Только одна женщина вошла в Политбюро в 1956 г. на три года. В 1988 г. женщина во второй раз становится его членом. Секретариат же до сих пор остается закрытым клубом. Что касается правительства, то после Коллонтай в 1918 г. придется ждать 1954 г., чтобы министром стала женщина. С тех пор женщин можно увидеть в Министерствах культуры, здравоохранения или образования. Традиционные посты.

Спорная модель

Итак, в 1923 г. ставки сделаны. Если базис прогрессирует, то надстройка блокирована. Массы интегрированы, но культурная, компе-

---

* *Basile Kerblay et Marie Lavigne.* Les Soviétiques des années 80. Paris: Armand Colin, 1985. P. 132.

** См.: Женщины в СССР... С. 7.

*** См.: Les Femmes en URSS... P. 19; Gail Warshofsky Lapidus. Op. cit. P. 210.

**** См.: Женщины в СССР... С. 13; Gail Warshofsky Lapidus. Op. cit. P. 204.

***** См.: *Gail Warshofsky Lapidus.* Op. cit. P. 219.

****** См.: Женщины в СССР... С. 13.

тентная и активная женская элита уступила места серым исполнительницам. Сильные личности, подобно Коллонтай, были отстранены или раздавлены.

В конечном итоге опасения Коллонтай подтвердились. Без переосмысления ролей экономическая эмансипация — это обман, так как она предлагает маскулинную модель, не уничтожая женского бремени. Может быть, все дело в насильственном характере преобразований, свойственном всем индустриальным странам на стадии становления. Вековая эволюция Европы была в России спрессована в два десятилетия: сексуальная революция 1920-х гг. сломала прежнюю семейную ячейку, а сталинская реакция 1930-х гг. реформировала ее, чтобы както приспособить отсталое крестьянское общество к ускоренной индустриализации. Но образовалась пропасть между гуманистическими лозунгами и повседневной реальностью.

Однако не только государство-партия ответственно за такую ситуацию. Как и везде, роль женщины неоднозначна, она приняла и внутренне согласилась с правилами советской игры скорее, чем мужчина, и это его возмущает. Женщина, непритязательная, стойкая, сознательная и дисциплинированная, — один из столпов режима: стирка, бег по магазинам, кухня, дети, завод, колхоз и контора, — она справляется со всем. Но хочет ли она этого? Равенство подарило ей дополнительную трудовую ношу. Двойное наследие безумных 1920-х гг. и суровых 1930-х и 1940-х гг. создает противоречивый идеал: она должна быть активной и энергичной вне дома и нежной, спокойной и женственной внутри него. Женщина хотела бы сильного партнера; она плохо переносит homo sovieticus, который, ощущая себя политически беспомощным, забывается в пьянстве. По собственному желанию или в связи с уходом мужа она воспитывает детей, воспроизводя определенные схемы; мужчины и женщины живут отдельно, как это показано в пьесах Л. Петрушевской.

С 1917 г. право шло впереди общества и подавило его. Во всяком случае, оно не считалось с ним. Ибо право в СССР телеологично. Оно — только орудие государства, а не отражение эволюции нравов. и образа мышления. Крайняя свобода нравов при НЭПе, скорее предоставленная, чем востребованная, особенно сбила людей с толку. Выбор идеологами на роль «избранного» класса (носителя всех ценностей и добродетелей и лишенного всяких пороков) пролетариата затушевывал тот факт, что проблема отношений между полами стоит выше классов.

Революция 1917 г. разразилась в полуразвитой стране с преимущественно сельским населением и нарушила все естественные процессы. СССР, поэтому, может быть экспортируемой моделью для трети или

четверти мира, где освобождение женщины зависит от тотальной реорганизации общества. В других же странах его влияние сомнительно, как показывает пример Франции.

Открытая для таких дебатов, французская коммунистическая пресса охотно цитирует Коллонтай. Но в 1924 г. Пятый конгресс Интернационала навязывает большевизм всем коммунистическим партиям. Отныне, «говоря по-коммунистически, нет специфически женского вопроса», пишет газета «Увриер» 25 сентября 1924 г. Показная добродетель, пришедшая с Востока, смыкается с намерением коммунистической партии Франции стать респектабельной партией и привлечь центристский электорат. Хотя коммунисты продолжают бороться за классические права – избирательное право для женщин, равенство в оплате труда, отмена закона 1970 г. –, они, тем не менее, в 1935 г. присоединяются к сторонникам семьи и высокой рождаемости. Отметим, что первая и единственная женщина входит в состав Политбюро только в 1950 г.! В 1955 г. коммунистическая партия Франции яростно протестует против контроля за рождаемостью, приравненному к заклейменному мальтузианству! «Когда это трудящиеся женщины требовали права доступа к порокам буржуазии? Никогда!», – восклицает Жанетта Вермеерш*. В мае 1960 г. партия говорит «да» абортам и «нет» контрацепции. Разве это не по примеру Москвы, где снова разрешен аборт? Несомненно, но такая полемика позволяет также обойти неприятный вопрос о десталинизации. «В то время как они спорят о своих женских делах, они не думают о докладе, приписываемом Хрущеву!**». Однако коммунистический электорат не следует своим лидерам, которые голосуют за закон Л. Нейвирта в 1967 г. и закон С. Вэй в 1974 г. и 1979 г., чтобы не утратить свою социальную базу.

С 1920 г. Коммунистическая партия Франции предлагает француженкам быть политически активными; она призывает их трудиться и прославляет их за это. Но, будучи глубоко сталинистской и гордясь этим, она продолжала следовать застывшей модели, не пригодной для французских реалий. Из авангардистской она превратилась в консервативную и упустила свой исторический шанс.

Россия совершила революцию и вновь находится mutatis mutandis***.

---

* L'Humanité. 7 mai 1956.

** Слова Ж. Вермеерш из ее письма к Доминик Десанти цитируются по: *Renée Rousseau*. Les Femmes rouges. Paris: Albin Michel, 1983. P. 242.

*** «Изменив то, что следует изменить» (лат.) (примеч. переводчика).

ЧАСТЬ 2.

Женщины, Творчество, Репрезентации

9

Различия и отличие. Женский вопрос в философии

Франсуаза Коллен

Каким образом вопрос «женщины и половые различия « отыскал себе место в философских конструкциях двадцатого века, и каким образом изменялось его место по мере того, как век двигался к своему концу? Несколько утрируя ситуацию, можно утверждать, что метафизическая позиция для рассмотрения вопросов пола, бывшая наиболее влиятельной на сломе XIX и XX веков, служила одной цели: доказать, что женщины занимают подчиненную позицию по отношению к мужчинам. Мало помалу такой взгляд уступал сцену феминистским апологиям, которые не ограничивались рассмотрением одного пола, но распространяли свои выводы на оба. В этом разделе я еще буду обращаться к тем немногим работам, которые фокусировали свое внимание на вопросах половых различий — правда, большинство из них затрагивали этот вопрос как бы вскользь и рассматривали его как нечто, имеющее второстепенную значимость. Ни в одной из работ «женский вопрос», по сути дела, не являлся центральным. В виду ограничений, которые налагает объем этого раздела, мне представляется невозможным рассмотреть общую структуру типичной работы по теме, однако, я считаю необходимым сконцентрировать свое внимание на нескольких существенных подходах, которые впоследствии стали предметом серьезной критической рефлексии со стороны феминисток 1970-х и 1980-х годов. Для феминисток вопрос половых различий приобрел поистине парадигмальное

звучание. Фактически, придание парадигмального статуса этому вопросу является одним из характерологических маркеров феминизма, именно этот вопрос объединяет феминисток различных направлений, в то время как ответы на него или политические стратегии его рассмотрения зачастую различаются самым кардинальным образом.

Половые различия, до тех пор, пока они ассоциировались с репродуктивным вопросом, играли фундаментальную роль в эпоху становления античной греческой философии и с тех пор они никогда не уходили из философской проблематики навсегда. В начале двадцатого века представление о важности этих проблем, кажется, начало угасать. Изменения в структуре знания, произошедшие в конце девятнадцатого века, в каком-то смысле объясняют этот упадок интереса к теме. Подобно тому, как в семнадцатом веке произошла эмансипация точных наук от философии, в конце девятнадцатого века науки о человеке — история, социология и этнология (а также психоанализ, как особая сфера знания) — начали конституировать себя как автономные дисциплины. Каждая из них признала себя ответственной за некоторый аспект реальности, заменив философские спекуляции эмпирическим анализом. Даже феноменология, позиционировавшая себя в рамках философии и в этих же рамках развивавшаяся, подвергла рефлексии само понятие «феномена» и устремилась на поиски той «сущности» феномена, изучение которой представлялось теперь наиболее важной задачей. Одной из причин, несомненно, стало и увеличение количества женщин на ведущих должностях в академическом мире — с каждым годом было все труднее апеллировать к «метафизике полов», каковая со всей неизбежностью отражала сексизм породившего ее общества. Налицо был и некий вакуум объяснительных концепций. Политическая философия того времени была слишком увлечена марксистским рассмотрением классов, а также расовыми теориями, каковые полностью заслоняли от рассмотрения вопросы пола.

Забавно, что почти все работы, на разборе которых я сосредоточусь ниже, были написаны мужчинами. Философия по-прежнему оставалась бастионом «мужественности», причем в большей степени, нежели все другие дисциплины, возможно оттого, что предметом ее интереса была квази-сакральная категория истины. Да и те немногочисленные философы-женщины, которых можно было бы причислить к предшественницам феминисток, в общем-то обходили вопрос половых различий своим вниманием. Это верно в отношении Жанны Херш, Сюзанны Лангер, Жизель Бреле, Жанны Деломм, Симоны Вайль, Элит Стайн и даже в отношении Ханны Арендт, чью политическую мысль более волновал вопрос «еврейских различий», хотя он и рассматривался

в связи с вопросом, который интересует нас. Впрочем, целью данной работы не является истолкование того вклада, который сделали в философию упомянутые мною женщины-философы.

Метафизика полов

Метафизику полов нередко определяют как «эссенциализм». Это доктрина, которая утверждает существование эссенциальных, то есть сущностных и естественных различий между женщинами и мужчинами. В ее рамках также предпринимаются попытки описать те специфические атрибуты, которые присущи каждому из полов в отдельности. Или, если выражаться более точно, в рамках этой дисциплины предпринимаются попытки описать атрибуты женского пола, в то время, как атрибуты мужского пола полагаются универсальными. В тех или иных формах эта доктрина может быть обнаружена практически во всех исторических периодах, через которые прошла эволюция философской мысли. В философии начала двадцатого века она, разумеется, также присутствовала; впрочем, с тех пор она практически исчезает из виду, хотя правильнее, вероятно, было бы сказать, что она всего лишь сделала свой язык более неявным, более утонченным.

Немецкий социолог и философ Георг Зиммель развивал концепцию половых различий в качестве своего рода ответа на существенное усиление немецкого феминистского движения. Это движение само по себе вызывало в общественной мысли Европы множество вопросов, и Зиммель охотно включался в дискуссии, темы для которых были предложены, среди прочих, Марианной Вебер. Он прекрасно осознавал асимметрию и иерархичность половых взаимоотношений и зачастую анализировал их в терминах власти. «Мужской пол рассматривает себя как общечеловеческий, как обобщающий» — отмечал Зиммель. «Мужской пол осознает себя как находящийся в превосходящем положении по отношению к женскому, не только даже в смысле относительном, сколько в смысле представлений о репрезентации мужчиной «универсальной человечности», которая устанавливает общие законы, определяющие манифестации отдельных мужчин и отдельных женщин. Это, в свою очередь, посредством ряда медиаторов конституирует позицию власти, которую занимают мужчины»*. Несправедливость, несимметричность

* *Georg Simmel.* «La Femme,» in La Philosophie de la modernite (Paris: Payot, 1989), p. 70. Зиммелевский анализ проблемы половых различий см. в Georg Simmel, spec. no. of Cahiers du Grif 40 (Paris: Tierce, 1989).

распределения власти между полами была Зиммелю очевидна, и он полагал, что коренится она в тех способах, каким определяются мужское и женское, причем эти способы, согласно Зиммелю, являются независимыми от исторических условий. Он считал, что в отношениях между полами существует некий «трагизм» и оттого Зиммеля в некотором смысле можно считать предтечею французского психоаналитика Жака Лакана, приобретшего скандальную славу благодаря своему высказыванию «отношений между полами не существует».

Согласно Зиммелю, женщина полностью погружена в свою феминность. Ее отношение к своему полу «центростремительно» и присуще ей от природы, оно не зависит от ее отношений с мужчиной. В отличие от этого маскулинность «центробежна» в том смысле, что мужчина определяет самого себя лишь через внешнее; объектифицируя себя, мужчина утверждает себя как гендерную единицу лишь через свои отношения с женщиной. Женщина является женщиной сама по себе, в то время, как мужчина является мужчиной лишь в контексте своих отношений с женщиной. В то время, как в женщине смешиваются индивидуальность и феминность, в мужчине маскулинность и индивидуальность строго разграничены. Любовь таким образом – это ситуация глобального непонимания, в которой женщина ищет индивидуального, в то время, как мужчина ищет феминности – пола – который должен утвердить его мужественность. Именно поэтому отношения между полами столь проблематичны, а проституция есть ни что иное, как способ, которым мужчины пытаются решить проблему самоконституирования, используя женщину как некий вспомогательный инструмент. Зиммель анализирует пути возможного преодоления этой не слишком жизнеутверждающей ситуации, но видит лишь одно решение: дать женщине ту сексуальную свободу, требования которой в то время уже высказывались многими феминистками. В то же время Зиммель хорошо осознавал, что такая сексуальная свобода может не сочетаться с рядом других императивов феминности. Да и требования маскулинности со всей неизбежностью продолжали бы определять бытие даже «сексуально освобожденных» женщин.

Некоторую часть аргументации Зиммеля можно было бы определить как традиционную, другую – как критическую, речь здесь идет, разумеется, о критике позиции женщины. Зиммель не видел несправедливости в различиях между полами, он полагал, что существуют два различных половых диапазона, два способа относиться к миру и ему казались весьма проблематичными (если не вовсе невозможными) попытки привнести гармонию в отношения между этими «диапазонами» каким либо иным путем, помимо жесткого отделения их друг от друга.

Зиммель задавался также и вопросом о том, ведет ли существование половых различий к существованию различных типов культур. Если доминантная культура является всецело маскулинной, то можно ли предполагать, что женщины, буде они станут «освобождены», создадут и разовьют другую «женскую» культуру? Или же освобождение подтолкнет женщин к тому, чтобы искать место для своей культуры в рамках уже существующей, но чужой для них культуры маскулинности?

Для Зиммеля не существовало сомнений по вопросу о том, способны ли женщины принимать деятельное участие в жизни маскулинного мира. Он также полагал, что даже само присутствие женщин благотворно сказывается на культурном процессе, как минимум потому, что оно акцентирует его «субъективные» тенденции. Однако, он все же отрицал саму возможность того, что специфически феминистская культура может мирно сосуществовать с существующей маскулинной (или тем более заменить ее). Будучи согласным с тем, что феминность — это особый модус бытия, он в то же время полагал, что специфичность феминности является имманентной и что феминность манифестирует себя по преимуществу в отношениях женщины с самой собой, что она не нуждается в экстернализации, в самореализации в поле тех объектов, чей модус существования можно определить как специфически маскулинный. Согласно Зиммелю, хотя и существуют две различные, гендерно маркированные манеры восприятия мира и бытия в нем, но все же в распоряжении и мужчин и женщин всего один способ интерпретации реальности и один язык. Хотя Зиммель и не апеллирует к своему современнику Фрейду, его позиции очень сходны с фрейдистскими по вопросу о подчиненности дуального, гендерно обусловленного опыта маскулинным по своей сути процессам символизации. Другими словами, все особенности мужчины являются универсализуемыми, в то время, как все особенности женщины являются всего лишь частностями. Итак, существуют два пола, но одна культура, причем эта культура принадлежит одному из двух полов, в то время, как второй обречен лишь разделять ее и подчиняться ей.

Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет перевел работу Зиммеля «Маскулинное и фемининное» на испанский и опубликовал ее в журнале Revusta de Occidente, редактором которого он являлся. В своем предисловии к переводу он писал: «Я не верю в саму возможность существования какого-либо другого типа анализа различий между мужской и женской психологией, который был бы столь же исчерпывающим и проницательным, как тот, что предложен в эссе философа Зиммеля, который...проливает свет на конфликт между маскулинным

и феминным». Однако, прочтение Ортегой напряженной философии Зиммеля видится нам несколько упрощенным и даже редукционистским. Конечно, тема вдохновила испанского философа на написание множества статей на упомянутую тему, однако позиция, которую декларировал в них Ортега, была еще более сексистской по своей сути, нежели та, на которой стоял Зиммель.

Для Ортеги женщина «конститутивно, сообразно своему строению, подчинена мужчине»: «В женщине мы, мужчины, ощущаем некое существо, которое, с точки зрения тех критериев, которые выработало и предписало нам человечество, занимает уровень несколько более низкий, чем наш, мужской. Ни одно существо более не может удовлетворять одновременно двум таким разным критериям — одновременно быть человеком и в то же время несколько меньше человеком, нежели мужчина». Согласно Ортеге, женщина не столько отлична от мужчины, сколько меньше, чем мужчина и таким образом ее стремление к равенству не только тщетно, но и нереалистично. Лучший путь для женщины, желающей исполнить свою жизненную миссию наилучшим образом — это принять те условия, которые созданы для нее мужчиной: «Судьба женщины — находиться под присмотром мужчины»*.

Определив женщине место, Ортега переходит к определению ее атрибутов, которые звучат весьма и весьма двусмысленно: она (женщина) склонна блуждать в потемках своей души, она постоянно находится в смятении и сомнениях, она чувственна и сладострастна, склонна к частной жизни и хочет любви, которая утолит ее «жажду раствориться в другом». Наконец, она прекрасна. В силу этих качеств женщина является «дополнением мужчины», при этом отмечается, что некоторые типы женщин лучше, чем другие; таковы, например, креолки, которым Ортега посвящает не один исполненный лирики абзац.

Согласно Ортеге — и это довольно парадоксально — половые различия базируются не на одной только биологии. Биология, отмечает Ортега, «учит нас, что в самом начале эмбрион не имеет сексуальной дифференциации и может развиваться по одному из двух путей», этот перспективный аргумент Ортега, однако, приберегает для объяснения существования маскулинных женщин и женственных мужчин. Половые различия в большей степени являются культурным продуктом, однако этот продукт имеет настолько глубокие корни в сознании индивидуума, что любая попытка отказа от него — в том числе и те попытки,

---

* *Jose Ortega y Gasset.* El Hombre y la gente, in Obras Completas, 14 vols. (Madrid: Revista de Occidente, 1962), vol. 7, chap. 6: «Mas sobre los otros y yo. Breve excursion hacia ella.»

что предпринимают феминистки — в высшей степени опасна. Таким образом женщины должны добывать свою свободу лишь в рамках социального шаблона, бороться с которым ни в коем случае не следует. Статус кво — это не продукт мужской воли, более того: мужчины помогут женщинам сотворить и сохранить его, именно из него женщины будут выводить свою идентичность. Мир (и мужчины) потеряют нечто огромное и важное в случае, если половые различия будут заменены гомогенизированным равенством.

Хотя работы Ортеги были инспирированы философией Зиммеля, с идеологической точки зрения они представляли собой шаг назад. В большинстве случаев Ортега определяет различия в терминах недостатка или избытка, принимая за точку отсчета некие мужские качества, «инаковости» как таковой для него не существует, женское всегда определяется у него через мужское, которому оно всегда служит как бы дополнением. Ортега также не уделяет внимания тем структурам власти, которые формируют отношения между полами, их как бы не существует, не существует также и проблемы несправедливости в контексте подчиненности одного пола другому.

Позиция Ортеги (который, тем не менее, сделал очень многое для развития женского движения, и при том не только на страницах своего журнала) является по сути странным сочетанием диффамации женщины с ее возвеличиванием в качестве «земного идеала мужчины, предмета его восхищения, его иллюзии». Женщины, отмечает Ортега, могут сделать очень многое для культуры, хотя, по преимуществу, в качестве тех, кто поддерживает мужчин и украшает их жизнь*.

Эссенциализм как система взглядов может быть вычленен из огромного количества работ того периода, впрочем, не во всех он проявлен так же рельефно, как в трудах Ортеги-и-Гассета. Макс Шелер, например, обобщил свою концепцию половых различий достаточно откровенным, чтобы не сказать банальным, трюизмом (из работы «О скромности») : «Женщина — гений жизни», писал он, в то время, как «мужчина — гений духа»**.

В своем труде «Природа и виды симпатии» Шелер использует ту же дистинкцию, разве что, по-другому оттененную. Анализируя роли, соответствующие в нашей цивилизации мужчинам и женщинам, или,

* См. *Alain Guy*. «La Femme selon Ortega y Gasset,» in La Femme dans la pensee espagnole (Paris: Editions du Centre National de Recherche Scientifique, 1984).

** *Max Scholar*. Nature et formes de la sympathie (Pans: Petite Biblio theque Payot, 1971)1 pp. 152–161 and 264–267, and De la pudeur (Paris. Aubier, 1952), pp. 140–143. (См.: Bibliography for the original German titles.)

точнее, маскулинные и феминные роли, Шелер отмечает, что женщины, благодаря специфичности своего телесного опыта, защищают эссенциальное измерение человеческой жизни и призывают к возврату в него – эта функция должна прийтись ко двору в будущем, когда технологическая революция сделает тему подобного возврата достаточно острой. Далее, согласно Шелеру, женщины ответственны за то, что он называет «симпатией», именно «симпатия» дает толчок к близким взаимоотношениям между человеческими существами и между людьми в мире, ее формы могут быть весьма различными – здесь и любовь, и сексуальность, и произведеиие потомства, а также все, что находится вне компетенции социального шаблона, заставляющего людей производить, ставить перед собой конкретные цели и достигать их. Все эти формы симпатии в общем-то не нуждаются в том, чтобы быть объясненными, их цели можно не декларировать: они просто существуют и развиваются.

Именно в этой окрестности располагается то, что Шелер называет «синтезом космоса и жизни», именно этот синтез необходимо искать в деструктивных по своей сути императивах «капиталистической системы, лишенной какого бы то ни было эмоционального единства». Здесь Шелер затрагивает вопросы, на которых впоследствии сосредоточит свое внимание Герберт Маркузе. Согласно Шелеру, именно женщины и дети страдают от капиталистической системы в наибольшей степени именно потому, что они сопротивляются ей больше других. Женщины владеют эмоциональной властью, каковая выходит далеко за требования чисто материалистических материнских инстинктов, эта власть скорее смыкается с тем, что мы сейчас назвали бы способностью к экологическому мышлению: «защита животных...и растений... сохранение лесов и ландшафтов... физических и психических талантов людей и рас... способ оценки, который направлен на воспитание такого типа мышления, который превосходит тот, что зациклен на достижении и умножении материальных благ и собственности».

Очевидно, что Шелеру удалось перенести проблему половых различий из реальности психологической в реальность культурную. Согласно Шелеру, в процессе культурной эволюции феминный принцип, проявленный в женщине, становится неустранимой частью бытия, которое разделяют как мужчины, так и женщины и таким образом он проявляет себя как инструмент сопротивления механистичным тенденциям современности.

Владимир Янкелевич обращается в работам Шелера в связи с тем же вопросом, впрочем, я не считаю необходимым здесь обращаться к его разборам, в которых слишком много общих мест. Он утвержда-

ет: «Мужское относится к женскому как гений духа к гению жизни, мужчина – ангел-хранитель биологического существования». Именно мужчина рискует, берет инициативу, именно он уничтожает, чтобы построить. Женщина же напротив питает, поддерживает, защищает. Далее он симулирует даже некоторое удивление: «Почему же она, чья функция – питать и поддерживать, зачастую совершенно не в состоянии построить что-либо самостоятельно?.. Да, без сомнения закон чередования проявляет себя в разделении двух комплиментарных призваний между двумя различными полами...»*

Двадцать страниц Traite des vertus посвящены теме комплиментарности полов, они следуют как раз за главой, посвященной верности. Феминное, которое маркируется как «форма без силы», нуждается в маскулинном, «силе без формы» и наоборот. Особые качества женщины здесь также удостаиваются восхваления, среди них – постоянство женского духа, уважение к законам, которое всегда скорее связано с идеей легальности, чем легитимности, женское представление о верности. Хотя женщина и не способна сотворять красоту, она воплощает ее. Впрочем, эти восхваления со всей очевидностью имеют амбивалентный характер, и читатель это весьма отчетливо ощущает, тем более, что автор и не скрывает своей симпатии качествам маскулинным: «Мы, мужчины, нуждаемся в опасности, мы нуждаемся в авантюре, нам нужно биение сердца, то самое весеннее вино, ко вкусу которого примешиваются запахи войны и опасности, мы нуждаемся в барабанах весны, которые бьются в нашей груди».

Анализируя вопрос о качествах, дифференцирующих женщину и мужчину, а зачастую и приводящих к их конфронтации, Янкелевич снова обращается к идее комплиментарности, которая, согласно его предположению, определяет основу отношений между полами. Впрочем, в конце своих рассуждений Янкелевич приходит к странному выводу о том, что мы всегда толкуем отношения между полами неверно: полярность полов появляется именно потому, что отношения между полами в самом деле вовсе не диалектичны и не комплиментарны, а потому, что перед нами «напряжение конфронтации и двусмысленности». Должны ли мы понимать это утверждение как сказанное в порыве пустого красноречия (как уже было у Зиммеля) или же как признание инаковости женщины, той инаковости, которая избегает не только мужского взгляда, но и в принципе не может быть понята верно? Возможно. Но эта инаковость по-прежнему остается зажатой, замкнутой внутри одного из наиболее традиционных дуализмов человеческой культуры: один пол по-прежнему выше другого.

---

* *Vladimir Jankelevitch.* Traite des vertus (Paris: **Bordas, 1970**), **vol. 2.** pp. 425–449.

Женщины и Феминность: психоанализ

В психоанализе, начала которого были преподаны Фрейдом на сломе веков, мы находим еще одну версию «метафизики пола»; эта версия знакома нам – она в ходу еще с тех времен, когда человеческие существа только учились азам рефлексии. Можно также сказать, что версия Фрейда в каком-то смысле является заодно и попыткой ниспровержения подобной традиционной метафизики. Обе интерпретации имеют под собой основания и отражены в тех текстах, которые принадлежат перу Фрейда и его последователей.

Так или иначе, психоанализ позиционирует себя не как новую форму философии, но как новую науку, как науку о бессознательном, которая базируется на фактах, дотоле неведомых. Фрейдовская концепция психоанализа как науки (от которой впоследствии эффектно отмежевался Лакан) оформилась под сильным влиянием позитивизма, который в тот период был особенно силен, однако особенности психоанализа таковы, что отдельные факты, те самые факты, которые Фрейд брался объяснять, как правило, лишь включаются в теорию на правах материала для дальнейшей реинтерпретации в рамках этой теории. По признанию самого Фрейда, «чисто умозрительный» компонент в психоанализе всегда был очень силен.

Открытие новой сферы психической реальности дало жизнь огромному количеству текстов, не было недостатка ни в интерпретациях канонических текстов самого Фрейда, ни в отчетах практикующих аналитиков, проводящих дни у кушетки с очередным пациентом. Впрочем, эти многочисленные тексты сами по себе весьма противоречивы. Здесь я остановлюсь лишь на тех аспектах психоанализа, которые имеют непосредственное отношение к нашей теме, но хотелось бы предостеречь читателя – не стоит приписывать психоанализу интенцию (и способность) давать толкование всему многообразию человеческого опыта, в том числе и того опыта, который связан с сексуальностью и гендером.

Эдипальная структура бессознательного является базовой матрицей психоаналитической теории. Здесь детально обсуждаются роли отца, матери, дочери и сына, анализируется длительный процесс становления гендерной реальности в сознании мальчика или девочки. Закон, воплощенный в отцовской фигуре, запрещает ребенку обладание матерью, которая, является самым первым объектом желания ребенка. Запрещенное к реализации желание требует от ребенка пуститься на поиски другого объекта – другой женщины в случае мальчика или мужчины в случае девочки. Таким образом, отцовский запрет определяет и пути возмужания, и необходимость преодоления комплекса кастрации.

Позиция, в которой находится каждый из полов, связана и с анатомическими особенностями. Девочки отличаются от мальчиков в частности тем, что у них отсутствует нечто важное, а именно пенис, они «завидуют» пенису, полагая клитор неким неполноценным заменителем последнего. Таким образом женский пол определяется через мужской — как пол, лишенный мужского достоинства. Становление женщиной — нелегкий процесс, который заключается в принятии девочкой важной истины: она не может быть мужчиной.

Иногда описанный механизм несколько модифицируется благодаря наличию бисексуальной компоненты психики. Однако, доступ к метафизическому благу фаллоса или же к таинству сублимации — это нечто, с чем девочки должны быть очень осторожны, поскольку они навеки обречены выбирать между работой и удовольствием (других возможностей у них нет!) в то время, как мальчики могут легко гармонизировать оба этих принципа. Фрейд отмечал: «девочка, чей учитель обнимает ее каждый раз, когда сделанное ею удачно, очень скоро станет неспособной выполнять даже самые тривиальные задания».

Фрейд, разумеется, задумывался над тем, какую роль играет культура в детерминации места женщины в обществе, однако осознание важности этой роли никогда не заставляло его усомниться в структурах эдипальности — их он наделял свойством транскультурности. Более того, исчезновение последних, считал Фрейд, приведет «к исчезновению наиболее прекрасной вещи, из тех, что может преложить нам мир — нашего идеала женственности». В то же время Фрейд весьма критично отзывался о феминизме Джона Стюарта Милля, который ратовал за равенство между полами.

Работы Фрейда отличались комплексным подходом к вопросу, вдобавок, они носили самоуточняющий, саморазвивающий характер. Говоря несколько схематично, можно, однако, утверждать, что он подчеркивал важность полового диморфизма и половой асимметрии, хотя в тоже время фаллический монизм был для него константой: либидо по определению маскулинно. Однако, реальность, которую манифестировало фрейдовское бессознательное, была удивительным образом похожа на ту реальность, которую продуцировал социум. Так традиционная семья определяется Фрейдом как та, что акцентирует генитальную, гетеросексуальную норму. В то же время многие комментаторы (включая Кофмана, Шнейдера и Марини) отмечали, что в работах Фрейда (и его многочисленных последователей, включая Лакана) страх смерти, который сопровождает воскрешение в памяти материнской фигуры приводит к глубокой амбивалентности в отношении ко всем женщинам.

Безусловно, основатель психоанализа был человеком со своей собственной личностной историей и справедливость некоторых фунда-

ментальных выводов он проверял на собственном опыте. Безусловно, сексистские предрассудки, свойственные эпохе, в которую жил Фрейд, наложили свой отпечаток на формы его мышления – и его переписка с невестой является этому прекрасной иллюстрацией (а возможно, и карикатурой на эти сексистские предрассудки). В таком случае, было бы логично спросить – а что привнесли эти биографические и культурные факторы в «науку» о бессознательном? Не была ли наука о желании с самого начала наукой о мужском желании, которое лишь в очередной раз нашло свое воплощение в теории? Является ли в самом деле тот психоанализ, который мы знаем, результатом отсеивания случайных культурных искажений, которые вкрались в доктрину Фрейда, и развития наиболее жизнеспособных, прогрессивных зерен фрейдовских концепций? Так или иначе, женщины, как и мужчины, внесли в развитие психоанализа огромный вклад – как при жизни Фрейда, так и после его смерти. И тот яркий факт, что множество женщин – включая и многих феминисток – по сей день обращаются к психоанализу и как к теории, и как к практике психической интеграции, свидетельствует о том, что они все же находят в этой теории ту правду, которую могут назвать своей. Между тем, большая часть той критики фрейдовских концепций, которую высказывают женщины, производится в рамках психоаналитической же теории и более того – производится с точки зрения позиций и посылок, которые можно было бы назвать чисто фрейдистскими.

Ближе к концу своей жизни Фрейд вновь обратился к вопросу о феминности, по поводу которого он хранил молчание долгие годы (в моменты самокритики он даже намекал на некую «терра инкогнита», которая ждет своего часа быть исследованной). Марии Бонапарт он задал свой знаменитый вопрос «Чего хотят женщины?» и не получил на него ответа. Согласно Паулю-Лоуренту Хассону, психоанализ может объяснить женское желание, но не женскую волю, которая представляет собой нечто совершенно отличное от желания*. Психоаналитическое рассмотрение, таким образом, не то, чтобы совсем уж бесполезно, сколько не совсем адекватно в случаях, когда речь идет о рассмотрении феминного.

Есть и еще одна дополнительная трудность в рассмотрении феминности, которая состоит в соблазне вписывать женское в уже устоявшиеся теоретические структуры, в то время, как эти структуры были разработаны для изучения маскулинности и оперируют сугубо маскулинными терминами (даже в случаях, когда эти термины появились как следствие изучения пациенток-женщин). По словам

* *Paul-Laurent Hassoun*. Freud et la femme (Paris: Calmann-Levy 1983), pp. 14–19.

Лакана, «мы всегда начинаем с мужчины, когда хотим понять взаимоотношения полов».

Любопытно, что Фрейд, который постоянно использовал понятия «маскулинности» и «феминности» в своих научных работах, тем не менее до самого конца своей карьеры отказывался однозначно определить эти термины: «сила, которая творит маскулинность и феминность, является непознаваемой по своему характеру, она лежит далеко за рамками чисто анатомических различий... мы не можем наполнить новым содержанием понятия маскулинного и феминного»*. В процитированном фрагменте мы можем обнаружить некий выраженный отход даже от той смутной определенности, которая буквально пропитывала основания более ранних работ Фрейда, а может быть, этот отрывок — ключ для реинтерпретации всего научного наследия этого автора? Так или иначе, открыв новое поле исследований, Фрейд предоставил своим последователям и оппонентам разрабатывать его богатства.

Группа последователей Фрейда, более известная под именем Английской Школы, внесла ряд важных коррективов во фрейдовские работы, не подвергая, впрочем, сомнению важность эдипального паттерна**. Коррективы были внесены преимущественно в вопрос о статусе феминности — для критиков Английской Школы этот вопрос уже не был вторичным, напротив, он рассматривался как определяющий жизнь человека от самого ее начала. Сторонники такого подхода утверждали, что существует некое феминное либидо, которое проявляет себя очень рано, в прегенитальной фазе развития психики, и которое является результатом вагинального удовольствия. Таким образом, зависть к пенису — это вовсе не желание обладать мужским органом, сопровождаемое чувством досады по поводу его отсутствия, но некое фалло-эротическое желание поместить пенис в вагину — или же желание заменить этот пенис ребенком. Карен Хорни, которая делала особенно сильный акцент на социокультурном характере процесса формирования гендера, отмечала, что для нее «зависть к пенису» всего лишь манифестирует женское желание быть причастной к тем не-

* *Sigmund Freud.* New Introductory Lectures on Psychoanalysis (London: Allen and Unwin, 1971). Позднее Лакан добавил: «Что же до определення того, чем являются мужчнны и женщины, очевндно, что психоанализ дать точное определенне не в состояннн». См. «Le Savoir de l'analyste,» Interviews at Sainte-Anne 1971-72, session of November 4, 1971 (unpublished).

** По поводу этнх дебатов см. *Elisabeth Roudinesco.* Histoire de la psychanalyse en France (Paris: Editions du Seuil, 1986). Руднеско, однако, ошнбается, когда связывает концепцнн де Бовуар с дуалнстскимн концепцнямн Англнйской Школы. «Второй пол — это нечто большее, чем социальный конструкт.

сомненным преимуществам и обязанностям, которыми наслаждаются мужчины в современном обществе и из которых женщина систематически исключается; женщине остается лишь искать себе утешение в сентиментальных усладах.

Таким образом, представители Английской Школы предпочитали говорить о первичном дуализме полов; по их мнению, богатство женского измерения психики могло быть рассмотрено только как равноправное и парное маскулинному. Быть женщиной, таким образом, означало быть не недоразвитым, «обделенным судьбой мужчиной», но быть чем-то принципиально отличным от мужчины. В частности, в работах Мелани Кляйн описывается становление идентичности девочки, фундаментальную роль в котором играют ее взаимоотношения с матерью.

Это направление психоанализа, в разработке которого принимало участие феноменальное количество женщин, подвергалось критике как со стороны самого Фрейда, так и со стороны его многочисленных последователей. Причины этого ясны – Английская Школа, по сути, посягала на ключевой пункт классической фрейдистской доктрины и оспаривала фундаментальную важность отцовской фигуры, где отец рассматривался не только как носитель пениса, но и как символ фаллоса (различение пенис/фаллос будет впоследствии детально разработано в трудах Лакана и к нему мы обратимся несколько позже). Критики полагали, что в трудах Английской Школы отец редуцирован до всего лишь еще одного объекта желания, полностью аналогичного матери. Таким образом в ценностном плане обе гендерные фигуры обретали некую симметричность. Этот еретический пересмотр, который также был связан с дебатами о клиторальном и вагинальном оргазмах, тем не менее, остался в плену у фрейдистской методологической парадигмы. Впрочем, даже в этом виде он сумел инспирировать весьма жизнеспособную стратегию осмысления половых различий, которая, будучи по своей сути дуалистской, по крайней мере обходилась без иерархизации в пользу мужчины.

Французский психоаналитик Жак Лакан предложил конструктивную ревизию наследия Фрейда, выступив в этой ревизии в качестве критика и реинтерпретатора. Он приложил немало усилий к тому, чтобы «разъединить» психоаналитические концепты с их анатомическими референтами – то есть к тому, чтобы пойти дальше по тому пути, который наметил еще сам Фрейд. Основным референтным органом для Лакана был не пенис, как для Фрейда, но фаллос и этот концепт полагался как общий для обеих полов, именно вокруг страха лишения фаллоса центрировался теперь кастрационный комплекс, который, как

предполагал Лакан, является общим для обоих полов; Лакан утверждал монизм знака и диморфизм полов, он не разделял представлений об иерархической выделенности мужского пола и не считал необходимым рассматривать женский как релятивный по отношению к мужскому (как это было во фрейдовской модели).

Впоследствии Лакан пошел в своих нововведениях еще дальше. На своем семинаре, носившем название «Анкор», он подверг ревизии и комплекс своих собственных представлений через призму вопроса о феминности — или, если точнее, о женском jouissance. Под этим термином Лакан объединял все типы «дополнительного удовольствия (оргазм, удовольствие, экстаз)» — «дополнительного» по отношению к фаллическому оргазму, разумеется. Довольно скоро выяснилось, что jouissance не только имеет инаковую природу, но и несколько шире тех границ, в которых поначалу планировал локализовать его сам автор термина: «именно потому, что фаллическая функция — это еще не все, jouissance должно существовать. Оно именно там. Оно по ту сторону этой функции, за ней»*.

Из приведенного отрывка видно, что здесь женщина снова рассматривается как нечто «дополнительное» к фаллосу, как нечто «вынесенное за скобки». И логика целостности вовсе не является гарантом того, что эта целостность все-таки отыщет свое реальное отражение. Лакан также известен благодаря своему скандальному высказыванию «женщина не существует» — к сожалению, этот тезис многие женщины поняли буквально, как декларацию отрицания их существования. Но в действительности Лакан всего лишь имел в виду, что не существует общего, исчерпывающего определения того, что такое женщина, нет терминологической квинтэссенции женского бытийного опыта. Впрочем, это, согласно Лакану, вовсе не значит, что женщина принципиально не определима: в его черновиках это отражено совершенно отчетливо, например, он пишет la femme, причем артикль la подчеркнут. Из тех же соображений некоторые феминистки — такие, например, как Люси Иригарей, используют формулировку la/une femme.

Но что реально означала такая стратегия интерпретации феминного для психоанализа? В то время, как Фрейд, очевидно, считал, что феминное ускользает из методологической и понятийной сетки психоанализа, но все же призывал к дальнейшим исследованиям в этой области, Лакан оказался еще более радикальным — он считал, что феминное ускользает от какого бы то ни было познания вообще. Если феминность настолько «дополнительная» категория, значит ли это, что ее

---

* *Jacques Lacan.* «Encore,» Seminaire XX (Paris: Editions du Seuil, 1972-73).

определения следует искать в первую очередь (и только) в реальности оргазмического? Быть может феминность пребывает в некоем тихом обмороке или же напротив, ее следует искать среди плотской одержимости? Или, быть может, она дает начало неким инаковым способам отношений с миром, иным формам языка, иным формам «знания», не настолько восприимчивым к «тотализации», каковую Лакан поначалу связывал с мистицизмом, но впоследствии перенес этот термин и на все автономные гносеологические практики? В любом случае, множество мужчин разделяют взгляд на феминность как на «дополнительную» маскулинности, чем бы она ни была в реальности: идя по пути этих рассуждений, Лакан смело вторгается в проблему взаимоотношений категорий «феминности» и «маскулинности», рассматривая их связь с мужской и женской реальностями.

Здесь происходит коренной, революционный слом в рассуждениях о половых различиях. И хотя характер этого слома был по сути своей амбивалентным, он ознаменовал собою переоценку феминности как таковой — причем переоценку, сделанную самими мужчинами: после него психоаналитики по крайней мере могли расписаться в своем незнании феминности, примкнуть к признающим инаковость феминности, в то время как философы были по-прежнему свободны присоединяться к лагерю тех, кто инспектирует «различия». Да и сама психоаналитическая мысль подспудно феминизировалась; впрочем, до того, чтобы всерьез рассматривать эволюцию женщины и способствовать последней, ей было еще далеко.

Во второй половине двадцатого века такой слом может быть отслежен и в ряде других интеллектуальных дисциплин, таких, как философия, социология и политология, логика, феминизм. Более или менее всеобъемлющая критика гносеологиеского тоталитаризма, закрытых систем, логоцентризма, систем доминации становилась все более отчетливой в целом ряде сфер знания и деятельности, в качестве альтернативы последним предлагались «нетотализирующие» способы мышления, открытые системы, нецентрированные способы интерпретации опыта. В этой связи мы можем найти ряд сходных пунктов между отношениями «целое-не-целое», описанными у Лакана, и хайдеггеровской критикой метафизики. И это сходство не случайно: к середине своей карьеры Лакан отошел от рассуждений в духе гегельянской диалектике, предпочтя им мышление в терминах хайдеггеровских различий.

Можно продолжать эти параллели, впрочем, в этом едва ли есть необходимость — какая разница, какими категориями пользуется исследователь, если выводы, которые он делает, уже определены эпистемологически? Упорядочивающий дискурс неизбежен — и будь он хоть фаллическим, хоть метафизическим, он все равно есть и определяет

структуру знания. Так или иначе, «модерн» – это, несомненно, эпоха доминации Субъекта. И именно в описываемый период Субъект начал утрачивать свое доминирующее положение, параллельно начала терять доверие и тесно связанная с ним категория «мужественности». Некоторые ученые-феминистки, особенно в Соединенных Штатах, с энтузиазмом бросились в образовавшуюся в эпистеме модерна брешь, черпая вдохновение в трудах французских мыслителей – Жака Деррида, Люси Иригарей, Элен Сиксу.

Политическая революция и революция либидо

Марксистский вклад в разработку проблемы половых различий состоял, в частности, в том, что марксизм сформулировал ее в исторических и политических терминах (здесь нужно иметь в виду, что марксизм понимал политическое как коренящееся в экономическом). Статус женщины, говорили марксисты, является результатом того процесса угнетения, обусловленного эксплуатацией, которую необходимо преодолеть. Очевидно, что в этой перспективе конфликт полов непосредственным образом связан с борьбой классов. Более того, конфликт полов является одной из фундаментальнейших форм борьбы классовой. Согласно Энгельсу, «первый классовый конфликт, обнаруженный в истории, был связан с нарастанием антагонизма между мужчиной и женщиной в браке и первой формой классового угнетения было угнетение по половому признаку»*. Цель политической борьбы, таким образом, в том, чтобы превзойти капитализм, как форму социального устройства, и семью, поскольку семья и капитализм представляют собой два бастиона буржуазной власти (в то время как вся власть – буржуазна).

Однако, проблема состоит в том, чтобы разграничить класс и пол. Можно выделить ряд исторических формаций, где труд доминировал над капиталом, но проблематично выделить историческую формацию, в которой женщины доминировали бы над мужчинами – про крайней мере, кандидатами на такие исторические периоды будут слишком удаленные от нас и фактологически недостоверные эпохи. Впрочем, известная гипотеза Бахофена относительно матриархатности примитивного человеческого общества была сразу взята марксистами на вооружения.

* *Friedrich Engels*. L'Origine de la famille, de la propriete privee et de l'Etat (Paris: Editions Sociales, 1972), p. 65.

Хотя марксисты и вспоминали о гипотезе Бахофена по большей части для того, чтобы с блеском опровергнуть ее, она все же имела одно преимущество – в каком-то смысле аттрибутировала начало и будущий конец патриархата. Марксисты отдавали себе отчет в том, что конец патриархата не то же самое, что возврат к матриархату, скорее они связывали конец патриархата с разложением семейной ячейки или, на более глобальном уровне, видели его как диссоциацию всяких частных организаций, противопоставленных коллективным идеалам.

Таким образом, коммунизм призван был преодолеть не только капитализм, но и патриархат, и дать начало обществу, свободному от разделения по признаку класса или пола, всецело эгалитаристскому обществу. Как говорил Бебель, «женщины, как и мужчины, имеют право развиваться и распоряжаться своими силами так, как они полагают целесообразным. Женщины такие же человеческие существа, как и мужчины и они вольны сами распоряжаться своей жизнью. Тот факт, что вы родились женщиной, ничего не меняет»*. После освобождения женщины смогут направлять свои усилия в сферу производства, но для этого они должны быть сначала освобождены от рутинной домашней работы. Впрочем, Бебель не считает, что эту рутинную домашнюю работу должны выполнять мужчины. Он уповает на технический прогресс и коллективизацию: все его надежды сосредотачиваются на некоей «коммунистической кухне». Разрушение семьи не только позволит женщинам инвестировать свое время и силы в социальную и профессиональную жизнь, но к тому же принесет им сексуальную свободу, которая всегда считалась привилегией мужчин. Свободная любовь, обмен партнерами, свобода контролировать свое тело – это те ценности, которые упорно пропагандировала Александра Коллонтай, не смотря на многочисленные ограничения ее времени, среди которых видное место занимало отсутствие эффективных средств контрацепции**. В этих постулатах сведены воедино несколько аспектов жизни, которые можно признать ключевыми для проблемы женского освобождения: семья, работа, либидо. Правда, поздние марксисты, а в особенности коммунисты, в своей практике все же отказались от идеи уничтожения семьи и достижения сексуальной свободы и сосредоточились на перестройке системы производства и производственных отношений.

Эта подчиненность идеи освобождения идеям производства – капиталистического или некапиталистического – стала основной мишенью

* *August Bebel.* La Femme et le Socialisme (Paris: Editions Sociales, 1950).

** См.: Judith Stora-Sandor, ed. Marxisme et revolution sexuelle (Paris: Maspero, 1973). Это антология отрывков из работ Коллонтай по затрагиваемым вопросам.

для критики со стороны последователей не только самого Маркса, но и Фрейда: Вильгельма Райха, Герберта Маркузе, Жиля Делеза, Феликса Гаттари и Франсуа Лиотара. Эти мыслители отвергали идею о том, что революция может быть подчинена какой-либо форме подавления, идет ли речь о социальном подавлении или эдипальном.

Измененне характера механизмов подавления (которые канализуют энергию либидо, направляя ее либо на репродуктивные цели, либо на цели производственные) с примитивного на более возвышенные — вот единственный путь совершения настоящей революции. Уничтожение экономического господства нуждается в уничтожении сексуальных табу, поскольку только таким образом можно дать волю чистому, позитивному развертыванию либидо. Уничтожение этих табу для женщин еще более существенно, нежели для мужчин, поскольку женская сексуальность на протяжении долгого времени находилась в куда более плачевном состоянии. Причиной последнего является материнская роль, которую вынуждена играть женщина, в то время, как феминная роль, согласно Райху, в значительной степени антагонистична ей. Так или иначе, «либидизация» для всех перечисленных философов является не столько sine qua non свободы, сколько самой свободой. Именно эрос, согласно Маркузе, даст начало новой цивилизации.

Эта линия рассуждений многое позаимствовала из психоанализа. Например, представление о первичности желания, которое движет и отдельными человеческими существами, и человеческим обществом. В то же время эти мыслители отвергают попытки редукции либидо к эдипальным структурам (как во фрейдизме), которые видятся здесь не более, чем контекстно-зависимыми социальными императивами. Эти мыслители утверждают, что применимости фрейдизма к проблеме освобождения был нанесен серьезный удар психоаналитической практикой, чьей целью всегда являлось облегчение адаптации пациента к реальности, которая при этом мыслилась не как политическая или историческая, но как структурная и сложно описываемая в макро-терминах. Именно эта необходимость примирить теорию с практикой выхолостила фрейдизм и привела к разрыву между фрейдистскими декларациями о полиморфном характере либидо и осуществляемой на практике редукцией этого либидо к социальному шаблону. Подобного рода критикой пестрят две работы, опубликованные во Франции в период с 1972 по 1974: «Анти-Эдип» Делеза-Гаттари и «Экономика Либидо» Лиотара. Обе книги прекрасно отражают дух семидесятых, десятилетия, которое стало свидетелем рождения современного феминистского движения*.

* Обе книги были опубликованы в Париже в Editions de Minuit в 1971 и 1974 гг.

Для всех трех упомянутых авторов, когда речь идет о принадлежности желания, «субъекта» не существует. Более того, существует лишь «машина желания» или «либидозные поверхности», существует также разрушительное, деконструктивное удовольствие, которое постоянно подрывает то, что устоялось, то, что считается нормой, удовольствие, которое дробит иерархии и уничтожает ценности. Оно таится, поджидает нас в самых неожиданных местах – в том числе в ситуациях рабства и страдания. Это – желание в своей наичистейшей форме, ультимативно деструктивная сила, которая не может быть сведена ни к какому коду. Удовольствие невозможно контролировать и «политическая экономика – это в первую очередь экономика либидо». Таким образом, революция коренится в либидо, она находится в стороне или даже над целями и стремлениями, над стратегиями, которые сознательно адаптированы силами агрессии. Эти цели и эти силы не могут быть ничем иным, кроме как рационализациями желания, своего рода попытками кодифицировать его, возможно даже своего рода механизмами подавления, если сравнивать их с теми формами, которые были манифестированы ранее, они – то, что такая революция стремится преодолеть.

Однако действие либидо не может быть редуцировано к «сексуальной свободе», хотя фактически социум охотно редуцирует либидо к исключительно генитальным контактам или даже к гетеросексуальности как таковой. В движении «полиморфной перверзии» либидо набирает силу во всех возможных измерениях, оно циркулирует везде, по всем поверхностям, в пространстве бесконечного шизе. В то же время оно принципиально несводимо ни к какому социальному порядку, будь то порядок реакционный или революционный, поскольку оно всегда появляется там, где его ждут меньше всего, нормы не применимы к нему и оно не подчиняется им.

Это трудно дифференцируемое удовольствие не принадлежит ни мужчинам, ни женщинам, оно не является ни мужским, ни женским по своей природе: оно легко пересекает священную границу «половых различий». Согласно Лиотару, «Фрейд спрашивал «чего хотят женщины?» Они хотят того, чтобы человеческие существа не были ни мужчинами, ни женщинами, они хотят хотеть – и ничего более; они хотят, чтобы мужчины и женщины, будучи разными, все же обретали единство, одинаковость в безумном взаимодействии друг с другом во всех сферах бытия»*. Важным моментом здесь является указание на то, что это либидозная «десексуализация», «избавление от пола» является сущностью феминности и что она неким образом весьма удачно отвечает женскому требованию преодоления всех дуализмов. Делез в своих

* *Jean-Francois Lyotard.* L'Economie libidinale (Paris: Editions de Minuit, 1974).

рассуждениях идет еще дальше: «Сторонники движения женщин за свои права правы, когда говорят «мы вовсе не кастрированы, а вы все идите к черту!» И глупо думать, что мужчины могут отвертеться от этой проблемы посредством жалкого трюка, отвечая: «Тем не менее, существуют доказательства, что вы именно кастрированы!» И утешать женщин словами «мы тоже кастрированы» со стороны мужчин также очень глупо, как и радоваться тому, что мужчинам досталась более «продвинутая» модель социальной маски, которую, впрочем, невозможно снять. Все это тупики. Мы должны признать, что сторонники освобождения женщин требуют – в явной или неявной форме – одной вещи, которая неразрывно связана с самой идеей освобождения: они хотят освободить силы бессознательного, они хотят прорыва желания в поле социальности, отказа от поддержания репрессивных структур»*.

С этой точки зрения, истинный вклад в решение проблемы феминности (и проблемы женского движения, которое имеет с ней дело) состоит не в том, чтобы развивать представления о некоей «феминной сущности», по своей природе оппозиционной фаллической, «маскулинной сущности», но в том, чтобы нивелировать сами фаллические способы действия и мышления, а также законы, которые их поддерживают и распространяют, дискриминируя, хотя и по-разному, отцов и матерей, мужчин и женщин. Жиль Делез писал: «бессознательное – это сирота». В предисловии к «Анти-Эдипу» говорится, что основная цель книги состоит в критике психоанализа, который заключил либидо в тюрьму эдипальности и редуцировал либидо до «истории о маме и папе».

Делез и Гаттари фактически аннулировали вопрос о женщине, а также связанный с ним вопрос о дискриминации одного пола другим, они почти не рассматривали реально существующее, угнетенное положение женщины в социальной и политической жизни. Для них плачевное положение женщины – не более, чем одно из следствий трагической «эдипализации» и конец второй будет означать конец первого. К сожалению, они также обошли вниманием и вопрос о возможном антагонизме или несочетаемости двух (или более) различных типов либидо, поскольку, если даже и не ассоциировать либидо с полом, все равно очевидно, что оно имеет плюральный характер, а значит, различные его типы могут быть потенциально несовместимы. Гармоничное либидо, которое эти авторы маркируют как «либидозную энергию», выглядит слишком уж анонимно и предельно нейтрально, это – нечто поливалентное и полиморфное, это некий поток без внутренних кон-

* *Gilles Deleuze*. Anti-Oedipe (Paris: Editions de Minuit, 1972), pp. 71–72.

фликтов. Также остался без ответа и вопрос о властных отношениях: «желанию» присваивается свойство быть позитивным объединяющим фактором, который, самим фактом своего существования исключает возможность конфликтов и трагедий.

Двое других мыслителей высказывались об анти-эдипальном анализе весьма критично. Они развивали «дистинктивную», антагонистически-ориентированную критику, фактически заново внося понятие власти в экономику сексуальности. В своей работе «Соблазн» (De la seduction) Жан Бодрийяр подверг жесткой критике попытки перевести сущность феминности и ее роли в социальных трансформациях на язык либидо. Он полагал, что обобщенная эротизация по сути своей несовместима с обществом производства и потребления; фактически такое общество низводит удовольствие до предмета потребления и отводит ему место среди других товаров и услуг, доступных для потребления мужчин и женщин. В наши дни любой может притязать на удовольствие как на право среди прочих прав, таких, как право иметь стиральную машину или телевизор. Те, кто ассоциируют мужчин и женщин без всякого разбора с этим потребительским раем, всего лишь утверждают установленное мужчинами определение общества. Почему? Согласно Бодрийяру, феминное, будучи средством обольщения, являлось также и тем, что всегда отрицало эссенциальную, маскулинную гендерную идентификацию.

Феминность является своего рода принципом неопределенности, который служит также и причиной «вибраций» обоих полов: «феминность – это не полюс, оппозиционный маскулинному, это нечто, что обессмысливает эту разграничивающую оппозицию мужское-женское и, кстати, саму сексуальность, которая на всем протяжении истории ассоциировалась с маскулинной фаллократией, но, не ровен час, в будущем будет ассоциироваться с женской фаллократией». И даже больше: «обольщение всегда менее тривиально, более безупречно, чем сам секс, вот почему его ценность всегда выше»*. Для Бодрийяра все типы сексуальности всегда фалличны, они всегда объективируют действие и именно потому обобщенная эротизация Делеза-Гаттари понимается ими как в первую очередь принудительное внесение женщины в фаллическую экономику полов и секса. Феминное, считает Бодрийяр, «не является в точности полом, это точка пересечения всех полов и всех типов власти, это тайна и скрытая форма не сексуальности (insexualite)» , именно поэтому маскулинное всегда ищет пути подчинить его себе.

Представления о «сексуальной свободе» по Бодрийяру, также не более, чем средство залучения женщины в систему преимуществ муж-

* *Jean Baudrillard.* De la seduction (Paris: Galilee, 1980).

ской сексуальности и понимание этого вынуждает Бодрийяра отнестись с настороженностью к подобным требованием женщин. Он усматривает реальную опасность в смешении сексуального освобождения со свободой и полагает более правильным традиционное положение женщины, чья очевидная недопущенность к конвенциональным структурам власти лишь скрывает ту экстраординарную власть, которой она обладает благодаря механизмам обольщения.

Сводя реальную социальную власть мужчины к некоему средству реванша мужчин над женщинами, обладающими реальной, первородной властью (которая, в частности, выражается во власти дарить жизнь, и это весьма ярко показал Бруно Беттельхайм в Symbolic Wounds), Бодрийяр, тем не менее, приходит к весьма традиционной мужской мировоззренческой позиции: в то время, как женщины фактически уже имеют в своем распоряжении огромную власть, почему они хотят променять эту власть на власть социальную, которая может быть не более, чем фаллической? Поступая так, женщины рискуют не только утратить свою идентичность, но также и проиграть всю битву! При этом Бодрийяр очевидно упускает из виду, что коль скоро фаллическая социальная власть существует, то, значит, женщины подчиняются ей даже в своих практиках обольщения, вне зависимости от своей безмерного, первородного превосходства.

Бодрийяр также справедливо отмечал, что обобщенная эротизация (или либидозная политика) представляет собой скорее попытку расширения фаллоцентрической культуры, нежели попытку отказа от нее и от обобщенного процесса потребления. Впрочем, его критика была направлена в большей степени против некоторых теоретиков 1970-х, значительная часть которых была последователями Вильгельма Райха, нежели против феминизма как такового. Хотя Бодрийяр подвергает критике фаллическую цивилизацию, предложить какую-либо трансформацию последней он не дерзает. Предписывая женщине, вслед за Гегелем, статус «вечного парадокса государства», он, попутно определяет ее на роль «вечно подрывающей устои», на роль настолько радикальную, что всякого рода революции с их попытками изменить эту роль, могут ознаменовать собой лишь шаг назад.

Навязывание женщине статуса «парадокса» также фактически поощряет фаллическую систему к тому, чтобы и дальше успешно выполнять свои функции, чураясь всяческих трансформаций — зачем они, когда женщины и так все время как бы «подрывают» его устои и таким образом как бы гарантируют ему обновление? В таком случае, все уже хорошо и лучше быть не может! Любое потенциальное изменение рассматривается в терминах утраты, а вовсе не в терминах приобретения. В позиции Бодрийяра не существует никаких политических перспектив,

фактически его позиция повернута в прошлое – какой смысл в том, чтобы пытаться изменить порядок вещей? Уж лучше со спокойной совестью принимать его таким, какой он есть. Любая атака на современную систему ценностей, предпринятая женщинами, всегда будет маркирована как измена идеалам феминного в пользу фаллических ценностей.

В своих позднейших интервью Бодрийяр уточнил свою позицию, старательно дистанцируясь при этом от Мишеля Фуко. В отличие от Фуко, который полагал, что власть проникает повсюду, Бодрийяр считал, что «власть не существует...маскулинность не существует... и перед нами абсурдная история симуляции последней». Реальная власть по Бодрийяру, лежит в обольщении, которое «играет половыми различиями»*.

Власть, приписываемая мужчинам, не более чем подделка, это лишь фасад, который исчезнет тогда, когда люди перестанут воспринимать ее всерьез. Король, как в сказке, абсолютно гол, нужно лишь сказать это вслух и посмеяться над ним. Обольщение более перспективно, нежели битье головой об стены этой реальности, оно позволяет разрушить существующую систему хитростью. Обольщение устанавливает новые порядки и эти порядки успешно размывают границы между полами. Реальность обольщения, где женщины всегда командуют мужчинами, является своего рода противовесом существующей социальной системе и эта реальность способна сбалансировать систему власти куда более успешно, нежели так называемые политические революции.

Позиция Мишеля Фуко, которая нашла свое отражение, помимо прочего, в его работе Histoire de la sexualite, является не только куда более «реалистичной», но также и куда более аналитичной и наглядной. Для Фуко «сексуальность» не существует «в чистом виде»: она всегда воплощена в различных исторических конфигурациях (dispositifs), которые структурируют ее различным образом. Более того, она всегда связывается с различными «паттернами союза», такими, как семья. Фуко ставит перед собой цель обнаружения тех исторических и культурных форм, которые принимают эти паттерны, включая те, которые «конституируют секс как нечто, чего следует желать». В очевидной критике «либидозной революции» со стороны фрейдистско-марксистских теоретиков, он отмечает «парадокс этого паттерна, заключающегося в том, что он заставляет нас думать, будто наша свобода действительно поставлена на карту»**. Сексуальность всегда является mise an discours, она всегда сформулирована в терминах теоретических и практических

* *Jean Baudrillard.* interview with Diane Hunter, Works and Days II / 12, vol. 6, nos. 1 and 2 (Spring-Summer 1988).

** *Michel Foucault.* Histoire de la sexualite (Paris: Gallimard).

дискурсов. Один дискурс может быть заменен другим и в этом плане феминизм – это не отмена всех дискурсов, но замена одного дискурса другим, тем, который после замены и будет доминирующим. Впрочем, такая ситуация вовсе не закон природы, она является одним из следствий исторического и политического развития человечества, каковое также нуждается в тщательном анализе.

Фуко применил структурный подход к марксистским интерпретациям и обнаружил множественные уровни и слои власти там, где марксизм видел всего лишь механизмы эксплуатации, экономические механизмы. Его анализ вдохнул новую жизнь в изучение того, как общества на протяжении веков своего развития, полагались в своей практике на различные стратегии исключения «другого». Фуко сфокусировал свое внимание преимущественно на умалишенных и узниках. Говоря о взаимоотношениях между женщинами и мужчинами, он подвергал сомнению редукционизм и предостерегал против веры в возможность достижения неких идеальных ситуаций, в которых истина стала бы своего рода откровением. Фуко полагал, что не существует «эссенции» сексуальности или эссенции для межполовых взаимоотношений, что существуют лишь социально обусловленные модальности. Не существует общества без власти, существуют лишь смещения и эволюция форм власти. Философия Фуко, будучи сложной и аналитически утонченной, все же, вне всякого сомнения, является «философией освобождения», и нас не должно удивлять, что вершиной этой философии стали рассуждения об «этике самости». Вводя понятие «биовласти», Фуко пролил свет на процессы доминации, которые никак не могут быть сведены к процессу доминации экономической, на которой сосредотачивался Маркс, он также осветил вопрос о том, в частности, каким образом женские тела становятся объектами социальной «инспекции» на предмет их соответствия шаблонам сексуальности и репродуктивности. И эту часть доктрины Фуко феминистские теоретики быстро взяли на вооружение*.

Критика фаллогоцентризма

В середине двадцатого века критика модерна, в которой постмодернизм стал лишь последним звеном, с энтузиазмом потеснила тот рационалистический, сциентистский оптимизм, начало которому положил

* См., среди прочих работ, *Rosi Braidotti*. «Bio-ethique ou nouvelle normativite?» in spec. no. of Cahiers du Grif 33, Hannah Arendt (1986): 149–155, и «Les Organes sans corps,» in spec. no. of Cahiers du Grif 36, De la parente a l'eugenisme (1987): 7–11.

Декарт и который нашел поддержку и развитие в трудах философов эпохи Просвещения, в трудах позитивистов и Карла Маркса. Под сомнение ставился сам исходный тезис о том, что всемогущий Субъект Познания может утвердить свое господство над природой, что он может «объективировать» ее на благо всего человечества. Была подорвана вера во всемогущество неустанно калькулирующего и рассуждающего логически разума. Набирала обороты переоценка ценностей: примат разума, ассоциированного с тоталитарным господством, отсылающим к метафизически заданными ценностями – такими как единство, просвещение или порядок, – сменился верой в иной тип разума, связанного с категориями скрытого, не унифицируемого, словом, в такой разум, который способен изменять сам себя. Этот парадигмальный сдвиг открыл новые интеллектуальные горизонты и обрисовал новые перспективы отношений с миром, напоминающие и о необходимости изменения оппозиции феминное-маскулинное и о позиционировании феминного внутри области маскулинного – именно этой проблемой вскоре занялись многие феминистские теоретики.

Хайдеггер наглядно показал в своих работах, как история технологии и история метафизики зависели от власти, как они тандемом прогрессировали. Этот прогресс может быть прослежен со времен древней Греции, задолго до того, как началась эра модерна. Для Хайдеггера и для Жака Деррида, который в этом плане как минимум может считаться последователем Хайдеггера, не существует ничего «до» и ничего «после» метафизики и технологии, обе они не могут быть аннулированы или отменены, они могут быть лишь деконструированы*.

Деррида внес этот парадокс и в реальность сексуальности. Хайдеггерианская критика «логоцентризма», характерного для западного способа мышления, стала, в интерпретации Деррида, критикой «фаллогоцентризма», конгломерации, где логоцентризм тесно сращен с фаллоцеитризмом. Фаллогоцентризм в структурах знания невозможно перехитрить, в частности потому, что он не имеет фиксированного центра – ведь он сформирован «другим», который не является «его другим», но который, тем не менее, успешно рассеивает все означающие.

Когда Деррида обращается непосредственно к вопросу маскулинного и феминного, когда он вступает в дебаты с феминистками, которые опираются на его работы, он, однако склоняется к мышлению в терминах антагонистических или даже вообще дуалистических. Если борьба женщин как социальной группы за свои права привела их к тому,

---

* Это тема всех работ Деррида со времен L'Ecriture et la Difference (Paris: Editions du Seuil, 1967).

чтобы определять тот и другой пол в терминах оппозиции, значит, их практика должна быть стратегической. Эта дуалистическая логика парадоксальным образом коренится в логике фаллической. Отличительные признаки половых различий не возможно объективировать. Сексуальные различия не являются некоей структурой, которую можно рассмотреть или определить, но они, тем не менее, могут быть прочтены. Другими словами, они являются субъектами интерпретации. Между полами, таким образом, существует раскол (coupure), однако этот раскол «не становится причиной разделения, он сам нивелирует разделение, который сам же и создает» (как однажды определил это сам Деррида в своей дискуссии с Элен Сиксу). Исходя из тех же соображений, Деррида обычно утверждает, что средний род, который реферирует к существам, не относящимся ни к одному роду, ни к другому, не может быть передставлен структурами вида «и...и». Эту же мысль он развивает в статье «Geshlecht, difference sexuelle, diffenence ontologique», где он развивает хайдеггерианский Dasein или бытие-в-мире, реферируя к двум коротким текстам, один из которых является выдержкой из хайдеггеровской работы «Бытие и время», а другой — выдержкой из «Марбургских Лекций»*.

Вместо термина Человек (Mensch) Хайдеггер использует термин Dasein· «Те существа (seiend) которыми мы являемся, и которые, среди прочих вещей, помещены в бытие, имеющее власть вопрошать, мы называем Там-Бытие». Эту лексическую конструкцию Деррида интерпретирует как декларацию желания обрести категорию «нейтральности». Но нейтральности по отношению к чему? По отношению к любым антропологическим характеристикам: «эта нейтральность также означает факт, что Dasein не принадлежит ни к одному из полов».

Эта «нейтрализация» не является отрицанием сексуализации, однако, она несет в себе некий скептицизм по отношению к традиционной бинарной схеме: «хотя сам Dasein не принадлежит ни к одному из двух полов, это вовсе не значит, что он полностью отделен от пола как такового. Напротив, можно полагать его обладающим пре-дифференцированной, пре-дуальной сексуальностью, которая вовсе не должна пониматься как унитарная, гомогенная, недифференцированная». Согласно этой интерпретации нейтральности, нейтральность Dasein вовсе не эквивалентна нейтральности Mensh (мужчины). Нейтральность последнего является отрицанием и в то же время извращением вопроса о поле в его «универсальности». Первый определяется через пре-ду-

---

* *Jacques Derrida.* «Geschlecht, difference sexuelle, difference ontolo-gique,» в Psyche (Paris: Galilee, 1967). Этот текст впервые появился у Хайдеггера в Cahiers de l'Herne (1983).

альную сексуализацию в границах первичных различий: «существует определенная нейтрализация, которая может реконструировать фаллоцентрические привилегии. Однако, существует и еще одна нейтрализация, которая нейтрализует сами половые оппозиции, но не половые различия, освобождая сферу сексуальности для конкуренции различных сексуальностей»*. Поэтому Dasein, как утверждается, свободен от того рода критики, которая обращает наше внимание на то, что, когда мы говорим Человек, мы подразумеваем в первую очередь Мужчину, а уж потом «человека», такого человека, который, по-видимому, асексуален, но все же является мужчиной, особью мужского пола, и в этом случае вся универсальность термина становится не более, чем фиговым листком, прикрывающим очередное проявление фаллоцентризма. Также верно, что Dasein не является Субъектом в метафизическом смысле, поскольку он подразумевает дисперсию или рассеивание смыслов внутри всей структуры. С этой точки зрения также можно утверждать, что все языки или по крайней мере все тексты, в одинаковой степени связаны с сексуализацией, которая и не маскулинна и не феминна по своей сути.

Эта апология пре-дуальной сексуализации (которая не связана с теориями «бисексуальности», каковые так и остались узницами дуального мышления) является своего рода квинтессенцией различий или (как предпочитает именовать их сам Деррида, differance), когда различия комбинируются с задержкой определения темпорального измерения, которое не может быть сведено ни к каким доказательствам в терминах специфических отличительных свойств. Критика фаллогоцентризма, таким образом, не приводит к утверждению различий или к утверждению феминного как другого или противоположного. Если феминное существует, то оно существует благодаря деконструкции фаллогоцентризма, а не благодаря его деструкции, как пример рассеивания и неразрешимости нередуцируемой дуалистической логики. В такой формулировке лишь один вопрос остается без ответа, а именно: каким образом различие (differance) превращается в пару оппозиционных качеств? Еще одна проблема, к сожалению, состоит в том, что утверждение онтологических различий идет вразрез с печальной эмпирической реальностью, где социальные роли донельзя дуализированы. Какие события, какие факты могут убедить нас в том, что все обстоит именно так, как утверждает Деррида? Что может остановить это движение от «нейтральности» к сексуализации, он вечного различия к дуальности или, что еще хуже, к иерархии?

* Women in the Beehive: A Seminar with Jacques Derrida,» in Alice Jardine and Paul Smith, eds. Men in Feminism (New York: Methuen, 1987).

Деррида не касается политического аспекта вопроса об отношениях между отнологическими различиями, дуализацией и доминацией. Но деконструкция и рассеивание могут быть признаны весьма важными инструментами, посредством которых феминное бытие-в-мире может выбраться из ограниченного пространства властных отношений.

Инаковость и диалог

Под «философами инаковости» я подразумеваю тех философов второй половины двадцатого века, которые, следуя за феноменологией Гуссерля, основывали свои рассуждения на идее о том, что субъект всегда состоит в отношениях с миром — в отношениях того или иного рода («все сознания всегда являются сознанием чего-либо») и на идее о том, что субъект всегда состоит в отношениях с другими субъектами («интерсубъективность»). Такие посылки так или иначе были положены в основу работ Жана-Поля Сартра, Мориса Мерло-Понти, Эммануэля Левинаса (в диалоге с Мартином Бубером) и в новейшее время — Франсиса Жака, чья мысль находилась также под сильным влиянием английской философии языка.

Весьма логично предположить, что философия инаковости или «друговости» должна была что-то вложить в копилку конструктивного теоретизирования по проблеме половых различий. В то же время, это направление мысли всегда несколько чуждалось вопроса о половых различиях, предпочитая обходить его стороной по одному из двух путей — либо посредством игнорирования половых различий как таковых в описании отношений между субъектом и другим, либо посредством введения предположения о том, что субъект является трансцедентальным и потому «асексуальным» (это предположение между тем выглядит достаточно противоречивым, когда субъект становится на некую точку зрения и начинает описывать некоторый объект). Оба этих пути уже стали общим местом философии и тем более удивительно снова обнаруживать те же умолчания в трудах мыслителей, которые сделали инаковость центральной темой своих рассуждений.

Сартр критиковал Хайдеггера (который в то время считался первым «экзистенциалистом») и других философов экзистенциального направления в частности за то, что они ошибочио внесли в поле рассмотрения сексуальность, благодаря чему «Dasein, по-видимому, не имеет пола». Но там речь шла о сексуальности как таковой (общей для мужчин

и женщин), а не о различиях между мужчиной и женщиной, каковые Сартр и полагал достойными внимания. Если «с первого взгляда кажется, что желание и противоположный ему «сексуальный ужас» являются фундаментальными структурами бытия-для-другого» и если совершенно неприемлемо считать, что «весь безмерный вопрос о сексуальной жизни есть нечто совершенно необязательное для человеческого существа», то возможно принять «в конце концов» утверждение о том, что «половые различия принадлежат к реальности фактов и потому по сути своей случайны». Для реальных человеческих существ маскулннное и феминное имеют атрнбут случайности (в противоположность эссенциальности). В самом деле, проблема половой дифференциации совершенно не совместима с Экзистенцией (Existenz), поскольку и мужчина и женщина «существуют» — и ни больше, ни меньше. Субъект трансцендирует свою половую принадлежность, даже в чисто сексуальных взаимоотношениях.

Рассуждая о сексуальных взаимоотношениях, Сартр (а вместе с ним и Мерло-Понти) освобождает их от половых различий. Сартр оправдывает это «нейтрализованное» отношение к сексуальному желанию посредством минимизации его «органической» компоненты: «желание является фундаментальным модусом отношений с другим. В этом плане оно онтологично. Оно трансцендирует «органические» сексуальные манифестации и превосходит их.»*. «Бытие в желании есть сознание, которое заставляет плоть заниматься своим делом» или, говоря иначе, «сознание само выбирает для себя желание».

Если половые различия являются неорганическими по своей природе, если они даже не определяют функциональность желания, тогда существуют ли у него социальные и исторические основания? Сартр не задается этим вопросом, конструируя свою доктрину; когда он анализирует феномены угнетения и практики исключения другого, он по преимуществу работает с ситуациями, в которых ключевыми понятиями являются раса и класс, но никогда не пол (хотя Симона де Бовуар достаточно продуктивно позаимствовала сартровскую методологию для своих работ о поле).

Старательное уклонение от этой темы со стороны Сартра тем более удивительно, что он сам в 1970-е годы неоднократно отмечал ее фундаментальность. Вдохновленный, очевидно, феминистским движением того времени, он пошел в этом признании еще дальше, утверждая: «основной конфликт лежит в битве полов, и лишь гораздо меньший — в битве классов», из этого высказывания явственно видно, что Сартр

* *Jean-Paul Sartre.* L'Etre et le Neant (Paris: Gallimard, 1943), chap.3, part 2.

вовсе не считал, что борьба полов вытекает из борьбы классов, но, напротив, имеет автономную природу. Сартр», как и Симона де Бовуар, не верил в существование «женской природы и он с большой осторожностью относился к декларациям де Бовуар о том, что ее личная история — история угнетенной женщины — делает ее уникальной и в го же время дает ей возможность судить об опыте других женщин. Неоднократно настаивая на том, что он относится к Симоне де Бовуар как к равной, он, в то же время, даже с некоторой долей самоснисхождения, сознавался в своем «мачизме» и признавал элементы мужского шовинизма, которые находили непреднамеренное выражение в различных образах, примерах и способах говорения, которые можно найти в его работах*.

Морис Мерло-Понти, современник Сартра, которому не посчастливилось прожить достаточно долго, чтобы застать расцвет теоретического феминизма, тем не менее рассматривал проблему половых различий в своих работах, посвященных инаковости, телесности, сексуальности и восприятию. Мерло-Понти творил, не ища оправдания своим темам и, развивая концепции в русле философии воплощения, которая была куда меньше затронута волюнтаристским рационализмом, нежели философия Сартра. Он не разрабатывал тему половых различий в своих трудах о политике, где достаточно много места уделено полемике с марксистами. В его работах она вообще практически не упоминается — даже в предисловии к книге психиатра Жана Эснара Мерло-Понти ее не касается. Однако, его бывшие студенты хорошо запомнили тот курс, что он читал в Сорбонне — курс «Психология женщины», который был, несомненно, вдохновлен работами Хелены Дойч.

Как и в большинстве работ Сартра, термины «самость» и «другой» даются Мерло-Понти, и с грамматической, и с интенциональной точки зрения, как принадлежащие к мужскому роду, даже когда речь идет о любви и сексуальности (Мерло-Понти называет любящего l'aimant, а любимого l'aime, оба эти существительных мужского рода), что напоминает о гомосексуальном мире греческого полиса. Возможно, впрочем, что Мерло-Понти полагал мир современной ему философии в той же степени гомосексуальным.

Эту же мысль, кстати, высказывал Жиль Делез в своей ранней статье «Описание женщины. К вопросу о философии сексуализированного Другого». (Description de la femme. Pour une philosophie d'autrui sexue). Отсылая главе из Сартра, посвященной сексуальности и любви, Делез отмечает, что «занимающийся любовью сексуализирован, он — любя-

* «Simone de Beauvoir interroge Jean-Paul Sartre,» in L'Arc 61 (1975).

щий, а не любимый...как если бы любовь в своем обычном значении ничем по сути не отличалась от педерастии». И далее: «...мир Сартра даже более удручающ, нежели другие миры: этот мир составлен из не имеющих пола существ, по поводу которых у читателя нет никаких мыслей, кроме связанных с желанием заняться с ними любовью; это воистину ужасное место...».

Попытки уйти от «нейтральности» или то молчание, которым обходился вопрос о половых различиях, зачастую базировались на эссенциализме, глубоко укорененном в мужских стереотипах. В своем желании сформулировать «философию сексуализированного другого» и создать «описание женщины», Делез весьма изобретательно реконструирует именно такую позицию, когда утверждает, что для того, чтобы описать женщину «нужно для начала привязаться к одному весьма наивному образу: густо накрашенная женщина пытает нежного, мизогинистичного, мелкого юношу». Такая женщина не имеет мира. Здесь нет дифференциации внутреннего от внешнего. Она является дурно смешенным коктейлем из материального и нематериального, сущностности и легкомыслия, она – обладатель поверхностного сознания, она – лишь дорогой объект и так далее. Как таковая, она действительно радикально отличается от «мужского другого». Дружба с такой женщиной невозможна, поскольку «дружба есть одна из возможных реализаций внешнего мира, которую Мужской Другой предлагает нам». Это по сути своей утопично – если не сказать драматично – для женщины пытаться «выразить внешний мир».

Инаковость является весьма важной темой и в работах Эммануэля Левинаса, фактически, она составляет каркас его философии. Левинас заменяет онтологию этикой, посредством которой другой как бы вопрошает самость и таким образом заставляет «эго» выйти за его границы. И другой здесь всегда Другой, «полностью другой», который ускользает от присвоения даже через процедуру понимания. Появление его лица – лица Другого – как бы открывает асимметричную область пространства, которое простирается от него ко мне. Теперь, если он полностью отличен от меня и если он все же ускользает от моего понимания, то не в силу своих собственных характеристик и не в силу разности индивидуальностей и культурных различий, но в силу факта своего существования, которое не может быть сведено к некоему «общему знаменателю». Его сопротивление моим попыткам суметь понять его является одним из эффектов откровения Бесконечности. В то же время Левинас откровенно дистанцируется от философов «интерсубъективности» (Шелера и Бубера), которые, принимая во внимание вза-

имность коммуникации, приручают «друговость» другого посредством насильного приписывания последнему определенной идентичности.

Центральными для этической философии инаковости, предложенной Левинасом, являются его рассуждения о том, что мы называем «феминным», – оно зачастую является самой основой инаковости, хотя иногда и вовсе чуждо ей: другой, как женщина является Другим, и в то же время полностью им не является.

Женщина у Левинаса имеет набор традиционных атрибутов: «молодость, слабость, чистота, чувственность, приветливость, игривость взгляда, некая животность». В иных обстоятельствах, впрочем, женщина может быть «собеседником, коллегой и весьма разумным мастером, зачастую превосходящим в своих умениях мужчину в мужской цивилизации, куда она получает доступ»*.

Однако, налицо противоречие между определением Другого как «полностью другого» и непознаваемого и серией атрибутов, приписываемых феминному другому. Возможно, женщина не есть «полностью другой», и даже не является Другим? Та же ситуация возникает, когда Левинас анализирует проблемы родства и репродукции с точки зрения отца и сына. В одной из своих программных работ он описывает родство и филиацию как инаковость, при этом ситуация материнства со всей очевидностью подается как вторичная**.

Когда Левинасу задавали вопросы о его позиции, он, как правило, отрицал свою приверженность редукционистским взглядам на женщину. Однако, зачастую его работы помимо его воли выдают его взгляды, еще более откровенные, чем у многих других философов, это взгляды персоны, философствующей вопреки своим собственным призывам к трансцендированию всякого рода эмпиризма.

В самом деле, тема половых различий пропитывает все творчество Левинаса – если и не в самом буквальном смысле, то в глубинном. Он охотно использует термин «мужественность» по отношению к желанию Субъекта утвердить свою собственную идентичность посредством защиты себя от воздействий «тотально другого». Сходным образом Левинас использует феминные метафоры – такие, как «ранимость», «пассивность», «глубинный стон», «заложник» – для характеристики этической позиции, в которой самость, которую удалось выманить на поверхность , за границы того, что она называет «своим» и «своей собственностью» вынуждена отвечать на требования другого. «Мужественность» и «женственность» по факту являются категориями, которые Левинас во множестве использует для артикуляции своей философии.

---

* *Emmanuel Levinas*. Totalite et Infini (The Hague: Nijhoff, 1961), pp. 127–128.
** Ibid., pp. 244ff.

Мужественность, таким образом, подлежит критике, а феминности предлагается роль исследователя тех изменений, которые приводят к проявлению образа другого.

Таким образом, можно даже утверждать, что этика и этическая философия есть «devenir femme» (способ становления женщиной) и что философия Левинаса есть философия феминного. В этом плане Левинас относится к тем философам, чьи работы отрицали ценности, навязанные сексуализацией, однако он не задавался вопросом о поиске эффективной позиции мужчин и женщин в реальном мире.

Франсис Жак мог бы сказать, что нет ничего удивительного в том, что когда Левинас становится конкретен, обращаясь к анализу любовных отношений с женщиной, он начинает превращать ее в объект. Для Жака «акцентирование радикально гетерогенного характера другого и его абсолютной отделенности требует своего рода философского бесстрашия. Любопытным образом, однако, этот тезис тесно связан с тезисом о превосходстве самости.»*

Существует путь помещения другого в позицию Гордости, это путь, на котором он оказывает на меня влияние и зависит от меня (и от моей ответственности) в большей степени, нежели я от него. Для Жака, который охотно заимствовал методы из коммуникационной теории, межсубъектные отношения базируются на диалоге, в котором каждая из реплик приписывается одному или двум субъектам говорения, вовлеченным в «непосредственную коммуникацию». Есть некое взаимодействие между «я» и «ты» в конструировании этих взаимоотношений. Следование модели такого взаимодействия является единственным способом избежать традиционного взгляда на отношения между мужчиной и женщиной, в котором женщина всегда позиционирована как «другой» по отношению к субъекту-мужчине. В этих условиях «быть женщиной – это всегда быть тем, что репрессировано мужчиной». Если другой, в особенности женский другой, принимается всерьез, а не как нечто, «обреченное на подчинение, иерархизацию или завоевание», тогда необходимо признать, что другой – это никогда не «другой я», которого я буду познавать и понимать через механизмы идентификации или ассимиляции, и даже не «другой, чем я», которого я должен уважать во всей его уникальности, великолепии и трансцендентности. Проблема в одном – чтобы войти в отношения с другим, нужно согласиться на роль им вопрошаемого (ведь и я сам собираюсь вопрошать его!) другими словами, необходимо сделать другого соавтором взаимоотношений.

---

* *Francis Jacques.* Difference et subjectivite (Paris: Aubier, 1982), pp. 164 ff.

Говоря о феминистском движении, Жак признает законность, обоснованность того протеста, посредством которого женщины пытаются сделать так, чтобы их понимали, переоткрыть заново «свой пол и фантазии своего желания и языка», но он видит для него всего две перспективы: или женщины смогут сконструировать для себя Феминную Идентичность, достаточно обоснованную с внутренней точки зрения и практически закрытую для влияний внешнего мира, или они смогут утвердить тот факт, что «отношения между полами отныне должны строиться лишь по принципу диалога», который, как он полагает, приведет к освобождению в равной степени как мужчин, так и женщин*. Такой диалог не только сделает возможным уважение к различиям, но и, что даже более важно, сможет извлекать из него выгоду посредством постоянного акцентирования различий внутри самих взаимоотношений (а не предшествующих им или внешних по отношению к ним).

Хотя Жан-Франсуа Лиотар не сосредотачивался специально на вопросе о половых различиях, он высказал множество важных для его понимания мыслей, рассуждая о диалоге и инаковости в своей работе «Отличие» («Le Differend»). Любой диалог, любая форма инаковости является путем управления несходствами или различиями стилей языка: это всегда в первую очередь конфронтация стилей. Дискуссия требует от каждого из ее участников задавать вопросы другому и отвечать на вопросы другого. Невзаимность является базисом дискуссии. И между несходствами нет никакой разницы. Диалог, как пространство гетерогенности, не является средством демонтажа этой гетерогенности в некоем гипотетическом пространстве общего языка, который будет сводить инаковость к идентичности.

В этой схеме отличие, несходство между полами более не является препятствием к взаимоотношениям между ними, но является основой их взаимоотношений. Однако, позиции говорения не являются изоморфными. «Прогресс» в коммуникации означает создание дополнительного пространства для новых стилей речи, для тех, которые раньше оставались неслышными или были слышны преимущественно как эхо, повторенное доминирующим стилем. Являются ли некоторые стили женской речи именно такими новыми модусами речевой коммуникации?**

Философия диалога обрела множество различных воплощений, от своего возникновения в оригинальной формулировке Михаила Бахти-

---

* Ibid., pp. 295ff.

** *Jean-Francois Lyotard.* Le Differend (Paris: Editions de Minuit, 1983), p.29.

на, до трудов Ханны Арендт, Юргена Хабермаса или новейших работ Франсиса Жака и Франсуа Лиотара. Все эти мыслители сделали возможной постановку вопроса о половых различиях в терминах не субстанции, но перформативного говорения или действия. Чтобы говорить или действовать в режиме диалога, нужно заменить практики исключения практиками внесения. Нужно осознать различия (между полами), но при этом не в коем случае не следует, выражаясь метафорически, отливать эти специфичные различия во всем видимый бронзовый монумент. В терминах Ханны Арендт, « тот, кто оппозиционен нам... подспудно скрыт во всем, что мы делаем, во всем, что мы говорим». Это свойство «того, кто», субъекта действия.

Феминистская мысль

Краткий анализ философий двадцатого века показывает нам, что не смотря на непоколебимость некоторых глубоко укорененных привычек мышления, философы действительно приблизились к созданию новых схем мышления в рассуждениях о половых различиях. Мы видели, что по мере того, как век двигался к своему концу, различные формы «метафизик пола» (основанных на дискурсах природы или дискурсах рациональности) все больше и больше теряли свое значение. Сексизм, конечно же, не ушел полностью из новейших философских трудов, но теперь по крайней мере он стал проявляться неявно, лишь в некоторых фигурах речи и выборках примеров, а чаще всего — в форме ошибок или лакун, а еще чаще — в неспособности рассмотреть упомянутый вопрос в случаях, когда это необходимо, или в неспособности описать гендерную позицию субъекта.

Как мы видели, имела место и определенная инверсия ценностей, которая принимала форму критики понятий, традиционно ассоциированных с мужественностью («влияние», «фаллическое») в пользу понятий, традиционно ассоциированных с женским («ранимость», «неопределенность»). Однако, такая инверсия ценностей, к сожалению, не смогла изменить реальную асимметрию позиций мужчин и женщин в мире.

Феминистская мысль, укорененная в 1970-х, многое позаимвовала из тех многочисленных течений мысли, которые мы только что обсуждали. Среди них — марксизм, психоанализ, критика метафизики, структурализм, постмодернизм и так далее. Несмотря на кардинальное несходство феминистских типов мышления, они были объединены осознанием необходимости политического подхода к философским во-

просам. Феминистки всегда начинали с реальности отношений между мужчинами и женщинами как одной из форм властной структуры, в которой мужчины доминировали. Из этой отправной точки они расходились в разные стороны, споря о том, как и до какой степени эта властная структура должна быть деформирована или о том, что станет с половыми различиями в случае, если их удастся освободить от их социальных и исторических детерминантов.

Работа Симоны де Бовуар «Второй пол» (Le Deuxieme Sexe) является фундаментальным трудом по философии феминизма. Хотя она увидела свет еще в 1949 году, ее влияние было ощутимо вплоть до времен нео-феминистского движения 1970-х, которое, собственно, и предложило новое прочтение этой классической книги. Работа является выдающейся как с точки зрения объема материала, который был в ней собран, так и с точки зрения важности тех вопросов, которые были в ней затронуты. Впрочем, нельзя сказать, что книга де Бовуар предвосхитила все многообразие течений мысли, для которых феминистское движение стало истоком и для которых она сама стала источником вдохновения. Книга де Бовуар была навеяна скорее эгалитаристской, нежели дифференциалистской школой феминизма.

«Женщиной не рождаются, женщиной становятся». Эта знаменитая фраза означает, что роли, которые женщина обязана исполнять в обществе, навязаны ей «патриархатной» властью посредством целого комплекса механизмов внушения, которые составляют система образования, законодательства, социального и экономического сдерживания, а вовсе не продиктованы биологической необходимостью. Женщина всегда «другой» для субъекта-мужчины. Тем не менее, существенная часть работы де Бовуар посвящена следствиям, вытекающим из женской физиологии, от менархе до материнства и менопаузы; тщательность этого описания заставляет вспомнить о традиционном восприятии женского тела как ущербного.

В преодолении — в большей степени, нежели в принятии — этой телесности, человеческое существо, в том числе и женщнна, становится субъектом, самим собой. В экзистенциалистской парадигме той эпохи «самость» освобождается от самой себя (в частности, от физических ограничений), а «трансцендентность» триумфальным образом выводится из «имманентности». Свобода акцентирует себя в ситуациях, из которых она уходит. Таким образом становление собой — это проект, а не простое следование неким природой заданным требованиям.

Хотя Симона де Бовуар делала акцент на нелегкой женской доле, связанной с обстоятельствами телесности, она никогда не говорила о том, женщина непременно должна «преодолеть» или «превзойти»

свою телесность для того, чтобы стать «настоящим человеком». Такое «превосхождение» — акт всецело индивидуальный и каждая женщина должна решать эту проблему самостоятельно, исходя из собственных представлений о ней. Когда де Бовуар стала свидетельницей феминистского движения 70-х, она сочла необходимым уточнить свои мысли касательно коллективного характера освобождения. Она признала необходимость коллективной борьбы и необходимость коалиции с другими революционными течениями в социуме, фактически, она присвоила коллективной борьбе наивысший приоритет. Она также предложила гипотезу о том, что женщина, несомненно, имеет возможности для того, чтобы сделать уникальный вклад в человеческую культуру, причем не в силу своей «природы», а в силу своей исторически сформировавшейся позиции*.

Прямые последователи Симоны де Бовуар — те, кто испытал ее непосредственное влияние — были склонны несколько радикализиировать ее позицию, говоря о необходимости изменений не только «социальных конструктов», которые имела в виду де Бовуар, но и таких понятий, как «пол», «гендер» (этот термин был предложен американскими феминистками) и даже самой реальности сексуальных взаимоотношений. Женщины, говорили они, составляют такой же социальный класс, как, к примеру, пролетариат и, подобно последнему, они мечтают об уничтожении структур господства. А тот факт, что гендерная идентификация не зависит от этих структур в целом не имеет принципиального значения. Не только «анатомия — это не судьба», но анатомия — это даже и не предпосылка для попыток обретения свободы.

Эгалитаристски настроенные феминистки всегда с огромным подозрением относились к природе и дискурсам «природного», разумеется, потому, что «природное» слишком долго служило прекрасным поводом для различных практик исключения. Во французском языке этот факт даже дал начало игре слов: Nature-elle-ment как «естественно» или как «природа лжет»**. Однако это недоверие к природному порождало и дурной соблазн отвергать реальность природы во всех ее формах под предлогом того, что мы не можем различить между эффектами природы и эффектами культуры. История и природа — они обе были извращены ради блага Субъекта, который, к сожалению, располагался между двумя полюсами: полной нейтральностью и самоосознанием себя внеположенным какому бы то ни было телесному опыту.

* «Simone de Beauvoir et la lutte des femmes,» L'Arc 61 (1975): 11–12.

** «Nature-elle-ment» — это название третьего выпуска журнала Questions Feministes, 1978. Среди прочих статей на тему, см. Colette Guillaumin, «Pratique du pouvoir et idee de nature.»

Эгалитаристский вариант феминизма – типичный отпрыск эпохи Просвещения, в том ее виде, в котором она нашла свое отражение в марксизме. Он определяет различия через господство лишь потому, что полагает индивидов априори равными и в то же время абстрактными единицами. Но в 70-е годы наряду с эгалитаристским получило развитие еще одно направление феминизма, которое развилось на фундаменте психоанализа.

Для представителей этого направления подчиненное положение женщины видится результатом забвения женщинами своей собственной истинной природы. Поэтому для женщин весьма существенно отстаивать свою специфическую, позитивную – а не релятивную! – реальность и отмечать границы своего собственного пространства и в реальности удовольствия, и в реальности культуры. Более того, очень важно деконструировать те определения, в которые, как в броню, закована женщина руками мужчины, деконструировать их во имя обретения той аутентичной, истинной феминной сущности или «эссенции», которая неразрывно связана с женской морфологией и которая помещает женщину в совершенно уникальные отношения с миром. Два пола сущностно различны и антагонизм между ними должен дать начало новой «этике половых различий». Утверждение подобной дуальности были зачастую инспирированы – в скрытой или в явной форме – восприятием женщины как существа, имеющего над мужчиной превосходство, даже если это превосходство искало себе способы быть сформулированным в терминах мирного сосуществования в большей степени, нежели в терминах доминации.

Если маскулинное определяется как фаллическое, соединяющее, тотализирующее и инструментализирующее, то феминное определяется как открытое, не-объединяющее, тяготеющее к бесконечному многообразию, неопределенное, безграничное. Эти эпитеты самым несомненным образом связаны с морфологией каждого из полов. Ведущие теоретики этого направления феминизма никогда не покушались на идею определения «женщины» как таковой. Лакановской посылке о том, что «женщина не существует», Антуанет Фуке отвечала уточнением «des femmes», а Люси Иригарей уточнением «la/une femme».

В действительности, если для Лакана «pas toute» («не все») было чем-то вышестоящим по отношению к «le tout» («целое»), то для феминисток этого направления приведенные понятия были оппозиционными. Полемический контекст, в котором развивалась феминистская мысль, привел к дуализации мужчин и женщин, феминного и маскулинного, что, несомненно, радикализировало позицию психоаналитиков Английской Школы. Однако, достаточно сложно утверждать, что женщина вовсе неопределима, когда территория определений разме-

жевана настолько тесно и тщательно; точно также сложно приписывать женщинам не-дуальную логику, когда сама дуальность начинается как минимум с дуализации полов.

Для некоторых теоретиков феминное сложным образом связано с морфологической или физической реальностью, в то время, как для других феминное является всего лишь категорией, которая в большей или меньшей степени может быть отделена от реальности. Второй путь интерпретации феминного (или в некоторых случаях – относящегося к материнству) используется по большей частью феминистками, ориентированными, прежде всего, на анализ языка и текста, такими, как Элен Сиксу, чей способ мышления имеет много общего с философией Деррида. Даже когда мужчина является «социальным мужчиной», он может позволить себе использовать феминное в своих текстах. Или, возможно, все тексты и все формы письма являются по своей сути феминными. Феминное в этом случае уже не является оппозицией маскулинному; скорее оно отмечает неразрешимость вопроса о подобных категориях.

Позиции, которые были здесь описаны, являются в значительной степени экстремистскими и безусловно несколько схематичными. Феминистская мысль, включая работы упомянутых авторов, разумеется, гораздо богаче, нежели дайджест, предложенный здесь. Для основного течения феминистской мысли характерен тип мышления, который избегает жесткого фиксирования на каких-либо позициях, такой, который позволяет в случае необходимости изменять и уточнять эти позиции.

Достаточно трудно принять посылку о том, что половые различия являются чистейшим продуктом системы угнетения, и что они исчезнут сразу же, как только исчезнет последняя. Трудно также поверить в то, что где-то существует некая аутентично женская реальность, которая свободна от всяких влияний фаллического. Такие предположения в большей степени являются «программными», нежели феноменологическими по своей сути. Они отражают в большей степени проект или даже ментальный запрос, нежели актуальную действительность.

Половые различия являются реальностью, с которой необходимо считаться, их нельзя просто сбросить со счетов, объявив «социально сконструированными». В то же время, определение различий через оппозиционирование, путем дуализации, как если бы мужчина был универсальной единицей, эталоном, по отношению к которому женщина определялась бы как не-эталон, волей-неволей заводит нас в дебри метафизики пола. Более того, ограничивать рассмотрение категориями феминного и маскулинного во всей их неразрешимости означает отри-

цать социо-политическую реальность мужчин и женщин. Вопрос о половых различиях таким образом рискует быть пойманным в порочный круг рассуждений, развертывание которых неизбежно приводит говорящего к той исходной точке, с которой эти рассуждения начинались.

Любые предложения, касающиеся женщины и мужчины, должны рассматриваться (или же неизбежно рассматриваются) как речевые акты — перформативные, диалогические, как такие, которые выражают сразу две позиции — позицию того, кто говорит, и позицию того, на кого говорение направляется. Каждое высказывание содержит в себе и актуализирует именно то, что хотят сказать женщина или мужчина как таковые, вне зависимости от того, каков контекст речевого акта — происходит ли он в ситуации конфликта или же в ситуации гармоничного взаимопонимания. Половые различия, таким образом, являются действием — действием, которое в одно и то же время политично, этично, символично.

Главная цель феминизма состоит в создании такого пространства, которое женщины и мужчины могли бы делить на равноправных началах и в этом смысле теории равенства, разумеется, со всей неизбежностью используются феминистской теорией. Здесь, однако, равенство должно пониматься именно в смысле равенства прав, а не как требование уравнивания идентичностей, которое, кстати сказать, всегда будет происходить в пользу мужской идентичности. Это равенство может также подразумевать индивидуальные и политические различия, впрочем, здесь необходимо отказаться от попыток предварительного определения того, чем же на самом деле они являются. Демократическое общество по сути своей гетерогенно и креативно. Двадцатый век модифицировал определение равенства, которое было выработано в восемнадцатом веке и которое базировалось на концепции гражданства, представленного абстрактными индивидуумами. Таким образом, вопрос о взаимоотношении полов, как и вопрос о взаимоотношении культур, рас и даже религий, приводит нас к необходимости переопределить и сами понятия демократии и гражданства.

Исчезают ли полностью половые различия или они всего лишь изменяют свою конфигурацию невозможно определить ни через дискурс прошлого, ни через дискурс судьбы, записанной на небесных скрижалях. «Чего хотят женщины?» — это вопрос, который, вероятно, никогда не задавался всерьез, как минимум потому, что ответы на него не могут найти себе удовлетворительных форм для воплощения. Любое действие, будь оно индивидуальным или коллективным, каждый речевой акт — все они лишь задают этот вопрос по-новому. А ответ на него ни в коей мере не зависит от мощности интеллектуального усилия. Чего хотят женщины? Они хотят быть инициаторами речевых актов, а не

только реципиентами последних, они хотят быть соавторами определения того, что представляют собой половые различия*.

Женщины – по крайней мере некоторые женщины – уже стали инициаторами ряда речевых актов в интеллектуальной сфере. Хотя этот вопрос и выходит за рамки тем, очерченных этой главой, окончить ее невозможно, не упомянув те работы, без которых появление таких изданий, как «История Женщины» было бы невозможным, работ, которые сделали эту тему легитимной. Феминизм двадцатого века – лишь краткий эпизод истории – известен не только благодаря своим социальным и политическим достижениям, но и благодаря тем прорывам, появление которых он инспирировал в сфере знания, в том секторе интеллектуальной деятельности, который институционализировался под именем «феминистские исследования» (а также «гендерные исследования» и «женские исследования»).

Вековое исключение или как минимум, интериоризация женщины не могли не оказать пагубного влияния на гносеологическую реальность: и субъект, и объект научного знания ощутили его на себе. Эпистемологический субъект, лишенный гендерной позиции, длительно и умело вводил себя в заблуждение, называя свою позицию «нейтральной» и «универсальной». Исследуя объект, субъект каждый раз допускал ошибку, распространяя реальность одного из полов на всю окружающую его действительность. В то время, как эти реальности, безусловно, неотделимы одна от другой. Единственный способ минимизировать этот пагубный эффект состоит в том, чтобы принимать во внимание влияние половых различий на сам эпистемологический процесс. Хотя феминистки сходятся в своей критике упущений и фальсификаций, связанных с генерализацией маскулинности, они все еще спорят по вопросу о том, как можно исправить сложившееся положение. К сожалению, в силу ограниченности объемов главы, я могу лишь вскользь затронуть эту тему.

Те, кто разделяют веру в эссенциальность дуализма полов и, следовательно, в сущностную специфичность женщины, даже когда речь заходит об особенностях их интеллекта, полагают, что женщины должны развивать свою собственную, феминную науку, которая будет отличаться от доминирующего типа науки не только по своему содержанию и интересам, но и по своим методам, процессам познания и по своим модусам передачи знания. Такие теоретики требуют своего рода «эпистемологического броска». Подобно тому, как женщины

---

* См. *Francoise Collin.* «L'Irrepresentable de la difference des sexes,» in Categorisation de sexe et constructions scientifiques (Aix: Universite de Aix-en-Provence, 1989), pp. 39–40.

могут творить свой собственный мир, параллельный миру мужчин, может быть сотворен и развит новый мир науки. Они утверждают, что новая, женская наука появится и манифестирует себя не как раздел гуманитарных наук, но и как раздел наук естественных (хотя даже самого малого намека на это реальность нам пока не дает).

Тем временем феминистские теоретики — вне зависимости от того, разделяют ли они заявленную выше точку зрения или нет — предпринимают весьма убедительные попытки заполнить тот пробел в доминирующих гуманитарных дисциплинах, который был связан с исключением из них женщины. Среди таких дисциплин — социология, история, антропология, и литературоведение, издавна особенно тесно связанные с вопросами, которые систематически обходились вниманием или выпадали из поля рассмотрения ученых. В этом смысле «феминистские исследования» являются исследованиями, объектом которых является женщина и таким образом они могут быть определены как исследования женщины.

Некоторые женщины, однако, заметили, что изолирование объекта «женщина» от других объектов заводит данную дисциплину в некое гетто, оно словно бы делает женщину гораздо более необычной и специфичной, нежели она является на самом деле. С их точки зрения, куда более правильным является фокусирование внимания исследователя на отношениях между полами, результатом какового фокусирования будет изменение того способа, каким мы смотрим не только на женщин, но и на мужчин. Вот почему некоторые исследователи предпочитают использовать термин «гендерные исследования», а не «женские исследования».

Осуществляя дальнейшее определение поля исследований, некоторые ученые высказывают предположение, что феминистский подход может быть приложен не только к отношениям между полами, но и ко всей реальности знания. Феминистский подход является четким и различающим как минимум в том, что он вносит половые различия в качестве параметра или интерпретационной шкалы, при этом не высказывая мнения по поводу значения результатов, которые при его использовании будут получены*. Такое требование впрочем может привести к драматическим результатам — еще более драматическим, чем те, к которым уже привел дуалистический эссенциализм. Но в то время, как эссенциалисты требовали, чтобы новое знание исходило из введения в рассмотрение женского субъекта в качестве носителя

---

* Литературы по феминистским исследованиям очень много. Особенно см. Savoir et difference des sexes, spec. no. of Cahiers du Grif 45 (Fall 1990); «Femmes, feminisme et recherches,» Actes du colloque du Toulouse, 1982.

и первооткрывателя этого знания, здесь посылка состоит в том, что новое знание возникнет благодаря самому использованию новой интерпретационной шкалы или нового ключа к интерпретации (который был разработан женщинами и используется ими).

Какими бы ни были исходные допущения (даже когда они не высказаны в явной форме), феминистские исследования, тем не менее, получили важные результаты и воплотили их в огромном количестве текстов, в частности таких, которые служат отправным пунктом для ученых, которые лишь начинают работать в этой области. Однако, феминистские исследования все еще являются «самозацикленной» системой, чье влияние на другие сферы знания, к сожалению, носит спорадический характер.

Существует множество причин, объясняющих это, возможно в чем-то даже печальное, положение. Стратегия феминизма, а также и стратегия феминистских исследований, формировалась автономно и те, кто развивали эту стратегию, очевидно прикладывали недостаточно усилий к тому, чтобы коммуницировать с научным сообществом «за пределами» этого направления мысли. В то же время, нельзя недооценивать тот колоссальный ресурс, который «доминирующая наука» готова ассигновать на то, чтобы не допускать на свою территорию инновационные разработки, сделанные за ее границами. Сегодня, однако, набирает силу тенденция – как минимум в Европе – которая состоит в том, чтобы рассматривать феминистские или гендерные исследования не как отдельную специальность, но как субспециальности в рамках различных дисциплин. Гендерный параметр становится параметром, который необходимо принимать во внимание наряду с другими, однако его важность и значимость, разумеется, варьируется в зависимости от того, какой объект исследуется.

В нескольких абзацах, разумеется, невозможно обобщить последние двадцать лет работы в различных сферах исследований, которая была проделана феминистскими учеными. Но они, как минимум, способны навести читателя этой книги на некоторые мысли по поводу феминистского вклада в историю.

10

Место женщин в культурном процессе (на примере Франции)

Марсель Марини

В западных обществах XX века масштаб участия женщин в процессе создания культуры был беспрецедентным. Три фактора способствовали этому. Во-первых, феминистки добились явного успеха в разгоревшейся еще в XIX столетии борьбе за равные образовательные возможности. Во-вторых, начиная с 1950 г. технологические достижения, возросший общественный интерес к искусству и увеличение свободного времени привели к такому расширению культурной аудитории, какого не знала прежде ни одна эпоха. И, наконец, новые культурные учреждения, предоставив работу многочисленному персоналу, дали возможность женщинам стать более независимыми и социально значимыми. Многие женщины нашли приложение своим силам в интеллектуальной и художественной сферах, и этот процесс особенно ускорился во второй половине XX столетия.

В конце 1960-х гг. – в самый разгар периода экономической экспансии и интеграции женщин в общество – возникает новое и мощное феминистское движение. На первый взгляд, может показаться парадоксальным, что протест рождается в среде привилегированных (студенток, художниц, интеллектуалок): не они ли реализовали мечту своих предшественниц о равном доступе к общей культуре? Разве они не имеют профессий, на которые женщина прежде

не могла и рассчитывать? Было, казалось, глупостью бунтовать в тот момент, когда цель почти достигнута. Ни одна область искусства или науки не была для них отныне закрыта: им было бы достаточно доказать свои способности. Но они обнаруживают вдруг горькую реальность: провозглашенное равенство остается иллюзией в той мере, в какой женщин как таковых продолжают недооценивать, несмотря на их компетентность и их таланты.

Факт ясен: если в сфере образования мало-помалу утвердилось совместное обучение, то этого нельзя сказать о социокультурной жизни. Совместное обучение основывается на принципе равенства природных способностей обоих полов; в течение столетия оно стирало границы, которые устанавливали для девушек, чтобы увековечить их подчиненное положение; и их успехи доказали со всей очевидностью правоту этого принципа. Однако равное образование не приводит к равенству в реализации потенциальных возможностей, власти и даже законного признания в сфере художественного творчества. Начиная с 1950-х гг. все больше и больше женщин сталкивается с предрассудком о второсортности их пола, который, как им казалось, они победили благодаря своему образованию. Парадокс не в них самих, а в ситуации, которую для них создали. Неужели дискриминация лишь сменила обличье?

Мне возразят, что девушки еще плохо ориентируются. Их слишком много на гуманитарных факультетах и мало в технических специальностях. Этот аргумент значим, когда идет борьба за равенство полов во всех сферах жизни общества. Но он не объясняет, почему и как из 75% студенток литературных факультетов только 25% становятся писательницами, и только ничтожное их число оказывается в высших эшелонах культурной иерархии. Что же говорить тогда о музыке, о театре, о кинематографе и живописи, куда доступ женщинам был всегда крайне ограничен? Анализ их места в художественном поле нам кажется особенно необходим для того, чтобы прояснить двойственность социальной практики и социальной риторики, одновременно эгалитаристских и дискриминационных. Таким образом, выявляется один странный общий закон: женщины недооценены как в экономическом, так и в символическом отношении: в первом случае — потому что они в меньшинстве, во втором — потому что их большинство; мужчины, напротив, экономически и символически переоценены и когда они в большинстве, и когда они в меньшинстве. Вот это и заставляет отказаться от любого чисто количественного объяснения известной формулы: «феминизация = девальвация» и попытаться увидеть в ней выражение фундаментального сексизма, тем более загадочного, что он, кажется, рождается из самого себя.

Литература и искусства часто рассматриваются как женские области: их исследование доказывает, наоборот, и мы это увидим, что в действительности они далеко не женские и в еще меньшей степени управляются женщинами. В книге «Интеллектуальная власть во Франции» («Pouvoir intellectuel en France»), Режи Дебре подчеркивает, что «если культура вообще-то — существительное женского рода и обладает женскими свойствами, то ее высшие сферы чисто мужские», и он проводит грань между «высшей интеллигенцией с маскулинной доминантой» и «нижним слоем интеллигенции с более женским составом»*. Культура, таким образом, являет собой основное поле коллективной жизни, где развертываются сражения мужчин за главную ставку: систему представлений, получивших признание или находящихся в процессе легитимации. Дебре принимает феминистскую концепцию «пирамиды полов», но он искажает ее, основываясь на констатации неравенства, тогда как эта концепция осуждает тот факт, что мужчины присваивают себе, будто по законному праву, творческую функцию и контроль над культурой. Вынужденные в силу социально-экономических и социокультурных трансформаций терпеть растущее присутствие женщин на этой территории, они продолжают рассматривать эту территорию как свою вотчину. Женщины могут быть потребительницами культуры или обслуживать культурный процесс, но им не дано стать ее творцами, им позволено созидать лишь в виде исключения и в строго очерченных границах, ничего не меняя в системе так называемых общих ценностей, ответственность за которые по природе и/или согласно исторической традиции должен нести только мужчина. Концентрация женщин в секторах, считающихся низшими, — это лишь современная форма остракизма, которая преследует их и их творения в течение столетий.

Разделение (и противостояние) универсальной культуры и женской субкультуры остается одним из самых ярких явлений, превратившихся в XIX веке в сущностные социокультурные феномены. Это деление, которое соответствует социальной теории «двух сфер», образует интеллектуальный горизонт XX столетия. Исходя из нее, представительниц художественной интеллигенции относят к особой группе, отвечающей специфическим критериям. Немногие из них призваны остаться в коллективной памяти: избранницы или изменницы женского пола, они смогли бы только чудом примоститься на заднем плане великих культурных фресок.

Но как примирить эту структуру (тщательно скрывавшуюся и мужчинами, и женщинами) с тенденцией к конкретной интеграции женщин в общество, которая, очевидно, родилась внутри са-

* *Régis Debray.* Le Pouvoir intellectuel en France. Paris: Ramsay, 1979. P. 247.

мой системы и которая означала ассимиляцию с универсально маскулинным (высшим) и отказ от специфически женского (низшего)? Использование термина «исключительная женщина» предполагает, что для всей женской массы культурное неравенство полов остается незыблемым. Но ныне, когда культура становится достоянием целого поколения женщин, не утратило ли смысл это понятие? Могут ли женщины в стране, не знающей социальных барьеров для их продвижения, мечтать о том, чтобы действительно заслужить титул «исключительной», не беспокоясь о цене, которую они за него заплатят? Кризис 1970-х гг. доказывает, что нет. Теперь же женщины, посвященные, как и мужчины, в практику и теорию искусства, стремятся утвердить себя как полноправные творцы – субъекты – при созидании общей культуры, при этом не отказываясь от своей гендерной идентичности.

1970–1990 гг.: рискованно писать историю современных событий, в первую очередь потому, что мы глубоко в них погружены, но особенно потому, что еще не пришло время перевернуть последнюю страницу – место женщин в культурном созидании остается ставкой в борьбе, исход которой еще не ясен. Тем не менее результаты достаточно внушительны, чтобы отважиться на двойную гипотезу: этот период является временем кардинального изменения в культурной истории женщин Запада; он предвещает новую практику культуры – практику культуры, «реально смешанной». И в этом смысле мы можем назвать его решающим периодом.

1970–1990 гг.: решающий период

В первый раз общественное движение женщин обрело подлинно культурное измерение, а их культурные требования – общественный размах.

Все начинается с какого-нибудь творческого взрыва, неотделимого от борьбы за равенство и свободу. Культура – дело всех женщин. Культура живет на улице. Здесь распространяются листовки, газеты, настенные рисунки и надписи, песни, видеофильмы; здесь индивидуальное самоутверждение и самоутверждение коллектива взаимообуславливают друг друга. Здесь каждая женщина – то зритель, то актер. Вне всяких социальных границ и категорий. Часто под простыми именами, псевдонимами или названиями групп. Конструирование отдельной идентичности, наконец, оцененной, осуществляется через творческое

открытие, в то время как социальное движение способствует потоку новых произведений*.

Вот особенно яркий пример: публикация в 1972 г. в Португалии, находящейся под пятой диктатуры, «Новых португальских писем» трех Марий**. Это трехголосое сочинение, где перемешаны стихи, размышления и рассказы, осмеливается на то, что господствующая культура погребает под убийственным молчанием. Донос на издателя. Цензура и судебный процесс по обвинению в оскорблении общественной морали и нравственности. Мобилизация зарубежных феминистских движений и публикация книги в различных странах. Оправдание и овации после Революции Гвоздик. Рождение феминистских групп в Португалии. Одновременно этот текст своей новаторской мощью вырывается из границ своего социально-политического контекста.

Моменты исключительного единения между общими устремлениями и художественными произведениями нередки, они обнаруживают важное изменение в ментальности, но до сих пор об этом говорили только в связи с маскулинным дискурсом, который отождествлялся с универсальным. Требование женской культуры, обращенное к обществу в 1970-х гг., удивляет тем более, что оно кажется вдвойне неуместным: оно не соответствует традиционной (маскулинной) схеме, которая господствует в истории искусства, будучи призванной объяснить преемственность узаконенных символов; с другой стороны, и это хорошо известно, образовать особую категорию не было желанием самих женщин; эта позиция им всегда навязывалась, заставляя их существовать между покорностью и бунтом. Вот почему, чтобы понять требование женской культуры, не надо спешить квалифицировать его как требование регрессивное, абсурдное и самоубийственное, а следует тесно увязать его с самой радикальной чертой Движения за освобождение женщин – ДОЖ (Mouvement de liberation des femmes) – с лозунгом несмешанности полов или точнее с выбором замкнутого женского мира, который может доходить до лесбийского сепаратизма и в котором личная жизнь, политическая деятельность и эстетическая практика неразделимы. Таким образом, процесс осознания самих себя превратил женщин из незначительной группы – распыленной в гомогенной маскулинной культуре – в партию меньшинства, решившую утверждать и защищать на общественном поле автономность своих ценностей и своих ориентиров. Это превращение прекрасно символизируют «Новые португальские письма», превращая переписку между тремя

* См. газеты, видео- и кинофильмы того периода, сохранившиеся в феминистских библиотеках.

** *Maria Isabel Barreno*, Maria Teresa Horta et Maria Velho da Costa. Les Nouvelles Lettres portuganses: Traduction en fransais. Paris: Editions du Seuil, 1974.

женщинами в страстную мольбу, которую под пером автора-мужчины XVII в. безумная от одиночества монахиня обращала к покинувшему ее возлюбленному.

Итак, ДОЖ появилось в момент уникальной встречи двух исторических течений: движений протеста 1968 г., которые оказывают немедленное влияние на социально-политическую ситуацию, и медленного изменения в течение целого века роли женщин в социальной и культурной жизни. Все происходит, как если бы эти две тенденции вдруг одновременно обнаружили свою слабость и свою силу.

Мятеж молодежи, очевидно, сыграл свою провоцирующую роль в рождении ДОЖ, но это движение – не запоздалый отзвук сражений молодых людей. Его возникновение, наоборот, вызвало кризис демократической составляющей протестных групп, куда входило много молодых женщин: функционирование этих групп осуществлялось при таком доминировании мужчин, что для их участниц принцип совместного действия оказался на деле обманом и принес им значительный вред. И тогда они обособились.

Уже начинают забывать о трагедии, пережитой в то время теми, кто, воодушевленный анархическими лозунгами («власть воображению», «слово всем», «все – творцы»), думали, что смогут без проблем участвовать в создании «альтернативного» общества, где изменятся не только экономические и социальные структуры, но и вся жизнь в целом: семья, сексуальность, мир представлений и образов, искусство, язык... Но все они столкнулись с обесценением их требований из-за своего пола, и это обесценение исходило от их собственных соратников по борьбе против всех форм угнетения: вместо диалога в обстановке взаимности их выставили за дверь.

Отважиться выступить в смешанной группе было уже само по себе подвигом. Одно и то же слово имело различный вес в зависимости от того, кто его высказывал – мужчина или женщина. Могли ли мы осмелиться просто покритиковать афишу, фильм, текст, унижающий женщин? Мужчины постоянно усматривали в этом ущемление свободы мнений, хотя они сами всегда были готовы запретить любое произведение, подозреваемое в малейшем намеке на расизм*. Могли ли мы осмелиться сформулировать оригинальную и неожиданную точку зрения? В первый момент возникало чувство неловкости, и никакой дискуссии – полное неприятие от безразличия до бессмысленного галдежа. Нам снова предлагали то, что мы слышали с самого детства и что

* Ж.-П. Сартр, например, утверждал, что «антисемитизм не может находиться под защитой права на свободу слова» (см.: *Jean-Paul Sartre.* Réflections sur la question juive. 1954). Эта идея касалась расизма, а не «сексизма» (термин, который вызвал тогда значительную оппозицию).

Симона де Бовуар запечатлела в следующей формуле отторжения: «Вы думаете так, потому что вы – женщина»*.

Мы пытались говорить, как Симона де Бовуар: «Я так думаю, потому что это правда», устраняя таким образом (нашу) субъективность, но как же тогда убеждать? В этой системе дискредитируется не отдельная женщина; в субъективизме обвиняется женщина вообще перед лицом отдельного мужчины, твердо уверенного в своей объективности на том основании, что он мужчина: «вопрос шел не о том, – продолжает Симона де Бовуар, – чтобы возразить: «А вы думаете иначе, потому что вы – мужчина», ибо принято, что в самом факте быть мужчиной нет ничего особенного; мужчина прав просто потому, что он – мужчина, а женщина неправа». Но коллективный опыт такой дискредитации, позволяющий все глубже оценить ее произвол и насилие, спровоцировал иконоборческий ответ. Вот что объединило стольких женщин, которых разделяло все – социальное положение, профессия, политические и эстетические пристрастия, образ жизни, сама концепция женственности и гендерных ролей... И публично афишируя половую субъективность, ДОЖ обвинило мужчин в присущей их полу субъективности и, следовательно, в относительности их слов и их творений.

Однако эти два субъективных элемента не были эквивалентны, и самым горьким открытием тех лет стало признание нашей собственной слабости. Несмотря на наши заявления, наша уверенность была искусственной, ибо мы оказались неспособными разрешать сомнения, которые мы, впрочем, тщательно скрывали: могли ли мы осмелиться критиковать наших повелителей? Где были основания, легитимирующие наши притязания? Какие гениальные женщины могли стать для нас пропуском? Могли ли мы назвать существенный вклад хотя бы одной женщины в развитие цивилизации? Нам удавалось с трудом пробормотать несколько имен, которые тотчас отвергались, и мы не знали даже, как их защитить. Привилегированные женщины, получившие «самое лучшее» образование, приравнивались к тем, кто получил образование на своем рабочем месте. К тому же мы все были полностью совершенно обкрадены – у нас не были ни истории, ни наследия: сироты без матери (и без каких-либо родственников по женской линии), бастарды, рожденные от благородных отцов и от несуществующих или непризнанных матерей; «женщины нулевых лет»** культуры, приговоренные считать себя преступницами, крадущими

* *Simone de Beauvoir.* Le Deuxiıme Sexe. Paris: Gallimard, 1949. Vol. 1. P. 14.

** См. «Освобождение женщин: нулевой год» ("Libération des femmes année zéro") – специальный выпуск журнала «Партизан» (июль-октябрь 1970 г.).

у мужчин «язык»*, образы и ноты, как впрочем и труд, и должности, и власть.

ДОЖ, действительно, – общественное движение, которое со всей очевидностью показало, что символическое (духовное) насилие столь же тягостно, как и экономическое: это не отражение социального насилия, ни даже его запоздалое оправдание, но его неотъемлемая часть. Женщины больше не сражаются, как это было в начале столетия, только для того, чтобы иметь доступ к профессиям или быть членами партий, профсоюзов либо профессиональных объединений; в этом плане они добились достаточных успехов, чтобы уже сделать определенные выводы. Теперь же речь идет о том, чтобы получить возможность высказываться-представлять-предлагать-решать. Возможность создавать новое. И эта возможность покоится на свободе: свободе не показывать постоянно пропуск, чтобы быть допущенной; свободе критиковать общепринятые модели; и, что гораздо важнее, свободе для каждой женщины в отдельности подвергаться риску заблуждения, пристрастности, глупости, безумия или неудачливости, не страшась того, что эти пороки назовут типичными свойствами всех женщин и тебе придется взять ответственность за весь женский род. Словом, иметь возможность поступать, как мужчины, которые не боятся пользоваться такой свободой. Вопрос о равенстве возникает снова, но в более радикальной форме: самым решительным образом ДОЖ объявляет женщин такими же «культурными по природе», как и мужчины. Женщины такие же обладатели истины, справедливости и красоты, как и они. И те, и другие имеют равную способность создавать духовные ценности, что является главной характеристикой человека вообще** – самовоспроизводить себя через творческий процесс. Если можно говорить о неофеминизме в связи с ДОЖ, так это из-за его переориентации на борьбу за раздел социосимволической власти в нашем обществе, считающемся либеральным по отношению к женщинам. Тем самым нарушается тайный пакт, по которому культура, в антропологическом смысле этого слова, признается чисто мужским универсумом, где женщины могут играть лишь роль привнесенных извне и некстати предметов.

Эта революция коллективной идентичности остается действенной силой, которая продолжает питать современный феминизм и в первую оче-

* См.: *Claudine Hermann*. Les Voleuses de langue. Paris: Editions das Femmes, 1976.

** О концепции «символической функции» см.: *Jean-Joseph Goux*. Freud, Marx. Economie et symbolique. Paris: Éditions du Seuil, 1973. Люс Иригаре была первой женщиной, которая подвергла эту концепцию систематическому критическому разбору в работе «Зеркало другой женщины» (*Luce Irigaray*. Speculum de l'autre femme. Paris: Editions de Minuit, 1974).

редь все новаторские предложения, преследующие цель интегрировать в мир представлений и в общую духовную сокровищницу достижения женщин, вытесненные на периферию культуры или вообще выброшенные за ее пределы. Однако представительницы художественной интеллигенции всегда нарушали более или менее сознательно культурное табу: их газеты, записные книжки, автобиографии и письма демонстрируют глубокий разрыв между желанием творить, внутренней, хотя и хрупкой, убежденностью в своей способности это делать, и страхом, порожденным непониманием и презрением. Сколько же таких индивидуальных голосов ДОЖ сливает в единый голос в своей массовой социально-политической пропаганде и деятельности. И, напротив, женщины из мира искусства своим участием в Движении придают ему многоликость: индивидуальные и коллективные манифесты, заявления и интервью, которых становится все больше и больше и часто при значительном разбросе мнений, свидетельствуют о важности связи между феминизмом и творчеством. Можно сказать, что ДОЖ как множественный коллектив активно действующих женщин создал, в том числе и для женщин, далеких от феминистских групп, духовное пространство для новых направлений и идей в литературе и искусстве; пространство возможного признания; и даже альтернативную инстанцию, которая легитимизирует и, следовательно, поддерживает творческий потенциал женщин, а не только обеспечивает их материальную и социальную солидарность. Статус женщин в искусстве изменился: они оказались включенными в мир референций, совсем иной, чем мир канонов современной культуры*.

Для этого также было необходимо, чтобы появились участки свободы, относительно защищенные от социосимволического насилия и одновременно обеспечивающие путь к публичному (гендерно-смешанному) признанию. Появились не только отдельные участки, но настоящие сети, покрывшие все художественное поле, начиная с творческого процесса и кончая потреблением и распространением его продукции. Таким образом, женщины доказали, что они были способны коллективно обеспечить от начала и до конца социализацию своих культурных достижений. Прежде игнорируемые, они продемонстрировали свою компетентность во всех сферах, особенно в тех, которые обеспечивают посредничество между творцами (мужчинами и женщинами) и потребителями/потребительницами: издательская деятельность, книжное дело, театр, кинематограф, организация выставок, фестивалей или конкурсов, журналистика, критика, образование, наука

---

* См.: *Alice A. Jardine and Anne M. Menke*. Shifting Scenes. Interviews on Women, Writing and Politics in Post-68 France. New York: Columbia University Press, 1991.

и т. д. Эти сети функционировали на двух тесно связанных между собой уровнях: с одной стороны, создание автономных структур, руководимых исключительно женщинами, и, с другой, их внедрение в само сердце существующих институтов (коллекции, специальные печатные или аудиовизуальные выпуски, дни или залы, зарезервированные для ретроспективных выставок, конференции, программы курсов и т. д.). Но есть еще и третье измерение, самое фундаментальное: международные обмены, которые характерны для деятельности ДОЖ. Паутина сложных отношений между официальными кругами, общественными объединениями и частными группами способствовала появлению маргинальной культуры, которая постепенно утвердилась, преодолев границы национальных культур.

Каждый раз инициатива исходит от женщин авантюрного склада с различными стратегиями. Однако главной движущей силой остается публика: сначала компетентная женская аудитория, которую нельзя обмануть традиционной образностью доступного искусства, «светского» или «народного», если не чисто коммерческого; затем мужская публика, пока немногочисленная, но постоянная растущая, которая хочет освободиться от пут моно гендерной культуры. Международный фестиваль женских фильмов в Со (1978 г.), затем в Кретейе является одной из самых прекрасных удач художественного феминизма, в той же мере доступного, сколь и взыскательного*.

Несмотря на свою зыбкость, все эти подземные ручейки подтачивают ценности традиционного искусства. Это стало возможным только потому, что женщины обнаружили свою собственную силу — и этой силой они обязаны своим предшественницам, упорно сражавшимся за свои права, особенно за доступ к образованию; это они способствовали коренному изменению их отношения к так называемой общей культуре: став более критичными и более свободными, приобретя лучшее и более обширное образование, современные женщины все чаще разрывают узы условностей.

Известный лозунг «Женщина прекрасна» («Woman is beautiful») кристаллизует различные аспекты неофеминизма. Уже поспешили разоблачить и его крайности, и его примитивность, но разве не следует сначала сказать о жизненной необходимости этого вызова, который радостно кладет конец чувству фатального позора? Он порывает с отчужденными от женщин моделями и установками противоположного пола, парализующими их инициативу, чтобы дать, наконец, место позитивному нарциссизму. Ибо надо себя любить, чтобы себе доверять,

* Организованный Джеки Бюэ и Элизабет Треар, этот фестиваль познакомил зрителей всего мира с большим числом женщин-режиссеров.

и надо себе доверять, чтобы отважиться на свободу и на творчество, на то, что невозможно осуществить без помощи себе подобных. Переоценка женского качества или женского бытия, неотделимая от реабилитации женщин, подразумевает существование идеального сообщества, где может успешно реализоваться любой индивидуальный поиск идентичности. Это желание быть сопричастной миру общей женской духовности американка Джудит Чикаго воплотила в 1979 г. в инсталляции «Званный обед» («Dinner party»), символизирующей Тайную Вечерю, но на этот раз с 39 местами, где начертаны имена 999 знаменитых женщин прошлого, представляющих историю культур и все их многообразие*.

Лозунг женского искусства является одним из вариантов формулы «Женщина прекрасна»: в этом качестве он отвечает особому моменту в истории женщин, как это показывает спор по поводу «женского письма» (l'ecriture fйminine), который в 1970-х гг. расколол феминистские группы, женщин и культурные круги. Эта полемика, казалось, была вытеснена более серьезной дискуссией по поводу отношений между гендерной идентичностью и творчеством, тем не менее спор периодически возрождается с надоедливо повторяющейся терминологией. Вот почему, прежде чем посвятить ему следующую часть нашего исследования, я решила сначала поместить его в социально-политический и социокультурный контекст в надежде, что это поможет понять его истинное значение. Добавим к делу и тот факт, что, несмотря на всю важность романа «Второй пол», все же основополагающими текстами для многих художников и критиков остаются тексты Вирджинии Вулф: в своих сочинениях «Собственная комната» (1929 г.), «Три гинеи» (1938 г.) и в размышлениях о романе она с исключительной прозорливостью показывает неспособность культуры допустить игру двойного видения/символизации мира.

Двадцать лет феминистских штудий принесли свои плоды. Мы не считаем необходимым провести их инвентаризацию, учитывая только что опубликованную энциклопедию «Двадцатый век женщин» («XXe siecle des femmes») Флоранс Монрейно**. Исследование женской проблематики пошло вглубь: мы можем теперь точнее измерить сущностные различия, возникающие между художественными сферами, культурами, социо-индивидуальными ориентирами или историческими ситуациями. Понятие культурной идентичности женщин тоже больше не монолитно. Наконец, поскольку история искусства является одновременно и историей идей, и историей фактов, феминистская критика

* Эта инсталляция, подготовленная целым коллективом, была показана в Северной Америке, Англии и Германии.

** *Florence Montreynaud.* Le XX Siècle des femmes. Paris: Nathan, 1989.

изучила критерии читабельности и оценки, в том числе и те, которые родились в ее недрах. Различные методы и теории сопоставляются и сталкиваются...

Такое богатство сюжета вынуждает меня остановиться, и я перехожу теперь к литературе Франции. Литературе – потому что она традиционно является самой открытой (или наименее закрытой) областью для женщин и потому что она является тем привилегированным местом, где моделируется образный универсум гендерных различий. Франции – потому что ее культура в особой степени централизована, и, конечно, не случайно, что именно в ней родилось понятие «женское письмо».

Женщины в литературе

Начиная с середины XIX столетия, во Франции с периодическим постоянством выражалось, то с сожалением, то с радостью, удивление по поводу увеличения числа женщин – писательниц. На исходе столетия Поль Леото метал громы и молнии: «Все женщины пишут... Невозможно в наши дни найти домохозяйку». Это был «золотой век» феминизма; именно тогда известные писательницы Анна де Ноай, Рашильда (Маргарита Эймери) и Северина (Каролина Реми) выразили свой протест против чисто мужского состава жюри по присуждению Гонкуровской премии 1903 г. (престижной литературной награды), установив в 1904 г. премию Фемина (Prix Femina). Не испугавшись сарказма, они решили расширить номинации и стали рассматривать произведения всех литературных жанров. Сегодня кажется, что мы, женщины, вышли «победительницами» из всех литературных битв по крайней мере по мнению чрезвычайно консервативного литературного журнала «Фигаро литтерер», который в 1989 г. опубликовал статью под заголовком «Восемьдесят женщин, правящих миром литературы»*. Там было сказано: «Не только в качестве признанных новеллистов, биографов, историков и академиков, но также и в качестве издателей женщины взяли замечательный реванш в литературной сфере». В противовес «хмурому» Полю Леото, автор этой передовицы Жан-Мари Руар отдал женщинам великолепную дань: «Они представили потрясающее доказательство того, что литературный гений не имеет пола так же, как он не имеет расы или национальности». Более того, «институты, как всегда с запозданием, признали эти факты», и женщи-

* Le Figaro littéraire. 19 mai 1989 (специальный выпуск для Книжного салона).

ны «по праву заняли в них свое место». Такая оптимистическая точка зрения на литературу широко разделялась, и не только мужчинами, но и многими женщинами.

Тем не менее, если открыть издательский каталог или литературный журнал, просмотреть список номинантов на главные литературные премии, внимательно изучить историю литературы XX века, бегло прочесть один из передовых журналов, в которых ревниво фабрикуются литературные авторитеты завтрашнего дня, или бросить взгляд на критические статьи о признанных или перспективных авторах, то придется тщетно искать «замечательное» множество женщин. Так каково же истинное положение дел?

Чтобы выяснить это, недостаточно проанализировать только ситуацию с женской литературой. Если пойти по этому пути, то придется принять в качестве фундаментального критерия гендер и оценивать женщин-писательниц с точки зрения индивидуального таланта или исторической оригинальности — неустойчивый критерий в лучшем случае. Иной способ интерпретации предлагает историческое исследование изменений в мире литературы, в должной мере учитывающее гендерную переменную. Очевидно, например, что общее число писателей резко увеличилось в течение XX столетия, а количество читателей выросло до таких размеров, что любители книг ныне образуют настоящий рынок; поэтому увеличение числа женщин-писательниц нужно, ради чистоты исследования, оценивать в контексте необычного роста всего писательского корпуса. Произвольный выбор «Фигаро литтерер» «восьмидесяти женщин», которые «правят миром литературы», следовательно, ничего не дает, поскольку там не говорится о количестве мужчин, «правящих» одновременно с ними. Даже небольшой объем корректных статистических данных мог бы дать более четкое представление об отношениях между полами в литературном царстве. Проблема, однако, состоит в том, что при изобилии информации о читателях книг очень мало известно о писателях, издателях и критиках.

Собрав вместе приблизительные оценки и неполные данные, Мишель Вессилье-Ресси* и работавшие независимо от нее Пьеретта Дион и Шанталь Тери** подсчитали, что где-то от 70 до 75% книг, опубликованных во Франции, написаны мужчинами против 25–30% , написанных женщинами. Моя собственная исследовательская группа в Университете-Париж VII просмотрела все книги, изданные между 1950 и 1955 гг. (без учета их ценности), и установила соотношение 75% ав-

---

* *Michèle Vessilier-Ressi.* Le Métier d'auteur. Paris: Dunod, 1982.

** *Pierrette Dionne et Chantal Théry.* Le Monde du livre: des femmes entre parenthèses // Recherches féministes. Vol. 2. N 2. 1989.

торов-мужчин на 25% женщин, или три к одному*. Это соотношение оставалось стабильным в течение сорокалетнего периода, несмотря на подъем движения за женскую эмансипацию (вывод, подтвержденный исследованиями, проведенными в Квебеке). Предполагаемая «феминизация» литературы, таким образом, оказалась мифом, если понимать под этим термином изменение баланса публикационной активности в пользу женщин или по крайней мере в сторону равенства. Такое понимание проистекает из идеи, что царство литературы было оккупировано женщинами, после того как его покинули мужчины**. На самом же деле, цифры свидетельствуют, что литература продолжает оставаться в высшей степени маскулинной.

Разрыв между полами покажется еще глубже, если мы посмотрим на число писателей, добившихся признания за свой литературный труд. В справочнике «Кто есть кто» женщины составляют только 8%. Эта цифра приблизительно та же для периода 1950–1955 гг., и большинство женщин-писательниц, хорошо известных в то время, уже забыто. Следовательно, скорее нужно удивляться тому, что «Фигаро» извлекло на свет такую массу «цариц литературы». Сравните, например, оптимизм этого журнала с пессимизмом такого весомого труда, как «Наш век» («Notre siecle»), изданного выдающимся историком Рене Ремоном: в разделах, посвященных искусству, литературе и философии, рассказывается о ста восьмидесяти мужчинах и только о восьми женщинах***. Более того, Симона Вейль и Симона де Бовуар фигурируют лишь как политические деятельницы, Жип (Габриэль де Мирабо) упоминается единственно благодаря своему сыну, а Марсель Оклер – в связи с журналом «Мари-Клер». Ни слова не говорится ни о Колетт, ни о Маргарите Юрсенар, хотя последняя стала первой женщиной, избранной во Французскую Академию. Только три женщины удостаиваются внимания за свой писательский труд – Натали Саррот в контексте полемики о так называемом «новом романе», Маргарита Дюра за ее ранние «традиционные» новеллы и Франсуаза Саган как образец «фривольности». Конечно, это крайний пример, однако дискриминационная направленность этой книги не повредила ее авторитету – свидетельство того, что современное общество продолжает сквозь пальцы смотреть на проявления презрительного отношения к женщинам, и что оно плохо

---

* *Marcelle Marini et Nicole Mozet.* La Production littéraire en France depuis 1945. Analyse différentielle" (1984 г.). Колетта Жюльен-Бертолю разработала методику электронного анализа данных и обеспечила ее практическое применение.

** См.: *Claude Habib.* La Femme plumée // Cahiers de recherches de S.T.D. (Textuel): Université Paris VII. Vol. 13: Femmes et institutions littéraires. 1984.

*** *Notre siècle* / René Remond. Ed. Paris: Fayard, 1988. Главы о культуре написаны Жаном-Франсуа Сиринелли.

информировано об их достижениях. Эти факты опровергают широко распространенное убеждение в культурном равенстве полов. Они порождают сомнение по поводу будущего и заставляют нас задуматься о подлинных механизмах функционирования литературы как социального и символического (духовного) института.

М. Вессилье-Ресси не отрицает того, что шанс преуспеть в литературе имеет в первую очередь мужчина. Она даже дает его основные параметры: он должен происходить из хорошей семьи, получить прекрасное образование, издаваться в Париже и иметь могущественных друзей и партнеров. Тем не менее, она считает, что писатель-мужчина, вынужденный где-нибудь работать, чтобы обеспечить свое существование, сталкивается с не меньшим числом проблем, чем писатель-женщина, занятая выполнением семейных обязанностей. Отсюда делается слишком поспешное заключение, что обе ситуации эквивалентны. М. Вессилье-Ресси забывает, что большинство женщин-писательниц, помимо домашних забот, имеет также вторую работу вне дома, и, к сожалению, она не принимает в расчет социальные и символические факторы: например, женщинам труднее оправдать перед коллегами и членами семьи свой выбор писательского ремесла как основной профессии, и им труднее, по крайней мере тем, кто только еще начинает свою литературную карьеру, пользоваться важными, но неустойчивыми каналами солидарности и влияния. П. Дион и Ш. Терри приводят результаты статистического анализа издательской сферы как института (включая издательские дома, журналы, жюри по присуждению литературных премий, правительственные органы по делам культуры и т. д.), которые свидетельствуют об «андрократическом» характере этой системы: во всех ее сферах мужчины решают, кого опубликовать и кого похвалить. И, как было показано выше, мужчины контролируют также механизмы трансмиссии культурных моделей.

Однако эти социологические выкладки нуждаются в коррекции с исторической точки зрения. Факт существования неравенства необязательно опровергает утверждение, что сегодня в литературном мире женщин больше, чем в прошлом. Действительно, на рубеже столетия литература была единственной профессией, открытой для бедных незамужних женщин, получивших некоторое образование. В этом плане можно назвать Колетт истинной преемницей Жорж Санд: как и ее предшественница, она добилась экономической и личной независимости, утвердив свой талант и перед лицом общественности, и перед лицом официальных властей. Она стала второй женщиной, заседавшей в Гонкуровском жюри (после Юдит Готье, дочери знаменитого поэта Теофиля Готье); в один момент она даже исполняла обязанности его председателя. Литература считалась самым приемлемым занятиям

и для женщины из буржуазной среды, при условии, что она сохранят в своем творчестве привкус «любительства». Но ни Колетт, ни «любительница» из буржуазных кругов не имели почти ничего общего с популярным образом мужчины-гения, посвятившего свою жизнь литературе, который существует благодаря ренте или же едва сводит концы с концами, выполняя лакейские обязанности. Так что женщинам того времени, которые хорошо знали свое место, могли позволить занять только откидной стул в литературном вагоне. Они были, к тому же, исключены из образовательных учреждений, воплощающих престиж и власть, – университетов и других высших учебных заведений, академий и даже лицеев, где культивировались такие новые гуманитарные дисциплины, как теория литературы и литературной критики*. Более того, руководящие должности в издательстве и журналистике за редким исключением были закрыты для женщин.

Сегодня женщины могут найти работу почти во всех сферах деятельности и в любых учреждениях. В этом плане статья П. Дион и Ш. Терри не противоречит передовицы в «Фигаро литтерер». Вдобавок, значительное число женщин занято в гуманитарных науках и в таких профессиях, как режиссура в театре и кино. Таким образом, прогресс очевиден, даже при том, что повсеместно сохраняется явное неравенство. Почему же удельный вес женщин-писательниц не изменился с 1945 г. до настоящего времени? Возможно, потому что ныне женщины обладают большей свободой выбора среди разнообразных возможностей для творческого самовыражения. Более того, женщинам, планирующим карьеру в сфере культуры и науки, уже не обязательно приходится иметь дело только с мужчинами. Поэтому, несмотря на продолжающееся влияние гегемонистских мужских моделей, есть все основания утверждать, что статус и образ женщины-писательницы улучшился в течение этого столетия.

Следует ли из этого, что на наших глазах происходит рождение «смешанной» литературы без тех конфликтов или препятствий, которые Вирджиния Вулф предвидела в своей «Собственной комнате»? Остается одно темное пятно: хотя около 30% всех писателей составляют женщины, они поставляют только 8% литературных авторитетов (а суд потомков может еще больше уменьшить этот процент). Такую ситуацию обычно объясняют тем, что очень немногим женщинам удается создать произведения, способные пройти проверку временем или стать универсальными. Комментаторы, однако, расходятся как в объяснении этого факта, так и в своих прогнозах: те, кто просто отказывают женщинам в таланте, полагают, что от этой болезни нет лекарства,

* См.: *Gérard Delfau et Anne Roche*. Histoire/Littérature. Paris: Editions du Seuil, 1977.

а те, кто считает, что у женщин меньше опыта, чем у мужчин, и что они пока еще отчуждены от творческой сферы в силу условий своего существования, уверены, что в один прекрасный день женщины станут достойными «соперницами» своих коллег-мужчин. Здесь мы переходим из царства цифр в более тонкую ценностную область.

Между универсальным и специфическим

В своей статье «Литература и женщина»*, отличающейся спокойной, хотя и прямолинейной манерой аргументации, Анна Сови приводит список имен женщин-писательниц, добившихся известности в период между 1900 г. и 1950 г.: Рене Вивьен, Маргарита Оду, Колетт, Жип, Рашильда, Анна де Ноай, Жанна Гальзи, Мари Ноэль и др., хотя, по ее словам, перечисление имен, ни о чем не говорит. Ни одну из этих писательниц, считает она, не стоит вытаскивать из забвения, за исключением Колетт и, возможно, Анны де Ноай, т. е. тех двух, которых обычно и включали в новейшие антологии. Вся масса женской литературной продукции, по мнению А. Сови, принадлежит истории издательского дела, но не истории литературы.

Автор статьи достаточно резко судит и о женщинах писательницах второй половины XX века: «Не следует ожидать никаких значительных изменений [по сравнению с ситуацией первой половины столетия]», — утверждает она, потому что ни одна женщина не оставила произведений, которые имели такой же художественный резонанс, какой выпал на долю произведений некоторых мужчин. Разве может кто-нибудь из них унаследовать мантию Жорж Санд и Колетт? На ум приходит ряд имен, и только: Натали Саррот, Маргарита Дюра, Моника Виттик, Элен Сиксу, Маргарита Юрсенар, Кристиана Рошфор, Мари Сузини, Симона де Бовуар, Жанна Иврар, Виолетта Ледюк, Эльза Триоле, Мари Кардиналь, Шанталь Шаваф, Франсуаза Саган и сестры Бенедикт и Флора Гру. Может быть, кто знает, талантливые писательницы появятся в последнем десятилетии XX века? Ибо кажется немыслимым, что всем произведениям, созданным нашими современницами, суждено исчезнуть, как если бы их вообще не было. Чем же можно объяснить такое опустошение на литературном поле?

«Гений, божественный дух, который дует там, где ему нравится. Не в наших силах заставить его появиться... Гения не делают в школе».

* *Anne Sauvy*. La Littérature et les femmes // Histoire de l'édition franзaise / Roger Chartier. Ed. Vol. 4: 1900–1950. Paris: Promodis, 1986.

Наоборот, ничто и никогда не может помешать истинному гению заявить о себе. Если божественное вдохновение в нашем столетии снизошло только на одну или двух француженок, то с этим ничего не поделаешь. Так, благодаря объективному тону, свойственному академической манере, А. Сови выдает за истину совершенно необоснованное утверждение.

Если посмотреть на способ реального функционирования литературной трансмиссии, то можно обнаружить трехъярусную систему, изобретенную мужчинами: есть гении, талантливые писатели и неудачники. Классификация любого конкретного автора открыта для обсуждения и пересмотра, и оценка зависит от постоянно меняющихся представлений о том, чего следует ожидать от печатного слова. Для женщин же существуют только два яруса: гений для немногих счастливиц и забвение всех остальных. Действительно, женщин исключают из обширной категории талантливых писателей; им отказывают в месте в системе институциолизированной литературы, которая предполагает институт ученичества, профессиональную литературную деятельность, социальный контекст и интеллектуальный диалог – короче говоря, их выводят за рамки «школ». Ведь писательское ремесло тесно связано с теми историческими условиями, которые определяют, какая именно литература является социально-репрезентативной. Неудивительно, и это хорошо известно, что великие женщины-писательницы прошлого, такие как Жорж Санд и Колетт, часто сталкивались с пренебрежением и снисходительностью. В итоге, псевдопризнание, пожалованное творчеству немногих, делает возможным отнесение творчества всех остальных к категории эфемерного, что предполагает очень скорую утрату читательского интереса к ним.

Такой аргументации слабости женской литературы противостоит социально-исторической объяснение, согласно которому эта слабость является результатом (или отражением) их сознательной отчужденности (замкнутости на себе). В один прекрасный день, когда женщины полностью эмансипируются, они станут равными мужчинам и в творчестве. Однако подобное равенство может пониматься лишь в терминах преодоления идентичности во имя нейтральности и универсальности. Такова была точка зрения Симоны де Бовуар, которой она оставалась неизменно верна всю свою жизнь. Еще в 1970-х гг. она говорила: «Я верю, что эмансипированные женщины станут творцами, не уступающими мужчинам. Однако они не откроют новых ценностей. Считать иначе – значит, верить в существование особой женской природы, что я всегда отрицала»*. И еще: «Совершенно неверно, что мир

---

* Интервью 1972 г. (*Claude Francis et Fernande Gontier.* Les Ecrits de Simone de Beauvoir. Paris: Gallimard, 1979).

женских идей отличен от мира мужских, ибо только через отождествление с последним женщины смогут освободить себя»*. Хотя Симона де Бовуар и изобразила в финале «Второго пола» новые отношения, основанные на взаимности при парной различности, она никогда не отступала от своей радикальной позиции: достижение нейтрального и общего неизбежно означало «идентификацию» с мужской моделью, которая является абсолютным человеческим референциальным образцом, отсюда отрицание феминности, которая для писательницы была исключительно результатом угнетения.

Именно исходя из этой теории, Симона де Бовуар оценивала весь спектр женской литературной продукции. Ни одна женщина-писательница не избежала ее осуждения за «специфичность» (как противоположность «универсальности»), из-за которой, как она считает, женское творчество может быть отнесено только к категории «не-сущностного», тогда как любой писатель-мужчина, даже посредственный, отражает «удел человеческий». Хотя Симона де Бовуар одобряла идею «женской литературы», трактуя ее как литературу угнетенных, для нее это не была угнетенная литература в конфликте с литературой господствующей. Это была более низкая литература, обреченная на исчезновение после эмансипации женщин.

Симона де Бовуар читала женщин-писательниц (как показывает ее автобиография), однако не с целью открыть их имена. Она не читала их, чтобы изменить свой взгляд на мир и свое отношение к языку и дискурсу. Она извлекала из женской литературы ограниченный, часто повторяющийся набор тем, комплект стилей и структур, более или менее успешно скопированных с мужских инноваций, и серию неудачных инноваций самих женщин. Парадоксально, что в огромном разнообразии приемов и стилей Симона де Бовуар всегда угадывала «женщину» как таковую и видела проявление ее неспособности «раскрыть» в творческом акте «всю реальность, а не только свою личность». В этом плане не следует удивляться, что она недооценивала Вирджинию Вулф. Жан-Поль Сартр смог понять важность «Тропизмов» («Tropismes») Натали Саррот и впоследствии написал большое предисловие к ее «Портрету незнакомца» («Portrait d'un inconnu»), тогда как Симона де Бовуар подвергла ее яростной критике, выказав тем самым свое полное непонимание. Она вообще относилась с пренебрежением к многим женщинам-писательницам своего времени, в том числе к Ингеборг Бахман, Марине Цветаевой, Анне Ахматовой, Эльзе Моранте, Маргарите Дюра, Дорис Лессинг и Дасья Марайни.

---

* См.: *Françoise Collin.* Le Sujet et l'auteur ou lire **"l'autre femme"** // Cahiers du Cedref. Vol. 2: Femmes sujets des discours. 1990.

Все дело в том, что Симона де Бовуар практиковала нормативное чтение, связанное с ее нормативным пониманием литературного творчества: существует лишь один правильный способ чтения и письма, который познают из Литературы, этого Пантеона бессмертных шедевров, универсальных для всех людей во все времена и повсюду. Она никогда не бросала и тени сомнения на этот Пантеон. где собраны величайшие достижения человечества, прошедшие через все превратности истории и преодолевшие границы отдельных культур. Эти шедевры смогли выйти за рамки породившего их исторического контекста, чтобы войти в царство чистой свободы. Поэтому на релятивизацию критериев оценки и выбора через исследование вопроса о трансмиссии и рецепции литературных произведений внутри и между культурами с социоисторической точки зрения было наложено табу. Это табу глубоко впечаталось в сознание каждого из нас с самого детства благодаря директивному школьному дискурсу, питаемому официальной критикой. Наше обучение чтению и письму — наше вхождение в символический универсум — подчиняется голосу авторитета, владеющему истиной и ценностями, голосу, который, кажется, вещает отовсюду и одновременно ниоткуда. Симона де Бовуар услышала этот голос и транслировала его нам. Никакой другой теоретик не предложил столь радикального анализа факта присвоения мужчинами универсального и столь же радикальной критики женщин в качестве читателей и писателей. Всем этим она показала, в каких драконовских условиях осуществлялся процесс приобщения женщин к культуре во Франции XX столетия: ключевой термин у нее — «ассимиляция».

Во Франции равенство в образовании было достигнуто в рамках общественной школьной системы, призванной обеспечить всем гражданам одинаковый образовательный уровень и в то же время позволяющей отобрать немногих, предназначенных войти в элиту. Все учащиеся пользовались одним и тем языком и изучали одни и те же произведения по одним и тем же учебникам, содержащим один и тот же критический дискурс, и в конце обучения после сдачи обязательного набора национальных экзаменов получали общенациональный диплом. Однако, как гражданами Франции были лишь мужчины, так и культура Франции была исключительно мужской. Феминистки атаковали эту гендерную сегрегацию, которая казалась им фундаментальной частью существующей системы. В начале XX столетия они попытались заменить республиканский лозунг «Свобода, Равенство, Братство» новым идеалом «»Свобода, Равенство, Совместное обучение» (liberte, egalite, mixite). Совместное обучение было их главной целью.

Идеал совместного обучения предполагал, что учащиеся обоего пола получали один и тот же объем знаний. В 1920-х гг. девушки завоевали

право сдавать экзамен на получение степени бакалавра (baccalaureat); курс обучения для них должен был быть таким же, как и у юношей; им предстояло пройти один и тот же экзамен, а экзаменационная комиссия должна была состоять из преподавателей обоего пола. Благодаря бакалориату женщинам открылся доступ во французские университеты и к участию в конкурсных экзаменах для отбора дипломированных специалистов на государственную службу. Борьба за равенство была длительной и трудной, но установление унифицированной образовательной системы оказалось поворотным моментом в процессе эмансипации и социального прогресса женщин. Получая такое же образование, как и мужчины, женщины смогли выбраться из гетто и выйти на широкое поле культуры и науки, которое прежде являлось мужским заповедником. Мечта Вирджинии Вулф о совместной культуре и, следовательно, об уничтожении водораздела между братьями и сестрами в сфере творчества, казалось, близка к осуществлению. Однако культура осталась под эгидой мужского начала.

Проблема заключалась в том, что когда в 1920-х гг. курс обучения для обоих полов был унифицирован, новая программа для девочек оказалась просто смоделированной по программе для мальчиков; не произошло никакого подлинного слияния. Девушки, например, теперь изучали классические языки и классическую литературу, прежде закрытые для них, однако мальчикам не преподавали современную мировую (т. е. нефранцузскую) литературу, незадолго до этого введенную в курс обучения девочек*. Курс литературы был, кроме того, обеднен из-за исключения региональных культур и литературы франкоязычных стран. Таким образом, курс «всеобщей литературы» в рамках новой системы олицетворял не только мужскую гегемонию, но также и французскую гегемонию. Произведения самых известных женщин-писательниц более не изучались, если не считать простых упоминаний их имен в курсе истории литературы. Их тексты не читались, не обсуждались и не предлагались в качестве тем для сочинений. Их труды никогда не упоминались в лекциях, посвященных тем или иным литературным темам, и они не фигурировали в качестве примеров в курсах по теории литературы, разве что по счастливой случайности. Даже редкие отрывки, включенные в учебники, как правило, игнорировались, поскольку было хорошо известно, что они «не нужны для экзаменов». Например, Клеману Маро отдавалось предпочтение перед Маргаритой Наваррской и Луизой Лабе. А как же мадам де Лафайет? Роман в XVII веке пока

* См.: *Françoise Mayeur-Castellani.* L'Enseignement secondaire des jeunes filles sous la IIIe République. Paris: Presses de la Fondation des Sciences Politiques, 1977.

еще оставался второстепенным жанром, но, как бы там ни было, ее «маленький шедевр» обнаруживает влияние, если не руку, Франсуа де Ларошфуко. Женщины-писательницы XVII века, известные как «Драгоценные» (Les Precieuses), были известны только по мольеровским карикатурам. Жорж Санд и Колетт резервировали для некоторых специальных курсов. Единственной женщиной, чье творчество обсуждалось на обычных лекциях, была мадам де Севинье, хотя при всей своей известности она являлась лишь автором собрания писем, и оставалась поэтому на периферии литературы. Таково резюме программы обучения в 1950-х гг. Не происходило никакой «социализации» женских произведений, и они были оторваны от образованной женской аудитории. Эти тексты либо просто игнорировались, либо их относили к царству чисто «частного» чтения, как мы хорошо видим на примере Симоны де Бовуар.

Ныне, как и всегда, начиная с библейских времен, читатель формирует свою персональную идентичность через литературные тексты. Процесс чтения учит нас понимать нашу собственную жизнь – наши эмоции и страсти, наши радости, наши тревоги и наши желания – в символических терминах. Мы учимся расшифровывать мир, общество, жизнь и смерть. Мы проникаем в самые глубины других своих «я», во все то, что обычно недоступно нашему пониманию. Литература, следовательно, есть основное царство, в котором субъективация и социализация идут рука об руку. Взаимодействие реальности, воображения и языка помогает нам познать коллективные и индивидуальные модели идентичности, в особенности модели гендерной идентичности и полового различия. Мы быстро движемся от знания к знанию, с одинаковой страстью желая одного и отвергая другое. Это верно не только на нарративном уровне, но также на уровне точек зрения, метафор и сентенций – т. е. самого лингвистического высказывания. Благодаря литературе, мы получаем возможность пользоваться языком более свободно и экспериментировать с собой как с «говорящим субъектом».

Следовательно, проблема чрезвычайной важности заключается в том, что субъективация и социализация обоих полов происходит под сенью моно гендерной литературы, а именно литературы, нейтрализованной (стерилизованной) монологическим и догматическим критическим дискурсом, навязывающим свои собственные стереотипы, даже несмотря на противоречия и вопросы, содержащиеся в мужских текстах. Эта проблема важна как для юношей, так и для девушек, хотя и по-разному: оба пола лишены опыта идентификации, который они могли бы вынести из образных и языковых лабиринтов женских текстов. Оба пола лишены женского символического наследия. Оба пола

узнают о половых различиях через репрезентацию множественного мужского субъекта, о котором все время идет речь, и через ее трансформацию в отношении идеала «вечной женственности», чьи вариации зависят от истории мужчин и от их представлений. Асимметричность этого вхождения в социосимволическую сферу обусловливает различие способов отчуждения: мужчинам не хватает обходных путей (опосредования), которые позволяют себе образный мир и система представлений другого пола, но богатство мужского литературного наследия предохраняет их от убеждения в монолитном характере их идентичности. Женщины знают, что они могут получить через идентификацию с образным миром и системой представлений другого пола, но будучи оторваны от какого-либо взаимодействия и какой-либо связи с образным миром и системой представлений признанных женщин-писательниц, они обнаруживают, что идентификация оборачивается подавлением.

Система образования обостряет гендерное неравенство. Она утверждает молодых мужчин в качестве единственных законных наследников и будущих обладателей творческих способностей в сфере культуры. Девушки лишены каких-либо законных способов самовыражения; их роль в системе, в которой легитимность переходит от мужчины к мужчине, сводится к участию в воспроизводстве этой системы. Они предназначены стать читателями, учителями, агентами по печати и рекламе скорее, чем писателями, исследователями или издателями. Даже если они пытаются достичь «ассимиляции» путем соперничества с мужчинами на их условиях, они обречены, говоря словами Маргариты Дюра, на «плагиат». Они приобретают привычку обсуждать все, даже самих себя, в терминах доминантного дискурса, который они принимают в качестве своего. Это происходит с некоторыми женщинами-преподавателями и ассистентами в исследовательских учреждениях: чтобы добиться признания, они должны играть роль «непорочных девственниц» перед ведущими учеными-мужчинами, работая в рамках утвердившихся теорий. При первом же признаке отступления от официальной линии им грозит опасность услышать, что они — не мужчины.

Таким образом, женщины находятся в так называемой «шизофренической позиции», испытывая раздвоение личности: они и учащиеся (или учителя, писатели, интеллектуалы), и женщины. Это раздвоение личности указывает на символическое (духовное) насилие. которому они подвергаются, вступив на социокультурное поле. Такое насилие оказывается наиболее болезненным, когда сами женщины поддерживают законность утвердившейся культуры. В историческом плане приходилось (и приходится) платить цену за необходимый прогресс,

однако должно быть ясно, что завоевание равенства в некоторых ограниченных сферах необязательно способствует «равенству» как таковому. Устрашающая формула Симоны де Бовуар резюмирует наше фрустрированное представление о самих себе в 1950-х гг.: «Пока женщинам приходится бороться, чтобы стать людьми, они никогда не станут творцами»*. Но Симона де Бовуар ошибалась относительно женщин так же, как и Жан-Поль Сартр ошибался относительно рабочих. Угнетенный индивид (будь то женщина или пролетарий) неизбежно является человеком и, следовательно, творцом, даже если его/ее творческая способность не удовлетворяет нормам доминантной культуры. К счастью, ни принадлежность к роду человеческому, ни искусство не являются собственностью угнетателей, как бы они ни заставляли нас поверить в это. Факт наличия женщин-писательниц свидетельствует, что женщины – на самом деле люди, которые, несмотря на множество препятствий, встающих на их пути, творят.

Действительно, было бы интересно посмотреть, как после «Клодины» («Claudine») Колетт и «Детства» («Enfance») Натали Саррот образование женщин-писательниц отражается в их литературной деятельности и vice versa. Такое исследование показало бы разнообразие путей освоения нами мира, как и мириады способов, с помощью которых мы противостояли и обходили ограничения, чтобы сконструировать царство свободы. «Опопонакс» (1964 г.) Моники Виттиг – роман не об отдельном человеке, а о целом поколении – самый недавний пример: поиск идентичности и истинной сути желания глубоко черпает из этой свободы, из времени жизни и всей громады опыта, избегающего гендерной определенности, чтобы преодолеть уродующий разрыв, который культура создает между идентичностью человека и идентичностью женщины**.

Можно также проанализировать, каким образом женщинам, неудовлетворенным, как у Моники Виттиг, простым самовыражением в писательском ремесле, удается по-настоящему войти в царство литературы. Их стратегии различны. Маргарита Дюра с провокационной дерзостью рассуждает на эту тему. «Следует писать в совсем ином пространстве, чем мужчины», – утверждает она, однако в то же время она отказывается считать себя представительницей «женской литературы». В финале «Эры подозрения» («L'Ere du soupson») Натали Саррот утверждает себя в качестве пионера «нового романа», бросая вызов группе, которая, хотя и приветствовала ее в своих рядах, одна-

* *Simone de Beauvoir*. Le Deuxiиme Sexe. Vol. 2.

** См.: *Marcelle Marini*. Enfance en archipels: l'Opoponax de Monique Wittig // Revue des Sciences Humaines. Vol. 222. 1991–1992.

ко преуменьшала ее значение и которая беззастенчиво обкрадывала ее, не признавая важности ее открытий. Она участвовала и в общем литературном процессе, не допуская, тем не менее, «ассимиляции». Всей мощью своего таланта она пыталась показать, как то, что она открыла, проникнув в глубины своего собственного опыта и наблюдая за другими, как мужчинами, так и женщинами, значимо для каждого. Она отвергла условное гендерное кодирование, чтобы исследовать отношения между телом и языком в неопределенной зоне где-то между полами; ее эксперимент остается непонятным тому, кто не желает экспериментировать с новыми способами прочтения. Но представление о женщине как о литературном новаторе оказалось столь необычным, что в типовом учебнике Лагарда и Мишара история «нового романа» излагается таким образом, будто мужчины в той группе первыми создали основные романы и написали теоретические сочинения, благодаря которым он и стал известным*.

Может ли женщина творческой профессии реально найти место в группе коллег-мужчин? Натали Саррот однажды рассказала о чувстве глубокого одиночества, которое она испытала, выступая перед аудиторией, состоявшей из авторов и критиков «нового романа». Маргарита Дюра отказалась присутствовать на том же самом симпозиуме. Или возьмем другой пример из более раннего времени, вспомним прекрасное письмо Леоноры Фини о ее нежелании считать себя сюрреалисткой**. Какая женщина, принадлежащая миру искусства, не знала подобного одиночества? Оно не имеет ничего общего с одиночеством, от которого страдают творцы-мужчины, ибо мужчины всегда могут надеяться на то, что потомки сумеют прочесть послание из бутылки, брошенной ими в море. У женщин нет такой надежды. В случае с ними следует на самом деле говорить не об одиночестве, а о полной изоляции, прелюдии к забвению их произведений. На фоне тех немногих, кто обладал мужеством упорно продвигаться, несмотря на все препятствия, по избранному пути, сколько же тех, которых отвергли или изгнали? Сколько же произведений осталось незавершенными из-за того, что их авторов выбили из колеи? Сколько намерений, вопрошает Маргарита Дюра, оказалось неосуществленными? Ясно, что относительно малая доля женщин-писательниц во Франции есть результат многих сложных факторов, и что социальное равенство само по себе не разрешит этой проблемы.

---

* См.: *Marcelle Marini.* L'Élaboration de la différence sexuelle dans la pratique littéraire de la langue (Sarraute, Hyvrard) // Cahiers du Grad. Vol. 1: Femmes, écriture, philosophie. Université de Laval, Quebec, 1987.

** *Léonor Fini.* Lettre a Roger Borderie // Obliques. Vol. 14–15: La Femme surréaliste. Paris, 1977. P. 115.

Женская литература и литературная критика

Сегодня возможно переосмыслить тот жаркий спор, который разгорелся среди французских феминисток в 1975–1976 гг. с большим «теоретическим хладнокровием» (если заимствовать выражение Женевьевы Фрэсс), чем в прошлом. В финале «Музы разума» («La Muse de la raison») Женевьева Фрэсс подчеркивает, что идея равенства принадлежит царству политики, тогда как обсуждение различия полов относится к психоанализу и литературе, которые исследуют любовь и человеческие страсти. Она предлагает найти выход из этой заводящей в тупик дилеммы: для этого нужно «либо доказывать, что в будущем различие полов будет уменьшаться, а похожесть увеличиваться, либо утверждать, что цензорское отношение к женской специфичности, практикуемое ныне, станет в конечном итоге утопией»*. Таковы параметры спора.

Участницы спора представлены во введении к «Французской феминистской критике», бесценного сборника аннотированной библиографии**. На одной стороне находились радикальные феминистки, гордившиеся своим марксистским материализмом и принявшие точку зрения Симоны де Бовуар. На другой стороне были поборницы идеи женской специфичности, полные решимости предпринять масштабную атаку против символического порядка, т. е. против системы присвоения и исключения материнского и женского, лежащей в основе социального устройства. Эта конфронтация между двумя феминистскими лагерями отражала междисциплинарные различия: материалисты рекрутировались из социологов и историков, тогда как символисты были представлены психоаналитиками, лингвистами, деятелями искусства и литературными критиками. Весь этот спор напоминал спор между марксистами и структуралистами в 1960-х гг., но, поскольку феминистки и в том, и в другом лагере были заинтересованы в изменении господствующих теорий с учетом точки зрения женщин, существовала надежда, что диалог даст возможность найти выход из той дилеммы. Однако в конечном итоге обсуждение превратилось в диалог глухих. Это произошло потому, что центр спора вскоре переместился на политическое поле: группа «Психоанализ и политика» («Psychanalyse et Politique») критиковала борьбу

* *Geneviève Fraisse*. La Muse de la raison. Paris: Alinéa, 1989.

** *Elissa D.* Gelfand and Virginia Thorndike Hules. French Feminist Criticism: Women, Language, Literature. New York: Garland, 1985.

за равенство как симптом тотального отчуждения в патриархатном обществе и как предательство феминистских ценностей, которые, по мнению участниц группы, должны были стать фундаментальными принципами грядущей женской революции. Они заходили так далеко, что даже запрещали «аутсайдерам» называть себя частью движения за женскую эмансипацию. Эту позицию защищала Элен Сиксу, а Юлия Кристева доказывала, что теперь уже вообще нет необходимости в существовании феминизма, поскольку женщины уже добились равенства*. Возражая им, политически мыслящие феминистки считали опасными теории женской специфичности, отвлекающие женщин от конкретной борьбы и опутывающие их старыми патриархатными моделями. Любое обсуждение природы половых различий, не связанное прямо с проблемой равенства и неравенства, вызывало у них подозрение. Раскол отразился даже в издательском мире: группа «Психоанализ и политика» печаталась в «Женском издательстве» (Editions des Femmes), тогда как «феминистская» группа публиковалась в издательстве «Тьерс». Женщины, которые ставили вопрос о различии полов в контексте борьбы за равенство, подвергались остракизму.

Давайте вернемся на минуту во времена, предшествующие этому спору, к эгалитаристской фазе 1968 г. и начальному периоду женского движения. Вспомним о «пробуждающих сознание» группах, в которых женщины искали пути более свободного самовыражения, и перечитаем «Сожженную тряпку» («Le Torchon brule»), типичную феминистскую газету тех дней. Сразу возникает ощущение, что тогда существовало непреодолимое желание «писать (о себе) как женщина». Именно это желание побудило многих женщин пойти в литературу. Все началось с «Женского слова» («Parole de femme») Анни Леклерк, которое, однако, имело своих двойников и в других странах. Достаточно привести простой перечень имен, чтобы показать, что это было подлинное литературное движение при огромном разнообразии произведений, объединенных общим подходом: Николь Броссар, Анни Леклерк, Элен Сиксу, Мари Кардиналь, Мадлен Ганьон, Бенедикт и Флора Гру, Сантос, Жанна Иврар, Лежен, Шанталь Шаваф, Нэнси Хьюстон, Лейла Себбар, Мариза Конде и другие; их слишком много, чтобы всех перечислить. Эти женщины были охвачены единым желанием открыть миру свое физическое тело, свое воображение, свое подсознание и свой опыт — то, что им не позволяла делать господствующая культура. Все они чувст-

* См. интервью Франсуазы Ван Россум-Гийон с Элен Сиксу и Юлией Кристевой (Revue des Sciences Humaines. Vol. 168: Ecriture, féminité, féminisme. Lille, 1977).

вовали необходимость в новом собственном языке для самовыражения. И у всех было ощущение, что их физическое тело, их воображение, их подсознание и их опыт оставались еще неосвоенными территориями, подобно пустошам рядом с возделанным общинным полем.

Симона де Бовуар опубликовала в 1975 г. манифест Элен Сиксу «Смех медузы» («Le Rire de la meduse») в специальном выпуске журнала «Арка» («L'Arc»). Элен Сиксу, Мадлен Ганьон и Анни Леклерк совместно написали «Приход в литературу» («La Venue a l'ecriture»), а Мари Кардиналь и Анни Леклерк – «Слова, чтобы это сказать» («Les Mots pour le dire»). Женщины читали друг друга, цитировали друг друга и искали своих предшественниц, издавая сочинения Вирджинии Вулф и публикуя интервью с Маргаритой Дюра («Разговаривающие женщины» («Les Parleuses») Ксавьер Готье). Возникли новые журналы, такие как «Ведьмы» («Sorcieres»), в то время как другие, подобно «Тетрадям Грифа» («Les Cahiers du Grif»), посвящали специальные номера проблемам творческого процесса и языка*. Пытаясь трансформировать дискурс, чтобы создать собственное «пространство для субъективации и социализации», женщины действовали как настоящие писатели. Хотя знаменитое высказывание Элен Сиксу показывает всю аморфность формулы «женское письмо» (ecriture feminine): «Женщины должны писать сами; женщины должны писать о женщинах и побуждать других женщин к писательскому ремеслу, от которого они были отчуждены столь же жестоко, как и от своих собственных тел»**. Журнал «Литературный полумесячник» («Quinzaine litteraire») сделал ее высказывание центром дискуссии под заголовком «Есть ли у литературы пол?».

В статье, опубликованной в 1977 г. в радикальном феминистском журнале «Вопросы феминизма» («Questions fйministes») Моника Плаза яростно напала на Люс Иригарей, чьи произведения «Зеркало другой женщины» («Speculum de l'autre femme») и «Этот не единственный пол» («Ce sexe qui n'en est pas un»), вышедшие соответственно в 1974 г. и в 1977 г., оказались самыми глубокими и самыми оригинальными из новых теоретических работ по проблеме различия полов. Моника Плаза подвергла критике возвращение Люс Иригарей к идее отличительных женских свойств, приписываемый ей редукционистский подход к женщинам в терминах физиологии и приверженность к эссенциалистской позиции, которая неспособна связать половое с социальным***. Критика эта, как продемонстрировала очередная

---

* См.: *Cahiers du Grif*. 1975. N 7; 1976. N 12, 13.

** *Hélène Cixous*. Le Rire de la méduse // L'Arc. Vol. 61: Simone de Beauvoir. Paris, 1975.

*** *Monique Plaza*. "Pouvoir phallomorphique" et psychologie de "la femme" // Questions Féministes. N 1. Novembre 1977.

работа Люс Иригарей, была вполне справедливой. Тем не менее Люс Иригарей пошла дальше любого другого писателя в деконструкции психоаналитического и философского дискурса, в том числе структуралистских теорий К. Леви-Стросса и Ж. Лакана, которые во имя символического порядка, выходящего за пределы социума, обрекли женщин на положение объектов социального обмена и на «субъективный тупик» (Ж. Лакан). Вместе с Ж. Деррида, Ю. Кристевой и Э. Сиксу Люс Иригарей открыла путь постструктурализму*. Что касается меня, то я признательна ей за это, как я признательна и Симоне де Бовуар. Но что постструктурализм оставил не до конца продуманным?

Частично ответ касается понятия «женское письмо», которое приобретает специфическое значение в постструктуралистских текстах. Основополагающая идея заключалась в том, что существует фундаментальное различие между «дискурсом» — т. е. тем, что организовано, рационально и в целом находится в поле порядка, истории, смысла и власти над миром («логофаллоцентризм») — и «письмом», состоящим из инстинктов, эмоций, стихийных и неустойчивых представлений на уровне подсознания, звуков, оторванных от всякого смысла и т. д. «Письмо», многообразное и вечно меняющееся, избегает любых временных категорий. Подобно психоанализу, современная литература постоянно колеблется между «письмом» и «дискурсом». Но зачем делать одно отцовско-мужским, а другое материнско-женским, как будто это предопределено природой? Объединяя материнское с фантазиями раннего детства, а женское с материнским, женщинам отказывают в праве и способности вмешиваться в царство символического, а все то, что в мужчинах связано с архаическим, телесным, пассивным, бессмысленным и т. д., определяет как «женское». Почему бы не говорить вместо этого «инстинктуальное письмо», вступающее в игру с институциолизированными литературными дискурсами? Тогда можно было бы перевести вопрос о половых различиях на говорящего субъекта. Гендерная переменная пока еще важна, однако на нее воздействуют (и, наоборот, она сама воздействует на) другие переменные: история, социум, культура и индивид.

Парадоксально, что политические феминистки и феминистки, поборницы идеи различия, исповедуют один общий постулат — постулат о глубокой пропасти между ними и женщинами прошлого. Для Симоны де Бовуар и ее последовательниц, а также для Юлии Кристевой, те «писали, как женщины». Для Люс же Иригарей и Элен Сиксу те писали, «как мужчины». Поиск завершается новым категорическим

---

* См.: *Alice Jardine*. Gynesis: Configurations of Woman and Modernity. Ithaca: Cornell University Press, 1985.

императивом: «Писать, как женщина», и обсуждение переключается на определение и кодификацию того, что есть «женское письмо». Это приводит к догматизму, и этот догматизм мешает женщинам войти в литературный дискурс, чтобы его трансформировать. Обреченные «писать прямо со сцены», они кончают тем, что имитируют заимствованную идею женственности. Но писать, словно искать спасения, значит, или шлифовать до бесконечности, или идти в никуда.

Если этот спор и покажется бесплодным, то это потому что он имел место в эпоху игнорирования. Мы были лишены своего места и своей сферы деятельности. Позже начались изменения, которые могут привести к разрешению нашей дилеммы. В 1989 г. Беатриса Слама и Беатриса Дидье показали не только, что было поставлено на карту в дискуссии о концепции «женского письма», но также как эта концепция могла помешать прогрессу; невозможно, доказывали они, оценить все творчество женщин с точки зрения только одной формулы*. Литературные критики, привыкшие тратить много времени на изучение индивидуальных текстов, предпочитали говорить о «женщинах и манерах письма», а не о «женском письме». Кристина Планте выявила критический пункт во всем этом споре: одна и та же дилемма неожиданно выходила на поверхность в самых разных социокультурных контекстах всякий раз, когда женщины пытались выразить себя посредством литературы**. Такая ситуация определила историю женщин-писательниц, вынудив их тем или иным способом реагировать на нее, часто путем заимствования стратегии их предшественниц. Феномен «женского письма», следовательно, должен рассматриваться в историческом контексте. Это направление, конечно, не более догматично, чем сюрреализм, и в любом случае произведения, созданные в его рамках, к счастью, гораздо богаче и содержательнее, чем теории, обусловившие их появление.

Ныне главный вопрос заключается в следующем: окажемся ли мы способными создать культуру, в которой станет возможным найти свою идентичность вне половых границ, культуру, открывающую поле для взаимодействия различного и не-различного, культуру общую, культуру, которая станет поистине одним домом для обоих полов?

---

* *Béatrice Slama.* De la “littérature féminine” a “l’écrire femme” // Littérature. N 44. Décembre 1981; *Béatrice Didier.* L’Ecriture-femme. Paris: Presses Universitaires de France, 1981.

** *Christine Planté.* La Petite Soeur de Balzac. Paris: Editions du Seuil, 1989.

11

Женщина в массовой культуре: Двойственность образа

Луиза Пассерини

Многие из тех, кто изучал массовую культуру, подчеркивали взаимосвязь между массовой культурой и концептом женственности (так, как он понимается в истории Запада). Впервые предложенная Эдгаром Морэном в 1962 году, эта идея развивалась, не встречая критики, вплоть до 1984 года, когда участники одной из конференций по массовой культуре заняли совсем другую позицию, отвергая потворствующие представления о культуре предыдущих двух десятилетий*. Несмотря на это, тезис о взаимосвязи фемининности с массовой культурой — на первый взгляд, озадачивающий, не следует отбрасывать полностью, так как он позволяет понять что-то весьма ценное.

Согласно Морэну, феминизация обществ, которые достигли определенного уровня материального прогресса, характеризовалась известной переоценкой ценностей. Если женщины получили возможность сделать карьеру в областях, прежде зарезервированных за мужчинами, вторглись в публичную жизнь общества и стали брать на себя больше инициативы в частной сфере (один из символов этого — фильм «To Have or Have Not», в котором Лорен Бэкалл начинает роман с Хэмфри Богартом

---

* *Modelski T.* Ed. Studies in Entertainment: Critical Approaches to Mass Culture. Bloomington: Indiana University Press, 1986. В этой книге опубликовано большинство докладов, представленных на международном симпозиуме по массовой культуре, который проходил в университете Висконсин, Милуоки, в апреле 1984 г.

с просьбы прикурить), то мужчины стали более сентиментальные, нежные и слабые. Массовая культура сыграла ключевую роль в этих изменениях, отчетливо утверждая ценности, которые считаются типично женскими (такие, как личное, гармония, любовь, счастье), и развивая образ женщины-соблазнительницы, от «девушки с обложки» (cover-girl) до Джильды, сыгранной Ритой Хэйверт, сумевшей синтезировать два традиционно противопоставляемых друг другу женских типа: вамп и девы.

Популярная культура между мужским и женским

В действительности, западная массовая культура обнаруживает двойственность женского образа с того самого момента, как она начала эксплуатировать этот образ — и эта амбивалентность в ответ на требования эмансипации скорее усилилась, чем ослабла. Преобладание женских образов в рекламных роликах, на обложках журналов, на афишах и плакатах актуализирует фигуру женщины и в качестве субъекта, и в качестве потенциального объекта. Существует, однако, опасность смешать два различных феномена. С одной стороны, весь ход истории поставил женщину в ситуацию реальной двойственности, особенно с усилением процессов социальной и политической эмансипации, то есть в прошлом и первой половины нынешнего века. С другой, эксплуатация массовой культурой ценностей, которые закреплены традицией за мужским и женским (скажем, сила и агрессивность — за мужчинами, а обаяние и нежность — за женщинами), «заключает» оба пола в жестко обозначенные роли и, широко распространяя эти роли в обществе, «демократизирует» их. Вдобавок, преобладание в повседневной жизни того типа эротизма, который тиражируется массовой культурой, не может (хотя и не столь однозначно) не поручить роль главной героини женщине, поскольку Запад идентифицирует ее с сексуальностью как таковой.

Таким образом, очевидно, что анализ, предложенный Морэном, должен сопровождаться рядом оговорок и ограничений и в теоретическом, и в историческом аспектах. Например, начиная с 1962 года присутствие мужских образов в рекламе* и фильмах** стало гораздо заметнее.

* *Trenemann A.* Cashing in on the Curse: Advertising and the Menstrual Taboo // L. Gamman, M. Marshment. Eds. The Female Gaze: Women as Viewers of Popular Culture. London: The Woman's Press, 1988.

** *Haskell M.* From Reverence to Rape: The Treatment of Women in the Movies. Chicago: University of Chicago, 1987.

Исследования особых отношений между феномиинностью и массовой культурой, шагнувшие вперед за 20 лет после работы Морэна, обнаружили здесь большие тонкости и более точные различия – среди них принципиальное различие между историческим концептом женственности и реальной женщиной из плоти и крови. Критика последних лет указала также на сексистскую тенденцию в политическом, психологическом и эстетическом дискурсах рубежа столетий, когда массовая культура и даже сами массы описывались как женское (достаточно упомянуть пассаж Ле Бона, который сравнивал истерическую толпу с женщиной (1885)); между тем как высокая культура оставалась привилегированной сферой мужчин*. Следовательно, в то же самое время, когда утверждались новые модели женского поведения, продолжалось обесценивание феминнинности – параллельно с традиционными нападками на «низшие» формы культуры по сравнению с «высшими».

Наряду с двумя интенсивно развивающимися феноменами – с одной стороны, возрастанием участия женщины в публичной сфере, и с другой, экспансией массовой культуры, – развивались новые формы пресловутой феминизации. После Второй мировой войны, например, навязчивой идеей массовой культуры в США стала мысль о падении мужского авторитета. Комиксы, карикатуры на страницах журналов и газет изображали мужа, вооруженного скалкой, который был меньше и слабее собственной жены. Телевидение демонстрировало ведущего домашнее хозяйство отца, который, стараясь быть сильным и находчивым, выглядел нелепым**. Данная тенденция стала продолжением «культа мамочки», ставшего мишенью критики в романе Филиппа Вилея «Поколение вероломных» (в русском переводе «Порождения ехиднины» – *Т. Р.*) и проанализированного Эриком Эриксоном в его «Детстве и обществе» (1950). Этот феномен интересен не столько сам по себе – действительно, несложно обнаружить и противоположную тенденцию – сколько в качестве попытки обвинить женщин в тех исторических изменениях, которые отняли власть у семейных и патриархальных структур. Наверное, не стоит приписывать столь дьявольские интриги массовой культуре, однако следует все же принимать во внимание присущую ей тенденцию ставить реальные проблемы с ног на голову, или, по меньшей мере, запутывать их. Приведем только один пример, предлагаемый цитируемыми выше авторами: в шестидесятых годах существовала тенденция требовать от продавщиц, чтобы они выглядели сексуальными, что может быть объяснено как попытка зама-

* *Huyssen A.* Mass Culture as Woman: Modernism's Other // T. Modelski. Ed. Studies in Entertainment.

** *Ehrenreich B., English D.* For Her Own Good: 150 Years of the Experts' Advice to Women. Garden City, N.Y.: Anchor Books, 1979.

скировать их соблазнительной женственностью внешность множества обычных женщин на рынке труда.

Помимо этой дискуссии о корреляции массовой культуры с фемининностью, масс-медиа обвинялись и другими критиками сексизма за приоритет, отдаваемый маскулинности и мужчинам (при помощи самых разнообразных приемов)*. Существуют многочисленные исследования на эту тему, и мы познакомимся с некоторыми из них в нашей статье. Подобное обвинение в сексизме справедливо также лишь отчасти — в той мере, в какой оно учитывает упомянутую выше корреляцию, которая, в свою очередь, нуждается в переосмыслении путем критики «расхожих истин». Вместе с тем вполне можно согласиться с утверждением, что массовая культура имеет тенденцию усилить идею жесткого разделения на маскулинность/работу/социальное, с одной стороны, и фемининность/свободное время/природное, с другой, как можно часто видеть в рекламе**; но также справедливо, что было бы неверно этим ограничиться. Многочисленные работы историков и антропологов показали, что во многих обществах в различные эпохи роль женщины никогда не сводилась к приватной сфере, сфере жизни, называемой «до-исторической»;*** эта роль скорее помещалась на границе между публичным и приватным, где женщины были посредниками, в частности, между своими собственными семьями и институтами социальной сферы.

В конечном счете, наиболее убедительными представляются те исследования, авторы которых преуспели в том, чтобы показать двойственность отношений между женщинами и фемининностью, с одной стороны, и массовой культурой, с другой. Эти исследования позволяют нам признать действительную взаимосвязь между развитием массовой культуры и эмансипацией женщины, наряду с теми взаимосвязями, которые существуют между этой культурой и устойчивостью традиционных представлений о женственности. Так, например, масс-медиа приходится использовать аргументы, вдохновленные феминизмом — рекламные призывы за «освобождение от бюстгальтеров» в конце 1960-х, или за отпуска, [связанные с рождением или выкармливанием младенца] как «свободу выбора» в 1980-х****. В то же время СМИ столь же привычно отождествляют фемининные образы с природным, биологическим, или

* *Davies K., Dickey J., Stratford T.* Eds. Out of focus: Writing on Women and the Media. London: The Women's Press, 1987.

** *Williamson J.* Woman Is an Island: Femininity and Colonization // T. Modelski. Ed., Studies in Entertainment.

*** *Pomata G.* La storia delle donne: Una questione do confine // G. De Luna, P. Ortoleva. M. Revelli, and N. Tranfaglia. Eds. Introduzione alla storia contemporanea. Florence: La Nouva Italia, 1984.

**** *Gamman L.* Marshment M. Eds. The Female Gaze.

показывают их как воплощение «экзотического» и Другого – образы, которые удобно вписывать в рекламу туризма или «look».

Однако продукция массовой культуры должна всегда оцениваться сквозь призму ее взаимодействия с аудиторией. Наиболее эвристичными представляются те аналитические подходы, которые способны продемонстрировать изменчивость влияния этой продукции в зависимости от социального контекста, будь то увеличение и коммерциализация свободного времени, в которых задавали тон женщины Соединенных Штатов Америки с конца прошлого века до двадцатых годов XX века,* или история кино, которое позволяет зрителям вместе с персонажами фильма «плавать» между феomininной и маскулинной идентичностями**. Результаты подходов представляют интерес и в методологическом отношении. Массовая культура больше не обвиняется в потворстве только одному полу; скорее, можно обнаружить способы, при помощи которых она переформулировала подчинение женщин, поддерживая новые образцы поведения и образ мыслей. В то же самое время масс-медиа приписывается положительное влияние за их способность предлагать широкий диапазон позиций, которые могли бы занять по отношению к ним зрители. В этом случае гендер не столь жестко и механически предопределен, но, скорее, зависит от культурных представлений реальных людей – для того, чтобы у женщины был выбор, например, идентифицировать себя в фильме с маскулинной позицией или же с феминнной. Принципиально, что подобным способом индивиды, оставаясь подверженными внешней детерминации и давлению, получают возможность сделать более гибкими отдельные формы самоопределения. Таким образом, не следует недооценивать массовую культуру и предвзято обвинять ее с той или иной априорной позиции.

Полезно задаться вопросом: до какой степени ответы и реакция аудитории определяется полом или же такими факторами, как класс, раса и поколение? Подчеркнем еще раз, что оценка восприятия публики должна учитывать контекст. В какое-то время и в каком-то месте превалировать будет сексуальная идентичность, испытывающая влияние и других неосознанных настроений. Помимо этого, мы должны принимать во внимание тот аспект массовой культуры, о котором уже шла речь, а именно известный topsy-turvy («вверх ногами»). Например, установлено, что вызов, предлагаемый женским движением мужским представлениям о женской сексуальности, способствовал производству и распространению нового типа романа, определяемого как «порног-

---

* *Peiss K.* Cheap Amusements: Working Women and Leisure in Turn-of-the-Century New York. Philadelphia: Temple University Press, 1986.

** *Stacey J.* Desperately Seeking Difference // L. Gamman, M. Marshment. Eds. The Female Gaze.

рафия для женщин»*. Также было отмечено, что предназначенный исключительно женщинам «эмансипированный» образ рекламы гигиенических прокладок маскирует возвращение к фольклору и его табу, незаметно усиливая тем самым чувство вины — вопреки открытому содержанию**

Массовая культура, сравниваемая Адорно с королевой из истории о Белоснежке, всегда получает такое же заверение от волшебного нарциссического зеркала, которое одновременно и порождает сомнения, и поддерживает их — в зависимости от контекста. Исторический анализ поправляет эту иллюзию, обнаруживая время от времени покровительство массовой культуры традиционным идеям маскулинности и фемининности, но он также показывает, как та может впитывать подходящие новые идеи. В конечном счете, путь массовой культуры зависит от выборов женщин и мужчин, которые переопределяют комбинацию женственного и мужественного, воплощенных в каждом индивиде.

Культурные модели для массового потребления

Процессы массового производства и распределения (чьи корни восходят к промышленной революции), то есть выпуск серийной продукции для потенциально бесконечного рынка, вовлекают в себя женщин, особенно с конца XIX века. Эти процессы стали более явно определенными и интенсивными в период между двумя мировыми войнами, (по крайней мере, что касается Европы и Северной Америки) — со значительными вариациями в степени и темпах не только между различными странами, но даже между различными регионами и классами внутри одной и той же страны.

Что означало подобное превращение «женщин» в «массы»? Женщины избежали того мощного воздействия строгой регламентации заводов и учреждений, которая касалась мужчин; однако этот процесс шел рука об руку со стандартизацией, происходящей в частной, домашней сфере. Те модели, которые развивались в начале XX века, например, в США, открыто утверждали модификацию и одобрение важнейших аспектов традиционных женских занятий — с хлопотами по дому и заботой о своей внешности.

Новая домохозяйка, способная рационализировать домашний труд в категориях времени и производства, является своеобразным двойником, дополняющей стороной мужчины и его работы вне дома, где имели

---

* *Lewallern A.* Lace: Pornography for Women? // L. Gamman, M. Marshment. Eds. The Female Gaze. См. анализ Lace, проведенный Sh.Conran.

** *Trenemann A.* Cashing in on the Curse.

место те же самые процессы унификации и разделения труда*. Функционирование дома должно быть интегрировано в организацию общества в целом. Начиная с 20-х годов XX века, с появлением электроприборов и нового оборудования, мы видим реальную попытку «тейлоризировать» домашний труд. Это справедливо не только для Соединенных Штатов Америки, но также, например, для Франции по крайней мере на уровне идеалов, как это можно наблюдать в Salon des Arts Ménagers, созданном в 1923 году и достигшем расцвета к 1926 году**. Разумеется, такие «модернизации» следует всегда соотносить с реальностью, но нам представляется важным уже то, что они часто оказывали влияние на идеалы и идеологии – даже если и не могли быть немедленно воплощены в жизнь.

Отныне домохозяйка должна была превратиться одновременно и в потребителя, и в менеджера домашней экономики. Она становится ответственной за контроль над потреблением, которое превращается в вид деятельности, требующей тщательной организации и планирования, за взносы на покупки и за долговременные проекты. В свете этого несложно представить, какое мощное влияние на воображаемое и на реальность в США имели большие универмаги, особенно в период их «золотого века», с 1890-х до 1940-х. Они очерчивали новый тип публичного пространства американской женщины, предназначенного для отдыха и общения, а не просто для потребления, пространства, в котором они облекались полномочиями покупателей или заведующих отделами. В этой сфере культура менеджмента, культура городской буржуазии (потребителей и управленцев), культура рабочего класса (продавцов), и культура женщин, деформированная, но не разрушенная историческими переменами – все они слились воедино, чтобы породить новую массовую культуру***. Эта культура может быть названа «массовой», даже когда она еще обращена только к среднему и высшему классам, поскольку благодаря воздействию рынка в самой ее природе была заложена тенденция распространения во всех слоях общества.

От новой американской женщины требовали, чтобы та особенно тщательно заботилась о собственной внешности, в соответствии с тран-

---

* *Turnaturi G.* La Donna fra il pubblico e il privato: La nascita della casaligna e della consum atrice // Nuova Donnawomanfemme. № 12/13, July-December 1979. P. 8–29.

** *Werner F.* Du ménage a l'art ménager: L'évolution du travail ménager et son écho dans la presse féminine française de 1919 a 1939 // Le Mouvement Social. 1989. v.129. P. 61–87.

*** *Benson S.P.* Counter Cultures: Saleswomen, Managers, and Customers in American Department Stores, 1890–1940. Chicago: University of Illinois Press, 1986; *Leach W.R.* Transformations in a Culture of Consumption: Women and Department Stores, 1890–1925 // Journal of American History. September, 1984. Vol. 71, 1.

сформацией женского идеала, которая происходила под влиянием в первую очередь отраслей промышленности, производящих косметику и предметы гигиены (первая гигиеническая прокладка Kotex пришла на американский рынок в 1921 году)*. Здесь массовый характер снова провозглашается через пропаганду равных возможностей и демократизацию. Красота может быть достигнута всеми женщинами, если они прилагают для этого достаточно энергии. Унификация женской внешности (и самой идеи женственности, поскольку предлагаемое преображение мыслилось и как внутреннее, и как внешнее; знать, как накладывается макияж, говорит реклама, означает знать, как «найти себя») распространяется и на черную женщину, чей личный успех зависит теперь от распрямленных волос и осветленной кожи. Однако различия между социальными слоями и возрастами очевидны, поскольку те же самые кампании искусно выбирают в качестве мишени различные сегменты рынка.

Такие процессы влияют на массовую коммуникацию через журналы, рекламу и, особенно, кинофильмы, которые «подпитывают» «культуру красоты». Женские образы, обладающие мощной харизмой, пришли в двадцатых и тридцатых годах XX века из Голливуда; они были воплощены в актрисах, которых определяли как предвестниц возгласов протеста за женскую независимость**. Здесь снова любопытно отметить, что некоторые из наиболее развитых женских характеров появились как продукт конвергенции — что типично для массового производства — различных феноменов: голливудских технологий, соответствующих методов студийной системы и сексистского видения мира, которое никогда не могло интегрировать в себя желание самоутверждения для многих женщин.

Система кинозвезд была важным способом утверждения американских моделей в Европе межвоенного периода. Кинофильмы предлагали практические уроки моды, макияжа и манер в то время, когда все, что было новаторским и современным, отождествлялось с Соединенными Штатами***. Продвижение образа «новой женщины», связанного с миром потребления, имело до некоторой степени «эмансипирующий» эффект (по крайней мере, до Второй мировой войны), поскольку тот утверждал более свободное поведение и значительно большую соци-

* *Peiss K.* Mass culture and Social Divisions: The Case of the Cosmetic Industry — лекция, прочитанная на конференции по массовой культуре и рабочему классу, Париж, 14–15 октября, 1988.

** *Haskell M.* From Reverence to Rape.

*** *De Grazia V.* Mass Culture and Sovereignty: The America Challenge to European Cinemas, 1920–1960 //Journal of Modern History, vol. 61. March 1989. P. 53–87.

альную мобильность для женщин*. Эдгар Морэн полагал, однако, что влияние кинозвезд могло стимулировать либо нарциссическое созерцание, либо самоутверждение**

Развитие процессов модификации домашнего труда и женского образа в Европе шло самостоятельно, будучи следствием больших экономических перемен и изменений в потреблении, порожденных Первой мировой войной. Например, во Франции, развитие которой в это время было относительно медленным, утвердилась тенденция женского труда вне дома, даже в буржуазной среде***. Обусловленная этим потребность в облегчении домашнего труда потребовала введение электричества, широкое распространение по стране газа, тем самым способствуя дальнейшей эволюции того образа жизни, который в период между 1927 и 1932 гг., вопреки экономическому кризису, все более удалялся от традиционного. Последующее десятилетие стало свидетелем нового стиля жизни – особенно в Париже, – который включал в себя невиданную ранее заботу о гигиене дома, новый порядок обедов (начиная с длительных и хитроумных приготовлений к сырам и «crudités»), и уменьшение количества слуг. К 1939 году технический прогресс в домашнем быту был ограничен лишь небольшими бытовыми приборами. Однако изменились сами образы – это касается и образа дома, и образа жены, которая должна теперь появляться вечером, приветливая и привлекательная, в нарядах и макияже. Короче говоря, определение фундаментальных культурных аспектов модифицировалось по крайней мере внутри идеологии женской роли. Не случайно, что косметическая индустрия появляется и расцветает во Франции именно в 1930-е годы.

Женская пресса отражала и стимулировала подобные перемены. В 1937 году новое периодическое издание Marie Claire, с тиражом в 800.000 экземпляров, превратило заботу о красоте в домен француженок «третьего сословия»****. Низкая цена журнала позволяла воспринимать его в качестве «Бога для бедных» – и опять мы наблюдаем «демократизацию» того, что раньше было доступно только состоятельным женщинам. Энергичность, жизнерадостность, чистота, даже грациозное кокетство, вместе с известной долей независимости – эти черты женского идеала обязаны своим появлением не только американским примерам Бетти Дэвис и Катарины Хэпбёрн; они унаследовали и французские традиции шарма и женственной свободы. Любо-

---

**** *De Grazia V.* Puritan, Pagan Bodies: Americanism and the Formation of the 'New Woman' in Europe, 1920–1945.

* *Morin E.* Les stars. Paris: Seuil, 1957.

** *Werner F.* Du ménage a l'art ménager.

*** *Sullerot E.* La Presse féminine. Paris: Armand Colin, 1963.

пытно, что, вопреки доминированию американской модели, массовая культура постоянно отсылала к некой расплывчатой и недостижимой модели Другого; так, в межвоенный период в американской рекламе функцию такой модели выполняла воображенная французская женщина — причем до такой степени, что многие американские продукты рекламировались как происходящие от французских, особенно от парижских, оригиналов.

К концу тридцатых годов XX века типичные формы масс-медиа для женщин были созданы во Франции. В 1938 году женская «колонка советов» приобрела широкую популярность; суперпопулярный журнал Confidences датируется тем же годом. Журнал создал и своеобразный шаблон описания женского одиночества, посвятив многие страницы анонимным исповедям; эта публичная манифестация автобиографических историй показала, как страдала женщина посреди грандиозных социальных изменений. В 1939 году тираж Confidences значительно превысил миллион*. Вторая мировая война замедлила этот рост, но он возобновился и усилился во второй половине сороковых годов и в последующее десятилетие.

Интересно исследовать ситуацию в межвоенной Италии. Эта страна отличалась от Франции и США не только уровнем экономического развития, обусловленным специфической комбинацией отсталости и форсированной индустриализации, но также авторитарным режимом и слабой демократической традицией. В Италии идея изменения роли женщины вступила в противоречие с существовавшим порядком и функционировала как бы внутри него — не без конфликта. Программа фашистского режима колебалась между использованием женщин в массовых организациях и их унификацией (даже буквально, вплоть до одежды), с одной стороны, и утверждением модели «примерной жены и матери»,** способной взять на свои плечи всю тяжесть демографической и империалистической политики, с другой. Женщины должны «осовремениться», но при этом рожать много детей, кормить и одевать всю семью из тех ресурсов, которые предлагала автаркичная экономика: волокна из вереска и крапивы вместо хлопка, искусственная шерсть вместо натуральной, бурый уголь вместо каменного. Помимо противоречивой позиции фашизма в отношении женщины, идея изменения женской роли встречала сопротивление со стороны влиятельной католической традиции, так как Римская церковь с неодобрением смотрела на вовлечение молодежи и женщин в фашистские организации (хотя церковные

* *Sullerot E.* La Presse féminine.

** *Meldini P.* Sposa e madre esemplare: Ideologia e politica della donna e della famiglia durante il fascismo. Florence: Guaraldi, 1975.

иерархи и поддерживали режим) и сурово критиковала женщин, занимающихся спортом, сравнивая это с увеселениями, распущенностью, легкомыслием, которые увлекали их из дома*

Данные противоречия были неотъемлемы от самой практики итальянского фашизма, особенно трения между процессами капиталистической модернизации и требованиями авторитарного режима. В действительности, итальянская женщина, очевидно, не могла быть потребителем и управителем ресурсов, доступных американской и французской женщине (мы абстрагируемся от классовых и региональных различий внутри этих стран). То, что происходило, представляло собой репрессивную модернизацию, чьи издержки переложили по преимуществу на женщин — как в рабочей среде (что отразилось в ограничении заработной платы и в жесткой производственной дисциплине), так и в среднем классе (в дополнительных видах работ, требуемых от «новой» домохозяйки). Те частичные изменения, которые в течение второй половины тридцатых годов XX века включали в себя рост социального обеспечения и свободного времени даже для рабочих (в пределах, разумеется, институциональных рамок диктатуры), вызвали глубокие изменения в отношениях между публичной и частной сферами.

При фашизме публичная власть вторглась в приватную сферу. Для женщин это означало разрушение семейных связей или по крайней мере конфликт между ожиданиями приватного и публичного секторов (так, участие «новой итальянской женщины» в политических демонстрациях или спортивных соревнованиях не всегда встречало одобрение отца, брата или даже матери, если последняя была ревностной католичкой). Это также означало, что репродуктивные функции теперь были поставлены на службу государства. В этом случае материнство выступало как беспрецедентно публичная функция — даже если и в извращенном виде и вопреки желанию самих женщин**. Между тем как частная сфера страдала от вмешательства, публичная прекратила быть форумом для свободного обмена идей и становилась все больше доменом, управляемым правительством и корпорациями. В то же время граница между двумя сферами была подвижной, смещалась под двойным прессом политической пропаганды и коммерческой рекламы, которая стремилась определить выбор индивида. Такие феномены, хотя и в своей специфической форме, были сходны с процессами модернизации, осуществляемыми в демократических системах и вызвавшими те огромные изменения в отношениях публичного и частного, которые

---

* *Mondello E.* La nuova italiana: La donna nella stampa e nella cultura del ventennio. Rome: Editori Riuniti, 1987.

** *Passerini L.* Torino operaia e fascismo. Roma: Laterza, 1984.

происходили после Второй мировой войны в западном мире, включая Италию.

То, что случалось с женщиной в процессе подобной стандартизации, стало предметом описания в романе «Рождение и смерть домохозяйки» (Nascita e morte della massaia) Паолы Мазино, которая представила частный случай из жизни Италии этого времени. Он был написан в 1938–1939 гг., но корректура не прошла утверждения фашистскими цензорами, которые осудили его как «пораженческий и циничный». Роман представляет собой историю женщины, которая в годы детства и юности находилась в конфликте с собственной матерью. Дочь, «вялая и скучная», поглощена поисками истины: «Все имеет свою причину, и я должна отыскать ее». Маленькую домохозяйку так третирует мать, что та на долгие годы уходит в себя. Наконец, она сдается и соглашается «попробовать нормальную жизнь» – скорее, для того, чтобы порадовать свою мать, чем для продолжения поисков «своей истины». Мать наслаждается ожиданием новой жизни ее ребенка: «Я сошью тебе прекрасное платье, отведу в парикмахерскую, тебя вымоют и покрасят волосы». Домохозяйка выходит замуж и становится тем, что от нее требуют, одержимо занимаясь своим домом и так выполняя политические и социальные обязанности, что награждается «дипломом достойного гражданина (citizen of merit)» и провозглашается Образцом Нации. Автор произведения использует гротескный, иногда сюрреалистический тон для того, чтобы оттенить собственную иронию по отношению к социальной действительности. Тревога и беспокойство, испытываемые домохозяйкой, ее бунт, противостоящий всему этому, включающий известное преувеличение – очевидны всегда. Приведем лишь один пример, касающийся нового для нее мучения с гигиеной (она была «неопрятной» и «избегала чистоты»). От сцены, которая напоминает рекламные сообщения и в которой домохозяйка показана «нежно скользящей по полам, сверкающим, как зеркала в своих прекрасных белых юбках, развевающихся вокруг нее, как паруса», читатель переходит к описанию ее попыток пробежаться пальцами по полу, чтобы проверить, не осталось ли на нем следов пыли, вплоть до того, что после тщательного осмотра, героиня «не смогла удержаться от того, чтобы не опуститься на колени и два или три раза лизнуть пол. Ее язык скользил взад и вперед по плоскости отполированного мрамора, и какое-то острое чувство, ощущаемое едва ли не как приказ, поднималось из швов, скрепляющих кафель: волнение льда, пары минеральной смерти, мириады звездных эмбрионов, сигналы пульсирующих вселенных. Кончик ее языка, ставший ледяным, все

вонзался в пол, но она оставалась там, со своим лицом на земле, вдыхая знаки, подаваемые камнем»*

В число изменений в отношениях между публичным и приватным мы можем включить манифестации самой массовой культуры. Так, количество слушателей общественного радио возросло в Италии с 27.000 в 1926 году до 800.000 в 1937 году. Одновременно распространялись издания, предназначенные для масс, и не только издания фашистских организаций, чьи тиражи достигали сотни тысяч экземпляров. В течении 1930–1938 гг. появилось пять наиболее важных женских журналов (Rakam, Annabella, Eva, Gioia, и Grazia), которые продолжали существовать после войны, а некоторые существуют и до сих пор. В этих журналах отразились и реакционные, и прогрессивные элементы фашистской пропаганды в отношении женщин. По сравнению с двадцатыми годами рекламе в них стало отводиться больше места, в том числе рекламе продукции «для себя». Женские журналы старались не подчеркивать классовых различий; публикации, предназначенные для самых низших социальных слоев, использовали простой и доступный язык, поскольку, не будем забывать, в период между двумя мировыми войнами большинство итальянских женщин было полуграмотными**. В 1921 году неграмотными были 30,4% женщин (и 24,4% мужчин)***. Колонки, посвященные любви, работе по дому, семье, религии, кулинарии, гороскопам и снам, были во всех журналах. Ряд изданий, такие как Cinema Illustrazione, уделяли внимание описанию нравов, царящих в Cinecitta (итальянском Голливуде). В некоторых – например, в «Еве» (Eva) – помимо жизни звезд, освещались подробности жизни членов королевского дома, Муссолини и его семьи. Рассказывалось о героических матерях, которые призывали своих сыновей стойко защищать страну и без слез встречали их гибель. В это время можно было прочитать рассказы о портнихах, продавщицах и спортсменках, участвовавших в фашистских соревнованиях, иногда в активном амплуа, как, например, в романах о новом итальянском колониализме. В любом случае, по сравнению с традицией рисовать женщин в облике безмолвных жертв, эта литература отводила женщине роль, хотя и неоднозначную, но более активную.

В Италии, как и во Франции, Вторая мировая война затормозила процессы, которые возобновились в послевоенное время. Их развитие было особенно очевидно в переплетении культурных моделей

---

* *Masino P.* Nascita e morte della massaia. Milan: La Tartaruga, 1982; 1-st ed. Milan: Bompiani, 1945. P. 183.

** *Lilly L.* La stampa femminile // Castronovo V. , Tranfaglia. Eds. Storia della stampa italiana. Vol. 5. La stampa italiana del neocapitalismo. Bari: Laterza, 1976.

*** *Mondello E.* La nuova italiana.

и моделей потребления. Полностью итальянская модель массового потребления была реализована только в пятидесятых годах XX века, что нашло выражение в росте потребления таких товаров, как телевизоры, электроприборы и автомобили. Женщинам принадлежала ведущая роль в сфере нового потребления, включавшей косметику, предметы гигиены, одежду и товары для дома. Социолог Альберони в известном исследовании [механизмов] потребления, процитировал юную девушку с юга Италии, которая выбрала ночную сорочку из искусственных тканей, отдав тем самым предпочтение перед сорочками из традиционного приданого. Альберони объяснял это следующим образом:

Какое значение для юной девушки имели ночные сорочки, которые та видела в кинотеатре? Принятие их или хотя бы согласие с ними означало бунт. Приданое в стабильном обществе является фиксированным и неизменным белый цвет и строгость деталей столь интимной одежды представляет собой выражение строгих обязанностей и общественных ценностей, связанных с браком.

Покупка новой ночной сорочки и предпочтение ее другим является бунтом; это означает лишение приданого его родовой (patrimonial) ценности и тем самым изменение его институциональной формы подобным образом женский консьюмеризм может выразить идею равенства ценности женщины и мужчины.

Больше чем мужчины, женщины ощущали потребность стать гражданами по новому закону и в новом обществе*

Довольно спорно приписывать потребительским товарам такую разрушительную мощь в современном мировом сообществе, мощь, способную уничтожить локальные и традиционные ценности. Сегодня, тридцать лет спустя, наблюдая и анализируя границы отмеченной эмансипации, следует уменьшить эйфорию. Тем не менее, общий аргумент все еще имеет силу, свидетельствуя о том, что для адекватной оценки изменений важен анализ исторического и географического контекста культурных изменений.

Апокалипсис/ Интеграция

Среди ученых, изучающих массовую культуру, есть негласное разделение между «апокалиптиками и интегрируемыми», как назвал их в 1964 году Умберто Эко, объясняя, что его определение предполагает

* *Alberoni F.* Consumi e societa. Bologna: Il Mulino, 1964. P. 38–43.

не взаимоисключение (aporia), но сочетание двух комплиментарных понятий, относящихся и к самим критикам и, прежде всего, к массовой культуре*. Даже апокалиптики, которые полагают, что массовая культура означает катастрофу культурных ценностей, предвидят на ее горизонте сообщество сверхлюдей. И это потенциально уже существует в исследуемом предмете. Массовая культура, согласно Эко, всегда прельщает потребителей (от которых требуется всего лишь здравомыслящая умеренность) мечтой о супермене, в которого каждый из нас в один прекрасный день может превратиться благодаря всего лишь благоприятным условиям.

Наиболее ценный аспект этого анализа заключается в том, что тем самым подтверждается двойственный характер культурной продукции, которая время от времени рождает великие надежды чего-то нового, но, в конечном счете, утверждает ответы, берущие за образец существующий порядок. Эта двойственность детерминирована исторически: низшие слои, которые приобрели доступ к участию в общественной жизни, стали «главными героями», однако без реальной власти решать, как именно развлекаться, как думать, что воображать — взамен все это им предлагает масс-медиа. Еще в большей степени это справедливо в отношении истории женщин.

Мне хотелось бы проиллюстрировать этот тезис примером женской прессы: и потому, что ее история более всего богата источниками, особенно в тех странах, о которых уже шла речь, и потому, что эта история продолжительна и значима для женщин. Действительно, необходимо учитывать, что с XVII века европейские женщины, будучи исключенными из сферы политики, были допущены в сферу публичной культуры — в литературу (роман) и зрелища (театр). Таким образом, историческое и теоретическое воздействие женской прессы было более продолжительным и более значимым, чем, например, кино. Тем не менее, прежде чем начинать дискуссию о женской массовой прессе, было бы полезно рассмотреть ее в более широком контексте и оговориться, что данный феномен касается лишь европейской и североамериканской цивилизаций. Сведения о безграмотности женщин в мире в целом в рассматриваемый период просто шокирующие: 40% в 1970 году (по сравнению с 28% у мужчин), достигая 83% в Африке (63% у мужчин), 57% в Азии (37% у мужчин) и 85% в арабских странах (60% у мужчин). Очевидно, для этих женщин, составляющих треть женского населения Земли, пресса какого-либо значения не имела. Телевидение смотрело менее четверти женщин. Наибольшая часть миро-

* *Eco U.* Apocalittici e integrati: Communicazioni di massa e teorie della cultura di massa. Milan: Bompiani, 1964.

вой женской аудитории были радиослушательницами, но для изучения этой аудитории очень мало источников, по сравнению с читательницами газет и журналов.

Заметим, что сами термины «женские массы» и «массы» обладают ценностью; более того, в современном понимании они характеризуют не только количественные аспекты, но и качественные. Продукты массовой культуры – это не индивидуальные работы интеллектуалов, но целая лавина, обращенная к широким массам, это конгломерат без заметных различий по классу или географическому ареалу. Классические культуры укоренены в особенных, исключительных людях; новая культурная форма, кажется, вырастает из масс-медиа способом, который также относительно слабо укоренен в локальных, региональных факторах*

Женские журналы появились в XVII веке (первый из них, английский журнал «Lady Mercury», датирован 1693 годом), но черты массовой культуры обнаруживают себя в них только в конце XIX века. Впервые они были ясно выражены в 1886 году, когда Лаура Джин Либби предложила для американского журнала «любовные истории для юных, непорочных (pure) и умных истории для масс». ** Женская пресса растет в межвоенный период, но зрелости достигает после Второй мировой войны, когда превратилась в гигантский бизнес, насчитывающий десятки миллионов читателей***. Подобное распространение и встревожило вскоре «апокалиптиков», обеспокоенных типичным сочетанием в женской прессе архаического и крупномасштабного, что уже было отмечено критиками «массовой культуры» тридцатых годов, от Ортеги-и-Гассета до Хоркхаймера****

Когда в 1959 году Габриелла Парка опубликовала «Итальянки исповедуются» (Le italiane si confessano),***** антологию из восьми тысяч писем, которые получал в течение трех предшествующих лет редактор колонки советов (это было опубликовано в форме комиксов в стиле мыльной оперы), ежедневная ватиканская газета L'Osservatore Romano выразила глубокую озабоченность тем, что так много женщин, кажется, предпочитает скорее писать в женские журналы, чем ходить на исповедь. Книга свидетельствует о сомнениях, страхах, мучениях,

* *Morin E.* L'esprit du temps. Paris: Grasset, 1962.

** *Sullerot E.* La Presse féminine.

*** *Buonanno M.* Naturale come sei: Indagine sulla stampa femminile in Italia. Florence: Guaraldi, 1975, с предисловием Giovanni Bechelloni.

**** *Horkheimer M., Adorno T. W.* Das Schema der Massenkultur // T.W.Adorno. Gesammelte Scriften. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981.

*****Parca G.* Le italiane si confessano. Milan: Feltrinelli, 1966; 1-st ed. Florence: Parenti, 1959.

неудовлетворенности итальянских женщин и, в то же самое время, их сопротивлении переменам. Письма представляют собой не столько безупречное зеркало существовавших обычаев — если такое вообще возможно — сколько дверь в тот мир воображаемого, каковым являются комиксы. Язык писем соответствовал языку этого жанра и служил для того, чтобы выразить одну из специфически национальных черт в ее феммининной форме, а именно одержимость полом, проявившимся в большем невежестве относительно тела собственного, чем относительно контакта с другим телом. В целом это выглядит как смешение старого и нового, в котором итальянская женщина боролась, трудолюбиво, но энергично. Третье издание книги вышло в 1966, с предисловием Пьера Паоло Пазолини, заметившего, что каждое письмо содержит в зародыше идею «рассказа или фильма», предназначенных тому миру, который и создал язык для этих женских исповедей. В то же время он позволил себе увлечься мизогинической точкой зрения апокалиптического оттенка, ошибочно принимая изменения, сделанные редакторами журнала, за результат лингвистического выравнивания, произведенного массовой культурой, и интерпретировал это просто как поверхностное «осовременивание», под которым «можно обнаружить низшие слои цивилизации», где «женская тяга к консерватизму» сохраняет свои позиции.

В отношении к женским журналам, особенно к тем, которые имеют большой тираж, отражается определенная неловкость прогрессивных ученых (и мужчин, и женщин), которые подходили к предмету аналитически, однако в последние годы их позиция существенно поменялась. В начале шестидесятых годов презрение к этим формам массовой культуры уступило дорогу более заинтересованному взгляду. Следы скептического отношения, тем не менее, сохранялись. Даже Эвелин Сюллеро, которая всегда подчеркивает позитивные аспекты женской прессы, писала об «однообразной бессодержательности и заурядности»,* признавая в то же самое время ответственность интеллектуалов, их снобизм, и их страх перед масштабами этой среды. Сюллеро допускала, что женская аудитория наиболее консервативна из всех, но заметила, что женщины много читали и, если речь идет о рабочем классе, то читали больше, чем мужчины. Моральные нормы устойчивого, традиционного порядка, почтение к которому у массовой прессы существует всегда (с известными маленькими отклонениями), являются, похоже, единственными, способными обеспечить известную безопасность для женщин.

Десять лет спустя, «апокалиптик» Анна-Мария Дардинья подвергла критике подход Сюллеро за его чрезмерную «интеграцию»

* *Sullerot E.* La Presse féminine. P. 129.

и предложила жесткую критику мистификаций, производимых женской прессой*. В женской прессе идеальная женщина выглядит как пассивная, доступная, испорченная и настойчиво стремящаяся к манипулированию мужчинами, которых она рассматривает исключительно в качестве потенциальных мужей. Такие издания, по мнению Дардинья, способствуют усилению классовых различий. Для женщин скромного социального положения журналы предлагают бескомпромиссно нормативную идеологию; для более состоятельных – постоянную интеракцию с подлинным бунтом женщин, то есть, ту позицию, которая тонко оправдывала этих читательниц. Женская пресса исходит из тезиса, что освобождение женщины успешно продвигается и по сути уже почти завершено. В контексте подобного анализа, негативное влияние женской прессы заключается в бесценном для существующего порядка поддержании той перспективы, в которой слово разводится с реальностью. Женские «страдания» и тот радикальный бунт, который они могут порождать, никогда не выглядят как реальная возможность.

Эти апокалиптические настроения, повторяющие голоса 1968 года и феминизма начала семидесятых, отвергнуты не полностью. Отсутствие исторической перспективы является их наиболее уязвимым местом, однако некоторые аспекты «апокалиптического» критицизма остались в последующих исследованиях о женщинах. В середине 1970-х годов в Италии исторический подход сочетался с критикой патриархального порядка. Вслед за Сюллеро исследователи обратили внимание на проблему экономических интересов. Женская пресса превратилась в наиболее цветущую и устойчивую отрасль итальянской массовой культуры, о чем свидетельствует, например, такой факт: во многих журналах объем рекламы составлял более 50% от их общего объема (с 1953 г. по 1963 г. число страниц, посвященных рекламе, удвоилось, а в некоторых случаях утроилось). Реклама в женских газетах и журналах стоила почти в полтора раза больше, чем в тех, которые предназначались для смешанной аудитории**. В действительности, читательская аудитория женской прессы была также смешанной: мужчины составляли 30% от общего количества читателей, которых насчитывалось 20 миллионов. Этот целостный огромный сегмент рынка контролировался олигархией: более трех четвертей всех журналов принадлежало четырем издательским группам***. Успех женских изданий способствовал тому, что роль женщин

* *Dardigna A.-M.* Femmes-femmes sur papier glacé. Paris: Massero, 1974.
** *Lilli L.* La stampa femminile.
*** *Buonanno M.* Naturale come sei.

в производстве культуры стала более очевидной для всех; он помог подчеркнуть значимость этого процесса, посредством которого все больше женщин принимают участие в информационном секторе и начинают более открыто поддерживать друг друга*

Самой интригующей является одна из наиболее популярных форм продукции массовой культуры послевоенной Италии – жанр фотоновелл (или комиксов в стиле мыльной оперы), представляющей собой феномен огромного значения и, равным образом, пример упорной идеологической стойкости. Этот жанр был гибридной инновацией, сочетанием техники кино, фотографии и комиксов, соединенной с традицией романов в виде сериалов. Жанр был широко распространен в женских изданиях на романских языках (в том числе в Южной Америке); впервые же он появился в Италии в 1946 году, сначала в рисунках, а потом, в 1947 году, в фотографиях. Очевидно, в начале своей истории фотоновелла читалась коллективно, подобно тому как смотрели телевидение в его первые годы. В отдаленных сообществах по воскресным дням кто-то читал вслух слова персонажей, а те, кто не умел читать или читал очень плохо (например, пожилые женщины), следили за развитием сюжета, глядя на картинки**. Позднее преобладающим стало чтение в одиночку, а аудитория становилась все более женской, хотя никогда не стала таковой полностью. С 1946 г. и до конца 1970-х гг. в Италии было издано по меньшей мере 10.000 фотоновелл, которые приобрели особую популярность у молодежи. Среди этих изданий были и сокращенные варианты известных романов – таких, как «Обрученные» и «Тэсс из рода д'Эбервиллей». В соответствии с аудиторией и функциями среды – помочь читателям уйти от реальности – фотоновеллы содержали очень мало рекламы. Их излюбленные темы – это тайные горести сильных мира сего, сентиментальные истории о превратностях материнства и детства и необычные судьбы обычных людей***

В соответствии с традициями «апокалиптической» диффамации таких изданий, критика начала признавать, что те отвечали какой-то «глубинной потребности» и выполняли своеобразную «функцию психической экономии», как некоего пролога к пьесе****. Другой вариант: они интерпретировались как не только способ эфемерного эскапизма,

---

* *Buonanno M.* La donna nella stampa: Giornaliste, lettrici e modelli di femminilita. Rome: Editori Riuniti, 1978.

** *Anelli M.T., Gabrielli P., Morgavi M., Piperno R.* Fotoromanzo: Fascino e pregiudizio. Storia, documenti e immagini di un grande fenomeno popolare. Milan: Savelli, 1979.

*** *Buonanno M.* Naturale come sei.

**** *Anelli M. et al.* Fotoromanzo.

но и средство развития мира эмоций*. Подобные перемены появляются в контексте изменившейся исторической и политической перспективы, когда ряд влиятельных женских журналов (таких, как Grand Hфtel, Cosmopolitan, Amica, и Anabella) выступили в пользу развода во время референдума 1974 года по поводу легальности расторжения брака (в итоге развод был признан, с результатом 59% голосов). Некоторые комментаторы объясняли такой выбор позиции журналами рыночными соображениями, то есть желанием, чтобы вновь была признана весьма проблематичная связь – между рынком и покупателями, с одной стороны, и эмансипацией, с другой.

Наиболее интересные попытки примирить критицизм «апокалиптиков» и историцизм «интегрирующих» появились в последние десять лет, в частности, в исследованиях массового производства фантазий для женщин в США. В работах историков прослеживается связь массового производства любовных романов (таких, как серия Harlequin, появившаяся в Торонто в 1958 г. и достигшая в 1977 г. продаж в сотни миллионов экземпляров) с сентиментальными романами XVIII и XIX вв., от «Памелы» Ричардсона до работ Джейн Остин и сестер Бронте**. Существуют исследования и психологических механизмов, объясняющие интерес многих женщин к подобной литературе. Таня Модельски предложила некий механизм замещения (reversal): так, например, желание женщины быть взятой силой – это всего лишь поверхность послания, маскирующая скрытое содержание, а именно тревогу в отношении изнасилования, желание власти и мести. Интерпретации, предлагаемые исследовательницей, требуют использования опыта феминисток. В таком контексте «акт исчезновения», который осуществляет женщина, потребляя эскапистскую литературу, на самом деле предполагает желание быть увиденной в новом качестве. По оценке Джэнис Рэдвэй, важно, чтобы критики не приписывали читательницам пассивности и бессилия. Она признает неоднозначность точки зрения о том, что временный отказ женщины от своей социальной роли самоотрицания, является для нее определенной компенсацией, смысл которой в производстве социального пространства для себя с тем, чтобы не сражаться против этой роли самоотрицания в реальной жизни. Дж. Рэдвэй подчеркивает, однако, что, в конце концов, тексты выбираются, покупаются, конструируются и используются конкретными людьми, которые реализуют данными действиями собственные нужды, желания и интерпретативные стратегии. Тем самым сформированное сообще-

---

* *Buonanno M.* Naturale come sei.

** *Modelski T.* Loving with a Vengeance: Mass-Produced Fantasies for Women. New York: Routledge, 1982.

ство читательниц и авторов вынуждено прибегать к посредничеству структур капитализма, которые эксплуатирует дистанцию между ними и их желаниями что-то изменить и что-то принимать*

Тенденция, которая обнаруживает себя в подобных исследованиях женской прессы, может быть распространена и на другие секторы массовой культуры, несмотря на известные различия между ними. Модельски применила свой метод к анализу «мыльных опер», делая вывод о том, что их фантазии о большой расширенной семьи не противоречат феминистскому дискурсу, который действительно способен аккумулировать эти фантазии и выдвинуть их вновь как желание такого сообщества, которое игнорирует традиционные ценности, хотя на первый взгляд может показаться, что оно их подтверждает. Непредубежденный взгляд на массовую культуру может породить даже некоторые приятные сюрпризы, как это случилось с Милли Буонанно, анализировавшей телевизионные программы в Италии начала восьмидесятых годов XX века. Ее исследование показало, что итальянские информационные или культурные программы содержат сниженный, искаженный образ женщины по сравнению с мужским образом; похожие результаты дают аналогичные исследования телевидения США. А вот в художественных программах, к изумлению исследователя, оказалось, отношения «мужчина-женщина» не описывались как отношения доминирования, и программы предлагали широкий спектр женских идентичностей. Данный жанр благоволит к аспектам дифференциации в женских судьбах, предлагая различные, но легитимные пути бытия женщин и давая пространство для трансформации старых стереотипов и ролей. **

В заключение этой дискуссии сделаем одно замечание. Никогда прежде не существовало такого, все возрастающего числа возможностей для женщин стать субъектами в самом полном смысле слова, будь то индивидуально или коллективно. Этот процесс выглядит долгим и непростым, и это касается как полной реализации надежд на эмансипацию и открытие себя для женщин северного полушария, так и для возникновения и развития процессов освобождения большинства женщин планеты. Не является неизбежностью —однако парадоксальным образом произошло и продолжает происходить — то, что подобные процессы самоутверждения осуществляются через феномены «масс» и унификации. Ирония истории — а в ней немало подобной иронии — в том, что такие феномены могут развиваться и в обратном порядке.

* *Radway J.* Reading the Romance: Women, Patriarchy, and Popular Literature. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1984.

** *Buonanno M.* Cultura di massa e identita femminile: L'immagine della donna in televisione. Turin: ERI, 1983.

12

Женщины, образы, репрезентации

Анн Игоннэ

В начале двадцатого века женщины лицом к лицу столкнулись с новыми культурными возможностями, многими из которых им все-таки удалось воспользоваться. Допущенные в высшие эшелоны художественных институций, состоящих в тесном альянсе с масс-медиа, женщины оказались вольны репрезентовать себя по-своему. В последующие десятилетия женщины наконец получили контроль над своими визуальными идентичностями и не удивительно, что им удалось вытолкнуть их далеко за те границы, которые устанавливались для них прошлым. Все больше и больше женщин теперь могли принимать участие – хотя бы и пассивное – в творении культурных форм, и не столь важно, что часть из этих форм возвеличивала их, а другая – дискредитировала. Впрочем, чем старательней мужчины отражали тему женского, тем более проблематичными виделись эти репрезентации самим женщинам. В последние десятилетия двадцатого века женщины включились в активную борьбу с внутренними противоречиями мужского взгляда на женское, стремясь противопоставить ему свой собственный взгляд на себя.

Становление веры в возможности позитивных трансформаций в сфере репрезентации женского характеризует, в первую очередь годы, предшествовавшие Первой мировой войне. Женщины тогда использовали особые образы, чтобы обозначать свое физическое присутствие в мире и свои требования в общественной сфере. В отличие от аллегорических женских фигур предшествующих культурных эпох, женская

фигура на плакате 1914 года «Frauen Tag» направляет свою энергию на собственные политические цели . Босоногая и неистовая, она позирует на фоне бесконечного красного знамени, которое она вздымает ввысь – несомненно, что с художественной точки зрения этот плакат является весьма скандальным и провокативным, особенно, если принять во внимание, что он был расклеен в консервативном Берлине.

В тот период женщины начинали открывать заново свое тело и откровенно демонстрировать его. Школы танца, которые развивали Айседора Дункан и Рут Сэнт Дэнис, отвергали условности и стилизаторские решения классического балета в пользу искренности, естественности и лиризма. Эдвард Стайхен, который оказал большое влияние на становление хореографической концепции Айседоры, сделал фотографию одной из ее учениц . Балансируя в положении неустойчивого равновесия на фоне Акрополя, она словно бы пребывает в гармонии с окружающими ее скалами, ветром и огнем.

Паола Модерсон-Бекер дерзнула изобразить себя обнаженной на автопортрете. В отличие от многочисленных авангардистов-мужчин, которые использовали формальные нововведения для того, чтобы утверждать и укреплять традиционный взгляд на феминный объект, Модерсон-Бекер использовала радикальную авангардную технику с полностью противоположной целью – для борьбы с гендерными табу. В работах, подобных «Автопортрету с янтарным ожерельем» , она изображает свою чувственность как некий неоспоримый и естественный феномен бытия, совмещая плотные, массивные контуры человеческой фигуры с бережно выписанными листьями и цветами, воплощающими тему нежности.

С началом Первой мировой войны милитаристские и националистические настроения спровоцировали возрождение основных архетипов феминного; впрочем, наряду с этим появилось и несколько новых стандартов изображения женщины – например, женщины, вливающейся в ряды рабочей силы. Такие плакаты, как «Каждому мужчине-бойцу – по женщине-работнице!» не только представляли работающую женщину «равновеликой» мужчине, но также предлагали коллективный образ работающих женщин, столь же значимых, сколь и бойцы-мужчины, в то время, как большинство других плакатов по-прежнему представляли женщину тем, ради чего сражаются бойцы-мужчины. Крестьянская девушка, например воплощает «Милую Францию», ради блага которой необходимо добыть денег . По другую сторону от линии фронта мы также встречаем женские образы – преувеличенно классицистская голова женщины воплощает австрийскую нацию-государство . Чтобы напомнить женщинам об их потенциальной силе, некоторые плакаты обращаются к образам героических женщин Франции: «Жанна д’Арк спасла Францию.

Женщины Британии, спасите свою страну! Покупайте сберегательные сертификаты!» .

Взбудораженные событиями в мире, многие женщины-художницы в первые десятилетия двадцатого века охотно посвящали свои таланты политическим целям. Это особенно верно для России и Германии, где в декоративно-прикладном искусстве произошла почти что революция, настолько трансформировались художественные иерархии. Кате Кольвитц, например, изображала страдания, бедность, смерть и восстания куда более убедительно и мощно, чем это вообще полагали возможным ранее для массового искусства, судьба которого — быть растиражированным типографским способом . После революции 1917 года в России многие русские художники, как мужчины, так и женщины, откровенно отвергли традиционную живопись и скульптуру и обратились к более формальным и функциональным сферам творчества, привнося в них политическое звучание. Они творили дизайн одежды и архитектурные формы, предметы утвари и плакаты, журналы и театральные декорации . Те искусства, которые еще совсем недавно считались «низшими» и оттого были отданы на откуп женщинам, теперь вдруг стали носителями наиболее актуальных идей своего времени.

Как и русские конструктивисты, западные дизайнеры надеялись изменить жизнь людей посредством трансформации обстановки, которая их окружает. Хотя их целью была всего лишь модернизация, а не революция, они также сфокусировали свое внимание и взглянули по-новому на те сферы творчества, которые ранее считались «женскими». Женщин становилось все больше в области дизайна одежды, мебели и тканей, в сфере графического дизайна и дизайна интерьеров и некоторые из них теперь делали блестящую карьеру. Многие имена, к сожалению, сейчас забыты — они пали жертвами неумолимой истории и сексистских предрассудков. Например, вклад Элен Грэй в дизайн мебели и дизайн интерьеров не вошел в анналы модернизма, а стулья Шарлоты Перрианд и Ле Корбюзье почему-то достаточно часто приписываются одному Корбюзье. Дизайнеры, начиная от Сони Делоне, которая примыкала к кубистскому движению, и оканчивая Коко Шанель, которая работала в сфере высокой моды, экипировали женщину с учетом потребностей века, то есть, для эпохи машины . Динамизм, мобильность и эффективность стали теми ценностями, к которым стремились теперь женщины. Хотя, казалось бы, дизайнеры имели дело по большей части с поверхностными или символическими аспектами феминной идентичности, они все же — тысячей незаметных способов — вносили свой вклад в упрощение женского платья и быта, которые, в своем прежнем виде, буквально превращали в трагедию повседневную жизнь рядовой женщины.

Западные дизайнеры всегда работали в контексте расширяющейся консьюмеристской экономики. Реклама использовала созданные ими образы для того, чтобы демонстрировать преимущества предлагаемых товаров; естественно, зачастую продукт и рекламируемый эффект были связаны между собой достаточно косвенно, однако зачастую даже рекламные образы ассоциировались с новыми идеалами женщин. В этом отношении показательна реклама гигиенических прокладок . Текст, авторитетно заявляющий о медицинской и статистической стороне вопроса («прокладки используются 85 процентами ведущих клиник Америки») подкрепляется изображением двух счастливых женщин, которые теперь могут играть в гольф вне зависимости от фазы своего менструального цикла. Рекламная фраза гласит: «Окрыляющая свобода на каждый день!»

Реклама поощряла женщин делать покупки для досуга и удовольствия. Она активно создавала устойчивую связь между косметическими средствами и женским характером, формировала потребительскую идентичность. Впрочем, в рекламе женщины показаны как всецело зависимые от коммерческих продуктов – без них они не в состоянии выполнять домашнюю работу, привлекать мужчин, воспитывать детей и добиваться социального одобрения. Реклама шелка Вексбар даже приписывала своему продукту обладание некоей высшей креативной силой: «Шелк, который преображает – как и само дыхание жизни» . Связывая феминность с товарами, реклама поощряла женщин к тому, чтобы они идентифицировали с товаром и самих себя. Например, красота женщины, изображенной на рекламе шелка – это, несомненно, красота еще не одухотворенной Творцом скульптуры.

Класс, раса и гендерный фактор, разумеется, влияли друг на друга. И высокая, и массовая культура работали не только над созданием универсальных ценностей феминности, но и над выработкой критериев, которые дифференцировали бы женщин. Используя визуальные стратегии, подобные той, что мы наблюдали на рекламе шелка, Мэн Рэй, например, фактически низводил женщину до объекта эстетического наслаждения, а также утверждал контроль белой женщины над цветной . Благодаря своей прическе и макияжу, белая женщина представляется, по сути, такой же маской, как и та африканская маска, которую она держит в руках – но все же не полностью такой же. Белая женщина держит в руках африканский объект, пример «примитивного искусства» и его «примитивность» призвана контрастировать с искушенным эстетизмом культуры европейской. Формализм, таким образом, служит оправданием гегемонии белого среднего класса, оправданием маскулинного желания и фетишизации предметов потребления.

Альтернативы подобной репрезентации женского в то время не существовало. Поскольку потребительские образы тиражировались теперь индустриальными методами и среди этих образов превалировали образы «современной женщины», поскольку «высокое искусство» было весьма престижно, а визуальные определения феминного включали определения красоты и удовольствия, избежать всех гендерных конвенций, навязанных обществом, было практически невозможно.

Некоторые женщины, однако, смогли дистанцироваться от навязываемых им образов, обратив визуальные конвенции друг против друга. Ханна Хех буквально отрезала визуальные стереотипы один от другого – она вырезала их из контекста и собирала их в дикие, остроумные фотомонтажи. В своей серии «Из Этнографического музея» она поставила под сомнение целостность западного этноцентризма, а также и целостность «объекта искусства» как концепта, скомбинировав вместе почти несводимые элементы – несравнимые по масштабам, происхождению и своей способности быть нашим воображением . Как и Хех, которая в своих художественных принципах тяготела к дадаизму, такие женщины, как Ремедиос Варо, Доротея Таннинг и Фрида Кало нашли для себя место в сюрреализме. Сюрреализм словно бы выдавал женщинам карт-бланш на то, чтобы видеть вещи не такими, какие они есть и даже не такими, какими они кажутся, и отображать другие реальности с тем, чтобы выразить свой собственный опыт и свои фантазии. Мерит Оппенхайм своим «Завтраком из меха» приводила зрителей в замешательство, выполнив чашку, блюдце и ложку из натурального меха . Как и многие другие работы женщин-сюрреалистов, «Завтрак из меха» представляет то, что кажется обыденному сознанию привлекательным или обычным как нечто отталкивающее или по крайней мере двусмысленное.

Отношения женщин-художниц со своими коллегами-мужчинами оказывали влияние на самосознание этих женщин, индивидуализировали их художественную продукцию, влияли на их карьеру. Зачастую женщины-художницы очень сильно нуждались в том, чтобы быть признанными, а это признание могли дать им лишь влиятельные и успешные мужчины – вот почему женщинам все еще очень часто приходилось играть «на мужской территории» для того, чтобы получить возможность в будущем выражать свое истинное «я» свободно. Пример Тины Модотти достаточно парадоксален. Впервые она появилась в истории искусства как актриса кинематографа, ее фотографировал Эдвард Вестон – как модель и как товарища. Его работы представляли Тину как фигуру абстрактной чувственности . Однажды Вестон научил Тину фотографировать; она приняла из его рук камеру и в свою

очередь сделала Вестона своей моделью . Она часто запечатлевала его вместе с его рабочим инструментом – камерой, при этом на приведенной работе и его камера, и его взгляд направлены за кадр. Когда Тина приступила к самостоятельной работе, она все чаще начала снимать женщин; впрочем, она снимала их по большей части как субъектов деятельности, а не как пассивные объекты; ее фотография матери и ребенка фокусирует внимание зрителя на мощной руке женщины, которая поддерживает ребенка, чье зримое физическое присутствие и округлившийся живот женщины реалистично, а не сентиментально повествуют о женской фертильности . Сходным образом работы Джорджии О'Киффи, Лии Краснер и Хелен Франкенталер выходят далеко за рамки, которые навязывали им взаимоотношения с мужчинами-художниками; все они сумели сделать полностью самостоятельные художественные карьеры.

По мере того, как женщины становились не только теми, кого фотографируют, но и теми, кто фотографирует, они начинали представлять свои интерпретации традиционных тем. Когда Фрида Кало или Доротея Ланге, например, изображали страдания, они представляли женщин не как патетических жертв, но как стоиков, выдерживающих испытание болью – как душевной, так и физической. В то время, как высокое искусство предпочитало исследовать феномен женского воображения, документальная фотография, в соответствии с заказами общества или набиравших силу иллюстрированных журналов, исподволь побуждала мужчин и женщин к конфронтации, выводя на поверхность доселе скрытые материальные аспекты жизни реальных женщин. Бедность, старость, немощь, расовые и этнические различия – были, наконец, осознаны и визуализированы.

Вторая мировая война повторила многие из визуальных тем, появившихся еще во время Первой. Снова традиционные женские архетипы служили целям военной пропаганды. Так Норман Рокуэл создал по заказу американского правительства плакат «Свобода от желания», изобразив на нем семью, собравшуюся за столом на День Благодарения – здесь полнотелая, лучащаяся добротой бабушка ставит перед гостями аппетитную индейку . Как и прежде, образы женщин воплощали ценности семьи, дома, нации, которым угрожает война; как и прежде, бок о бок с такими женщинами в пространстве визуального сосуществовали женщины, вовлеченные в индустриальное военное производство. Плакат той же эпохи изображает одинокую женщину с двумя маленькими детьми, заявляющую: «Я отдала стране мужчину!» , в то время, как другая женщина в это же время призывает «Боритесь за свободу!»; ее подруги изображены с рабочим инструментом в руках, они ремонтируют аэропланы.

Экономический и культурный прессинг войны, также, как и период послевоенного восстановления, по-новому моделировали феминность – теперь путей ее репрезентации стало гораздо больше. Советский Союз принял достаточно экстравагантную модель такой репрезентации, центрировав ее вокруг понятий гражданского долга, производительного труда, коллективной ответственности и общественного контроля. На коллаже Калашникова и Коршунова «Торжество силы и мужества» достаточно ярко отражена именно эта модель – женщины принимают участие в поощряемых государством акциях; женщины изображены здесь энергичными участницами различных мероприятий на свежем воздухе как спортивного, так и зрелищного характера . Другой полюс репрезентации женского воплощала собой американская модель: это домашняя женщина – мать, индивидуалистка, настроенная на потребление. Реклама весьма хорошо справлялась с пропагандой именно такого образа женщины. Например, реклама «Дженерал Электрик» изображает находящихся у себя дома мать и дочь, преисполненных счастья по поводу покупки рекламируемого продукта: «Она уверена в себе с беспламенной электрической сушкой для белья» . Женщина здесь запечатлена в момент семейной стирки, в то время, как ее муж – оставшийся, впрочем, за кадром – обеспечивает семью деньгами и товарами; именно к нему обращен призыв дочери «купить такую же машину для мамы», данный на рекламе рукописным шрифтом.

Двадцатый век сделал кинематограф неотъемлемой частью визуальной культуры. Будучи безмерно популярным, кино всегда играло важнейшую роль в становлении гендерных дефиниций в пространстве массовой культуры. Классическое кино представляет женщину визуально привлекательным объектом, основное предназначение которо го – угодить мужскому глазу. Такие актрисы, как Мерлин Монро стали иконами сексуальности, их исполненные плотского очарования изображения конституировали пространство, куда проецировались многочисленные эротические фантазии зрителей . Они были символами времени, для них писали сценарии – истории мужчин, озабоченных поиском идентичности и счастья . Такие фильмы, как «Унесенные ветром» закрепляли понимание сексуальности как всепоглощающего романтического гетеросексуального приключения, организованного согласно законам линеарной логики интригующего нарратива. Голливудские «хэппиэнды» прекрасно справлялись с задачей построения патриархатной социальной нормы: либо героини фильмов в конце концов добивались желаемого, либо обрекали себя на благородную жертвенную смерть либо, если их поведение выходило за рамки норм феминности, получали соответствующее наказание.

В период 1920–60 гг., но, в особенности в период 1930–40 гг., Голливуд создал особый тип фильма, предназначенный для сугубо женской аудитории, он так и назывался – «женским фильмом». Такие фильмы – и среди них комедии («Ребро Адама» (1949)), медицинские драмы («Темная победа»), фильмы в стиле «готика» («Ребекка» (1940)), романтические истории («Письма от незнакомой женщины» (1948, рис. 28)) и «материнские мелодрамы» («Стелла Даллас» (1925 и 1937)) – были центрированы вокруг женщины-протагониста и фокусировали внимание зрителя на эмоциях, которые рассматривались как неотъемлемая черта феминности. Хотя главными героинями таких фильмов были женщины, хотя они сосредотачивали свое внимание на женских тревогах и заботах, тем не менее, женщина в них изображалась как пассивная, чересчур склонная к патетике, буквально «выжимающая» сопереживание из женщины-зрительницы посредством своих преувеличенных страданий.

Более чем все другие направления кинематографа, женские фильмы поднимали проблему сочувствия женщины-зрителя. Идентифицируется ли женщина-зритель с теми образами, что видит на экране, потому что то, что она видит, отвечает ее опыту, не важно воображаемому или реальному, или же она делает это потому, что она вынуждена внутренне освоить те роли, которые ей навязывает общество? Женские фильмы наглядно свидетельствовали о том, что эти причины не могут быть полностью отделены одна от другой. Женская очарованность кинематографическими репрезентациями их самих колебалась между подчинением дисциплинирующим влияниям нормирующих идеологических дискурсов и удовольствием, получаемым от осознания женской власти, женской эмоциональности и женской инаковости. Это напряжение – напряжение между самоотрицанием и самоутверждением в женских фильмах – означало и те противоречия, в которых женщины вынуждены были жить и которые они должны были безропотно принимать.

Телевизионные «мыльные оперы» и сериалы, транслировавшиеся по телевидению днем, переняли ряд стратегий, выработанных женскими фильмами, и взяли на себя многие их функции. В 1976 году было посчитано, что 20 миллионов людей в Соединенных Штатах регулярно смотрят телевидение днем, что четыре из пяти смотрящих – женщины и что наиболее востребованный женщинами в возрасте от восемнадцати до пятидесяти жанр – «мыльная опера»*. Такие сериалы, как «И день сменяется днем», «Время наших жизней», «Путеводная звезда»

* *Madeleine Edmondson and David Rounds.* Mary Noble to Mary Hartman: The Complete Soap Opera Book (New York: Stein and Day, 1976). P. 187.

получили название «мыльных опер» благодаря тому, что четверть всего времени их показа покупали для рекламы своих товаров компании, производящие моющие средства*. Бесконечные романтические саги, перманентные эмоциональные перевороты в сознании героев, семейные трудности — «мыльные оперы» старались вобрать в себя все разнообразие ситуаций, характерных для домашней и семейной жизни женщины, для ее отношений с соседями и близкими, выражая то, что составляло суть женских жизней в мелодраматической форме. Подаваемые в виде коротких серий, транслируемых ежедневно, «мыльные оперы» легко вписывались в повседневное расписание домашней хозяйки; в то же время они прекрасно отражали реальный ритм женской жизни, многословно описывая год за годом и не обходя своим вниманием ни один личностный кризис.

Кино и телевидение обращались к зрителю-женщине не только через голубые экраны и экраны телевизоров, но и при посредстве плакатов и специализированных журналов. Основанный в 1917 году журнал «Photoplay» сразу позиционировал себя как журнал для фанатов кино, продающий читателям иллюзию близости к «звездам» — причем не только к звездам сферы развлечений, но и к эффектным звездам политики, таким, как члены английской королевской семьи. Моментальные снимки звезд вкупе с журналистскими сплетнями, обеспечивали читателю иллюзию погружения в личную жизнь богатых и знаменитых. Подобные журналы умело удовлетворяли потребность рядового человека в ярком и экстраординарном.

Журналы и каталоги, рассчитанные преимущественно на женскую аудиторию, стремились обращаться к своим читательницам как к индивидуумам, старательно пестуя у них впечатление индивидуализированности общения между ними и журналом. Тексты статей все чаще писались в первом лице, представления о взаимности и истинности такого рода общения старательно поддерживались. Журнал о кино, например, приглашал читателей «Помочь Лиз выздороветь». На фотографии, умело имитирующей «случайный» снимок, красуется актриса Лиз Тейлор, которая смотрит прямо в глаза читателю, словно бы обвораживая его. Текст рядом с фотографией описывает те личностные трудности, с которыми столкнулась актриса, и выражает беспокойство по поводу враждебности к ней публики. Он также содержит призыв к читателю написать «Лиз» слова моральной поддержки: «Дорогая Лиз! Поправляйся! Будь здоровой!». Журнал искренне обещает читателю стать медиатором между ним и звездой: «Мы обязательно передадим ваше письмо!» — заверяет журнал.

* Ibid., P. 197.

Женские журналы поощряли женщин к тому, чтобы заботиться о себе. Их популярность неизменно возрастала с 1830-х и не удивительно, что спустя век они обрели воистину гигантскую аудиторию. Пять из шести женщин в послевоенной Англии регулярно читали женские журналы*; в сегодняшней Америке один лишь журнал Good Housekeeping имеет аудиторию в 24 миллиона человек**. В то время, как некоторые из этих журналов концентрируют свое внимание на моде, некоторые – на ведении хозяйства, а некоторые – на досуге, все они, тем не менее, находятся в границах, которые можно было бы описать как границы традиционной феминности. Своими образами и своими текстами они утверждают дискурсы «косметических» улучшений, ценности гетеросексуальности и нуклеарной семьи. Внутри безопасной территории, которая заключена в этих границах, женские журналы, конечно, пропагандируют и достижения, и изменения. Читательниц убеждают в необходимости следить за своей внешностью, в необходимости выражать свою индивидуальность, вести хозяйство как можно более эффективно с экономической точки зрения и делать это с любовью, читательниц учат побеждать трудности и не поддаваться неприятностям. Словом, женщин, которые читают женские журналы, призывают контролировать ситуацию, не задаваясь вопросом о том, что она собой представляет.

Практически все журналы и телепередачи чередуют редакционные или программные материалы с рекламой. При этом количество рекламы в масс-медиа все время возрастает. В то время, как в 1939 году в американском женском журнале «Ladies Home Journal» около 55,6 процентов страниц было посвящено редакционным статьям и 44,4 процента – рекламе, в 1989 году соотношение процентов стало иным: 58,2 процента страниц теперь занимали рекламные материалы. Якобы, реклама поддерживает медиа финансово. Но фактически дела обстоят по-другому: реклама составляет неустранимую компоненту масс-медиа, она поставляет нечто большее, чем информацию о продуктах, она поставляет потребителю готовые социальные константы, в частности – готовые интерпретации гендерных ролей.

Изображения женщин «продают» практически все виды товаров. К 1980 году компании, производящие косметику, тратили 80 процентов своего общего бюджета*** на рекламу. Сумма, ассигнованная лишь одним из субъектов этого бизнеса в 1985 году, составила 900 миллио-

---

* *Cynthia White.* Women's Magazines 1693–1968 (London: Joseph Michael, 1970). P. 216.

** Cover of October 1989.

*** *Lois Banner.* American Beauty (New York: Knopf, 1983). P. 273.

нов долларов в одних только Соединенных Штатах*. Однако, создание неразрывных ассоциаций между женской красотой и предметами потребления не ограничивается товарами, так или иначе связанными с индустрией красоты, хотя это было бы логично. Женская красота «освящает» рекламные образы самого различного свойства. Реклама виски «Сиграм», например, изображает мужчину, словно бы предлагающего стакан этого напитка зрителю , в то время, как прекрасная женщина льнет к его плечу. Женщина, изображение которой сделано полупрозрачным, не заслоняет от зрителя еще один образ, символизирующий преуспеяние — яхту. Заголовок сообщает нам, что пьющий виски относится к числу тех, кто «все делает правильно».

Быть женщиной-моделью для этих образов — вот самый желанный товар среди всего многообразия товаров, что предлагает общество потребления. Модель — это одновременно и объект поклонения, и объект коммерческой эксплуатации, модели создают стандарты красоты, но в то же время являются их покорными рабынями. Безмятежные, самопоглощенные, не затронутые ни эмоциональными бурями, ни потрясениями интеллектуальных открытий, профессиональные модели являются опорой диктатуры моды. Одно модное течение сменяет другое и каждое вопит о своей ультимативной современности. Когда поколение, родившееся в период «бэби-бума», вошло в период юности, чрезвычайную популярность обрел инфантилизированный имидж женщины. Наиболее ярким его воплощением стала манекенщица, быстро прозванная массами Твигги . В 1967 году она, в возрасте семнадцать лет, произвела громкую сенсацию благодаря своему субтильному, мальчиковатому облику. Ее профессиональному становлению помогал бой-френд, бывший заодно и ее менеджером. Для большинства более взрослых женщин тело, подобное телу Твигги, было недостижимым идеалом — никакие диеты, никакой, даже самый строгий режим физических упражнений, не могли сравнять стройность тел обычных женщин со стройностью тела Твигги. Тем не менее, с тех пор похудание стало настоящей женской манией. Малый вес рекламировался как основной залог женского успеха, изображения худощавых женских тел буквально преследовали женщин по всему западному миру. «Женщина не бывает слишком богатой. Она также не бывает слишком худой» — эти слова приписываются герцогине Виндзорской.

Западная культура выработала лишь несколько способов позитивной репрезентации женского. Подобно Твигги, которая была столь

---

* *Elaine Brumberg.* Save Your Money, Save Your Face (New York: Facts on File Publishers, 1986). P. 95.

привлекательна эстетически и сексуально не в последнюю очередь благодаря своей видимой ранимости и незащищенности, женщины, которые искали сексуальной привлекательности, должны были отказаться от активности, силы и самодостаточности. Сексуальная доступность, материнские качества, патетичность — какие еще черты мы здесь можем назвать жизнеспособными? Впрочем, маргинальность не так-то легко сбросить со счетов, она также настойчиво требует себе места в культуре. В таком случае, как можно запечатлеть цветных женщин, бедных женщин, старых женщин, увечных женщин без соскальзывания в область негативных стереотипов или же без того, чтобы заигрывать с многочисленными предубеждениями зрителя по их поводу? Чтобы вызвать у зрителя симпатию, а не отвращение или страх, Вернер Бишоф выбрал беспомощную индийскую женщину-мать, просящую милостыню, в качестве объекта для фотосъемки . Этот фотокадр, снятый снизу, как бы ставит ее в возвышающую позицию, которая, впрочем, не может быть понята верно в парадигме европейского сентиментализма, каковая полностью нейтрализует эффект инаковости, связанный с этой женщиной.

Стереотипы склонны сохранять сами себя. Женщины-художники зачастую работают на уже освоенной другими женщинами территории и имеют весьма мало стимулов — или не имеют вообще никаких — к тому, чтобы открывать другие территории или другие подходы. Женщины-архитекторы, например, как правило, вынуждены заниматься разработкой проектов жилых домов и шансов получить заказ именно такого рода у них больше всего. Фотожурналистки вынуждены концентрироваться на портретах, домах, семьях, эмоциях, человеческих хобби. И выход за эти рамки не приветствуется. Английская фотожурналистка Грэйс Робертсон, например, разрабатывала тему деторождения. Когда она представила предмет своего творческого интереса — роды — своему постоянному заказчику, журналу «Picture Post», редактор подверг цензуре фотографию женского лица, искаженного гримасой боли, под предлогом того, что она способна встревожить или расстроить читательниц-женщин.

Впрочем, женщины все же имеют некоторые возможности переопределять навязанные им темы, незаметно смещая акценты. В истории с другой серией своих работ — «Когда окончился День Матери» — Робертсон все же смогла добиться опубликования фотографий пожилых женщин; все они сняты Робертсон с величайшим уважением к возрасту. Робертсон смогла показать и оптимизм пожилых женщин, и их чувство локтя, и теплоту их душ. На одной из фотографий Робертсон удалось запечатлеть взгляд одной из них. В то время, как три женщины увлечены разговором друг с другом,

одна из них смотрит прямо на нас, зрителей, в то же время девочка смотрит на женщин через оконное стекло; через эти визуальные регистры, заданные женщинами и девочкой, мы видим призрачный мир, отражающийся в полупрозрачном стекле. Совмещение различных планов и взглядов обостряет восприятие зрителя и словно бы выводит его в другое измерение – туда, где женщины являются не просто теми, на кого можно смотреть.

Известная фотохудожница Дайян Арбус посвятила свое творчество как маргинальным членам общества, так и его «эталонным», средним членам. Трансвеститы, лилипуты, старики, больные синдромом Дауна были сняты Арбус с отчетливо выраженной интонацией уважения к их внутреннему достоинству, что, впрочем, не шло вразрез с осознанием реальных обстоятельств их жизни. Малая дистанция, прямая, фронтальная камера, съемки героев в их собственном окружении, привносили в работы Арбус атмосферу редкой доверительности и придавали им художественную значительность. Мы, разумеется, можем глядеть на эти фотографии с высокомерным снисхождением, но если мы присмотримся более тщательно, мы увидим, что перед нами такие же люди, как мы сами.

Раньше возможность выражать себя ускользала от большинства, она была привилегией немногих. Теперь женщины получили возможность не только сотворять образы самих себя, но и подвергать анализу те образы, которые уже были созданы другими. Женщинам других рас пришлось решать в этом плане особенно трудную проблему – они должны были принимать во внимание не только то, как их изображают как женщин, но и факт того, что изображения белых женщин полностью вытесняют, если не сказать «попирают» и «репрессируют» изображения женщин других цветов кожи. В последнее время мы стали свидетельницами выхода на культурную арену множества целеустремленных цветных художниц – и в Соединенных Штатах, и в Англии. Хотя одаренных художниц всегда было много среди цветных женщин, лишь сейчас их работы стали признаваться художественным истеблишментом, только теперь они получили трибуну, с которой художественным языком можно говорить на расовые темы. В Соединенных Штатах Фэйф Ринггольд - одна из тех, кто обращается к теме расовых стереотипов в своей работе «Тетя Джемима» , ее работа – остроумный намек на популярный продукт питания, носящий унизительное название (которое теперь, под прессингом общественности, было изменено). В то же время она по-новому интерпретирует банальное стеганное лоскутное одеяло, делая его носителем высоких художественных образов – на протяжении столетий изготовление лоскутных одеял было единст-

венным легитимным видом художественной продукции, в которую было позволено вкладывать свой талант женщинам-рабыням. Ее серия «Одеяла с нарисованными историями» показывает, как наши представления о расе и ценностях формируются навязываемыми нам образами. Работы, подобные работам Ринггольд, демонстрируют нам, как политическое вторгается в стратегии репрезентации.

Возможно, одной из наиболее неподатливых тем для женской репрезентации остается человеческое тело. Зажатые между двух полюсов – желанием восславлять красоту тела и опаской изобразить индивидуальность всего лишь как объект сексуального вожделения – женщины-художницы с начала 70-х ищут новые способы говорить о теле как об объекте, слишком сильно нагруженном культурными коннотациями. Одно из оригинальных решений этой проблемы, которое было найдено, состояло в том, чтобы избегать прямого изображения тела, ассоциативно связывая его энергии со стихиями: так Анна Мендиета создала работы, где женские энергии переданы как энергии огня, земли, воды .

В то время, как художники, подобные кубинке Мендиета, вынесли женщину за скобки культурных определений, некоторые другие, такие, как американка Джуди Чикаго, по-новому взглянули на вклад женщин в цивилизацию, который столь долгое время замалчивался. Ее монументальная работа «Званный обед», создание которой заняло у нее четыре года – с 1974 по 1979, буквально пестрит именами женщин, отличившихся в сферах политики, искусства и религии . Работа «Званный обед» вызвала в феминистской среде горячие споры. Должны ли женщины перенимать мужской культ индивидуального героизма? Не является ли унизительными то, что Вирджиния Вульф, которая среди прочих присутствует на этой работе, изображена рядом с вагинальным символом? Почему именно Джуди Чикаго считается автором этой работы, в то время, как в ее создании принимали участие десятки мужчин и женщин?

Другой тип изобразительной тактики, заключающийся в том, чтобы сопрягать эротические образы с образами иного свойства, традиционно был связан с образами женщин, которые использовались для репрезентации мужчин. Но такого рода эротизм представляется многим асимметричным; мужская нагота просто не может передавать те же художественные, исторические и сексуальные смыслы, какие передает нагота женская; изменение ролей на противоположные лишь усилит акцент на проблеме половых различий, но вовсе не решит ее. Британский скульптор Нэнси Гроссман обтягивает мужские фигуры кожей, украшает их застежками-молниями, ремешками и пряжками . «Он», в изображении Гроссман, одновременно и оказывает сопро-

тивление, и обольщает, заставляя нас осознать, что наше восприятие сексуальности очень тесно связано с кодами власти, которые заставляют подчиняться себе и в то же время бороться с собой.

Как уже отмечалось, попытки обновить способы репрезентации женского тела неизменно наталкивались на глубоко укорененные визуальные привычки и на осознание того, что эротизм легко девальвируется до порнографичности. Возможно, ни один другой раздел визуального не вызывает со стороны женщин такого возмущения, как весьма доходная сфера порнографических изображений . В то же время, ни один другой раздел визуального не имеет меньшей ясности в вопросе о том, какими средствами можно скорректировать ситуацию или хотя бы скомпенсировать ее. В порнографической индустрии циркулирует огромный капитал, объемы которого с каждым годом возрастают — если в конце 1960-х порнографической продукции продавалось на 500 миллионов долларов в год, то в начале 1980-х продажи достигли 7 биллионов*. Визуальные материалы приносят львиную долю прибыли на этом рынке. По статистике телефонной компании «Pacific Bell» (Соединенные Штаты), порнографический сервис «dial-porn» принес компании 12 миллионов долларов в период с октября 1984 по октябрь 1985**, однако в тот же период (в 1984 году) ведущий порнографический журнал продавал как минимум 10617482 экземпляров своей продукции в месяц***. В то же время около 20 киностудий производили около 100 полнометражных порнографических фильмов в год с прибылью в 500 миллионов долларов в год, приносимой одним лишь прокатом. «Классический» порнографический фильм «Глубокая глотка» был снят в 1972 году со звездой жанра Линдой Лавлейс в главной роли, этот фильм был назван «самой прибыльной кинолентой, из тех, что когда-либо были сняты»****. Изучение предмета Комиссией Джонсона, проведенное в период с 1968 по 1970, показало, что более 90 процентов зрителей порнографических фильмов — мужчины*****.

По вопросу о необходимости цензуры порнографии у феминисток нет единого мнения. Среди них нет согласия ни по вопросу о том, следует ли атаковать порнографию на уровне ее специфических манифестаций, ни по вопросу о том, является ли в самом

* *Richard Randall.* Freedom and Taboo: Pornography and the Politics of a Self Divided (Berkeley: University of California Press, 1989). P. 200.

** *Gordon Hawkins* and *Franklin E. Zimring.* Pornography in a Free Society (Cambridge: Cambridge University Press, 1988). P. 42.

*** Ibid., P. 36.

**** *Randall.* Freedom and Taboo, P. 200.

** *Hawking and Zimring.* Pornography, P. 54.

деле порнография настолько неотъемлемой чертой патриархатного общества, что лишь глубокие структурные изменения в этом обществе способны кардинально оздоровить ситуацию. В центре проблемы порнографии и дебатов о ней лежит неподатливый комплекс взаимоотношений между живым опытом и его репрезентацией. Некоторые критики считают, что порнографические образы стимулируют насилие по отношению к женщине, некоторые отвергают не сами эти образы, а то, в чем они коренятся, полагая, что порнография лишь закрепляет и отражает то неравенство в сексуальных идентичностях, которые продуцирует современное общество для мужчин и женщин.

С 1970-х годов феминистские художники, критики и историки сфокусировали свое внимание на проблеме социального конструирования идентичности. Под влиянием марксизма, социальной истории, философии языка и психоанализа они пришли к пониманию необходимости подвергнуть анализу всю историю искусства на предмет пересмотра самых признанных ее постулатов и классификаций. Утверждалось, что такие концепты, как «авторство», «оригинальность», «шедевр» не являются основаниями для творчества, что они лишь следствия тех культурных процессов, посредством которых закрепляются маскулинность и феминность как таковые.

Вопрос о том, каким образом история визуальной культуры может быть переосмыслена без использования традиционных концептов, а также и вопрос о том, какого рода визуальная продукция может выйти за рамки таких концептов , по-прежнему остаются открытыми. Большинство критиков и искусствоведов, однако, выделили как минимум две позиции, которых им хотелось бы избегать в своей работе: первая позиция, первый «полюс» — это эссенциалистская установка, которая побуждает находить некие эстетические или эмоциональные общности у всех женщин, без учета класса или расы. На другом полюсе — деконструктивная стратегия, чей недостаток в ее релятивизме, который совершенно несовместим с политическим действием. Феминистские критики и искусствоведы, как и сами художницы, считают, что теория и практика должны работать сообща, конструктивно изменяя способы понимания истории искусства и осмысления настоящего.

С девятнадцатого века сфера искусства стала для женщин сравнительно доступной для обретения славы, культурного лидерства, экономической независимости и гражданской политической властн. Впрочем, вплоть до наших дней, женщины составляют меньшинство среди университетских профессоров, занимающихся проблемами искусства, среди архитекторов и среди «выставляющихся» художников: в Музее Современного Искусства (Нью-Йорк) всего лишь

12 процентов художников, представленных в экспозиции с 1981 по 1987 гг. – женщины. Число женщин-профессионалов, безусловно, растет, причем этот рост становится все более видимым. В 1975 году женщины составляли 4,3 процента среди архитекторов, а в 1985 г. эта цифра увеличилась до 11,3 процентов*.

Вовлеченность в сферу искусства в значительной степени удовлетворяет и женскую потребность в неформальном общении. В Соединенных Штатах все без исключения музеи сильно зависят от труда волонтеров, подавляющее большинство которых – женщины. Работа в музее воспринимается ими как нечто вроде общения в клубе по интересам. Для богатых женщин и для женщин с выраженными социальными амбициями искусство – это сфера, где они могут в весьма изысканной форме реализовать свою страсть к меценатству, искусство также предоставляет им сцену, где можно удовлетворить свою потребность в социальном одобрении и реализовать стратегии паблик-рилейшнз. В 1981 г. Вильгельмина Холлидэй основала Национальный музей женщин-художниц, весьма противоречивую организацию, которая, как утверждают одни, способствует изоляции женского искусства в некоем гетто, или, как утверждают другие, лишь воспроизводит патриархатные определения креативности на феминной территории. Так или иначе, именно эта организация стимулировала интерес к женскому искусству и обеспечила финансовую поддержку более чем 83.000 стипендиатам по всей стране. По мере того, как искусство, созданное женщиной, становилось все более широко представленным на выставках и в печати, по мере того, как оно осмыслялось, оно также входило в женскую идентичность и становилось его неотделимой частью.

В границах таких несхожих, но таких впечатляющих феминистских художественных практик последнего времени можно выделить несколько ведущих тенденций. Первая состоит в рефлективном принятии традиционных визуальных рядов с целью их критики, осмысления или наполнения новым смыслом. Вторая тенденция реализуется в поиске новых или преданных забвению художественных материалов, форматов, пространств для выставок, новых аудиторий – «новых» здесь означает в первую очередь «не находящихся под контролем художественного истеблишмента». Работа Сьюзан Лэйси «Путешествуя с Моной» совмещает сразу обе эти тенденции . Лэйси совершила путешествие по всему земному шару, попутно создавая свою версию «Моны Лизы» Леонардо да Винчи. Она совмещала фо-

* *Ellen Perry Berkeley.* Architecture: A Place for Women (Washington, D.C.:Smithsonian Institution Press,1989). P. XV.

тографии своего скитальческого, страннического проекта с текстом, который написала Арлен Рэйвен; проект был выполнен в виде серии открыток, пародирующих серии классических туристических открыток, и продавался по цене несколько долларов за копию.

Лэйси удалось одновременно создать и шедевр художественного творчества, и популярную серию открыток. Многие феминистки также двинулись по этому пути — расширяя границы творчества и пытаясь совместить требования мэйнстрима с требованиями рынка. Барбара Крюгер, например, также компоновала изображения с броскими вербальными слоганами и потому с традиционной точки зрения ее работы не могут быть классифицированы как «изобразительное искусство». Более того, Крюгер работает и в сфере критики, и как искусствовед-теоретик, а также участвует в производстве политической агитации на такие темы, как борьба за женское репродуктивное право. Однако, произведения Крюгер можно встретить в экспозициях крупнейших музеев, с ними охотно работают арт-дилеры.

После веков разделения визуальных и вербальных искусств, после десятилетий высокого абстрактного искусства, женщины-художницы наконец влились в ряды наиболее активных сторонниц художественного синкретизма. Художницы, работающие в манере перформанса, такие, как Лэйси, общаются со своими зрителями различными способами, зачастую они даже вовлекают в свои проекты публику. Такие художницы, как Крюгер, создавая автономные объекты, активно работают с масштабом, знакомыми имиджами, но особенно охотно — со словами, поощряя зрителя к вдумчивому чтению в большей степени, нежели к эстетической медитации.

Такие художницы, как Мэри Келли, используют свои работы для того, чтобы показать, как язык — в той же степени, что и визуальные образы — порождает смыслы, которые структурируют наши идентичности. В своем «Дневнике прощания» Мэри Келли исследует древнейшую тему материнства с точки зрения матери, которая осознает, что должна ослабить телесную связь с дочерью, поскольку та уже включилась во взрослую реальность языка . Такие объекты, как грифельная доска, на которой написаны знаки и слова — должны педалировать тему печального прощания с реальностью неомраченного единства со своим ребенком. В «Дневнике прощания» взаимодействие реальности чувственного удовольствия и интеллектуальной трезвости позволяют женщине-зрителю ощутить эмоционально, эмпатически те чувства, которые испытывает женщина, которая впервые слышит слова «Я люблю тебя, мама!». Эта работа помогает нам лучше понять феминную идентичность, которая делает эмоциональный отклик на работы, подобные «Дневнику прощания», столь сильным.

Чтобы женщины могли создавать свои новые образы, они должны учиться, культивировать новые подходы к себе самим и своим телам, искать и обустраивать свое собственное место в обществе. Никогда в истории образы женщин не изменялись так радикально за столь короткий промежуток времени, теперь опыт и его репрезентация разделены лишь очень небольшой дистанцией. Некоторые из наиболее мощных образов женщин, созданных недавно, волнуют нас именно потому, что в них находят отражения живые жесты и актуальные события, именно тем, что реальность в них получает оптимальное визуальное выражение. Флоранс Гриффин Джойнер появилась на обложке «Sports Illustrated», когда установила мировой рекорд скорости для женщин в 1988, ее руки на фотографии воздеты в искреннем триумфальном жесте . Женщины, сфотографированные Раиссой Пэйдж , пришли на ракетную базу с тем, чтобы выразить свой протест против войны, они держатся за руки и их фигуры образуют неразрывный круг.

ЧАСТЬ 3.

Великие перемены XX века

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ПЕРЕЛОМНЫЕ МОМЕНТЫ

Франсуаза Тебо

В письме к Жану-Полю Сартру от 18 декабря 1940 года Симона де Бовуар жестко раскритиковала безответственность своего друга-философа – последний, «отказавшись от «спортивных упражнений», которые обычно делают мужчины, не желающие иметь детей, возложил все бремя риска на свою подругу .и поэтому затем решил, что если что-нибудь случиться, так это будет ее виной». *

Прав ли в своих доводах Эдгар Морен, утверждавший, что либерализация сексуальности (или, если быть более точным, сексуальное освобождения в своих различных проявлениях), которая, в период до появления СПИДа, как казалось тогда, предвещала эру секса без детей или каких-либо других общественных ограничений и являлась «единственной хорошей новостью наших дней»?**

В этой части мы сознательно не хотим восстанавливать историю материнства, семьи или частной жизни***. Мы также намеревались избежать широко эксплуатируемого жанра, известного как «история повседневности», хотя именно в этой области произошли наиболее примечательные изменения, облегчившие работу по дому, увеличившие время, уделяемое досугу, и предоставившие большую свободу передвижения как

---

* *Simone de Beauvoir.* Lettres a Sartre, 1940–1963 (Paris: Gallimard, 1990). P. 211.

** Эту фразу мы взяли из: *Edgar Morin.* "Amour et érotisme dans la 'culture de masse," *Arguments* (1st quarter, 1961): 52, цит. по: *Janine Mossuz-Lavau.* "Politique des libérqtions sexuelles", in Pascal Ory, ed., Nouvelle Histoire des ideés politiques (Paris: Hachette, 1987). P. 682–694.

*** См. библиографию.

мужчинам, так и женщинам. (В то же время, женщины перестали собираться вместе, поскольку сексуальные запреты продолжали относиться к определенным общественным местам и транспортным средствам). Взамен мы предлагаем историческое и тематическое повествование, где мы ставим под вопрос две идеи: широко известную идею о том, что доступ к образованию и работе привел к более широкой женской эмансипации, и более спорную идею о том, что женщины стали чувствовать себя более стесненными узами материнства. Все три эссе в данной части, очень разные по тону, но все они посвящены поиску преемственности и переломных моментов, а также попытке создания общего представления о таких типичных для XX века заботах как материнство и благосостояние, образование и работа.

Первое эссе обнажает перед нами малоизвестный аспект феминизма начала XX века. Этот феминизм, который мы сегодня характеризуем как «материнский», процветал накануне Первой мировой войны. Он взывал к равенству экономических и политических прав и к социальному признанию ценности материнства, о котором говорилось так, как будто его по ценности можно было сравнить со многими мужскими занятиями. Ранние феминистки продвигали идею государства всеобщего благосостояния, но в Европе такое государство вскоре стало склоняться в пользу модели поддержки материнства, в то время как в США материнство рассматривалось как сугубо индивидуальное дело.

Второе эссе посвящено экономическим, технологическим и демографическим изменениями, которые на протяжении последних тридцати лет подрывали традиционную семью, поощряя таким образом развитие новой модели воспроизводства населения и рабочей силы. В характерные черты этой новой модели входят: использование женщинами контрацептивов, растущая медицинская и социальная помощь матерям, и более научный, социологизированный подход к воспроизводству рабочей силы. Женщины, таким образом, стали обладать большей свободой с целью контроля над своей биологической участью и брачными отношениями. Этому процессу сопутствовала эволюция гражданских прав (им посвящена следующая часть), в процессе чего женщины достигли абсолютного признания в качестве индивидов, и это внесло свой вклад в развитие общественного равенства между полами в одних странах больше, нежели в других.

Третье эссе значительно более пессимистично. Несмотря на изменения в экономической структуре и конъюнктуре, автор привлекает наше внимание к продолжающемуся неравенству на рынке труда и образования. В обеих областях, в каждой дисциплине, профессии или отрасли промышленности увеличивается количество женщин, но общество, где сохраняется мужское доминирование, придумывает новые способы

для воспроизводства деления по половому признаку в области знания и труда, которое тщательно маскируется экономическими или символическими императивами. Самой недавней уловкой может считаться изобретение потребности в так называемой временной занятости или частичной занятости (работе по совместительству). Только небольшое количество женщин, имеющих самые выгодные преимущества в области образования и социального положения, могут преодолеть правила и таким образом востребовать изначальное право на труд.

По причине того что практически невозможным было для нас обсудить еще и законодательство или уделить внимание такой важной теме, как женщины и профсоюзы. Профсоюзы могут рассматриваться как зеркало, в котором отражается половое разделение труда, благодаря поддержке законодательства, защищающего женщин на рабочем месте, и благодаря собственной гендерно-чувствительной концепции рабочего места. Профсоюзы внесли достаточно большой вклад в описанные выше процессы. Во Франции женщины-члены профсоюзов, такие например как Жаннет Лао из ФДКТ и Мадлен Колен из ВКТ, попытались привлечь внимание рабочих организаций к нуждам женщин*. Некоторые женщины, представительницы рабочего класса, прониклись революционной надеждой на то, что, если большое количество женщин поступят на работу, условия труда абсолютно всех улучшатся и общество изменится к лучшему. Эта утопическая мечта 1970-х гг. погибла под обломками реальности, но только после того, как были достигнуты важные политические, материальные и символические высоты. Хотя равенство на рабочем месте до некоторой степени признано законом, без сомнения, на практике оно достигнуто не было и потому остается одним и важнейших вопросов в отношениях между полами на сегодняшний день.

---

* *Jeannette Laot.* Stratégie pour les femmes (Paris: Stock, 1977); *Madeleine Colin.* "Ce n'est pas aujourd'hui" (Femmes, syndicates, lutte de classe) (Paris: Editions Sociales, 1975), and Traces d'une vie: dans la mouvance du siècle (Paris: privately published ny Madeleine Vigne, 1989 and 1991).

13

Женская бедность, права материнства, государства благосостояния

Гизела Бок

Хотя современные государства всеобщего благосостояния появились в разные эпохи и у каждого из них своя история, после Второй мировой войны они стали достаточно похожими. Для этого понадобились многочисленные реформы, основная суть которых предполагала государственную заботу о специальной категории непривилегированных людей: тех, кто не мог себя содержать посредством оплачиваемого труда по причине производственных травм, болезни, старости и безработицы. В современном государстве всеобщего благосостояния такие категории населения переставали быть только объектом благотворительности, которая сопровождалась дискриминационными процедурами анкетирования в целях выявления размера доходов или даже потерей гражданства. Теперь считалось, что у них есть социальное право на поддержку, что входило в сферу обязательств государства. Такое социальное право имело своим источником их политические права, коими они обладали в качестве граждан, и тот вклад, который они внесли в общественную экономику в качестве наемных работников или налогоплательщиков. (Когда в 1940-е гг. термин «государство всеобщего благосостояния» появился в Британии, «всеобщее благосостояние» уже отделилось от милостыни, благотворительности или пособия по бедности.) Но до Первой мировой

войны только мужчины считались полноценными гражданами, поэтому как до, так и после войны все программы по социальному страхованию были дискриминационными по отношению к женщинам – ведь они были представлены на рынке рабочей силы и, их зарплата была ниже мужской. Бо́льшая часть реформ государственного социального сектора «была направлена скорее на рабочего-мужчину, а не на женщин или детей, которые до того времени были главными бенефициариями поддержки бедных»*. Это предубеждение широко отразилось в научных исследованиях, занимавшихся рождением социальных государств; они также в основном фокусируются на реформах, касавшихся главным образом мужчин и мужской бедности. Женщины и женская бедность появляются в лучшем случае в качестве дополнения. Подобным же образом исследования, занимающиеся социальными и политическими силами и группами давления, которые требовали, затрудняли, влияли или продвигали реформирование социальной сферы (профсоюзы, религиозные или светские группы, прогрессисты, левые, либералы или консерваторы) пренебрегали ранним («первой волны») женским движением, хотя оно и было ключевым в области социального реформирования в сфере политики по отношению к матерям и материнству.

С конца XIX века борьба женщин за политические и гражданские права была тесно связана с борьбой за социальные права и социальное обеспечение; и женские движения сосредоточились сильнее чем, когда-либо, на нуждах и интересах представительниц низших классов и беднейших слоев. Многие женщины выступали за избирательное право и полное гражданство не просто ради формального равенства с мужчинами (в некоторых странах не все взрослые мужчины могли голосовать), но ради формирования социальных практик в пользу женщин. Повсюду пред-

---

* Источником вдохновения для данного эссе послужил совместный проект, начатый в европейском университетском институте (Флоренция). Мне хотелось бы поблагодарить его участников: Иду Блом, Аннарите Буттафуоко, Анну Кова, Элизабет Элган, Яна Грёндаля, Хильду Ибсен, Джейн Льюис, Мэри Нэш, Карен Оффен, Анну-Софи Оландер, Франка Прохаску, Чиару Сарацену, Анну-Лизу Цейп, Бонни Дж. Смит, Ирен Штоер, Анджелу Тегер, Пэт Тейн и Элизабетту Вецози. Бо́льшая часть их материалов опубликована в: Maternity and Gender Policies: Women and the Rise of the European Welfare States, 1880s-1950s, ed. Gisela Bock and Pat Thane (London: Routledge, 1991; здесь цитируется как Maternity 1991). Я также благодарна Виктории де Грации за помощь в проверке данного декста. Впечатляющая работа Теды Скокполь появилась уже после того, как это эссе было впервые опубликовано. Но мне хотелось бы поблагодарить Теду Скокполь за ценные редакторские замечания по данной статье. *Theda Skocpol.* Protecting Soldiers and Mothers: The Political origins of Social Policy in the United States (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992).

Peter Flora and Arnold J. Heidenheimer, eds., The Development of Welfare States in Europe and America (New Brunswick: Transaction Books, 1981). P. 27.

ставительницы среднего класса, участвовавшие в женских движениях, начали заниматься проблемой женской бедности. Одновременно бедные женщины начали сами говорить о своих проблемах, используя новые способы выражения, ранее им неизвестные, особенно письма и автобиографии. Эти документы, проанализированные одним историком в качестве подлинного диалога между женщинами среднего и низшего классов*, иллюстрирует многочисленные связи между женской бедностью и материнством, а также растущее осознание и концептуализацию данных проблем. Например, требования женщинами среднего класса своего права на самостоятельные доходы часто включали в себя тот взгляд, что занятость и материнство не могут и не должны объединяться по крайней мере, не на ранних стадиях ухода за ребенком. Большинство представительниц низших классов, однако, вынуждено было совмещать работу по дому и полную занятость вне дома – и не потому, что они этого хотели, но по причине экономической необходимости (в конце XIX – начале XX вв. пропорция женщин на рынке труда была соответственно гораздо выше в Европе – за исключением Нидерландов и Испании, – нежели в США и Канаде). Женская бедность усиливалась рисками, которым подвергались исключительно женщины: материнством, особенно в случае многодетных матерей, или временной, а порой и окончательной потерей дохода мужа**. В результате, когда активистки феминистского движения сконцентрировались на материнстве, предметом их забот стали незамужние матери, безработные замужние женщины или замужние женщины-работницы из низших классов, женщины – фабричные работницы, вдовы или брошенные жены. Более того, феминистки обращались к матерям per se, вне зависимости от их фактической бедности, занятий или семейного положения, доказывая, что те отельные группы, которые они избрали, представляют собой крайности общих для всех женщин условий жизни· то есть состояние фактического и потенциального материнства, зависи-

* *Bonne G. Smith*. "On Writing Women's Work", Working Paper HEC 91/7, European University Institute, Florence, 1991. См.: Margaret Llewelyn Davies, ed., Maternity: Letters from Working Women (1915) (London: Virago, 1978); also ed., Life as We Have Known It, by Cooperative Working Women (1931) (New York: Norton, 1975); Arbeiterinnensekretariat des Deutschen Textilarbeiterverbands, ed., Mein Arbeitstag – Mein Wochenende: 150 Berichte von Textilarbeiterinnen (1930) (repr. Ed. Franfurt: Alf Luedke, 1990); Molly Ladd-Taylor, ed., Raising a Baby the Government Way: Mothers' Letters to the Children's Bureau, 1915–1932 (New Brunswick: Rutgers University Press, 1986); Ida Blom, Barnebegrensning – synd eller sund fornuft? (Berger, 1980). P. 64–154; Annarita Buttafuoco, Le Mariuccine (Milan: Angeli, 1985).

** *Wolfram Fischer*. Armut in der Geschichte (Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1982); Hartmut Kaelble, 1880–1980, A Social History of Western Europe (London: Gill and Macmillan, 1990).

мость от мужчин. Такое внимание к социальному положению матерей, которое можно описать как «феминистский матернализм», или «материнский феминизм», основывалось на предположении, что материнство являлось не просто «специальной проблемой» или отдельным вопросом, но объединяющим состоянием женского пола. Этот подход рассматривал как проблему женской бедности, так и добываемого мужчиной семейного дохода, и вместо требований предоставления прав бедным матерям ставил на повестку дня проблему прав матерей в целом.

В данном контексте женские движения боролись за тот вид государства всеобщего благосостояния и гражданства, которые признавали бы права и нужды не только работающих мужчин, но также и матерей, как работающих, так и находящихся дома. Они стали инициаторами и создателями важного социального законодательства, хотя в нем никогда полностью и не реализовались их самые заветные надежды и требования. Иногда им это удавалось, даже при отсутствии права голосования, как в случае с итальянской cassa di maternita в 1910 г., которая явилась одной из первых мер по созданию социальной политики в Италии; иногда благодаря пробуждению суфражистского движения, как в случае с законом о материнстве и детстве Шеппарда-Таунера от 1921 года в Соединенных Штатах, который стал не просто первым социальным законом, но также и первым политическим успехом женщин, только что получивших свои избирательные права. В других странах борьба женщин за политическое равенство выражалась в предъявляемых ими требованиях на оплату отпуска по беременности, родам и уходу за ребенком для работающих женщин и, кроме того, на единую государственную поддержку материнства, которая представлялась в виде перераспределения благ от мужчин в пользу женщин. Под давлением различных социальных и политических групп поддержки (как мужских, так и женских) это требование позднее превратилось в предложение о «пособиях на детей», которое понималось как перераспределение благ от бездетных в пользу тех, кто имел детей. Когда такие пособия появились в демократических странах — во Франции в 1930-х гг., в Британии, Норвегии и Швеции вскоре после Второй мировой войны — благодаря давлению женских групп матери стали получать прямые выплаты; пособия были введены и в государствах с диктаторскими режимами в 20–30-е гг., где женщины (так же как и мужчины) не имели политических прав. Там эти субсидии выплачивались отцам. Британская феминистка Вера Бриттен, давая оценку этим реформам в демократических странах, заявила в 1953 году, что «женский вопрос» стал основной субстанцией государства благосостояния: «Здесь женщины превратились в цель в себе, а не в средство для достижения мужских целей Государство всеобщего благосостояния явилось одновременно причиной и следствием второй волны великих изменений, с помо-

щью которых женщины за последние тридцать лет прошли длинный путь от соперничества с мужчинами до нового признания своей уникальной ценности в качестве женщин как таковых»*. В длительной борьбе за признание высокого положения материнства, материнские права и благосостояние матерей поражает преемственность определенных представлений во времени и пространстве, а также их неожиданная трансформация.

В процессе эволюции социальных государств, а также борьбы между женскими требованиями и теми претензиями, которые выдвигались группами поддержки, социальные реформы, сконцентрированные на материнстве, часто рассматривались скорее с точки зрения патерналистской протекции, нежели материнских прав. Политические лидеры-мужчины редко принимали требования полного и систематического признания высокого экономического, социального и политического статуса материнства. Вместо этого они реагировали частичными законодательными мерами, направленными на поддержку «отдельных проблемных групп населения» и разбросанными по отдельным отраслям: трудовое право, здравоохранение, законодательство о бедных, семейное право, подоходное налогообложение и т. д. Зачастую с этими проблемами справлялись с помощью реформ, которые еще глубже маскировали материнские и женские нужды посредством гендерно-нейтрального законодательства, сосредоточенного на детях или семьях, часто на отцах. Первый из приведенных ниже трех разделов имеет дело с проблемами, возникшими благодаря деятельности женских движений в разных странах. Эти проблемы касаются связей между женской бедностью, материнством и государством. Одну из них Кэтрин Энтони назвала в 1915 году движением «за деньги для женщин» наравне с движением «за право голоса»**. Второй раздел посвящен первой волне социального законодательства для матерей в период до Первой мировой войны, и третья имеет дело с женскими выступлениями и женским законодательством межвоенной эпохи, периода Второй мировой войны и временем, связанным с непосредственным окончанием войны.

1890–1930-е гг.: материнский феминизм

Одной из важнейших проблем феминистских дебатов являлась проблема материнства как работы, которую многие феминистки рассматривали не как естественную функцию, а как форму трудовой деятель-

* *Vera Brittain.* Lady into a Woman (London: Dakers, 1953). P. 224.

** *Katherine Anthony.* Feminism in Germany and Scandinavia (New York: Holt, 1915). P. 53.

ности. В 1904 году немецкая феминистка Кате Ширмахер, выдающаяся представительница Федерации прогрессивных женских организаций (Verband Fortschrittlicher Frauenvereine), резко критиковала экономическую теорию и практику за пренебрежение такой работой. На одном общественном собрании она провозгласила, что женщины «по-настоящему» работают по дому, что эта работа также является «ценной» и «продуктивной», хотя она «и может оставаться незамеченной»: «нет никакой более «продуктивной» работы, нежели труд матери, которая в одиночку, создает самое ценное — человеческое существо». Она подробно остановилась на описании тяжкого труда женщин по дому и отметила, что такого же рода труд оплачивается на рынке труда. Работа женщины по дому являлась для ее мужа «conditio sine qua non (обязательным условнем), для того чтобы он имел возможность работать вне дома»; как он, так и его наниматель, зависели от нее, и как бы ни казалось, что он работает за *двоих*, «на самом деле, он *просто* клал в карман (получал) за двоих». К. Шимахер выразила свой протест против «эксплуатации домохозяйки и матери» и настаивала на том, что женщины не должны соглашаться на другую форму эксплуатации в форме низко оплачиваемой работы, предлагаемую якобы в целях эмансипации. Общество обязано признать социальную, политическую и экономическую значимость их домашнего труда*

Доводы Ширмахер получили поддержку, однако, сделанное ею заключение о том, что труд по дому следует ценить и даже вознаградить, некоторые члены Федерации раскритиковали как «индивидуалистическое». Ширмахер жила некоторое время во Франции, где она и почерпнула их впервые в 1890-х гг., а ее работа изначально была опубликована по-французски. В этой стране труд матерей, их бедность, гражданская и экономическая зависимость от мужей и даже еще более тяжелая ситуация при условии отсутствия мужей, постоянно беспокоили феминисток. На Международном конгрессе по борьбе за женские права, проходившем в Париже в 1878 году, делегатки потребовали восемнадцатимесячной муниципальной поддержки бедных матерей. В 1892 году первая женская конференция, назвавшая себя феминистской, еще раз подчеркнула необходимость в «социальной защите всех матерей». В 1885 году Юбертина Оклер, неутомимая представительница женского суфражистского движения и, очевидно, первая женщина, которая назвала себя «феминисткой», выставила свою (исключительно легальную) кандидатуру на парламентские выборы. Ее программа

* *Kaethe Schirmacher.* Die Frauenarbeit im Hause, ihre oekonomische, rechtliche und soziale Wertung (1905) (Leipzig, 1912). P. 3–8 (частично перепечатана в: Gisela Brinker-Gabler, ed., Frauenarbeit und Beruf, Frankfurt, 1979); отчет, помещенный в: Die Frauenbewegung 11, 20 (15 Oct. 1905): 153–155.

призывала к установлению «Материнского государства» (L'Etat mère), которое заменит «государство минотавра» (L'Etat Minotaure), названное именем монстра, убивавшего и пожиравшего мужчин и женщин. Она настаивала на оказании надежной поддержки детям. В 1899 году она выступила в пользу пособий по материнству, которые должны финансироваться из налога на отцов. Несколько лет спустя она предложила введение «выплат за важные заслуги перед государством» для матерей и вновь подняла этот вопрос в 1910 году в следующем раунде выдвижения своей кандидатуры в парламент. На Международном феминистском конгрессе в Париже, состоявшемся в 1896 г., социал-феминистка Леони Рузад заявила, что «материнство является основной социальной функцией и заслуживает государственного субсидирования» и призвала всех подать в парламент петицию по этому поводу*

Этот вопрос был вновь поднят на Международном конгрессе об условиях проживания и правах женщин в 1900 году. Здесь в дебаты о правах незамужних матерей вмешалась Мари Поньон. Она предложила вместо введения исков об отцовстве, призванных точно установить личность отца и заставить его платить за ребенка (что было запрещено Гражданским кодексом Наполеона в 1804 году), создать государственный фонд для поддержки детей, который будет доступен всем женщинам, как замужним, так и одиноким, и который позволит им стать независимыми от отцов их детей. Конференция решила, что во всех цивилизованных странах следует создать caisse publique de la maternitй**. Бланш Эдуар-Пилле говорила о двойной рабочей нагрузке, которую имеют женщины – фабричные работницы, как дома, так и на работе; общество должно полностью финансировать их нужды, поскольку они пережили «непостижимое усилие материнства». Было решено, что работающие женщины должны иметь право на оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком. Проблема материнства, более того, проблема признания материнства в качестве социального служения продолжала стоять на повестке дня Национального совета по делам французских женщин, основанного в 1901 году, и Француз-

* Оклер цитируется по: *Anne Cova*. "French Feminism and Maternity: Theories and Politics, 1890–1918", in Maternity 1991; Рузад цитируется по: *Wynona H. Wilkins*. "The Paris International Feminist Congress of 1896 and Its French Antecedents", North Dakota Quarterly (1975): 23; cf. *Karen Offen*. "Sur l'origine des mots 'féminisme' et 'féministe'", Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine 36 (1987): 492–496; см. также ее: "Depopulation, Nationalism, and Feminism in Fin-de-Siécle France", American Historical Review 89 (1984): 648–676; Claire G. Moses, French Feminism in the 19th Century (Albany: SUNY Press, 1984). P. 207–208; *Laurence Klejman* and *Florence Rochefort*. L'Egalité en marche. Les Féminisme sous la Troisiéme République (Paris: Editions de Femmes, 1989). P. 260.

** Общественной кассы имопомощи матерям (фр.)

ского союза по борьбе за женское избирательное право, основанного в 1909 году. Маргарет Дюран, основательница и первый редактор ежедневной феминистской газеты «Фронда», высказалась в пользу выплат за домашний труд и страховку по материнству вместе с равной оплатой за соответствующую работу. Еще более радикальная в своих взглядах Нелли Руссель, публично защищавшая контрацепцию и в 1904 году провозгласившая «стачку женских утроб», осудила боль, ощущаемую женщинами при родах, и настаивала на том, что «из всех социальных функций,наипервейшая, великолепнейшая, наитяжелейшая, но нужнейшая, это та, которая так и не оплачивается по сей день». Руссель потребовала признания этой функции в качестве настоящего труда и высказалась за то, чтобы материнские права были компенсированы «честной зарплатой за выполнение благородной функции материнства». "Salaire de la maternitй" позволила бы женщинам, желающим пойти на это, полностью посвятить себя своим детям*.

Подобные идеи и предложения рождались во всех женских движениях западного мира на сломе веков, но французская их версия, по-видимому, появилась раньше всех и развивалась в наиболее ярко выраженных и сложных формах. Во всех странах в пользу данных предложений высказывались как радикальные феминистки, так и умеренные и социалистки, но не всегда всем миром; многие из них знали друг друга лично. В Норвегии одной из самых известных защитниц радикального толка стала Катти Анкер Мёлер, пропагандировавшая «забастовку рождаемости» и добровольное материнство; она начала активно заниматься политикой в 1900 году, когда потребовала у государства оказать помощь матерям-одиночкам. Вскоре она расширила свое требование и призвала включить туда всех матерей, и к 1918 году она подвела теоретическую базу под то, что материнство следует признать в качестве труда, за который необходимо платить достойное вознаграждение и который должен стать самым оплачиваемым женским трудом. Знаменитая шведская феминистка Эллен Кей, менее влиятельная в собственной стране, чем на международном уровне, рассматривала материнство в качестве самого благородного призвания женщины, которое государство обязано поддерживать**. В Италии наиважнейшей темой женского движения стала тема переоценки материнства, его при-

---

* *Nelly Roussel.* L'Eternelle sacrifiée (1906), ed. Daniel Armogathe (Paris: Marité Albistur, 1979). P. 55; другие цитаты взяты у: Cova, "French Feminism" и "Féminisme et natalité. Nelly Roussel (1878–1922)", in History of European Ideas 5 (1992): 662–672; Offen, "Depopulation", P. 673.

** *Ida Blom.* "Voluntary Motherhood 1900–1930: Theories and Politics of a Norwegian Feminist in an International Perspective", in Maternity 1991; Cheri

знания как главного вклада женщины в общественное развитие и в недавнее объединение итальянского государства. А с 1890-х гг. многие феминистские группы — в основном социалистического толка — начали бороться за создание cassa di maternita, страховки по материнству для фабричных работниц, которая финансировалась бы за счет взносов как мужчин, так и женщин, или за счет взносов родителей (на своих дочерей), работодателей или государства. Первый такой проект был запущен в 1894 году Паолиной Шиф от имени находившейся в Милане Lega per la Tutela degli Interessi Femminili, после чего требование о создании национального фонда поддержки материнства было предпринято Национальным женским союзом. Этот Союз созвал в 1908 году первый Национальный конгресс женщин, на котором обсуждались различные формы борьбы в защиту женщин. На нем Нина Сьерра и Бьянка Арбиб предложили введение страхования, которое позволило бы женщинам, особенно представительницам рабочего класса, посвятить себя своим семьям во время периода «активного материнства», поскольку он им будет оплачиваться*

В Германии также обсуждалось создание модели обязательного страхования по материнству. Здесь данная проблема заключалась не только в оплате отпуска по уходу за ребенком, поскольку закон 1878 года (принятый спустя год после введения в действие первого такого европейского закона в Швейцарии) уже установил обязательный трехнедельный отпуск по уходу за ребенком для фабричных работниц. Бисмарковский закон по медицинскому страхованию от 1883 года обеспечивал очень умеренные выплаты по материнству для застрахованных работниц (подобное обеспечение было принято и в Австрии в 1888 г.). Женщины потребовали тогда продления этого отпуска, включения в него других категорий работниц, и прежде всего обязательных выплат, которые равнялись бы полной зарплате или более. Некоторые феминистки выступали за введение отдельной страховки по материнству вместе той, которая помещала беременность и материнство вместе с разного рода болезнями. В 1897 и 1901 годах Лили Браун, феминистка и социалистка, впервые публично выступила в защиту независимого материнского страхования: она считала его средством освобождения матерей от бедности и, пусть временно, от безработицы. Этот проект предполагалось финансировать из налогового фонда. Отпуск по беременности включал в себя 4 недели, отпуск по уходу за ребенком — 8

Register, “Motherhood at Center: Ellen Key's Social Vision”, in Women's Studies International Forum 5 (1982): 599–610.

* *Annarita Buttafuoco.* “Motherhood as a political Strategy: The Role of the Italian Women's Movement in the Creation of the Cassa Nationale di Maternita”, in Maternity 1991.

недель. Подобно другим немецким феминисткам, она обосновывала свои требования понятием «Mutterschaft ist eine soziale Funktion»* **. Ее предложение выступило компромиссом между утопическим идеалом – взносов на материнство в течение полутора лет – и необходимостью сохранения работы. В результате многие радикальные и умеренные феминистки, а также социалистки, призвали к созданию страхования по материнству, например такие феминистки-еврейки как Алис Соломон и Генриетта Фюрц. Немецкое еврейское феминистское движение, Juedischer Frauenbund, поместило проблему утверждения высокой социальной значимости материнства в центр своих теорий и сопутствующей им деятельности. В 1905 году Всегерманский женский союз постановил в своей программе, что «женская работа» в семье «должна цениться как экономически, так и законодательно, в качестве полностью правомерного культурного вклада»; но президент Союза Хелена Ланг разъяснила, что слишком «преждевременным» было бы попытаться вычислить ценность этой работы в конкретных цифрах, поскольку такой подход «еще не стал частью общего сознания». В Германии некоторые феминистки зашли так далеко, что потребовали государственной поддержки для всех матерей. Среди них была и Анна Аугшпруг. А в 1902 году Хелена Штёкер (одна из основательниц Bund fuer Mutterschutz в 1904 году) загорелась идеей «финансовой независимости» домохозяек и матерей. В 1909 году Ширмахер выразила протест против разницы в мужской и женской зарплате; разница эта, оправдываемая мужской ролью добытчика, равнялась «премии по половому признаку» или «семейному пособию», которое в действительности полагалось женам и которое следовало бы выплачивать им напрямую. Она в особенности критиковала тот факт, что «премия по половому признаку» также часто выплачивалась и холостякам: «Его оплата труда включает в себя и заработок законной жены, и его зарплата увеличивается, чтобы он мог купить незаконную жену (что означает услуги проститутки в случае с холостыми мужчинами): «семейное пособие» таким образом означает двойной грабеж женщин»***

---

* Материнство есть социальная функция (нем.)

** *Lily Braun*. Die Frauenfrage (Leipzig, 1901). P. 547; Die Mutterschaftsversicherung (Berlin, 1906); *Irene Stoehr*. "Housework and Motherhood: Debates and Policies in the Women's Movement in Imperial Germany and the Weimar Republic", in Maternity 1991; Alfred G. Meyer, The Feminism and Socialism of Lily Braun (Bloomington: Indiana University Press, 1985).

*** *Kaethe Schirmacher*. Wie und in welchen Masse laesst sich die Wertung der Frauenarbeit steigen (Leipzig, 1909). P. 12 (перепечатано в: *Brinker-Gabler*. Frauenarbeit); другие цитаты взяты из: Stoehr, "Housework". См.: *Marion Kaplan*. The Jewish Feminist Movement in Germany: The Campaigns of the Juedischer Frauenbund, 1904–1938 (Westport, Conn.: Greenwood Press, 1979).

В Британии Элис Рассел требовала «оплаты материнства» уже в 1896 году, когда она поставила под сомнение предположение, выдвинутое Августом Бебелем о том, что только социализм поможет женщинам освободиться. Она критиковала его и за то, что он уделял внимание женщинам только как промышленным работницам, но не матерям, и за превращение «женского вопроса» в простое дополнение к рабочему вопросу. С ее точки зрения более высокие зарплаты, признание социальной значимости материнства и равные законы для мужчин и женщин стали возможны только в «индивидуалистическом обществе»*. В то же время материнское движение развивалось, и спустя несколько лет этот вопрос обсуждался уже более широко. Среди первых, выступивших в его поддержку, стала Женская Рабочая Лига (женщины, входившие в лейбористскую партию), которая в 1907 году потребовала денежной помощи для нуждающихся матерей, чтобы «дать им возможность ухаживать за детьми, а не работать, чтобы прокормить себя». В 1909 году ее члены обсуждали идею «выплат по материнству» на основе государственного финансирования – сам термин появился вскоре после – будут ли они только помощью по родам или постоянным доходом матерей, и снизят ли они средний заработок у мужчин, ибо им более не понадобится содержать жен и детей. Другие женские организации возражали против этой «печальной тенденции рассматривать работу жены и матери по дому, как не имеющую денежной ценности»**. Государственные выплаты по материнству или материнские пенсии (этот термин употреблялся часто для обозначения выплат вдовам и другим нуждающимся женщинам) особенно поддерживались членами Фабианской Женской группы и Женской Гильдией Сотрудничества, членами которой в основном являлись женщины-представительницы рабочего класса. Такие выплаты рассматривали как средство для достижения женщинами экономической независимости и признания социальной ценности рождения детей. В 1914 году Мабель Аткинсон заявила, что в отличие от представительниц среднего класса, женщины-работницы не чувствуют себя исключенными из внешнего мира труда, и им скорее нужно не «право на работу, но прежде всего защита от бесконечного бремени тяжкого

** Цит. по: Carol Dyhouse, Feminism and the Family in England 1880–1939 (Oxford: Basic Blackwell, 1989). P. 191–192.

*** Женский Промышленный Совет (1911), цит. по: Jane Lewis, "Models of Equality for Women: The Case of State Support for Children in 20th-Century Britain", in Maternity 1991. Предыдущие цитаты взяты у: Pat Thane, "Visions of Gender in the Making of the British Welfare State: The Case of Women in the British Labour Party and Social Policy, 1906–1945", in Maternity 1991. См.: Frank Prochaska, "A Mother's Country: Mothers' Meetings and Family Welfare in Britain, 1850–1950", History 74 (1989): 379–399.

труда». По ее мнению, вопрос являлся исключительно политическим: «государственные выплаты все яснее и яснее понимались как окончательный идеал феминистского движения». Поскольку «ни одно гражданское действие не есть более фундаментально», нежели рождение и воспитание детей, женщин следует вознаградить за исполнение обеих этих задач. Во время и сразу после Первой мировой войны Беатрис Вебб, и особенно Элеанор Ратбон, разработали экономическую теорию пособий по материнству, основанных на радикальной феминистской критике мужского семейного заработка и традиционной разницы в мужской и женской зарплате. «Равную оплату за соответствующую работу» вне дома следовало дополнить выплатами по материнству, которые следовало бы полностью отделить от традиционной системы заработной платы и которые служили бы в качестве «вознаграждения заслуг женщин», так же как и противоядием против негативных последствий принципа «равная оплата за труд равной ценности», часто проповедовавшегося профсоюзами с целью предотвратить процесс замены мужчин женщинами с минимальными последствиями и ограничить их до «неравноценной» работы*

В 1915 году Кэтрин Энтони поведала американским феминисткам эти европейские взгляды. Она рассматривала «экономическую ценность материнства» и «принцип государственной поддержки материнства» как «одну из самых значимых глав в истории изменяющегося положения женщины»; даже если выплаты были минимальными и на первоначальном этапе, это все равно было бы важным, поскольку сохранило бы «оплачиваемый отпуск» на работе и происходило «из других источников, помимо ее мужа», что открывало путь к независимости и фундаментальными изменениям в отношениях полов. Она нашла подтверждение своим идеям, когда начала исследование бедного состояния американских женщин-матерей, представительниц рабочего класса, которые были вынуждены работать в дополнение к своим семейным обязанностям, и изложила все это во введении к американскому изданию отчета Комитета по изучению семейных выплат, составленного Ратбон**. Хотя публично ответили на ее призыв к признанию материнского труда и требованию его оплаты лишь немногие лидеры американского феминизма, она была не единственной, выступившей

---

* Аткинсон цит. по: Dyhouse, Feminism. P. 65–66, 93; см. также р. 96–104; *Eleanor Rathbone*. The Disinherited Family (1924), перепечатано с введением Сьюзи Флеминг (Suzy Fleming, Bristol: Falling Wall Press, 1986); Mary Stocks, The Case for Family Endowment (London, 1927), ch. 3; Lewis, "Models of Equality".

* *Anthony*. Feminism. P. 117, 127 (цитаты); *Anthony*. Mothers Who Must Earn (New York: Russel Sage Foundation, 1914); ее введение к: The Endowment of Motherhood (New York, 1920).

в его поддержку. Даже более раннее и более консервативное женское клубное движение и такие организации, как Женский христианский союз трезвости поместили женские домашние обязанности в центр своей активисткой работы, настаивая на их общественной важности и иногда требуя, что они «должны находиться среди отраслей, подлежащих компенсации, в любом цивилизованном государстве». Некоторые радикальные феминистки, например такие как защитница контроля над рождаемостью Кристал Истмен, твердо считали, что воспитание детей следует «признать в качестве работы, требующей определенного экономического вознаграждения, а не заставляя ее исполнительницу находится в зависимости от какого-то мужчины». Параллельно этим консервативным и радикальным высказываниям другие феминистские группы защищали подобные же требования: реформаторы-прогрессисты, такие как Джейн Адамс и Софонизба Брекинридж; феминистки, основавшие (в 1912 г.) и управлявшие Детским Бюро при министерстве труда в США, Лилиан Вальд, Флоренс Келли, Джулия Латроп и Грейс Эббот; движение матерей, основанное в 1890-х гг., которое затем превратилось в Национальный конгресс матерей. Широкое движение пришло к требованию «пенсии по материнству» для нуждающихся матерей. Его оппоненты критиковали такого рода субсидии на том основании, что они не являлись естественным вознаграждением за материнский труд и открыли бы порочный путь к требованию установления единых материнских выплат для всех. Тем не менее как женщины, получавшие пенсию, так и те, кто ее не получал, начали рассматривать такие выплаты как свое неотъемлемое право*

Нет необходимости говорить, что, хотя многие женщины во многих странах сражались за признание материнства в качестве работы и за единое вознаграждение или частичную поддержку от государства, феминистки были далеки от единодушия по вопросам стоящего за этим социального анализа, ви́дения будущего общества и стратегии по освобождению женщин; даже те, кто разделял с другими взгляды по поводу этих серьезных вопросов, были не согласны по многим практическим аспектам. Более того, не все феминистки, поддерживавшие все или некоторые из предложенных взглядов, придерживались своей

** *Karen J. Blair.* The Clubwoman as Feminist: True Womanhood Redefined, 1868–1914 (New York: Holmes ad Meier, 1980). P. 30 (цитата), 42; *Crystal Eastman.* Now We Can Begin, перепечатано у: *Blanche Wiesen Cook.* ed., Crystal Eastman: On Women and Revolution (New York: Oxford University Press, 1978). P. 54–57; Mary Madeleine Ladd-Tylor, "Mother-Work: Ideology, Piblic Policy, and The Mothers' Movement, 1890–1930", Ph.D. diss., Yale University, 1986, esP. chs. 2–4; *Lela B. Costin.* Two Sisters for Social Justice. A Biography of Grace and Edith Abbott (Urbana: University of Illinois Press, 1983).

точки зрения на протяжении всей своей жизни; для некоторых – они являлись лишь отправной точкой, для других – пунктом назначения. Во всех упомянутых странах имели место подобного рода дебаты.

Главным возражением против требования введения материнских выплат являлось то, что оно было исключительно «индивидуалистическим» и эгоистичным. Кэтрин Глейзер из Британской Независимой Рабочей Партии порицала его за то, что оно являлось «явно индивидуалистической стадией «бунта» – битвы наших женщин за свободу». А Шарлотта Перкинс Гилман продолжала, выступая против Эллен Кей, что женщины должны искать власти «не для себя, но с целью принести пользу обществу». Выплаты матерям выражали неуместное недоверие мужьям н тому, как они распоряжаются семейным доходом, и это могло подорвать семейные узы*. Британский социальный работник Анна Мартин, также как и Марианна Вебер (немка, жена Макса Вебера) сформулировали самое распространенное возражение, а именно о том, что выплаты по материнству и «зарплата за домашнюю работу» только навредят женщинам – они освободят мужчин от несения ответственности за жену и детей, подрывая таким образом стимул к зарабатыванию денег и прокладывая дорогу не к женской, а к мужской «эмансипации». Обе высказались в пользу равного деления заработка супруга, а Вебер провозгласила, что жена имеет законное право на деньги для домашних нужд, кроме денег для нее самой. Но обе они понимали, что это не принесет женщинам ничего хорошего, поскольку их труд по дому был самым тяжелым, так как мужья мало зарабатывали.

Были и другие взгляды. Многие феминистки боялись, что не хватит государственных ресурсов для такого рода компенсационных платежей. Еще более проблемным виделось превращение «труда любви» из потребительской стоимости в меновую стоимость. Некоторые женщины считали это «аморальным», «неестественным» и «чудовищным»**. Немка Мария Лишневска продолжила их мысль о том, что работе вне дома является более продуктивной, нежели работа по дому, так что безработная домохозяйка находится только в положении «потребительницы» и иждивенки», и не имеет никакой ценности для национальной экономики. Она также идеализировала замужнюю фабрич-

---

* Цит. по: *Dyhouse*. Feminism, P. 91, и из: *Ladd-Tylor*. Mother-Work, P. 148; см. также комментарии по поводу Ширмахер, а также замечания, принадлежащие Рассел (цитированные выше) и сноску 39 внизу.

** Цит. по: *Dyhouse*. Feminism, P. 90, 92; *Cova*. "French Feminism",; об Анне Мартин см.: *Lewis*. "Models of Equality"; *Marianne Weber*. "Zur Frage der Bewertung der Hausfrauenarbeit" (1912), in Frauenfragen und Frauengedanken (Tuebingen, 1919). P. 80–94; *Anthony*. Feminism. P. 118–119.

ную работницу, совмещавшую работу по дому и работу на фабрике, в качестве «прототипа Новой Женщины». При обсуждении социального положения матерей в контексте рабочего класса и фабричного законодательства оппоненты мер по облегчению их положения считали, что не следует вводить какого-либо специального законодательства для женщин-работниц, поскольку это снизит их конкурентоспособность на рынке рабочей силы и закрепит предрассудки по поводу женской слабости. (Эта тема стала предметом знаменитого спора между Анной Марией Моццони и Анной Кулишофф в Италии). Другие выражали сомнения по поводу выплат матерям-одиночкам, поскольку они могли стать причиной беспорядочности в половых отношениях и нежеланного потомства*

Несмотря на эти возражения большинство феминисток, включая и тех, кто отвергал пособия по материнству, сделали материнство центральной темой своих взглядов на освобождение женщин. В их основе лежало желание узаконить женское движение за избирательное право (как в США), также как и доступ женщин к нетрадиционным и хорошо оплачиваемым профессиям (как в случае с германской феминистской концепцией «духовного» и «организованного материнства»). С другой стороны те, кто поддерживал пособия по материнству, не всегда разделял точку зрения других на такие проблемы, как контроль над рождаемостью, значение брака, организацию домашнего труда и женское рабочее законодательство. Только очень немногие женщины возражали против пособий по материнству, ссылаясь на то, что они будут вынуждать того не желающих женщин исполнять материнские обязанности. Одной из таких женщин была Шарлота Перкинс Гилман, которая видела свои цели в социализации и профессионализации ухода за детьми. Как часто отмечалось в то время большинство женщин и феминисток, представительниц всех политических и классовых групп, а также всех направлений феминизма, разделяли то предположение, что домашний труд и уход за детьми, почитаемый или эксплуатируемый, в любом случае являлся женским занятием — даже если это не относилось и ко всем женщинам**

---

* Лишневка цит. по: *Stoehr.* "Housework and Motherhood"; *Franca Pieroni Bortolotti.* "La Kuliscioff e la questione femminile", in Anna Kuliscioff e l'eta del firomismo. Atti del Convegno di Milano 1976 (Rome: Avanti, 1978). P. 104–138; Rathbone, The Disinherited Family. P. 369–370.

** *Aileen S. Kraditor.* The Ideas of the Woman Suffrage Movement, 1890–1920 (New York: Anchor Books, 1971). P. 91; *Irene Stoehr.* "'Organisierte Muetterlichkeit': Zur Politik der deutschen Frauenbewegung um 1900", in Karim Hausen, ed., Frauen suchen ihre Geschichte (Munich: Beck, 1983). P. 225–253; Ladd-Taylor, Mother-Work, P. 256; Ellen Ross, "Fierce Questions and Taunts': Married Life in Working Class London, 1870–1914", in Feminist Studies 8 (1982): 575–602.

Феминистки, настаивавшие на том, что материнство является социальной функцией, а не просто психологическим, частным или индивидуальным делом, бросили вызов традиционной культурной дихотомии между приватным/личным и публичным/политическим и выступали за новое видение их отношений не только в контексте общества в целом*, но и во взаимосвязи с домом и материнством. Этим они окончательно порвали с тем направлением, которое позднее стали называть «биологическим» взглядом на пол (термин «биология» еще не использовался в начале XX века). При описании женских прав и обязанностей часто использовалось понятие «женская природа», которое, с одной стороны, отдавало дань, а с другой – бросало вызов просвещенческому дискурсу о «естественных правах человека». Этот дискурс отлучил женщин от гражданских прав на основе тезиса о «природе», которая казалась просветителям разной у мужчин и женщин. Теперь женщины требовали признания своих гражданских прав, исходя из тезиса о своей особой значимости и своего уникального вклада в общественное развитие. Требуя прав, вознаграждения и защиты того, что раньше являлось их частным и личным делом, они ставили под сомнение не столько вопрос о распределении труда между мужчинами и женщинами, сколько вопрос о соотношении между неоплачиваемым и оплачиваемым трудом (оба должны были оплачиваться в соответствии с их ценностью). Таким образом, вставал и вопрос гендерном характере власти – об отсутствии и наличии власти (включая «власть корзины», как назвала ее Женская Гильдия Сотрудничества). Более радикальные феминистки подвергали сомнению структуру общества как таковую, которая должна сосредоточиться вокруг женской деятельности и вознаграждении оной, но не вокруг мужской деятельности и их заработка. Многие из них считали, что защита материнства послужит не только женщинам, но и обществу в целом, и что поэтому, по словам итальянки Эрзилии Майно, «требования феминисток есть требования, ведущие к благосостоянию общества»**

Феминистки, считавшие, что государственные пособия матерям являются адекватной стратегией для освобождения женщин, обычно подчеркивали как высокую значимость материнства, так и его эксплу-

---

* *Paula Baker.* "The Domestication of Politics: Women and American Political Society, 1780–19120", in American Historical Review 89 (1984): 620–647.

** *Ersilia Majno Bronzini.* "Vie pratiche del femminismo" (1902), цит. по: *Buttafuoco.* "Motherhood as a political Strategy"; *Jean Gaffin* and *David Thoms.* Caring & Sharing: The Centenary History of the Co-operative Women's Guild (Manchester: Co-operative Union, 1983). P. 43. О просвещенческой концепции природы человека и его гражданских прав см.: *Carole Pateman.* The Sexual Contract (Cambridge: Polity Press, 1988).

атацию. По словам Хелены Штёкер: «В материнстве скрыты как самые глубокие корни рабства, так и возможности для освобождения женщин»*. Феминистки жестоко критиковали ориентированные на мужчин социальные ценности, «доктрину превосходства, доминирования мужественности». Но они разделяли традиционную «цель» эпохи Просвещения, позднее унаследованную феминизмом и заключавшуюся в стремлении к достижению «равенства» как в экономическом, также как и в политическом плане. Нелли Руссель, например, определяла феминизм как «доктрину природной эквивалентности и социального равенства полов»**. Эти феминистки требовали равенства с мужчинами на основании того, что материнскую деятельность следует признать за труд, хотя и с той важной — и гордо выраженной — разницей, что этот труд и есть самый благородный и необходимый. Предполагалось, что государственные выплаты по материнству помогут достижению такого рода равенства, в той мере, в какой они посодействуют независимости (от работодателей или мужей) и обеспечат «равную оплату за соответствующую работу». При этом, чтобы «достичь» равенства, женщинам не следует придерживаться превалирующих мужских ценностей — скорее они надеялись подорвать, заменить, или по крайней мере дополнить их. У феминисток не было иллюзий по поводу того, что равное отношение освободит женщин, особенно в тех случаях, когда оно будет сопровождаться неравными результатами или «равной нищетой». Они не были убеждены в том, что экономическое, социальное и политическое равенство требует, чтобы женщины и мужчины выполняли одни и те же функции. Не считали они и того, что женщины и мужчины в сущности идентичны друг другу. Они не умаляли разницу между полами, но настаивали на том, что женщины имеют право на отличие, и рассматривали данный подход не как выражение безвластия и покорности, но женской гордости, могущества и самоутверждения. Французские феминистки суммировали данные принципы в лозунге «l'йgalitй dans la difference»***. Ширмахер в своей речи от 1904 года охарактеризовала это следующим образом: «Мы живем в «мужском мире», созданном мужчиной прежде всего для себя, по своему собственному образу и подобию, для своего удобства. В этом мире мужчина сделался мерой всех вещей и существ, и мерой женщин в том числе. Кто бы ни пожелал стать с ним на равных, должен быть равен ему, делать тоже, что и он, с целью сохранить его уважение. Для него,

* *Helene Stoeker.* "Der Kamp gegen den Geburtenrueckgang", Die neue Generation 8, 11 (1912): 602.

** *Nelly Roussel.* "Qu'est-ce que le 'Feminisme'"? La Femme Affarnchie 2 (Sept. 1904), цит. по: Cova, "Féminisme et natalité".

*** Равенство в отличии (фр.)

равная ценность подразумевает одинаковость; только ассимиляция подойдет в качестве равенства». Она отвергла предположение о том, что женская деятельность менее важна, чем мужская. Право на равенство сосуществует с правом на отличие. В Италии начала века этот взгляд стал называться «социальным феминизмом» или «практическим феминизмом». Сегодня эта форма феминизма вновь подлежит анализу и обсуждению, особенно в тех подходах, которые отличают «равенство» («справедливость») и «социальный феминизм», «индивидуалистчиеский» и «относительный» феминизм, «либеральный» феминизм и феминизм «всеобщего благосостояния», «политический» и «домашний» феминизм*. Эти явно взаимоисключающие – хотя в действительности они часто накладываются друг на друга – категории (второй термин в каждой паре включает материнский феминизм в вышеописанной форме) указывают на важную роль материнства в теориях, требованиях и надеждах на освобождение, питавших ранние женские движения.

Материнство и государственные пособия в период Первой мировой войны.

Пик материнского феминизма совпал с новым законодательством, предназначенным для обеспечения благосостояния матерей и детей, хотя бы посредством денежных пособий – составляющих тему данного раздела – или посредством такого рода услуг. В период до и после Первой мировой войны большинство правительств развитых индустриальных государств и развивающихся стран разработали такого рода законодательство. Реформа совершенно не удовлетворила запросы феминисток, как с точки зрения суммы субсидий, так и распространенности их выплат. Выплаты предназначались либо определенным категориям работающих женщин, прежде всего фабричным работницам, либо нуждающимся матерям, одиноким или вдовам. Однако даже по отношению к указанным выше категориям лиц воздей-

* *Buttafuoco.* "Motherhood as a political Strategy"; Naomi Black, Social Feminism (Ithaca: Cornell University Press, 1989); *J. Stanley Lemons.* The Woman Citizen: Social Feminism in the 19120s (Urbana: University of Illinois Press, 1973); Karen Offen, "Defining Feminism: A Comparative Historical Approach", Signs 14 (1988): 119–157; Jennifer Dale and Peggy Foster, eds., Feminists and State Welfare (London: Routledge and Kegan Paul, 1986). P. 5–8; Daniel Scott Smith, "Family Limitation, Sexual Control, and Domestic Feminism in Victorian America", in Lois Banner, ed., Clio's Consciousness Raised (New York: Harper and Row, 1974). P. 119–136.

ствие этих социальных мер оказалось совершенно неэффективным по причине бюрократических процедур, проверки доходов, контроля за нравственностью, и небольшой суммы пособий. И хотя законодательство по-прежнему придерживалось традиции либо законов о бедных, либо рабочего законодательства, тем не менее, это был уже прорыв по сравнению с прошлым. Этот прорыв отразился и в сильном сопротивлении данным реформам во всех странах. В то же время он проложил путь к правам отцов и универсальным социальным правам, ставшим основой будущих государств всеобщего благосостояния. Пока лишь немногие женщины имели право голоса и могли избираться (до конца Первой мировой войны женщины получили избирательные права в Австралии, Финляндии, Новой Зеландии, Норвегии, Дании, Нидерландах и Советском Союзе; в 1918 году в Швеции, Британии, Германии и Австрии; в 1920 г. – в США и Канаде), они боролись за введение данного законодательства и в большей или меньшей степени достигли успеха.

В Италии именно лоббирование женских организаций привело к созданию в 1910 году национальной cassa di maternita. Фонд был основан за счет страховки, которая финансировалась самими женщинами-работницами, работодателями и государством. Пособия по материнству предполагались к выплате фабричным работницам на все время обязательного отпуска по уходу за ребенком, но суммы были слишком малы, а взносы слишком велики, так что большинство женщин не смогло воспользоваться данным преимуществом. В Соединенных Штатах первый закон о пенсиях по материнству был введен в Иллинойсе в 1911 году, а к 1919 году 39 штатов стали обеспечивать какую-либо форму финансовой помощи матерям. Такая помощь оказывалась при соблюдении двух условий: экономической нужды и отсутствия помощи мужа, и таким образом получали ее, прежде всего, вдовы, но в некоторых штатах, также и матери-одиночки, брошенные или разведенные матери. Во Франции recherchй de la paternitй вновь разрешили в 1912 году, и по крайней мере в теории, отцы детей, находящихся в младенческом возрасте, были обязаны поддерживать их*. Закон Ангерана от 1909 года гарантировал сохранение работы женщинам,

* Об Италии см.: *Buttafuoco*. "Motherhood as a political Strategy". О США см.: *Anthony R. Travis*. "The Origins of Mothers' Pensions in Illinois", Journal of the Illinois State Historical Society 67 (1975): 421–428; *Ada J. David*. "The Evolution of the Institution of Mothers' Pensions in the United States", American Journal of Sociology 35 (1930): 573–587; Ladd-Taylor, Mother-Work, ch. 4. О Франции см.: Cova, "French Feminism"; Mary Lynn Stewart, Women, Work, and the French State: Labour Protection and Social Patriarchy, 1879–1919 (Kingston, McGill-Queen's University Press, 1989), ch. 8; *Robert Talmy*. Histoire du movement familial en France (1896–1939) (Paros: Union Nationale des Caisses d'Allocations Familiales, 1962). Vol. 1. P. 159–163.

которые находились в таком отпуске на протяжении восьми недель до и после родов, но этот отпуск по уходу за ребенком не являлся обязательным и его не оплачивали (за исключением учителей государственных школ, получившим в начале 1910 года право на продолжение получения своего заработка во время такого отпуска) .Понадобилось еще четыре года жесткого давления и близкого сотрудничества феминисток с некоторыми поддерживавшими их дело членами парламента, чтобы наступили реальные изменения. В июне 1913 года был принят Закон Штрауса и еще один финансовый закон, по которым определенные работодатели должны были давать отпуск по уходу за ребенком, и, что еще важнее, эти законы даровали пособия определенным категориями женщин-работниц в оплату отпуска по уходу за ребенком. В июле того же года нуждающиеся семьи с четырьмя и более детьми получили пособня, а в декабре это право распространилось на некоторые категории гражданских служащих; но в обоих случаях пособия выдавались отцам, и такие феминистки как Нелли Руссель сильно возражали против этого. Эти три закона вымостили путь к созданию французского государства всеобщего благосостояния, особенно в области выплаты единых детских пособий.

В Германии феминистские дебаты инициировали поправки от 1903, 1908 и 1911 гг. к трудовому законодательству и закону о здравоохранении; теперь период выплат по родам продлевался до восьми недель, размер пособий увеличивался, а также было включено необходимое страхование для домашних слуг. Однако эти поправки не коснулись жен застрахованных работников, но жены могли застраховать себя сами на добровольной основе. В Британии закон о национальном страховании впервые появился в 1911 году. Женская Гильдия Сотрудничества добилась включения в него разделов о материнских пособиях, но не только для застрахованных женщин, но и для зависимых от них иждивенцев. Когда в 1911 году этот закон вступил в силу, но платежи стали осуществляться отцам, Гильдия вновь начала борьбу, длившуюся до 1913 года, когда пособие (в 30 шиллингов) стало выплачиваться самим матерям. По закону о материнстве и детстве от 1918 года созданы социальные клиники для нуждающихся матерей и разработаны системы по оказанию им социальных услуг, включив в себя некоторые из тех положений, которые феминистки обсуждали на протяжении предыдущих лет. В Нидерландах закон от 1913 года об обязательном медицинском страховании включал в себя раздел о материнских пособия, а в Дании выплаты по материнству вошли в программу добровольного страхования от 1915 года. В Норвегии в 1909 и 1915 гг. были введены пособия по родам для работающих женщин, а закон о детстве от 1915 года гарантировал финансируемые из налогов пособия одиноким

(незамужним, овдовевшим, разведенным и брошенным) матерям, которые были слишком бедны и не могли самостоятельно растить своих детей. Законопроект выдержал в парламенте жестокое сопротивление консерваторов под руководством Юхана Катсберга, бывшего министра правосудия и зятя Катти Анкер Мёллер. Но пособия все равно были невелики и зависели от заключения наблюдателей за моральным обликом женщин; «плохие матери» исключались, а детей у них отбирали; более того, выплачиваемых сумм не хватало на прокорм, и от матерей ожидалось, что они будут искать работу, чтобы иметь дополнительные средства на содержание своих детей. В Швеции закон от 1900 года обязывал работодателей давать отпуск по уходу за ребенком на четыре (затем на шесть) недель после родов, но без каких-либо выплат. Понадобилось еще двенадцать лет для того, чтобы внести законопроект о материнской страховке; но он не был принят на том основании, что такие пособия должны стать частью системы обязательного страхования, которая тогда еще не существовала. Только в 1920-е гг., когда шведские женщины стали заседать в парламенте, этот вопрос был вновь поднят. Однако результаты также являлись разочаровывающими: закон о детстве 1924 года предполагал вмешательство в семейные дела только в случае насилия над ребенком, и определил всего несколько категорий, подлежащих экономической помощи*

В 1917 году Джулия Латроп, глава Бюро по делам детства правительства США, подготовила очень впечатляющий международный обзор проектов по помощи родам и материнству, которые спонсировались государством, «в надежде, что такая информация может оказаться полезной народу одной из немногих великих держав, который еще не имеет системы государственного или национального вспомоществования материнству – народу Соединенных Штатов»**. В ее отчет вошли пятнадцать стран, в большинстве своем европейских. Обычно, выплаты предназначались лишь работающим матерям, и, кроме Италии и Франции, пособия являлись частью национальных программ по медицинскому страхованию; только австралийский закон от 1912 года гарантировал выплаты по материнству своим «гражданкам» (австралийские женщины получили право голоса в 1901 году), вне зависимости от их семейного или профессионального положения. Несмотря на разницу в законах и, более того, на разницу в их реализации, эти меры демонстрируют международную тенденцию по введению социального обеспечения для матерей, или, скорее, для отдельных групп матерей.

* См.: Maternity 1991.

** *Julia Lathrop.* introd. to *Henry J. Harris.* Maternity Benefit Systems in Certain Foreign Countries (Washington, D. C.: US Department of Labor, Children's Bureau, Publication no. 57, Government Printing Office, 1917).

Они удивительно похожи друг на друга, и не только в свете политических, экономических и социальных различий между странами, но также и в ракурсе разных проблем, на решение которых было направлено каждое из национальных законодательств. В Италии и Франции внимание к матерям частично явилось ответом на более раннюю, но широко распространенную практику отказа от детей и оставления их на попечение кормилиц; многие бедные женщины-работницы – замужние и одинокие – оставляли своих детей в сиротских приютах, поскольку были не способны их кормить. В обеих странах те женщины, которые говорили о ценности материнства, надеялись на отмену данных приютов. В Соединенных Штатах пенсии по материнству в конце концов были введены с целью прекратить практику помещения детей, чьи матери работали вне дома или чьи отцы не могли содержать своих детей, в сиротские дома, содержавшиеся частными благотворительными организациями, поскольку эти дома считались холодными и бесчеловечными; в Британии «воспитание детей за плату» также подвергалось подобной критике*. В этих странах общественный и профессиональный институт по уходу за ребенком подлежал замене частным, пусть и государственно финансируемым, материнством.

Несмотря на все его недостатки, которые часто отмечали феминистки, предвоенное законодательство о материнстве, безусловно, улучшило положение матерей. Более того, долгосрочные последствия законодательства стали еще более фундаментальными: государство осознало, пусть неохотно и частично, необходимость поддержки матерей. Многие феминистки рассматривали это как первый шаг к признанию «социальной функции» материнства и полного гражданства женщин на своих собственных условиях. При этом данное законодательство не просто «отвечало» на запросы феминисток или тяжелое положение матерей, даже пусть и существовала необходимость в использовании такой риторики с целью преодоления сильного сопротивления со стороны традиционалистов. Среди других повлиявших на законодателей мотивов самый важный заключался в понимании растущего осознания обществом постоянного упадка в показателях рождаемости в совокупности

* *Volker Hunecke*. I trovatelli di Milano (Bologna: Il Mulino, 1988); Rachel G. Fuchs, "Legislation, Poverty, and Child-Abandonment in 19th-Century Paris", Journal of Interdisciplinary History 18 (1987): 55–80; *Angela Taeger*. "L'Etat, les enfants trouvés et les allocations familiales en France, XIXe et XXe siécles", Francia 16 (1989): 15–33; Pat Thane, "Infant Welfare in Britain, 1870s-1930s", unpubl. Paper, 1990; *Linda Gordon*. "Single Mothers and Child Neglect, 1880–1920", American Quarterly 37 (1985): 173–192; Ann Vandepol, "Dependent Children, Child Custody, and the Mothers' Pensions: The Transformation of State-Family Relations in the Early 20th Century", Social Problems 29 (1982): 221–235.

с повышением заинтересованности в росте населения, размер которого стал рассматриваться в качестве главного показателя государственной мощи и гордости. Хотя этот феномен и являлся интернациональным, характерным для всех индустриальных государств, впервые он дал о себе знать во Франции, поскольку здесь упадок рождаемости начался раньше всех, а поражение Франции в войне против плотно населенной Германии в 1871 году придало данной проблеме оттенок споров о национальном могуществе и европейской гегемонии. Но с начала XX века многие люди во многих странах остро чувствовали угрозу упадка рождаемости; мнимые и настоящие эксперты искали меры предотвращения этого процесса, или обращения его в противоположную сторону. Два самых начальных подхода предполагали: борьбу против детской и младенческой смертности, которая вела к мерам по принятию социального обеспечения для детей; и борьбу с материнской смертностью, что вело к мерам по принятию социального обеспечения матерей. Нет смысла упоминать о том, что оба эти подходы были тесно связаны между собой.

Как только пришло осознание того, что упадок рождаемости, который начался среди высших классов, достиг рабочего класса — в Британии и Германии около 1900 года, а в Италии гораздо позже — общество начало интересоваться бедными матерями, матерями-одиночками и женщинами-фабричными работницами, особенно в тех странах, где имелось значительное количество женщин-работниц, а именно во Франции, Британии и Германии. «Забастовка рождаемости» часто приписывалась феминисткам, младенческая смертность — материнской «халатности», а детская и женская смертность — женской занятости, в особенности в фабричной работе; в условиях исключительно низкой женской заработной платы и ужасных условий, в которых трудились женщины в начале XX века, эта последняя гипотеза похожа на правду*. Однако ни в одной стране не было предпринято законодательной инициативы по изъятию женщин из системы фабричного труда или из системы занятости в целом, и в любом случае женщины-работницы не могли себе позволить полностью посвятить себя дому и детям, поскольку благосостояние семьи зависело от их заработка. Ввиду того, что введение отпусков по уходу за ребенком и пособий для женщин-фабричных работниц подогревалось надеждой на изменения в упадке рождаемости, они не имели своей целью вытеснить матерей с рынка труда, но в намерения входило помочь им совмещать работу и мате-

* *Carol Dyhouse*. "Working-Class Mothers and Infant Mortality in England, 1895–1914", Journal of Social History 12 (1978): 248–267; *Rachel G. Fuchs*. Abandoned Children: Foundlings and Child Welfare in 19th-Century France (Albany: SUNY Press, 1984).

ринство, пусть только на период беременности и рождения ребенка. При этом социальная политика в области материнства предполагала не только максимальный процент сохранения рожденных детей, но и на повышение количества детей в будущем. Поэтому их следует рассматривать как часть нового вида пронатализма. Риторика и политика, появившиеся в первой декаде столетия, развивавшиеся в 1920-е гг. и не сдававшие свои позиции в 1930-х гг., рассматривали социальное обеспечение материнства как способ влияния на людей, которые хотели иметь детей, но чувствовали, что не могут себе этого позволить по причине высокой занятости и бедности.

Такая политика в области материнства имела под собой различные и иногда противоречивые основания, во многом она совпадала с феминистскими требованиями признания материнских прав. Представительницы материнского феминизма желали, чтобы материнство было признано как одна из гражданских функций женщин; в то же самое время пронаталисты рассматривали женщин в качестве национальных активов именно потому, что те являлись матерями. Так, в экономических терминах, «забастовка рождаемости» работала в качестве стачки в ее чисто пролетарском понимании: не отказываться от труда по рождению детей полностью, но воздерживаться от оного с целью улучшить заработок и условия труда. Вероятно, нигде более это не было заметно так, как во Франции. Французские феминистки редко выступали против пронаталистских высказываний; скорее они последовательно их использовали в собственных целях, иногда честно веря в них, но чаще всего в качестве тактики. «Если ты хочешь иметь детей, научись почитать матерей», – написала Мари Мартен, редактор «Журнала для женщин» в 1896 году, в статье, затрагивавшей широко распространенные тогда страхи по поводу «депопуляции» и «сокращения рождаемости». В 1931 году Сесиль Брунсвик продолжила, что «французские и иностранные феминистки чувствуют одинаковое желание спасти детей, помочь матерям, поощрить материнство». Во время Первой мировой войны, когда миллионы мужчин ушли на фронт и погибали на войне, а нужда в женских рабочих руках в военной промышленности была слишком велика, пособия по родам и материнству увеличились с целью поощрить женщин к материнству наравне с работой. Сторонники увеличения роста населения предлагали любые виды стимулирования рождаемости. Некоторые феминистки протестовали. В Германии в 1915 году умеренная феминистка Гертруда Бёмер (бывшая в 1910–1919 годах президентом, а затем вице-президентом Немецкого Женского Движения) критиковала такие предложения, ибо они рассматривали « вопрос о рождаемости исключительно с военной точки зрения», то есть как « вопрос о гонке вооружений для женщин» и пы-

тались установить «исключительно взяточническую систему страховок, признаний и компенсаций с целью идеализации жизни». Тем не менее, для феминисток в Германии и в других странах, материнство и уход за детьми не могли быть слишком успешными. А Немецкое Женское Движение продолжало требовать реформ, «которые гарантировали бы матерям возможность испытать полное материнское счастье»*

Французские феминистки часто имели и другую причину восхвалять материнство как основу для требований женских прав и обязанностей. Именно во Франции мужские пронаталистские организации надеялись достичь своей цели посредством защиты отцовства, но не материнства, а некоторые из них даже считали, что упадок рождаемости являлся кризисом не столько женственности, сколько мужской вирильности. Самое известное движение такого рода, Национальный Союз по Увеличению Французского Населения (основанный в 1896 году, спустя месяц после феминистского конгресса в Париже, на котором Леони Рузад потребовала учреждения государственных субсидий для всех матерей) умолял мужчин заводить большее количество детей и выступал в защиту финансового стимулирования для отцов, особенно – за освобождение их от подоходного налога. В результате, освобождение от налогов стало главным лозунгом тех пронаталистов, которые сосредоточились на переоценке отцовства. По мнению Союза матерям полагались лишь награды. Это предложение в 1903 году заставило таких феминисток как Мари Мартен и Юбертина Оклер настаивать более серьезно, но не без некоторого сарказма, на том, что государственные пособия по материнству должны выплачиваться матерям**

Первая мировая война внесла серьезные новшества. Все воюющие страны, за исключением Соединенных Штатов, ввели пособия женам солдат: деньги, которые прямо выплачивались женам отсутствующих солдат и вдовам, на них самих и их детей, – сумма эта иногда зависела от размера семьи, иногда от занятости женщины, – обычно выплачивалась как гражданским, так и законным женам. Изучение британских и германских примеров показывает, что хотя официально женщины получали такие пособия в качестве «иждивенок» их мужей, они рассма-

---

* *Marian Martin.* "Dépopulation", Le Journal des Femmes (June 1896); *Cйcile Brunschvicg.* "Féminisme et natalité", La Française, 10 January 1931, цит. по: Cova, "French Feminism"; Gertrud Baeumer, "Der seelische Hintergrund der Bevoelkerungsfrage", Die Frau 23, 3 (1915): 129–134.

* Offen, "Depopulation", pP. 659–660, 668–670; *Françoise Thébaud.* "Le Mouvelent nataliste dans la France de l'entre-deux guerres: l'Alliance Nationale pour l'Accroissement de la population Françcaise",Revue d'Histoire Moderne et Comtemporaine 32 (1985) : 276–301; *Yvonne Knibiehler* and *Catherine Fouquet.* Histoire des mères du moyen-age a nos jours (Paris: Montabla, 1980).

тривали эти платежи в качестве своего собственного права и в качестве компенсации за свою работу; более того, социальное обеспечение детей явно улучшилось там, где матери имели такие выплаты в своем распоряжении. Джулии Латроп и ее коллег в Бюро по делам детства это новшество, основанное на «самых продвинутых и либеральных идеях», казалось исключительно важным для разработки будущей политики в этой области для Соединенных Штатов Америки*

Материнство, отцовство и гражданство: 1920–1950-е гг.

Политика в области материнства, появившаяся в годы Первой мировой войны, оставалась важной и после ее окончания как для феминистского движения, так и для возникавших современных социальных государств. В странах, где женщины стали полноценными гражданками с правом голоса, многие женщины лично и с помощью женских организаций использовали свои голоса и представительство для улучшения положения матерей. По сравнению с предвоенным периодом изменился подход к этой проблеме: постепенно исчезли утопические теории, им на смену пришли более прагматические взгляды, начали выстраиваться коалиции феминисток с представителями других политических направлений. Изначальная феминистская тенденция к осуждению эксплуатации матерей и к прославлению материнства постепенно в большинстве стран сошла на нет, как среди самих феминисток, так н в кругу мужчин, ответственных за приятие политические решений, а также в группах давления. Наиболее заметным этот процесс стал в Соединенных Штатах, где феминистки одержали победу, добившись принятия закона Шеппарда—Таунера о матерннстве н детстве от 1921 года. По этому закону матери и дети получали федеральные субсидии на предварительное медицинское обслуживание, по причине чего его создателей обвинили во введении «коммунизма» и «кол-

** *Herbert Wolfe.* Governmental Provisions in the United States and Foreign Countries for Members of the Military Forces and Their Dependents (Washington, D. C.: U.S. Department of Labor, Children's Bureau, Publication no. 28, Government Printing Office, 1917). P. 13; Ute Daniel, Arbeiterfrauen im der Kriegsgesellschaft: Beruf. Familie und Politik im Ersten Weltkrieg (Goettingen: Vandenhoek & Ruprecht, 1989). P. 169–183; Susan Pedersen, "Social Policy and the Reconstruction of the Family in Britain and France, 1900–1945", Ph.D. diss., Harvard University, 1989. P. 115–130.

лективизации» в Соединенных Штатах. Но на протяжении 1920-х гг. небольшая часть феминистского движения, отказавшись от сосредоточенности на материнстве, высказалась в пользу строгого соответствия в законодательстве для мужчин и для женщин, и, прежде всего, потребовала внесения в конституцию поправки о равноправии. Одновременно, в области политики по отношению к материнству верх одержали их оппоненты: финансирование закона 1921 года было прекращено и в 1928 году закон был аннулирован. Поражение законодательства вновь актуализировало принцип, согласно которому материнство является исключительно индивидуальным или семейным делом, но не социальной функцией. Только в 1935 году закон о социальном обеспечении по настоянию Бюро по делам детства вернул федеральную помощь матерям, в этот раз финансирование направлялось фонд помощи детям-иждивенцам. Этими федеральными деньгами распоряжались не только представительницы Бюро по делам детства, но и управление по социальному обеспечению. Более в Соединенных Штатах не было принято ни одного закона о материнстве. Только спустя несколько десятилетий – в 1960–1970-е гг. вопрос о помощи детям-иждивенцам вновь стал актуальным благодаря женскому движению. Он сыграл важную роль в создании гипотезы о том, что «бедность имеет женское лицо»*

Благодаря упорному лоббированию женских групп в 1919 году Международное Бюро Труда выпустило Вашингтонскую Конвенцию, которая рекомендовала введение шестинедельного отпуска по беременности и родам и шестинедельного отпуска по уходу за ребенком, выплату пособия, сумма которого покрывала бы все нужды на все время отпуска, и оказания бесплатных медицинских услуг для всех женщин. В Германии положения о равных правах женщин и мужчин, также как и о социальном обеспечении матерей были включены в конституцию Веймарской республики. Женщины-члены парламента от всех партий (за исключением национал-социалистов, у которых не было женщин-делегаток) приложили совместные усилия для успешного сохранения и даже увеличения пособий по родам и уходу за ребенком для застрахованных женщин и иждивенок застрахованных мужчин (что изначально являлось военной мерой). Закон 1919 года, введенный с этой целью, рассматривался как первый закон, по которому новый статус женщин

* *Ladd-Taylor.* Mother-Work, esP. ch. 5; Lemons, The Woman Citizen, ch. 6; Joseph Benedict Chepaitis, "The First Federal Social Welfare Measure: The Sheppard-Towner Maternity and Infancy Act, 1918–1932", Ph.D. diss., Georgetown University, 1968; Hilda Scott, Working Your Way to the Bottom: the Feminization of Poverty (London: Pandora, 1984); Barbara Ehrenreich and Frances Fox Piven, "The Feminization of Poverty: When the 'Family-Wage System' Breaks Down", Dissent 31 (1984): 162–170.

помог им в достижении каких-то благ, а благодаря закону о защите материнства от 1927 года, одному из самых важных социальных законов Веймарской республики, Германия сделалась первой индустриальной страной, которая стала придерживаться Вашингтонской конвенции. Парламентскими действиями в пользу работниц- матерей руководили как социал-феминистки, так и либеральные и умеренные феминистки. Последние продолжали добиваться доступа женщин к хорошо оплачиваемым рабочим местам, в особенности к тем профессиям, которые рассматривались как формы выражения «духовного» или «социального материнства» (например, социальная работа, преподавание, медициа). Несмотря на не прекращавшуюся риторику по поводу материнства и его переоценки в качестве «профессии», немецкие феминистки более не выдвигали требований о единых выплатах по материнству вне зависимости от статуса занятости. Вместо этого, они обратили свое внимаиие на увеличившуюся эффективность работы по дому в надежде сократить время, которое женщины на нее тратят.

Совсем иная ситуация сложилась в Британии. Элеанор Ратбон продолжала свою борьбу за введение единых выплат по материнству, которую раньше она осуществляла, будучи в должности управляющего военных пособий женам солдат. После того, как ее избрали президентом Национального Союза Женских Суфражистских обществ в 1919 году (позднее Национального Союза Обществ по борьбе за равные права) и независимым членом парламента с 1929 года, она поместила свои требования в контекст теории гендерных отношений и феминистской стратегии, которую она назвала «новым феминизмом» и «настоящим равенством для женщин». Под ним она подразумевала «требования в защиту женщин, не с целью достижения того, что имеют мужчины, но с целью обеспечения возможностей для самореализации женщин ». Э.Ратбон доказывала, что «вся структура и развитие общества должны отражать женский опыт, женские требования и надежды»*. Данный взгляд, помещенный в контекст предвоенного феминизма, был не таким и новым, как она заявляла, но в межвоенные годы именно в ее книге «Семья, лишенная наследства» (1924 г.) был предпринят наиболее авторитетный анализ экономической необходимости денежных пособий для матерей, представлявших феминистскую альтернативу социальной организации, выстроенной вокруг заработка мужчины-добытчика. Она также решительно выступила против широко распространявшегося движения евгенистов (и позднее против антисемитизма в Германии) и их ар-

* Цит. по: *Jane Lewis*. The Politics of Motherhood: Child and Maternal Welfare in England, 1900–1939 (London: Croom Helm, 1980). P. 169, и в ее “Models of Equality”.

гументов о том, что пособия матерям из низших классов, которые и так рожают много детей, будут лишь поощрять их (и их мужей) к еще большей плодовитости. Ратбон ответила на это, что улучшение жизненного уровня женщин в действительности заставит их иметь меньше детей*. Хотя в целом основные компоненты ее анализа остались прежними, но теперь оформились очень важные подробности практических предложений, переставших носить утопическую окраску, и скорее направленных на практический поиск решения, что произошло, в частности, благодаря постоянной феминисткой критике, длившейся два десятилетия. Она превратила свои предыдущие предложения о введении пособий для матерей и детей в «детские» и «семейные пособия», очевидно в ответ на серьезный феминистский довод о том, что матери должны получать пособия только на детские нужды. Любая другая система помощи может вдохновить их на уход с рынка труда**. Как в случае с Америкой и другими странами, дискурс вновь стал перемещаться от представлений об особой природе женщин к гендерно нейтральной терминологии. Но какая бы терминология не использовалась, феминистки, выступавшие за введение семейных пособий, продолжали настаивать на том, что их следует выплачивать матерям, и они должны включать компенсацию женского домашнего труда. Их оппоненты прекрасно понимали значение, придававшееся этому моменту.

В Британии как консерваторы, так и профсоюзы выступали против такого рода идей. Профсоюзы продолжали бороться за мужской семейный заработок, и у них имелись причины верить в то, что эта борьба находится под угрозой наступления феминистских требований о введении пособий матерям, даже в их урезанной форме. Иногда, по словам Ратбон, рабочие лидеры служили примером мужского «комплекса турка», один из них, например, объявил ее требования «сумасшедшим рецидивом индивидуализма» и заявил, что «при социализме право матерей и детей на содержание будет обеспечено семьей, а не государством»***. В 1920-е гг. многие британские женские организации (например, Национальный Союз и Женщины Лейбористской партии) включили требование семейных пособий в свои программные документы, иногда в совокупности с требованием на свободный доступ к контролю над рождаемостью. Но другая группа феминисток выступила против политики, концентрирующейся на матерях, и начала кампанию за достижение равного законодательства для мужчин и женщин, что в результате – в Британии, также как и Соединенных Штатах – приве-

** *Rathbone*. Disinherited Family. P. 316–324.

*** *Dyhouse*. Feminism. P. 95, 102.

* Рамси МакДональд (лидер лейбористов), цит. по: *Lewis*. “Models of Equality”.

ло к глубокому расколу внутри феминистского движения. С 1930-х гг. споры вокруг пособий переместились с «женского вопроса» на другие проблемы (особенно – влияния пособий на зарплату и инфляцию). В то же время объединенное сопротивление консерваторов и профсоюзов затормозило введение семейных пособий до окончания Второй мировой войны*. Когда в 1945 году, наконец , в парламент был внесен билль о единых государственных семейных пособиях, то этот билль предусматривал выделять 5 шиллингов в неделю (вместо восьми, рекомендованных отчетом Бевериджа от 1942 года, на котором билль и был основан) на выплату только второму н последующим детям (феминистки предлагали включить и первого ребенка). И полагались эти выплаты не матери, но главе семьи. Ратбон и многие другие лидеры и женские организации выступили против билля на том основании, что «он не только не поднимет статуса материнства, но в действительности понизит его», обращаясь с женой «как с простым приложением» своего мужа**. Последовавшая за этим волна протеста заставила правительство платить такие пособия матерям. Направленный против изначальных целей материнского феминизма – а они заключались в достижении признания «материнства в качестве социальной функции» и взамен заработка мужчины-добытчика прелагали перераспределение заработанного дохода в пользу женщин – закон о семейных пособиях явился глубоким поражением. Однако, это была и победа в области признания права матерей на какие-либо платежи вне структуры заработной платы. Такой подход выделялся на фоне тогдашних европейских диктаторских режимов, семейная политика которых в действительности понизила статус материнства.

Введенные в Австралии в 1941 году «детские деньги» и в Канаде в 1944 году «семейные пособия» имели много схожих черт и появились после похожих дебатов, проходивших как внутри, так и вне женского движения. Пример Норвегии показывает, как идеология материнства и требования заработка для матерей, настойчиво звучавшие еще с 1920-х гг., отступили на второй план после появления на повестке дня в 1930-е гг. и в законодательстве 1945 года идеи гендерно нейтральных «детских пособий»; проблемы социальной поддержки перестали касаться матерей, теперь они сосредоточились на детях и семье. По существу дебаты велись о том, стоит ли социальное обеспечение детей финансировать посредством добавок к заработной плате, либо посредством государственных пособий, либо натуральных

** *Thane*. "Visions of Gender"; John Macnicol, The Movement for Family Allowances 1918–1945: A Study in Social Policy Development (London: Heinemann, 1980).

* Цит. по: *Suzy Fleming*. introd. to Rathbone, Disinherited Family, P. 90.

услуг. Рабочее движение не отвергало детские пособия как таковые, но выступило против них как части системы заработной платы, высказавшись в пользу государственных налоговых выплат. Феминистки социалистического и других направлений продолжали настаивать на материнских пособиях. Когда закон 1946 года ввел единые детские пособия, они предназначались матерям. Слишком низкие для того, чтобы считать их «материнским заработком», они, однако, рассматривались как простая прибавка к доходу. Бедные матери находились на иждивении муниципалитетов до 1957 и 1964 гг., тогда как вдовы и одиночки получили право на эти платежи. В Швеции государственное пособие по материнству было дано в 1937 году, и более 90% матерей имели на него право. Нуждающиеся матери получали дополнительные деньги. Ими они обязаны как предыдущим предложениям женских организаций и их давлению, так и новой социал-демократической политике в области семьи, которая объединила в себе пронатализм с пониманием необходимости реформирования социальной сферы, изложенной в работах Альвара и Гуннара Мирдалей. Закон 1947 года ввел единые детские пособия, как и в других демократических странах. Они выплачивались матерям. Как в Швеции, так и в Норвегии пронатализм помог продвижению данного законодательства – хотя как идеология он не так сильно доминировал, как в других странах – и весьма убедительно доказывалось, что пронатализм послужил здесь инструментом женской эмансипации, обеспечив женщин некоторыми независимыми средствами*

То же самое происходило и во Франции. Здесь пронатализм среди политиков и организаций, так же как в массовой культуре, был влиятельнее, чем в любой другой европейской стране. Влияние это оставалось достаточно сильным и в межвоенный период, поскольку всплеск рождаемости в 1920-е гг. оказался кратковременным и упадок рождаемости продолжился, достигнув своей самой низкой отметки в конце 1930-х гг. В 1920 году был учрежден день матери, а также

* *Anne-Lise Seip* and *Hilde Ibsen*. "Norway's Road to Child Allowances", in Maternity 1991; Ann-Sofie Ohlander, "The Struggle for a Social Democratic Family Policy in Sweden since 1900", in Maternity 1991; *Helga Maria Hernes*. "Dies zweigeteilte Sozialpolitik", in Karin Hausen and Helga Nowotny, eds., Wie maennlich ist die Wissenschaft? (Frankfurt: Suhrkamp, 1986). P. 163–178; Bettina Cass, "Rewards for Women's Work", in Jacqueline Goodnow and Carole Pateman, eds., Women, Social Science and Public Policy (Sydney: Allen and Unwin, 1985). P. 67–94; *Robb Watts*. "Family Allowances in Canada and Australia 1940–1945: A Comparative Critical case Study", Journal of Social Policy 16 (1987): 19–48; *Ann Curthoys*. "Equal Pay, a Family Wage or Both: Women Workers, Feminisms and Unionists in Australia since 1945", in Barbara Caine et al., eds., Crossing Boundaries. Feminisms and the Critique of Knowledges (Sydney: Allem and Unwin, 1988). P. 129–140.

и медали для матерей, имевших пятерых и более детей. Пропаганда против рождаемости была запрещена в 1920 году, а закон 1923 года строго преследовал аборты, одновременно изменив из статус: из преступления они превратились в правонарушение, и наказание за них было смягчено. Закон о социальном страховании 1928 года, принятый по типу немецкой системы страхования, включил постановления о матерях, входившие в закон от 1913 года, в национальную программу медицинского страхования (при этом феминистки выступали против уравнения беременности и родов с болезнью). Эта система заботилась о тех, кто был застрахован, то есть о работающих матерях и о женах застрахованных мужчин; она предоставляла бесплатную медицинскую помощь матерям при родах; увеличился период отпуска по уходу за ребенком и увеличились материнские пособия*

Французские женские организации и отдельные феминистки не отрицали просемейное и пронаталистское мнение, и вскоре стало трудно отделить пронаталистские цели от целей женских организаций, заключавшихся в учреждении социального обеспечения матерей и детей. В действительности, пронаталистам «легче было убедить родителей в необходимости иметь во Франции пронаталистское законодательство, чем в необходимости иметь больше детей, исходя из их собственной потребности »**. В 1930-е гг. продолжились феминистские дебаты по поводу материнства как «социальной», а не только «семейной функции», сторонники последней (частной) «семейной функции» отвергали государственные пособия по материнству, а сторонники (публичной) «социальной функции» поддерживали их. Сесиль Брунсвик призвала к компромиссу, который ограничивал «социальную функцию» кругом женщин-одиночек и тех, чьи мужья не способны были их поддерживать. Но Гражданский и Социальный Феминистский Союз, в основе своей социал-католический (в противоположность светским женским организациям, чьи руководители были в основном протестантками), продолжал настаивать на материнстве как на «социальной функции». Пойдя дальше папских рекомендаций о введении семейного заработка мужчины, данных в энциклике Quadragesimo Anno от 1931 года, он выступил в защиту единых пособий для безработных матерей, доказывая, что мать имеет право посвятить себя детям. Французский Союз за Женское Избирательное

---

* *Henry Hatzfeld*. Du paupérisme a la sécurité sociale. Essai sur les originrs de la sécurité sociale en France, 1850–1940 (Paris: Armand Colin, 1971); *Karen Offen*. "Body Politics: Women, Work, and the Politics of Motherhood in France, 1920–1950", in Maternity 1991.

** *Marie-Monique Huss*. "Pronatalism in the Inter-War Period in France", Journal of Contemporary History 25 (1990): 64.

Право поддержал эту цель в 1933 году*. Требование Женского Союза напоминало ранние феминистские предложения, но отличалось тем, что Союз выступал в защиту как мужского семейного заработка, так и материнского заработка. Таким образом, Сюоз избежал конфликта с папой и мужскими рабочими организациями, которые боялись, что деньги на материнские пособия снизят уровень мужской зарплаты.

Французские феминистки также поддерживали единые государственные семейные пособия. Эти пособия появились благодаря целому ряду предшествующих законодательных инициатив, подобных большинству других европейских стран: законов 1913 года о пособиях для нуждающихся матерей, гражданских служащих и семейных пособий, финансируемых работодателями, которые были распространены в 1920-е гг., но ограничивались определенными регионами и отраслями. Эти ассигнования в большинстве своем явились результатом стратегий по управлению трудовыми ресурсами, предпринятых работодателями, и их выплата осуществлялась через уравнительные фонды; хотя профсоюзы отвергли их, многие рабочие получили благодаря им определенную выгоду. В условиях высокого уровня присутствия женщин на рынке труда во Франции, пособия часто, хотя и не всегда, выплачивались прямо матерям. Закон о семейных пособиях от 1932 года обязывал всех работодателей присоединиться к нему и выплачивать взносы в уравнительные фонды за определенный период времени. Хотя работодатели медленно вводили закон в действие на своих предприятиях, и целые категории рабочих оставались обойденными на протяжении многих лет, этот закон превратил промышленную политику в области заработной платы в национальную политику в области семьи, которую вдохновляла идея справедливого перераспределения доходов по семейному принципу. В 1938 году закон был расширен и систематизирован и превратился в результате «Семейный кодекс» от 1939 года. По нему предполагалась выплата семейных пособий, состоящих из единовременной премии на первого ребенка, если тот рожден в течение двух лет после заключения брака, ежемесячных пособий в сумме десяти процентов от зарплаты на второго ребенка, и двадцати процентов от зарплаты на каждого последующего ребенка, а также пособие неработающей матери в десять процентов от зарплаты. Однако эти суммы варьировались в зависимости от уровня заработной платы того или иного региона. Интересно, но режим Виши, подобно другим авторитар-

---

* *Cécile Brunschwicg.* "La Metrnité, function familiale ou sociale?" La Française, 3 May 1930; Naomi Black, "Social Feminism in France: A Case Study", in Naomi Black and Ann Baker Cottrell, eds., Women and World Change: Equity Issues in Development (Beverly Hills: Sage Publications, 1981). P. 217–238; Pedersen, Social Policy, ch. 3.

ным и диктаторским режимам того периода, не признал отдельные выплаты неработающим матерям; это пособие было включено в единую зарплату добытчика (мужчины или женщины). В 1946 году Четвертая Республика увеличила выплаты на детей (теперь они стали называться пособиями по многодетности), а матери вновь получили государственные пособия по материнству. В 1950-х гг. материнские пособия стали выплачиваться и женам бизнесменов, в особенности в аграрном секторе, которым до этого ничего не полагалось. В послевоенной Франции, как ни в какой другой европейской стране, выплаты матерям перераспределили значительную часть национального дохода в пользу женщин*

В межвоенный период феминистский матернализм повсеместно уступал свои позиции, хотя и весьма различными способами, он полностью сошел на нет в поднимавшихся тогда диктаторских режимах. В Испании периода Франко и фашистской Италии превалировала весьма сильная пронаталистская риторика; в обеих странах ее поддерживал католицизм, преимущественно мужской по сути своей, но все это оказало мало влияния на показатели рождаемости, которые продолжали снижаться. В Италии пронаталистская политика началась спустя пять лет после прихода к власти Муссолини, она сопровождалась огромным количеством пропаганды в прессе, поддерживавшей его заявление от 1927 года о том, что «Тот, кто не является отцом, — не мужчина»**. В конце 1920-х годов начались дебаты по поводу налогообложения глав семейств, в зависимости от статуса их жен и количества детей (это приносило мало чистой прибыли к семейному доходу, так как большинство итальянских мужчин были слишком бедными, чтобы платить подоходный налог). В 1936 году работающим отцам были выданы семейные пособия на жену и каждого ребенка-иждивенца; в 1939 году отцам даже стали полагаться премии на рождение ребенка, заменившие cassa di maternita. Все эти меры фокусировались на отцовстве и вирильности, формируя семью вокруг отцовского господства, что сильно контрастировало с ранним феминистским матернализмом. Единственным исключением из этого правила стала Национальная ор-

---

* *Offen.* "Body Politics"; *Alain Barjot.* L'Allocation de salaire unique et l'allocation de la mere au foyer en France (Bruges: Imprimerie Verbeke-Loys, 1967); Flora and Heidenheimer, Development of Welfare States, P. 341.

** *Benito Mussolini.* preface to *Richard Korherr.* Regresso delle nascite, morte dei popoli (Rome, 1928). P. 23; см.: *Chiara Saraceno.* "Redefining Maternity and Paternity: Gender, Pronatalism and Social Policies in Fascist Italy", in Maternity 1991; см. также статью Виктории де Грации в этой же книге и ее: *Victoria de Grazia.* How Fascism Rules Women: Italy, 1922–1945 (Berkeley: University of California Press, 1992).

ганизация материнства и детства, которая обеспечивала медицинское просвещение и помощь бедным, в основном одиноким, матерям даже в отдаленных деревушках, что означало некоторое признание того, что матери также являются гражданками. Также и в Испании, где женское движение часто концентрировалось на улучшении состояния материнства, новые меры вознаграждали отцов, улучшая состояние отцовства, и утверждали фигуру главы семьи. Государственные семейные пособия были введены в 1938 году, а семейные дополнительные выплаты для широкого населения в 1945 г., обе эти меры поддерживали отцовство*

Национал-социализм также возводил в культ отцовство и мужественность, используя пронатализм и государственное социальное обеспечение с целью вознаградить и изменить статус отцовства. Были предприняты такие меры как брачные пособия (1933 г.), сокращение подоходного налога (1934 г., 1939 г.) и детские пособия (1935–36 гг.), которые выплачивались отцам или незамужним матерям, но только в том случае, если власти знали, кто отец ребенка. Однако были и исключения из такой ориентации на отцовство, три из них включали: организацию Мать и Дитя, которая помогала «ценным» нуждающимся матерям, что не означало, как в Италии, государственного признания их заслуг перед отечеством, ибо она входила в нацистскую партию и финансировалась посредством благотворительности; вторая мера — награждение медалью матерей, имевших пять или более детей, она была введена в 1939 году в соответствии с французской моделью; и, наконец, в 1942 году был принят закон о защите материнства, который усовершенствовал закон 1927 года и поощрял женщин совмещать материнство и работу вне дома. Но национал-социализм на практике применил принцип «государства Минотавра» Юбертины Оклер, используя более жесткие меры, нежели просто культ отцовства. Государственное социальное обеспечение ограничивалось государственным расизмом, центральным для национал-социализма, дискриминировавшим «низшие» меньшинства по этническому и евгеническому принципу. Нацистский пронатализм никогда не носил такого чистого характера, как во Франции, Италии или Испании; нацистскому приходу к власти предшествовала сильная пропаганда против рождаемости, сохранившаяся и после, основанная на более ранних и ненацистских течениях. Первый закон 1933 года не был пронаталистским, но по сути своей выступал против рождаемости, вводя обязательную стерилизацию «биологически низших» и «непригодных»**. Субсидии отцовской семье не были

* *Mary Nash.* "Pronatalism and Motherhood in Franco's Spain", in Maternity 1991.

** О проведении данной политики в жизнь см. мою статью с сборнике: Maternity 1991; Zwangssterilisation im Nationalsozialismus: Studies zur Rassenpoli-

и не должны были быть едиными, люди этнически или евгенически «низшего» происхождения исключались, поскольку им не полагалось иметь детей изначально. Ни одна другая страна не проводила такого рода политики против рождаемости. Понижение ценности материнства и человеческой жизни, характерное для национал-социализма, а также культ мужественности вымостили дорогу к уничтожению тех, кто считался «самыми низшими»: около трехсот тысяч цыган (мужчин и женщин) и более пяти миллионов евреев.

Евгенический и этнический расизм не был изобретением исключительно национал-социализма, характерным только для Германии. Он существовал среди других политических групп и в других государствах, но глубоко отличался по значению и, особенно, по практическому применению. Термин «раса» использовался популистами во всех странах, о которых говорилось выше. Но использование данного термина не всегда обозначало расизм, а именно дискриминацию по признаку низшей этнической или евгенической ценности; часто он просто значил «общество», «община» или «нация» по отношению к своему прокреативному потенциалу. Именно так он и использовался в языке феминистских дебатов о материнстве. Однако, некоторые радикальные феминистки, выступавшие за введение контроля над рождаемостью, присоединились к расширявшемуся евгеническому движению, которое поддерживали многие социалисты, и которое виделось «прогрессивным», они защищали дискриминацию, рекомендуя воздержаться от рождаемости именно «непригодным» и бедным, отрицая, таким образом, феминистский принцип помощи матерям с целью борьбы с женской бедностью. В Соединенных Штатах Маргарет Сангер и ее сподвижники, прославляя материнство (но не оплачиваемое материнство), пришли к пониманию необходимости сокращения рождаемости как к решению всех женских и социальных проблем, и в особенности проблемы нежелательного размножения бедняков и иммигрантов. В Германии Хелена Штёкер и Генриетта Фюрц зашли так далеко, что высказались в пользу обязательной стерилизации «непригодных». Частично, эти феминистки рассматривали евгенический дискурс как способ получить общественное одобрение абортов, стерилизации и контрацепции, точно таким же образом, как они использовали пронатализм для получения признания обществом материнских заслуг*

---

tik und Frauenpolitik (Oplanden: Westdeutscher Verlag, 1986).

* *Ann Taylor Allen.* "German Radical Feminism and Eugenics, 1900–1918", German Studies Review 11 (1989): 31–56; Linda Gordon, Woman's Body, Woman's Rights: A Social History of Birth Control in America (Harmondsworth: Penguin, 1977). P. 281–290, 330–331.

Во Франции, Италии и Испании концепция «расы» (stripe, raza) охватывала все население без исключения каких-либо групп из прокреации. В Норвегии, Швеции и Британии также существовали евгенические движения, которые имели своей целью исключить нежелательные группы населения*. В Британии обязательная стерилизация на евгенической основе была предложена в 1934 году, но ее отклонили; в то время как в Дании приняли такой закон в 1928 году, а в Швеции и Норвегии – в 1934 году, но закон относился к небольшому количеству случаев. В Соединенных Штатах две трети штатов имели законодательство о принудительной стерилизации на евгенической основе к 1930-м гг., оно было тесно связано с антииммиграционной и другими видами расисткой политики; две трети этих законов имели статьи о необходимом вмешательстве. Но в Германии количество законных стерилизаций, осуществленных между 1934 и 1945 гг., в десять раз превышало оные в Соединенных Штатах за 1907–45 гг. (население же США в два раза превосходило германское). Важнее всего, что ни в одной другой стране кроме Германии политика по стерилизации не стала прелюдией к геноциду.

Когда германские женщины и мужчины освободились от этого смертоносного режима, они также были освобождены и от государственной политики по сокращению рождаемости. В Восточной Германии, которая ориентировалась на модель Советского Союза, введенный в Конституцию принцип равных прав интерпретировался как обязанность женщин работать вне дома. Домашний труд понизился в статусе (в соответствии со знаменитыми пренебрежительными взглядами Ленина на работу по дому), а пропаганда давила на домохозяек, чтобы те искали работу. На первый план выходило понятие «Мы» вместо «Я», коллектив вместо личности**. Такая политика в целом поддерживалась низкой заработной платой, и в 1950 г., вновь введенными материнскими пособиями для работающих женщин (отпуск по уходу за ребенком с сохранением полной суммы заработной платы). Нуждающиеся матери и вдовы получали социальные выплаты только когда они становились нетрудоспособными, и несмотря на то, что все матери получали единов-

---

* *Nash.* "Pronatalism"; *Michele A. Cortelazzo.* "Il lessico del razzismo fascista (1938)", Movimento operaio e socialista 7 (1984): 57–66; *Claudio Pogliano.* "Scienza e stripe: eugenica in Italia (1912–1939)", Passato e presente 5 (1984): 61–97.

* "Das 'Wir' steht vor dem 'Ich'", Frau von heute 39 (1959): 2, цит. по: Gesine Oberteis, Familienpolitik in der DDR 1945–1980 (Oplanden: Westdeutscher Verlag, 1985). P. 146; см. также р. 51–73, 119, 136–138, 155, 292–293. О Советском Союзе см.: *Janet Evans.* "The Communist Party of the Soviet Union and the Women's Question: The Case of the 1936 Decree 'In Defence of Mother and Chold'", Journal of Contemporary History 16 (1981): 757–775; *Bernice Q. Madison.* Social Welfare in the Soviet Union (Stanford: Stanford University Press, 1968), ch. 3.

ременную выплату на рождение третьего и последующих детей, единые ежемесячные выплаты полагались только после рождения четвертого ребенка. В ответ на сильный упадок рождаемости в 1970-е гг., «работа по вынашиванию и взращиванию детей в семье была реорганизована и стала цениться»* посредством следующих мер: специальное трудовое женское законодательство (сорокачасовая неделя для матерей, которые имели двух или более детей), временная поддержка для матерей-одиночек, которые желали оставить работу, и оплачиваемый «отпуск по уходу за ребенком» при рождении второго и последующих детей. Работа матери как таковая не ценилась в начале в ФРГ, здесь Конституция также гарантировала равные права женщин и мужчин. Пособие по родам увеличилось для работающих женщин; когда единые детские пособия возросли в 1954 году, они функционировали в соответствии со старой французской моделью учреждения уравнительных фондов работодателями, и выплачивались работающим отцам по рождении третьего и последующего детей. Только в 1964 году федеральное правительство взяло на себя ответственность, постепенно увеличивая сумму пособия и количество подпадающих под его действие детей; хотя закон обеспечивал выплаты либо отцу, либо матери, но обычно их получал отец. До 1975 года главным средством вспомоществования оставалось сокращение налогов при наличии жены и детей**. В 1979 году социал-демократическое правительство ввело оплачиваемый (весьма скромно) полугодовой отпуск по уходу за ребенком для работающих женщин, а в 1987 году христианско-демократическое и либеральное правительство заменило их единым «пособием по выращиванию ребенка» в размере 600 марок в месяц на период до полутора лет, вне зависимости от рабочего статуса. Это пособие не было похоже на идеал Лили Браун, который она разработала более восьмидесяти лет назад, в двух моментах: оно полностью не покрывало нужды семьи и оно выплачивалось либо матери, либо отцу, в зависимости от того, кто выбирает уход за ребенком вместо работы.

Современные социальные государства выглядели бы совершенно по-иному, если бы их развитие не совпало с ростом женских движений и получением женщинами гражданских прав. Но влияние женщин, вид

** *Erich Honecker*. "Heue Massnahmen zur Verwirklichung des sozial-politischen Programms des VIII. Parteitages" (1972), цит. по: *Oberteis*. Familienpolitik, P. 292, см. также p. 315–318.

* *Vera Slupik*. "'Kinder kosten aber auch Geld.' Die Diskriminierung von Frauen im Kindergeldrecht", in Ute Gehard et al., eds., Auf Kosten der Frauen, Frauenrechte im Sozialstaat (Weinheim: Beltz Verlag, 1988). P. 195; Peter Flora, ed., Growth to Limits; The Western European Welfare States since World War I (Berlin: De Gruyter, 1986–87). Vol. IV. P. 278–281.

социального обеспечения, и женские пособия сильно отличались в разных странах, наиболее значительно между демократиями и диктаторскими режимами. Немногие феминистки «второй волны» подхватили раннее феминистское наследие. В то же время, условия труда значительно улучшились — даже для женщин, и не в последнюю очередь по причине женского давления. В отличие от этого, государственное социальное обеспечение вне традиционной структуры заработной платы, мало что дало им, и материнство сделалось таким кратковременным опытом (и для меньшего количества женщин), что освобождение, справедливость и равенство казались гораздо ближе, когда их добивались через позитивные действия в отношении работы вне дома. Этот подход, вместе с частным давлением на мужчин с целью разделения тяжести родительства, избрали женщины, предпочтя его былому матернализму и поиску публичного призиания «материнства в качестве социальной функции».

14

Материнство, семья и государство

Надин Лефошер

Семья, обычное место биологического воспроизводства населения, привилегированное место социального воспроизводства, является также местом, где перекрещиваются социальные отношения, основанные на различии полов и на принципах родства, супружества и сожительства. Начиная с 60-х гг., в развитых странах на нее со всех сторон воздействуют турбулентные течения, и уже можно видеть первые последствия девятого вала, поднятого демографической, технологической и экономической эволюцией, которая приводит к возникновению нового порядка воспроизводства населения и его рабочей силы, подрывая материальную и социальную базу гендерных отношений и обесценивая семью.

Семья во время бури

Первым предупреждающим сигналом явилось падение рождаемости. Во всех западных странах годы, предшествующие Второй мировой войне, а еще более последовавшие за ней, стали свидетелями взлета рождаемости, которая падала с конца XIX в. Но в 70-х гг. стало очевидным, что «бэби-бум» закончился. Можно или радоваться этому, солидаризируясь с Третьим миром и его борьбой с перенаселенностью, или же сожалеть, видя в этом закат Запада, но различные показатели рождаемости и репродуктивной способности в середине

60-х гг. начали такой головокружительный спуск, что за десять-пятнадцать лет большинство развитых стран оказались ниже порога простого воспроизводства населения.

Смятение в графиках

Конъюнктурный показатель рождаемости, который, если принимать во внимание уровень смертности в современных развитых странах, должен быть примерно 2,1 (число детей на одну женщину), чтобы воспроизводство их населения было обеспечено через внутренние механизмы, без помощи иммиграции, упал в Соединенных Штатах с 3, 7 в 1957 г. до 1,8 в 1975 г. В Австралии и Канаде этот показатель равнялся 3,9 в 1960 г.; двадцать лет спустя он был уже 1,9 в Австралии и 1, 7 в Канаде (в Квебеке он даже упал с 4 в 1957 г. до 1,4 к 1985 г.). В Японии же он спустился с 4, 5 в 1947 г. до 1,7 в 80-х гг.

В Северной и Западной Европе показатели рождаемости в 1964 г. были выше 2,5 (а в некоторых странах даже 3); в 1975 г. они везде опустились ниже 2: в 1988 г. они не превышали 1,4 для ФРГ, 1,5 для Австралии, 1,6 для Бельгии, Люксембурга, Финляндии, Дании и Швейцарии. В Южной Европе снижение произошло позже, но зато было более резким: Италия и Испания, например, которые в 1975 г. еще обеспечивали воспроизводство своего населения, спустя пятнадцать лет уже делили с Гонконгом мировой рекорд самого низкого показателя рождаемости — 1, 3.

В конце 80-х гг. отмечали повышение этого показателя в Соединенном Королевстве, Бенилюксе и Скандинавии, в частности в Швеции, где он поднялся с 1, 6 в 1983 г. до 2 в 1989 г. Но он отражал повышение в этих странах среднего возраста рожающих женщин, а не повышение «итогового» числа детей. Этот демографический спад сопровождался повсюду (за исключением Японии) ростом, часто очень значительным, числа рождений вне брака.

В европейских странах, где процент так называемых «незаконных рождений» был очень низким (приблизительно 2%), он вырос в начале 60-х гг. Для средиземноморских стран, как и для Бельгии, этот рост был запоздалым и скромным; в Ирландии (где развод оставался под запретом), в Люксембурге он был, наоборот, стремительным, и процент рождений детей вне брака за двадцать пять лет увеличился там в пять и даже в шесть раз.

В основных развитых странах — Канаде, Франции, Соединенном Королевстве, Западной Германии, Соединенных Штатах — в начале 60-х гг. процент «незаконной рождаемости» был на уровне 6–8% от общего числа рождаемости. За исключением Западной Германии, где

он оставался ниже 10%, в остальных четырех странах этот показатель достиг в середине 80-х гг., а затем и превысил 15–20%. Во Франции в 1990 г. каждый четвертый новорожденный имел незарегистрированных родителей.

Какими бы впечатляющими ни были эти цифры, они оказываются значительно ниже показателей скандинавских стран, где в начале 60-х гг. вне брака рождался один ребенок из десяти, а в конце 80-х гг. уже один из двух. Факт этого всеобщего, хотя и неравномерного роста незаконных рождений сам по себе свидетельствует, что удар, нанесенный по браку, был столь же сокрушительным, как и удар по деторождаемостн.

Действительно, в то время как в начале 60-х гг. в большинстве западных стран радовались брачному буму, вызванному по большей части приходом на матримониальный рынок поколения «бэби-бума», брачный коэффициент во многих из них уже начал падать. В начале 60-х гг. абсолютные показатели — которые определяют вероятность (при неизменных обстоятельствах) заключения браков до 50 лет — повсюду превышали 90% как для мужчин, так и для женщин. С середины этого десятилетия они начали падать в Скандинавии, несколько лет спустя в большинстве демократий Центральной Европы (Западной Германии, Австрии, Швейцарии), а затем и на западе Европы (Соединенном Королевстве и Франции). В середине 80-х гг. они достигли во всех странах уровня 48–66%; это означало, что, если обстоятельства не изменятся, холостяком будет каждый второй или третий. Однако средиземноморским странам пришлось ждать конца 70-х гг., чтобы их показатели деторождения опустились. В то время как эти показатели падали, процентное соотношение незарегистрированных пар и, особенно, коэффициент разводов и доля монопарентальных семей (с одним родителем) начали расти в большинстве западных стран.

В начале 80-х гг. 1% итальянских, 3–4% английских, американских и швейцарских, 6–8% французских, квебекских и западногерманских и 15% шведских пар не были официально зарегистрированы. Экспансия договорных союзов в тех странах, где она имела место, затронула не только молодежь, но была также отмечена среди людей в возрасте до тридцати лет: в Швейцарии в 1985 г. в этой возрастной категории число незамужних пар превосходило число замужних. В США в 1983 г. среди одиноких женщин, живших отдельно от родителей, в свободном союзе жило более 20% тех, кому было до тридцати пяти лет, в то время как для более старшей группы (от тридцати пяти до пятидесяти лет) этот показатель едва достигал 10%. Во Франции к концу 80-х гг. около половины женщин до тридцати лет состояло в незарегистрированном браке.

Кривая разводов в большинстве западных стран начала быстро расти еще до падения брачного индекса. В 1960 г. (за исключением Дании, где этот показатель был уже близок к шести) число разводов на 1000 замужних пар за год было около двух для стран, где они были разрешены. Двадцать лет спустя он приблизился к десяти или превысил этот уровень в Нидерландах, Соединенном Королевстве и в Дании и только в Южной Европе остался ниже пяти.

Более значим конъюнктурный показатель разводов, который определяет (в процентах) вероятность для замужних пар развода при неизменных обстоятельствах. В середине 60-х гг. этот индекс в Западной Европе (за исключением стран, как Италия, Испания и Ирландия, где развод находился под запретом) варьировался от 6% в Шотландии до 18% в Швеции и Дании, а к 1975 г. он вырос до 50% в Швеции и 40% в США и Дании и равнялся приблизительно 25% в большинстве других стран; в течение последующих пяти лет он увеличился еще на 5–10%. В США, где индекс разводов уже достиг 25% к 1950 г., он начал расти в 1960 г. и к 1970 г. приблизился к 40%.

Вместе с количественным ростом развод становился более ранним. В Великобритании, например, если брать 14% разведенных замужних пар за год, то супруги, заключившие брак в 1959 г., разводились в среднем после двадцать лет совместной жизни, заключившие брак в 1969 г. – после десяти лет, а заключившие в 1979 г. – уже после шести лет*.

Результатом этого стало увеличение в развитых странах доли семей с одним родителем. Там, где более или менее быстро и более или менее рано перешли от прежнего «режима» семьи с одним родителем, при котором большинство родителей, в одиночку воспитывающих детей, были либо вдовцами или вдовами, либо брошенными своими мужьями (женами) или сексуальными партнерами (партнершами), к новому «режиму», при котором добровольный развод или добровольное расставание стали главными причинами, из-за которых дети живут обычно только с одним из своих родителей.

В конце 80-х гг. некоторые страны Общего Рынка существовали еще в условиях прежнего уклада: семьи с одним родителем представляли там менее 10% всех семей, имеющих детей, и доля разведенных среди них не превышала и четверти. Так было в Бельгии и Люксембурге, но особенно в странах, где развод оставался запрещенным или лишь частично разрешенным (Ирландия и средиземноморские страны). С другой стороны, Дания, Западная Германия, Франция, Соединен-

* См.: *Kathleen E. Kiernan*. The British Family: Contemporary Trends and Issues // Journal of Family Issues. Vol. 9. № 3. September 1988. P. 306.

ное Королевство, как и США, уже вошли в новый уклад: родители-одиночки составляли там более 10% лиц, имевших детей (около 20% в Дании, около 25% в США), и среди них насчитывалось менее 25% вдовцов и вдов и более 40% разведенных (около 70% в Дании). Подобно тому как турбулентные течения влияют на показатели деторождения и брачности, возникновение этого нового «режима» семьи с одним родителем часто кажется следствием — и симптомом — кризиса семейной «нуклеарной» модели с ее супружескими и родительскими ролями, весьма различными в гендерном отношении.

Кризис нуклеарной семейной модели или «буря в стакане воды»?

В спорах о семье в 50-х гг. восхвалялся или оплакивался триумф супружеской «нуклеарной» семьи, сведенной к треугольнику отец — мать — дети, над патриархальной «расширенной» семьей, которая, как известно, собирала прежде под одной крышей несколько поколений. Во многих регионах, однако, совместное проживание родителей, взрослых детей и их потомства с конца Средневековья не было общим правилом. В то же время «бэби-бум» (в связи с нехваткой жилья) привел к увеличению среднего числа лиц на одно жилище: в 50-х гг. семьи, насчитывавшие не менее трех человек, были самыми многочисленными в развитых странах.

Тридцать лет спустя положение изменилось: более половины хозяйств составляли хозяйства из одного или двух человек в скандинавских странах, в Австрии и Швейцарии, в Бельгии и Нидерландах, во Франции, Западной Германии и Соединенном Королевстве. Но если в этих регионах доля семей из двух человек практически осталась прежней, то в них также получили широкое распространение «одинокие» хозяйства: накануне Второй мировой войны они составляли от 6% (Канада) до 19% (Франция) общего числа хозяйств; в начале 80-х гг. от одной пятой до одной трети хозяйств на Западе составляли хозяйства одиноких мужчин или одиноких женщин. Этот количественный рост «одиноких» хозяйств был вызван в значительной мере отказом детей от совместного проживания с родителями, а также перспективой дожить до глубокой старости, особенно у женщин, которые, как правило, переживают мужчин (пожилые женщины представляют самую значительную долю «одиноких»). Но такой рост часто понимался как знак растущего охлаждения к супружеской жизни: отказ молодых людей вступать в брачные союзы как бы свидетельствовал об исчезновении у них желания жить совместно. Хотя такая интерпретация и кажется чрезмерной, но недавно

проведенный опрос обнаружил всю серьезность проблемы «брачного союза без совместного проживания». Так, во Франции среди лиц моложе сорока пяти лет четверть мужчин и треть женщин, которые проживали одни, заявили в 1985 г., что поддерживают стабильную любовную связь*.

С начала XX в. процесс включения замужних женщин в профессиональную деятельность происходил различно в разных индустриальных странах: в некоторых из них (в частности, в Великобритании) доля работающих женщин оставалась стабильной, тогда как в других (например, в Бельгии и Франции) она уменьшилась. Напротив, в Северной Америке и Западной Германии, начиная со Второй мировой войны, она постоянно возрастала. Середина 60-х гг. стала свидетелем резкого увеличения процента замужних работающих женщин в большинстве стран.

Среди государств, входящих в Организацию Экономического Сотрудничества и Развития, самый высокий процент замужних работающих женщин в конце 70-х гг. был зафиксирован в Скандинавии и англоговорящих странах: более 45 % женщин старше пятнадцати лет (45 % в Соединенном Королевстве и Австралии, 49 % в США и Канаде, 57 % в Дании и Швеции) занимались профессиональной деятельностью, чаще всего с неполным рабочим днем (на десять женщин, имеющих работу, более четырех в скандинавских странах и только две в США). В 1985 г. доля замужних женщин в возрасте до сорока лет, занятых профессиональной деятельностью, превышала 55 % в пяти из десяти стран Общего Рынка — в Западной Германии, Бельгии, Соединенном Королевстве, Франции и Дании (в последней она достигала 87 %). В трех из этих пяти государств (Дании, Бельгии и Франции) — но также и в других странах, таких как Италия, — более трети женщин, имеющих по крайней мере одного ребенка в возрасте до четырех лет, работали полный рабочий день.

Ни один из этих феноменов, за исключением широкого распространения практики разделения пар, в действительности не был новым. Высокая смертность прошлых столетий оставляла многих родителей одних со своими детьми, которых нужно было воспитывать, и в большинстве регионов дети покидали отцовский дом после вступления в брак или даже раньше в поисках своего места в жизни; высокая рождаемость, высокая смертность или уход детей способствовали значительной флуктуации семьи. Рождения вне брака и свободные союзы умножились в связи с промышленной революцией; на Западе деторождение сильно

* См.: *Henri Léridon* et *Catherine Villeneuve-Gokalp*. Les Nouveaux Couples: nombre, caractéristiques et attitudes // Population. Vol. 2. 1988. P. 331–374.

сократилось уже в конце XIX в. – во Франции даже раньше. И, конечно, женщины не дожидались нынешних времен, чтобы пойти на работу.

Следует ли рассматривать турбулентные течения, которые начали влиять на демографические индексы в середине 60-х гг., как простую «бурю в стакане воды»? Конечно, можно перед лицом названных изменений сослаться на в высшей степени «конъюнктурные» – и гипотетические – показатели, которые «взбесились» с середины 60-х гг*. Некоторые демографы и социологи полагают, что, несмотря на тревожное положение, семья «чувствует себя хорошо». Они, например, отмечают, что немки выходят замуж, когда они хотят детей, и остаются в семье, пока те не повзрослеют; что американки недолго живут в браке, часто разводятся, но и снова выходят замуж; или что во Франции в середине 80-х гг., несмотря на рост числа разводов, незарегистрированных браков и внебрачных детей, 83% лиц до двадцати лет были рождены от замужних родителей и жили с ними и такой же процент мужчин и женщин в возрасте от тридцати до пятидесяти лет жили в браке и не разводились.

Феминистские исследования последних десятилетий в своем большинстве стремились показать, что, хотя процент работающих женщин увеличился, приоритетом для большинства из них остается воспитание детей, забота о физически зависимых родственниках, семейные обязанности, домашние и хозяйственные заботы. Эти выводы были подтверждены результатами опросов, связанных с изучением «бюджета времени», которые позволяют констатировать отсутствие каких-либо существенных изменений в распределении домашних обязанностей между полами.

Концентрация внимания на факторах незыблемости института семьи и «сексуального порядка» ведет, однако, к недооценке фундаментальных трансформаций, которые в развитых странах Запада вот уже в течение века и, особенно, во время Славного Тридцатилетия влияли на воспроизводство населения и его рабочей силы.

Новый режим материнства

В последней трети XIX в. ряд открытий и научно-технических достижений, побеждая смертность и значительно сокращая ту часть жизни, которую женщина тратила на вынашивание и кормление ре-

* Страна (как Англия в начале 1980-х гг.) может таким образом дать конъюнктурный показатель разводов и в 40%, в то время как только 18% пар, принадлежащих к поколениям, более всего затронутым разводами, уже разведены и есть вероятность того, что даже у этих поколений окончательный процент разведенных пар фактически не перейдет и 30%.

бенка, потряс традиционные основы разделения труда и власти между полами.

Риски смертности, женских и детских заболеваний, связанных с воспроизводством потомства, были сильно минимизированы в течение прошлого столетия благодаря различным и многочисленным достижениям в области гигиены, медицины и питания. В 1930 г. процент детской смертности (если брать число детей, умерших в возрасте до одного года) нигде не был ниже 3, 5% и превышал 10% в средиземноморских странах, Центральной Европе и Японии. Он упал ниже 5% в 1955 г. и 2, 5% в 1965 во всех западных странах, за исключением средиземноморских. В 1989 он не превышал 0, 8% в Канаде и в большинстве стран Северной и Западной Европы; он даже опустился ниже 0, 6% в Швеции и Финляндии и ниже 0, 5% в Японии.

Надежда на долгую жизнь сильно возросла. Рожденная в середине XVIII в. француженка жила в среднем менее тридцати лет; век спустя – уже не менее сорока; рожденная в 1930 г. надеялась прожить шестьдесят лет, а рожденная в 1987 г. – до восьмидесяти.

Такое увеличение срока жизни было более важным для женщин, чем для мужчин. В 1950 г. во всех развитых странах тридцатилетние женщины могли рассчитывать прожить на три года больше, чем мужчины: в этом возрасте шведка могла надеяться прожить еще сорок шесть лет, в то время как швед – только еще сорок три года. Вместо того, чтобы уменьшаться, как этого следовало бы ожидать в связи со сближением образа жизни мужчин и женщин, разрыв в продолжительности жизни между полами все больше увеличивался, особенно с улучшением диагностики и гинекологической помощи: в 1970 г. для тридцатилетних мужчин надежда на продолжительность жизни не увеличилась, а если и увеличилась, то очень незначительно, в то время как для женщин того же возраста она возросла на три года. Тридцатилетняя шведка могла рассчитывать еще на сорок девять лет, а швед – на сорок четыре; француженка – на сорок восемь, а француз – на сорок один год. Измеряемый от рождения, разрыв между полами был еще большим: к середине 80-х гг. он составлял от шести до семи лет в Швеции и в большинстве развитых стран, превышал семь лет в США и восемь лет во Франции и Финляндии.

Значительное уменьшение уровня смертности стало движущей силой так называемого «демографического перехода». Поскольку парам в развитых странах уже не приходилось рожать по пять-шесть детей в надежде, что из них хотя бы двое доживут до совершеннолетия, они не только хотели, но и получили возможность ограничить деторождение, войдя в «новый демографический режим», характеризующийся низкой смертностью и низкой рождаемостью.

Начавшееся в конце XVIII в. во Франции и в конце XIX в. в большинстве других западных стран движение развитых обществ к контролю за рождаемостью нашло в конце 50-х гг. XX в. то, что считали тогда «абсолютным оружием», — создание и коммерциализация гормональных контрацептов и внутриматочных приспособлений*. Несмотря на протесты новые приемы внедрились, так что к 1990 г. 48% француженок, не желавших заводить ребенка, использовали гормональные контрацепты, 26% — внутриматочные приспособления и только менее 3% совсем не прибегали к контрацептивным средствам. В Нидерландах, Соединенном Королевстве и, особенно, в США и Канаде использование контрацептивной стерилизации было особенно распространенным: в середине 80-х гг. около половины замужних женщин Квебека входили в супружеские пары, в которых по крайней мере один из супругов был стерилизован.

Если «современные» методы контрацепции не являются «абсолютным оружием», как считали при его появлении, оно, тем не менее, кардинально трансформирует взаимоотношения между полами в том, что касается инициативы и контроля за зачатием и, возможно, сексуальной жизни в целом. Пилюля и стерилет создают меньшую стесненность в сексуальных отношениях и являются гораздо более надежными, чем более ранние контрацептивные методы. Доля неудач, связанных с различными способами предотвращения беременности (прерывание совокупления, использование презерватива, колпачка, тампона, вагинальный душ и «ритмический метод»), согласно результатам разного рода анкетирований, проведенных между 1935 и 1958 гг., никогда не была ниже 6% и могла достигнуть 36%.

Но еще более важно то, что пилюля и стерилет являются такими способами контрацепции, которые предоставляют женщине инициативу при планировании сексуальных отношений. Благодаря им, женщина может заранее решить, как часто она хочет быть беременной и в какой период своей жизни. Поскольку этими методами пользуется женщина, впервые в истории человечества мужчина более не может подвергать ее, вопреки ее воле, риску забеременеть, и его личное желание стать отцом оказывается в зависимости от желания его партнерши стать матерью. К тому же, с прогрессом генетики ему становится все труднее не только перекладывать на свою партнершу ответственность за бесплодие (или же за нерождение мальчиков), но даже отрицать свое отцовство, если он не хочет его признавать.

Сокращение детской смертности и «контрацептивная революция» значительно сократили долю времени, необходимую на вынашивание

* См.: *Roger Géraud*. La Limitation des naissances. Paris, 1963. P. 104.

ребенка, в жизни западных женщин. При прежнем демографическом режиме (в котором живут еще некоторые страны Третьего мира) беременность занимала, по меньшей мере, четыре с половиной года жизни типичной женщины. При рождении последнего ребенка ей было примерно сорок лет, и она имела возможность прожить в среднем еще двадцать три года. При новом режиме женщина тратит на беременность всего восемнадцать месяцев своей жизни, при рождении ее последнего ребенка ей только тридцать лет, и она может надеяться прожить еще около полувека*.

Новые технологии питания грудных детей, разрабатывавшиеся с конца XIX в. и широко коммерциализированные после Второй мировой войны, позволили не только уменьшить детскую смертность, но также отделить вынашивание от кормления, сократить среднюю продолжительность кормления грудью и расширить число людей, которые могут заменить роженицу при кормлении. При прежнем порядке кормления только другая мать, находящаяся в периоде лактации (или с большим риском для выживания младенца другая кормилица), могла заменить мать, которая не хотела или не могла кормить грудью своего ребенка. Благодаря внедрению стерилизации молока животных, распространению бутылочек с соской и производству детского питания любой человек, независимо от пола – и, впервые в истории, отец – может заменить мать при кормлении новорожденного. Более того, тогда как замена матери кормилицей должна была быть постоянной, при кормлении из бутылочки такая замена может быть эпизодической или с перерывами. Следовательно, постоянное присутствие при новорожденном матери или другой женщины, кормящей его грудью, более не является необходимым условием для выживания ребенка. Новые технологии детского питания делают, таким образом, возможным участие в процессе кормления как обоих родителей, так и других лиц (члены семьи, соседи, друзья, слуги, няни) и детских учреждений (ясли).

Необходимость постоянного присутствия матери при своих детях порождала убеждение, что забота о малышах является в определенной степени естественной и логичной для женщин, но новые технологии питания привели к разрушению этого убеждения и позволили «высвободить» женщин – и идеологически, и физически – для вхождения в рынок наемного труда. Этому «высвобождению» способствовали также те преобразования, которые в западных странах в период Славного тридцатилетия затронули домашний труд и, в более широком смысле, все то, что можно назвать «деятельностью по социальному воспроизводству».

---

* См.: *Massimo Levy-Bacci.* Le Changement démographique et le cycle de vie des femmes // Le Fait féminin / Ed. Evelyne Sullerot. Paris: Fayard, 1978. P. 467–478.

Эпоха всеобщего благоденствия и проблема социального воспроизводства

Период сильного экономического роста, который развитые капиталистические страны пережили за три послевоенных десятилетия, стал для них временем всеобщего, хотя и неравномерного движения к благоденствию в обоих значениях этого слова: благоденствие как развитая система социального обеспечения, гарантированная «государством всеобщего благоденствия», и как благоденствие как высокий уровень комфорта и благосостояния. Одновременно символ современного государства и движущая сила массового производства и массового потребления, благоденствие навсегда изменило традиционную роль женщины как домашней хозяйки и как воспитательницы детей.

«Освобождение» домашней хозяйки

За тридцать лет западная семья претерпела значительные изменения домашнего универсума и условий домашнего труда*. Во всех западных странах, независимо от того, понесли они, или нет, ущерб от войны и пережили, или нет, серьезный послевоенный жилищный кризис, общий жилищный фонд значительно возрос, и средний размер жилой площади на одного человека удвоился. Во Франции, где в период между двумя войнами было построено около двух миллионов жилищ и где более одного миллиона было разрушено и стало нежилым во время войны в 1945–1971 гг. возвели около семи миллионов жилищ, из которых более пяти миллионов – при помощи государства. В странах Общего рынка в 1950–1963 гг. количество новых жилищ, строящихся каждый год, превышало 7 на одну тысячу жителей. В 1963 оно достигало 10 в Швеции, 9 в Швейцарии, Западной Германии и Финляндии, 8 в Италии и США. Будь то индивидуальные дома, как это чаще всего имеет место в США, Бельгии, Соединенном Королевстве и Норвегии, или квартиры в многоэтажных домах, что свойственно Швеции, Франции и Швейцарии, большинство этих новых жилищ состояли не менее чем из четырех комнат и были построены в соответствии со стандартами современного комфорта, включая все удобства (отопление, водопровод, канализация, электричество).

---

* Этот параграф во многом обязан исследованию Клоэтты Сез (*Claudette Sèze*. Évolution des activités des femmes induite par la consommation des substituts sociaux au travail domestique, 1950–1980: effets économiques et socio-culturels. Viry-Châtillon: Centre de Recherche sur l'Innovation Industrielle et Sociale, 1988).

Домашнее хозяйство и связанные с ним функции претерпели глубокие изменения в связи с увеличением свободного пространства и его специализацией (стандартная современная квартира включает кухню, ванную, туалет, спальни и гостиную), а также в связи с общей системой водного снабжения, мусоропровода, газа и электричества для отопления и приготовления пищи (уже не только для освещения) и в связи с проведением центрального отопления, которое расширило обогреваемую площадь от кухни до всей квартиры.

Подключение квартир к распределительным системам воды и электроэнергии не только упразднило самую грязную и утомительную работу (ежедневная доставка воды, угля или дров, разжигание огня, поддержание его, вынос золы, грязной воды и экскрементов); оно также позволило частично механизировать многочисленные домашние работы благодаря бытовой технике.

Приготовление еды, уборка и стирка белья также изменились благодаря все более широкому использованию газовых и электрических плит и нагревательных приборов, а также холодильников, кофеварок, пылесосов, швейных и стиральных машин и электрических утюгов. Тем не менее, пришлось ждать 70-х гг., чтобы в большинстве западных стран больше половины семей стало использовать бытовую технику «первой волны» (которая включала также автомобиль и телевизор). Когда протесты против «общества потребления» зазвучали в таких странах, как Франция и Италия, коэффициент оснащенности жилища горячей водой, санузлом, телефоном, стиральной машиной, пылесосом и телевизором не превышал там еще 50%.

Домашние хозяйственные обязанности также трансформировались благодаря производству и все более частому использованию «современных» продуктов и материалов – консервы, полуфабрикаты, замороженные продукты, моющие средства, предметы гигиены, бумажная утварь, туалетная бумага, синтетические материалы и т. д. – и благодаря частичной экстернализации, т. е. обращению к услугам внешних поставщиков, частным или государственным, как, например, покупка готового платья или заказ обедов на дом с обслугой.

Новый режим домашнего труда, не требуя больше постоянного присутствия дома, позволял высвободить женскую рабочую силу для производительного труда вне дома. Он также сделал такой труд необходимым, поскольку многие семьи нуждались в дополнительном доходе, чтобы иметь возможность оплачивать новые продукты, бытовую технику и услуги, которые заменяли частично или полностью традиционную работу по дому.

Увеличение производительности труда, каким бы значительным оно ни было в течение Славного Тридцатилетия в промышленном секторе,

не удовлетворяло потребностям семей, которые стимулировались правительственной политикой, направленной на повышение покупательной способности. Поэтому доля женского труда росла в тех секторах производства и обслуживания, которые были связаны с благоустройством дома и с потреблением. Во Франции между 1954 и 1980 гг. число работающих женщин увеличилось 1,8 раза в пищевой промышленности и в сфере торговли продовольственными товарами и готовой одеждой, в 2, 5 раза в сфере общественного питания (рестораны, столовые) и в 3,5 раза на предприятиях по производству бытовой техники.

В то время как благоденствие проникало в дом и выталкивало из него домашнюю хозяйку, старая «индустриальная» логика приоритетного предназначения мужчин для «тяжелого» наемного труда, а женщин — для домашней работы была нарушена благодаря тем изменениям, которые развитие сферы обслуживания и использование автоматики и информатики привносили в характер спроса на рабочую силу на рынке «постиндустриального» труда.

Действительно, если «мускульный капитал», используемый на первом этапе индустриальной революции, требовал ежедневной рекреации, и если «мускульный труд» мог быть легко делегирован другим, то это невозможно, когда речь идет об «интеллектуальном капитале», ныне привилегированном. Такой капитал в своей основной части должен аккумулироваться до прихода на рынок труда, и его поддержание зависит главным образом от индивидуального использования благ и услуг образования, профессиональной подготовки и культуры. Их приобретение совершается в широком масштабе в школе, но эффективность процесса обучения во многом определяется культурным капиталом семьи, хранительницей которого в первую очередь является мать.

Это изменение в способах формирования и поддержания рабочей силы в значительной степени несет ответственность за ту бурю, которая бушует сегодня на различных графиках, связанных с рождаемостью. Ведь оно уменьшает для индивида функциональную важность супружеских связей и «целевой семьи» (той, которую создают, заключая брак), которая традиционно играла критически важную роль в восстановлении мускульного капитала, но которая оставалась маргинальной для формирования и «модернизации» интеллектуального капитала.

Напротив, такое изменение увеличивает функциональную важность «социализирующей семьи» (той, в которой растет ребенок) и культурного капитала и, следовательно, значимость труда и вложений, связанных с социализацией и культурой в сфере социального воспроизводства. Таким образом, как пишет Даниэла дель Бока, если

«внедрение технологических изменений в домашний труд увеличило эффективность форм деятельности, связанных с поддержанием домашнего хозяйства, этого не случилось в отношении форм инвестиционной деятельности»*. Эти последние формы, в частности, касающиеся отношений со школой и различными институтами «общества всеобщего благоденствия», расширились вместе с развитием системы социальной защиты и с экстернализацией и коллективизацией заботы о престарелых и больных и, шире, всего комплекса форм социального воспроизводства, ставших благодаря рынку или государству «общественным делом»**.

«Коллективизация» социального воспроизводства

В середине 80-х гг. в странах Общего рынка минимальный возраст, с которого ребенок начинал обязательное обучение, варьировался от пяти до семи лет. Во Франции, Бельгии и Италии школьное обучение с полной сеткой часов начиналось для большинства детей с трех лет и было почти всеобщим. Более половины детей в возрасте от трех до четырех лет в Германии, Нидерландах, Люксембурге, Ирландии, Испании и Греции также посещали ясли, подготовительный класс, детский сад или игровой центр (но обычно не более шести часов в день). Однако европейские государства еще не включились в процесс социализации детей до трех лет и, следовательно, в процесс высвобождения рабочей силы их матерей. Во Франции, Бельгии и Дании оплата няни через систему государственного обеспечения касалась только 5 % таких малышей. Во Франции и Бельгии около четверти детей этого возраста посещали ежедневно коллективные или семейные ясли или же «материнские школы». В Дании ясли, финансируемые государством или муниципальными властями, принимали более 45 % детей до трех лет, и около 90 % детей в возрасте от трех до семи лет (еще не подлежащих обязательному школьному обучению) посещали различные общественные или субсидируемые учреждения по социализации раннего детства***.

---

* *Daniela del Boca.* Women in a Changing Workplace: The Case of Italy // Feminization of the Labour Force: Paradoxes and Promises / Eds. Jane Jenson, Elisabeth Hagen and Ceallaigh Reddy. Cambridge: Polity Press, 1988. P. 129

** См.: *Helga Maria Hernes.* Welfare State and Woman Power: Essays in State Feminism. Oslo; Oxford: Norwegian University Press; Oxford University Press, 1987. Ch. 3: Reproduction Goes Public. P. 51–71.

*** См.: *Angela Phillips* et *Peter Moss.* Qui prend soin des enfants de l'Europe? Compte rendu du réseau des modes de garde d'enfants: Commission des Communautés Européennes. Vol. 1219. N 1. 1988.

Совместное проживание пожилых людей со своими взрослыми детьми не обязательно предполагает, что первые находятся на иждивении у вторых. Помощь и тех, и других может быть равноценной, и первые иногда отдают больше, чем получают. Можно, однако, полагать, что в западных странах в течение Славного Тридцатилетия, несмотря на увеличение средней продолжительности жизни, забота о старшем поколении уменьшилась. Этому способствовали, с одной стороны, сокращение практики совместного проживания, увеличение размера пенсии, рост числа учреждений для престарелых, а с другой, государственная политика, различные социальные службы и оказание помощи на дому, а также общее улучшение санитарного состоянию населения и увеличение жилого фонда. Так, во Франции, число женщин в возрасте более семидесяти лет в целом увеличилось на 71% между 1962 и 1982 гг., а число женщин того же возраста, живущих у одного из своих детей, выросло за тот же период только на 22%. В Дании с 1962 до 1977 доля одиноких восьмидесятилетних стариков, живущих у одного из своих детей, упала с 41% до 22% для мужчин и с 27% до 11% для женщин.

Такое освобождение женщин от труда по социализации и охране зависимых поколений, который частично взяло на себя государство и который раньше выпадал на женщин в рамках семьи и сильно ограничивал, в определенные периоды семейного цикла жизни, их возможности на рынке труда, обеспечило их более длительное присутствие на этом рынке и одновременно открыло перед ними и перспективы карьеры, и новые профессии. Во Франции, например, между 1962 и 1982 гг. число женских рабочих мест увеличилось в четыре раза в образовании и здравоохранении и в более чем восемнадцать раз – в службах по присмотру за малолетними детьми (кормилицы и ясли).

Профессии, связанные с уходом за детьми, больными и стариками и социализацией, начальной или непрерывной, подрастающего поколения (образование, санитарные и социальные службы) – профессии, которые можно назвать сущностными для «общества всеобщего благоденствия», – представляют, впрочем, в настоящее время в развитых странах более 1/10 (Австрия, Западная Германия, Италия), 1/6 (Франция, Соединенное Королевство, США, Канада) или даже 1/4 (Скандинавские страны) от общего числа профессии. И именно в этом секторе рост женской занятости был повсеместно самым высоким.

Обвенчанные с «Государством Всеобщего Благоденствия»

Существование тесных связей между развитием женской занятости и развитием общественного или частного секторов социального

воспроизводства, побудило некоторых рассматривать женщин как «обвенчанных с государством всеобщего благоденствия». Авторы этой формулы даже считали, что «женщины» и как поставщики услуг, и как их пользователи – это и есть «общество всеобщего благоденствия»*. Хельга Мария Хернес полагает тем же образом, что коллективизация и растущая профессионализация труда, связанного с социальным воспроизводством, «изменили экономическую зависимость женщин по отношению к государству одновременно в их роли клиентов и потребителей общественных пособий и услуг и в их роли служащих общественного сектора, где они выполняют в основном оплачиваемую работу по социальному воспроизводству»**.

Хотя и гиперболизированные, эти метафоры «брака» женщин с «обществом всеобщего благоденствия» и их зависимости по отношению «к государству-супругу» ясно показывают функциональное обесценение супружества и семьи как места «предназначения»***. Деинституционализация и ослабление супружеского союза позволяют нам говорить (гипотетически) о возникновение нового «постиндустриального» режима социального воспроизводства, который характеризуется его «интеллектуализацией» и коллективизацией. При таком режиме, действительно, союз мужчины и женщины (и его незыблемость), теряя в значительной степени свои функциональные основы, все более и более обуславливается и оправдывается чувством любви и сексуальным влечением, и, следовательно, становится все более и более «частным» и непрочным.

Благодаря профессиям, которые им открылись, благодаря облегчению труда по содержанию дома и заботе о близких, благодаря социальной помощи, которую им оказывают социальные службы, западные страны, находящиеся в фазе «всеобщего благоденствия», увеличили независимость своих гражданок по отношению к институту брака, разрешая им не вступать в него или же освободиться от него, когда, по их мнению, польза, которую они от него получают, перестанет компенсироваться ценой, которую они за него платят. Вмешиваясь в управление судьбой «детей развода», развивая помощь семьям с одним родителем, эти страны пытаются также ограничить и коллективизировать риски, которые порождаются этой автономизацией, в частности те, которые могут затрагивать социализацию детей. Однако служащие или клиентки «общества всеобщего благоденствия», гражданки различных

---

* *Harold Brackman. Steven P. Erie* and *Martin Rein.* Wedded to the Welfare State // Feminization of the Labour Force... P. 215.

** *Helga Maria Hernes.* Op. cit. P. 54.

*** См.: *Anne Gauthier.* État-mari, État-papa, les politiques sociales et le travail domestique // Du travail et de l'amour: les dessous de la production domestique / Ed. Louise Vandelac et al. Montréal: Saint-Martin, 1985. P. 257–311.

процветающих государств, не все имеют одни и те же возможности автономизации по отношению к институту брака и платят за нее различную цену.

Провайдеры социальных услуг и автономизация

Работа провайдером социальных услуг, особенно в общественном секторе, связана с наличием какого-либо диплома. Огромное число женщин, которые в последние десятилетия вложили средства в получение соответствующего образования, смогли таким образом показать стоимость «женского капитала», который они инвестировали в социализацию, имеющую целью развить у них качества, необходимые для функций, связанных с социальным воспроизводством (преданность, способность управлять человеческими отношениями, педагогические таланты и т. д.), и одновременно стоимость «образовательного капитала», который их родители дали им возможность получить на случай, если возникнут непредвиденные обстоятельства во взаимоотношениях между супругами. Инвестируя женский и образовательный капитал одновременно и на рынке труда, и на рынке брака, женщины «общества всеобщего благоденствия», имеющие профессию, кажется, часто выигрывают одновременно на двух шахматных досках, особенно если они трудятся в общественном секторе. Во Франции, например, где три четверти всех рабочих мест относятся к этому сектору, женщины добились (что касается заработной платы и доступа к руководящим постам) самой высокой рентабельности своих дипломов*. Вместе с должностью, нередко гарантированной определенным статусом, «брак с государством всеобщего благоденствия» часто давал им способы гармонизировать (легче, чем другим) семейную жизнь и профессиональную деятельность.

Так что в то время, как работницам торговых предприятий и частных служб (гостиничное дело, ресторанное дело, работа по дому и т. д.), обычно занятым неполный рабочий день, приходилось идти на это, как правило, не по своей воле, женщины в службах «общества всеобщего благоденствия», которые также работают не полный рабочий день, в большинстве случаев добровольно выбирают такой график, чтобы планировать свое время в зависимости от расписания своих детей или необходимости выполнять ту или иную домашнюю работу. Среди мест с полным рабочим днем места, связанные с обслуживанием «общества всеобщего благоденствия», оказываются часто меньшими пожирателями времени, чем другие, и менее жестко определяющими организацию распорядка рабочего дня.

* См.: Franc

Менее тридцати пяти часов в неделю работает 50% дипломированных француженок, занятых в социальных службах, и только 12%, занятых в сфере торговли и сбыта товаров. Среди первых неполный рабочий день имеет менее половины респондентов, а среди вторых — 85%. Французские женщины, обладающие дипломами или соответствующей квалификацией и работающие в общественном секторе или в социальных службах, тратят на свою профессиональную деятельность в среднем в неделю на несколько часов меньше, чем остальные (включая сюда время, отведенное на дорогу или же на обучение и профессиональную работу, выполняемую на дому), и уделяют домашнему труду на несколько часов больше, хотя их мужья посвящают ему также немало времени (сравнительно с другими мужьями). Правда у них, особенно у тех, кто трудится в образовательной сфере, в среднем больше детей, чем у остальных профессионально активных француженок, но среди них только небольшое число оставляет работу из-за малолетних детей. Кажется, они сталкиваются с меньшими трудностями, чем другие работающие женщины, чтобы примирить материнство, домашние обязанности и профессиональную деятельность. Они, впрочем, часто живут в браке и разводятся реже, чем другие дипломированные женщины. Образовательный капитал, которым они располагают, и социальные льготы, которыми они обычно пользуются, позволяют им, однако, при случае проявить инициативу, чтобы разорвать супружеский союз, которого они больше не желают, или же пережить с меньшими трудностями, чем другие, материальные последствия в ситуации смерти мужа или его измены.

Возможности автономизации по отношению к институту брака и определенная защищенность от риска бедности, обусловленного наличием только одного родителя, которую различные «государства всеобщего благоденствия» обеспечивают своим служащим и своим гражданкам, однако, значительно варьируются в зависимости от достигнутого в этих странах уровня женской занятости в сфере обслуживания, от степени и формы (частной или общественной) коллективизации труда, связанного с социальным воспроизводством, и от конкретного типа «государства всеобщего благоденствия», сформировавшегося в процессе исторического развития системы социальных отношений в той или иной стране. Т. е. ситуация различается, если «общество всеобщего благоденствия» принадлежит, по терминологии Госты Эспинг-Андерсен, к «этатистско-корпоративному» типу, как в Германии, к «социал-демократическому», как в Швеции, или к «либеральному», как в США*.

---

* Большинство приводимых ниже данных взято из работ: *Gosta Esping Andersen*. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1990;

В Западной Германии, где доля занятости в сфере обслуживания одна из самых низких среди западных стран и где в профессиональной деятельности участвует менее половины замужних женщин, коллективизация труда, связанная с социальным воспроизводством, осуществлявшаяся в первую очередь под государственным контролем, проходила медленно и в ограниченных рамках. Феминизация труда в общественном секторе не прогрессировала с начала 60-х гг.; однако, поскольку доля этого сектора в целом значительно возросла в национальной экономике, соответственно возросла и численность женщин, в нем занятых (среди немецких женщин, вовлеченных в профессиональную деятельность, в 1961 в социальной сфере работала одна из пятнадцати, а 1983 – одна из пяти).

В Швеции, где процент занятости женщин чрезвычайно высок (как и доля женского труда при неполном рабочем дне), работа по социальному воспроизводству была в высшей степени коллективизирована (одно рабочее место из четырех приходится на предприятия по оказанию социальных услуг и относится почти исключительно к государственному сектору). Более половины шведок, занимающихся профессиональной деятельностью, работает сегодня в социальных службах, и более 2/3 рабочих мест в них занято женщинами.

В США, где доминирует сфера социального обслуживания, коллективизация труда, связанного с социальным воспроизводством, осуществлялась преимущественно в рамках рынка; доля американок, занятых в общественном секторе, даже уменьшилась с начала 60-х гг. по сравнению с общим количеством занятых. Но феминизация сильно прогрессировала как в общественном секторе, так и в сфере социального обслуживания. В 1940 г. последняя насчитывала три миллиона рабочих мест, из которых 59% были заняты женщинами; сорок лет спустя – семнадцать миллионов мест, из которых ими было занято уже 70%. В ней в 1980 женщины занимали одно место из трех, а мужчины – только одно из десяти*.

В своей брачной корзине немки, служащие «государству всеобщего благоденствия», таким образом, нашли более ограниченное предложение работы в сфере социального воспроизводства и меньше возможностей для обретения самостоятельности по отношению к супружеской жизни, чем их шведские или американские сестры. Американки, живя в стране с менее развитым общественным сектором, извлекли из своего союза с «государством всеобщего благоденствия», меньшее обеспече-

Marie-Agnès Barrère-Maurisson et *Olivier Marchand*. Structures familiales et marchés du travail dans les pays développés // Économie et statistique. N 235. Septembre 1990. P. 19–30. Данные о Германии касаются Западной Германии до воссоединения.

* См.: *Harold Brackman, Steven P. Erie and Martin Rein*. Op. cit. P. 217–218.

ние занятости и, следовательно, больший риск в случае расторжения брака, чем немки и, особенно, шведки. Именно эти последние получили самое великолепное приданое, ибо обрели одновременно и больше самостоятельности, и большую обеспеченность, чем женщины других стран.

«Государство всеобщего благоденствия» и защита в случае расторжения брака

Можно судить о степени защиты в случае расторжения брака, которую различные «государства всеобщего благоденствия» обеспечивают не только своим служащим, но и всем своим гражданкам, сравнивая соответствующие пропорции семей с одним родителем и полных семей, имеющих детей, которые оказываются ниже определенного порога бедности, т. е. те, кто имеет доход ниже половины среднего дохода*.

Первая группа западных стран характеризуется с этой точки зрения сильным риском бедности, обусловленным наличием только одного родителя и чрезвычайно слабой защиты от такого риска. Речь идет о государствах «всеобщего благоденствия либерального типа», таких как США, Канада и, в меньшей степени, Соединенное Королевство, которые обеспечивают очень слабое перераспределение доходов между семьями. Число «бедных» семей, по указанному критерию, — т. е. имеющих доход ниже половины среднего дохода — там выше и очень медленно сокращается, несмотря на общественные трансферты (т. е. предоставление социальной помощи за счет снижения прямых налогов): число таких семей остается почти неизменным (а иногда даже увеличивается), к какой бы категории они ни относились. Но именно семьи с одним родителем — самые многочисленные в этих странах (от 13 % в Соединенном Королевстве до 23 % в США от общего числа всех семей, имеющих детей) — более всего подвергаются риску бедности: доля «бедных» среди них без учета трансфертных выплат выше 50 % и в три-четыре раза больше, чем в категории супружеских пар, имеющих детей. Этот риск еще более значителен для молодых: от 60 % до 80 % одиноких родителей в возрасте до тридцати лет — «бедные», и социальные пособия ничего не меняют для большинства из них. За последние годы риск бедности для семей с одним родителем в этих

* Основная часть этих данных взята из доклада Т. Смидинга, Л. Рейнуотера и С. Данцигера «Cross-National Trends in Income, Poverty, and Dependency: The Evidence for Young Adults in the Eighties", прочитанном на конференции «Бедность и социальная маргинальность», проведенной в Вашингтоне Объединенным Центром Политических Исследований 20–21 сентября 1991 г.

странах даже увеличился: в течение 80-х гг. в США и Канаде процент таких «бедных» семей как с учетом, так и без учета трансфертов вырос еще больше, независимо от возраста одинокого родителя.

В странах «этатистско-корпоративного типа», таких как Западная Германия и Франция (где доля семей с одним родителем достаточно высока: от 11 % до 14 % всех семей с детьми), риск бедности, связанный с монопарентальностью, меньше – от 20 % до 40 % семей с одним родителем являются «бедными», если исходить из их основного дохода, а если принимать в расчет дополнительный доход в виде социальных пособий, то из категории «бедных» придется исключить почти половину одиноких родителей. В Германии, тем не менее, эта помощь, кажется, предназначена только одиноким матерям старше тридцати лет: среди более молодых доля «бедных», при учете дохода от социальных трансфертов, в три раза выше, чем в следующей возрастной группе; впрочем, в течение 80-х гг. она увеличилась более чем в два раза. В целом, даже если перераспределение доходов в «государствах всеобщего благоденствия этатистско-корпоративного типа» осуществляется более активно по отношению к семьям с одним родителем, чем к остальным, все равно, несмотря на помощь, которую эти государства оказывают своим гражданкам, процент «бедных» среди семей с одним родителем в два-четыре раза выше, чем среди других категорий семей.

«Государства всеобщего благоденствия социал-демократического типа» с чрезвычайно развитой системой перераспределения (где интервенция социальных трансфертов сокращает процент «бедных» семей почти наполовину), наоборот, обеспечивает своим гражданкам защиту от риска бедности, связанного с монопарентальностью, благодаря которой доля «бедных» среди семей с одним родителем почти такая же, как и для других семейных типов – и даже иногда меньше. То же самое наблюдается как в странах со средним риском бедности (Швеция), так и в странах, где он очень высок (Нидерланды): процент «бедных» семей без учета полученных ими социальных трансфертов в два раза выше среди семей с одним родителем , чем в целом для населения; в Нидерландах он выше в четыре раза, и там очень мало одиноких матерей, особенно молодых, размеры основного дохода которых позволяют им избежать «бедности». Но помощь, предоставляемая через социальные трансферты, такова и в той, и в другой стране, что она почти в три раза, а иногда даже и намного больше уменьшает долю «бедных» семей с одним родителем. В Швеции эта помощь увеличилась за 80-е гг., поскольку процент «бедных» семей с одним родителем с учетом дохода от трансфертов снизился почти вдвое и оказался меньшим для этой категории, чем для других.

Нужно ли удивляться тому, что тема «государственного феминизма» оказалась более разработанной в Швеции, а тема «феминизации бедности» – в США.

Западные женщины – служащие или клиентки – далеки от того, чтобы извлечь из их «брака с государством всеобщего благоденствия» одинаковые возможности автономизации по отношению к супружескому союзу и одинаковую степень защиты перед лицом риска бедности, связанного с его расторжением: можно было бы сказать «столько-то стоит социальное обеспечение», «столько-то стоит приданое»... Таким образом, поскольку в течение второй половины XX в. во всех развитых странах технологическая и экономическая база отношений между полами была расшатана благодаря возникновению нового режима воспроизводства населения и рабочей силы, это потрясение основ не могло не отразиться (как через каналы социального взаимодействия, так и через различные законодательные меры «государства всеобщего благоденствия) на жизни мужчин и женщин каждой страны и каждого социального класса.

15

Эмансипация под контролем. Образование и труд женщин в XX веке

Роз-Мари Лаграв

Директор женской школы в Перигё в своем выступлении на школьной церемонии вручения ежегодных наград, состоявшейся 23 июля 1908 года, заметил, что «в двадцатом веке мы увидим историю соперничества между мужчинами и женщинами». Находясь на пороке XXI века, мы вынуждены отметить, что это пророчество не сбылось. Ибо для условий соперничества необходима возможность победы, а битву следует вести равным по мощи оружием. При этом, несмотря на растущую феминизацию общества, соревнования между мужчинами и женщинами остаются слишком неравными для того, чтобы имело место честное соперничество. Что характеризует XX век, так это скорее длинный и медленный процесс узаконения полового разделения общества, который достигается благодаря воспроизводству и обновлению едва заметных форм сегрегации как в системе образования, так и на рабочем месте. Общественный порядок действует как своего рода коммутатор, который систематически, но при этом несовершенно, распределяет мужчин и женщин по отдельным сферам образования

и занятости. Его первичная функция состоит в попытке избежать соревнования между полами и обнаружить эвфемизмы для засилья мужского доминирования*.

`При этом уже столетие как равенство полов постоянно декларируется и золотыми буквами вписывается в законы – до такой степени, что любое количество экспертов склоняются к тому, чтобы охарактеризовать их как «освободительные». В действительности, все аналитики, вне зависимости от времени и места, согласны, что женщины обладают растущим влиянием на механизм общественного развития. Здесь возникает своего рода оптическая иллюзия: ощущение равенства рождается от того, что заметны улучшения в условиях существования женщин, но при этом не отмечается, что условия существования мужчин также значительно улучшились. Обманутые таким образом, мы склонны почитать уходящий век. Если, однако, мы пойдем по пути логического мышления, что подъем женщин следует соизмерять с прогрессом мужчин, где и становится очевидной пропасть, разделяющая мужчин женщин в образовании и на рабочем месте.

Не достаточно, однако, просто продемонстрировать постоянное половое неравенство, поскольку неравенство среди женщин одинаково важно. В то время как женщины двадцатого века имеют многие общие характеристики, как постоянно напоминают им мыслители всех сортов, их шансы на равенство с мужчинами распределяются весьма неравномерно. Во Франции, например, талантливая студентка может изучать классическую древность в элитном католическом колледже, чтобы состязаться с выпускниками Высшей Нормальной Школы, куда принимаются только мужчины, на суровых экзаменах, которые контролируют доступ к самым престижным преподавательским позициям в стране, в то время как молодая женщина из рабочего класса, ведомая неким классовым инстинктом, который иногда берет верх на гендерным инстинктом, может биться плечом к плечу с мужчинами-рабочими за кусок хлеба на фабрике или заводе. Между ними остается пропасть, разделяющая прежде всего эти общественные слои. При этом отсутствие уравнительной системы

* Я использовала концепцию легитимации и общественного порядка, разработанную Максом Вебером. См. *Weber*. Economy and Society (Berkeley, University of California Press, 1979). Для общественного порядка центральным моментом является мужское доминирование. Оно осуществляется, прежде всего, посредством «символического насилия, являющегося одним аспектом доминирования любого рода, и ключевым аспектом мужского доминирования, в частности», по Пьеру Бурдье. См.: Pierre Bourdieu, "La Domination masculine", Actes de la recherché en sciences sociales 84 (Sept. 1990): 8.

различий ничего не говорит нам о непреложном, постоянном характере власти, происходящей от простого везения быть рожденным на нужной стороне неравенства, то есть на стороне мужчин, коим сопутствует общественная удача. В школе и на рабочем месте нет периодической смены большинства как в политике: доминирующее положение всегда занимают мужчины, не слишком ценные позиции принадлежат женщинам. Феминизированный род занятий никогда не станет маскулинизированным, и Сорбонна, которую один остряк в 1919 году обозвал «Аллеей мадмуазелей» не превратилась в «Аллею сударей». Когда женщины продвигаются внутри одной профессии или дисциплины, мужчины покидают эту профессию (если они этого еще не сделали). Таким образом складывается ситуация не соперничества или даже честной конкуренции, но молчаливого исхода. Это уклонительское поведение воспроизводит структурный разрыв между мужчинами и женщинами, пусть структура сама по себе изменяется, чтобы соответствовать меняющемуся времени. Однако, этот разрыв нельзя полностью осознать, забывая о том, что любые сравнения между мужчинами и женщинами, даже те, которые очевидно основаны на солидных статистических данных, уже несут предубеждения в самой своей концепции: все другие вещи никогда не равны друг другу. Семья, например, наделяет мужчин и женщин различными идеологическими и практическими обязанностями. Мужчины поощряются к работе, чтобы обеспечивать семейные потребности, в то время как женщин заставляют чувствовать свою вину, если они идут работать, чтобы свести концы с концами, так как они «пренебрегают» семьей. Мужчины «делают карьеру», а женщины бросают дом и детей. В 1919 году Пьер Амп написал, что «феминизируя торговлю, мы в грязь втоптали наши колыбельки». Хотя доводы и изменились сообразно обстоятельствам, но этот лозунг может служить девизом XX века: безусловно, дайте женщинам образование и работу, но руки прочь от семьи. Всегда оставайтесь внутри положенных границ, дорогие женщины, и позаботьтесь о том, чтобы все высшие дипломы и лучшие рабочие места оставались редкими и, таким образом, хорошо оплачиваемыми и, конечно же, в руках мужчин. С раннего детства как мальчиков, так и девочек учат тому, что вкусы и способности у них разные и что со временем эти различия превратятся в особую рабочую иерархию. Так в XX веке мы видим большой приток женщин в школы и на рабочие места, но здесь остается явное неравенство в вероятности успеха в образовании и четкая сегрегация мужчин и женщин на рабочем месте. Что-то изменилось, но сегрегация является постоянным моментом.

Работа или семья?

Как только закончились мучения Первой мировой войны и подошло время оценки достижений женщин в областях образования и работы, многие современники пришли к выводу, что «война 1914 года явилась 1789 годом для женщин». Действительно, война многое сделала для женщин: посланные на фронт мужчины оставили свои рабочие места, а женщины удерживали тыл. Пока продолжалась резня, мужчины и женщины не соперничали по поводу работы. К 1917 году люди начали задумываться о прекращении боевых действий и о тех проблемах, которые нужно будет решать, когда мужчины вернутся домой. Легко ничего не давалось. Последующие годы, период между двумя войнами, продемонстрировал все признаки того, что капитализм страдал от кризиса первой стадии: депрессия, кризисы, крушение рынка ценных бумаг и структурная безработица обнажили удивительный мир, в котором не было ни одной международной организации, способной регулировать кризисную экономику. Пока же мировая экономика переживала серию структурных и конъюнктурных расстройств, женщины сильно продвинулись как в системе образования, так и на рабочем месте. Это вдохновило одних экспертов и испугало других, но в целом все понимали, что настоящие проблемы находились где-то в другом месте. Пока многие мужчины проливали кровь за правое дело, женщины забыли о своих обязанностях, и им следовало бы о них напомнить.

От духа к букве

Послевоенное восстановление взывало к увеличению населения опустошенных государств. Поскольку показатели рождаемости упали, количество женщин на рабочих местах увеличилось. Как только мужчины вернулись к своим рабочим обязанностям на заводы и в поля, было предпринято еще одно идеологическое наступление, беспрецедентное по своим масштабам, чтобы заставить женщин вернуться обратно домой.

Имея сильную поддержку церкви, правительство ставило целью распространение семейной политики именно среди работающих женщин, особенно тех, которые были замужем. Они-то и являлись корнем зла: падающей рождаемости, увеличения детской смертности, распада семьи, упадка морали и неспособности родителей правильно воспитывать своих детей. Требовались быстрые действия, и наступление осуществлялось в двух направлениях, с одной стороны, используя простой и ясный метод запрета, составлявший более радикальную и репрессивную сторону, а, с другой, привлекая пропаганду, рисующую домашний труд в более выгодном свете, что было позитивной и образовательной стороной. Ни одно

правительство не могло начать кампанию такого рода, не убедившись в защищенности тыла. Французское правительство искало поддержки у католической Женской лиги и «социал-католиков» из деловых кругов. Одновременно с этим стали проводится международные исследования с целью оценить вероятность успеха по убеждению женщин вернуться на кухню*. Ответы оказались ясными, но обескураживающими с точки зрения трудности примирения католической морали и экономической заинтересованности. Деловые люди ответили, что, конечно, в интересах общественности возможно изгнать женщин с работы, но это точно не входит в интерес их личных компаний. Было ли это действительно необходимо? Австрийские бизнесмены отметили, что стоимость жизни возрастет: если женщины вернутся домой, то необходимо будет нанять мужчин вместо них, а австрийским рабочим-мужчинам надо платить два раза больше чем женщинам. Респонденты из Италии, Испании и Франции ответили, что работающие матери являются более уравновешенным работниками, нежели молодые женщины. Большинство опрошенных в Бельгии, Италии и Австрии предложили легально запретить замужним женщинам работать, но французские респонденты предложили двигаться не спеша, поскольку такой шаг только поощрит супружеские пары к отказу от официальной регистрации брака. Но этот аргумент не работал в Австрии, где оказалось, что внебрачное сожительство обычно подразумевало жизнь с женщиной, находящейся на иждивении, нежели с «работающими девушками». Все за и против тщательно взвесили: промышленникам больше не нужно будет оплачивать отпуск по уходу за ребенком, но придется платить более высокую зарплату мужчинам. Было совершенно неясным, является ли радикальный подход наилучшим способом решения проблемы, так что был достигнут минимальный консенсус: работодатели-католики должны отныне отказывать «в приеме на работу» женщинам с детьми.

Этому наступлению не хватало ловкости. Более утонченный подход подразумевал переложение на женщин ответственности за свой уход с рабочего места. Чтобы это сделать, необходимо было подогреть энтузиазм по возвращению на кухню. В этом случае недостатка в инструментах по ведению такой семейной политики не наблюда-

---

* Исследование 22 стран представлено на Конгрессе социал-католиков и опубликовано в: Le Travail industriel de la mère et le foyer ouvrier. Extrqits du Congrés international de juin 1933 (Paris. Union Féminine Civique et Sociale, 1933). См. также результаты анкеты, разосланной различным национальным группам, являвшихся частью Международного Союза Женских Католических Лиг в: *Françoise Van Goethem.* "Enquete internationale sur le travail salarié de la femme marieé", in Chronique sociale de France (Lyons: Union Internationale d'Etudes Sociales, 1932).

лось: публицисты изображали мать в качестве воспитателя, и даже изобрели усовершенствованную домохозяйку тейлоровского толка в качестве ключевого момента нового домашнего хозяйства. Были созданы новые школы и курсы для взрослых по обучению домоводству, в некоторых были использованы аксессуары для привлечения женщин средних классов, другие предназначались для более демократических кругов. Женщин из рабочей среды учили, как избежать траты денег и делать чудеса из «подручных материалов», другими словами, как сводить концы с концами, имея умеренный доход. Пока мужчины сражались за достойную зарплату, предполагалось, что их жены должны научится, как сводить дебет с кредитом при наличии весьма скромного бюджета. В 1923 году во Франции прошло первое Домашнее Шоу, пробудив жен из среднего класса от летаргического сна: посредством новой бытовой техники и изучения новых способов развлечь гостей, домохозяйки могли бы поучаствовать в создании прибавочной стоимости к социальному капиталу своих мужей, потребляя меньше, но мудрее. В Германии соревнования по ведению домашнего хозяйства вдохновили молодых женщин на изучение новой техники ведения хозяйства, а 1934 год был объявлен «годом домохозяйки». Несмотря на великие планы женского будущего, привычный всем дискурс вскоре стал сходить на нет, однако, слишком многое было поставлено на карту в области промышленного интереса и стремления к социальному продвижению, которые сделали возможными структурные изменения. Новая прямая пропаганда не убедила женщин оставаться дома.

В действительности, женщины приняли на себя главный удар всех спадов и подъемов нестабильной экономики. Хотя женщин увольняли первыми, когда закрывали предприятие, женская рабочая сила вышла из бури экономических проблем без особых потерь, не сильно продвинувшись, но и не распавшись. Статистические данные, собранные по Европе Лигой наций, показывают, что пропорция работающих женщин по отношению ко всему женскому населению оставалась исключительно стабильной.

С точки зрения статистики, Европу можно поделить на две части: в Северной Европе, особенно в Дании, Швеции, Норвегии, Англии и Финляндии – странах, которые завершили процесс индустриализации к середине XIX века – количество работающих женщин увеличилось между 1900 и 1910 годами, оставалось на том же уровне или незначительно сократилось до 1930–31 гг. и затем быстро росло до 1945 года. Страны, находящиеся южнее, попытались вернуть потерянную почву. Начав с очень низкого уровня работающих женщин, которое незначительно увеличилось, Греция, Италия и Испания «со-

рвались с места» между 1915 и 1920 гг. В Греции, например, пропорция работающих женщин выросла с 13,6% в 1921 году до 24% в 1928 г. Лидировала Франция, имевшая 36% работающих женщин в 1926 году по сравнению с 23% в Италии. Несмотря на это, рынок труда в Европе все еще оставался преимущественно мужским: количество работающих мужчин в два-три раза превышало количество работающих женщин. Еще более интересной является статистика по изменению количества работающих замужних женщин: женщины в возрасте от 25 до 34, то есть брачного возраста и способные иметь детей, работали точно также. Это было особенно заметно во Франции: в то время как пропорция работающих женщин в целом сократилась между 1921 и 1936 годами, пропорция замужних работающих женщин выросла с 35,2 до 41,4%. Цифры ясно показывают: замужние женщины сопротивлялись домашнему заключению*. Ограниченность пропаганды в пользу семьи очевидна, а последствия ее были противоположны задуманному: она исказила структуру женской занятости, заставив многих женщин искать рабочие места, соответствующие их полу, например, в сфере бюрократии или, напротив, в качестве прислуги. Одновременно женщины всерьез продвинулись в освоении бастионов традиционно мужских профессий

Мужские планы, женские судьбы

В Европе докапиталистические формы труда, такие как труд по дому и семейная мастерская уступили дорогу наемному труду. За этим последовал тройственный процесс: изменилось распределение женского труда в различных отраслях промышленности, увеличилось количество женщин, занятых в области обслуживания, и произошло продвижение женщин в интеллектуальных н профессиональных областях. Причинами такой структурной трансформации стали не только экономические изменения, но также и смена стратегии рабочего класса по социальной мобильности и стратегии буржуазной семьи в области репродукции. Буржуазные семьи начали стремиться к тому, чтобы обеспечить своих дочерей образованием, которое заменило бы приданое или явилось ценным приложением к нему. Именно образование стало инструментом достижения всех этих планов, пусть даже школы были еще плохо приспособлены к потребностям

* См.: *Anna Fourcaut.* Femmes a l'usine en France dans l'entre-deux-guerres (Paris: Maspero, 1982).

рынка труда. Различные социальные классы по-разному использовали школы, которые одновременно являлись и более демократическими, и более избирательными, таким образом, расширяя кругозор некоторых студентов и сужая его для других, прежде всего женщин. Шансы у женщин – представительниц рабочего класса были более ограниченными, нежели у мужчин из этой же среды.

После Первой мировой войны рабочий класс изменился во всех странах. Он продолжал, однако, характеризоваться гомогенностью рода занятий, профсоюзными традициями и враждебным отношением к женскому труду. Профессиональное обучение и общее образование повысило квалификацию мужчин-рабочих, но оказало не значительное влияние на женщин. Начальное образование, однако, повлияло на всех.

Во Франции в 1901 году было достигнуто равенство для мальчиков и девочек в получении начального образования. Низкий уровень технического образования и устаревшая система ученичества компенсировались производственным обучением и кратковременными корректирующими курсами. Женщины практически не имели квалификации, и поэтому идеально соответствовали новой индустриальной логике научного управления (Тейлоризм), которая изменила промышленность, еще более расширив пропасть между квалифицированными и неквалифицированными рабочими. Цель заключалась в извлечении прибыли от женских «естественных» качеств: «Женщины стараются сохранить храбрость и свою квалификацию в тех профессиях, которые требуют высокой степени двигательной скорости и быстрых, точных движений. Более того, женщины – экономны, благоразумны по природе своей, и даже жадны до наживы. Небольшой прибавки часто достаточно, чтобы заставить ее делать больше, чем полагается»*

Поскольку женщины обладают этими умениями «от природы», им не нужно обучения и их сразу же можно отправлять на рабочие места, не требующие особой квалификации. И действительно, многие женщины работали на неквалифицированных рабочих местах в промышленности. Хотя количество женщин, работавших во французской промышленности, не увеличилось между 1918 и 1945 годами, но оно и не сократилось. Однако наблюдался переход из таких традиционно женских отраслей промышленности, как текстильная, в новые сектора, такие как химическая, металлообрабатывающая и пищевая. Пропорция женщин-рабочих в текстильном секторе упала с 62% в 1931 году до 55% в 1954 году, в то время как количество женщин-работниц в металлообрабатывающей промышленности уве

* Maurice Frois, La Santé et le travail des femmes pendant le guerre (Paris: Presses Universitaires de France, 1926). P. 63.

личилось в шесть раз за этот период. Реструктуризация промышленности резко сократила разрыв между мужским и женским заработком. В 1920 году разница в оплате труда составляла 31,1%, такой она и оставалась до 1928 года, упала до 19% в 1930 году, поднялась до 23% в 1936 году и вновь упала до 15% в 1945 г. Матиньонский договор о заработной плате от 1936 года непосредственно повлиял на то, чтобы работодатели стали при найме отдавать предпочтение женщинам перед мужчинами, чтобы сократить свои расходы на заработную плату. В послевоенный восстановительный период занятость в сфере промышленности сильно возросла, и многие компании были вынуждены обратиться к женщинам, работающим дома, крестьянкам, готовым оставить свою землю, и, прежде всего, женщинам-иммигранткам; предприятия также предлагали помощь женщинам, имеющим семью.

Между 1913 и 1931 годами количество женщин, работавших дома, сократилось в половину, поскольку женщины пошли работать на предприятия. Иностранная рабочая сила составляла 3,95% от всех рабочих во Франции в 1921 году, 6,95% – в 1931 г., и 5,34% – в 1936 г. Женщины и иммигранты являлись тем резервным ресурсом, к которому работодатели обращались по мере необходимости; более того, существование этого ресурса создавало возможность снижения заработной платы. Хотя, как женщины, так и иммигранты работали на неквалифицированных работах и их увольнял первыми в случае любых рецессий, они работали в разных секторах. Итальянцы и поляки трудились на стройках, рудниках и общественных работах, в то время как французские женщины – в текстильной, металлообрабатывающей и пищевой отраслях. Экономика сама определяла свои нужны в соответствии с законами разных сегментов рынка труда, полового разделения труда и теории «естественных» умений.

Стратегия рынка труда формулировалась в соответствии с лозунгом: разделяй и властвуй. Насилие в принципе было направлено против женщин и иммигрантов, «людей без квалификации», а не против отечественных рабочих с признанной квалификацией. Тяжелые условия труда побуждали рабочие семьи желать своим детям избавиться от своего классового происхождения. Хотя большинство сыновей все еще следовало по стопам своих отцов, но существовала сильная надежда на то, что дочери смогут «не пачкать свои руки» и стать «белыми воротничками» в сфере обслуживания.

Не только рабочий класс надеялся на то, что их дочери смогут найти работу, «подходящую» для женщины. Мелкобуржуазные семьи и средний класс также желали улучшить свое положение, посылая дочерей в средние школы, чтобы те получили «профессиональное

приданое» с целью поиска лучшей партии. Повсюду в Европе девушек отправляли в школы, хотя по показателю учащихся девушек страны и отличались друг от друга. Количество девушек в датских, норвежских, шведских и финских школах резко возросло между 1900 и 1913 годами; в Италии, Испании, Греции и Португалии присутствия девушек не чувствовалось до 1928 года. В Англии, Нидерландах, Бельгии и Франции рост в женском образовании был достаточно равномерным.

Во Франции соотношение пропорции девочек в средних школах относительно мальчиков возросло с 23% в 1911 году до 28,3% в 1945 г. В средних школах разделение между частным и государственным образование точно соответствовало соотношению в них мужчин и женщин. В частных школах старшие классы посещало в три раза больше девочек в 1911 году, в 1950-е гг. это соотношение сократилось до 2:1. Декрет от 25 марта 1924 года уравнял программу средних школ для мальчиков и девочек, в результате обучение девочек стало менее сексистским и более светским, хотя их возможности все еще оставались ограниченными по сравнению с мальчиками. Образовательная система в целом поощряла девочек надеяться только на диплом начальной школы, в крайнем случае — на диплом средней школы. Также предполагалось, что девушки будут искать работу в женском обсуживающем секторе. К 1930 году количество девушек, посещавших курсы по подготовке учителей, превышало количество юношей, а для тех девушек, которые хотели поступить в школу медсестер при знаменитой лечебнице Сальпетриер, существовал лист ожидания.

Школы приспособились для нужд рынка труда к тому времени, когда сфера обслуживания стала быстро расти. Достаточно сложная экономика нуждалась в эффективных администраторах, бюрократах и банкирах. Многие женщины получали работу в быстро растущем банковском и страховом секторах, на долю которых пришлось 50% всех созданных рабочих мест между 1906 и 1936 годами, также как в сфере коммунальных услуг, где количество женщин удвоилось за данный период. Предполагалось, что женщины должны были освободить определенные виды рабочих мест в виду негласного предпочтения мужчин при найме для активных профессии, а женщин — на те позиции, которые не требовали активной двигательной деятельности. Появилась идея о том, что некоторые рабочие места предназначены для женщин. В вызвавшей огромную полемику работе, опубликованной в 1914 году, Андре Боннефуа советовал мужчинам уступить работу в офисе и в библиотеке женщинам: «Это не место для мужчины. [Библиотечное дело] подчиняется другим

наукам. Такая подчиненная роль плохо подходит естественной гордости мужчины. Но женщины не чувствуют себя униженными при исполнении той же самой роли в библиотеке, так как имеют то же самое дома»*.

Многие женщины поддерживали такие взгляды. Говоря об определенных естественных и моральных качествах, кои обнаруживаются в женщинах, Сюзанна Франсуаза Корделье просила избегать тех областей занятости , где им придется соперничать с мужчинами (Femmes au travail, 1935). А Джина Ломброзо пошла еще дальше, спрашивая (La Femme dans la sociйtй actuelle, 1929), не обезумело ли современное общество, заставляя женщин работать на мужских должностях, хотя «неравенство не такая уж и несправедливость»**. Продолжительный поход женщин в бюрократию только начинался. Он будет продолжаться все последующее столетие. Но некоторые женщины, наиболее образованные, следовали по стопам своих матерей в мужские профессии.

Высшее образование – «возвышенное» в своих целях – не смогло избежать логики полового разделения. В большинстве стран, пусть сейчас там наблюдается и более ровное распределение женщин на различных университетских кафедрах, чем это было раньше, тем не менее, больше всего женщин на кафедрах литературы. Мало женщин становится профессорами, большинство остается на уровне доцента. В 1930 году в Испании и Португалии в университетах женщины вообще не преподавали, хотя в Италии мы находим несколько женщин-преподавательниц, продолжавших традицию, которую можно проследить до XVIII века. И совсем немногие женщины-выпускницы пошли с такие области как медицина и право.

В Германии, Австрии и Голландии количество женщин, получивших докторскую степень, увеличилось достаточно быстро. Женщины получили право на адвокатскую деятельность – правда, его им давали неохотно – в нескольких странах. Закон об отмене половой дисквалификации от 1919 года позволил английским женщинам становиться адвокатами и барристерами; португальские и германские женщины получили то же право в 1918 и 1922 гг., соответственно. Итальянские феминистки достаточно ожесточенно встретили решение апелляционного суда Турина в ноябре 1883 года о том, что Лидия Поет не может заниматься адвокатской деятельностью в этом городе, и, в конце концов, в 1919 году после длительной борьбы,

* *André Bonnefoy*. Place aux femmes. Les carrières féminines administratives et libérales (Paris: Fayard, 1914). P. 69.

** *Gina Lombroso*. La Femme dans la société actuelle (Paris: Payot, 1929). P. 12.

итальянские женщины выиграли свою битву за право практиковать. Воинствующая феминистка Тереза Лабриола стала первой женщиной-адвокатом. При этом во многих странах, включая и Францию, женщины-юристы не могли стать судьями на том основании, что женщинам не доставало определенных полномочий в области гражданского права.

Технологические и промышленные улучшения во время войны привели к увеличивавшемуся спросу на инженеров, что, в свою очередь, увеличило количество инженерных школ, которые желали обучать женщин этой профессии. Однако, в 1930 году Голландия была единственной страной, имевшей более 150 женщин-инженеров. Во Франции женщины, получившие инженерное образование, работали на должностях, не соответствовавших их образованию. Они часто поступали на работу в качестве технических библиотекарей, учителей или химиков-аналитиков, но мало кому было позволено проектировать механизмы. Некоторые женщины, имевшие ученые степени, вообще не работали. В те времена это, конечно же, встречалось редко, ибо вид образованной женщины уже сам по себе вызывал удивление. Ясно одно: образование вело к тому, что женщины выходили замуж за таких же образованных мужчин, и во многих странах, особенно в Англии и Нидерландах, образованные женщины уходили с работы по причине замужества.

Влияние гендерного порядка, таким образом, чувствовалось в различных областях. Сфера обслуживания феминизировалась, но в области интеллектуального труда, именно внутренняя профессиональная иерархия, а не профессия сама по себе, определялась по признаку пола. Гендерный порядок также поощрял женщин к ограничению своих амбиций. После преодоления всех препятствий в получении образования, многие женщины так никогда и не попробовали себя в своей профессиональной деятельности. Фамилиалистская идеология обрекала их на необходимость совмещать свой профессионализм с работой по дому, и они сдерживали свои амбиции, чтобы соответствовать буржуазному идеалу того времени. На Международном конгрессе женщин с университетским образованием, состоявшимся в Женеве в 1929 году, швейцарский чиновник Морис Наеф отметил, что «теперь женщины могут дать рождение как духу, так и телу». Тем не менее, много чернил было потрачено на описание даже тех скромных достижений, которые женщины сделали в области высшего образования и интеллектуальных профессий. Как и раньше, когда женщины в начале века брались за работу в промышленности, критики говорили о «приливе» женщин с целью заполонить рабочие места. Густав Коэн, профессор филологического факультета в Пари-

же, вынужден был сказать следующее в Les Nouvelles littïraires от 4 января 1930 года: «Если бы кто-нибудь спросил меня, какую самую впечатляющую революцию видели мы в период после войны, я ответил бы, что это заполонение университета женщинами. Тридцать лет назад, когда я был молод, они встречались также редко, как зубы у курицы; потом же их количество увеличилось сначала до одной трети, затем до половины, затем до двух третей от всех студентов Это заставляет нас с некоторым беспокойством задать вопрос, станут ли они скоро нашими хозяевами, тогда как совсем недавно являлись хозяйками».

«Нашествие, беспокойство, хозяева»: эти три слова определили ментальность того времени, когда немногие представители каждого пола признавали, что процесс роста количества образованных женщин пойдет рука об руку с процессом увеличения сегрегации, подчеркивая любую опасность соревнования между мужчинами и женщинами. Во времена безработицы, однако, семейная политика обернется со всей жесткостью против женщин.

Момент истины: безработица

Безработица также разнилась у мужчин и женщин. По Европе в 1931 г., 1932 г., также как и в 1936 г. в числе безработных было больше мужчин (в абсолютных показателях) нежели женщин, просто по причине гендерного дисбаланса на рынке труда. При этом увеличившаяся мужская безработица, как и везде, приписывалась увеличению количества женщин-работниц, и люди не замечали, что с женщинами обращались как с пешками, которых приносили в жертву во время кризиса.

Правда, больше увольняли мужчин, нежели женщин. В Италии количество безработных мужчин в три раза превышало количество безработных женщин в 1931 году. В Англии, однако, показатель мужской безработицы равнялся 23,7 %, женской – 20,4 %. Тип работы, которую исполняли женщины, обычно влиял на модель безработицы. Каждый экономический спад влиял на сферу обслуживания и, даже больше, на промышленные концерны, где большинство занятых составляли женщины. Мужская безработица в целом наблюдалась в тяжелой промышленности. В обрабатывающей промышленности также часто увольняли квалифицированных рабочих, заменяя их неквалифицированными и низкооплачиваемыми женщинами-работницами. В Германии целью «кризисного приказа» от 5 сентября 1932 года стало стимулирование нового найма уволенных рабочих. Компаниям разрешили понизить зарплаты, но им были предоставле-

ны субсидии на новый найм рабочих, которым снизили заработную плату до 50%. Промышленность нанимала все больше безработных женщин: «Крупная компания по производству металла могла, наняв 16 мужчин и 83 женщины, воспользовалась разрешением сократить заработную плату для всего своего персонала и получила премии за 99 вновь нанятых работников, приобретая таким образом 4 752 часов работы в неделю с сокращением зарплаты в 94 марки»*

В 1936 году женщины начали работать дома, в то время как другие работали на двух работах и получали нелегальную зарплату, одновременно многие мужчины оставались безработными. Работодатели мудро использовали это нечестное соревнование, подталкивая правительства в нескольких странах принять законы, просто запрещающие нанимать женщин. В Португалии в 1935 году было запре щено нанимать женщин в любом экономическом секторе, пока существовал хоть один безработный мужчина. В Испании в то же время было запрещено нанимать женщин повсюду, кроме как в аграрном секторе. В Ирландии в 1936 году каждая отрасль промышленности получали свою квоту женщин для найма. В Бельгии в 1934 г. и в Греции в 1936 г. женщины были изгнаны с административных постов. Если кто-то считает, что именно женщины несут ответственность за мужскую безработицу, то единственным логическим образом действий будет попытка лишить женщин работы. Однако экономические кризисы влияли на всех рабочих, показывая таким образом, что женский труд не являлся причиной мужской безработицы. В Германии, например, которая побила все рекорды европейской безработицы в 1931 и 1932 гг., мужская безработица увеличилась в более высокой пропорции, нежели женская занятость на протяжении предыдущих десяти лет.

Если мужчины были более подвержены безработице, нежели женщины, они, тем не менее, подпадали под получение большей помощи. В Австрии 83,4% безработных мужчин получало пособие по безработице в 1932 году, по сравнению с 72,5% безработных женщин, и этот разрыв был еще больше во Франции (81,9% против 68,5% в том же году). Законы о безработице во многих странах уточняли, что женщинам полагались меньшие по сумме пособия, нежели мужчинам. В момент истины, созданный высокой безработицей, бытовое обслуживание было провозглашено не работой, поэтому потеря его не рассматривалась в качестве ущерба. И это еще не все: времена кризиса пробуждали старых демонов, а целью, всегда оказывавшейся

* *Marguerite Thibert*. "Crise écinomique et travail féminin", Revue Internationale du Travail 27, 4 (April 1933): 31.

под рукой, оказывались как старые жертвы — замужние женщины — таки н новые — иммигранты.

Подобно женщинам иммигранты одновременно служили экономике и препятствовали ее развитию. Нанятых в момент нехватки рабочих рук, их выгоняли, когда рынок рабочих мест сокращался. Во Франции польские шахтеры на севере и итальянские шахтеры в Лотарингии были изгнаны из страны по наступлению тяжелых времен; те, кому позволили остаться, вероятнее всего теряли работу по сравнению с шахтерами-французами. Холостяков чаще отсылали домой, нежели женатых, но и последних семья спасала не всегда. Жена одного польского шахтера с севера вспоминала 1929 год: «Тяжелые времена наступили с кризисом. Зарплата сократилась, и все чаще не было работы. Повсюду ходили слухи, что нас пошлют домой. Именно так и было. Многим людям уже раздали билеты для возвращения в Польшу. Французы заявляли, что мы отобрали у них работу. Везде мы слышали людей, которые кричали нам: «Убирайтесь в Польшу!» Что же нам было делать?»*

Никто не умолял замужних женщин идти работать. В соответствии с идеологами просемейной политики, им вообще не следовало работать. Во времена безработицы женщины оказывались вдвойне не правыми. Так, запрещение работать было не столько наказанием, сколько возвращением к порядку. В Германии закон от 24 января 1935 года предоставлял брачный заем молодым женщинам, собирающимся выйти замуж и бросить работу, а в 1937 году замужних женщин исключили из гражданской службы. В Нидерландах замужних школьных учительниц предупредили о необходимости покинуть работу. Во Франции, Германии, Англии и Нидерландах были отменены пособия по безработице замужним женщинам на том основании, что их могут содержать их мужья. В Великобритании «закон о нарушениях» от 3 октября 1929 года лишил замужних женщин пособий по безработице, пока те не смогут доказать, что муж также является безработным или недееспособным. В Германии с 1937 года от молодых женщин требовали исполнения обязательных услуг по помощи матерям в деревне и городе**. Во времена национализма и экономического кризиса, для мужчин лозунгом стала «работа, семья и отечество», но для женщин просто «семья» — только ее отечество считало достойным упоминания, когда речь заходила о женщинах. Хотя некоторые женщины говорили «нет», «Матери Отечества

* *Janine Ponty*. "Des Polonaises parlent", Revue du Nord 63, 250 (July-Sept. 1981): 730.

* См. главу об условиях труда в Международном Рабочем Бюро, L'Année sociale (Geneva).

Третьего Рейха» внесли свой вклад, поддерживая режим, который возводил статуи матерям, чтобы легче презирать женщин в жизни*. Даже в унижениях и смерти несчастные продолжали делиться по половому признаку: когда в концентрационные лагеря прибывали поезда, пленников посылали на смерть в соответствии с их половой принадлежностью, «женщины налево, мужчины направо».

Идеал-типическая модель женщины того времени распадается на три части или три портрета. На первом из них – молодая женщина, преодолевшая «удел» работницы или крестьянки, чтобы стать секретарем, медсестрой или работать в сфере обслуживания. На втором – замужняя женщина, обнаруживавшая прелесть домашнего очага и воспитания детей. На третьем – молодая представительница класса буржуазии, получившая образование с целью инвестировать свой диплом в выгодный брак. Наконец, как их антипод – работница. Вскоре три первых портрета сольются воедино, чтобы преобразиться в профиль служащей, женщины, работающей в офисе.

Крушение иллюзий «Славных Тридцатых» (1945–1975 гг.)

Настроение западного мира стало оптимистичным. Был самый пик эйфории, и любая надежда, казалось, имела под собой основание. Война закончилась, и началась экономическая битва, которая должна была служить делу женщин. Вера в прогресс являлась абсолютной во время, когда было чем заняться. В Европе с 1960 по 1973 гг. валовой внутренний продукт рос в среднем на 3,9% в год. Такой рост поощрял полную занятость, которая приветствовалась после хронической безработицы предыдущего периода. В Англии, Германии и Швеции трехсторонние комиссии, состоящие из представителей профсоюзов, деловых кругов и правительства, выработали условия, на которых будет функционировать экономика в условиях фактически полной занятости. Государство действительно стало источником «благосостояния» для всех. Многие факторы, среди которых и низкая энергетическая стоимость, увеличивающаяся продуктивность, и результативные инвестиции в образование, и обучение, гарантировали постоянный экономический рост. И это стало началом расцвета потребительского

* *Claudia Koonz.* Mothers in the Fatherland: Women, Family Life, and Nazi Ideology, 1919–1945 (New York: St. Martin's Press, 1987).

общества, истинной движущей силой, стоящей за востребованными рабочими руками. Женщины с головой бросились в рай, принимая участие в использовании богатства наций, или по крайней мере так говорили. В действительности, хотя женщины и принимали участие в экономической жизни, они едва ли получили от этого ожидаемые выгоды. Несмотря на то, что женщины все больше и больше втягивались в систему образования и на рабочие места, они получали доступ в основном к феминизированным и поэтому обесцененным работам или на самый низкий уровень иерархии. На глазах у всех происходил процесс натурализации полового разделения труда. Хотя этот процесс ощущался и в предыдущий период, он ускорился благодаря экономическим переменам.

Работающие женщины в Европе

В этот период проявляются два феномена: включение большого количества ранее независимых (работавших не по найму) женщин в ряды работников по найму, и влияние наемного труда на модели женского труда. Количество работающих женщин увеличилось по всей Европе, но пропорция работающих по найму была гораздо выше на Севере (85,5% в 1970 г.), чем на юге (65%). Италии, Греция, Испания и особенно Португалия, все эти страны между 1960 и 1970 годами видели быстрое увеличение количество женщин, работающих по найму. Промышленность набирала новых рабочих из рядов прежде независимых ремесленников и крестьян. В 1946 году 41% французских женщин работал в качестве ремесленников или фермеров, но эта пропорция сократилась до 8,6% к 1975 году. В то же время пропорция женщин, работающих по найму, от всех работающих женщин возросла с 59% в 1954 году до 84,1% в 1975 гг. Впервые во Франции пропорция женщин, работающих по найму, была выше, нежели мужчин, работающих по найму (81,9%). Увеличение пропорции наемных работников произошло не только благодаря притоку прежде независимых работников в промышленность, но и уменьшению количества работающих дома в одиночку матерей, что было характерно для всей Европы кроме Нидерландов и Бельгии. В 1975 году таким образом Европа перешагнула через экономическую и социологическую веху: независимый труд в своей традиционной форме практически исчез, и женщины более не находятся дома. Женщины теперь полностью включены в рыночную экономику, в которой сфера обслуживания занимает центральное место.

В действительности, сфера обслуживания сыграла решающую роль в привлечении женщин к наемному труду. Чем больше она ро-

сла, тем большее количество женщин нанимались на работу. Именно так случилось в Скандинавии и Соединенном Королевстве, где переход занятости из первичного и вторичного секторов в сферу обслуживания начался в предыдущий период и продолжался с еще большей интенсивностью. Во Франции между 1968 и 1973 годами сфера обслуживания отвечала за 83% новых рабочих мест, 60% из которых принадлежали женщинам. «Бюрократический феномен», который можно наблюдать по всей Европе, также был исключительно женским, за исключением Италии, где женщины более ровно распределялись среди главных групп занятости. Итальянские женщины насчитывали 48% от тех, кто занимался творческими профессиями и сопутствующими услугами, 41% обслуживающего персонала и 30% работников офиса, в то время как английские женщины составляли 74% обслуживающего персонала и 67% офисных служащих*

На европейской карте наемного руда обнаруживаются свои женский и мужской континенты, чьи контуры игнорировали географические границы и вместо этого выстраивали иерархические фронтиры. Мужской континент состоял из рабочих и менеджеров, в то время как женский только из огромного лабиринта офисов. Между этими двумя крайностями лежала другая Европа, земля гендерного равенства на рынке труда, которое начало появляться в розничной торговле, квалифицированном труде, технических и сопутствующих работах, преподавании, праве и медицине. По мере расширения европейской экономики, он опирался на независимый безработный ресурс, включая группу работников, которых прежде сослали домой: замужних женщин.

Количество работающих замужних женщин увеличилось повсюду, за исключением Нидерландов и Бельгии, но также и увеличился период времени, на протяжении которого женщины оставались активными. Между 1950 и 1960 гг. количество замужних работающих женщин удвоилось в Норвегии и выросло на 20 пунктов в Швеции, на 10 – в Швейцарии и на 5 во Франции, где в 1962 году замужние женщины насчитывали 53,2% от всех работающих женщин. Если, однако, поместить процент работающих женщин против возраста и количества детей, результаты за период 1967–1972 годов будут варьироваться от страны к стране. В Испании, Ирландии, Португалии и Нидерландах женщины прекращали работать, либо когда они выходили замуж, либо когда они рожали первого ребенка. В Германии, Франции, Англии и в меньшей степени в Италии, многие

---

* *Françoise Lantier*. Le Travail et la formation des femmes en Europe (Paris: La Documentation Française, 1972). Vol. IV, P. 46.

женщины возвращались на работу после того, как их дети выросли. В Швеции и Финляндии вспомогательные кривые показывают, что замужние женщины и матери оставались на работе. К 1975 году брак перестал быть серьезным препятствием для профессиональной деятельности, в то время как материнство продолжало быть негативным фактором. Чем больше детей имела женщина, тем меньше ей приходилось работать вне дома. Когда у женщин появлялись дети, не только в южной Европе, но и в Ирландии и в Нидерландах, они оставались дома. Эти контрасты предполагают, что бесполезно искать один фактор, который отвечал бы за растущее количество женщин на рынке труда, было ли это желание женщин работать или нужда той или иной отрасли промышленности в рабочих руках. Несколько факторов влияли совместно: «коллапс социальной базы движения в поддержку семьи»,* коллективная социализация детей, доступ или отсутствие детских садов или яслей, наличие бытовой техники, уровень образования замужней женщины, и профессия мужа — это всего лишь некоторые релевантные факторы, способные объяснить отличия по странам.

Более того, статистика сама по себе находится под влиянием «очевидного» распределения труда. Если мы желаем, а нам следует это сделать, сравнить поведение отцов с поведением матерей, то нет данных, чтобы обосновать такое сравнение. Статистики «инстинктивно» приписывают детей к матерям, так что у нас нет цифр, показывающих влияние количества детей на карьеру мужчины. При этом многочисленные исследования показывают, что присутствие детей положительно влияет на продвижение мужчины по службе, но отрицательно — на женскую карьеру. Более того, любой анализ женской карьеры должен принимать во внимание тот факт, что женщины осуществляют всю работу по дому в дополнение к своей основной работе. В 1975 году занятые женщины работали дома в три раза больше, чем мужчины. Таким образом женщины делают два вида работы, оплачиваемую и неоплачиваемую, в то время как большинство мужчин специализируются в профессиональном труде. При этом тот, кто пытается объяснить изменения в женских рабочих моделях, даже те из социологов, кто обеспечен самым большим банком количественных данных, хотят показать, что в работе содержится некоторый вид экономической необходимости. Однако отсутствуют соответствующне социологические данные о мужчинах: для них работа есть естественное право, но для женщин —

* *Rémy Lenoir.* “L’Effondrement des bases du familialisme”, Actes de la recherché en sciences sociales 57–58 (Jube 1985): 69–88.

это аномалия, поэтому ее нужно объяснять с помощью социологов и антропологов. Подобно статистике, просто в других понятиях, те же процессы рассматривались в дискурсе социальных наук, чтобы, прежде всего, укрепить изначальное половое разделение, нежели поставить его под сомнение. Более того, скорее наемный труд, нежели нахождение дома или занятие независимой трудовой деятельностью в изучаемый период (1945–1975 гг.) понимался исследователями и феминистками-активистками как большой шаг в сторону женского «освобождения». Парадоксально, но для марксистов, которые были достаточно влиятельными в то время, наемный труд – это отчужденный труд, при этом феминистки и социологи рассматривали тот же наемный труд как освободительный. В любом случае, включение женщин в рабочую силу замаскировало ограничения, которые социальный порядок наложил как на их образовательные, так и на рабочие возможности. Маскировка эта только дополнилась иллюзией, взращенной школами, что шансы девушек на успех были равны шансам юношей.

Образовательный взрыв и социальное крушение иллюзий

Сегодня женщины стремятся к получению образования, чтобы найти работу. Они должны думать, что карьера их будет успешной, и много сил затрачивается на планирование, чтобы удостовериться, что обеспечение выпускниками будет подходить к нуждам рынка труда. Хотя наблюдается ясная корреляция между расширившимися возможностями получения образования для женщин и пропорцией женщин на рабочем месте, но связь эта не такая уж и прочная. В Нидерландах, например, девушки получают хорошее образование, но относительно немногие идут работать, таким образом невозможно установить косвенную связь. Наоборот, сравнение полученных степеней женщинами, которые идут работать, может помочь нам измерить профессиональную отдачу образования и оценить вероятность успеха женщины на рабочем месте.

Система образования считает себя либеральной, хотя в действительности она консервативна. Новые возможности учебных программ, предлагаемых от имени «расширения» образовательного опыта, в действительности помогают воспроизводить разницу между мальчиками и девочками. Тем не менее, в Европе действительно произошел образовательный взрыв в том смысле, что количество девочек, пошедших в школу, резко увеличилось, особенно между 1970 и 1975 годами. В 1970 году было достигнуто равенство в области сред-

него образования в Норвегии (где 58,7% мальчиков и 58,2% девочек ходили в среднюю школу) и Франции (42,1% мальчиков и 49% девочек). В Дании, Испании, Швеции и Португалии количество студенток росло быстрее чем количество студентов между 1970 и 1975 гг., в то время как во Франции и Германии ситуация сложилась по-другому. Здесь девочки имели меньше возможностей получить высшее образование, чем мальчики: многие девочки заканчивали только среднюю школу. Повсюду (за исключением Люксембурга) существовал разрыв по крайней мере в 30 пунктов между процентным соотношением студентов и студенток в университете в 1964–1965 годах, а в Нидерландах мужчины превосходили женщин 2:1. В южной Европе (кроме Португалии) количество студенток увеличилось по самой быстрому показателю, в то время как в Германии, Австрии и Бельгии показатель роста был таким же.

Система образования ответила на эту «половую демократизацию», переводя женщин в подходящие, то есть «женские» профессии. Школы воспроизводили социальное разделение в каждом компоненте программы, поощряя женщин посещать определенные учебные курсы, которые, в конце концов, оказывались невыгодными. Во Франции степень бакалавра теперь давалась в различных специализированных областях: бакалавры серий F и G (медицинские, социальные, и управленческие науки) привлекали многих девушек, в то время как бакалавры серий C и M (математика и физические науки, технология) привлекали юношей. В 1975 году только 33,8% бакалавров C и 4,2% бакалавров M были женщинами. Точно также, в университетах по всей Европе женщины превалировали на кафедрах языков, литературы, педагогики и психологии, в то время как мужчины – в науке и математике. Различия в специализации далее закреплялись разницей в уровне образования. Как по техническим, так по общим дисциплинам меньше девушек, нежели юношей достигали высших уровней (например, «третьего круга», эквивалента американского Ph.D.). Исследование, проведенное ЮНЕСКО в 1967 году, обнаружило, что первичной причиной того, почему женщины в Германии, Финляндии, Франции, Италии, Норвегии, Нидерландах и Швеции бросали университеты, было замужество, но другие факторы также ограничивали их стремления на начальной стадии.

Многие девушки завершали свое образование в средней школе, в то время как для юношей диплом средней школы часто являлся лишь трамплином для поступления в колледж. Аттестат зрелости потерял свою былую ценность. Во Франции, где количество девушек, получавших степень бакалавра, превзошло количество юношей в первый раз в 1964 году, степень сама по себе больше не явля-

лась ключом, открывающим двери на работу, как когда-то. Больше девушек теперь получали степени, но эти степени уже не многого стоили, их образование плохо подходило к настоящим условиям рынка труда. Например, во Франции в 1956 года 46% девушек, посещавших учебные центры, все еще учили шить, хотя текстильная промышленность уже находилась в упадке. Правда, теперь женщин среди «немногих счастливчиков », имевших возможность попасть в колледж, было больше, но большинство добивались только аттестата зрелости*. Так система образования играла свою роль при воспроизводстве социальных различий между полами. Неравенство в области образования накладывалось на разницу в наследственном уровне образования внутри семьи, что влияло на многих девушек, вынужденных «выбрать» один из «женских» путей. Один из наиболее неясных и жестоких аспектов мужского доминирования в системе образования как раз и заключался в том, чтобы заставить находящихся в невыгодном положении принять на себя ответственность за свое собственное обесценивание. Когда девушки покидали школу и пытались обналичить дипломы на рынке труда, они сталкивались с более серьезными барьерами, чем юноши.

Легко предположить, какие виды работы ожидали выпускниц. Они скорее всего останавливались на профессиях, требовавших определенных умений, полученными ими еще в школе. Образование влияет на безработицу тремя главными способами: оно поощряет студентов (или вернувшегося на рабочее место) искать работу; оно позволяет женщинам с высокими степенями, вступить в те профессии, где доминируют мужчины; и оно служит общим сертификатом пригодности к работе в различных профессиях. Во многих странах, чем более образована женщина, тем вероятнее она найдет работу. Однако это не относится к мужчинам. В 1971 году в Австрии 48,3% женщин с начальным образованием работали по сравнению с 74,9% тех, кто имел университетский диплом; в Швеции соответствующие цифры – 58,6 и 86,7%; во Франции – 28,6 и 69,3%. Сравним эти показатели с цифрами среди мужчин: в Австрии 97,3% мужчин с начальным образованием работали по сравнению с 94,5% с университетским образованием. Для женщины вступить на лестницу образовательной иерархии означало вырваться из кухни на работу.

Если образование поощряло женщин к поиску работы, оно также направляло их в уже феминизированные секторы экономики, ко-

* *Pierre Bourdieu.* Les Héritiers: les étudiants et leurs études (Paris: Editions de Minuit, 1964).

торые соответственно становились еще более феминизированными. По всей Европе женщин было очень много в сфере обслуживания, особенно в розничной торговле, банковском деле и коммунальных услугах и частном секторе, в то время как они являлись меньшинством в обрабатывающей промышленности, горном деле, строительстве, общественных работах и транспортной сфере. Во Франции медицинское и социальное обслуживание в 1968 году уже на 80% было женским, продолжая привлекать все больше женщин. Пропорция женщин, работающих в офисе, повышалась в Швеции и Франции. В Германии больше женщин были заняты в торговле, чем в любом другом секторе. Те, кто избежал феминизированных секторов, найдя работу в мужских профессиях, обнаружили, что половое разделение также иерархично: мужчины отдают приказания, а женщины их выполняют.

Хотя количество женщин на должностях исполнительных директоров, менеджеров и инженеров увеличивалось во многих местах от Скандинавии до Испании, женщины на этих позициях все еще находились в меньшинстве. Небольшое количество женщин в среднем управленческом звене объясняет их фактическое отсутствие на должностях топ-менеджеров, поскольку их должности не позволяют продвигаться вверх по лестнице. Те же, кому удалось это сделать, не обладают теми же обязанностями, что их коллеги-мужчины. Два исследования — одно восьми британских фирм, проведенное в 1964 году, другое — в четырех регионах Франции в 1970 г. — продемонстрировали нежелание работодателей продвигать женщин на высшие управленческие посты. Сама идея о женщине, руководящей мужчинами, была невообразимой. И в публичном секторе, где было занято большинство квалифицированных женщин, они редко поднимались выше среднего уровня. В 1974 году 65% женщин на французской гражданской службе в категории С и 58% в категории В вряд ли ожидали продвижения внутри своих категорий, оставляя только категорию А. По всей Европе преподавание в начальной и средней школе сделалось исключительно феминизированным с 1965 года, где женщины концентрировались на его низших уровнях. Верно то, что 55% учителей французских лицеев — женщины, обладающие престижной степенью agrïgation. Это доказательство продвижения женщин скрывает однако поразительный факт: количество мужчин, имеющих такую же степень и переходящих из лицеев в университеты, значительно больше, нежели женщин. В среднем уровень образования рабочей силы повысился, женщины, не имеющие дипломов, находятся в еще более невыгодном положении, чем раньше. Группы занятости, где количество рабочих мест выросло между

1963 и 1973 годами, это именно те, где требовалось образование. Так разница между квалифицированными и неквалифицированными женщинами только увеличивается. Между 1954 и 1974 годами процент французских женщин в области неквалифицированного труда возрос по сравнению с мужчинами; в 1968 году 78% женщин в промышленности классифицировались как неквалифицированная рабочая сила по сравнению с 52% мужчин.

Рабочее место только акцентирует разницу, уже установленную образовательной системой, так что половая разница выкристаллизовалась в структуре системы и вошла в подходы людей, да так, что стала казаться естественной, прежде всего потому, что трудно понять постоянное социальное конструирование, из которого происходят такие различия. Правда, скорость сегрегации не всегда достаточно высока, так что иногда необходим акт явной дискриминации, чтобы удостовериться, что равное соревнование никогда не случиться.

Бесплодное соревнование

Вопрос вот в чем: как женщин интегрировать на рабочем месте, одновременно отделив от мужчин в профессиональном отношении? Можно установить разные карьерные пути для женщин и мужчин. Ошибочно, однако, предполагать, что половое разделение труда является просто разделением труда по гендерному признаку. Половое разделение труда олицетворяет фундаментальное символическое насилие, и чем ближе мы подбираемся к равному соревнованию между мужчинами и женщинами, тем более сильным становится это насилие. Логика здесь проста: любой ценой необходимо установить различия там, где их не существует.

Между 1945 и 1975 годами целый ряд законов, эдиктов и национальных и международных актов провозгласили право на «равную оплату за труд равной ценности»*. Тем не менее, разрыв между зарплатой мужчины и женщины оставался на одном и том же уровне до 1968 года, после чего он стал сокращаться: к 1975 году по разным странам разрыв составлял от 25 до 35% . Такую разницу в оплате рассматривали как логичное следствие всех видов труда, которым занимались женщины. Большинство занималось феминизированными и поэтому плохо оплачиваемыми профессиями; женщине было

* См., например, Закон о равной оплате труда от 1970 года, принятый в Соединенном Королевстве, который требовал равной оплаты за эквивалентную работу. См. также греческий закон № 1414/84, посвященный принципу полового равенства на работе, и французский закон о равенстве в профессии, принятый в 1983 году.

трудно получить доступ на высокие уровни иерархии; и в среднем женщины были менее квалифицированы, нежели мужчины. Эти факторы казались достаточными для объяснения продолжавшегося разрыва в вознаграждении за работу для мужчин и для женщин. Неравная оплата является чистым продуктом, отражением различий в области труда.

Но если бы только в этом было дело, то, как тогда объяснить неравенство в оплате за ту работу, где квалификация и объем работ тот же самый? Оказывается, что разница в заработной плате увеличивается с возрастом и уровнем квалификации. Возьмем, к примеру, Францию в 1970 году, и рассмотрим двух выпускников, обучавшихся по «длительной» программе технического образования, мужчину и женщину. По достижении ими 45 лет разница в их заработной плате будет составлять 46%, а по достижении 60 она увеличится до 56%. Подобным же образом, типичная выпускница колледжа зарабатывала на 43% меньше, чем ее коллега-мужчина в возрасте 45 лет и на 53% меньше в возрасте 60 лет. Оказывается, таким образом, что вознаграждение мужчинам покрывает приобретенный на работе опыт, в то время как женская зарплата этого не покрывает. Можно возразить, что такая разница является результатом сущности самой работы. Но увеличивающийся разрыв между заработной платой мужчин и женщин можно наблюдать на соответствующих ступенях иерархии и уровне квалификации в банковском деле, страховании и розничной торговле. Более того, чем ниже уровень квалификации и занимаемая позиция, тем меньше неравенство. И наоборот, чем выше квалификация и занимаемая позиция, тем больше неравенство в заработной плате. Для банковских служащих-мужчин, занимающих низкие позиции, индекс равен 103,9 (средняя зарплата женщины в таких позициях — 100), а для мужчин, работющих в розничной торговле, индекс равен 112,7. Высшее звено банковских управляющих получает по индексу 137,5, а менеджеры в розничной торговле — 142,0.

На этом основании можно было бы предположить, что равенство достигается внизу иерархии. Однако анализ заработка женщин — промышленных работниц показывает, что и в этом случае их заработная плата зависит от «воображения властей». Женщины, работающие на предприятиях с только женским коллективом, получают самую низкую зарплату. Наоборот, мужчины, работающие на предприятиях с только мужским коллективом, получают самую высокую зарплату. В смешанных коллективах, женщины-работницы зарабатывают больше, чем женщины в только женских коллективах, но мужчины зарабатывают меньше. Феминизация рода занятий обычно является

фатальной для уровня зарплаты, в то время как маскулинизация приносит прибавочную стоимость. На предприятиях со смешанным коллективом модель вознаграждения также имеет различия. Считая, что женщины более стимулируются сдельной зарплатой, нежели мужчины, работодатели платят мужчинам прямую почасовую заработную плату, а женщинам – сдельно. По словам одного работодателя: «женщины, работающие на прессах, делают ту же работу, что и мужчины, но мы не можем им платить по той же ставке, ибо в конечном итоге они будут зарабатывать гораздо больше, чем мужчины»*. В другой фирме, где работа, выполняемая мужчинами и женщинами, являлась абсолютно идентичной, бригадир посылал мужчин на более тяжелые работы, а женщин – на те, которые требуют быстроты, с целью оправдать разницу в заработной плате: «Совершенно необходимо найти способ платить мужчинам больше, чем женщинам»**. В данном случае физическая сила классифицируется как умение, но способность быстро работать, таковым не является. Любая такая практика является способом изобретения различий там, где в действительности существует эквивалентность.

Где бы ни попадался смешанный рабочий коллектив, обязательно в дело вмешивается дискриминационная социальная логика, чтобы помешать любой попытке к созданию равенства между мужчинами и женщинами. Хорошим примером может служить занятость на неполный рабочий день (или по совместительству). Она предлагает несколько преимуществ: оправдывает разницу в заработной плате, позволяет женщинам совмещать материнство с работой, снижает общие затраты компании на фонд заработной платы, и обеспечивает гибкий способ регулирования спроса и предложения на рабочую силу. В интересующий нас период (заканчивая 1975 годом) частичная занятость еще не расцвела в полную силу, как это случилось позднее, но уже 10% европейских работников трудились по неполному рабочему дню (или по совместительству) в 1975 году (количество их сильно увеличилось с 1973 года). Повсюду, за исключением Италии, неполный рабочий день работали в основном женщины. Пропорция тех, кто работал неполный рабочий день (и женщин на таких работах) была самой высокой в Соединенном Королевстве, Германии и Дании. В 1973 году 10,1% рабочих мест в Германии и 16% в Британии являлись занятостью на неполный рабочий день, а пропорция женщин, работавших на них по совместительству, составляла 89%

* *Madeleine Guilbert.* Les Fonctions des femmes dans l'industrie (The Hague: Mouton, 1966). P. 148).

** Ibid., P. 144.

в Германии и 90,9% в Соединенном Королевстве. Видна явная корреляция между ростом сферы обслуживания и развитием частичной занятости, особенно в таких сферах услуг как уборка, общественное питание и уход. Во Франции между 1971 и 1975 годами частичная занятость увеличилась как среди мужчин, так и среди женщин, но разрыв в оплате оставался большим: 1,7% для мужчин и 13,1% для женщин, работавших по неполному рабочему дню в 1971 году, 2,9% и 16,3% в 1975 году соответственно. Так во Франции между 1968 и 1975 годами большая часть увеличения в женской занятости пришлась частичную занятость, в этом последнем бастионе, где все еще являлось законным обращаться с женщинами, как с низшими существами. Многие виды работ такого рода имели мало перспектив в продвижении по службе, так что, с одной стороны, частичная занятость могла позволить женщинам совместить семью и работу, но с другой – она и удерживала их от каких-либо планов о карьере. И вновь, семья и работа были противопоставлены друг другу, но вместо традиционного полового разделения труда мы видим половое разделение времени, затрачиваемого на него: полный рабочий день для мужчин, неполный – для женщин. Ловкость рук позволила избежать прямого соперничества.

Сегрегация женщин по категории занятости, частичная занятость (или работа неполный рабочий день и по совместительству), отсутствие возможностей продвижения по службе создавали ощущение двойственного характера рынка труда: один для мужчин, высококвалифицированный и высокопродуктивный, другой для женщин, с недостаточной квалификацией, оплатой и престижем. Экономическая теория двойственного рынка труда (первичного и вторичного) узаконила половое разделение труда, демонстрируя его как естественную часть экономики. Обеспечив теорию, объясняющую эмпирические факты, экономисты забыли, что двойственность являлась социальным и политическим конструктом, результатом процесса, который постоянно изобретал и распространял новые практики различения. То, с чем мы имеем дело, на самом деле тот же старый рынок труда, но основа была переделана для создания новой модели асимметрии. Теория двойственного рынка не позволяет видеть и интерпретировать тот способ, которым достижения женщин в «первичном» или мужском рынке немедленно привели к более высокой дискриминации. Она также маскирует свою собственную социальную функцию по узаконению полового разделения в современном новом виде. Изобретение частичной занятости (как и работы по совместительству), являющейся как инструментом эко-

номки, так и половой сегрегации, оказалось эффективным в создании основы современной экономики.

Искусство извлекать прибыль от полового разделения труда (1975–1990 гг.)

Это было время потрясений. Дела шли скверно. Систематический экономический рост славного периода уступил место конъюнктуре, обозначившейся сначала медленным ростом (1975–1980 гг.) и затем (до 1986 г.) сокращением. Экономика была больна в результате своей собственной экспансии. Стоимость труда росла быстрее, чем его производительность. Сфера услуг бурно развивалась и разрослась до неимоверных размеров. Национальный доход падал. Инвестирование пошло медленнее, так как инвесторы осторожничали. Инфляция и безработица быстро выросли. Многие страны ввели строгие политические меры, чтобы контролировать инфляцию. Цель заключалась в том, чтобы положить конец растущим ценам и преподать урок тем, что не желал интерпретировать экономические показатели «правильным» путем. Рынок труда стал первой целью длительной серии мер по борьбе с инфляцией. В качестве лекарства было предложено сократить рабочие места, корректировавшие спрос и предложение, и перераспределить оставшиеся. Рабочая мобильность, гибкость, переобучение, утилизация отходов — с новой интерпретацией пришел и новый жаргон. Если рынок труда проявлял признаки определенной косности, следовало научиться большей гибкости, и изменить саму концепцию трудовой деятельности. Поскольку изменилась суть труда, в лексикон пришло и новое слово: вместо труда (labour) люди стали говорить о «занятости» (employment). Труд уже давно сошел на нет, но теперь он буквально погиб: экономисты говорили о «сегментации» или «фрагментации» рынка труда. А когда дело дошло до сегментирования и фрагментирования, самым эффективным оказалось половое разделение труда. Пришло время полностью использовать его потенциал, чтобы извлечь максимум возможной выгоды из «рационального управления людскими ресурсами». Половое разделение стало одним из уровней гибкости рынка труда, фундаментальным компонентом экономической эффективности, движущей силой, стоящей за распы-

лением занятости. И первое, что нужно было сделать, чтобы начать извлечение выгод из полового разделения труда — это продолжить использование неравенства в системе образования.

Конструирование различий в системе образования

После того, как 1975 год был объявлен Международным Годом Женщины, были написаны бесчисленные декларации, ответы, законы, меморандумы в пользу равных образовательных возможностей для обоих плов, с дополнительным условием, что должен существовать равный доступ к обучению равной ценности. При этом подобные единодушные заявления и правила оставили широкое поле для скрытого неравенства. Проблема заключалась более не в том, что меньшему количеству девочек давался шанс на получение образования, но в том, что школы просто воспроизводили существовавшие различия и не могли подготовить своих выпускников к реалиям рыночного пространства.

Увеличение количества женщин в средних школах и университетах и растущее число студенток, специализировавшихся в «мужских областях», создало правдоподобную иллюзию одинаковых возможностей. При ближайшем рассмотрении, однако, данные говорят совсем другое. Поскольку больше женщин использовали возможность получить образование, возросла «феминизация» некоторых дисциплин. Молодые женщины следовали по стопам своих матерей, выбирая уже феминизированные дисциплины. По всей Европе студентки университета специализировались в литературе, языках, фармацевтике и, в меньшей степени, медицине. В 1966 году 66% норвежских женщин, готовившихся к выпускным экзаменам, находились на кафедрах языков, а к 1980 году эта пропорция возросла до 84,5%. В Швейцарии 53,9% студентов занимались тем или иным видом литературоведения в 1975 году, и 60% в 1982 г. Во Франции женщины были заняты в большинстве своем в литературе, фармацевтике, экономическом и государственном управлении, а количество, избравших медицину, резко возросло (43,8% в 1982 году). Привлекательность феминизированных дисциплин для молодых женщин, что университеты только поощряли, привела к стойкости неравенства между «престижными» и «непрестижными» специальностями. Более того, увеличение количества женщин, занимавшихся теологическими и научными исследованиями, никак не повлияло на изменение фундаментальных различий между программами. Женщины в инженерном деле так и оставались в меньшинстве: 7,3% в Бельгии в 1982 году, 10% в Германии в 1981 году, 10,3% в Швейцарии в 1983 году

и 5,5% в Соединенном Королевстве. Распределение студенток во французских академических учреждениях были совершенно типичным: в 1985 году 77,2% готовились к карьере в области информационных или социальных услуг, по сравнению с 3,5% в машиностроении и гражданском строительстве. Из тех, кто изучал библиотечное дело, 72,3% составляли женщины, а гений механики привлек лишь 1,2% женщин. Очевидно, что интеграция средних школ и университетов и увеличение количества женщин, получающих университетские дипломы, не гарантирует, что все женщины получат образование одинаковой ценности; определенные специальности остаются исключительно феминизированными. Вместо того, чтобы бороться с половой сегрегацией, система образования в целом поощряет ее, поддерживая те черты, которые являются академическим отражением социальных стереотипов.

Следует быть осторожными, однако, и не торопиться объяснять непрестижность специальности только ее феминизированностью, поскольку критерии, по которым отбираются «престижные» дисциплины, меняются со временем. Когда-то, например, гуманитарные науки были престижными, теперь математика и точные науки отделяют «избранных» от «сосланных». Гендерно детерминированная специализация приводит к обесцениванию определенных дипломов. Конечно, такое обесценивание влияет как на мужчин, так и на женщин, но при наличии равных дипломов, у женщины меньше вероятности получить хорошую работу по сравнению с мужчиной. Так, во Франции в 1977 году 62% мужчин — выпускников университетов занимали управленческие позиции и 77% в 1985 году. Для женщин и в том, и в другом случае эти цифры равнялись 46% . Точно также, в 1985 году 40% выпускниц университетов оказались занятыми в «профессиях среднего звена», по сравнению с 20% мужчин. Другими словами, когда мужчины и женщины покидают университет, они редко имеют одинаковый диплом, и даже если это и так, женский диплом ценится на рынке труда меньше, чем мужской. Таким образом, проблема заключается не в возможности получения степени или отсутствии такой возможности — как это было в прошлом, — но скорее в признании того, какого рода диплом имеется на руках и чего он стоит. Вся эта громогласная риторика о росте количества женщин-выпускниц скрывает тот факт, что дипломы, получаемые ими, менее ценны, нежели в прошлом, и что их профессиональные возможности ограничены. Это особенно относится к женщинам скромного социального происхождения, не имеющим особой рабочей квалификации и профессионального диплома. Для них, также как и для замужних женщин, которые хотят вериуться на работу после того, как выросли их дети, единственной возможностью остается посещение программ для переквалификации, созданных для того, чтобы

помочь студентам приспособить имеющиеся у них знания и умения к изменяющимся экономическим нуждам.

Люди начинают ставить под сомнение, способна ли система образования обучать тем видам умений, в которых нуждается современный работник. Многие страны обнаружили, что существует недостаток в квалифицированной рабочей силе. Правительства заключают контракты с работодателями, чтобы обеспечить образование для взрослых, совмещенное с работой обучение и курсы переквалификации с целью сформировать новые умения и увеличить рабочую мобильность. Последней модой стали корректнвные курсы, и появилась целая новая профессия специалистов по тренингу на рабочем месте. Работники теперь столкнулись с изобилием обучающих программ и курсов «помоги себе сам», и от каждого ожидается, что они выберут из разнообразного меню доступных опций то, в чем нуждаются. Женщины могут выбирать из многочисленных программ возвращения на рынок труда, менеджерских курсов и семинаров по повышению квалификации. В 1982 году новая школа «Открытые технологии» предлагала курсы с полной и частичной занятостью для британских рабочих с целью приобретения ими новейших навыков. В 1985 году Бельгия создала программу, чтобы обучать женщин управлять мелкими и средними компаниями. Хотя цель рабочего обучения во всех странах заключается в компенсации социального и полового неравенства, ясно, что те, кто получает больше всех выгод, это люди, уже имеющие какие-то навыки. В условиях отсутствия оплачиваемого отпуска для тех, кто записывается на тренинговые курсы, немногие женщины закончили их, получив эффективные навыки и умения, чтобы иметь возможность продвижения по службе. Обучение, однако, действительно помогло расширить социальные и профессиональные умения, готовя рабочих морально, так же как и физически к фрагментации рабочего процесса. Курсы включают новое видение работы как серии переходов от занятости к обучению, к безработице и обратно, нежели традиционному обучению, за которым следует устройство на работу. Поскольку обучение подразделяется на более мелкие части, то и занятость подвергается фрагментации.

Новый тип занятости

В период спада и безработицы многие европейские страны искали путь превратить свою промышленность в более конкурентоспособную посредством замораживания заработной платы. Заявлялось, что рабочая сила плохо приспособлена к нуждам рыночной экономики, слишком дорогая и негибкая, что выливается в существование негибкой

заработной платы, которая только усугубляется упрямством профсоюзов. Что необходимо, спорят эксперты, так это большая гибкость рабочего процесса, чтобы позволить недоиспользованным сегментам рабочей силы включиться в этот процесс. Женщины фигурировали в основном в такого рода планах.

Половое разделение труда являлось фундаментальным принципом, которым руководствовались компании, сталкиваясь с изменениями в рабочем процессе. Статистика показывала, что женщины определенно желали работать; вопрос заключался в том, как заставить это желание служить выработанному плану, особенно учитывая то, что пропорция работающих женщин в Европе возросла с 45,7% в 1975 до 48,7% в 1983 году, в то время пропорция мужчин сократилась на пять пунктов. Несмотря на спад и безработицу, женщины оставались на рынке труда. Различные факторы упоминались в качестве объяснения отказа со стороны женщины забрать свое предложение об услугах: увеличение числа образованных, расширившийся публичный сектор, новые подходы к браку и разводу, более раннее обучение для детей, более позитивный образ работающей женщины. В конечном итоге, однако, оказалось, что увеличение пропорции работающих женщин произошло благодаря увеличению сектора частичной и нелегальной занятости, работы на дому, временной занятости и производственного обучения.

С 1973 года и еще более с 1981 года предприниматели старались сократить стоимость труда, сознательно увеличивая количество рабочих, нанимаемых на неполный рабочий день (по совместительству). Между 1973 и 1986 годами пропорция таких работников среди работающих женщин возросла во всех европейских странах, за исключением Греции, Италии, Финляндии и Ирландии. В 1986 году от 40 до 45% работающих женщин в Скандинавии и Соединенном королевстве, 25% в Бельгии и Франции и 30% в Германии работали неполный рабочий день (по совместительству). В том же году 90% всех работающих неполный рабочий день в Бельгии, Соединенном Королевстве и Германии составляли женщины, соотвебтственно – от 80 до 90% в Дании, Норвегии, Швеции, Франции и Люксембурге. Во Франции с 1982 по 1986 год женская занятость увеличилась единственно потому, что увеличилось количество женщин, занятых неполный рабочий день. Количество работающих женщин в Европе увеличилось по этой же причине, но работа неполный рабочий день (по совместительству) все еще была нестабильной и неквалифицированной. Такие работники не имели доступа к программам обучения; мало кто получал повышение; они имели меньше социальных пособий, таких как пенсии (не обязательные для такого рода работников в некоторых странах); им меньше платили;

их часто увольняли первыми. Сравнивая возраст мужчин и женщин, работающих неполный рабочий день (по совместительству), мы видим, что этот тип занятости характерен для мужчин старших возрастов, но для женщин в самом расцвете сил. Для мужчин такая работа являлась чем-то вроде замаскированного предпенсионного периода, в то время как для женщин – это форма неполноценного труда. Занятость женщин на основе неполного рабочего времени еще более акцентировала половое разделение труда, она сопровождалась сосредоточением женщин в сфере обслуживания, рост которой во многом был обеспечен именно частичной занятостью. Такая занятость – явно придумана для женщин, при этом ее часто представляют как желаемый выбор, когда, на самом деле, она является обязанностью. Огромное количество исследований продемонстрировало, что в действительности, только треть женщин желает работать по совместительству; остальные заявили, что они были вынуждены пойти на работу с частичной занятостью*. Частичная занятость, таким образом, является формой неполноценной занятости. Под предлогом обеспечения большего количества рабочих мест для женщин частичная занятость закрепляет сегрегацию на рабочем месте и узаконивает практику предложения работы без перспективы карьерного роста.

Конечно, не следует порицать только частичную занятость за подрыв права женщин на стремление к истинно профессиональному карьерному росту. Другие виды временной занятости влияют точно также. Работа на дому, например, приобрела совершенно другой вид. Работа на дому в своей традиционной форме никогда полностью не исчезла, но в последнее время она приобрела новый, молодой вид. Как прядильная машина дала импульс работе на дому в конце XIX века, так и компьютеры и телекоммуникационные системы облегчили работу на дому в конце XX века, который засвидетельствовал рождение «дистанционного присутствия (на рабочем месте)». Некоторые компании, движимые решимостью сокращения фонда заработной платы, определили некоторые виды работ, которые можно делать дома, такие как печатание, почтовые услуги и корректорская работа. Более того, банки, страховые компании и крупные универмаги установили видео терминалы в домах своих работников, чтобы те использовали преимущество незагруженного времени в сети и сократили, таким образом, расходы на офисную работу. Работа, которую делают на дому, варьируется от страны к стране: в Италии, большинство работников на дому находятся в области обрабатывающей про-

* См., например, *Brigitte Belloc*. "Le Travail a temps pertiel", in Données socials (Paris: INSEE, 1987). P. 112–123.

мышленности, они исполняют такие разные обязанности, как вязание свитеров, выделка обуви, сбор автомобильных приводов, в то время как в Скандинавии и Англии большинство работников на дому занимаются набором текстов или работают с программами баз данных. Женщины, работающие на дому, обычно имеют низкую квалификацию, в то время как мужчины обычно высоко квалифицированны. В соответствии с исследованием, проведенным Французским национальным агентством экономической статистики (INSEE) в 1986 году, мужчины, работающие на дому во Франции, зарабатывали в среднем 5285 франков в месяц по сравнению с 2952 франками у женщин.

Двух форм труда, однако, было не достаточно, чтобы гарантировать требуемую гибкость. После 1980 года многие работники шли на временные или контрактные работы на ограниченный период времени, чтобы только не быть безработными и оставаться в контакте с рынком труда. Во Франции 47% работавших по контракту составляли женщины (главным образом в качестве работников офиса и младших менеджеров), в то время как мужчины, нанятые по контракту, в целом являлись «синими воротничками» (простыми рабочими). Замужние женщины преобладали во всех видах работ, связанных с сокращенным количеством часов, а в Италии большое количество замужних женщин получали деньги нелегально. Совершенно очевидно, что существование параллельного рынка труда не положило конец половому разделению труда. Полная занятость, частичная занятость, легальная и нелегальные экономики — женщины явно имели много способов найти работу, но система понижала ценность их вклада. Разные страны выбирают разные способы по введению гибкости на рынке рабочей силы. В Германии, акцент делается на обучении работников, чтобы дать им возможность передвигаться на различные рабочие места внутри компании. В Англии подчеркивается внешняя гибкость: рабочие, которые находятся в избытке в одной части страны, должны искать работы в других регионах или идти на частичную занятость. Итальянцы готовы попытать всего понемногу: семья действует в качестве предохранительного клапана, когда есть уверенность, что один или два члена семьи имеют стабильную работу, другие члены семьи готовы принимать более гибкие условия труда или заниматься нелегальной экономической деятельностью. И, конечно же, всегда существуют жесткие методы борьбы с косностью рынка рабочей силы: сокращения и увольнения. Безработица в этот период являлась как структурной, так и «фрикционной».

В этот период совместного труда уделялось меньше внимания, чем в прошлом, пропаганде, побуждавшей женщин оставаться дома. Частичная занятость и безработица регулировали их присутствие на

рынке труда. В 1988 году в странах Общего Рынка существовало 16 миллионов безработных или 11% от всех работающих. За исключением Англии, женская безработица была выше, чем мужская повсеместно, особенно во Франции и Италии. В 1987 году безработица в Германии достигла 5,3% для мужчин и 8% для женщин; в Италии – 7,4% для мужчин и 17,3% для женщин. 21,4% женской безработицы в Испании бьет все рекорды, за ней следовали Бельгия, Италия и Португалии, в то время как Швейцария, Швеция и Норвегия имели в среднем показатель женской безработицы в 3%. Кроме временной, неполной и нелегальной занятости, женщины больше подвержены безработице, нежели мужчины, хотя мужчины обычно дольше находятся без работы. Когда женщины не работают долгий период времени, это, как правило, происходит потому, что они заняты в сфере обслуживания, им не достает квалификации и/или они работают на работах с частичной занятостью, которые в особенности подвержены сокращению. Во Франции риск потерять работу выше для женщин, чем для мужчин, и этот риск увеличился между 1968 и 1987 годами. Женщины также менее вероятно находят новую работу. В 1981 году 55% уволенных мужчин-работников нашли стабильную новую работу в пределах пятнадцати месяцев, по сравнению с 43% женщин. Первичная причина женской безработицы заключается в увольнении с временной работы.

Наличие университетской степени лучше всего защищает от безработицы равно мужчин женщин. Хотя женщины все еще находятся в менее выгодном положении (2,1% безработных среди выпускниц колледжей в 1987 году по сравнению с 0,2% среди мужчин), университетский диплом гарантирует гораздо меньшую вероятность потери работы. Безработица есть продукт витка гибкости и временной занятости. Работодатели приспосабливают обеспечение рабочей силой к своему спросу посредством введения огромного количества временных рабочих мест и длительностью безработицы. Однажды попав в порочный круг временной занятости, женщины могут вырваться из него только посредством безработицы.

Что нового появилось с 1975 года, так это новое социальное конструирование занятости, труда и полового разделения труда. Старая модель подразумевала образование и обучение, ведущие к стабильной занятости, затем продвижение внутри компании и затем пенсию. Новая модель включает отбор специальных курсов обучения, в некоторых случаях приводящих к стабильной занятости, в других – к циклу работ по совместительству, за которыми следует безработица, работа по контракту, переобучение или временная работа. Прямые карьеры ушли в прошлое; работа теперь более спорадическая, а занятость и безработица представляют просто разные лица гибкости

и фрагментации рынка рабочей силы. Половое разделение труда более не является результатом разделения промышленности на отрасли или сектора; это организующий принцип неравенства по отношению к занятости: «настоящая» работа – это для мужчин, «дополнительная» – это для женщин. Поэтому не следует удивляться, что неравенство между мужчинами и женщинами теперь везде увеличивается.

Утонченная сегрегация

На протяжении всей главы мы видели, как каждый новый виток увеличения количества женщин, получивших образование и ищущих работу, сменяется изобретением новых способов сохранения различий между полами. Пришло время для общей оценки. Эксперты предложили исключительно сложные способы для измерения половой дискриминации и сегрегации на рабочем месте*. Они часто проводят отличие между прямой дискриминацией (вероятность того, что мужчина и женщина с одинаковым образованием и делающие одинаковую работу будут получать разную оплату) и косвенной дискриминацией (процедуры, которые дают мужчинам преимущества при прочих равных условиях). Оба типа дискриминации постоянно воспроизводят не просто «различные условия, но также и разницу положения»**

Эта разница очевидна во всех странах, которые мы изучили. Не важно, какой выбран индикатор (индекс различения, коэффициент репрезентации женщин, вертикальная или горизонтальная сегрегация***), в любом случае оказывается, что неравенство в сфере занятости тесно связано со структурой отрасли промышленности, практикой найма в ее пределах и моделей вознаграждения. Любой наивный оптимизм по поводу того, что прогресс для женщин неизбежен, категорически противоречит фактам. В действительности, самые недавние структурные изменения в экономике ничего не сделали, чтобы сократить сегрегацию, а даже скорее усилили ее. Например, «страны, имеющие самую высокую пропорцию женщин на

---

* См.: “Ségrégation professionelle selon le sexe”, in L’Intégration des femmes dans l’économie (Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 1985). P. 40–74.

** *Piere Bourdieu.* “Classement, déclesseme, reclassement,“ Actes de la recherche en sciences sociales 24 (Nov. 1978): 22.

*** Степень сегрегации измеряется показателем пропорции женщин в данной профессии по отношению к пропорции женщин от всего занятого населеиия. Этот показатель характеризуется как CFR или коэффициент репрезентации женщин.

рабочих местах, также имеют самый высокий уровень сегрегации по занятости»*. Типичный пример — Скандинавские страны. Более того, сегрегация сократилась в секторах, переживающих упадок, во всех странах, в особенности в обрабатывающей промышленности, в то время как она увеличилась в развивающихся секторах. В Швеции, например, значительное увеличение женщин на позициях высшего звена менеджеров и исполнительных директоров привело к увеличению сегрегации. Более того, выход на рынок труда молодого поколения работников не сократило индекса различения. В Соединенном Королевстве и Германии сегрегация выше среди молодых, нежели среди старшего поколения. Хотя многие факторы влияют на постоянство сегрегации — концентрация женщин в сфере услуг и небольшом количестве профессий, ограниченные возможности для женщин повысить квалификацию или получить продвижение — частичная занятость повсюду является коренной прнчиной увеличивающегося неравенства. Новое оружие против равенства на рабочем месте устрашающе эффективно.

К традиционному половому разделению труда добавляется социальное конструирование занятости, чьей целью является создание более благоприятных условий для одного пола в ущерб другому на определенные виды работ, чтобы сохранить разрыв между полами. Поэтому не удивительно, что сохраняется разница в зарплате. Разница в зарплате это просто денежный эквивалент асимметрии позиций, ценности, придаваемой обществом труду женщин, или, в случае разной оплаты одинаково квалифицированным людям за ту же самую работу, чистой дискриминацией. В 1982 году европейские женщины в среднем зарабатывали на 20–40% меньше, чем мужчины, хотя разница в зарплате везде сокращалась. Прежде всего это происходило в Австрии и Франции. В 1989 году средняя женская зарплата составляла на 31% меньше, чем средняя мужская. Италия имела самую маленькую разницу, Ирландия — самую большую. Как и в предыдущий период, чем выше положение по иерархической лестнице, тем больше разница в зарплате. Во Франции принятие закона о минимуме заработной платы (так называемый МРОТ, минимальный размер заработной платы) сократило разницу в зарплате у подножия иерархии: неквалифицированные (синие воротнички) женщины зарабатывали на 15% меньше своих коллег-мужчин; для квалифицированных рабочих разница была 18%. Ясно, что возможности самого закона достигнуть выплаты равной заработной платы оказывались ограниченны-

* L'Intégration des femmes dans l'économie, P. 46.

ми*. Правда, природе закона присуща определенная ограниченность, он может только обязать осуществлять равную оплату за соответствующие работы. Но как показывает наш анализ полового разделения труда, такие работы редко можно квалифицировать как равноценные. Поэтому, даже когда правительство выпускает распоряжения и принимает законы, провозглашающие равную зарплату за труд равной ценности работу, они создают структуры, основанные на разном характере труда и фрагментарной занятости. Эти фарисейские законы пытаются воздействовать на конечный результат полового разделения труда, на разрыв в заработной плате, но они игнорируют все факторы, которые обуславливают этот результат: существование «женских дорог» в школах и университетах, социальных факторов, влияющнх на выбор рода занятий и формирование «вкуса», а также практики найма в тех или иных отраслях. Закон оставляет общество с чистой совестью, но ничего не делает для того, чтобы остановить воспроизводство неравенства.

Как еще мы можем объясннть, почему существует неравенство, которое становится все менее очевидным? Частично мы уже ответили на этот вопрос. Если просто говорить об увеличении количества работающих женщин, то не увидишь, что они заняты на работах с низкой квалификацией и с частичной занятостью. Это «игра» статистики. Но есть и кое-что сверх того. Существует странная корреляция между повышением дискриминации и распространением научного дискурса о сегрегации. Чем больше ученые делают, чтобы обнажить и осудить неравенство, проанализировать его причины и подсчитать масштабы его распространения, тем больше оно бьет ключом в обществе, существуя в местах, где его трудно увидеть. Хотя наука, очевидно, не может положить конец неравенству по крайней мере она не присоединяет свой голос к обскурантистской кампании, которой дирижируют средства массовой информации. Избирательно публикуя рассказы и рисуя портеры нескольких «супер женщин», средства массовой информации убедили широкую общественность в том, что половое равенство было достигнуто: действительно в недавние годы женщины получили позиции власти в беспрецедентных количествах. Социальная функция образа, создаваемого средствами массовой информации, образа исключительно властной женщины-

* Законы и статусы, касающиеся равного отношения и зарплаты, составляют главную законодательную и политическую победу, но они мало влияют на разрыв в заработной плате. De jure неравенство и de facto неравенство не являются теми же самыми. См.: *Anne Sabourin.* Le Travail des femmes dans la CEE. Conditions juridiques (Paris: Economica, 1984). Приношу благодарность Жюльетте Канью и Татьяне Мишель за помощь.

предпринимательницы, заключается в создании гарантии того, что главное остается сокрытым. Немногие женщины, добившиеся успеха, против огромного большинства продолжающих прозябать там, где они всегда были. Мужское доминирование осуществляется сегодня не так как раньше, хотя пропаганда все еще призывает женщин вернуться домой. Сегодня она сосуществует с эгалитарными законами, с узким кругом «успешных» женщин. Все эти разумные доводы — всего лишь анестезия, призванная усыпить сознание, для которого иначе было бы очевидным неравенство шансов женщин и мужчин в сферах образования и труда. Мало кто протестует против этого насилия. Женщины и феминистское движение делегировали свои полномочия властям — министрам по женским делам, международным комитетам, гарантам эгалитарных законов; борьбу отвергли в пользу хрупкого согласия. Феминистки, ведущие борьбу против идеи политизации тела, часто забывают, что это — работающее тело. В ходе борьбы это тело остается беззащитным в повседневной дискриминации на рабочем месте. Женщины слабо представлены в профессиональных группах и профсоюзах, и это, вместе с распадом коллективной сознательности феминизма, обеспечивает дополнительные возможности для воспроизводства старых различий и создания новых. Ученые трактаты, посвященные механизму сегрегации, не могут сами по себе подменить социальную борьбу. Научные трактаты полезны, однако, для выявления ключевых проблем в данном процессе, для установления болевых точек, вокруг которых следует сфокусировать усилия борьбе за равенство возможностей: различная социализация полов внутри семьи, «путь» студентов в феминизированные и таким образом не престижные специальности, практики по найму внутри отраслей. То есть для анализа всех практик, старых и новых, с помощью которых женщин исключают из общих правил. Но моменты, когда все меняется, когда вступают в силу новые способы дискриминации, исключительно коварны. Прямо сейчас все законы благоволят женщинам; все учебные заведения для них открыты; они везде интегрированы. Обманутые своим собственным триумфом, они редко протестуют против скрытых форм неравенства и того растущего сексизма, с которыми они сталкиваются. Status quo имеет вполне законный вид, но реальность скрыта в потоке риторики, провозглашающей равенство между полами.

Данный анализ очевидно свидетельствует о двойном доминировании: экономическом и половом. В действительности, здесь работает взаимная обусловленность, где экономика маскирует половой порядок доминирования. В момент, когда мужчины и женщины начи-

нают конкурировать на профессиональном поприще, вмешивается половой порядок: половые различия есть неумолимая сила, и экономические механизмы сами по себе не могут их преодолеть. Половое разделение знания и труда — это вид игры, в которой женщины честно все больше и больше рискуют, становясь жертвами иллюзий о том, что они с мужчинами равны. Жребий, однако, брошен: женщины начинают с препятствий, но на этой дистанции могут состязаться только мужчины. Чем ближе женщины подходят к цели, тем тяжелее наказание. Если мужчины вбивают себе в голову желание состязаться в домашних играх, в которые играют женщины, они также могут быть неудачниками в своих карьерах. Но социальный порядок установил раз и навсегда, где играют в настоящие игры. Только меньшинство женщин, те, кто имеет лучшее образование и социальное положение, могут нарушать правила. Метафора игры полезна в данном случае, поскольку она позволяет говорить о преимуществах и препятствиях, в то время как большинство людей не желают ничего видеть, кроме увеличивающего равенства возможностей. Представленный здесь анализ, таким образом, лишает нас иллюзий, ибо он показывает, что половое разделение в целом это di-vision — то есть, способ двойного видения. Мой подход, таким образом, фундаментально несовместим с тем взглядом, что историю женщин в XX веке можно писать исключительно в понятиях социального продвижения и прогресса. Если история женщин возможна, то это потому, что она является историей неравных отношений, историей социального конструирования неравенства между полами, или, другими словами, историей мужского доминирования, понимаемого как движущая сила истории. Пока мы не вернем доминирование в нашу историю, мы рискуем писать позитивную историю женщин, когда, в действительности, историю женщин следует рассматривать, прежде всего, как историю отвергнутого пола, в качестве зеркала основной истории, истории мужчин. Поэтому мы вынуждены принять реакцию в качестве фигуры риторики: как только понятие прогресса формулируется, мы немедленно меняем свою точку зрения и отказываемся от него. Таким образом, мы можем оценить «поражение мысли», стремящейся к тому, чтобы написать историю женщины как историю саму по себе и для себя. История едина и неделима, созданная женщинами и мужчинами, и в пределах истории. Мы можем дать женщинам голос, позволить им говорить там, где они находятся, в местах, которые часто созданы мужчинами, местах без памяти, которые этот совместный труд пытается вывести из тени.

ЧАСТЬ 4

Современные проблемы

16

Право и демократия

Мариет Сино

Сейчас, в конце 20 века, концепция равенства прав мужчин и женщин не является чем-то новым для Запада. Первые требования равноправия, а также первые законодательные инициативы, направленные на достижение этой цели, были предприняты во время Великой Французской революции. Попытки добиться полного равноправия, как в публичной, так и в приватной сферах, были предприняты в рамках концепции естественных прав. Элизабет Следзиевски анализирует период появления «гражданской женщины» в революционном праве (через определение брака как гражданского контракта и институт развода, которые «предоставили женщине статус юридического партнера ее супруга путем признания необходимости полноправного участия ее разума и воли в определении обоюдного согласия»)*. Однако необходимо отметить, что Революция осуществила исключение женщин из политической сферы на много лет: с приходом демократии отсутствие прав у женщин стало абсолютным принципом, которым оно не было даже при старом режиме. И все же после Революции политические права стали ассоциироваться скорее с индивидом, чем с собственностью на землю, и это, в конечном итоге, привело к принципу избирательного права для женщин.

Таким образом, давняя идея о том, что индивиды обоих полов должны иметь равные права, была применена в праве сравнительно недавно: наступление конечных последствий реализации принципов эгалитаризма затянулось почти до начала третьего тысячелетия. Идея реализации равных прав для женщин стол-

---

* *Elizabeth Guibert-Sledziewski.* "Naissance de la femme civile. La Révolution, la femme, le droit", La Pensйe 238 (March-April 1984): 45.

кнулась с существенными препятствиями, особенно в виде Французского Гражданского кодекса 1804 года (также известного как Наполеоновский кодекс), который пользовался большим признанием и неоднократно имитировался в законодательстве стран Европы и регионов Северной Америки (Квебек, например). Как только женщины были освобождены Революцией, они сразу же были снова порабощены Наполеоновским кодексом. Путем «ограничения [правовых] индивидов отцами семейств» Кодекс легитимировал принцип отсутствия у замужних женщин гражданской правоспособности*. Косвенно Кодекс закрепил также и отсутствие у женщин политических прав: замужняя женщина приравнивалась к несовершеннолетней, была подчинена власти мужа и лишена всех политических прав. Наполеоновская модель оказалась долгосрочной. Еще в 1945 году, по окончании Второй Мировой войны, она оказывала сильное воздействие на законодательство многих европейских стран. Только недавно, с помощью усилий либеральных реформ, последние следы старой подчиненности женщин своим мужьям-гражданам были удалены из частного права.

Даже после получения равноправия, женщины должны были добиваться средств реализации своих прав, связанных с их новым статусом как граждан: не просто право голоса, но и право выставлять свою кандидатуру на выборах. Достаточно просто взглянуть на количество женщин, занимающих различные должности в Европе и Северной Америке, чтобы убедиться в том, какую ограниченную роль они играют в публичной жизни. Добившись отмены своего де-юре исключения из демократического процесса, должны ли они теперь бороться с де-факто остракизмом? Ранее отстаивая формальное равенство, феминистки теперь ставят своей целью добиться настоящего разделения власти между полами, и в этом они достигли некоторых успехов. Все больше женщин занимают руководящие должности, но означают ли эти достижения окончание мужской доминации? Вопрос о политическом участии женщин станет основной проблемой будущих десятилетий.

Получение гражданства

В современной истории гражданских и политических прав женщин выделяют две основные темы. Во-первых, изначально права женщин значительно варьировались в зависимости от того, где они жили, от того, были они, например, американками, канадками, француженками

---

* *Jean Carbonnier*. Droit civil (Paris: Presses Universitaires de France, 1983). Vol. I, P. 74.

или португалками. Статус-кво колебался от абсолютного равенства до полного отсутствия прав. Можно было найти промежуточные ситуации: кое-где женщины обладали только гражданскими правами без политических, тогда как в других странах все было наоборот.

Во-вторых, волна реформ охватила Европу в 1960-х. Основные изменения в праве явились результатом этого реформистского движения, или даже правовой революции, по мнению некоторых исследователей. Основная концепция реформы состояла в том, что муж и жена должны быть равными в частном праве. Широко развернутое демократическое движение, повлиявшее и на институт брака, и на политическое общество, создало некое подобие родственного сходства между западными законами, регулирующими статус женщин, устранив некоторые «атавистические» национальные особенности.

После победы тоталитаризма над демократией во Второй Мировой войне сложившаяся ситуация способствовала новому акцентированию прав личности. Женщины, сыгравшие наравне с мужчинами огромную роль в войне против фашизма (включая движение Сопротивления во Франции), не остались обделенными. Во Всеобщей декларации прав человека (1948) было закреплено равноправие мужчин и женщин, а также равенство мужа и жены в браке. По мере того как различные западные страны принимали новые конституции (Франция в 1946, Италия в 1947, Западная Германия в 1949 годах), эти эгалитарные принципы находили свое отражение и в их основных законах. Тем не менее государство, олицетворяющее ведущую мировую феминистскую демократию, Соединенные Штаты, до сих пор не приняло поправку к Конституции о равных правах, которая бы закрепила равенство мужчин и женщин во всех сферах права.

В Европе после крушения фашизма власти нескольких стран были вынуждены предоставить женщинам всю полноту политических прав. Но сфера частного права оказалась наименее восприимчивой к демократическому давлению. В 1945 году «неравное положение было правилом, а равноправие – исключением.»*. Результатом брака было и долгое время оставалось лишение женщин основных личных и наследственных прав (гражданской правоспособности, права работать вне дома, права приобретать, распоряжаться и продавать имущество, возможности реализации родительских прав и т. д.). Нижеприведенная таблица показывает различия в правовом положении женщин между Европой и Северной Америкой. Эти различия не случайны: они выявляют существенную дифференциацию между странами, находящимися под влиянием Наполеоновского кодекса, где неравноправие сохранилось и после Второй

* United Nations, Condition Juridique de la femme marieй, Department of Economic and Social Affaires (Genneva, 1958). P. 3.

Мировой войны, и странами общего и германского права, в которых либерализация произошла намного раньше. В качестве примера такого контраста можно привести Францию, где женщины получили политические права в 1944 г., а гражданские – в 1938, и англоязычную Канаду, где все эти права были обеспечены гораздо раньше.

Страна	Женщины в парламенте			
	Год избрания	% Женщин	Политические права	Гражданская правоспособность (замужние женщины)
Финляндия	1991	38,5	1906	1919
Норвегия	1989	35,7	1913	1888
Швеция	1991	33,8	1921	1920
Дания	1990	33	1915	1925
Нидерланды	1989	25,3	1919	1956
Исландия	1991	23,8	1915	1923
Австрия	1990	21,8	1918	1811
Германия	1990	20,5	1919	1896
Испания	1989	14,6	1931	1975
Швейцария	1987	14	1971	1912
Люксембург	1989	13,3	1919	1972
Канада	1988	13,2	1920	Конец XIX/ начало XX века
Соединенные Штаты	1992	10,8	1920	Конец XIX/ начало XX века
Великобритания	1992	10,1	1928	1882
Бельгия	1991	9,4	1948	1958
Италия	1992	8,1	1945	1919
Ирландия	1989	7,8	1918	1957
Португалия	1987	7,6	1976	1976
Франция	1993	6	1944	1938
Греция	1990	5,3	1952	Не было неправоспособности

Источник: Union Interparlamentaire, 1991.

Англоязычная и скандинавская модели

На момент окончания войны эмансипация женщин была уже осуществлена в англоязычных и скандинавских странах. К 1945 году прошло несколько десятков лет после того, как женщины совершили свою

«революцию» и получили статус граждан. Их правовое освобождение было, по-видимому, связано с религиозными традициями в этих странах. Протестантская этика, ревностно отстаивающая права личности, без труда нашла общий язык с феминистским духом, который в свою очередь легко смог найти организационное воплощение массовому движению, ведущему борьбу за двустороннюю эмансипацию. По имеющимся данным, между 1860 и 1880 гг. английские суфражистки навербовали около трех миллионов активисток. Их немецкие коллеги, менее многочисленные, но не менее активные, заручились поддержкой Социал-демократической партии, которая сделала требование всеобщего права голоса независимо от пола основным пунктом своей Эрфуртской программы 1892 года.

Право изначально связано с возникновением феминизма: в странах англосаксонской правовой традиции «нормы права рассматриваются как директивы не для повседневной жизни, а для разрешения конфликтов.»*. Право, являясь скорее инструментом для разрешения споров, чем для регулирования общественного порядка, обычно не вмешивается в частную жизнь и мораль. (В Англии, например, супружеская измена квалифицируется как уголовное правонарушение только в случае, если она была совершена откровенно публично.) Поэтому в этих странах никогда не было такого же подчинения гражданского публичному, частного политическому, как в латинских католических странах, и результатом этого, скорее всего, стала меньшая степень подчинения женщин мужчинам.

Еще одна историческая предпосылка, несомненно, ускорила правовое освобождение женщин в Англии: раннее начало индустриализации на Британских островах. Для удовлетворения острой потребности промышленности в рабочей силе женщинам должна была быть предоставлена определенная гражданская свобода. Напротив, Франция оставалась сельскохозяйственной страной гораздо дольше и ограничилась единственной, довольно умеренной поправкой к Гражданскому кодексу: законом 1907 года, разрешающим замужним женщинам самостоятельно распоряжаться своим заработком.

В скандинавских и англоязычных странах женщины получили право голоса вскоре после закрепления всеобщего избирательного права (для мужчин). В некоторых случаях такая универсализация избирательного права происходила довольно поздно: в Англии, например, еще накануне Первой Мировой войны предоставление права голоса включало в себя определенный имущественный ценз. Однако в Соединенных Штатах феминистки были «покинуты своими друзьями-аболи-

* *Rachel Trost.* “La Condition juridique de la femme marieé en France et en Angleterre”, докторская диссертация, University of Nancy, 1971, P. 7.

ционистами» после Гражданской войны и вынуждены были бороться за право голоса еще в течение семидесяти пяти лет*. Необходимая поправка к Конституции, которой посвятила свою жизнь Сьюзан Б. Энтони, была принята только в 1920 году.

Таким образом, везде, кроме США, суфражистское движение было связано с мощной волной демократизации, которая значительно повлияла на достижение первых успехов. Скандинавские женщины первыми получили политические права, в основном до или во время Первой Мировой войны. Вскоре после окончания войны скандинавскому примеру последовали почти все нелатинские страны Европы. К концу 1920-х годов женщины добились политического равноправия в странах Северной Европы (кроме Бельгии) и в Северной Америки (кроме Квебека). К концу Второй Мировой войны женщины этих стран уже имели значительный опыт как избиратели и должностные лица: финские женщины пользовались политическими правами уже тридцать девять лет, английские женщины – семнадцать. В некоторых регионах женщины получили право голоса на местных выборах даже раньше (с имущественным цензом или без него): женщины получили избирательное право в Вайоминге уже в 1869, а в Колорадо – в 1893 году. Женщины также участвовали в муниципальных выборах в Норвегии в 1901, в Дании – в 1908, а в Исландии – в 1909 году.

Страны общего права первыми предоставили женщинам гражданское равноправие. В большинстве штатов США и, конечно же, в Англии, чей пример оказал большое влияние на страны Старого Света, замужние женщины получили гражданские права до политических. К середине 20 века английские женщины уже были независимы от своих мужей как лично, так и имущественно более шестидесяти лет. Акт о собственности замужних женщин (Married Women's Property Act) 1882 года не только делал различие между собственностью мужа и жены, но и разрешал замужним женщинам распоряжаться своим состоянием по собственному усмотрению, а также подписывать договоры без согласия мужа. Этот акт произвел эффект разорвавшейся бомбы в странах, где укоренились правовые традиции Гражданского кодекса: даже самые либеральные юристы с ужасом заговорили об анархии в семье, тогда как феминистки приветствовали закон как первый шаг на пути к равенству.

Равные права обоих родителей по отношению к детям, не установленные общим правом, были затем закреплены законодательством (законы 1886 и 1925 годов в Англии). Через несколько лет после окон-

---

* *Ginette Castro.* Radioscopie du fïminisme amïricain (Paris: Presses de la Fodation Nationale des Sciences Politiques, 1984). P. 10.

чания Второй Мировой войны эта эволюция завершилась: большинство провинций Канады и штатов США законодательно закрепили равенство прав родителей по отношению к детям.

В 1945 году женщины в скандинавских странах имели не меньшие гражданские права, чем в англоязычных. Замужние женщины в 1920-х годах (а в Норвегии даже раньше) получили гражданскую правоспособность и обладали полными или частичными родительскими правами наравне с мужчинами. Немецкие женщины, чьи права остались ограниченными Германским гражданским уложением 1896 года, добились равноправия после принятия новой Конституции в 1949 году. В ней прямо говорилось о том, что «мужчины и женщины обладают равными правами», а в статье 117 указывалось, что любой закон, противоречащий этому принципу, будет признан лишенным юридической силы с 31 марта 1953 г. С этого дня немецкие женщины получили права, которые у них отсутствовали по Германскому гражданскому уложению, особенно родительские права. Впоследствии принятые законодательные акты, такие, как закон о равноправии мужчин и женщин 1957 года развили эти основные права.

Сравнение между Германией и Францией позволяет обнаружить несколько интересных различий. Во Франции равенство мужчин и женщин было провозглашено формальным принципом в преамбуле к Конституции 1946 года и было повторно закреплено в Конституции 1958 года, тогда как неравноправие замужних женщин оставалось институционализированным в Гражданском кодексе. Подобная ситуация имела место в Италии. Разные страны — разные правовые традиции.

Латинская модель и ее «производные»

В 1945 году правовое положение женщин в латинских странах и странах, находящихся под влиянием французского Гражданского кодекса, представляло полную противоположность ситуации в англоязычных и скандинавских странах: женщины если и не были лишены доступа к политической жизни, то получили политические права сравнительно недавно и в своей частной жизни были подчинены мужьям. Является ли относительная отсталость этих стран следствием слабости в них феминизма, который не сумел организовать массовое движение или освоить политическое лоббирование в начале века? В известной степени это справедливо, особенно для католических стран, где право имело крепкую религиозную основу: в Италии, Испании и Португалии сама идея женской эмансипации противоречила католической вере

и традиции, которая сделала право собственностью мужчин. Во Франции ситуация была немного другой. Если в начала века феминистское движение было очень активным, то в межвоенный период ситуация изменилась: суфражистские группы погрязли в междоусобных распрях и потеряли поддержку, тогда как политические партии заняли позицию крайней мизогинии. В 1936 году требование права голоса для женщин не было даже включено в программу коалиции, которая привела к власти социалиста Леона Блюма.

Однако нужно помнить, что ситуация с женским равноправием во Франции и соседних странах долгое время была связана с двумя факторами. Первый – это Великая Французская революция, которая установила принцип исключения женщин из политики и легитимировала его в глазах последующих поколений республиканцев. Второй фактор – это Гражданский кодекс 1804 года, который явился моделью для современного права, но закрепил подчиненное положение женщин в частной жизни на полтора века. Несмотря на реакционность Кодекса по отношению к женским правам (по сравнению не только с революционным правом, но и со старым режимом), все считали его образцом правового совершенства, и поэтому – неприкосновенным. И действительно, он подвергся существенной критике только со стороны феминисток (они воспользовались пышными празднованиями столетия Гражданского кодекса в 1904 г. и заявили, что для женщин он является смирительной рубашкой).

В латинских странах, в отличие от англоязычных, принятие всеобщего избирательного права в большинстве случаев не коснулось женщин. В 1848 году Франция стала первой европейской страной, которая приняла всеобщее избирательное право для мужчин. Однако она одной из последних предоставила женщинам право голоса и право занимать государственные должности в 1944 г. За почти столетний период между этими двумя событиями всеобщее право голоса стало широко распространенным явлением, если не сказать правилом. А ведь к тому времени прошло уже более полутора столетий, с тех пор как Великая Французская революция 1789 года выдвинула на первый план проблему политического равенства. В 1939 году во время празднований стопятидесятилетия Революции в Версале феминистки выразили свое возмущение тем, что «остракизм продолжается уже сто пятьдесят лет»*.

Франция была не единственной западноевропейской страной, в которой быть мужчиной оставалось необходимым условием для реализации политических прав почти до середины двадцатого века. Италия

* "Le 150e anniversaire de la Révolution", in Le Droit des femmes (June 1938): 12.

и Бельгия также отставали «на одну войну». Более того, Швейцария и Португалия сумели задержать предоставление женщинам политических прав до 1970-х годов, а Лихтенштейн «продержался» до 1980-х.

Следуя примеру античных республик (Афин и Рима), страны Средиземноморья (исключая Испанию), по-видимому, придерживались мнеиия, что участие в политической жизни должно быть разрешено исключительно тем, кто носит оружие. Конечно же, тактические политические причины также играли роль в ограничении допуска женщин на политическую арену. Во Франции, например, было широко распространено мнение о том, что женщины особенно уязвимы для политического воздействия духовенства, и, таким образом, право голоса для женщин было основной точкой разногласий между антиклерикальными республиканцами и католиками, представляющими консервативное (и часто роялистское) правое крыло. Но все дебаты по поводу клерикального влияния могли с тем же успехом быть отвлекающим маневром, маскировкой, скрывающей более глубокое предубеждение против предоставления женщинам права голоса. Смогли бы радикально-социалистические сенаторы так долго лишать женщин политических прав, если бы они не чувствовали, что великие принципы Революции несли в себе идеологическое оправдание сохранения маскулинного характера политики?

«Наш Гражданский кодекс, долгое время служивший примером и образцом, теперь является устаревшим по отношению к женским правам»*. Эта критическая оценка, данная французским юристом в 1899 году, продолжала оставаться такой же справедливой и половину столетия спустя. Она относилась к той части Европы, которая находилась под влиянием Наполеоновского кодекса. Последствия гражданской неправоспособности (замужних) женщин были особенно серьезны в странах, полностью перенявших французскую систему (Бельгия, Люксембург и Нидерланды). В других странах, где Наполеоновский кодекс интерпретировался более либерально, неравноправие мужа и жены удалось несколько смягчить (в Италии, например, замужние женщины получили определенные гражданские права в 1918 году). Тем не менее там, где право находилось под сильным влиянием религии (как в Италии, Испании и Португалии), женские права в определенных сферах, в особенности в отношении развода и аборта, остались ограниченными. В конце концов, следует отметить роль долгих фашистских диктатур в Испании и Португалии, которые способствовали сохранению бесправия женщин до середины 1970-х годов.

---

* *Charles Krug*. Le Féminisme et le droit civil fransais (Paris: Perdone, 1899). P. 17.

Традиционно подчиненное положение женщин в странах гражданского кодекса было связано как с юридически оформленной властью мужа над женой, так и с гражданской неправоспособностью жены. К 1945 году эти два правила не были еще окончательно изъяты из национальных кодексов и продолжали оказывать влияние на события последующего периода.

В 1945 году женщины большинства регионов Европы и даже Северной Америки (Квебек) теряли правоспособность при браке. В семи государствах Западной Европы у женщин все еще отсутствовала правоспособность во всех гражданских правоотношениях. Юридически они не существовали, будучи неправоспособными лицами, чьи права были подчинены воле мужей. Без разрешения мужа женщина не могла давать свидетельские показания в суде или подписывать контракт. Будучи пережитком предыдущего столетия, этот запрет женщинам на их гражданскую независимость сохранялся до 1956 года в Нидерландах, до 1957 – в Ирландии, до 1958 – в Бельгии, до 1964 – в Квебеке, до 1972 – в Люксембурге, до 1975 – в Испании и до 1976 года – в Португалии. Во Франции женщины получили гражданские права во время войны (законы 1938 и 1942 годов). Когда мужчины находились в армии или в лагерях для военнопленных, появилась насущная необходимость предоставления «второму полу» возможности действовать (при этом различного рода ограничения, неявно закрепленные в законах о супружеской собственности, существенно ограничивали эту возможность).

На протяжении двух десятилетий после 1945 года брак в странах гражданского кодекса продолжал быть союзом между двумя индивидами с неравными правами и обязанностями. Французское право ясно описывает патриархатную концепцию семьи, которая преобладала в правовых системах, основанных на Гражданском кодексе. В качестве «главы семьи» муж имел полную личную и имущественную власть над своей женой и детьми. Ему принадлежало право решать, где будет проживать семья, не давать жене разрешения на занятие профессиональной деятельностью, единолично распоряжаться совместным имуществом, и даже распоряжаться личным имуществом жены (исключая так называемое неотчуждаемое имущество, в частности имущество, приобретаемое женой через профессиональную деятельность). Хотя женщины на практике брали на себя воспитание детей, закон наделял мужей всеми правами по воспитанию (включая право решать, отдавать ли детей в школу или летний лагерь). Таким же несправедливым как неравенство в отношении обязанностей было неравенство, возникающее в связи с супружеской изменой. Несмотря на то, что и муж, и жена были обязаны оставаться верными друг другу, женская измена была наказуема гораздо более сурово. Процедура развода оставалась

сложной, даже в странах, где право было отделено от церкви, и невозможной там, где оно оставалось под влиянием религии.

В качестве оправдания много раз подряд повторялось, что отсутствие политической власти у женщин в латинских странах полностью компенсируется за счет их власти в семье. Хотя то, что такой контроль частной сферы является в лучшем случае фактической реальностью без юридических последствий, вряд ли нужно кому-нибудь доказывать. В латинских странах существует абсолютная гармония между традицией, которая, как отмечает Одиль Даверна, «размещает женщин на границе природы, а мужчин – в центре культуры» и правом, в котором происходит то же самое*.

В 1945 и даже в середине 1960-х гг. правовые системы различных стран все еще предлагали различные понятия о женщине. Некоторые давно уже признали женское стремление к свободе и независимости, тогда как другие, исключая права женщин из прав человека, сформулированных Французской революцией, оставили их прозябать в патриархатном обществе, семье, под непосредственным надзором отца семейства.

Несмотря на очевидный контраст между правовыми системами и традициями, существуют также некоторые совпадения. Без сомнения, самым существенным является то, что почти везде право (или правовая доктрина) продолжала отражать традиционное разделение обязанностей в семье: роль мужа – работать и зарабатывать деньги, тогда как жена отвечает за домашнее хозяйство и воспитание детей. Это являлось правилом не только для Франции и других стран, имеющих правовые системы, основанные на Наполеоновском кодексе, но и для Германии: согласно закону 1957 года о равенстве полов управление домашним хозяйством осталось одной из естественных обязанностей жены, тогда как право женщины на профессиональную карьеру оставалось ограниченным. Даже в Великобритании после Второй Мировой войны Королевской комиссией по бракам и разводам была раскритикована викторианская система раздельного имущества на следующих основаниях: «Брак должен рассматриваться как партнерство, в котором муж и жена работают вместе на равных основаниях, и в котором вклад женщины в общее дело через управление домашним хозяйством и воспитание детей является таким же ценным, как и вклад мужа, который содержит семью и обеспечивает

---

* *Odile Dhavernas*. "L'inscription des femmes dans le droit: enjeux et perspectives", Le Féminisme et ses enjeux (Paris: Centre Fédéral FEN-Edilig, 1988). P. 321.

домашние нужды»*. Единственным исключением из этого правила были скандинавские страны, которые отказались от любых традиционных взглядов на гендерные роли.

Реформы: 1960–1980

После почти столетия стагнации последние тридцать лет стали свидетелями важнейшего переворота в области семейного права и прав женщины. Почти все страны, независимо от их традиции, так или иначе, были вынуждены согласовывать свои кодексы с изменяющимися социальными практиками: новой, более эгалитарной, более гедонистической (но менее стабильной) концепцией брака, распространением сожительства без брака, большим количеством внебрачных детей и резким возрастанием числа работающих женщин, стремящихся, вследствие этого, к большей независимости. Как Джордж Риперт точно заметил еще в 1948 году, «мужчина, чья жена делает профессиональную карьеру, должен отказаться от своей карьеры»**. По поводу некоторых стран, таких, как Франция, где фундаментальный консерватизм сопровождался откровенным игнорированием радикальными феминистками правовых реформ, можно сказать, что конец патерналистской правовой автократии был положен в первую очередь миллионами работающих женщин.

Общая реформа права в контексте большего равенства полов повлияла на сближение различных правовых систем. Произошло сближение содержания и формы. По содержанию структура брака является уже не иерархической, а бинарной. Некоторые нормативные посылки были устранены из Гражданского кодекса. Кодексом теперь предусматривается несколько вариантов совместной или раздельной семейной жизни, что сближает его с традиционно более гибким общим правом. В отношении формы было введено сочетание совместного и раздельного имущественных режимов. Как и в других случаях, эта реформа была впервые проведена в скандинавских странах. Еще в 1920-х годах там был введен так называемый режим отсроченной совместной собственности супругов, достоинство которого заключалось в том, что он не давал преимущество женщинам в зависимости

---

* *Neville I. Brown.* "Andleterre", in Jean Patarin and Imre Zajtay, Le Régime matrimonial legal dans les legislations contemporaines (Paris: Perdone, 1974). P. 125–126.

** *Georges Ripert.* Le Régime démocratique et le droit civil moderne (Parys: Librarie Gйnйrale de Droit et de Jurisprudence, 1948). P. 109.

от их деятельности: работающие женщины и домохозяйки получили одинаковые права.

Больше всего изменений произошло в странах с правовыми системами, основанными на Наполеоновском кодексе, где потребовались огромные усилия для того, чтобы «привести старые законы в соответствие с требованиями равноправия»*. Результатом стала самая настоящая «деколонизация» женщин. Эта деколонизация не только покончила с неправоспособностью женщин, но и отменила старую концепцию patria potestas, которая наделяла мужей властью над женами, и отцов — властью над детьми. Реформы внесли в право двойную идею — равенства полов и независимости мужа и жены. Во Франции основная реформа, освободившая женщин из-под власти мужей, была проведена в 1965 году, но полная реализация принципа равенства в частном, а также в имущественном праве произошла только с принятием дополнительных законов в 1970 (когда понятие «главы семьи» во всех его смыслах было замещено понятием родительской власти), в 1975 (когда развод по обоюдному согласию был легализирован, а супружеская измена декриминализирована) и в 1985 (когда было закреплено полное равноправие мужа и жены в управлении семейным имуществом) годах.

В Южной Европе, где феминизм появился позже по религиозным, а также по политическим причинам, замещение авторитарной традиции эгалитарным подходом в семье заняло еще больше времени. Основные принципы женских прав были законодательно закреплены только в 1975 году, несмотря на то, что почти все диктаторские режимы региона к тому времени уже потерпели крах. Гражданский брак был введен (а церковный брак лишен юридической силы) в Италии в 1970 году (решение подтверждено референдумом 1974 года), в Португалии в 1975, в Испании в 1981 и в Греции в 1982 годах. Мужу и жене были предоставлены равные права распоряжаться семейным имуществом и назначена совместная обязанность по воспитанию детей (в Италии — в 1975 году, в Португалии — в 1978, в Испании — в 1981 и в Греции — в 1983).

Волна реформ не обошла стороной страны, которые провели либерализацию своего законодательства еще раньше. Остатки мужских привилегий в определенных областях (таких, как развод, родительская власть, общая собственность супругов, выбор фамилии) были исключены. В качестве примера может служить реформа законодательства о браке в Германии (1976): она отражает стремление очистить право от распространенного представления женщин как домохозяек и отка-

---

* *Jacqueline Rubellin-Devichi.* L'Evolution du statut civil de la famille depuis 1945 (Paris: Editions du CNRS, 1983). P. 20.

заться от заранее определенного представления того, каким образом ответственность должна быть распределена между мужьями и женами. Когда в 1976 году был принят закон о выборе фамилий (разрешающий женщинам брать фамилию мужа или оставлять девичью фамилию после брака), а в 1979 году – закон о родительской ответственности (отменяющий все остатки родительской «власти» над ребенком), идея равенства полов, закрепленная Конституцией Западной Германии 1949 года, наконец-то нашла полное воплощение в праве.

Таким образом, к началу 1980-х годов «право отца» стало пережитком прошлого. Однако реформы права продолжались. Резкое увеличение числа детей, рожденных вне брака (каждый второй ребенок в скандинавских странах, каждый четвертый во Франции), привело к необходимости добиваться равенства – в данном случае, равной ответственности отца в «естественной» семье, которая, несмотря на свою маргинальность, становилась все более «нормальной». Как и ранее, не во всех европейских странах было одинаковое отношение к этому вопросу. Наиболее эгалитарное законодательство было принято в Голландии, тогда как во Франции закон Малюрета 1987 года предоставил матерям преимущество над отцами в вопросе о внебрачных детях. Некоторые отцы прибегали к решениям судов, конечно же, чаще для подтверждения своих прав, чем для принятия на себя обязанностей.

В некоторых странах реформы права предшествовали изменениям традиций, и юристы надеялись таким образом повлиять на поведение женщин. В других – изменения отношений и практик существенно предшествовало изменениям права. В странах, находящихся под влиянием Наполеоновского кодекса, где изменения права неизбежно сталкивались с инертностью доктрины, теоретики права обычно не поддерживали реформы. Даже после проведения реформ многие университетские профессора негативно относились к современному законодательству, с позиции которого Кодекс 1804 года представлял собой «устаревшее право исчезнувшего общества». Во Франции даже самым либеральным исследователям права было трудно избавиться от сексистской идеологии, наделяющей женщин эссенциалистской другостью («отличающиеся восприимчивостью права, меньшей нуждой в праве, что без сомнения является большим преимуществом»*) и, вследствие этого, предрасположенностью к определенным видам деятельности (материнству, например) более, чем к другим (самостоятельной деятельности вне дома).

Какую же роль сыграли феминистки, борющиеся за права женщин, в то время, пока юристы проявляли пассивность? Ответ на этот простой, но важный вопрос будет различным для различных стран. Во

---

* *Ripert*. Le Régime démocratique, P. 23.

Франции так называемые реформистские феминистки 1950-х годов, так же как и их предшественницы – суфражистки, верили в огромный трансформационный потенциал равенства перед законом. По словам Жана Карбонье, автора новых статей Гражданского кодекса, феминистки «активно вмешались (в 1965 году) и помогли сдвинуть проект реформы брачно-семейного законодательства с мертвой точки»*. И в то же время большая часть активисток «движения за освобождение женщин» (за исключением таких немногих групп, как «Выбор» (Choisir) и «Движение за либерализацию абортов и контрацепции») придерживалась внеправового и внепарламентского курса. Отвергая всю существующую систему и «осуществляя революцию внутри революции», неофеминистки назвали предлагаемые реформы права «бесполезными». Их требования выходили за рамки права, призывая к «новому способу существования, любви и жизни»**. В результате ряд законов, уравнявших замужних женщин со своими мужьями в гражданских правах, были разработаны и приняты Национальной Ассамблеей в 1970-х «безо всякого участия и даже внимания со стороны феминисток»***. Позже антиправовой фронт распался, и начали раздаваться требования принять законы в недостаточно регламентированных областях права: изнасилование, насилие в отношении женщин, сексуальные домогательства и даже требования правового преследования сексизма, аналогичного действующим правовым моделям, направленным против расизма. Тогда же получило известность высказывание Анны Зеленски о том, что «этот закон мог бы освободить таких маргиналов, как мы, находящихся вне закона по определению и являющихся чужими для доминирующего права, от рабства, в котором находились наши предшественницы»****.

Эволюция американского феминизма иногда описывается как прямо противоположная французскому. В 1970-х и 1980-х годах большинство американских женщин поддерживали идею достижения прав женщины через реформы законодательства, только немногие представители радикальных движений протестовали. Возглавляла движение реформистская Национальная женская организация. С точки зрения ее представителей, всеобщее равенство могло быть достигнуто только через обеспечение полного равноправия женщин во всех областях. Долгая борьба за принятие Поправки к Конституции о равноправии женщин, начавшаяся в 1920 году, представляет собой не только характерный пример борьбы

* *Carbonnier*. Droit civil, vol. 2, P. 536.

** *Jean Carbonnier*. Flexible Droit (Paris: Librarie Gйnйrale de Droit et de Jurisprudence, 1979). P. 172.

*** *Odile Dhavernas*. Droits de femmes, povoir des homes (Paris: Editions du Seuil, 1978). P. 381.

**** *Brigitte Jolivet*. 'Editorial", Actes 57–58 (Winter 1986–87): 5.

в правовом поле, но также явное доказательство того, что американская неофеминистская идеология уделяла большое внимание существующему законодательству. Позднее, однако, уверенность в правильности выбранного правового пути поколебалась. Более того, теоретики начали оспаривать адекватность самого понятия равноправия в англоязычных странах. Разочарованные незначительностью положительных последствий закрепления формального равноправия, а также некоторыми незапланированными последствиями успехов, некоторые феминистские теоретики права переориентировались на требования защитного законодательства, ориентированного на женщин (например, предоставление матерям приоритетной родительской власти или требование оплаты домашнего труда), несмотря на угрозу сохранения старого разделения труда между мужчинами и женщинами. Некоторые начали сомневаться в том, что равноправие является необходимым (хотя и промежуточным) этапом в деконструкции сексизма. Возможно, окончательное поражение попыток принять Поправку о равных правах (в 1982 году) и нынешние попытки запретить аборты сыграли положительную роль для женского движения. Некоторые считают, что именно эти конфликты сплотили и усилили американский феминизм, а также укрепили веру в законодательство, продемонстрировав возможности использовать правовую систему, несмотря на все ее недостатки.

В странах Южной Европы женщины горячо приветствовали реформы законодательства. Испытав более сильные репрессии со стороны законодательства и в течение более длительного периода, чем где бы то ни было, они увидели в реформах не только освобождение, но и «открытие дороги в будущее». В Италии, Испании и, в меньшей степени, в Португалии семейное законодательство было реформировано благодаря непрекращающемуся давлению со стороны феминисток. В Риме и Мадриде тысячи женщин вышли на улицы с требованиями права на развод и отмены уголовной ответственности за супружескую измену, выкрикивая при этом: «Все мы изменяем мужьям».

Борьба за равноправие женщин продолжалась два столетия. Такое большое количество времени потребовалось для того, чтобы установить принцип универсальности права и добиться торжества логики индивидуализма над последними пережитками патриархата, «пережитками, которые благодаря особенностям правовой теории девятнадцатого века выражались в индивидуальном правовом статусе взрослого мужчины» *.

Сказать, что требования равноправия были удовлетворены, можно только с двумя оговорками. Победа в сфере права была достигнута

* "La Ligue du droit des femmes", интервью с двумя основательницами, Анни Сюжье и Анной Зеленски, Actes 57–58 (Winter 1986–87): 59.

только на Западе. Борьба за предоставление гражданских прав продолжается в исламских странах, особенно в тех, где преобладает религиозное право (например, женские демонстрации в Алжире с требованием изменения считающегося устаревшим семейного законодательства). Во вторых, даже на Западе большинство достижений были в области гражданских и политических прав. Однако еще остается множество неразрешенных проблем в социальной сфере. Даже обладая равными правами, женщины, тем не менее, продолжают сталкиваться с неравенством на практике. В этом отношении женщины во Франции, Италии и, прежде всего, в скандинавских странах имеют огромное преимущество над американками. Европейские женщины уже давно защищены законодательством и получают помощь, находясь в положении работающих матерей, тогда как очень немногие в США получают декретные отпуска и имеют возможность отдавать детей в бесплатные детские сады.

Участие в управлении государством

После достижения равноправия самый проблемный вопрос оставался неразрешенным: как выбрать правильное поведение для реализации на практике прав и свобод, с таким трудом завоеванных. Действительно ли позитивные изменения в области гражданского законодательства привели к коллегиальному принятию решений супружескими парами? Вряд ли на сегодняшний день можно об этом говорить. Окончательный ответ могут дать люди, которые занимаются юридической практикой в «реальном мире» (нотариусы, имеющие дело с брачными контрактами и разделами имущества). Именно они скажут нам, действительно ли замужние женщины полностью пользуются правом совместной собственности на семейное имущество. Мы можем привести факт: в некоторых странах, в том числе во Франции, бракоразводный процесс чаще инициируется женщинами, чем мужчинами.

Большинство женщин западных стран со временем приобрели если и не интерес к политике, то чувство гражданского самосознания, не уступающее мужскому. В некоторых странах, например, в США и Швеции, женщины участвуют в выборах активней мужчин. Также важно направление изменения их избирательной активности: растущее осознание своего неравноправия привело многих женщин к разочарованию в консервативных партиях и к поддержке политических сил, способных изменить половое распределение ролей. В качестве примера можно привести Японию, где несмотря на то, что женщины традиционно считались пассивными, (консервативная) Либерально-демократиче-

ская партия из-за отсутствия поддержки со стороны женского электората на время уступила свои позиции Социалистическай партии, с 1989 по 1991 гг. возглавляемая женщиной – Татако Дои.

В контексте политического пробуждения женщин особенно поразительным является игнорирование большинством политических институтов этого явления. Мужское доминирование среди правящих элит стало своего рода социальным анахронизмом. Можно ли считать политику последним оплотом патриархата? Кажущаяся универсальной нежелательность мужчин делиться политической властью неизбежно подводит нас к этому вопросу.

Абсолютное большинство женщин-избирательниц

Так как везде более половины электората состоит из женщин, потенциал женщин-избирательниц всегда рассматривался как угроза нарушить политические расклады. Рост женского интереса к политике вызывает опасения мужчин не только потому, что он представляет угрозу их монополии, но и потому, что общая доля женщин делает их силой, с которой необходимо считаться.

В 1945 году (так же, как и в 1918) велись бурные дискуссии по поводу предположительно умеренных и даже консервативных настроений женщин-избирательниц. Но с изменением политического контекста изменилась природа страхов и надежд, связанных с получением женщинами права голоса: то, что раньше считалось потенциальной угрозой республиканским институтам, теперь стало рассматриваться как оплот против угрозы распространения коммунизма. Историки французской политики в основном соглашаются с тем, что сторонниками де Голля и другими правыми в послевоенный период руководил именно этот скрытый мотив. Так, в 1945 году лидер Народно-республиканского движения (христианско-демократическая партия) Жорж Бидо заявил Шарлю д'Арагону: «с женщинами, епископами и святым духом у на будет сотня депутатов»*.

Как голосовали женщины во время первых свободных послевоенных выборов? Анализ основывался на результатах опросов, прово-

* *F. Rigau*. "Evolution des structures juridiques de la famille en Belguique", in Roger nerson and hans-Albrecht Schwarz-Liebermann von Wahlendorf, eds. Mariage et famille en question: Allemagne (Paris: Editions du CNRS, 1980), P. 88.

димых непосредственно во время выборов (а также на результатах подсчета отдельных избирательных урн для мужчин и женщин в тех местах, где существовала данная практика). В 1955 году ЮНЕСКО выступило спонсором масштабного исследования политического участия женщин в европейских странах, которое проводил Морис Дюверже. В результате исследования были выявлены две основные тенденции: женщины немного реже мужчин участвовали в выборах и проявляли меньший интерес к политике; женщины, принимающие участие в выборах, в основном поддерживали умеренно-консервативные партии (но не крайне правые). В Великобритании и скандинавских странах большинство женщин голосовало за консерваторов, в Германии, Австрии, Италии они голосовали за христианско-демократические партии, которые имели большое влияние после войны. Точно так же во Франции женщины голосовали за Народно-республиканское движение, а после его развала стали поддерживать де Голля. На долю женщин приходилось от 53 до 60 процентов голосов, полученных этими партиями. Более того, большое внимание уделялось завоеванию именно женского электората. В особенности это касается католических стран, где Церковь осуществляла влияние на женщин через аффинированные женские организации, действовавшие тогда довольно активно в Италии и Франции. Они рекомендовали кандидатов, оказывали влияние на политиков, лоббировали парламентариев и выпускали бесчисленные брошюры, пытаясь повлиять на выбор женщин-избирательниц.

И напротив, женщины не симпатизировали социалистическим партиям (лейбористской партии в Великобритании, социал-демократическим партиям в Скандинавских странах и Германии) и особенно коммунистическим партиям (там, где они существовали). В Италии и Франции женская доля никогда не превышала 40 процентов общего количества голосов, отданных за коммунистов. Их лидеры осознавали свою непопулярность у женщин: «Одной из причин нашей неудачи, — отмечал генеральный секретарь Коммунистической партии Италии Пальмиро Тольятти после выборов 1945 года, — без сомнения, стала неспособность провести активную кампанию среди женщин Посмотрите на девять миллионов голосов, отданных за социал-демократов Можно с уверенностью сказать, что большинство из них — голоса женщин Проблема состоит не в том, чтобы убедить рабочих и крестьян, которые проголосовали за эту партию проголосовать за нас, а в первую очередь в том, чтобы убедить женские массы»*.

---

* Цитата из: *Yves Lequin*. Histoire des Fransais (Paris: Armand Colin. 1984. P. 311.

Коммунисты, как в Италии, так и во Франции, извлекли урок из своего поражения и впоследствии проводили работу с женщинами предельно тщательно (ни одна другая партия не уделяла так много внимания этому вопросу). Они агитировали женщин вступать в профсоюзы, выпускали пропаганду, ориентированную специально на домохозяек и создавали дочерние женские организации, такие, как Союз итальянских женщин и Союз французских женщин. Таким образом, на католическую пропаганду коммунисты ответили своей контрпропагандой. В течение последующей холодной войны и идеологической конфронтации между марксистскими левыми и католическими правыми давление на женщин продолжалось, а их самих использовали в качестве ресурса.

В 1969 г. Морис Дюверже продолжал придерживаться выводов, которые он сделал в середине 1950-х гг.: несмотря на то, что голоса женского электората не влияли существенно на политическое распределение власти в послевоенной Европе, но их иногда было достаточно, чтобы определить победителей на выборах. «Если бы женщины голосовали на некоторых выборах в Германии так же, как и мужчины, то вместо христианских демократов у власти находились бы социал-демократы. В Великобритании именно голоса женщин несколько раз помогали Консервативной партии выиграть на выборах. На президентских выборах во Франции в 1965 году процент женщин, проголосовавших за генерала де Голля был гораздо выше, чем процент мужчин»*. Другими словами, политологи в основном подтверждали общераспространенное мнение: большинство европейских женщин голосовали за консерваторов, а в католических странах – даже за откровенно реакционно-клерикальные силы. Страны Северной Америки не были исключением: в Канаде и США результаты выборов показывали, что женщины также поддерживали консервативные партии.

Несмотря на то, что причины этих консервативных симпатий оставались необъясненными, многие наблюдатели считали их долговременными. Как оказалось вскоре, они ошибались. Изменения происходили в два этапа. В начале 1970-х интервьюеры начали отмечать более высокую политизированность женщин, готовность отвечать на развернутые вопросники и растущую симпатию к левым партиям. Со временем, по мере завершения периода политической адаптации, поведение женского электората стало все более и более напоминать поведение мужского. Многие аналитики считали, что эволюция завершится на том этапе, когда будет

|pard 20. Palmiro s3 Togliatti, “Discorsi alle Donne”, брошюра, изданная женской секцией Коммунистической партии, *1946*. P. *48–49*, цитата у Догана, 1955, P. 170.

* *Maurice Duverger*. “Des conservatrices”, NEF 26 (Oct.-Dec. 1969): 22–24.

невозможно провести границу между мужским и женским политическим поведением: женщины просто будут следовать примеру мужчин.

Однако в 1980-х годах начало появляться так называемое гендерное расхождение (gender gap). Аналитики начали отмечать растущую тенденцию женщин, в отличие от мужчин, голосовать за партии, занимающие более левые позиции: бывшие естественные союзники консервативных и христианско-демократических партий теперь стали основными сторонниками некоммунистических левых. Этот феномен стал заметным в США в 1980-х годах, когда женщины заняли ярко выраженную «антирейганскую» позицию. Это привело к появлению многочисленных политологических исследований и комментариев феминисток. Во время президентской кампании 1984 года журнал «Ms» под редакцией Глории Стейнем посвятил свой мартовский номер этому явлению. Ранее те же тенденции наблюдались в Канаде и большинстве стран Северной Европы: в Дании, Норвегии, Швеции и Нидерландах. Более того, в 1988 году эта волна достигла католической Франции: в первом раунде президентских выборов 37 процентов женщин проголосовало за социалистического кандидата Франсуа Миттерана, за которого, в свою очередь отдал свои голоса только 31 процент мужчин (данные опроса, проведенного Bull-BAV).

В тех европейских странах, где существенных успехов на выборах достигли как экологические зеленые партии, так и крайне правые партии, было отмечено, что женщины поддерживали зеленых, но, в основном, не голосовали за правых неофашистов. Эти наблюдения были сделаны в ходе президентских выборов во Франции в 1988 году и во время избрания депутатов в Европейский парламент в 1989 году. Нежелание женщин выступать в качестве протестного электората в поддержку крайне правых не ново: «Везде, где до 1933 года проводилось раздельное по полу голосование [в Германии], [женщины] отдавали меньше голосов за национал-социалистов, чем мужчины»*.

За недавно возникшими расхождениями в политическом поведении можно различить расхождения в политических взглядах на такие важные сферы, как оборона, дипломатия и международные отношения. Как в США, скандинавских странах, так и во Франции женщины занимают более пацифистские позиции, чем мужчины, критикуют принцип ядерного сдерживания, выступают против применения военной силы, поддерживают сокращения оборонного бюджета и увеличение затрат на социальные программы. Они также выражают большую поддержку защите окружающей среды. Усилились также феминистские тенде5н-

* *Maurice Duverger*. La Participation des femmes a la vie politique (Paris: UNESCO, 1955). P. 72.

ции. Опрос, проведенный в 1986 году, засвидетельствовал беспрецедентный для такой страны, как Франция факт: впервые «женщины предпочитали женщин», во всяком случае, они предпочли ведущих женщин-политиков Симону Вей и Мишель Барзаш политикам-мужчинам. Назначение Эдит Крессон премьер-министром в 1991 г. усилило феминистские настроения французских женщин: около 86 процентов последних (по сравнению с 77 процентами мужчин) заявили, что они поддерживают женщину — главу правительства*. В скандинавских странах женщины открыто проявляли свой феминизм на выборах. В соответствии с опросом, проведенным институтом Гэллапа перед парламентскими выборами 1975 года, 40 процентов женщин и 7 процентов мужчин проголосовали за кандидатов-женщин**.

После появления расхождения в политических убеждениях мужчин и женщин создалось впечатление, что до недавнего времени политики не рассматривали женский электорат как цель, которую необходимо достичь или как рынок, который необходимо завоевать. Губернаторы штатов в США стали привлекать женщин-избирательниц на свою сторону, обещая назначать женщин на ключевые посты в своих администрациях. И действительно, в 1982 году шесть губернаторов одержали победы благодаря поддержке женщин. А выдвижение Джеральдины Ферраро в качестве кандидата на пост вице-президента от Демократической партии в 1984 году было проинтерпретировано некоторыми наблюдателями как попытка завоевать «голоса феминисток».

Как мы объясним изменения в политическом поведении женщин? В прошлом феминистки с большой долей критики относились к анализам политологов (мужчин), которых они обвиняли в сексизме и даже в «фаллоцентризме». Особенно критически они относились к утверждению, что женщины являются «политически отчужденными». Полемизируя с Морисом Дюверже, утверждавшим что в политике женщины ведут себя как дети, Андре Мишель дала диалектический ответ: «Многие женщины, которых как левые, так и правые партии рассматривают в качестве несовершеннолетних были вынуждены бороться с патернализмом партий отказавшись голосовать за них» ***.

В настоящее время многие справедливо критикуют использование понятий «женские голоса», «гендерный блок». Раньше заголовки газет кричали: «Женщины выбирают де Голля (или Жискара д'Эстена)». Сей-

* Опрос Французского института общественного мнения, Journal du Dimanshe, May 19, 1991.

** *Torild Skard* and *Elina Haavio-Mannila*. "Women in Parliament", in Haavio-Mannila et al., Women in Nordic Politics (New York: Pergamon Press, 1985). P. 58.

*** *Andrée Michel*. "Les Fransaises et la politique", Les Temps Modernes 20 (July 1965): 63.

час, всего лишь немногим сдержанней они заявляют: «Франсуа Миттеран был переизбран на второй президентский срок благодаря голосам женщин». В США гендерное расхождение иногда представляют так, как будто вся страна разделена на два враждующих лагеря мужчин и женщин. Некоторые феминистки опасаются, что «женские голоса» представляют собой последнюю инкарнацию вечной женственности.

Исследования показали, что однородного женского электората больше не существует, так же, как не существует мужского. Более того, изменение женских политических симпатий от правых партий к левым представляет собой долговременное явление, так как оно связано со структурными изменениями, которые радикально трансформировали демографию женского электората.

За последние сорок лет условия жизни женщин претерпели огромные изменения, которые отразились на их политическом сознании. Во всем мире женщины оказались непосредственно вовлечены в основные социальные изменения, хотя все-таки степень их вовлеченнности была разной в различных странах. Среди этих изменений важное место занимают демократизация среднего и высшего образования, увеличение сектора услуг и объема наемного труда. Во Франции, например, резкое увеличение числа работающих женщин среди электората повлекло за собой изменения в избирательных предпочтениях. Существует непосредственная связь между вовлеченностью женщин в экономику и их возрастающими симпатиями к левым, что было впервые отмечено на парламентских выборах во Франции в 1978 году и подтвердилось на президентских выборах 1988 года. В первом раунде выборов 1988 года большинство женщин, которые проголосовали за Миттерана, работали на заводах или в офисах.

Религиозные и социальные изменения, произошедшие со времен Второй Мировой войны, также привели к важным политическим изменениям. В католических странах политический консерватизм всегда был тесно связан с религией. Женщины, в особенности пожилые, посещали церковь чаще других: это объясняет их явное предпочтение правых партий и враждебность по отношению к марксизму. По мере снижения популярности религиозных практик (и одновременного снижения численности коммунистических партий) борьба между католическими правыми и марксистскими левыми, которая в течение долгого времени ограничивала кругозор женщин, потеряла свое значение.

Даже пожилые женщины сейчас меньше поддерживают католицизм и связанный с ним политический и культурный консерватизм, а молодежь занимает по-настоящему революционные позиции. Повсеместно молодые женщины более склонны голосовать за левые партии, чем мужчины, принадлежащие к тому же поколению. Прогрессивные

политические тенденции во Франции проявляются при исследованиях поведения молодых арабских женщин, иммигрантов во втором поколении и, конечно же, студентов. Лидерами студенческих демонстраций зимой 1986 года были женщины. Эти левые тенденции среди молодых женщин возможно стали непрямым или замедленным результатом воздействия феминизма, под влиянием которого новое поколение начало отвергать патриархатный порядок и протестовать против неравенства при распределении рабочих мест и социальных ролей.

Во Франции давно существует взаимосвязь между голосованием за левые партии и феминистскими убеждениями, даже при отсутствии непосредственной поддержки кандидата женскими освободительными группами. Можно утверждать, что феминистское движение во Франции получило развитие на базе движения «новых левых», а его наиболее радикальные представительницы в течение долгого времени выступали против электоральной политики и традиционного выбора между левыми и правыми: так, Симона де Бовуар в 1978 году отметила: «Я не имею достаточно четкого представления о том, что на самом деле означают выборы»*. Длительное время предоставление права голоса было основным требованием феминисток, но феминистки второй волны пренебрегали этим правом. Только в 1981 году группа, известная как «Психоанализ и политика», посчитала целесообразным поддержать кандидатуру Франсуа Миттерана на президентских выборах, а многие другие женские группы негласно поддерживали правительство социалистов.

В скандинавских странах, США и Канаде феминистки заняли более реалистические и политические позиции. Вместо того, чтобы игнорировать влияние, которое могло быть использовано в период выборов, они использовали лоббирование для достижения приемлемых для себя результатов. В конечном итоге, как мы увидим, эта стратегия привела к увеличению политического представительства женщин.

Немногие женщины, победившие на выборах

Во многих западных странах гендерное равноправие в конкретных случаях реализации политических прав еще не было достигнуто. Доля мужчин превышает долю женщин в органах государственной власти (как выборных, так и назначаемых) и местного самоуправления. Неко-

* Интервью с Пьером Вианссоном-Понте, Le Monde, January 11, 1978.

торые исключения, например, норвежские правительства 1985-го и 1991-го годов, сформированные лидером Лейбористской партией Норвегии Гро Харлем Брундтланд наполовину из женщин, только подчеркивают правило. Также необходимо заметить, что в последней четверти 20 века ни в одном органе законодательной власти ни в одной стране мира женщины не имели равного с мужчинами представительства.

Свидетельствует ли то, что женщины всегда представлены в меньшинстве о том, что они способны играть только второстепенную роль в политике? Ответ на этот вопрос не так прост, как кажется. Уровень участия женщин в принятии решений зависит от страны, временного периода и правительственной иерархии.

Наиболее благоприятных для себя условий женщины добились в странах Северной Европы: в пяти скандинавских странах и Нидерландах они занимали от 20 до 40 процентов мест в местных и национальных законодательных органах. В странах Южной Европы все с точностью наоборот: мужчины занимают более 92 процентов мест в парламентах Португалии, Греции, Турции и Франции (Италия и Испания – исключения). В Великобритании ситуация была вообще парадоксальной. До 1992 года только 6 процентов членов Палаты общин были женщинами. Таким образом, родина суфражисток была страной с одним из самых низких уровней представительства женщин в парламенте. Благодаря выборам 1992 года процент женщин в Палате общин впервые достиг 10 процентов. В Конгрессе США, несмотря на мощное феминистское движение, долгое время почти не было женщин-сенаторов и представителей. Однако в последнее время женщины все чаще и чаще стали побеждать на выборах в законодательные собрания штатов (где их представительство увеличилось втрое за годы с 1971 по 1983 гг.) и органы местного самоуправления. Эта тенденция проявилась также и на выборах в Конгресс в 1992 году, когда доля женщин в Палате представителей достигла символического 10-процентного уровня.

В 1945 году ситуация с представительством женщин в большинстве западных стран была одинаковой: только немногие могли надеяться на получение доступа к правящей элите, только случайные женщины попадали в правительство, а доля женщин в парламенте нигде не превышала 10 процентов. Картина была такой же безрадостной и на региональном уровне. Причем даже в скандинавских странах представительство женщин было очень низким, и один обозреватель того времени написал, что «в протестантских странах, англоязычных и скандинавских, – ниже процент женщин-депутатов, чем в католической и латинской Франции, где права женщин были закреплены только недавно»*.

---

* *Duverger*. La Participation, P. 151.

Сегодняшние расхождения между странами появились недавно и связанны с другими внутренними процессами. В некоторых странах, таких, как Великобритания, США и Турция, число женщин, избираемых в законодательные органы, оставалось более-менее стабильным в течение сорока лет или даже понизилось (Франция). В скандинавских странах и Нидерландах представительство женщин стало резко возрастать в 1970-х годах. Между 1975 и 1985 доля женщин-депутатов увеличилась более чем вдвое в Нидерландах и Норвегии, на одну четверть – в Финляндии и одну треть – в Швеции. Во всех других странах только недавно количество занимающих выборные должности женщин увеличилось: в Италии, Великобритании, США и Канаде женщины только на последних выборах получили около 10 процентов мест в нижних палатах парламента.

В прошлом наибольшее число женщин-депутатов были представительницами левых партий (коммунисты и социалисты) и христианских демократов. В 1946 году, например, 29 из 40 французских женщин-депутатов были женщины, тогда как 9 принадлежали к Народно-республиканскому движению (христианско-демократическая партия). В немецком Бундестаге 1953 года 46 процентов женщин представляли Социал-демократическую партию, а 42 процента – Христианско-демократический союз. И наконец, в Норвегии почти все женщины, избранные в парламент в 1950-х годах были социалистками.

Однако теперь во многих странах левые потеряли монополию на женскую репрезентацию. В скандинавских странах консервативные партии под давлением женского либерального движения вынуждены были привлекать больше женщин. В противном случае их результаты на выборах могли существенно ухудшиться. Конкуренция между партиями за голоса избирателей стала самой значительной силой, позволившей женщинам пробивать себе дорогу в политике. Во Франции ситуация сложилась по-другому: требования большего равноправия раздавались, в основном, снизу. После расслоения коммунистического электората социалисты, ставшие доминирующей партией в 1981–1993 гг. не сумели адаптировать феминистскую идеологию. В Национальном собрании, избранном в июне 1988 года только 6,2 процентов депутатов от Социалистической партии были женщинами. Правая партия «Объединение в поддержку республики» насчитывала 7,5 процентов женщин-депутатов в своих рядах, даже несмотря на то, что она, как и голлистское движение в целом, никак не связана с феминизмом.

Из числа основных левых партий стран Европы особенно выделялась Итальянская коммунистическая партия (ИКП), всегда предоставлявшая женщинам значительное количество мест в парламенте: 60 процентов женщин, избранных в парламент в 1987 году были пред-

ставительницами этой партии. Энрико Берлингер, лидер ИКП позднего периода ее существования, особенно умело разыгрывал феминистскую карту и создавал образ ИКП как партии, представляющей женские интересы. Тем временем Лейбористская партия Великобритании, ранее не сумевшая получить поддержку феминистски настроенного электората, на последних выборах смогла наверстать упущенное. В апреле 1992 года тридцать семь женщин были избраны в Палату общин от лейбористов, 13,6 в процентном отношении от 271 представителя этой партии в парламенте.

Политические партии, образованные недавно, в основном включали женщин в свое руководство и пользовались благодаря этому преимуществом на выборах. «Зеленые» в Германии подняли на повестку дня много женских проблем и получили неофициальное звание, ранее принадлежащее социал-демократам, «самой феминизированной партии». Женщины получили большое количество мест в Бундестаге 1987 года в основном благодаря «Зеленым»: из 42 депутатов «Зеленых» 25 были женщинами. Однако после выборов в декабре 1990 года в объединенной Германии «Зеленые» сдали свои позиции и были представлены только восемью депутатами, три из которых были женщины. Следуя немецкому примеру, французские «Зеленые» тщательно сбалансировали свой список кандидатов по гендерному признаку и, в результате, добились невиданного успеха: они получили 11 процентов голосов, а 4 из 9 избранных кандидатов «Зеленых» были женщины. Однако и этот успех был недолговременный, так как в марте 1993 года на выборах в Национальное собрание коалиция «Зеленых» и «Поколения экологии» получила всего лишь 1,6 процента голосов, что оказалось недостаточным для получения хотя бы одного места в парламенте. В Италии Радикальная партия (имеющая незначительное влияние) также разыгрывала феминистскую карту: в 1987 году три женщины-кандидата от этой партии были избраны в Палату депутатов, в том числе скандально известная Чиччолина, ставшей «первым порнодепутатом итальянского парламента»*.

Почти все попытки создать феминистскую партию не смогла преодолеть консерватизм существующей политической системы. Единственной успешной феминистской партией во всем мире стала Женская партия Исландии, набравшая 10 процентов голосов в 1987 году; 6 представителей этой партии стали депутатами и играли ведущую роль в парламенте.

Несмотря на то, что большое количество женщин является членами периферийных партийных организаций, их доля уменьшается по мере

* Paris_Match, July 3, 1987.

приближения к центру власти. Повсеместно распространено вертикальное разделение власти между полами (мужчины – наверху, женщины – внизу). Во Франции доля женщин уменьшается от 17 процентов на уровне городского совета до 12,6 процентов на уровне региональных советов и до 5,4 процентов в обеих палатах парламента (Сенате и Национальной ассамблеи). Интересно детально проанализировать властные полномочия женщин на муниципальном уровне. Несмотря на то, что многие женщины работают в городских советах, только 6 процентов городских мэров – женщины. Большинство женщин-мэров управляют небольшими населенными пунктами в сельской местности, очень немногие работают в больших городах. Когда социалистка Катерина Траутман была избрана мэром Страсбурга в 1989 году, она стала первой женщиной-мэром города с населением более 100 000 человек. Некоторые аналитики подчеркивают также значение феминизации Европейского парламента. С 1979 года (когда было введено всеобщее избирательное право) все страны Европы, кроме Бельгии, посылали в Европейский парламент делегации, состоящие на более чем 10 процентов из женщин (более 20 процентов в четырех случаях). Однако эти факты частично объясняются сравнительно небольшим значением Европарламента и тем, что его депутаты не имеют достаточных властных полномочий.

Факт того, что среди высокопоставленных государственных служащих очень мало женщин, свидетельствует о недопущении их в центр политической арены. В настоящее время влияние парламентов уменьшается в пользу технократии, и констатация того, что женщин избирают, но не назначают на высшие государственные посты, дает основания для беспокойства. Однако эти тенденции затрагивают только скандинавские страны. Во Франции все происходит наоборот: женщины регулярно назначаются на министерские посты (в правительстве Мишеля Рокара почти 23 процента министерских портфелей принадлежали женщинам), но их почти не избирают в парламент. Найдя парламентский путь закрытым, французские женщины были вынуждены делать карьеру через специальное образование (особенно через Национальную школу администрации, более 20 процентов студентов которой – женщины). Тем не менее, образование еще не гарантирует назначение на высокую государственную должность.

Женщины не только занимают низшие государственные должности, но и дискриминируются при разделении труда. Развитие социального государства способствовало спонтанному воссозданию на политическом уровне старой схемы разделения труда между мужским/политическим и женским/социальным. Рассмотрение проблем ранее решавшихся на уровне семьи, теперь стало поручаться тем немногим женщинам, которые добивались места на политической арене. Мужчины реализуют

себя в области иностранных дел, обороны, внутренних дел, юстиции, экономики и финансов – то есть на должностях, олицетворяющих суверенитет государства. Женщины получают должности, связанные с социальными и семейными проблемами, культурой. Такое распределение ролей, очень заметное на правительственном уровне, в настоящее время присутствует на всех уровнях власти во всех странах (кроме скандинавских). Оно обеспечивает недопущение женщин в собственно политическую сферу и является компенсацией за предоставление им права участия в политической жизни.

Женщины в политике: шанс для демократии?

Количество и характер политических должностей, которые сегодня занимаются женщинами, служат причиной пессимизма в отношении влияния, на которое женщины могут надеяться в условиях демократии. Единственной возможностью, чтобы голоса женщин были услышаны и могли повлиять на принятие политических решений, может стать повышение уровня женской политической репрезентации. Однако в настоящее время сохраняются серьезные препятствия десегрегации политических институций. Относительно незначительная роль, которую женщины играют в политике, является результатом их подчиненного статуса в обществе. Доказательством этого является тот факт, что феминизация элит имеет место там, где был достигнут идеал равенства между полами, в урбанизированных районах, где женщины с подходящей квалификацией имеют возможность делать карьеру (квалификация включает в себя хорошее образование, профессиональный опыт и высокий уровень навыков).

Даже в таком культурно-однородном регионе, как Западная Европа существуют множество форм неравенства мужчин и женщин. В Португалии столетия угнетения женщин привели к трагической ситуации: в 1970 году 38 процентов португальских женщин старше двадцати лет были безграмотны и только 7 процентов умели читать на уровне средней школы. Во Франции сегодня, несмотря на сохранившееся неравенство возможностей, половина студентов – женщины. В Португалии элита состоит из мужчин, так как женщины испытывают последствия социального и культурного угнетения, продолжавшегося несколько столетий. Однако в случае Франции необходимо специальное объяснение того, почему демократия не привела к власти женщин.

Доминирование мужчин в коридорах власти связано с внутренними свойствами политического мира. Во-первых, партии функционируют как олигархические сообщества. Является само собой разумеющимся оправдывать исключение женщин из основных комитетов, указывая на низкий уровень их политического участия, и точно так же объяснять отказ от выдвижения кандидатов-женщин предполагаемой мизогинией избирателей. Несмотря иа то, что партии теоретически являются открытыми форумами для выработки платформ и выбора кандидатов, в реальности они представляют из себя узкие группировки, имеющие предубеждение против женщин (а также против молодых людей). Французские женщины характеризуют политические партии как «структуры, основанные мужчинами и для мужчин, которые, объединяясь, никогда не думают о том, что они кого-то исключают, а считают свои действия направленными на благо всего человечества, в том числе и женщин»*.

Часто законы о выборах поощряют повторное избрание на должность одних и тех же лиц. Там, где выборы проводятся в один (как в Великобритании) или два тура (как во Франции), кандидатам, не принадлежащим к элите, победить сложнее, чем при системе пропорционального представительства. Если голосование проводится в сравнительно небольшом округе, это еще более усиливает личностный характер выборов. Действующее должностное лицо имеет преимущество, и в некоторых странах (таких, как Франция) это преимущество усилено законами, позволяющими одному лицу занимать более, чем одну должность. И наконец, в системах, в которых члены верхней палаты избираются непрямым голосованием, баланс власти распределен в пользу сильных региональных политиков, которые поддерживают друг друга, а не женщин.

По словам Леона Гамбетта, «настоящая демократия представляет собой не признание равных, но их создание». Если придерживаться этой точки зрения, то настоящей демократии еще никогда не существовало. Но, с другой стороны, вполне возможно, что до конца столетия женщины смогут сосредоточить в своих руках значительную политическую власть.

Хотя в настоящее время снизилось влияние феминизма как массового движения, его сторонницы стремятся усилить свои позиции в различных институциях. Многие партии, правительства и международные организации в своих программах в той или иной степени провозглашают феминистские задачи. В некоторых странах были специально учреждены министерства для достижения равенства полов. В других — женщины назначаются на высшие государственные должности. В 1989 году Великобритания отмечала десятый год пребывания Маргарет Тэтчер

---

* *Marinette Sineau.* Des femmes en politique (Paris: Economica, 1988).

на посту премьер-министра, а в Германии спикером Бундестага была избрана Рита Зюссмут. В 1990 году Мэри Робинсон стала президентом Ирландии. А в 1991 году Франсуа Миттеран предложил социалистке Эдит Крессон возглавить правительство и придать «новый курс» своей политике. Это назначение стало символическим. Французская пресса приветствовала его как историческое событие, которое также было поддержано большинством населения. Несколько крупных европейских партий приняли квоты, определяющие минимальный процент женщин, работающих в основных комитетах и выбранных в кандидаты. По примеру скандинавских партий немецкие социал-демократы приняли квоту, обеспечивающую 40 процентов представительства женщин на всех уровнях управления.

Таким образом, все большее число женщин станет партийными лидерами и кандидатами. Это уже небольшая революция и, кроме того, – удачный рекламный ход во время избирательной компании. Такая стратегия, как показывает практика, пользуется успехом не только у женщин, но и у большинства избирателей. Когда в 1987 году гражданам стран Общего рынка задали вопрос: «улучшится или ухудшится ситуация, если в парламенте будет больше женщин», 28 процентов ответили «улучшится» («ничего не изменится» ответили 49 процентов, «ухудшится» – 11 процентов и 12 процентов не высказали своего мнения).

В периоды широкомасштабного кризиса, захватывающего семью, экономику и политическую систему, с приходом женщин в политику связаны надежды на позитивные изменения. Считается, что женщины, исторически более приближенные к реальности повседневной жизни, могут составлять альтернативу бюрократической власти профессиональных политиков-мужчин.

Сами женщины-политики подчеркивают свое различие: они не только критикуют традиционные политические методы, но также способствуют реализации революционных изменений в приоритетах и программах. Являются ли женщины будущим политики? Некоторые женщины-политики уверены в этом. Феминизм бывшего члена конгресса Бэллы Эбцуг основан на ее вере в то, что мир, управляемый женщинами, был бы лучше: «Разве допустил бы Конгресс со значительным числом женщин-депутатов, чтобы до 1970-х годов в этой стране не было национального медицинского страхования? Допустил бы он «мясорубку» непрофессиональных абортов? Можете ли вы себе представить, что Конгресс, состоящий из женщин, позволил бы так долго продолжать войну во Вьетнаме и массовые убийства как наших парней, так и населения Индокитая?»*.

* *Bella Abruz.* Bella! Ms. Abruz Goes to Washington (New York: Saturday Review Press, 1972). P. 30–31.

Была ли права Эбцут, утверждая, что женщины изменят правительство? Или это просто очередное возрождение мифа о женщине как спасительнице? Проведенное мной исследование французских правительственных чиновников скорее свидетельствует в пользу последнего. Во французской политике дорога к власти полна препятствий, которые могли бы привести к возникновению особой женской политической идентичности, представляющей собой истинно женскую политическую культуру со своими ценностями или, вернее, контрценностями. Рассматриваясь своими коллегами-мужчинами как «другие», если не сказать «нелегитимные», те немногие женщины, которые идут в политику, хорошо знают о своей маргинальности и даже девиантности. Они, со своей стороны, недоверчиво относятся к мужским привычкам (выражающимся в риторике, речи, одежде, амбициях). Но осознание своего различия было в высшей степени негативным: оно не привело к созданию женских сообществ солидарности или альтернативных политических программ. Более того, поведение женщин-политиков представляет собой в большей степени реакцию на неудачи (комплексы неполноценности, чувство вины за невыполнения своих функций как жен и матерей, конформизм ролям, приписанным мужчинами), чем пример, которому должны следовать другие женщины. Франция отличается от США или скандинавских стран, где считается, что женщины обладают более высоким феминистским самосознанием и смотрят в будущее с большей надеждой.

17

Женщина — субъект. Феминизм 1960–80-х годов

Ясмин Эргас

Если бы внимательных экспертов в западных обществах попросили прокомментировать последние десятилетия текущего столетия, то они обязательно заметили бы те потрясения, которые происходили в мире женщин. Сопровождавшие их перемены — от увеличившейся занятости женщин до повышения частоты разводов и воспитания детей в одиночестве — изменили условия жизни женщин. Но еще до того, как эти перемены привлекли широкое внимание, «феминизм» попал в поле зрения общественности, став эмблемой нового, в целом непредвиденного, самоутверждения женщин*.

Признаки возрождения

Возрождение феминизма проявило себя в широком многообразии феноменов. Самыми провокационными в то время

* На протяжении 1970–1980-х гг. многие важные феминистские движения развивались вне Западной Европы и Северной Америки. Это эссе, однако, пытается обратиться к тем направлениями феминизма, которое распространилось в Западной Европе и Северной Америке. Даже на этой ограниченной арене, я не ставлю своей целью систематический обзор многих движений, которые сильно повлияли на Западные общества.

являлись шумные акции, которые средства массовой информации раздували в качестве признаков возобновившихся беспорядков: в 1968 году американские женщины устроили «похороны традиционной женственности» на Арлингтонском национальном кладбище, сопровождавшиеся факельным парадом, короновали овцу мисс Америкой и бросали бюстгальтеры, пояса и искусственные ресницы в «урну свободы»; два года спустя француженки возложили венок, посвященный «безымянной жене безымянного солдата» у Триумфальной Арки в Париже, за ним последовал другой венок с язвительно назидательной демографической надписью: «каждый второй мужчина — это женщина».

Если же комментаторы, говоря о двух последних декадах, пожелали бы сосредоточиться на политических событиях, они отметили бы массовые демонстрации, которые помогли внести законодательные изменения в программы часто упорствующих политических систем, как в случае с кампанией за разрешение абортов в Италии. Они также указали бы на поток реформистских законов, касавшихся «женских вопросов», которые многие страны одобрили в 1970–1980-х гг. В Соединенном Королевстве, например, за законом о равной оплате труда от 1970 года следовал закон о половой дискриминации (1975 г.) и последующее создание Комиссии по равным возможностям. Закон о защите рабочих мест от 1975 года предоставил законно оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком и защиту от несправедливых увольнений во время беременности, закон о домашнем насилии и судебном разбирательстве супругов (1976 г.) вновь закрепил права женщин в области обуздания супругов-насильников, а закон о сексуальных преступлениях (поправка) также от 1976 года, улучшил защиту частной жизни жертвы изнасилования во время судебного разбирательства*. В Соединенных Штатах на протяжении 1970-х гг. конгресс одобрил 71 закон, что составило 40% от всех законодательных актов в отношении женских прав, принятых в этом столетии**. Многие другие страны приняли такую же законодательную инициативу, имевшую своей целью расширение женских прав.

Политическое влияние феминизма вышло за национальные границы. Международные организации вписывали «права женщин» в свои по-

* См.: *Joyce Gelb.* Feminism and Politics: A Comparative Perspective (Berkeley: University of California Press, 1989). P. 12–13. Обзор взаимодействия женских движений и политических систем см.: Mary Fainsod Katzenstein and Carol McClurg Mueller, eds. The Women's Movements of the United States and Western Europe: Consciousness, Political Opportunity, and the Public Policy (Philadelphia: Temple University Press, 1987), Joni Lovenduski, Women and European Politics: Contemporary Feminism and Public Policy (Brighton: Wheatsheaf Books, 1986).

** См.: *Ethel Klein.* Gender Politics: From Consciousness to Mass Politics (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1985). P. 22.

вестки дня: Организация Объединенных Наций, например, праздновала Десятилетие Женщин (1975–1985 гг.), сопровождавшееся проведением конференций в Мехико, Копенгагене и Найроби. Эти встречи подчеркивали распространенность феминистских движений и их влияние на «развивающиеся», также как и на «развитые» страны. Эти конференции также обнаружили подводные камни на разных уровнях, например, между западными и незападными активистками по поводу определения феминизма, а также между официальными представителями участвовавших правительств и неформальными феминистками, которые отказывали друг другу в законном представительстве. Тем не менее, само по себе Десятилетие, подобно конференциям, пользовавшееся поддержкой сильных сетей женщин-активисток, сопровождалось общественным признанием значимости женских проблем, появлением и принятием ряда резолюций ООН.

Более того, появление феминизма как политической силы возвестило — и возможно повлияло на серьезный пересмотр давнишних политических правил и договоренностей на институциональном уровне. Аналитики предложили термин «гендерный разрыв», чтобы обозначить миграцию женщин-избирательниц в более либеральные или левые политические течения. В Соединенных Штатах женщины перешли в оппозицию к президентству Рейгана в большей пропорции, нежели мужчины; в Британии к 1983 году женщины с меньшей вероятностью голосовали бы за консерваторов, чем мужчины. В Федеральной Республике Германии на выборах в 1980 и 1983 гг. больше женщин, нежели мужчин отдали свои голоса социал-демократам. Аналогичные модели поведения можно обнаружить в Канаде, Швеции и Австралии*. Во многих странах изменявшееся женское поведение на выборах сопровождалось большим политическим участием женщин и созданием официальных институтов, которым было поручено продвигать интересы женщин. В Федеративной Республике Германии, например, представленность женщин в политических партиях почти удвоилась между 1971 и 1981 годами, но при этом она оставалась значительно меньше, мужской. В 1986 году было образовано федеральное Министерство по делам женщин как часть Министерства по делам молодежи, семьи, женщин и здоровья (Бюро по делам женщин было основано в 1979 году); а германские земли имели бюро по делам женщины к кон-

* Существует большое количество литературы на тему «гендерного разрыва». Обзор см.: *David De Vaus* and *Ian McAllistair*. "The Changing Politics of Women: Gender and Political Alignment in 11 Nations", European Journal of Political Research 17 (1989): 241–262. Процитированные здесь данные о Германии взяты из: *Teresa Kulawik*. "Identity versus Strategy: The Politics of the Women's Movement in West Germany", mimeo, n.d.. P. 28–29.

цу 1980-х гг*. (Интересно, что в результате объединения Германии, специальные бюро по женским делам были созданы вместе с новыми земельными органами управления на Востоке.) И снова, можно найти примеры создания аналогичных институтов, связанных с женским представительством, в других странах.

Внимательные эксперты могли бы также отметить примеры, когда враждебные феминизму настроения и конфликты, возникавшие вокруг признания отдельных прав, служили для того, чтобы подчеркнуть собственно особенности феминизма. В Германии, например, право на аборт стало главным пунктом несогласия в переговорах по поводу национального объединения**. В других европейских странах либеральное законодательство об абортах также породило горячую, часто безуспешную, оппозицию, которая, в свою очередь, мобилизовала феминисток на их защиту. В Соединенном Королевстве, например, национальная кампания в поддержку абортов привела к поражению билля, который предполагал ограничить права, установленные законом об абортах 1967 года. В Соединенных Штатах мобилизация феминисток послужила фактором обретения известности на национальном уровне «морального большинства» ***, и даже поражение феминисток (такое как неудача Поправки о равных правах, которая не получила требуемого большинства) подчеркивало важность феминизма в продвижении политики «женских вопросов» на первый план****

Параллельно с этими масштабными событиями развивались микропроцессы, связанные с личностным влиянием феминисток. К концу 1970-х гг. феминизм превратился в очень известный, почти повседневный феномен, в промышленных странах Запада. Emma, немецкий феминистский журнал имел более 300000 читателей. Журнал Ms в Соединенных Штатах достиг по крайней мере 400000 читательской аудитории. Жен-

---

* *Christiane Lemke*. "Women and Politics: The New Federal Republic of German", ms. prepared for publication in Barbara Nelson and Najma Chowdhury, eds. Women and Politics World Wide, 1991.

** Ibid.

*** Moral majority – консервативная организация, состоящая из евангелических церквей США. – Прим. пер,

**** Закон об абортах от 1967 года, принятый в Соединенном Королевстве, позволял аборт в течение первых 28 недель беремеииости, когда два доктора считали, что жизнь матери и других детей иаходилась в опасиости или когда существовала вероятность рождения иеполноценного ребенка. Стоит отметить различные аспекты контекста, в которых право иа аборт развивалось как определяющий термин политического регулнрования. Споры по поводу такого рода прав теперь ярко выделяются иа фоие политических программ заново реформированиых Восточно-европейских политических систем (таких как Венгрия и Польша); они также сделались ключевыми проблемами, например, при иазначеиии в Верховный Суд США. Об американской кампании за поправку о равных правах см.: Jane Mansbridge, Why We Lost the ERA (Chicago: University of Chicago Press, 1986).

ские группы по численности равнялись примерно одной четверти всех голландских городов. Феминистки управляли более 200 женскими убежищами в Соединенном Королевстве*

Многочисленные феминистские социальные инициативы – создание своих печатных органов, организация специальных курсов для женщин, учреждение приютов, или кампании за репродуктивные права – встречали широкую поддержку. В голландском городе Гуда команда исследований проинтервьюировала более половины женщин – 82% выразили положительное отношение к женскому движению и высказали мнение, что улучшения в условиях жизни женщин могут быть достигнуты, только если женщины объединятся**. Канадское исследование, проведенное в 1986 году, обнаружило, что 47% проинтервьюированных женщин желали определить себя в качестве феминисток***. В Соединенных Штатах в том же году 56% женщин респонденток провозгласили при исследованиях, что они считают себя феминистками; 71% считал, что женские движения внесли большой вклад в улучшение их собственной жизни****. В целом, европейские социологические исследования, проведенные в 1983 году, обнаружили положительное отношение к женским освободительным движениям, превалирующее в Бельгии, Дании, Германии, Франции, Ирландии, Италии, Люксембурге и Греции, но только в Нидерландах и Соединенном Королевстве такое отношение было распространено у меньшинства женщин*****

Не все феминистские движения, однако, имели равный успех во всех европейских странах. Многие женщины предпочитали пользоваться более нейтрально звучащим понятием «женское движение», нежели «феминистское движение». Другие говорили, «Я не феминистка, но » При этом каждый момент дистанцирования себя подтверждал центрирующее значение феминизма в качестве фактора женской политики.

К середине 1980-х гг., однако, некоторые когда-то выдающиеся феминистские движения потеряли свою актуальность. Молодое поколение,

---

* Цит. данные по: *Mary Fainsod Katzenstein*. "Comparing the Feminist Movements of the United States and Western Europe: An Overview", in Fainsod Katzenstein and McClurg Mueller, eds. The Women's Movements of the United States and Western Europe, P. 4.

** *Martien Briet, Bert Klandermans, Frederike Kroon*. "How Women Became Involved in the Women's Movement of the Netherlands", in Ibid., P. 55.

*** См.: *Naomi Black*. Social Feminism (Ithaca: Cornell University Press, 1989). P. 10.

**** *Mary Fainsod Katzenstein*. "Comparing the Feminist Movements of the United States and Western Europe: An Overview", in Fainsod Katzenstein and McClurg Mueller, eds. The Women's Movements of the United States and Western Europe, P. 9.

*****Ethel Klein*. "The Diffusion of Consciousness in the United States and Western Europe", in Ibid., P. 39.

как с готовностью сообщали журналисты своим читателям в Соединенных Штатах и в других странах, продемонстрировало глубокие отличия своих позиций от методов борьбы и даже целей своих предшественниц. «Постфеминизм» обозначил новую волну движения, хотя термин сам по себе парадоксально подтверждал политическое первенство феминизма, чью гибель он хотел засвидетельствовать.

Упадок или закат феминистской мобилизации часто оказывался менее решительным, нежели провозглашали пророки Страшного суда. В Соединенных Штатах, например, массовые демонстрации сопровождали решения Верховного суда и крупные законодательные дебаты 1989 года, которые угрожали ограничить право на аборт. И если, в целом, демонстрации стали менее частыми, группы активисток распались, закончилась эра крупных представлений и массовых сборищ, к которым средства массовой информации привлекали большое внимание, но они сопровождались возникновением новых женских политических организаций, четким обозначением женских проблем в публичной сфере, живыми дебатами среди самих феминисток, также как и между феминистками и внешним миром. Другими словами закат феминизма в качестве организованного социального движения не означал ни гибель феминисток в качестве политических акторов, ни исчезновение феминизма в качестве развивающегося (и спорного) набора дискурсивных практик. Вместо старых групп и демонстраций появилась политика лоббистов, мобилизация для решения новых целей (часто определявшихся в универсальных терминах, нежели понятиях «сконцентрированных на женщинах»: мир и экология вместе абортов или сексуального насилия). Место старых активистских групп и демонстраций заняли возобновившиеся дебаты, расширявшие круг классиков и героинь феминизма и знаменовавшие пусть и медленную смену поколений. Спустя четверть века началось заметное возрождение феминизма. Поскольку условия, в которых оно обретало новую форму, изменились, а интересы феминисток и доступные им ресурсы улучшились, ключевые позиции и характеристики феминистских политических практик также перетерпели изменения.

Феминистские движения 1960–1970-х гг. отражали политический контекст, в котором они сформировались. Судя по многим примерам такой контекст отличался высокой степенью политической мобилизации и появлением разнородных движений, требовавших радикальных социальных изменений. Особую роль сыграла идеология студенческого движения, которая иногда совпадала с интересами рабочих профсоюзов и партийных организаций, вместе с которыми она формировала движение «новых левых». Внутри «новых левых» феминистки играли роль самого важного критического компонента. Но вместе с «новыми

левыми» и радикальными социальными движениями, с которыми они были связаны, в генезисе нового феминистского движения участвовали и более традиционные политические объединения и институты.

Новое феминистское движение в целом стало относительно автономным по отношению к разного рода контекстам, в рамках которых оно появилось, разрабатывая темы, улучшая словарь, определяя основные проблемы и демонстрируя независимые способности к привлечению на свою сторону активистов и мобилизации в конкретных целях. В действительности, феминизм, развившийся внутри европейских новых левых не только смог утвердить свою законность, но и вынести свои собственные проблемы на повестку дня организаций новых левых и в конечном итоге пережить их.

Несмотря на свою автономность, феминистские движения неминуемо несли на себе отпечаток тех политических условий, в контексте которых они возмужали. Между началом возрождения феминизма в 1960-х гг. и его часто провозглашаемой – хотя собственно вряд ли он ее полностью достиг – стагнацией, наступившей два десятилетия спустя, трансформация окружавшей его действительности поощряла изменения в формах и целях феминистской мобилизации. В то время как в одних странах, таких как Соединенные Штаты, феминистские движения превратились в сплоченные сети независимых лоббистских групп и организаций, в других – как в Швеции и Норвегии – феминистки получили ответственные посты внутри политических партий и государственных институтов. В третьих странах феминизм имел только ограниченные контакты с формальными политическими институтами, концентрируясь либо на массовых организациях (как в Соединенном Королевстве) или на развитии культурных проектов*. Во многих случаях «ненавязчивая мобилизация» в неожиданных местах, таких как религиозные институты или вооруженные силы, продвигала интересы женщин, иногда под эгидой феминизма**. Новая волна, получившая название пост-феминиз-

---

* Для сравнения судеб феминистских мобилизаций см. в особенности, дискуссию, приведенную у Джойс Гельб по поводу Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Швеции в ее книге: *Joyce Gelb*. Feminism and Politics. Другой компаративный анализ вместе с конкретными примерами параболы феминистской мобилизации содержится у: *Lovenduski*. Women and European Politics; Fainsod Katzenstein and McClurg Mueller, eds. The Women's Movements of the United States and Western Europe; Drude Dalherup, ed. The New Women's Movement: Feminism and Political Power in Europe and the USA (London: Sage, 1986), and Mary Fainsod Katzenstein and Hege Skjeie, eds. Going Public: National Histories of Women's Enfranchisement and Women's Participation within State Institutions (Oslo: Institute for Social Research, 1990).

** О феминистской «ненавязчивой мобилизации» в Соединенных Штатах см.: *Mary Fainsod Katzenstein*. "Unobtrusive Mobilization and the Feminist

ма, парадоксальным образом подтвердила значимость политического измерения *в феминизма, что было связано со стремлением обозначить преодоление битвы за собственно женские требования.*

Что такое феминизм?

Как можно определить феминизм, который недавно расцвел на Западе и во многих местах все еще живо участвует в общественной жизни, и как можно проанализировать его отношения с отдельными феминистскими движениями? Ответы на эти вопросы разнятся, ибо в современном мире феминизм приобрел разные значения в разных обстоятельствах. Словарь рассматривает феминизм дискурсивно в качестве «теории политического, экономического и социального равенства полов»,* и организационно как соответствующую мобилизацию, возникшую с целью «освободиться от ограничений, которые являются дискриминацией против женщин». Но никакое определение не способно дать нам адекватное понимание сложной территории *современной феминистской политики.* Действительно, феминизм не является раз и навсегда *определенным понятием*, но существует общее для всех ядро феномена, к которому *это понятие апеллирует*, оно заключается в следующем: «феминизм» отражает исторически изменяющийся набор теорий и практик, вращающихся вокруг организации и полномочий субъектов женского пола**

С точки зрения данной перспективы, *определение того*, чем феминизм является или чем он был — это скорее дело историческое, нежели проблема определения. И отслеживание его развития требует углубления в беспорядочные конфликты прошлых десятилетий, во время которых различные толкователи феминизма подвергали сомнению теории друг друга, ибо вопрос о границах феминизма на-

---

Movement in the U.S"., mimeo, 1988, and "Organizing on the Terrain of Mainstream Institutions: Feminism in the United States Military", in Fainsod Katzenstein and Skjeie, eds. Going Public, P. 173–203.

* Webster's New Twentieth Century Dictionary of the English Language, unabridged, 2nd edn. (New York: The Publisher's Guild, 1965).

** Как Тереза де Лауретис утверждает, «феминистская теория это развивающаяся теория социального субъекта женского пола, воплощенного в жеиском образе, которая базируется на своей особенной, последовательной и противоречивой истории». *Theresa de Lauretis.* "Upping the Anti (sic) in Feminist Theory", in Marianne Hirsch and Evelyn Fox Keller, eds. Conflicts in Feminism (New York: Routledge, 1990). P. 267. Другой подход см.: *Karen Offen.* "Defining Feminism: A Comparative Historical Approach", Signs 14 (1988): 118–157.

стойчиво обсуждался внутри самих феминистских движений. Этот процесс очевидно *связан с решением сложного комплекса* проблем идентификации и атрибуции.

Горькие личные истории свидетельствуют о существовании конфликтов по поводу самого ярлыка феминизма и по поводу собственности на оный. Одна канадская активистка, например, вспоминает случай, произошедший на феминистском собрании, когда феминисток попросили идентифицировать себя. Вместе с немногим старше ее участницами, более тяготевшими к «традиционным» женским организациям, нежели к недавним мобилизациям, она подняла свою руку и обнаружила непримиримую враждебность со стороны остальной части аудитории*. Здесь, в этом соревновании за *верительные* грамоты, победившие получили бы и право на определение феминизма.

«Стороны», втянутые в феминистские диспуты по поводу определения феминизма, не были связаны какими-то особыми политическими концепциями. Скорее, меняющая сущность определений феминизма обнажалат подвижки в том, как идентифицируют себя феминистки. В Италии, например, ранние феминистские группы 1960-х гг. и 1970-х гг. с особой силой критиковали сети существовавших на тот момент женских организаций. Их критицизм касался неэффективности «культуры эмансипации», поскольку итальянский феминизм определял себя в качестве оппозиционного по отношению к центральной для Западного феминизма идее о том, что только полный доступ женщин к существующим правам может гарантировать их равенство**. Итальянский феминизм того времени противопоставлял себя традиционным женским организациям, озабоченным социальными проблемами или мобилизацией масс в защиту прав женщин как матерей, жен или работниц. В 1970-е гг. большое количество последовательниц итальянского феминизма отвергло бы, например, Национальную организацию женщин (NOW), очевидно главное действующее лицо американского феминистского возрождения.

С другой стороны, итальянский эквивалент *NOW* – Союз Итальянских женщин (*UDI*) – не захотел бы находиться в перечне феминистских организаций***. *Тесно* связанный с основными левыми партиями,

---

* Black, Social Feminism.

** Те, кто интересуется современным итальянским феминизмом, см.: Biancamaria Frabotta, ed. La politica des femminismo (1973–1976) (Rome: Savelli, 1976); Rosalba Spagnoletti, ed. I movimenti femministi in Italia (Rome: Savelli, 1978): Paola Bono and Sandra Kemp, eds. Italian Feminist Thought: A Reader (Oxford: Basil Blackwell, 1991); and Libreria delle donne di milano, Non credence di avere dei diritti: la generazione della liberta femminile nell'idea e nelle vicende di un gruppo di donne (Milan: Rosenberg and Sellier, 1987).

*** Подробное обсуждение сложных отношений, связывающих UDI с новым итальянским феминистским движением в разного рода контекстах, см.:

он прошел интересный путь от женских подразделений коммунистической и социалистической партий — каждая из которых постоянно пыталась диктовать Союзу его позицию — до своего по крайней мере формально независимого электората. В начале 1970-х гг. партии признанных левых и в особенности Коммунистическая партия, рассматривали феминизм как форму экстремизма, символичного для Новых левых, с которыми итальянское феминистское движение было тесно связано*. А значительные сектора электората UDI подозрительно относились к названию феминизм.

При этом к концу 1970-х гг. UDI распустил свою бюрократию и избрал путь «без структуры», или по крайней мере свободной структуры, как один из способов провозглашения идентичности организации с определенным типом феминизма, к которому он когда-то находился в оппозиции. К тому моменту контуры феминистского движения начали размываться. Символически отражая трансформации предыдущего десятилетия, в середине 1980-х гг. одна из ведущих феминисток 1970-х гг. приняла пост главного редактора журнала UDI. Границы между старой организацией и феминистским движением предыдущих лет оказались сломанными. А левые партии начали больше упоминать о феминизме в своей официальной риторике. К концу 1980-х гг. феминистский фронт Италии помимо многочисленных активисток главных левых партий страны включил в себя и UDI.

Если позиция традиционных женских ассоциаций иногда служила линией демаркации неясных феминистских границ, то перспективы радикализма также прояснили его контуры. В начале 1970-х гг. группа «Психоанализ и политика», которую многие считали ведущей во французском феминизме, в своем анализе круто смешала психоаналитические установки с социальной критикой, чтобы доказать принципиальную «инаковость» женщин. Ее подходы получили широкий международный резонанс. При этом группа отвергла свою принадлежность к феминизму, объявив его реформистским, всеядным и, в конечном

Judith Adler Hellman. Journeys among Women: Feminism in the Five Italian Cities (New York: Oxford University Press, 1987). В целом о UDI см.: *Giulietta Ascoli*. "L'UDI tra emancipazione e liberazione (1943–64)", in Giulietta Ascoli et al., La guestione femminile in Italia dal'900 ad oggi (Milan: Franco Angeli, 1979); Giglia Tedesco, "Tra emancipazione e liberazione: L'UDI negli anni sessanta", in Anna Maria Crispino, ed. Esperienza storica femminile nell'eta moderna e contemporanea (Rome: Unione Donne Italiane, 1989); and Maria Michetti, Margherita Repetto, Luciana Viviani, eds. UDI: laboratorio di politica delle donne (Rome: Cooperativa libera stampa, 1984).

* См.: *Adriana Seroni*. "Ragioni e torti de femminismo", in Frabotta, ed. La politica des femminismo (1973–1976). P. 218–228; См. также: Carla Ravaioli, La questione femminile: Intevista col PCI (Milan: Bompiani, 1977).

счет, пораженческим – готовым принять условия мужского доминирования. Группа «Психоанализ и политика» приписала себе право на истинное представительство Движения за освобождение женщин (mouvement de liberation des femmes), зайдя так далеко, что стала защищать это право от других (феминистских) групп в суде*

Аналогичным образом, в начале 1970-х гг. термин «женское освобождение» также стал ярлыком, под которым английские активистки смогли дистанцироваться от своих феминистских коллег. Джулиет Митчелл и Эн Оукли, главные героини этого периода, чей собственный анализ условий существования женщин оказался центральным для развития феминистских движений во многих странах, вспоминают: «В начале этой фазы феминизма, где-то в шестидесятых, существовали радикальные феминистки и сторонницы движения женщин за свои права»**. Ранние радикальные феминистски разделяли взгляды таких писательниц как Суламифь Файерстоун, чья книга «Диалектика пола» утверждала идею, согласно которой состояние женственности являлось по сути биологическим уделом, обеспечивающим естественное единство для женщин. Так феминизм повлек за собой союз женщин с женщинами для женщин на основе их принадлежности к отдельному полу. Сторонницы движения женщин за свои права, с другой стороны, как и сама Митчелл утверждала в двух своих основных работах («Женщины: самая длинная революция» и «Женское сословие» (Women: The Longest Revolution и Women's Estate)), отвергли биологические притязания радикальных феминисток. Вместо этого, они стремились объяснить условия существования женщин в исключительно социальных понятиях, рассматривая женскую солидарность как исторически сложившуюся, а не как биологически обоснованную. В конечном итоге, однако, сторонницы движения за освобождение женщин начали идентифицировать себя в качестве феминисток, и общество стало определять их таким же образом.

По мере изменения феминистских подходов, эксперты, не принадлежавшие к феминизму, как и многие феминистки, попытались выделить в этом универсуме отдельные потоки в соответствии с ключевыми политическими идеологиями. Друг от друга стали различать радикальную, социалистическую и либеральную позиции. Понимаемые в данном свете конфликты между феминистками просто воспроизводили внешнюю полемику, так что различные течения могли различаться в понятиях привычного политического дискурса. Так, говорили, что радикальные

* Полиое описание относящихся к этому событий см.: *Jane Jenson.* "Le Féminisme en France depuis mai 68", Vingtième Siècle: Revue d'Histoire (Oct.-Dec. 1989): 56–57.

** Juliet Mitchell and Ann Oakley, eds. What Is Feminism? A Reexamination (New York: Pantheon, 1986). P. 1.

феминистки выступают от имени женской автономии в понятиях, напоминающих антиколониальные движения национального освобождения; что анализ социал-феминисток сосредоточен на классовой борьбе и классовых противоречиях; в то время как радикалки и социалистки, казалось, призывали к коренным изменениям социального порядка, либеральные феминистки подчеркивали важность получения женщинами равных прав внутри многочисленных политических и социальных сетей.

Такой способ разделения радикальных, социалистических и либеральных подходов рискует превратить феминизм в производную, в аппендикс главных политических конфликтов сегодняшнего дня. Тем не менее, он полезен в качестве классификации, поскольку подчеркивает ту границу, до которой феминистские движения распространились в близкой связи с другими политическими объединениями, с которыми они желали вступить в диалог. Застрявшие в поле напряженности между желанием порвать с внешними проявлениями риторики в пользу сосредоточения на внутренних проблемах и желанием сохранить способность к действию во внешнем мире, феминистки в действительности разместились внутри доминирующих политических традиций. Феминистские практики и дискурсы отразили как относительную важность их внешних собеседников, так и внесли вклад в эволюцию существующих политических дискурсов*

Включение прав женщин в список требований, продвигаемых различными политическими организациями, привело к тому, что теперь по крайней мере формально уделяется внимание женскому представительству, а установление специальных форм защиты с целью продвижения интересов женщин обеспечивает явные признаки влияния феминистской политики. Трудно, однако, измерить влияние самого выдающегося, но и непокорного, современного феминистского дискурсивного фокуса: организация и наделение полномочиями субъектов женского пола.

Реконструируя и деконструируя женщину

«Но для начала мы должны задать вопрос: что такое женщина?» написала Симона де Бовуар в начале своего классического исследования «Второй пол»**. Современные феминистки существенно отличаются

* Значимость открытия политического дискурс для артикуляции женских требований обсуждалось весьма подробно Джейн Дженсон. См.: *Jane Jenson*. "Liberation and New Rights for French Women", mineo, 1984.

** *Simone de Beauvoir*. The Second Sex, trans. and ed. H. M. Parshley (New York: Knopf, 1952). P. XV.

друг от друга не только в своих ответах, но и в своих подходах к этому вопросу*. При этом они постоянно возвращаются к нему. Одновременно утверждая превосходство феминности в качестве категории политической идентификации и ставя под сомнение ее сущность, феминистки желают одновременно конструировать и деконструировать феминность. Ибо ядро современного западного феминизма постоянно испытывает напряженность, или, по словам одной известной исследовательницы, внутри него проходит «водораздел, который регулярно воспроизводится как в феминистской мысли, так и в деятельности. Он обусловлен потребностью в построении идентичности под названием «женщина» и придании ему серьезного политического значения и необходимостью в уничтожении самой категории «женщина» в ее существующем виде и в демонтаже ее застывшей истории»**. И поэтому современные феминистские движения вращаются вокруг двух полюсов: утверждение половых отличий как базового экзистенциального — и поэтому политического — принципа и отказа от релевантности половых отличий как законной основы для социальных (и экзистенциальных) различий. В сущности — это спор между сторонниками «равенства» и проповедниками «различия».

Часто утверждается, что современные феминистские движения на Западе появились в ответ на власть гендера как организующей категории социального опыта. Вскормленные либеральными и эгалитаристскими идеями с их отрицанием присущего обществу неравенства, в котором пол в значительной мере определяет жизненные возможности, молодые

* С некоторых точек зрения этот конфликт внутри феминизма определяет феминизм сам по себе. Как написала Денис Рили: «то, что "женщины" представляют из себя шаткую категорию, что эта шаткость имеет исторические корни и что феминизм — это поле систематической борьбы с этой шаткостью . не должно нас волновать". *Denise Riley*. Am I That Name? Feminism and the Category of "Women" in History (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988). P. 5.

** *Ann Sitow*. "A Gender Diary," in Hirsch and Keller, eds. Conflicts in Feminism, P. 9. Снитоу далее подчеркивает, что разделение между теми, что считает гендер точной формой идентификации, и теми, кто желает ослабить его силу, не просто разделяет конкурирующие политические взгляды. Вместо этого оно подчеркивает глубокий и расширяющийся экзистенциальный разрыв. Она пишет: «феминистки — как и большинство женщин — живут внутри комплекса взаимоотношений с этим центральным феминистским водоразделом. Время от времени мы осуществляем едва заметные психологические и социальные переговоры в том, насколько гендерным мы хотим быть» (Р. 9). Подобные же взгляды на вопрос женственности и ее места в современных западных феминистских движениях см.: *Riley*. Am I That Name? и *Yasmine Ergas*. Nelle maglie della politica. Femminismo, instituzioni e politiche sociali nell'Italia degli anni settana (Milan: Franco Angeli, 1986). По этому поводу см. также: *Giovanna Zincone*. Fuga dall'essenzialismo: Un bilancio degli studies u donne e politica (Torino: Il Segnalibro Editore,1990).

женщины 1960-х и 1970-х гг. способствовали недавнему феминистскому возрождению*. Бросая вызов общепринятым представлениям о месте женщин в обществе, они попытались освободить женщин от пут гендера. Претензия современного феминизма, таким образом, заключается в утверждении равных прав женщин, а их особая цель — в достижении гендерно нейтрального мира.

Данная интерпретация, однако, оставляет место только для одного течения современной феминистской мысли, исключая «феминизм различения», который изучает «инаковость» женщины и постоянно делает акцент на отличие женщины от мужчины. Такая позиция явно отвергает обесценивание феминности и ассимиляцию женщин в мужские экзистенциальные модели, закодированные в современном социальном порядке. По словам членов одной итальянской феминистской группы, высказанным в 1967 году, женщина столкнулась с двумя альтернативами. Она могла выбрать «маскулинизацию» (на что ее обрекали, как казалось, полученные социальные права). Или она могла отступить к роли, которая явно «сошла на нет» и превратилась в «анахронизм». «Женственность» оказалась в большей мере лишенной социальной ценности и значимости, но «маскулинизация» предвещала только отчуждение**. С этой точки зрения женщины страдают от потери идентичности, иа что феминизм отвечает возвращением к жизни категории «феминности». Феминистская критика, поэтому, направлена не на гендерные различия, но на тенденцию, обрекающую эти различия на исчезновение.

Эти две перспективы образуют два полюса дебатов «равенство против различия», которые напрямую воздействуют на причины и характеристики феминистской мобилизации. Неограниченный этиологией феминизма, каждый лагерь в данных дебатах имеет свое понимание его природы. Для «эгалитаристов» феминизм выходит за рамки гендера, хотя он и связан с его подавляющей всепроницаемостью; для «защитников различения» феминизм вновь утверждает гендер, и это провоцируется отказом от той идентичности, от которой страдает женщина. Но противопоставление равенства и различения иллюзорно. Как отметила Джоан Скотт, настоящим антонимом равенства является

---

* См., например: *Maren Carden.* The New Feminist Movement (New York: Russel Sage, 1974).

** Gruppo Demistificazione Autoritarismo, "It maschile come valore dominante", in Spagnoletti, ed. I movimenti femministi in Italia, P. 56. Этот вид аргументирования оказался центральным для развития современного итальянского феминизма. Самые последние объяснения женских отличий и банкротства женской эмансипации см.: Libreria delle donne di milano, Non credence di avere dei diritti.

неравенство, а не различение; а полновесным антонимом различения является одинаковость, но не равенство*. Как с исторической точки зрения, так и с позиции недавнего прошлого, феминизм претендовал как на равные, так и на особые права от имени либо идентичности женщин с мужчинами или их отличия друг от друга.

Однако не просто симметрия равняет различение с неравенством и одинаковость с равенством. Английские и американские суфражистки XIX – начала XX веков часто обращались к добродетелям женственности, чтобы продвигать свои политические требования, используя половые различия для поиска политического равенства. В 1970-х и 1980-х гг. американские феминистки утверждали в ходе кампании за поправку о равных правах, что существует фундаментальная похожесть женщин и мужчин. Эту кампанию они в конечном итоге проиграли**. С XIX века до настоящего момента, те, кто требовал специальных прав для женщин, таких как отпуск по уходу за ребенком и защитное законодательство, использовали и способность женщин к рождению детей, чтобы востребовать некоторые послабления от «нормальных» суровостей занятости***. В конце концов, те, кто требовал «позитивный действий» – то есть уравновешивающего обращения в сфере образования или на рынке труда – присоединился к исходной посылке идентичности женщин с мужчинами, используя доводы в пользу особенного рассмотрения.

Общая поддержка женских прав не обязательно проистекает от тех же самых предпосылок. Обеспечивает ли пол определенный вид физического субстрата, на котором поконтся гендерная идентичность, является ли сексуализированное тело данностью, могут ли физические особенно-

---

* *Joan W. Scott*. "Deconstructing Equality-Versus-Difference: Or the Uses of Postatructuralist Theory for Feminism", in Feminist Studies 14 (Spring 1988): 33–50, reprinted in Hirsch and Keller, eds. Conflicts in Feminism, P. 134–148.

** *Mansbridge*. Why We Lost the ERA.

*** Иногда считается, что на основании поддержки эгалистаристской идеологии, феминистки отступили от требования особых прав для женщин. То, что не в этом дело, проясняется интенсивностью дебатов среди феминисток в разных странах на такую тему как отпуск по уходу за ребенком. Как написала одна итальянская феминистка, приводя доводы в пользу усиления отпуска по материнству в противовес отпуску по отцовству, что, по-видимому, с формально эгалнтарной точки зрения материнство и отцовство не отличаются друг от друга по опыту, поскольку они влекут за собой «аналогичные попытки и взаимозаменяемые экзистенциальные стороны». См.: *Franca Bimbi*. "differenza/parita" in Laura Balbo, ed. Tempi di vita. Studi e proposte per cambiarli (Milan: Feltrinelli,1991). P. 54. Обсуждение релевантных вопросов в Соединеиных Штатах смотри, например: *Martha Albertson Fineman*. The Illusion of Equality: The Rhetoric and Reality of Divorce Reform (Chicago: University of Chicago Press, 1991), and *Martha Minow*. "Adjudicating Differences: Conflicts Among Feminist Lawyers", in Hirsch and Keller, eds., Conflicts in Feminism, P. 149–163.

сти самостоятельно произойти от гендерных процессов – вот вопросы, которые современный феминизм считает важными*. Разделяя пол и гендер и политизируя разграниченное таким образом пространство, феминистки одновременно поместили феминность в основание политической идентичности и определили феминизм как охраняемое политическое пространство, внутри которого можно производить деконструкцию и реконструкцию женственности. Особенно в первых фазах современного феминистского движения такое колебание между утверждением определенности (превосходство пола как критерия политической идентификации) и повторением сомнений (противоречивое сомнение по поводу половых различий) стали причиной поиска координат, объединяющих «женское состояние». Позднее, вопросы, связанные с отличиями и разделением внутри женщин вышли на первый план. Но на ранних стадиях мобилизации главной проблемой для женщин в группах оставалась, как отметила одна выдающая женщина, теоретик данного вопроса, проблема угнетения женщин в своем «бесконечном многообразии и утомительной похожести»**

Практика отделения и различения

Но как можно примирить многообразие и монотонность; можно ли утверждать, что женщины образуют единую группу, то есть являются когерентным субъектом? Используя лексику, распространенную в то время в левых кругах, некоторые феминистки использовали язык класса. «Женщины являются угнетенным классом. Наша подчиненность тотальна, влияет на каждый факт нашей жизни», писали американские «Красные чулки» в своем манифесте***. Другие позаимствовали язык из антиколониальной и антирасистской борьбы, считая, что женщины

* Феминистские дебаты чаще концентрировались на отношениях «полового различения», «гендера» или пола. Однако, ударение на социальной природе или культурной конструкции опыта тела недавно вышло на первый план. См.: *Susan Rubin Suleiman*. Subversive Intent: Gender Politics and the Avant-Garde (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990), *Judith Butler*. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity (New York: Routledge, 1990). Об этой проблеме см также: *Catharine Gallagher and Thomas Laqueur*. The Making of the Western Body: Sexuality and Society in the Nineteenth Century (Berkeley: University of California Press, 1987).

** *Gayle Rubin*. "The Traffic in Women", in R. Reiter, ed. Toward an Anthropology of Women (New York: Monthly Review Press, 1975). P. 160.

*** Robin Morgan, ed. Sisterhood Is Powerful: An Anthology of Writings from the Women's Liberation Movement (New York: Vintage Books, 1970). P. 533.

сформировали касту, группу, чье состояние является наследственным и неизменным, и поэтому они оказались заключенными в системе доминирования. Третьи все еще пытались формировать специальную терминологию — пользуясь категорией «другого», фокусируясь на половых различиях или на релевантности гендера — с целью объяснить общие черты феминности. «Теперь женщины возвращаются издалека, из «всегда»: из «отсутствия», из пустоши, где еще обитают ведьмы; снизу, из мира по ту сторону «культуры», — написала Элен Сиксу*. «Различение есть экзистенциальный принцип, который касается способов того, как быть человеком, особенности опыта каждого, его/ее целей, ощущения бытия в данной ситуации и ситуации, которую каждый хочет подарить себе. Различение между женщиной и мужчиной — это базовое различение человечества», провозгласила Rivolta Femminile в своем первом важном публичном заявлении**

Поэтому при всем разнообразии подходов феминистки боролись, чтобы объяснить природу женских общностей, последовательно и добровольно нарушая традиционные различия, отделявшие область «личного» или «частного» от «политического» или «публичного». Известный лозунг «личное и есть политика» послужил знаком того, что феминистки не желали, чтобы такие проблемы как прерогативы мужей в браке или сексуальное насилие оставались в рамках деликатной личной нравственности, не подлежащей политическому и отсюда публичному обсуждению. Но «личное и есть политика» также означало и важность реконструкции женской самости для феминисток. Личное, другими словами, представляло политический проект также как и политическое пространство.

Эта озабоченность своеобразием и реконструкцией субъекта женского пола способствовала развитию феминистских движений во многих странах в удивительно похожих направлениях. Практика отделения и различения, чьи элементы вновь кочевали в измененной форме от одного движения к другому, вызвала к жизни мир женщин, находившихся не в ладах с окружавшей их средой, чьей целью стала работа по возрождению женской субъективности и расширение женских полномочий.

---

* *Hélèn Cixous*. "The Laugh of Medusa", Signs (1976): 877. Более романтический перевод см.: «Наконец-то женщины возвращаются из дремучего далека, где все и всегда «как положено», они идут из вересковых пустошей, где ведьмам дозволено выжить, из застенков «культуры». — См. *Элен Сиксу*. Хохот Медузы // Гендерные исследования. — 1999. — № 3. — С. 73.

** Манифест Revolta Femminile был опубликован в 1970 году. Он перепечатан в: Spagnoletti, ed. I movimenti femministi in Italia, P. 102–106. O Revolta Femminile см.: *Maria Luisa Boccia*. "Per una teoria dell'autenticita/ Lettura di Carla Lonzi", Memoria. Rivista di storia delle donne 19–20 (1980): 85–108.

Сепаратизм и автономность*

Не все феминистки поддержали сепаратизм. Наоборот, напряженные споры сфокусировались, прежде всего, на степени, до которой феминизм следовало определять как только женское движение. При этом вопреки несогласным, исключение мужчин из большинства активных действий часто становилось основным организующим принципом по крайней мере частично мотивированным необходимостью установления и защиты женской автономности**

Говорили, что настаивая на автономности как цели и сепаратизме как средстве к ее достижению, феминистки часто следовали на поводу у Третьего мира или афро-американских националистов***. Данная аналогия иллюстрирует значимость, которую современные феминистки, подобно своим предшественницам, придают поляризующим методам, способным к резкой демаркации границ между коллективным «Я» и остальным миром: важнейший шаг в попытке формирования женщин в качестве особого субъекта.

Пробуждение сознания

Подобно сепаратизму движение по пробуждению сознания повлекло за собой недовольство в рядах феминисток; тем не менее, оно появилось в качестве фундаментальной техники, вокруг которой конструировался современный феминизм****. Начавшись в Соединенных Штатах около 1966–67 годов, движение по пробуждению сознания характеризовалось

---

* Некоторые из проблем, обсуждаемые здесь и в последующим параграфах, касающиеся практики отделения и различения, также рассматриваются и в: *Ergas*. Nelle maglie della politica. Femminismo.

** Автономность является главной темой многих феминистских движений, особенно начала 1970-х гг., когда они боролись за определение своих отношений с коллегами слева. См. дискуссию по поводу центральности автономно сти в немецком феминистском движении у: Kulawik, “Identity versus Strategy”, mimeo, n.d.

*** Феминистки сами часто проводят такую аналогию и не только в Соединенных Штатах. «Женщина прекрасна», так одна из самых ранних итальянских публикаций выразительно переложила лозунг афро-американок; а другой документ другой группы, находившейся в Трентском университете, назывался «Женщины и Черные. Пол и цвет». О тесном переплетении и напряженном диалоге между американскими феминистками и движением за гражданские права см.: *Sara Evans*. Personal politics: The Roots of Women’s Liberation in the Civil Rights Movement and the New Left (New York: Vintage Books, 1980).

**** О важности пробуждения сознательности для современного феминизма см.: *Catharine A. MacKinnon*. “Feminism, Marxism. Method, and the State”, Signs (1982): 515–544 and Dahlerup, The New Women’s Movement.

по словам одной активистки «стервозным митингом в рамках одной комнаты». Оно включало в себя «постоянное расширение сознания, в том числе «личное признание и показания» и даже «перекрестный допрос» наряду со «связными и обобщенными личными показаниями» и анализ «классических форм сопротивления сознания» («или как избежать столкновения с ужасной правдой»). «Стервозные митинги в рамках одной комнаты» также включали «начало конца – преодоление репрессий и заблуждений» такими методами как анализ чьих-нибудь страхов и «развитие радикальной феминистской теории». За этим следовало специальное «обучение организации пробуждения сознания – так что каждая женщина на данном стервозном митинге могла сама стать организатором, в свою очередь, других групп»*

Не каждое феминистское движение или отдельная группа использовали язык стервозных сессий для пробуждения сознания. Более того, пробуждение сознания иногда оказывалось только началом целой серии методов, часто сильно отдающих психоаналитическими практиками и концепциями, созданными для продвижения личного самопознания, также как и для отслеживания каждодневного поведения, основанного на мнении, что женщины каким-либо образом были лишены своего «настоящего Я». Лишившись своего положительного образа, способности разглядеть собственную ценность или возможности преследовать собственные интересы, женщины могли по крайней мере начать корректировать свое положение фундаментальной «колонизации» или «отрицания» и таким образом приблизиться, если не получить, аутентичную форму субъективности посредством коллективных попыток по самопониманию и самореконструированию.

Политический символизм и язык

Феминистки разработали особенные коды, которые приобрели некоторую степень международного признания. По всей Западной Европе и Северной Америке, например, из кругозора исключительно биологов обычный символ женского был изъят, чтобы стать символом, обозначающим женскую солидарность и власть. В Европе феминистки-демонстрантки заменили сделанную вручную вульву на сжатый кулак активисток левого крыла как другой способ обозначения отделенности женщин от мира мужской политики и подчеркивания их собственной власти**

* Это руководство по пробуждению сознания был подготовлен Кэт Сарачайлд (Kathie Sarachild) и напечатан в: Morgan, ed. Sisterhood Is Powerful.

** Вульва «получалась из выравнивания поднятых пальцев и опусканием больших пальцев обеих рук и поворотом ладоней кверху». Bonnie S. Anderson

На протяжении многих лет формировалась фразеология, обремененная подтекстом, чтобы соответствовать феминистскому анализу женского состояния. «Сестринство» послужило признаком силы (и квази-генетическими корнями) феминистской солидарности. Другие ключевые термины, такие как «патриархат», обозначали распостранненость мужского доминирования и женского угнетения, что оправдывало женский бунт. Этот подход укрепил связи движения. Но феминистские коды сделали больше, чем просто укрепили внутреннее единство и внешние различения; они несли особенные значения, которые систематически подчеркивали общность женщин и их отделенность от мужчин.

Солидарность и самопомощь

«Что выделяется, так это социальная сторона феминизма», — написала одна голландская феминистка*. Посредством создания центров здоровья, кризисных центров для оказания помощи жертвам насилия, а также центров защиты, или в более общем смысле — создания отдельных пространств, где женщины могли бы встречаться: кафе, книжные магазины, семинары, учебные группы — и продвижения особой коммуникабельности — вечеринки, ужины, каникулы, совместное проживание — феминистки, казалось, выражали великую цель женской солидарности.

Для важных секторов феминистских движений разных стран примат отношений между женщинами стал обозначать как сексуальные отношения, сосредоточенные на женщине, так и предпочтительные социальные связи. «Лесбиянки теперь свободны от зависимости от мужчин в области любви, секса и денег», — написала одна американская феминистка в 1969 году**. Спустя десять лет Моник Виттиг повторила в более ясных выражениях установку, которую часто защищали: «Лесбийские общины основываются не на угнетении женщин, — утверждала она, — Более того, чего мы хотим, так это не исчезновение лесбиянства, дающего нам единственную форму существования, в которой мы можем жить, но уничтожение гетеросексуальности — политической системы, основанной на угнетении женщин»***

---

and Judith P. Zinsser, A History of Their Own (New York: Harper and Row, 1988). Vol. 11, P. 413.

* *Petra de Vries*. цит по: Ibid., P. 412.

** *Martha Shelly*. "Notes of a Radical Lesbian", in Morgan, ed. Sisterhood Is Powerful, P. 307.

*** "The Second Sex — Thirty Years Later", Доклад на конференции, состоявшийся в Нью-Йоркском институте гуманитарных наук, в 1979 году, с. 74–75. Цит. по: *Anderson and Zinsser*. A History of Their Own, P. 425. Другими словами предпочтительнее лесбиянство, которое получило немедленно политическую значимость. ПО этому поводу см.: *Adrienne Rich*. "Compulsory Heterosexuality and Lesbian Experience", Signs 5, 4 (1980): 631–660, and *Manuela Fraire*. "Ordine

Но вне зависимости от лесбиянства как политической стратегии, феминизм подчеркивал женскую независимость от мужского общества. Группы самопомощи учились, например, проводить не только обычную гинекологическую проверку, но даже делать аборты, а другие создавали места для защиты избитых жен. Это постоянное улучшение сетей женской поддержки стало прототипом возобновления общности женщин, а вместе с ней и реконструкции социального субъекта женского пола, или по крайней мере наводило на мысль об этом.

Феминистское научное знание и женские исследования

Феминизм принес с сбой и взрыв научного знания, которое затронуло каждую дисциплину и дало ростки, с большей или меньшей поддержкой официальных академических институтов, практически в каждой западной стране. Как заметил один критик: «Вторжение, продвижение, распространение, привнесение, инсинуация .феминистской мысли в практически каждый аспект современной культурной жизни имеет отношение ко всему»*. На протяжении короткого времени феминистское научное знание подняло сотни тем, но было не способно к систематическому подведению итогов. Можно выделить три следующих аспекта в работе новых феминистских движений в ранний период: интерес к реконструкции женской истории; внимание, уделяемое определению координат для описания женского состояния в различных контекстах; и интенсивность дебатов о происхождении и значении различения гендерных ролей и половых идентичностей**

Сначала феминистки боролись за то, чтобы «сделать видимым» женский опыт, который был «изъят из истории», как отмечали тексты знаменитых книг. Затем попытались двинуться от разрозненных нарративов женской истории – «herstory» к переписыванию общей концепции исторического знания***. Действуя таким образом, феминистские историки обна-

---

e disordine. Ovvero dele sorti dell'amore tra donne", Memoria. Rivista di storia delle donne 19–20 (1987): 109–117.

* *Clifford Geerts.* "A Lab of One's Own", New York Review of Books, November 8, 1990, P. 19.

** Интересно, что диспут по поводу женской истории вдохновил первую важную конференцию британских феминисток. Когда группа женщин, посещавшая исторический семинар в Колледже Раскин (Оксфорд) выступила против исключения истории женщин из повестки дня, они решили созвать то, что сделалось Конференцией по женскому освобождению, которая состоялась в Раскине в 1970 году и привлекла 600 участков. См.: *Joni Lovenduski.* Women and European Politics, P. 75.

*** См., например: *Sheila Rowbotham.* Women, resistance and Revolution: A History of Women in the Modern World (New York: Pantheon, 1972), and Hidden

ружили опыт женских движений также как и повседневную жизнь женщин: в понятиях, которые были названы битвой за обладание прошлым, поиск предшественниц содействовал созданию феминистской традиции*

«Открытие» женской истории смешалось с анализом условий жизни женщин и значения полового различения. Цель того и другого — определить и узаконить субъект женского пол, устанавливая общности, на основе которых женщины могли бы идентифицировать себя, создавая особенную гендерную память и обеспечивая — например, с помощью легенды об Амазонках и матриархальных обществах — элементы «мифов о творении», могущие оказаться полезными в качестве путеводителей по настоящему и будущему**

Кампании за обладание собой

Если то, что мы обозначили как «практика отделения и различения» послужила нам, чтобы подчеркнуть центральное место, особенно в первые годы возрождения феминизма, попыток по созданию и утверждению социального субъекта женского пола, нигде эта тема не стала такой заметной, как в великих битвах за репродуктивные права и против сексуального насилия, которые более или менее одновременно начались в разных странах. Отдельные феминистские движения вращались вокруг многих неотложных проблем: от «двойного бремени» женского труда как дома, так на работе, до вопроса ухода за детьми; от несправедливых брачных законов до нехватки умений, образования и работы у женщин***. Но именно «политики тела» чаще всего возникали на повестке дня у феминисток, и они определяли разнообразные

---

from History: Rediscovering Women in History from the Seventeenth Century to the Present (New York: Pantheon Books, 1974); Renate Bridenthal and Claudia Koonz, eds. Becoming Visible: Women in European History (Boston: Houghton Mifflin, 1977); *Michelle Perrot.* Une histoire des femmes est-elle possible? (Paris: Rivage, 1984); *Joan W. Scott.* Gender and the Politics of History (New York: Columbia University Press, 1988).

* Важность создания «феминистской традиции» прозвучала в ранних политических манифестах. Итальянская группа Rivolta Femminile, например, уговаривала женщин объединить «исторические ситуации и эпизоды феминистского опыта». Цит. по: Spagnoletti, ed. I movimenti femministi in Italia, P. 104.

** О связи памяти и истории по отиошении к женщинам см.: "Memoires des femmes", Penelope 12 (Spring 1985); Margaret A. Lourie and Domna C. Stanton, eds. "Women and Memory", Michigan Quarterly Review 16, 1 (Winter 1987).

*** К этим проблемам скандинавские феминистки добавили третье измерение политического участия. См.: *Helga Marian Hernes.* Welfare State and Woman Power: Essays in the State Feminism (London: Norway University Press, 1987)

вытекающие из них проблемы. Самыми важными были аборты и сексуальное насилие*. Бостонское Книжное Общество Женского Здоровья назвало свой самый распространенный справочник «Наши тела. Мы сами» , таким образом немедленно провозглашая существование неразрывной связи между областью телесности и субъективностью**. Быть лишенным своего тела значит быть лишенным самого себя. Овладение собой с неизбежностью предполагает овладение своим телом.

В данном контексте сексуальность стала развиваться как ключевая область для обладания самостью, самой собой. «Пол находится глубоко в сердце всех наших проблем », – написала Кейт Миллет в связи с анализом творчества Жана Жене, – «и пока мы не обнаружим самое пагубное из наших систем угнетения, пока мы не дойдем до самой сути сексуальной политики и больного безумия власти и насилия, все наши попытки освобождения приведут только к возвращению на исходные позиции»***. С разного рода вариациями феминистские тексты друг за другом провозглашали этот основной момент: привязывая женскую сексуальность к женским репродуктивным функциями и охраняя мужской контроль над потомством женщины, патриархат лишил женщин возможности познания своего собственного удовольствия. Он навязал нам, как высказался один знаменитый трактат, «миф вагинального оргазма»****. В 1967 году итальянские феминистки призвали женщин «освободиться от сексуального рабства, при котором мужчина обладает ими». В 1970 году Жермен Гре описала и осудила «Женского евнуха». *****
«Наши тела. Мы сами» включал учебные главы на такие темы как сексуальная автономность; «мы перестали рассматривать фригидность как достойную альтернативу», провозгласила одна из групп******. «Мы сошли с ума. Мы были идиотками», – произнесла голландская феминистка начала 1970-х гг., вспоминая, что обследование, проведенное на одной женской конференции, обнаружило, что «три четверти женщин хоть единожды симулировали оргазм»*******

---

* В других местах политики тела появились в связи с разным набором проблем, такими как, например, клитеродектомия во многих африканских странах и практика самосожжения вдов в Индии.

** The Boston Women's Health Book Collective, Our Bodies, Ourselves (New York: Simon and Schuster, 1976).

*** *Kate Millett.* Sexual Politics (New York: Doubleday, 1970). P. 58.

**** Anne Koedt, "the Myth of the Vaginal Orgasm", in A. Koedt, E. Levine, and A. Rapone, eds. Radical Feminism (Chicago: Qadrangle, 1973).

*****Germaine Greer.* The Female Eunuch (New York: McGraw Hill, 1971).

******The Boston Women's Health Book Collective, Our Bodies, Ourselves; "Manifesta di Rivolta Femminile", in Spagnoletti, ed. I movimenti femministi in Italia, P. 102.

******* Цит. по: *Anderson and Zinsser.* A History of Their Own, P. 420.

Для многих феминисток освобождение женской сексуальности от мужского доминирования повлекло за собой между прочим борьбу за свободу абортов и контрацепции. «Властитель наших внутренностей», – провозгласила голландская феминистская группа Dolle Mina в 1970 году, когда они проникли на гинекологический конгресс и сорвали с себя рубашки, чтобы продемонстрировать лозунг, написанных на их животах*. «Говорить об абортах означает подвергать сомнению нашу сексуальность, которую мы имели до сегодняшнего дня, семью и роль эксплуатируемой матери и жены», – заявила одна итальянская феминистка**. Противодействие таким взглядам исходило не только из лагеря консерваторов, но также и со стороны феминисток, боявшихся, что аборты (и свобода их осуществления) послужат укреплению мужских привилегий: «женщины спрашивает себя: чьего ради удовольствия я забеременела? Для чьего удовольствия я делаю аборт? Этот вопрос и заключает в себе корни нашего освобождения: формулируя его, женщины отвергают свою идентификацию с мужчинами и находят силу нарушить заговор молчания, который и есть венец нашей колонизации»***. Тем не менее, по всей Западной Европе и Северной Америке феминистки мобилизовались для того, чтобы продвигать и защищать либеральное законодательство об абортах. Франция, Италия, Германия, Нидерланды, Соединенные Штаты, Соединенное Королевство и Испания стали свидетелями крупных кампаний****. Эти кампании повлекли за собой вызывающие признания виновности как знаменитых женщин так и врачей, самонаговоры, показательные судебные разбирательства, также как и развитие «народной нелегальности» в группах самопомощи, обеспечивавших и продвигавших доступ к абортам. Кампании также вызвали меры международного сотрудничества среди феминисток, входившие в практические аспекты обеспечения услуг по осуществлению абортов, которые развивали различные национальные движения.

В 1971 году в статье, опубликованной журналом «Штерн», 375 самых известных женщин Западной Германии провозгласили, что они добровольно прервали свою беременность. Их заявление стало катализатором широкомасштабной мобилизации, кульминацией которой стала петиция, взывавшая к отмене существовавшего тогда ограничительного законода-

* Ibid., P. 413.

** Анна из Римского феминистского движения на девятом конгрессе Союза Женщин Италии (1–3 ноября 1973 г.), цит. по: *Silvia Tozzi.* "Molecolare, creative, materiale: la vicenda dei gruppi per la salute", Memoria. Rivista di storia delle donne 19–20 (1987): 161.

*** Из документа Rivolta Femminile, датируемого июлем 1971 года, цит. по: Libreria delle donne di milano, Non credence di avere dei diritti. P. 62, 63.

**** *Cf. Lovenduski.* Women and European Politics.

тельства; декларация поддержки, содержавшая 86500 подписей; и 3000 самообвинений, которые были представлены федеральному министру юстиции*. В конце концов, эта мобилизация привела к пересмотру законодательства, одобренного в 1974 году, которое теперь гарантировало свободный доступ к абортам на протяжении первых трех месяцев беременности. Однако, спустя год Конституционный суд провозгласил новое законодательство несовместимым с защитой жизни, вынуждая Бундестаг принять более сдерживающий закон, ограничивавший круг обстоятельств, при которых аборт являлся законным**

В том же году, когда немецкие женщины признали свою «вину», 343 французских женщины подписали манифест, в котором они также признавались, что когда-то сделали аборт***. (За этим утверждением год спустя последовало другое, где 345 врачей признавались в том, что осуществляли аборты). В 1972 году судебное разбирательство по делу шестнадцатилетней Мишель Шевалье (она заявляла, что ее изнасиловал одноклассник, который в свою очередь сказал, что она сделала незаконный аборт) стало известным делом. Ее защищала Жизель Алими, адвокат, создавшая ассоциацию «Выбор» (Choisir) для защиты 343 подписавшихся под манифестом о признании в прерывании беременности, и Шевалье была в конце концов оправдана. В то же время, мобилизация вокруг абортов продолжала шириться. Движение за Свободу абортов и контрацепции (MLAC) открыло несколько нелегальных гинекологических клиник. В 1975 году аборты были легализованы во Франции, что позволило женщинам делать аборт с одобрения врача вплоть до десятой недели беременности****

Кампании за разрешение абортов часто сопровождались мобилизацией и против сексуального насилия, как по отношению к избитым женам, так и жертвам изнасилования или и тем и другим одновременно*****. В 1972 году Эрин Пицци организовала первое убежище в Британии для жен, которых избивают******. К 1980 году 99 групп имели около 200 таких убежищ и объединились в национальную организацию Федерацию По-

---

* *Kulawik*. "Identity versus Strategy", P. 16.

** Ibid.

*** См. синтез релевантных событий, который сильно повлиял на предложенный конструкт: *Anderson and Zinsser*. A History of Their Own, P. 418.

**** Аналогичная кампания состоялась и в Италии, вновь объединяя общественное недовольство существующим законодательством и распространенную — и крайне успешную — мобилизацию с целью его отмены.

*****Подобные кампании имели место в Соединенном Королевстве, Италии, Соединенных Штатах, Нидерландах и Северных странах. См.: *Lovenduski*. Women and European Politics.

******Следующая реконструкция взята из: Ibid.. P. 78–79. Анализ данного аспекта британского феминистского движения см.: *Hilary Rose*. "In Practice

мощи женщинам. Вместе с поддержкой жен, которых избивают, британские феминистки также организовали кризисные центры для жертв сексуального насилия: первый открылся в Лондоне в 1976 году; пять лет спустя было сформировано уже 16 центров, а также введено несколько телефонных номеров для помощи жертвам насилия*

Проблемы, поднятые по британской инициативе, отразились по всей Западной Европе и Северной Америке. 8 марта 1976 года в Международный женский день в Брюсселе собрался Международный трибунал по преступлениям против женщин**. Более двух тысяч женщин из сорока стран говорили о разнообразных проблемах, связанных с сексуальным насилием, — от клитородектомии до инцеста. Но вопрос об изнасиловании стал особенно важным. Организаторы конференции привлекли внимание к его политическим последствиям: «Изнасилование проявляет себя совершенно явно как террористическая тактика, которую используют некоторые мужчины, но служит она для воспроизведения власти всех мужчин над всеми женщинами», — заключили они***. Изнасилование, другими словами, можно понимать в политических понятиях как символ женского подчинения. Организуясь против изнасилований — и против несправедливостей, заложенных в огромном количестве законов и праве, касающихся жертв насилия,— женщины мобилизовались с целью вернуть свои тела, то есть самих себя.

Субъект женского пола, который феминистки реконструировали и владение которым они возвращали в кампаниях за обладание самими собой, быстро обнаружили свои слабости. Позицию «Женщина» как единый субъект постоянно подрывал тот факт, что феминистки сами оспаривали природу данного субъекта, настаивая на разделении его «анатомии» и «предназначения», на подчеркивании не только женских отличий от мужчин, но и их сходств, а в действительности, и идентичности с ними****. Единство феминного было радикально поставлено под вопрос, когда внимание феминисток от общих элементов, объединявших женщин, обратилось к различиям, разъединявшим их. К середине 1970-х гг. итальянские феминистки стали издавать журнал под названием «Отличия», посвященный изучению различий и разногласий между различны-

---

Supported, in Theory Denied: An Account of an Invisible Urban Movement", Journal of Urban and Regional Research 3 (1978): 521–537.

* *Lovenduski.* Women and European Politics, P. 79.

** *Anderson and Zinsser.* A History of Their Own, P. 422

*** Ibid.

**** По этому вопросу см.: *Zincome.* Fuga dall'essenzialismo, and Riley, Am I That Name? Анализ символов, отвергающий аргументированность сексуальных отличий, см.: *Cynthia Fuchs Epstein.* Deceptive Distinctions; Theory and Research on Sex, gender, and the Social Order (New Haven: Yale University Press, 1988).

ми группами*. Вопрос многообразия субъектов женского пола (также как и разнообразия феминизмов) стал особенно острым, когда женщины третьего мира обвинили своих белых, западных коллег в империализме и колониалистских тенденциях.

(Явный) империализм западного феминизма, выразившийся в том, что он счел возможным говорить от лица женщин третьего мира (как будто сами по себе женщины третьего мира составляли единую категорию), стал проблемой разногласий на пятилетних конференциях в период проведения ООН Десятилетия Женщин. Эти разногласия привели к глубокому разрыву между американскими феминистками, когда афро-американки обнаружили, что они оказались глубоко отчужденными от белых женщин и того феминизма, который они поддерживали. Одна афро-американская феминистка так описала общую реакцию на феминизм среди своих сестер: «многие черные женщины сказали бы , что феминизм принадлежит белым женщинам, они создали его как форму анализа, но это форма анализа, которая принимает во внимание только их опыт. Поэтому, нам не следует присоединяться к ним»**

Присущий западному феминистскому дискурсу колониализм покоится, как правильно подметила Чандра Моханти, на предположении, что женщины всегда составляют гомогенную группу. «Анализ «половых отличий» в форме единого, монолитного кросс-культурного понятия патриархата или мужского доминирования приводит к конструированию такого же упрощенного и гомогенного определения того, что я называнию «отличия третьего мира» — этого постоянного, неисторичного определения, которое очевидно угнетает большинство, если не всех женщин в этих странах Именно в этом процессе упрощенной гомогенности и систематизации угнетения женщин третьего мира осуществляется власть западного феминистского дискурса, и эту власть следует определить и дать ей имя»***. Но, это и есть химера женской общности, химера того, что они разделяют твердую общую идентичность, что современный феминизм и подчеркнул, даже пусть он сражался за то, чтобы преодолеть различия и фрагментацию субъекта женского пола. И это амбивалентное наследие сохраняется сегодня, поскольку феминистки нелегко, но настойчиво обращаются к вопросу о множественности женских опытов.

* Феминистский журнал с таким же названием публикуется в США.

** Белл Хукс, говорит в: *Mary Childers and Bell Hooks.* "A Conversations about race an Class", in Hirsch and Keller, eds. Conflicts in Feminism, P. 66.

*** *Chandra Talpade Mohanty.* "Under Western Eyes; Feminist Scholarship and Colonial Discourses", in Chandra Talpade Mohanty, Anna Russo, Lourdes Torres, eds. Third World Women and the Politics of Feminism (Bloomington: Indiana University Press, 1991). P. 53-54.

18

От женского к феминистскому в Квебеке

Иоланда Коэн

Вопрос о способах репрезентации групп, отстраненных или исключенных из политической сферы, находится в самом центре феминистской проблематики 1970-х и 1980-х гг. Обсуждение этой проблемы с политической точки зрения, затрагивающее самые разнообразные аспекты, имеет целью возродить процесс осмысления нами демократии и вывести из тени некоторые ассоциативные ходы, до сих пор мало принимавшиеся во внимание или же просто игнорируемые. Инверсия парадигмы частное благо – общественное служение была мажорным ладом в течение 70-х гг., ныне же исследования фокусируются на проблемах взаимопересечения гражданского общества и государства, частного и общественного, социального и политического.

В такой перспективе изучение связей, существующих между группами женщин-националисток, с одной стороны, и Церковью и государством, с другой, дает возможность увидеть практику, широко распространившуюся в западном мире с начала XX в.. Многочисленные добровольные ассоциации, созданные женщинами с помощью политических и религиозных инстанций, свидетельствуют о явном желании расширить частную женскую сферу и проникнуть в мир социального и политического. Еще более показательно появление исключительно женских должностей и профессий, связанное с возникновение профессиональных корпораций, которое подтверждает силу

этой потребности. Стремясь к признанию самоценного вклада женщин через женские профессии, эти союзы открыли бреши на рынке занятости и создали специальности, исключительно предназначенные для женщин; наиболее известен пример медицинских сестер*. Существование такого женского анклава является предметом конфликтующих интерпретаций: эти профессии часто рассматриваются как трудовое гетто, мало оплачиваемые и обесцененные из-за их исключительного и женского характера. Как же не увидеть там привязывания женщин только к одной сфере? Или есть серьезные основания рассматривать этот анклав как расширение роли, ограниченной сугубо личной жизнью, на которую была обречена женщина?

Как таковые, эти вопросы отсылают к идеологическому постулату, постулату патриархатного подавления, когда в женщинах видят некую модель женственности или некий объект влияния. Если стереотип женственности, с которым эта роль связана, теоретически был сконструирован в XIX в**, его действительное распространение и применение относится уже к XX в***. Для некоторых групп женщин принятие этой модели было не всегда предсказуемым: не все политики стремились его использовать, а феминистское сопротивление было очень значительно. Нам, следовательно, нужно выявить исторические причины, из-за которых многочисленные женские движения идентифицировали в XX в. такую форму саморепрезентации, не задумываясь о том, приведет ли это к их отчуждению или к их освобождению. В такой перспективе социальное значение женской профессии обретает громадную важность; она становится местом, где кристаллизуется социальная и политическая идентичность женщин. Ассоциации, или, скорее, профессиональные корпорации, являются основными опосредующими формами этого процесса. В Квебеке, как и во многих западных странах, к этому добавляется взаимодействие женских движений со сторонниками агрессивного национализма, которое определяет основные вехи истории женщин, пока еще только намеченной пунктиром.

---

* См.: *Barbara Melosh.* The Physician Hand Word: Culture and Conflict in American Nursing. Philadelphia: Temple University Press, 1982; *Susan Reverby.* Ordered to Care: The Dilemma of American Nursing, 1850–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1987; *Yolande Cohen et Michule Degenais.* Le Métier d'infirmière: savoirs féminins et reconnaissance professionnelle // Revue d'Histoire de l'Amerique Franc

** См.: *Martha Vicinus.* Independent Women. Chicago: University of Chicago Press, 1984.

*** См.: *Margaret Allen.* The Domestic Ideal and the Mobilization of Woman Power // Women's Studies International Forum. Vol. 6. 1983. P. 401–412. См. также статььюю Мишель Перро в сборнике: Behind the Lines: Gender and the Two World Wars / Ed. Margaret Higonnet et al. New Haven: Yale University Press, 1987.

Франко-канадский национализм, синоним изменений в отношении к традиции, рождается на рубеже веков как стремление интегрировать женщин в общность, которую он хочет создать. Такие идеологи национализма, как Анри Бурасса и каноник Гру, и Национальная Федерация Св. Иоанна Крестителя обращаются к женщинам с постоянными призывами присоединиться к ним*. В силу их функции хранительниц веры и языка они должны оберегать и защищать национальное наследие, которому угрожает модернизация. Со своей стороны, женские объединения видят в прогрессе франко-канадского национализма возможности более широкого признания их собственной роли. Взаимооплодотворяя друг друга, национализм и феминизм создают новое общественное пространство, в котором определение франко-канадской идентичности связывается не только с католической Церковью. Делая это, они способствуют деконфессионализации Квебека намного раньше, чем Тихая Революция, которая узаконит эту реальность в начале 60-х гг. В этом процессе конституирования нации женщины играют определяющую роль не только как хранительницы ценностей, но также как носители светского мировоззрения, способствующие приходу современного образа жизни. Многочисленные данные и масштабные исследования одной из их ассоциаций, Кружков Фермерш (Cercles de Fermieres), самой значительной и одной из самый известных традиционалистских организаций, позволяют подтвердить такую интерпретацию. История этой организации свидетельствует о важнейших изменениях, которые пережило квебекское общество, и одновременно помогает понять нынешнюю ситуацию.

Некоторые цифры указывают на уже неотвратимый рост наемного женского труда и драматическое падение деторождаемости. Со своим индексом общей рождаемости, близким к показателям, достигнутым в XVIII в., Квебек резко отличается от своих соседей – Онтарио и США. Рождая до 8,3 детей в среднем, католички из сельских областей, родившиеся до 1897 г., известны тем, что они ценят семью превыше всего. И даже если эта тенденция убывает в течение XX в. – рожденные к 1915 г. имеют в среднем уже 4,3 ребенка – рождаемость остается значительной. Нужно было ждать 70-х гг., чтобы произошло ее сенсационное падение, превращающее Квебек в одну из стран с самым низким показателем рождаемости – 1, 45; для Франции он – 1, 81, для США – 1, 75 и для Онтарио – 1, 58.

---

* На первый взгляд, кажется, что Квебек на целое столетие отстает от штатов Новой Англии, где женский вопрос был поставлен еще в 1820 г. и решен благодаря тому, что иазвали «империей материнства». В условиях американской демократии утвердилось строгое разделение ролей. В Квебеке, напротив, о подобном феномене можно говорить только после появлеиия светской националистической идеологии.

Это резкое падение рождаемости, которое трудно объяснить только одной эмансипацией, отражает, с одной стороны, рост наемного труда для замужних женщин и расширение их доступа к специальностям, более престижным и лучше оплачиваемым, а с другой, кардинальную переоценку ценностей во всем обществе. Что касается работы, статистика дает общие цифры: женская занятость, будучи результатом увеличения числа незамужних женщин в начале XX в., становится после Второй мировой войны еще более массовым явлением, которое охватывает городские и образованные категории общества. Если на заре индустриализации женская рабочая сила преобладала только в отдельных секторах промышленности (текстильная, производство одежды и резины) и в сфере домашнего обслуживания (около шести тысяч женщин выполняли такого рода работу в Монреале в 1881, т. е. 7,9% женского населения города), то в 1960-х гг. она уже широко представлена в мире наемного труда. За 20 лет доля работающих женщин почти удваивается; она растет от 26,5% в 1960 г. до 48% в 1983 г., причем специальности становятся все более разнообразными.

Эти цифры едва ли могут полностью отразить те потрясения, которые совершаются в обществе, франкоговорящее и католическое большинство которого ощущает угрозы, если не преследование, исходящее от англо-канадского меньшинства. Урбанизация и индустриализация Квебека рассматривались как наверстывание того Квебека, который навсегда похоронил свое «историческое отставание» благодаря Тихой Революции. Но подобные объяснения оставляют в тени огромные участки истории, продолжая трактовать ее с самой общей точки зрения. Так, непонятно, как националистическая идеология переходит от правых к левым, и на какой базе совершается этот поворот; она становится знаменем сил, названных «прогрессивными», так что начинают окрашивать цветами социал-демократии и исповедующую ее Квебекскую партии. Тем же образом, собранные объективные данные по истории женщин не объясняют до конца причин взлета одного из самых динамичных в западном мире феминистских движений.

Эти наблюдения порождают вопрос: как квебекское общество смогло за такое короткое время совершить переход от традиционной и католической жизни к светскому современному обществу потребления? Ответить на него помогают многочисленные исследования, которые избегают оценивать историю исключительно в терминах прогресса по отношению к глобальному развитию*. Одним из путей решения проблемы может стать и изучение процесса перехода от женского к феминистическому.

---

* См.: *Marcel Fournier*. L'Entrée dans la modernité. Science, culture et société au Québec. Montreal: Editions Saint-Martin, 1986.

Традиционная женщина и выживание нации

При изучении дискурса двух журналов Кружков Фермерш* ясно обнаруживается преемственность, существующая между эгалитаристским требованием нашего времени и требованием признания роли женщин, которые эти журналы отстаивали, начиная с 1915 г. И тот, и другой отталкиваются от единого принципа: принимать в расчет участие женщин в строительстве нации. Опираясь на идею взаимодополняемости ролей мужчин и женщин**, этот принцип вымостил дорогу к эгалитаристской и модернистской идеологии.

Выход в свет «Доброй фермерши» («La Bonne Fermiere») в 1919 г. приводит к всплеску обильной и разнообразной прессы, которая адресуется исключительно к хозяйкам домашнего очага***. Описанная там женщина, носительница добра, «обязуется не выходить из своего естественного владения, которое является единственным интересом класса сельских женщин»****. «Основа ее деятельности — это выполнение

---

* Здесь я намеренно выбираю в качестве объекта анализа два журнала с националистической и консервативной репутацией. Эти журналы не только широко отражали взгляды, свойственные женщинам, но и способствовали их формированию. См.: *Yolande Cohen.* Femmes de parole. L'histoire des Cercles de fermières du Quebec, 1915–1990. Montreal: Le Jour, 1990. В Европе есть организации, подобные Кружкам, такие как Сельская католическая молодежь во Франции. См.: *Martyne Perrot.* La Jaciste, une figure emblématique // Celles de la terre / Ed. Rose-Marie Lagrave. Paris: EHESS, 1987. Похожие группы существуют в Бельгии и Италии. Мировая ассоциация сельских женщин организует международные встречи таких групп каждые два года.

** Более полную информацию, чем я могу дать здесь, о «взаимодополняемости полов» см.: *Karen Offen.* E. Legouvé and the Doctrine of "Equality in Difference" for Women: A Case Study of Male Feminism in Nineteenth-Century French Thought // Journal of Modern History. June 1986. P. 453–484. Карен Оффен анализирует понятие «равенство в различии», впервые сформулированное Э. Легуве (*Legouvй* P. Cours d'histoire morale des femmes. Paris: G. Sandrй, 1848) и принятое во второй половине XIX в. многими активистками французского феминистского движения, включая Поль Минк. Минк защищала строгую взаимодополняемость полов, отводя мужчинам и женщинам различные и исключительные зоны ответственности. В связи с этим она предлагала пересмотреть установившееся разделение труда, рекомендуя передать женщинам всю сферу обслуживания и торговли, где их скрупулезность и другие качества дадут им преимущество над мужчинами.

*** Первым таким журналом в Канаде стал журнал «Домохозяйки» ("The Homemakers"), англоязычное издание для женщин. Возможно, в Квебеке были знакомы также с подобного рода бельгийскими журналами. Французы подражали лишь их стилю, а также статьям, в которых давались советы по кулинарии и моде. Однако первый такой журнал во Франции — «Сельская женская молодежь» ("La Jeunesse Agricole Fйminine") — стал издаваться только с 1935 г. См.: *Martyne Perrot.* Op. cit.

**** La Bonne Fermière. Vol. 1. N 1. Janvier 1920. P. 3.

специфических обязанностей, естественных и нормальных, которые свойственны женщине как матери, воспитательнице своих детей, супруге и соратнице своего мужа»*.

Эта сфера деятельности женщин занимает, тем не менее, привилегированное место в экономической и социальной организации семейиой ячейки и общины. Само собой разумеется, что даже если одинокие женщины, особенно незамужние, и исключены из этой номенклатуры, они не отключены от ролей, предназначенных всем женщиинам. Для них весь комплекс семейных отношений реализуется на расширенном уровне — в рамках общины и еще чаще прихода.

Этот дискурс, ярко окрашенный христианским духом, несет в себе все признаки проповеди, основные наставления которой скрыты, и становится нормативным. Как и многочисленные женские публикации того же времени, журналы фермерш мало различаются между собой в том, что касается предлагаемого ими общего образа женщины**. Гармония между полами вновь подтверждена как идеал, хотя этой глобальной теме уделяется весьма скромное внимание. Провозглашаемый перечень женских качеств обретает весь свой смысл только в перспективе цели, которую ставит себе журнал и которая направлена на то, чтобы смоделировать одну единственную профессию для женщины. Семья — ее место, образование — средство, а деятельность в Кружках Фермерш — вознаграждение. Моделируя профессию фермерши, журнал оценивает работу, выполняемую читательницами и участницами кружков: подчеркивая связь, которая соединяет их с землей и с семьей, он устанавливает зависимость между экономикой, моралью и будущим нации. Журнал не забывает и традиционного националистического дискурса, предназначая женщине только одну сферу, но он вносит в него новое и немаловажное дополнение — необходимость приобретения ею специфической квалификации (особых специальностей, которые некоторые женщины (элита?) способны выполиять).

Подлинным мистицизмом веет от статей, которые говорят о сельском хозяйстве как образе жизни. Образ сельской жизни — оригинальный миф на основе эпоса предков, создавших франко-канадскую нацию, — неизменно рассматривается как фактор возрождения. Вдали от городов и их пороков, вдали от религиозного и этнического смешения, которому они способствуют, сельский труд — это прежде всего призвание, приближающее человека к Творцу, а женщину — к природе. Видение исторического будущего Французской Канады как постоянного

* La Bonne Fermière. Vol. 1. N 4. Octobre 1920. P. 99.

** См.: *Dumont M.* La parole des femmes: les revues féminines 1938–1968 // Idéologies au Canada-franc

возобновления колонизации делает женщин превосходными строителями этого патриотического дела. В период исхода из сел и изменений в сельском хозяйстве они должны активно участвовать в модернизации своих сельскохозяйственных угодий и в сохранении нации.

Сравнение с городскими женщинами, чья деятельность кажется смехотворной в силу предоставляемого городом облегчения их труда, сопровождается нелицеприятной критикой их новых ценностей: «пусть они увянут, эти сторонницы женской эмансипации, которые стремятся только разбить счастье семей, отрывая душу от домашнего очага, супругу от своего мужа, мать от своих детей. Они намереваются усовершенствовать общественное здание, но на самом деле подрывают его изнутри»*.

Впрочем, зачем требовать равенства с мужчинами, «этими ангелами-хранителями, если мы согласны с ними, нашими господами?»** Именно перезрелые феминистские лидерши в первую очередь угрожают семье и сельской гармонии. Опираясь на силу традиции и двадцати веков христианства, журнал смеется над феминистками, «которые мечтают реализовать счастье на этой земле путем пересмотра конституции»***. «Добрая фермерша» осуждает кампанию, предпринятую некоторыми ассоциациями Монреаля, в пользу расширения избирательного права женщин, которая, хотя и затрагивает чувствительные женские струны, противоречит ценностям, исповедуемым журналом.

Издательницы католического направления черпают свою аргументацию и из других источников. Противопоставляя «королев домашнего очага» другим женщинам, ослепленным миражом участия в выборах, «Добрая фермерша» встает на позиции эссенциализма: «То, что действительно освобождает женщину, так это, конечно, не предоставление ей всех политических прав. Напротив, став избирательницей, депутатом, даже губернатором провинции, она должна будет пожертвовать частью своей свободы, которой она пользуется сегодня как королева домашнего очага». Политическая свобода кажется ограничением деятельности женщины, матери семьи, и противоречит ее социальному предназначению. Ибо деятельность на благо общества возвеличивает женщину, не выводя ее из ее сферы, тогда как политическая деятельность обесценивает ее: «И в качестве призрачного вознаграждения она получит право стать рабой политических страстей, игрушкой политических обстоятельств, жертвой политических унижений. Что вы думаете, мудрые женщины, о такой эмансипации?»****. Короче, журнал сильно сомневается, что право голоса принесет женщинам обещанную свободу.

* La Bonne Fermière. Vol. 2. N 2. Avril 1921. P. 38.
** La Bonne Fermière. Vol. 5. N 1. Janvier 1924 P. 10.
*** La Bonne Fermière. Vol. 9. N 1. Janvier 1928. P. 30.
**** La Bonne Fermière. Vol. 11. N 2. Avril 1930. P. 56.

Из-за таких взглядов журнал был отнесен к традиционалистскому и консервативному лагерю усилиями феминистской историографии, которая стремилась превратить битву за избирательное право в событие, открывающее новую эру. Отказываясь видеть за ними критику формальной демократии, распространенную естественно в католических кругах, но также и среди левых марксистов, эта историография сводит деятельность журнала только к одному аспекту, считая, что его позиция сужает возможности участия женщины в общественной жизни. Признавая за ней в лучшем случае социальную роль домашней хозяйки, но без всякого права голоса в политике, журнал способствует ее «натурализации». На фоне движений, представляющих образованное меньшинство женщин, которое борется за их права, фермерши выглядят реакционерками. Знаменитые участницы и активистки чрезвычайно ангажированной и националистической Национальной Федерации Св. Иоанна Крестителя, такие как Мари Жере Лажуа, Каролина Бек и Тереза Кагрен, кажутся, напротив, истинными героинями, потому что они борются за расширение избирательного права для женщин. На них смотрят как на векторы прогресса в лоне традиционного общества.

Однако феминистки первой волны не ставят под сомнение принцип взаимодополняемости гендерных ролей, который они разделяют вместе с Кружками Фермерш*, а также с внушительным числом женских организаций. Некоторые исследовательницы сожалеют о непоследовательности такой позиции и хотят усилить образ феминистского авангарда, изоляцию которого они оплакивают**. В действительности же речь идет о проецировании на прошлое весьма современных представлений. Политическая жизнь касается только немногочисленной элиты как среди мужчин, так и среди женщин. Конечно, политическая ангажированность франко-канадских мужчин значительнее, чем ангажированность женщин, но подавляющее большинство среди них предпочитает в равной степени и общественную, и приходскую жизнь. Эта черта долго служила характеристикой того, что назвали «громад-

---

* Федерация Св. Иоанна Крестителя, которую обычно считают первой женской националистической организацией, была основана в 1907 г. женщинами, выступавшими за социальные реформы в Квебеке. Ее также рассматривали как феминистскую, хотя исповедуемый ею феминизм был христианским и социальным, и он никогда не оспаривал идеал материнства. См.: *Lavigne M., Pinard Y. et Stoddart J.* La Fédération nationale Saint-Jean-Baptiste et les revendications féministes au début du 20e siècle // Travailleuses et Féministes / Ed. M. Lavigne et Y. Pinard. Montreal: Boreal Express, 1983. P. 199–216.

** Эти авторы видят в женской ориентации Федерации Св. Иоанна Крестителя и в буржуазном происхождении ее участниц причины ее упадка и кооптации (Ibid. P. 215).

ным опозданием квебекского общества» по отношению к Английской Канаде, а впрочем, и ко всему Североамериканскому континенту.

В этом смысле идеология «Доброй фермерши» мало отличается от популярной руралистской идеологии, в целом доминировавшей в Квебеке. Называя себя антикапиталистическим и антимодернистским, журнал интегрируется в корпоративистский дискурс, типичный для многих националистических движений 30-х гг. Единым духом он проповедует сближение социальных классов и развитие сельскохозяйственных кооперативов, которые способствуют «социальному и экономическому прогрессу класса сельских тружеников»*. Такая позиция направлена главным образом на то, чтобы добиться признания домашнего труда и даже возведения его в ранг профессии. Чтобы упрочить ее, «Добрая фермерша» и не помышляет отказываться от святая святых принципов, которые обеспечивают это хрупкое равновесие. Журнал не хочет никоим образом расшатывать идеологический фундамент, который лежит в основе взаимодополняемости ролей, и в этом он достаточно последователен. Упорно защищая франко-канадскую сельскую усадьбу, он стремится превратить ее в безграничное пространство для женщин.

Но эта позиция не может долго оставаться безусловной, и скоро придется прибегать к уловкам, чтобы несколько обновить ее. Ежемесячный журнал «Земля и домашний очаг» («Terre et Foyer»), преемник «Доброй фермерши», хотя и афиширует постоянно прежнее недоверие к политике (не стать добычей политических страстей), тем не менее, делает еще один шаг к феминизации общественного пространства**.

«Земля и домашний очаг»: кооперация и национальная общность

Деятельность Кружков Фермерш разворачивается в контексте последовательной секуляризации общества. Хорошо известно о многочисленных акциях феминисток в пользу избирательного права, высшего образования и ограничения влияния католической Церкви. Менее из-

** La Bonne Fermière. Vol. 3. N 2. Avril 1922. P. 46.

*** Когда в 1944 г. возник Католический союз женщин, журнал «Земля и домашний очаг» пообещал читательницам публиковать женские статьи с новой точкой зрения. Он надеялся возродить прежнюю энергию женского движения в рамках триады женщина-семья-государство. По его убеждению, в качестве основы семьи женщины также обеспечат сохранение нации благодаря их приверженности и семейным, и национальным ценностям.

вестно о распрях фермерш с духовенством. Защищая свою организацию вопреки воле епископов, которые создают в 1944 г. конкурирующую ассоциацию сельских женщин – Католический союз женщин (Union Catholique des femmes) –, фермерши начинают кампанию по секуляризации, которую они с трудом обуздывают. Продолжая утверждать приоритет христианской модели женщины, превознося ее, они, тем не менее, оказываются в уязвимом положении перед лицом Церкви, когда заявляют о своей независимости. То же относится и к их постоянному вторжению в мир труда, которое они оправдывают своей любовью к нации.

Кооперация и солидарность в первую очередь рассматриваются как женские альтруистические добродетели. Они – необходимые качества как в семье, «источнике социального формирования человека», так и «в делах, источнике нравственного воспитания и христианского милосердия, и в экономической жизни, источнике прогресса (кооперативы, общественные кассы и т. д.)»*. Хотя эта кооперация начинается с семьи, она ею не ограничивается. Она противостоит принципам выгоды, которые управляют капиталистическими предприятиями: «Кооперативное предприятие, наоборот, стремится осуществить услугу, которую от него ждут пользователи, его и создавшие**». Экономическая и моральная автаркия сельского мира, в условиях которой женщины полны решимости жить, предлагается здесь в качестве модели того, как должно функционировать общество.

Взгляд на общество как на макро семью предполагает одни и те же нормы как для индивидов, так и для групп. В нем смешиваются этика с политикой, экономическое с социальным. Этот синкретизм, который игнорирует индивида, несомненно, вдохновляется христианской идеологией: обогащенный традициями сельского гуманизма, он становится идеалом кооперативного сообщества. Конечно, такой тип кооперации не носит эгалитарного характера, но он основывается на подчинении частных интересов коллективу: «Приучим наших детей забывать о себе ради *служения семейному сообществу*»***.

Такая организация должна базироваться на всемогуществе семьи, конечно, патриархатной, но также и общинной. Эти две функции – поддерживать строгую иерархию между своими членами и способствовать ее расширению ради обеспечения выживания нации – тесно связаны между собой. Они допускают и одновременно конструируют консенсус в сфере взаимодополняемости ролей, отведенных тому или другому полу, тому

* Terre et Foyer. Vol. 10. N 1. Janvier 1953. P. 18.
** Terre et Foyer. Vol. 10. N 7. Septembre 1953. P. 24.
* Terre et Foyer. Vol. 14. N 5. Mai-Juin 1957. P. 19.

или другому поколению. Однако нет никакого сомнения, что эта апология, прекрасно вписывающаяся в общий дискурс, расширяет его, придавая ему женскую конфигурацию. Игнорируя современное разделение между общественным и личным, журнал включает женщин, особенно фермерш, в эту гражданскую культуру, которую Алмон и Верба определяли одновременно как перегной демократии и как двусмысленный и невероятный плод скрещивания традиции и современности*. В этой культуре соединяются призывы к извечной роли женщин и призывы, в которых подчеркивается важность получения специальности и труда в терминах профессии. Но эта двусмысленность граничит с противоречием: действительно, встает вопрос, может ли женщина еще сопротивляться и сохранять нетронутыми свои ценности.

Переопределение частной сферы

В то время как прежде слово «женщина» ассоциировалось «естественно» со словом «домашний очаг», «сегодня достаточно открыть глаза, чтобы констатировать, что современная жизнь угрожает очагу со всех сторон: семейный дом исчезает». Так что женщина оказывается одновременно и жертвой, и виновницей этого разрушения. «Необходимая опора домашнего очага», она должна понимать, что «именно труд вне дома, клуб, машина, кинотеатр, ресторан медленно подрывают семейную жизнь»**. Она должна бежать от этих искушений, ибо она знает их отравляющее воздействие на равновесие семьи и нации. «Домашний очаг – женское дело, как завод – дело мужчин. И хотя война и послевоенный период породили опасное смешение ролей и прерогатив, правда остается правдой: за редким исключением женщина расцветает только в семье и только в качестве супруги и матери»***.

Аргументация сведена здесь к изложению простых истин, которые считаются универсальными; но смятение велико. Достаточно ли стремления к общему благу, чтобы сохранить привязанность женщин к их подлинным ценностям, вопрошает журнал. Все эти призывы к добродетельному поведению не должны создавать иллюзий. Рассуждения об исчезновении традиционных ценностей – ни что иное, как литания, которая служит тому, чтобы сохранить идеальную модель женщины, а не навязывать ее. С ними соседствуют заметки специалистов, кото-

** *Almond and Verba.* The Civic Culture. Boston: Little; Brown, 1963.

** Terre et Foyer. Vol. 2. N 5–6. Mai-Juin 1946. P. 4.

**** Terre et Foyer. Vol. 15. N 1. Janvier 1958. P. 1.

рые готовы дать компетентный совет по всем вопросам деторождения, воспитания, участия в экономической и политической жизни. Здесь же и морализаторские наставления, например, обращения психологов; перед лицом «катастрофического падения рождаемости» они присоединяются к хору тех, кто оплакивает его последствия: «Упраздните детей, и вы получите народ, нравственно деградирующий и обреченный в конце концов на исчезновение»*. Женщина «Земли и домашнего очага» будет продолжать исполнять свой долг материнства, рискуя своей жизнью и жизнью своих детей, и с благословения психологов журнала: «Я исполнила свой долг, Господи, у меня одиннадцать детей, восемь из них живы, а трое умерли в младенчестве, может быть, потому, что я была слишком истощена»**. В эпоху, когда самопожертвование кажется если не вышедшим из моды, но по крайней мере мало привлекательным, прибегают к психологическим аргументам, чтобы оправдать материнство: «Канадская женщина не станет ни ретроградкой, ни отсталой, продолжая всем своим разумом и всем своим телом слушать зов материнства. Физического или духовного материнства, но материнства: женщина нуждается в том, чтобы рожать, ее психическое равновесие во многом зависит от этого. И даже в определенной степени спокойствие в мире»***.

Заметное соскальзывание традиционного националистического дискурса к дискурсу социального материнства свидетельствует об определенной эволюции. Хотелось бы верить, что женщины продолжат рожать детей, которые создадут будущий Квебек, но больше не существует такой моральной силы, которая могла бы заставить их переносить многочисленные роды. Женщина как индивид отныне признана, ибо у нее есть выбор – рожать «физически или духовно». То, что значимо в конечном итоге, так это ее материнская способность воспитывать своих детей и передавать им нравственные ценности. Такая смена приоритетов показывает, что самое важное – это неизменность данной роли.

Изменение в преемственности

Таким образом, в процессе конструирования женской модели, называемой традиционной, происходят существенные изменения, порой незаметные. На них указывают два момента. В самом начале, между 1920 и 1944 гг., идеальная модель фермерши разрабатывается почти наощупь. Скорее намечаемый, чем репрезентативный, этот ди-

* Terre et Foyer. Vol. 2. N 5-6. Mai-Juin 1946. P. 2.

** Terre et Foyer. Vol. 10. N 7. Septembre 1953. P. 24.

*** Terre et Foyer. Vol. 14. N 7. Septembre 1957. P. 2.

скурс новым и радикальным способом интегрирует профессиональную фермершу в ее семейный универсум и, что особенно важно, в новое общественное пространство — пространство Кружков. Хотя и выступая против участия в политике, Кружки способствуют сотрудничеству исключительно одних женщин ради реализации общих проектов. Возникновение организаций, выходящих за рамки семейных союзов, вызывает к жизни новые общие интересы и создает возможность выдвижения ярких женских личностей, обязанных своим авторитетом только самим себе. Некоторые из них, пользующиеся уважением в своей среде, приобретают также и общенациональную известность или как официально признанные эксперты (мадемуазель Шанпу, прославившаяся по всему Квебеку своим искусством в кустарном производстве, за которое она получала многочисленные призы и награды), или как активисты, не обязательно руководители, своих Кружков. Конечно, женщины, избранные в Бюро Федерации Кружков, более всего на виду, однако они не обязательно самые авторитетные. Знаменательно, что часто руководство Кружками и Федерациями передается от матерей к дочерям. Это случай Иоланды Кальве, продолжительное время исполнявшей обязанности казначея Кружков на уровне провинции, чьи мать и бабушка являлись основателями местных отделений; это также случай Луизетты Раймоны Карон, Антуанетты Пеллетье и экс-президента провинциального Бюро Неэллы Юо.

Второй момент характеризуется изменением, которое происходит в организации Кружков и в их культурной ориентации, принятой «Землей и домашним очагом». Совпав с массовым вкладом женщин в дело войны, идет ли речь о добровольных союзах или профессиональных объединениях, этот поворот знаменует общественное признание деятельности женщин. «Земля и домашний очаг» демонстрирует свою восприимчивость к этим изменениям, предоставляя все больше колонок для обсуждения многочисленных проблем своих читательниц. Исходный дискурс еще сохраняется, но он постепенно начинает стираться и заволакиваться туманом перед лицом реальности — исхода из сел и роста наемного труда женщин, всех тех вещей, к которым «Земля и домашний очаг» приспособится, приветствуя расширение сферы женской интервенции. И даже если журналы, выступая в роли медиатора, и оставляют специалистам право давать советы женщинам по поводу их деятельности, эти советы всегда будет сообразовываться с уже утвердившимися принципами. «Земля и домашний очаг» играет в этом отношении важную роль посредника.

Более того, журналы вырабатывают особый взгляд на тип нации, к которому они хотят принадлежать. Так как они желают изменений,

при сохранении уважения к традиции, то франко-канадский национализм оказывается для них привлекательным, ибо он предполагает участие женщин в строительстве новой нации. Не все они будут настроены подписаться под его программой, но националистический призыв не оставит их равнодушными. Городская элита первая увидела в нем выгоду, какую можно извлечь из постулата националистов, рассматривающих женщин как матерей рождающейся современной нации; что касается сельских женщин, то они в рамках националистической перспективы не только подтверждают свою традиционную роль в семье, но и получают возможность распространить ее и на социальную сферу. Необходимо лишь, чтобы все заинтересованные стороны приняли принцип взаимодополняемости полов. Отвергая призывы к равенству, в которых слышатся призывы к революции и беспорядку, журналы ратуют за поддержку принципа равновесия, несколько смягчая его, чтобы согласовать его с реальностью наемного труда женщин. Они настойчиво подчеркивают, что взаимодополняемость означает не подчинение одних другим, но справедливое распределение между двумя сферами деятельности и влияния. Хотя четкий водораздел между ними влечет профессионализацию роли матери и домашней хозяйки (что приводит некоторых даже к мысли об оплате ее услуг), не будет единства мнений, по крайней мере в первой половине XX в., по поводу вмешательства в сферу, считающуюся монополией другого пола. Отсюда отказ от избирательного права и аполитичная позиция «Доброй фермерши», а также ее упорная борьба за признание ценности традиционной профессии своих читательниц. Но под давлением требований времени, в частности роста женского наемного труда во всех сферах, журналы смягчают позицию, чтобы включить в свою орбиту не только матерей, но и работающих женщин.

Любопытно, что это изменение ориентации сопровождается постепенным отходом от представления, что профессия женщины — быть матерью и домашней хозяйкой, и переносом акцента на роль женщины как потребительницы не только продуктов домашнего производства, но и культуры. В случае с фермершами, эта трансформация будет совершаться не без трудностей. Не отказываясь никогда от традиционного образа женщины, журналы фермерш будут продолжать рекомендовать им заниматься всеми видами полезной и производительной деятельности при условии, что государство обеспечит их обучение и их занятость. Тем не менее расширение потребительского рынка, рост предложения хозяйственных продуктов, одежды и пр. и специфический спрос женщин в этой области отныне находит все большее отражение на страницах журнала. Прежде призывы, в виде реклам или практических советов, потреблять тот или иной продукт формулиро-

вались на базе философии экономного ведения домашнего хозяйства. Но в 1950-х и 1960-х гг., наоборот, появляется мотив покупки и потребления готовых продуктов, которые экономят время и заботы, но не деньги. Новая женщина – потребительница, конечно, практичная, но уже глубоко интегрированная в рыночную экономику.

Итак, различным образом два изученных журнала – «Добрая фермерша» и «Земля и домашний очаг» – поддерживают и одновременно разрабатывают образ женщины, которая заимствует у традиции свой характер, а у современности – свон основные черты. Мы выяснили, что самым важным и в том, и в другом диксурсе является их акцент на теме места женщины в обществе, ибо он способствует ее идентификации и мобилизации вокруг тех проблем, которые ее волнуют. Высокая оценка женского труда предвещает во многих аспектах требования феминизма 70-х гг. Конфликт поколений, однако, усиливается, и углубляющееся расхождение взглядов переходит в радикальное противостояние. Решительно «прогрессивная» ориентация квебекского национализма, начиная с Тихой Революции, увлекает в свой поток феминистическое движение, которое в свою очередь пытается представить доказательства своего разрыва с прошлым. Оба различных течения находят в конечном итоге общую платформу равенства и независимости.

Конец консенсуса

В начале 60-х гг. Квебек хочет ликвидировать свое консервативное прошлое и с помощью Тихой Революции старается похоронить свое «историческое опоздание». В 70-х гг. феминистское движение отказывается от наследия своих предшественников (за исключением суфражизма) как консервативного и пропитанного клерикализмом. Откуда такое неприятие? Чем же мешает это прошлое, которое хотят стереть?

Идентичность, находящаяся под угрозой

Как было сказано выше, консерватизм журналов связан главным образом с клерикализмом сельского мира. Так как модернизация предполагает урбанизацию и отказ от семейных ценностей, журналы, выступающие против этого, оказываются в традиционалистском лагере. Однако при близком рассмотрении можно поставить под сомнение наиболее популярные доказательства консерватизма этой среды – связь

франко-канадского сельского мира с Церковью, приверженность аграриев делу сохранения и процветания нации, страстное стремление журналов утвердить особую роль женщин и многое другое. Исследователи предупреждают нас против таких упрощений, ссылаясь, прежде всего, на борьбу сельскохозяйственных профсоюзов с правительством*, и тот факт, что подъем кооперативного движения в Квебеке обязан главным образом деятельности сельских кооперативов**. Все они, тем не менее, единодушны, когда объясняют устойчивость нравственных ценностей их связью с сельскохозяйственным дискурсом. В последние годы ряд исследователей подчеркивает социальную роль Церкви в утверждении этой находящейся под угрозой идентичности***.

Что касается социальной роли женщнн, она как бы скрыта под завесой семьи: исследователи признают, что для национального дела семья и язык представляют две главных опоры, на которых крепится якорь идентификации, а недавно к ним добавили еще фактор общности территории. Словом, журналы фермерш интегрировали женщину, рождающую детей и хранящую ценности, в дело спасения нации и ее идентичности. Они требуют, чтобы фермерши были признаны гарантами франко-канадского национального возрождения. Утверждая взаимодополняемость полов, национализм сам питается от феминистского движения и в свою очередь питает его, пока оно не созрело. Если оставить в стороне клише и стереотипы националистической риторики, что же останется здесь консервативного? Стремление адаптироваться к изменениям, сразу же воспринятое как фундаментальное, и желание поставить женскую проблематику в общенациоиальный контекст отражают скорее их особую восприимчивость к новым социальным и даже политическим реалиям.

---

* *Jean Bruno.* Agriculture et développement dans l'est du Québec. Québec: Presse de l'Université du Québec, 1985; Ledoux M.-A. L'UCC comme groupe de pression sous l'administration Duplessis: Dissertation. Universitй de Montreal, 1971. М.-А. Леду анализирует переговорный процесс, который привел к принятию правительством в 1956 г. закона о сельскохозяйственных рынках. Он показывает, что Федерация кооперативного содружества также защищала экономические интересы малых фермеров, не изменяя консервативной идеологии.

** Бошан полагает, что фермеры воспринимали в господствующей идеологии (которая включала сельскохозяйственный корпоративизм и синдикализм) только то, что могло принести им материальную выгоду (Les Débuts de la coopération et du syndicalisme agricoles, 1900–1930: quelques éléments de la pratique // Recherches Sociographiques. Vol. 20. N 3. Septembre-Décembre 1979. P. 380ff.).

*** См.: Le monde rural / Ed. Yolande Cohen et Gary Caldwell. Montréal: Presses de l'Université Laval, 1989 (спеöèалüныé номер журнала "Recherches Sociographiques").

В целом, журналы фермерш произвели важные корректировки: они настаивают уже на полном признании роли женщин, в том числе и в сфере труда, на которое, как они считают, те имеют право в силу присущих им достоинств. Объединение феминизма с национализмом придает ему более политический характер. В нашем случае (как это было в Германии перед 1933 г. и в Италии*) в определенной степени тандем женщины – национализм очерчивает контуры нового публичного пространства в обществе, переживающем процесс пересмотра своих национальных устремлений. Этот тандем повсюду оказывается в оппозиции к эгалитаристским и социалистическим целям, за исключением Франции, где он имеет особую конфигурацию: хотя в первые годы Третьей Республики феминизм с готовностью стремится соединиться с социализмом, эта попытка, тем не менее, разбивает об эгалитаристскую установку ведущих марксистских идеологов, и поддержка его среди женщин остается ограниченной, как впрочем и феминизма, именуемого «феминизмом различия». Напротив, союз женщин с национализмом выгоден обоим; здесь правомерно утверждать, что интеграция женской составляющей в национальную идеологию и, тем более, в строительство государства-нации, является решающим фактором прогрессирующего подъема женского движения. В этом отношении пример Квебека поучителен: он свидетельствует, кроме прочего, о влиянии, которое женщины оказали на различные формы национализма.

Национальные амбиции Квебека

До 60-х гг. «традиционная» версия феминизма принимает огромный размах в поступательном националистическом движении Квебека. Такие группы, как Кружки Фермерш, Ассоциация Женщин за Образование и Социальное Действие (Association des Femmes pour l'Education et l'Action Sociale), рожденная из слияния Кружков Домашней Экономики (Cercles d'Economie Domestique) и Католического Союза Женщин (Union Catholique des Femmes) в 1966 г., Федерация Женщин Квебека (Federation des Femmes du Quebec), основанная в начале 70-х гг., питают националистическую идеологию и сами питаются ею. Они придают ей универсальное измерение, измерение взаимодополняемости полов, продолжая укреплять их общий фундамент в гражданском обществе. Феминистический взрыв 70-х гг. положил конец этому альянсу, при-

* См.: *Claudia Koonz*. Mothers in Fatherland: Family Life and Nazi Ideology, 1919–1945. New York: St. Martin's Press, 1987; *Michela De Giorgio*. Les Demoiselles catholiques italiennes // Femmes et contre-pouvoirs / Ed. Yolande Cohen. Montréal: Boréal, 1987. P. 101–126.

ведя в смятения связанные с ним организации. Этот взрыв обнажил глубокие идеологические и социальные трещины и установил новую систему уравнений: национализм больше не является однозначным кредо, связанным с консерватизмом, и феминизм не есть простой результат модернизации.

Достижения освободительного движения женщин касаются всех сторон жизни общества. Целый женский мир вышел из тени: обилие групп, ратующих за свободу совести и здоровый образ жизни; журналы с эмансипаторским уклоном от «Тупых голов» («Tetes de pioches») до «Жизни в розовом свете» («La Vie en rose»), тираж которых в 1980-х гг. достиг 100 000 экземпляров; появление огромного числа женщин, желающих заявить о своей позиции. Повсюду возникают организации, то с кратким, то с длительным сроком существования, самого разного назначения – от добровольно оказываемой юридической консультации до помощи женщинам, подвергающимся насилию. Борьба за свободу абортов часто является исходной, а иногда и финальной точкой в деятельности этих многочисленных групп. В ней отражаются, кроме прочего, и желание избежать чрезмерного употребления лекарств, и стремление выйти из-под влияния медицинского сообщества, функционирующего еще по патриархатным правилам. Как и в Западном мире и почти одновременно с ним, квебекские женщины хотят взять свою судьбу в собственные руки. Изменения, вызванные этими движениями, значительны. Повсюду принимаются программы уравнивания прав мужчин и женщин, феминизации должностей и функций; повсеместно создаются комитеты по положению женщин, профсоюзы и партии, соперничающие между собой за право быть первыми в решении женских проблем.

В этом кипении поражает быстрота, с которой спорадические виды деятельности становятся двигателем реформ и немедленно институируются. Пример с Министерством по положению женщин (Ministere de la Condition Feminine) и различными зависимыми от него органами показателен: его зародышем был Совет по статусу женщины (Conseil du Statut de la Femme), первоначально консультативное бюро при правительстве, который очень скоро стал исследовательским и рабочим органом для женских групп, обладающим доступом к информации и получающим финансирование, а затем превратился в государственное учреждение, надзирающее за соблюдением новых антидискриминационных правил. Все это свершилось за одно десятилетие. Значительная политическая перестройка, которую переживает в то время Квебек, отчасти объясняется быстротой, с какой государство воспринимает и реагирует на эти требования. Влияние феминистского движения на уровне провинции выражается в новом всплеске национализма: арматурой для него служат лозунги суверенности и равенства.

Равенство ради независимости

Опираясь на это освободительное движение, окончательно оформляется и новая национальная конфигурация, та, которая возникла в начале 60-х гг. и которая ставит «модернизацию», отныне понимаемую как равенство всех граждан, на первое место в национальном проекте. Об этом прорыве свидетельствует победа прогрессивных националистов, которых поддерживают некоторых феминистские группы; и женщины-феминистки, и мужчины-националисты составляют правительство Квебекской партии (Parti Quebeqois), сформированное в 1976 г. Рене Левеком. Стремясь добиться независимости Квебека от Канадской федерации, оно столкнется на этом пути с многочисленной и совсем неожиданной оппозицией в лице Иветт (Иветта – имя типичной домохозяйки. – *Примеч. переводчика*). Отнесенные министром по положению женщин Лизой Пейетт к разряду «пассивных женщин» в самый разгар референдума, Иветты, которые охотно называют себя «женщинами домашнего очага», восстают против того, что она не признает их участия в национальном строительстве. Нанося сокрушительное поражение министру, которая требовала от женщин голосовать «за» на референдуме, предложенном ее правительством в 1980 г., чтобы добиться независимости, которая, наконец-то, гарантировала бы им свободу, тысячи женщин объединяются, чтобы сказать «нет» этой программе. Они обращают оскорбительное обвинение, высказанное Лизой Пейетт в адрес женщин, хранительниц домашнего очага, против нее самой. На митинге, собравшем более 10 000 участниц, они заявляют о своей приверженности традиционному образу Иветты и о полном неприятии попыток Квебекской партии связать женскую эмансипацию с независимостью Квебека.

Прежде скрытый конфликт между теми женщинами, которых поддерживают сторонники традиционного женского национализма, и теми мужчинами и женщинами, которые видели национальную и гендерную эмансипацию только в равенстве и независимости, выходит теперь наружу. Если не принимать во внимание предвзятых интерпретаций, которые не преминули заявить о смычке консерваторов, в данном случае Либеральной партии (Parti Liberal) Квебека, с Иветтами, которыми они будто бы манипулировали, этот эпизод свидетельствует о доселе немыслимом прорыве женщин на политическую арену. Именно благодаря общественному давлению и разумному использованию прессы и телевидения Иветты заставили себя услышать. Но именно постоянное подчеркивание в средствах массовой информации их роли в выживании Квебека как нации указывает на узкое место в политическом строительстве и отнимает у партийной пропаганды главные козыри. Иветты стали детонатором, который привел к провалу программы го-

сударственного суверенитета, вынесенной на референдум находящейся у власти Квебекской партией.

После этого промаха, который слишком дорого обошелся делу независимости, теперь уже склонны рассматривать женский вопрос под менее партийным углом зрения. Хотя сначала и пытались объяснить провал референдума традиционной боязнью перед изменениями у женщин и групп, называемых аллофонами (говорящих на ином языке), или нефранко-канадцев, объединившихся в невероятный альянс против суверенитета Квебека, впоследствии в этой интерпретации несколько изменили акценты. Может быть, вопрос, по которому народ должен был высказаться, был неудачно сформулирован? Неужели сторонники открытого национализма недооценили важность изменений, происшедших с теми (как мужчинами, так и женщинами), кого они обвинили в консерватизме? Может быть, они слишком поспешно поставили знак равенства между эгалитаризмом и независимостью, не осознав той роли, которую домохозяйки и их многочисленные ассоциации сыграли в трансмиссии национальной идентичности, и не учтя тех возможностей, которыми они воспользовались на этом пути? Отныне политические партии относятся к женскому вопросу с большей осторожностью.

Таким образом, за несколько лет благодаря приемам, им свойственным, женским ассоциациям удается изменить правила политической игры. В результате партии теперь вынуждены считаться с их существованием; более того, политическая сфера стала восприимчивой к новым представлениям о гражданском обществе. Вместе с другими общественными движениями женщины заставляют прислушиваться к их точке зрения и увеличивают тем самым свое влияние. Содействуя расширению с начала XX в. сферы публичной деятельности женщин, такая ассоциация, как Кружки Фермерш, участвует в модернизации некоторых секторов сельской жизни, в частности домашнего универсума. Их усилия по достижению общественного признания социального вклада женщин, фермерш и домашних хозяек, соединяются также с требованиями автономии и корпоративной регламентации женской занятости. Вот почему так трудно категоризировать их деятельность, и вот почему так часто возникает искушение связать их с национал-государственным движением после того, как это движение перестало быть делом Церкви.

Действительно, тесно связанное с развитием системы «всеобщего благоденствия», которая в Квебеке, как и во Франции, очень успешно и очень быстро заменяет Церковь, это тихое движение женщин, объединенных в добровольный и корпоративный светский союз, предвещает приход современного государства, тем более что оно от него зависит. Если в плане действия члены женских ассоциаций обретают

некоторую свободу и значимость, в идеологическом и политическом плане результаты далеко не блестящи. Дискурс, который очень быстро сводится к моделированию образа женщины-спасительницы человечества в силу ее жертвенности, несомненно, заимствует акценты у христианской доктрины. В то же самое время принципиальное соглашение заключено со всеми сторонниками побеждающего и явно традиционалистского франко-канадского национализма; защищая семью как главного хранителя нации и языка, такой национализм открыто признает роль женщин как ее цементирующего начала.

Речь идет особенно о тех ассоциациях, которые вымостили дорогу современному феминизму. Если оставить в стороне определенное соперничество между ними за право называться «феминистскими» и некоторую нетерпимость, можно сказать, что они инициировали фундаментальное изменение, а это означает, что женщины услышаны в Квебеке. Достижения женских движений многочисленны, и присутствие женщин во всех сферах общественной жизни является теперь частью культурного достояния.

Было также показано, что на политическом уровне консервативные силы не извлекли выгоды из этих движений – ни в случае с Кружками, ни в случае с Иветтами. История квебекских женщин в XX в. свидетельствует об иной реальности, глубоко коренящейся в корпоративных и коммунальных традициях, которые обуславливают как выживаемость семьи, так и интенсивную женскую коммуникативность. Будь то в сельских или городских организациях, в добровольных политических или профессиональных ассоциациях, эти женщины развивают взгляд на общество как на макро проекцию семьи – взгляд общинный и протекционистский. В этом смысле они в большей степени националистки, чем консерваторы. Находясь в авангарде борьбы, они способствовали «осовремениванию» Квебека, результаты которого мы только сейчас начинаем осознавать.

Своим активным участием в модернизации квебекского национализма феминизм завоевал право рассматривать себя как немаловажную политическую силу. Переживающее кризис политическое здание благодаря его поддержке получает возможность обрести второе дыхание. Квебек, маленькое общество с великими идеалами, представляет успехи женщин как успехи всей нации.

19

Репродукция и биоэтика

Жаклин Коста-Ласку

Когда наука получает возможность влиять на человеческие существа, их тела, секреты их происхождения и потомства, все наши этические ориентиры подвергаются сомнению. За желанием и волей может последовать выбор. Отдельные индивиды, супружеские пары, философы и теологи исповедуют различные взгляды. Более того, мы даже обращаемся в суд для вынесения решения. Некоторые ругают врачей как «программистов производства человеческих существ», наделенных полномочиями «спаривать индивидов в репродуктивных целях» и являющихся участниками «коммерциализации тела». Другие рассматривают научный прогресс в качестве предвестника победы над бесплодием и наследственными заболеваниями. Все знают, что недавние открытия в биотехнологии взывают к новому осмыслению евгеники и фундаментальных прав человека.

Недавние научные открытия сделали возможным использование целого ряда техник по вспомогательной репродукции*. Эти методики вскормили большие, а иногда и иллюзорные надежды у бесплодных пар. Дальнейшие исследования наводят на мысль о впечатляющих новых формах медицинского и биоло-

* Основные техники вспомогательной репродукции включают следующие методики: интраперитональное оплодотворение (IPF), экстракорпоральное оплодотворение (IVF), экстракорпоральиое оплодотворение с перемещением эмбриона (IVFTE) и интрафаллопиевый перенос гаметы (IFGT), который предполагаем прямой контакт между яйцеклеткой и спермой в фаллопиевой трубе, где происходит естественное оплодотворение; плюс к этому существует искусственное осеменение спермой, взятой от мужа, и искусствениое осеменение спертой, взятой от донора.

гического вмешательства в передачу жизни, при наличии обширных возможностей для генетических манипуляций. Но надежда стала уступать место беспокойству. Зачатие с медицинской помощью ставит с ног на голову все наши ценности, убеждения и идеи, когда-то бывшие неоспоримыми. Оно отделяет сексуальность от репродукции, зачатие от родства и биологическое родство от эмоциональных связей, складывающихся в процессе выращивания детей. Биологическая мать ребенка теперь может не совпадать с матерью, давшей рождение, или матерью, воспитавшей его. Как мы представляем себе мать, воспользовавшуюся медицинской помощью? А ребенка, продукт науки? А социального отца, который не может претендовать на биологическое отцовство? Что станет с системой родства, связями между поколениями, с понятием того, что ребенок имеет двоих родителей: мать и отца? Проблемы биомедицинской этики теперь начинают влиять на наши концепции индивидуальности и свободы*. То, как мы теперь представляем мужчин и женщин, зависит от наших ответов на данные ключевые вопросы**

Искусственное осеменение, донорство яйцеклетки, экстракорпоральное оплодотворение, трасплантация эмбриона, суррогатное материнство, замораживание эмбриона для последующей (или даже посмертной) имплантации, отбор и манипулирование эмбрионами*** – все эти методики имеют слишком серьезные последствия, чтобы оставить их просто на совести каждого или призвать медицинскую этику для их решения. Наблюдаемые злоупотребления, «трафик в человеческой репродукции», в который вкладываются крупные суммы денег и который влечет за собой многочисленные изменения, а также психологический стресс, вызванный отсутствием этических стандартов, заставили людей осознать последствия искусственной репродукции. Некоторые уже воззвали к новому законодательству или даже судебным акциям.

---

* Я предпочитают термин «биомедицинская этика» более распространенному «медицинская биоэтика», поскольку центральным концептом является этика, при которой биомедицинские методики выступают простыми инструментами. Обстоятельное исследование биомедицины по отношению к этике см.: *Anne Fagot-Largeault*. L'Homme bio-éthique, pour une déontologie de la recherche sur le vivant (Paris: Maloine, 1985).

** Мужским и женским образам, а также ролям при вспомогательном зачатии посвящены два специальных журнальных выпуска: "Corps écrit", in Naitre 21 (April 1987), and "Bioéthiaue et désir d'enfant", in Dialogue, Recherches Cliniques et Sociologiques sur le Couple et la Famille 87 (1st quarter 1985)

*** Эмбрион обозначает результат зачатия вплоть до зародышевой стадии, но когда начинается эта стадия весьма спорно: для Национального Этического комитета во Франции – это восьмая неделя, для остальных – двенадцатая. Посмертное осеменение – это искусственное осеменение женщины спермой ее умершего супруга.

Законы и биоэтика вмешиваются в планы супружеских пар или отдельных индивидов, которые выразили желание, не будем говорить, востребовали свое право, иметь детей. Что находится в основе этого желания? В многонациональных обществах с высоким уровнем иммиграции из традиционных обществ, иногда возникают культурные конфликты: когда со специалистами консультируются в случаях бесплодия, пациенты иногда отчетливо выражают свое желание иметь мужское потомство.

В это эссе не входит сравнительный анализ состояния самой медицины, так же как и идеологических дебатов и принятых процедур в различных странах. Много написано по этому поводу, высказываются противоречивые мнения, а законы и судебные прецеденты сильно варьируются. Однако видится возможным дать общий обзор главных тенденций, уделяя должное внимание национальным, религиозным и политическим различиям.

Проблемы прокреации широко обсуждаются в академической среде, в сфере общественного мнения, в тиши законодательных комитетов и средствах массовой информации. Опросы общественного мнения и исследования специалистов лишь прибавляют дополнительные мазки к уже достаточно пестрой картине. Самими важными же чертами настоящей ситуации являются следующие: во-первых, идея выборочного родительства потрясла семью как институт до самого основания, и, во-вторых, между различными аспектами прокреации и защитой интересов детей были установлены тесные связи. Некоторые люди уже выразили преувеличенный страх по поводу материнства, состоявшегося в результате вспомогательной репродукции, снижения роли отца, и крушения традиционной семьи. Однако может статься и так, что супружеская пара находится в процессе самоперестройки и происходит она вокруг ребенка, который теперь рассматривается как индивид, обладающий полным набором прав. Если так, то необходимо пересмотреть и значение роли каждого участника, и разделение труда внутри семьи.

Старая история

Люди озабочены бесплодием испокон веков. В древнем мире она инициировала появления разного рода законных фикций, чьей целью являлась гарантия того, что каждый мужчина сможет участвовать в передаче жизни. Ученых поощряли к поиску лекарств и паллиативов. В то же самое время шарлатаны и другие могли извлечь отличную выгоду из страданий и желаний бездетных пар.

В 1791 году английский доктор по имени Хантер стал первым врачом, осуществившим искусственное осеменение супружеской пары — мерсера* и его жены. Во Франции первый эксперимент такого рода имел место в 1804 году, в год принятия кодекса Наполеона. Идея искусственного осеменения с использованием донорской спермы (искусственное донорское осеменение или DAI), сначала встретила сопротивление и была проклята Ватиканом. В Соединенных Штатах в 1884 году при первом случае DAI использовали сперму студента, избранного за свои успехи в учебе: доктор Панкост выбрал донора «из лучших учеников класса». Однако только в 1940 году доктор Паркер улучшил методику замораживания спермы, которая и позволила впоследствии превратить искусственное осеменение в широкодоступный метод. В 1984 году Центры по изучению и сохранению яйцеклетки и спермы (CECOS) праздновали свою десятую годовщину и десятитысячную беременность. С тех пор количество таких беременностей возросло более чем в два раза. Сегодня проблема с донорским искусственным осеменением более не носит технический характер, но является концептуальной: каково место третьего лица, постороннего в родственных отношениях?

Другой камень преткновения появился вместе с усовершенствованием экстракорпорального оплодотворения и методикой переноса живого эмбриона в материнскую утробу, что сопровождалось так называемой идеей ребенка из пробирки. В 1978 году в Манчестере, в Англии родился первый такой ребенок, Луиза Браун, что сделало доктора Эдвардса, врача, отвечавшего за процедуры, приведшие к ее рождению, знаменитым за одну ночь. Три года спустя во Франции Рене Фридман и Жак Тестар наблюдали за рождением своего ребенка Амандины. С тех пор благодаря методике экстракорпорального оплодотворения были рождены тысячи детей. При этом только 15% супружеских пар, испытавших ее, достигли успеха. Фотографии детей, рожденных таким образом, гирляндами украшают кабинеты врачей, которых они прославили: гинекологи, как правило, стоят в центре, окруженные толпой матерей. Отцы обычно остаются вне камер или где-то на периферии этого «семейного круга». Однако иконография репрезентаций зачатий, осуществленных с медицинской помощью, еще в процессе составления. В готовом виде такое собрание образов, вероятно, высветит в особенно неприятном свете то, что общество подавляет, а именно наши представления о женщинах и материнстве.

В 1984 году в Мельбурне доктор Карл Вуд руководил рождением ребенка Зои, первого замороженного эмбриона. Другие врачи в Нидерландах и Англии вскоре последовали примеру Вуда. Развитие медицины

* Мерсер — торговец отдельными видами тканей, которые привозились из колоний. — Прим. пер.

и биологии прогрессировало очень быстро. Этические споры оказались неизбежными. Проблема заключалась не просто в том, что прокреация стала легче. Проблема заключалась в том, что теперь это было делом выбора. «Жизнь теперь можно положить в банк, как какой-нибудь капитал».

Вдобавок к выбору времени репродукции, теперь стало возможным выбирать и количество имплантаций. В 1986 году одновременное имплантирование нескольких эмбрионов привело, в конце концов, к рождению двойняшек, Одри и Лоик. Затем в Австралии появились четверняшки, а в Мельбурне состоялась даже «отложенное рождение» пары двойняшек: Ребекка и Эмма были зачаты в один и тот же день, но рождены с шестнадцатимесячным интервалом. «Иесеево древо» детей, появившихся на свет благодаря вспомогательной репродукции, пустило новые корни, что некоторые люди считают весьма угрожающим. Последующие технологические усовершенствования породили новую полемику по поводу многократных беременностей и их иногда драматических последствий для семейной жизни. Казалось, возможно все: эмбрионом можно было манипулировать, а неиспользованные эмбрионы могли стать предметами для экстракорпоральных экспериментов. Родственные связи с эмбрионом выглядели как приписывание «человечности» «потенциального человека», как теперь это называют некоторые эксперты, некоторому эмбриону. Вопрос быстро переместился с проблемы родства на проблему того, когда именно можно сказать, что появляется «отдельный человеческий индивид»? Другими словами, каков статус эмбриона? Для некоторых эта проблема стала призывом к возобновлению кампании против добровольных абортов.

В то же время, количество людей, пользовавших вспомогательной репродукцией, все росло. Когда на свет появлялся ребенок, вокруг его люльки собиралась целая толпа народа: гинеколог, биолог, психолог и даже донор (в случаях, когда донор прошел личный отбор и был известен законным родителям). Средства массовой информации делали шоу из «чудесных рождений». Секретами спальни теперь делились со специалистами и экспертами. Медикализация таким образом поощряла социализацию репродукции.

Суррогатное материнство мгновенно высветило все проблемы, сопутствовавшие вспомогательной репродукции. Фантазии, возникшие вокруг предмета в целом, хорошо проиллюстрированы здесь. Проблемы обсуждались в прессе ad nauseam*. Суррогатное материнство посреди других вещей служит примером необузданного желания иметь детей, определенного прозелитизма в пользу репродукции, но и коммерциа-

---

* До отвращения (лат.)

лизации репродуктивного процесса. Но мы также можем увидеть и замечательные проявления альтруистической преданности, как в случае с шотландской женщиной, которая выносила ребенка для другой женщины совершенно бесплатно. Такие группы как Святая Сара, Аисты и Альма Матер сыграли очень важную роль во Франции; несмотря на судебные иски против них, эти группы возродились, и теперь происходит их реорганизация на международном уровне. Средства массовой информации хором воодушевляли общественность такого рода новостями и создали подлинную моду на «найм утроб», при этом данный момент не должен затмевать сложность или многочисленность стоящих на повестке дня проблем. В то время, на первых страницах газет создавались новые и распадались старые семьи. Страсти и страхи превалировали над разумными доводами, приводя многих людей в полное замешательство.

В области репродукции можно услышать аргумент любого рода, от возвышенных теологических спекуляций до самых приземленных форм материальной выгоды. Еще не рожденный ребенок уже окружен конфликтами между законом, моралью и медицинской и научной этикой*. Вынашивание ребенка для другого человека рассматривалось в качестве теста для проверки вспомогательной репродукции, хотя суррогатное материнство и не требует сложных медицинских методик. Более того, оно напоминает об обычаях многих традиционных обществ. Не слишком абсурдным будет сравнить контракт на суррогатное материнство с договорами, которые семьи заключают с кормилицами. Парламентские дебаты по поводу грудного кормления, проходившие еще в XIX веке, затрагивали во многом такие же проблемы, которые мы сейчас находим в спорах о «наемных матерях». Вопрос, таким образом, заключался не в науке, а в проблеме: «природа (родство) против воспитания». Сегодня несколько проблем объединились в одну, к вреду аккуратного анализа многообразия ситуаций, которые неожиданно возникают на практике.

Каждое новое достижение в области биологии или медицины приносит и новые проблемы. Например, прогресс в установлении диагноза ребенка на внутриутробной стадии его развития привел к разделению более узкой проблемы евгеники в отдельных случаях и более широкой

---

* См.: *Jean-Louis Baudouin and Catherine Labrousse-Riou.* Produire l'homme, de quel droit? Etude juridique et éthique des procreations artificielles (Paris; Presses Universitaires de France, 1987), см. Также и специальные журнальные выпуски, указанные в библиографии. Отметим, также, две недавних статьи Пьера-Анд ре Тагефа, которые подогрели спор заново: *Pierre-Andrü Taguieff.* "L'Eugénisme, objet de phobie idéologique", in Esprit, la Bioéthiaue en panne? 11 (November 1989), and "Sur l'eugénisme: du fantas,e au débat", Puovoirs 56 (1991). Более беспокойный взгляд на «биократический соблазн» (biocratic temptation) см.: Ethique, la Vie en question 1 (1991).

проблемы «улучшения расы». Оказалось совершенно неплодотворным обращаться с тем, что по сути своей является делом личных прав, как с делом, где на кон поставлена нравственность науки. Ситуация еще больше осложнилась большим количеством нормативных заявлений, касающихся научного прогресса и вмешательства специалистов, чьи роли теперь не ясны.

С кем теперь консультироваться? Рассмотрим только перечень нормативных документов, на которые ссылаются чаще всего: Нюрнбергский кодекс 1947 года, Хельсинкская (1964 года) и Манильская (1981 года) декларации о правах человека; различные международные соглашения по гражданским и политическим правам; теологические источники, от папских энциклик и епископских писем до текстов, не получивших официальную санкцию; консультативный документ № 874 Европейского парламента; консультативный документ № 1046 Совета Европы; решения, принятые Европейским судом; отчеты экспертных комиссий, включая комиссию Мэри Уорнок от 1984 года*, ad hoc** экспертные комиссии CAHBI (Специальная экспертная комиссия по делам прогресса в области биомедицинских наук, Committee of Experts on Progress in the Biomedical Sciences в Бельгии и отчеты, подготовленные Французским государственным советом для премьер-министра, включая «Искусственную репродукцию» (1986 г.) и «Науки о жизни» (1988 г.); отчет Ноэль Ленуар о биоэтике; законы и административные правила, действующие в разных странах; и многочисленные отчеты комитетов по медицинской этике. Теоретической литературы еще больше, а решения судов становятся все более многочисленными. В то время, законодательство медлит с действием. Дебаты перешли на международный уровень: сравнение опыта разных стран может показать, как выйти за пределы национальных институтов и культурных традиций при принятии этических решений.

Бурные споры разразились в тот момент, когда отдельные индивиды и супружеские пары настаивают на своих частных правах: право на ребенка в то же время, как и права ребенка стали важной проблемой. Репродуктивная технология обострила разницу между кровным родством и добровольным родством (например, в случае с приемными родителями и детьми). Третья сторона — часто анонимная — также должна приниматься в расчет. Система символов кровного родства противоречит системе символов добровольного родства в качестве основания для

* Комиссия под руководством Мэри Уорнок была создана в Соединенном королевстве и посвящена вопросам искусственной репродукции и биоэтики. За работу в данной комиссии Мэри Уорнок получила международную премию и в 1985 году титул баронессы Уорнок Викской. Сейчас является членом Палаты лордов. — *Примеч. переводчика.*

** Специальная (лат.)

родительских связей с детьми, и это происходит не только в спорах по поводу родственных связей, но и в спорах, окружающих национальную и политическую лояльность. Целый ряд стран пересмотрел свои законы о гражданстве, а страсти, бушующие по поводу этих изменений весьма похожи на те, которые окружают проблемы биоэтики. Определяем ли мы личную идентичность в понятиях происхождения или членства? *Решение этого вопроса* совершенно очевидно влияет на целую систему представлений по поводу законного права быть человеком.

Человеческие существа теперь столкнулись со своим собственным творением — открываются новые возможности благодаря генетической манипуляции экстракорпорального оплодотворения. Становится ли человеческое тело само по себе неким видом лабораторной пробирки? «Желание родить» Рене Фридман, «Прозрачная яйцеклетка» Жака Тестара и «Производство человека» Жана-Луи Бадуэна и Катарины Лабрус-Риу инициировали новые дебаты по поводу биоэтики во Франции. По этому поводу родилось и большое количество спекуляций. Некоторые комментаторы предсказывают мужские беременности, перенос матки в тело животных и использование суррогатных матерей и «нанятых утроб» просто для удобства. Безусловно, не все эти возможности относятся к одному и тому же кругу. Замешательство в данной области походит на то, которое окружает вспомогательную репродукцию.

Возможность изменения возраста материнства отражает степень, до которой тело превратилось в простой инструмент. Необычный случай с матерью, которая стала суррогатной матерью для своей собственной дочери, вызвало шквал дебатов, поскольку были подняты вопросы о самой сути и значимости человеческой репродукции. Для нашего нормативного дискурса и мышления законодателей центральным остается понятие того, что жизнь передается от родителей к детям. «Если мужчина сбит с толку своей собственной природой», тогда закон более не знает, какой выбрать путь*

Родство и наука

Важность единокровности, биологической связи между родителем и ребенком, становится очевидной в некоторой терминологии, когда дело доходит до рассмотрения бесплодия: сегодня обычно можно услы-

---

* Жак Тестар стал одним из первых биологов, привлекших внимание к замешательству, порожденному быстрым прогрессом в биотехнологиях. См.: *Jacques Testart.* L'Oeuf transparent (Paris; Fayard, 1986).

шать, как проводится различие между, с одной стороны, «имением своего собственного ребенка», «настоящего» ребенка, «ребенка моего плоть от плоти и кровь от крови, какого я хочу» и, с другой стороны, использованием истинно ужасающей фразы, всплывшей в одном интервью: «усыновление ребенка «бывшего в употреблении»*. Парадоксально, но там где комментаторы видят, прежде всего, искусственное вмешательство и даже «штампование» детей посредством медицинских технологий, бездетные пары сосредоточиваются на идее биологического, едва заметной биологической связи, наследственных узах, между ребенком и по крайней мере одним из родителей. При заполнении анкет для искусственного осеменения с помощью донорской спермы, родители часто просят выделить донора, имеющего фенотипические черты, сходные с одним из родителей. В действительности, некоторые предполагаемые родители зашли так далеко, что отказываются от детей, рожденных с помощью DAI, поскольку этнический вид ребенка не схож с их собственным, а некоторые банки спермы (например, CECOS во Франции) вынуждены отклонять заявления, где содержится слишком много специальных требований, касающихся характеристик донора.

В любом обществе супружеские пары пытаются замаскировать бесплодие, особенно мужское бесплодие, которое, как говорят психоаналитики, сложнее признать. Здесь две проблемы. Во-первых, родство понимается, прежде всего, как биологический феномен, даже пусть сегодня многие наделяют науку способностью осуществлять передачу человеческой жизни, «не отягощенной наследственными заболеваниями». Во-вторых, бесплодие сегодня может оставаться тайной, поскольку медицинские технологии осуществляют чудеса каждый день, что позволяет супругам держать свои частные трудности при себе, претендуя на естественное воспроизводство.

Тайна пациента и врачебная тайна тесно связаны друг с другом. Врач и пациент разделяют тайну причины бесплодия и метода его лечения. Болезненные секреты могут и выйти на свет только после того, как наука победит природу. Когда супружеские пары извлекают пользу из методик медицинской репродукции, они часто обнаруживают, что становятся прозелитами медицины. Врачи с радостью принимают их доверие, забывая отметить, что количество успешных пар все еже остается достаточно небольшим. В отличие от этого, покров молчания окутывает психологические и экономические затраты, связанные с менее удачным вмешательст-

* Исследования были проведены Лабораторией правовой социологии университета Париж II и Центром семейного права Жана Мулена Лионского университета. См. отчет для Commissariat Général au Plan, François Terré and Jacqueline Rubellin-Devichi, eds. Les Nouvelles Techniques de procréation artificielle dans les pays occidentaux, vol. 1-2 (1988).

вом, которые тем не менее оправдываются во имя попытки освобождения от страданий. Врачам нравится давать супружеским парам то, чего они хотят, вмешиваться как можно агрессивнее, в то время как психологи и психиатры пытаются поощрить «траур по бесплодию», за которым при благоприятных условиях в некоторых случаях следует усыновление.

Секретность по поводу бесплодия дольше всего сохраняется там, где нет вовлеченного в дело донора, вне зависимости от того, произошло ли простое осеменение или был использован перенос эмбриона. Даже тогда, однако, начинает появляться новый образ тела. С развитием медицинских и биологических методик тело превращается в сосуд. Согласие мужа и жены становится важнее самого акта прокреации или сексуальности. Пробирка всего лишь инструмент, но исключительно необходимый. Там, где не присутствует донора, врач оказывает помощь супружеской паре с целью помочь им реализовать свои желания. Он играет роль абсолютного терапевта; намерения пары придают значение его вмешательству, и, как сказал бы психоаналитик, «очищают его от грехов плоти». Вот почему искусственное осеменение без внешнего донора довольно широко распространено, и вот почему супружеские пары обычно отвергают советы священника не пользоваться этим. Однако с точки зрения закона остается один фундаментальный вопрос: имеет ли желание иметь ребенка преимущество даже в том случае, если донор умирает?

Посмертное осеменение

Так называемое дело Параплекса, по которому верховный суд Кретейя вынес решение 1 августа 1984 года, породило значительные дебаты в среде французских законодателей по поводу проблемы посмертного осеменения*. Повторяя комментарии Катрин Лабрус-Риу по поводу решения Крейтеля, дуайен Корну написал: «Незаконность ребенка, рожденного спустя более 300 дней после смерти мужа, и даже те проблемы, очень большие, связанные с законами наследования, ничто по сравнению с принципом: структура родства не есть дело коммерции С моей точки зрения, добровольное основание посмертной однолинейной семьи не является законным». С другой стороны, два профессора права из университета Париж- II, Мишель Гобер и Франсуа Терре с готовностью рассмотрели возможность посмертного осеменения, если оно сопровождалось необходимыми гарантиями: по аналогии с посмертным браком, следовало бы продемонстрировать «веские причины» и оговорку, когда

* *Françoise Cahen*; “La Double Illusion ou qu'est-ce qui fait courir les couples infertiles?” and Geneviève Delaisi de Parseval, “Couples stériles, médecine féconde? A propos de l'IAD”, Dialogue 87 (1985)

именно, до своей смерти, муж выразил желание иметь ребенка и что это желание действительно имело место. Этот довод подчеркивал важность желания индивида, и способность науки осуществить это желание в то время, которое последовало бы за его изначальным появлением. Намерение, другими словами, имеет определенную временную плотность. Декан Жан Карбонье суммировал данное дело в следующих выражениях: «Вполне возможно разработать пакет законов вокруг данного типа отношений родства, или даже признать этого ребенка наследником. Поступая таким образом, однако, не имеем ли мы дело с угрозой того, что мы доверяем фантазии, что когда-нибудь человек победит свою смерть и освободиться от этого смертного состояния?... Символический эффект такого закона сам по себе был бы смертельным»*

На самом деле, посмертное осеменение — это крайне редкий случай, который обычно оставляется на рассудительное рассмотрение судьи, имеющего право поставить строгие условия и взвесить интересы нерожденного ребенка, «рожденного без отца по воле своего родителя». Недавно, однако, вновь возник спор по поводу случая посмертного осеменения, в котором один из родителей умер от СПИДа. С тех пор, в судах также появились и другие дела, в которых оба родителя, один здоровый, другой, имеющий ВИЧ-инфекцию, ясно выразили свое желание зачать ребенка посредством искусственного осеменения.

По причинам осторожности как комиссия Мэри Уорнок, так и бельгийская CAHBI высказались против посмертного осеменения. Текст британского законопроекта о «человеческом оплодотворении и эмбриологии» был не так категоричен: «Родители могут обозначить свои желания, в случае смерти одного из них, как использовать их эмбрионы и гаметы в течение того времени, когда они хранятся в банке». Что имеет значение сегодня, так это желание родителей. Наоборот, законопроект, поданный в Италии, ясно запретил посмертное осеменение, а в так называемом предложении Бребана, подготовленном рабочей группой французского Государственного совета, заявлялось, что «ребенок должен иметь обоих родителей, а не одного». Этот принцип, повторявший Международную конвенцию о правах ребенка, смешивает противоречащие друг другу аргументы по поводу биологического и социального родительства. В действительности, посмертное осеменение усиливает как неоспоримое превосходство биологических уз, так и желание родителей. Этот довод в реальности основывается на традиционном образе семьи, имеющей двух родителей, и на интересах ребенка, нуждающегося в нормальном

* Génétique, procréation et droit (Paris: Actes Sud, 1985). См. также статьи в этом издании юристов Жана Карбонье, Мишеля Гобура, Катарины Лабрус-Риу, Жана Риверо, Жака Роббера и Жаклин Рубеллан-Девиши.

воспитании. Не есть ли это просто другой способ порицания семей с одним родителем? Готовность некоторых властей запретить посмертное осеменение ведет к неясным последствиям по отношению к донорскому осеменению. Когда ребенок является продуктом донорском спермы, его происхождение довольно сложно, а определение прав ребенка становится еще более деликатным делом. Тем не менее, эта практика становится все более распространенной. Ясно, что утверждение родительских уз сейчас предстает в более символичном свете, чем биологическая реальность.

Ребенок, зачатый с помощью донорской спермы

Использование донорской спермы ведет к двум блоками законодательных проблем: первый блок связан с законностью такого рождения, и второй блок – с определением родственной группы ребенка. Комиссия Мэри Уорнок предложила введение законодательства, в котором провозглашалось, что ребенок является законнорожденным, если оба родителя, муж и жена, согласились на процедуру, в данном случае ребенок будет записан как законный у своего отца. Эта рекомендация получила свое выражение в британском законе о семейной реформе от 1987 года. В Гражданские кодексы Бельгии, Швейцарии, Нидерландов, Португалии и Квебека была добавлена статья, запрещающая a posteriori сомнения в законнорожденности, когда муж и жена согласились на процедуру прокреации. В то же самое время большинство европейских стран пошло по пути презумпции отцовства мужа, при условии отсутствия доказательств обратного в форме законного опровержения.

Во Франции презумпция отцовства была определена в статье 312, параграфе 1 Гражданского кодекса. Подобным же образом, в случае донорства яйцеклетки, правило гласило, что роды определяют материнство. Опровержение отцовства возможно, если муж сможет предоставить доказательства, что он не может быть возможным отцом. В данной области существует целый блок законодательных прецедентов. В 1985 году два апелляционных судебных решения постановили, что любая заинтересованная сторона – то есть, муж, жена, ребенок или наследники – имели право опровергнуть отцовство в течение тридцати лет (или сорока восьми лет, если иск подан ребенком, благодаря приостановке закона об ограничениях по отношению к несовершеннолетним детям). Опровержение отцовства самим мужем или его женой на основании отсутствия биологического доказательства принимались судами, даже в том случае, если женщина была осеменена спермой донора с согласия мужа или его жены. Вслед за решением суда Ниццы от 30 июня 1976 года было принято несколько решений подобного рода. Единственный вид родительства, не подвергающийся опровержению на

биологическом основании, подразумевал усыновление. Однако такая позиция судов подверглась критике на том основании, что она угрожает подорвать планирование семьи и ее единство. Мистер Франк Серусклат и французские сенаторы-социалисты поэтому внесли законопроект, требовавший, чтобы пара фиксировала свое согласие на искусственное осеменение в местном суде, чтобы закрепить доказанность отцовства. Предложение Бребана оправдывает презумпцию отцовства со стороны мужа тем, что «желание иметь ребенка приносит пользу традиционной семье во имя ее нормального развития». Далее оговаривается, что «донор не может установить никакой законности связи между ним и своим ребенком или потребовать какую-либо субсидию».

Методики прокреации, использовавшие донора, в случае с искусственным осеменением или экстракорпоральным оплодотворением, подняли не только вопрос об опровержении отцовства, но также и проблему анонимности донора. Здесь снова разные страны приняли разные решения, и многие спорные с законной точки зрения вопросы остаются неразрешенными.

Большинство банков спермы (включая и те, которые принадлежат CECOS во Франции) сохраняют анонимность донора. В Швеции например, был принят закон, запрещающий данную практику на том основании, что ребенок имеет право знать своих предков. На практике, даже в тех странах, где анонимность является правилом, в целом только санкционированные банки спермы могут полностью защитить донора. Даже если и не называется имя донора, все же дается определенная информация, чтобы избежать важных несоответствий, например, цвета кожи или внешнего вида. Странно, но эта фенотипическая классификация практически не вызывает критики. Возвращение к «биологической фикции» при репродукции вновь укрепило этнические, даже расистские, тенденции наравне с прогрессом, который наступил в борьбе против дискриминации.

В дебатах о нравственности вспомогательной репродукции очевидно явное ханжество. Поскольку для оправдания сохранения донорской анонимности могут использовать доводы об интересах ребенка, то дальнейшие аргументы должны разрешить следующую проблему: а именно, страх того, что отказ от анонимности сократит количество доноров, поскольку предполагаемые доноры тогда вероятно будут иметь причину для волнений по поводу того, что их отпрыски потребуют от них помощь в содержании. По мере развития DAI, при определении политики, проводимой санкционированными государством банками спермы, соображения выгоды и престижа оказались таким же важными, как и этическая озабоченность по поводу содержания нерожденного ребенка.

Надежные тесты сильно облегчили определение биологического родства, и суды все больше полагаются на экспертов-генетиков в качестве

свидетелей. Но осеменение с помощью донора включает генетический вклад третьей стороны; таким образом, биологические данные дают дорогу фикции, а родительские узы создаются при помощи взаимного согласия родителей и презумпции отцовства. Валидность данной модели, однако, имеет свои ограничения. Как насчет одиноких или гомосексуальных пар? Могут ли они позволить себе обратиться к помощи донора?

В случае с одинокими, особенно женщинами, в связи с усыновлением обсуждались многие связанные между собой законодательные проблемы. Подлежит ли осуществлению право ребенка иметь обоих родителей (предполагаемая цель усыновления – это создание «нормальной» семьи) против права родителя одиночки, желающего усыновить ребенка? Эта проблема стоит более остро при вспомогательной репродукции, ибо она начинается не с предварительно существующего условия, но с добровольного желания создать одностороннее родство посредством искусственного осеменения. В любом случае, «право иметь ребенка» часто оказывалось в центре спора.

Подобным образом, вопрос о вспомогательной репродукции для гомосексуальных пар также вызвал бурю эмоций. Гомосексуальные организация добились своих прав, но, насколько мне известно, французский парламент еще не принял по этому поводу ни одного закона. По причине того, что гомосексуальная пара отличается от традиционной модели семьи, разрешение гомосексуальным парам доступа к вспомогательной репродукции вызвало широкую враждебность. Многие гомосексуалы ответили на это, что гомосексуальные пары также стабильны, как и гетеросексуальные, а иногда являются и более крепкими; этот аргумент действительно имеет некоторые основания при рассмотрении большого количества разводов и разрывов у гетеросексуальных пар, особенно в первые месяцы после искусственного осеменения при использовании донорской спермы. Ясно, что статус ребенка и определенное видение структуры семьи сегодня являются ключевыми элементами дебатов вокруг вспомогательной репродукции.

Право на ребенка или права ребенка?

Желание не есть закон. *Веруя* в научный прогресс, бесплодные пары ходят от доктора к доктору и «требуют ребенка»*. Желание иметь ребенка становится своего рода настойчивым требованием, поскольку че-

* См.: “Bioéthique et désir d’enfant”, Dialogue 87 and *Geneviuve Delaisi de Parseval.* “Le Désir d’enfant saisi par la médecine et la loi”, ibid.

ловек обладает правом иметь детей. Эскалация ожиданий порождает иллюзии, которые доводят несчастные пары до крайностей, и когда их попытки заканчиваются неудачей, разочарование становится еще более горьким. Эта одержимость биомедицинским методиками начала беспокоить некоторых экспертов, которые считают, что она возникает из «объективированной концепции прокреации», которая находится вне контроля специалистов. Жак Тестар в своей книге «Прозрачная яйцеклетка» критически отнесся к этому растущему ресурсу науки, который, как он считает, ведет к слишком большому доверию методикам искусственного оплодотворения. Супружеские пары, испытывающие трудности с зачатием, лечатся как от бесплодия; экстракорпоральное оплодотворение используется в случаях, когда в ней нет особой нужды. В случаях же, где время сделало бы свою работу, или где бесплодие, вовремя признанное и подвергшееся лечению, повлекло за собой усыновление, вылившееся бы в более гармоничную жизнь, медики вмешивались, давая обещания научной эффективности. Каково значение этой необходимости «в своем собственном ребенке»?

Желание иметь ребенка – это комплексная необходимость, связанная с конкретными представлениями индивида о своей собственной идентичности. В XX веке ребенок стал своего рода центром сосредоточения эмоций, социальной ценностью, доказательством способности индивида вскормить и передать различные качества. Мы видим многочисленные признаки этого в литературе и образах, также как и в целом ряде институциональных мер, предпринимаемых для прокреации детей. Семантический анализ этих признаков обнажает два тесно связанных между собой подхода, которые могут дополнять или противоречить друг другу, в зависимости от определенного нормативного выбора: настаивание на свободе репродукции и подчеркивание родительства в служении ребенку. Дебаты по поводу контрацепции и абортов поместили проблему свободы репродукции прямо на повестку дня. Вспомогательная репродукция привлекла внимание к последствиям родительского выбора. Достаточно ли решения родителей для оправдания любого вида медицинского вмешательства?

Ребенок по какому праву?

Свобода репродукции обозначает больше, чем просто *появление* ребенка на этот свет. Это есть планирование личного времени и социального пространства, в котором воплощение желания иметь ребенка функционирует в качестве доказательства абсолютной родительской преданности. Переоценка возможностей науки может также способствовать преувеличению качеств отношений родителей и детей. Су-

пружеские пары, которые обращаются к вспомогательной репродукции, часто рассматривают усыновление в совершенно ином свете, как более «целенаправленное» задание, включающее в себя прежде всего воспитание, и не такую абсолютную экзистенциальную преданность нежели вынашивание ребенка, поскольку «результат борьбы между врожденным и приобретенным предположительно остается под сомнением». Правда на тех, кто усыновляет отверженных, несчастных или подвергшихся насилию детей, *смотрят с одобрением*, но усыновление рассматривается скорее как компенсация, нежели как победа над бесплодием. Для многих бесплодных пар прогресс в биотехнологиях вновь зажег надежду «на *возможность иметь* своих собственных детей», на создание своих собственных семей. Доноров хвалят за то, что они дают жизнь, но в то же время родители ведут себя «как будто» ребенок, зачатый с помощью осеменения, переноса или трансплантации, является в действительности их собственным. Слова приобретают символическую силу, которую обычно не замечают критики коммерческих сторон вспомогательной репродукции.

Некоторые пары превратили право получения выгоды от научного прогресса с целью иметь детей в некий вид обязательства, который они хотели бы наложить на правительство. Их желание, некая фантазия иметь ребенка приводит их к настаиванию не только на праве репродукции, но и на праве гарантии своей собственной репродукции и ее субсидировании медицинской наукой и правительством. Это смещение акцентов имеет практические последствия. Уже высказывались требования в выделении бесплатной спермы и яйцеклеток, сокращении цен на вспомогательную репродукцию, на оплату всех расходов государством. От правительства ожидается лицензирование и инспектирование банков спермы и другие возможности, оплата всех счетов, некий вид *легитимации* целого процесса: «Деньги и государство *легитимируют* дело». Многие правительства скорее выпускают административные правила и создают консультационные или посреднические агентства, нежели принимают прямое законодательство по итогам законных последствий вспомогательной репродукции, таким образом отвечая на фундаментальные этические вопросы в обычной для себя неясной бюрократической манере.

Во Франции два указа от 28 апреля 1988 года (88–327 и 88–328) имеют дело с правилами управления вспомогательной репродукцией, сохранением человеческой спермы и постановкой диагноза ребенка на внутриутробной стадии развития. С целью ежегодного информирования министра здравоохранения об изменениях в доступных методиках была создана национальная комиссия по медицинской и биологической репродукции (CNMBR). В области постановки диагноза

ребенка на стадии внутриутробного развития существует план создания национальной сети агентств, подчиненных контролю центральной организации. В 1988 году 74 клиники получили лицензии, среди них 36 частных клиник. Однако решение об использовании биологических технологий было отложено до февраля 1990 года, когда около десятка лабораторий получили право на свою деятельность (хотя названия этих лабораторий так и не были опубликованы). Была введена официальная номенклатура репродуктивного вмешательства с целью предоставить возможность компенсации затраченных средств посредством национального медицинского страхования.

Такие решения французского правительства стали новостью. «В конце 1988 года 74 клиники получили разрешение на проведение операций, и средства массовой информации, при попустительстве докторов, сообщали, что это был «ряд санкционированных клиник по проведению экстракорпорального оплодотворения». Такое упрощение, которое может показаться нелогичным, отражает желание медиков сопротивляться любому нарушению своих прерогатив, появляющихся в результате развития новых технологий»*. Когда министерство здравоохранения публично огласило свое решение, многие клиники, которым не было позволено оперировать, бросили вызов этому правилу, либо подав иск в суд, или направив министру петицию. «Кажется, что вряд ли и половина недовольных выиграла свои дела в административных судах, которые разрешили им продолжать выполнять свою работу. Другие очевидно столкнулись с *приостановкой* своей деятельности, особенно там, где национальное медицинское страхование отказалось оплачивать их услуги»**

Родительские планы, научные программы и государственные институты установили *между собой* некий вид саморегулирующегося социального механизма. Бернард Эдельман провел сравнительное исследование германского законодательства, предназначенного для решения «проблем, возникших в результате искусственного оплодотворения» и «защиты эмбриона», с французскими предложениями о «науках о жизни и правах человека», подготовленных по приказу Государственного совета. Эдельман подчеркивает философские посылки, лежащие в основе закона***. «В немецком законопроекте, фундаментальным понятием выступает не «родительские планы», но «идентичность эмбри-

---

* *Jacques Testart.* "Procréation assistées: quelle réglementation?" Ethique. La Vie en question 1 (1991): 88–89.

** Ibid.

*** *Bernard Edelmann.* "D'un projet l'autre: France et République fédérale d'Allemagne", Ethique 1 (1991): 36–37; *Michelle Gobert.* "La maternité et substitution: réflexions a propos d'une désision rassurante", in Les Petites Affiches 127 (1991);

она», при учете риска прерванного материнства». Немцы запрещали продажу или дарение спермы или яйцеклетки на основании того, что искусственное оплодотворение должно иметь место только у «прочной супружеской пары». Французы, с другой стороны, *сделали* акцент на «родительских планах» и мало внимания уделили идентичности нерожденного ребенка, позволяя использование спермы третьего лица:

В первом случае свобода родителей *оказалась* ограниченной правами нерожденного ребенка. Во втором случае, права ребенка даже не принимались во внимание. Ребенок выступает простой проекцией прав родителей или, если хотите, объектом их прав Что поражает при сравнении двух законопроектов, так это разница в отношениях с природой. Совершенно очевидно, что немецкий законопроект понимает природу в смысле того, как он желает оправдать методики искусственной репродукции. Французский законопроект более двусмысленнен. В то время как он запрещает суррогатное материнство и создание эмбрионов для научных экспериментов, он явно не запрещает при этом выбор пола, и, что еще хуже, позволяет выдачу эмбрионов третьим лица и научно-исследовательским институтам. Единственное, по поводу чего он тверд — хотя и делается исключение для продуктов человеческого тела — это отсутствие материальных стимулов.

Философские различия, по-видимому, сокращаются там, где агентом репродукции является не наука, но суррогатное человеческое тело. «Утробы в наем», — кричат газетные заголовки, убедительно улавливая иррациональные страсти, кипящие вокруг этой проблемы.

Суррогатное материнство

Идеологическое, моральное и религиозное осуждение суррогатного материнства, в особенности в континентальной Европе, по своей оскорбительной риторике напоминало более ранние нападки на евгенику. В первом случае природу обманывали с небольшой помощью науки за пределами рутинного осеменения, в то время как в другом, наука руководила бы производством «дьявольского отродья». Человеческие возможности в одном случае нарушали правила идентичности и загадку человеческого тела, в другом случае — священные правила, руководившие свойствами жизни, *данной как таковая*. «Беременность в пользу другого человека», практика, принятая во многих традиционных обществах и, в своих самых альтруистичных и возвышенных формах, напоминавшая

Jacqueline Rubellin-Devichi. “Mères porteuses, premier et deuxième types”, Bioéthique (1992).

библейские истории о Саре и Марии, неизвестным образом стала объектом шквала критики. Некоторые утверждали, что женщин эксплуатируют как наемниц. Другие подчеркивали важность эмоциональных и физических уз, сформированных внутри утробы. Третьи *говорили с возмущением*, что это является подстрекательством к отказу от ребенка и извращением правил усыновления. Самым резким обвинением стало то, что пока суррогатное материнство представлялось как терапия для бесплодия, на самом деле происходила простая подмена одного тела другим, при котором тело матери, дающей рождение, использовалось просто как инкубатор.

За исключением нескольких штатов в Соединенных Штатах, большинство западных стран приняло законы, запрещающие суррогатное материнство*. При этом уже тысячи детей появились на свет от суррогатных матерей, и даже сформировались группы, защищавшие суррогатное материнство. Хотя большая часть общества осуждала практику такого материнства, причины были разными. Может ли кто-нибудь всерьез утверждать, что использование *суррогатной матери женщиной, лишенной своей матки*, хуже, нежели участие в том или ином трафике детей, теперь общим для международной практики усыновления? Если деньги портят, то они делают это и в других секторах рынка подобным же образом, начиная от переливания крови и заканчивая трансплантацией органов и длительным уходом, необходимым для неизлечимых заболеваний. Нет, это не особый порок суррогатного материнства. Подобным же образом, для всех маленьких детей сегодня обычным является хождение в детский сад и начальные школы. Является ли это таким же вредным, как и развитие суррогата в утробе? Отношения мать-ребенок настолько сложны, а факторы, влияющие на здоровый рост, настолько многочисленны, что только храбрец может предложить простые законы или точные ответы. Легко понять, почему большинство судей предпочитают находить технические причины для аннулирования договоров, нежели напрямую действовать против принципа суррогатного материнства.

Почти каждый, однако, готов согласиться, что следует осуждать агентов, которые специализируются на продаже услуг предполагаемых суррогатных матерей. Многие страны ввели уголовные наказания за такую деятельность и провозгласили договоры о суррогатных зачатиях недействительными. Но все же давление общественного мнения привело к некоторым изменениям**. Часто отличают два вида суррогата: женщина, которая зачинает и вынашивает своего собственного ребенка, но решает

* *François Giraud*. Les Mères portueses (Paris: Publisud, 1987).

** *Rubellin-Devichi*. “Mères porteuses”.

отдать его после рождения, и женщина, которая сознательно готова выносить чужого ребенка. И еще больше споров существует по вопросу, что более достойно порицания: вынашивание ребенка за деньги или нарушение принципа, что «человеческое тело не продается», как сформулировал его французский апелляционный суд в своем решении от 31 мая 1991 года*

Кроме проблемы родства суррогатное материнство требует, чтобы разъяснялась сущность «сделки». Желание иметь ребенка, выраженное в понятиях индивидуальной свободы, постепенно растворяется в некотором виде биологического триумфа, который использует преимущество телесной неопределенности. *Если* для оправдания вспомогательной репродукции привлекается исключительно индивидуалистическая философия, в согласии с которой врач позволяет себе лишь реализовать желание родителей, то в случае суррогатного материнства мы видим постепенное формирование целого круга, включающего врачей, биологов, группы пар, гражданские группы давления и даже интеллектуалов. Где, посреди всего этого, найдется место интересам ребенка? Кто будет выступать от его имени и защищать его права?

Границы представлений о частном характере прокреации становятся все более явными под давлением интересов различных соперничающих друг с другом сил. Роль родителей изменяется вместе с семейным окружением. Что больше всего угрожает ребенку, так это не использование искусственных методик — семейное право основывалось на серии юридических фикций испокон веков — но скорее распространение привязанностей и выбора, сложность которых и бросает тень на простой традиционный образ отношений родителей и детей. Сколько людей обратились к вспомогательной репродукции только затем, чтобы потом пожалеть о своем решении, ибо фантазии об идеальном ребенке искажаются повседневной реальностью? Сколько детей были подавлены огромным количеством эмоций, захвативших их родителей при рождении долгожданного чада в результате вспомогательной репродукции? Я вспоминаю об одном маленьком мальчике, рожденном из замороженного эмбриона, чьи родители решили называть его *Frosty* (морозный).

Прокреация это гораздо больше, нежели просто создание биологических и эмоциональных уз между родителями и детьми. Другие члены семьи также принимают участие в этом. Если присутствует донор, втянутой также оказывается и его семья. Медики и ученые играют свою роль. Репродукция также имеет свои социальные и символические функции с генеалогическими и этическими последствиями. Никакая культура не может свести родство до уровня рождения, материнство — до беременности, а интересы ребенка — до уровня желания его родителей. Каждый

* См.: Daloz, 1991, P. 417; отчет И. Шартье и Д. Тувенена.

из нас должен найти в себе смелость и определить те ценности, которые мы желаем утвердить. Неоконсерватизм, стремящийся воплотить только один тип семейной структуры, один взгляд на материнство и женственность, иесет в себе угрозу. *Но с другой стороны, не меньшую опасность представляет собой наивная либеральная вера в свободный рынок человеческих тел.* Споры, которые начинаются по поводу вспомогательной репродукции, выливаются в рассмотрение евгеники в целом, власти науки над человеческим наследием. «Человек еще не преодолел тот барьер, где его заставляют признать, что зачатие может лншиться и последних крупинок его мечты»*

После принятия в 1990 году в Британии нового закона о семье, французское законодательство занялось необходимыми реформами и попыталось определить общие положения в области биомедицинской этики. Но общество, включая юристов и политиков, остается разделенным по поводу того, что законно, а что нет, а также по вопросам мудрости принятия законов в данной области. Официальные доклады противоречат друг другу в основополагающих моментах. Внимательное изучение реальных дел обнажает исключительную сложность вопроса. Каждый день появляются новые вопросы, множится количество возможиостей выбора вместе с увеличивающейся властью человеческого существа изменить свою судьбу. Мы покидаем период фантазий и страхов и приближаемся ко времени, когда необходимо будет сделать наш этический выбор. Давайте надеяться, что мы будем знать, что выбрать, каким бы универсальным, но не тотальным, не оказалось принятое решение; что мы будем знать, как построить нечто общее для всех нас, без необходимости подчинения каждого единому закону. Многообразие возможностей прокреации, многочисленность ролей, которые могут исполнять женщины в процессе передачи жизни, являются доказательством того, что патриархат завершился и наступает время вновь задуматься иад тем, каковы же наши истинные ценности**

* Gobert, статья, помещенная в Naitre 21 (April 1987)

** Обзор данных проблем см. у: *Jean Carbonnier*. Droit civil, la famille, vol. 2 (Paris: Presses Univeritaires de France, 1991); *Gérard Cornu*. La Famille (1991); *Jacqueline Rubellin-Devichi*, J. C. P. 21 (22 May 1991); Doctrine, 3505. P. 181-187; *Catherine Labrousse-Riou*. "L'homme a vif. Droit et biotechnologies", Esprit. La Bioéthique en panne? (November 1989)

ГОЛОСА ЖЕНЩИН

Франсуаза Тебо

Слово о нашем времени

Непредсказуемый и одновременно продолжающий наше время XXI век будет таким, каким его сделают сегодняшние женщины и мужчины и будущие поколения в котле алхимии, в котором перемешиваются гендерные отношения и другие типы отношеннй между людьми.

Может быть, нам удалось некоторым образом реализовать в этом томе и в этой серии, посвященной истории женщин, желание, выраженное Вирджинией Вулф в финале ее книги «Собственная комната». Мы приложили здесь наши усилия во имя «нового рождения» сестры Шекспира, «мертвой поэтессы», которая «никогда не написала ни одного слова». Дадим, чтобы завершить том, слово двум женщинам нашего века, избранным среди других, среди многих других.

Криста Вольф: «Окончательное решение»

Родившаяся в 1929 г. на востоке Германии, в городе Ландсберге, из которого она бежит в 1945 г. вместе со своей семьей от наступающих советских войск, Криста Вольф становится рупором молодого поколения писателей 60-х гг., которая утверждает свой выбор в своих сочинениях и задается вопросами перед лицом политического режима и «Железного занавеса». Автор около пятнадцати произведений, которые оригинально заимствуют у различных литературных жанров, она является самой известной на Западе восточногерманской писательницей.

Появившиеся в ГДР в 1976 г. «Примеры детства» представляют собой не книгу воспоминаний, но, скорее, по ее собственным словам, «воскрешение в памяти», «заклинание», «мольбу» о прошлом; в них она пытается за пределами традиционной антифашистской литературы разоблачить повседневный нацизм и бороться против забвения. В этой книге вопросов, которые встают и которые мужественно ставит автор, смешиваются в сложной структуре два различных героя (Ты, повествовательница, и Она, девочка Нелли) и три времени: период 1929–1945 гг., путешествие летом 1971 г. со своим братом, приятелем и дочерью Ленкой в родной город Л., ныне польский, и время написания.

В приводимом отрывке об «Окончательном решении», Криста Вольф спрашивает себя сначала об ответственности немцев, своей собственной и ответственности семьи за это преступление, которое начинается с равнодушия обычных граждан или же согласия с нацистским дискурсом*. «Но где же вы жили?», – говорит в 1945 г. коммунист, спасшийся из концлагеря, матери Нелли, которая удивляется его судьбе. Криста Вольф спрашивает себя также о передаче от матери к дочери, от одного поколения к другому опыта прошлого и, в частности, этого уникального опыта, который «навсегда разделяет тех, кто страдал во плоти, и тех, кто был избавлен от страданий».

Выступая против официального оптимизма, утверждающего, что прошлое преодолено, Криста Вольф приглашает своих сограждан

---

* Стоит вопрос, когда начался геноцид и «кто что знал» – заглавие книги Стефана Куртуа и Адама Райски (*Courtois S., Rayski A.* Qui savait quoi? L'extermination des Juifs 1941–1945. Paris: La Découverte, 1987). Криста Вольф намекает на речь Гитлера в январе 1939 г., «предсказавшего» «уничтожение евреев», и на приказ Геринга в июле 1941 г., который стал прелюдией к широкомасштабному уничтожению евреев на оккупированных во второй половине 1941 г. советских территориях. Совещание в Ваннзее 20 января 1942 г. утверждает «Окончательное решение еврейской проблемы» и вырабатывает способы его осуществления в обстановке чрезвычайной секретности; но слухи о нем начали циркулировать уже в том же году.

и всех нас посмотреть на самих себя. Даже если, как она писала, «действительно невыносимо при слове «Аушвиц» думать одновременно о маленьком слове «я» — «я» в условном наклонении: Я бы имела. Я бы смогла. Я бы должна была. Сделать. Покориться». Сегодня, после воссоединения Германии, когда неприятие и ненависть к чужому принимают повсюду самые различные облики, нужно, быть может, перечитать и подумать над этой книгой.

«Невозможно определить, в какой момент ты услышала это слово в первый раз. И в какой момент, когда ты его услышала, ты придала ему его смысл; это должно было произойти в послевоенные годы. Но с тех пор — и до сегодняшнего дня — ты не можешь видеть высокой трубы, из которой валит густой дым, не думая «Аушвиц». Это слово отбрасывает тень, которая не переставала увеличиваться и распространяться. И до сегодняшнего дня тебе не удавалось решительно поместиться в конусе этой тени; так как воображение, хотя и очень живое, противится тому, что от него требуется — принять на себя роль жертв.

Непреодолимый барьер навсегда разделяет тех, кто страдал во плоти, и тех, кто был избавлен от страданий.

31 июля 1941 г. — день каникул, наверняка жаркий — Нелли, должно быть, растянулась вдоль картофельной грядки, в саду, под вишнями, в месте, которое она особенно любила, она, без сомнения, читала, в то время как ящерица принимала солнечную ванну на ее животе. Летом радио находилось на веранде, может быть, она вскочила, услышав звуки фанфар, предвестников специальных выпусков, которые сообщали о безостановочном продвижении немецких войск в России. Ее отец больше не воевал. Его возраст был демобилизован после Польской кампании, и сам он «пригодный к гарнизонной службе на территории своей страны», был назначен как младший офицер в районное военное управление Л.

Вот так, или почти так, Нелли пришлось провести этот день, в течение которого, по приказу фюрера, рейхсмаршал Герман Геринг поручил шефу политической полиции и государственной безопасности и главе СД Рейнхарду Гейдриху «окончательное решение еврейского вопроса в зонах немецкого влияния в Европе»: тому самому Гейдриху, которому 24 января 1939 г. был дан приказ — Нелли тогда не было и десяти лет — применить Окончательное решение на всей территории Германского рейха.

Эти две даты — одна из них в этом 1974 г. повторяется тридцать пятый раз — были бы достойны, более чем некоторые другие, остаться в памяти...

На странице 207 школьного учебника Ленки «Карта фашистских концентрационных лагерей в Европе во время Второй мировой войны», формат 14 х 9 . На этой карте нет городов. Указаны Северное и Балтий-

ское моря и крупные реки, шестнадцать основных концлагерей с указанием названий, отмечены черными точками, более жирными, чем другие, пять из них подчеркнуты, чтобы уточнить, что речь идет о лагерях смерти. Карта усыпана маленькими точками («дополнительные лагеря») и крестиками («гетто»). Ты почувствовала физически, что Ленка вдруг поняла «в первый раз», в каком пейзаже ее мать провела свою юность. По географическому положению лагерей смерти Хельмно, Треблинки, вероятно, также Майданека можно было понять, что транспортировка мужчин и женщин, предназначенных для этих лагерей, совершалась также через Л., поскольку Л. находился на восточном направлении. Поезда на Аушвиц и Бельзец должны были идти по железной дороге, расположенной южнее. Нелли никогда в своем окружении не слышала даже малейшего намека по этому поводу ни во время, ни после войны. И никто из ее семьи не работал на немецкой железной дороге.

Насколько ей известно, говорит Ленка, большинство ее школьных товарищей – впрочем и она тоже – не изучало серьезно эту карту; во всяком случае, они делали это без особого волнения. У них не было ощущения, добавляет она (или это чувство не проснулось в них, думаешь ты), что эта карта их касалась больше, чем остальные документы в этом учебнике. Твое глубокое удивление, смешанное с раздражением, исчезает, уступая место вопросу, который ты задаешь себе, нужно ли в конце концов осуждать их или, напротив, желать, чтобы у этих детей не было чувства вины, чувства, которое могло бы заставить их рассматривать эту книгу с большим вниманием. – До третьего или четвертого поколения – страшная сентенция Бога-мстителя. Но речь идет не о том.

Ты видела, как они толпой пересекают старый плац на Эттерсберге, продолжая спокойно доедать свой завтрак и яблоки – зрелище, которое не вызвало в тебе негодования, а только удивление и тревогу. Кто-то даже попытался объяснить тебе, что было бы практичнее и экономнее, с точки зрения материалов и стоимости строительства, переоборудовать старые казармы СС около концлагеря Бухенвальд в отель для туристов. Он не употребил слово «гостеприимство», но то, что он говорил, имело этот смысл. Он не понял твоего вопроса, когда ты его спросила, действительно ли он считал, что кто-то – например, иностранный турист – сможет заснуть ночью в этом доме. Откровенно говоря, ответил он, я не понимаю, что вы хотите сказать. Твое предложение – посетителей, которые сегодня посещают бывший концлагерь, надо было бы оставлять на несколько часов в этом месте, лишив их еды и питья, и запрещать петь и слушать музыку из транзисторов – показалось ему неразумным. Откровенно говоря, ответил он, это совершенно нереально. Нужно принимать людей такими, какие они есть».

Нелли Каплан: «Я вас приветствую, мужья»

Родившаяся в 1934 г. в Аргентине, кинематографист Нелли Каплан более известна как Белен. В непостоянном мире сюрреализма у нее было всегда два вида деятельности. В кино она работала с Абелем Гансом, затем писала сценарии и ставила коротко- и полнометражные фильмы, среди которых — «Невеста пирата» («La Fiancee du pirate»; 1969 г.), за который она была награждена второй раз на Венецианском фестивале и который стал (с участием Бернадетты Лафон) кинематографическим событием. До этого она написала три необычных и провокационных брошюры об искусстве любить и жить: «Геометрия в спазмах» («Le Geometrie dans les spasmes»), «Королева шабашей» («La Reine des sabbats») и «Освободитесь от Самца» («Et delivrez-vous du Male»), изданные в 1964 г. под общим заглавием «Вместилище чувств» («Le Reservoir des sens»).

Феминистская фантазия, где эротизм необычно смешивается с абсолютной инверсией ролей и качеств, присущих двум полам, дерзкая издевка над мужчинами, которые еще доминируют в мире в конце 50-х гг., насмешливый камень, брошенный в споры современной эпохи о психологии *Павлова* или о существовании первобытного матриархата. Все это можно увидеть сразу в *книге* «Я вас приветствую, мужья» и насладиться, не подозревая меня в каком-либо коварном намерении.

«Вот уже тысячелетия, как мы снова живем при матриархате.

Женщины выиграли партию. И они ее успешно выиграли. Мы теперь платим жестокую цену за их прежнее рабство. Мы, мужчины. И это длится целые тысячелетия.

Однако я иногда надеюсь на перемену. В истории этого мира дни следуют друг за другом, и ни один не похож на другой. Основание для надежды я ищу в исторических книгах. Я, действительно, один из редких людей, которые еще любят читать. В течение долгих дней, которые я провожу затворником в жилище, которое мне было предписано, я читаю сочинения древних. Я даже их понимаю. Кажется, что несмотря на мое положение, мой ум выше среднего. Несомненно, именно по этой причине они [женщины] следят за мной с особой настойчивостью. Но это не мешает мне поглощать книги, которые проблесками показывают мне, каким был мир в далеком прошлом, задолго до матриархата. Это заставляет меня мечтать. Напрасно. Потому что никогда мы не выйдем из нашего состояния. По правде, надежда может быть только иллюзией. Мы не можем ускользнуть от них. Они прекрасно устроились, чтобы дать нам основное: жилище,

еду и даже комфорт. В общем, некий вид анестезии, умственный анкилоз, который запирает нас надежнее, чем тюремная клетка. У нас даже нет и мысли о побеге. И когда иногда я пытаюсь спровоцировать бунт, мои товарищи смотрят на меня с испугом и отходят с недоверием, они не понимают. Они, может быть, доносят на меня. Это вечное свойство мужчин с их слабостями и мошенничеством. Никогда не надо доверять слабому полу.

Очевидно, в этом доме роскоши и сластолюбия все есть для моих капризов. Дни текут в сладости бездействия, ночи – в радости. Правда и то, что с нами хорошо обращаются – почти никогда нас не наказывают.

Но я несчастлив.

Они это знают. Мне кажется, что я еще слышу их слова:

– Вы не будете никогда счастливы, – говорят они мне. – Вы слишком много думаете. Зачем? Проще смириться. В любом случае, вы не сможете изменить положение мужчин.

– Нельзя изменить уже установившееся положение. Как вы объясните, что великие творцы были всегда женщинами? – добавляют они с некоторой нежностью, окрашенной раздражением.

Они правы, я это знаю. Мужчины никогда ничего не изобретали. Они никогда не создают ничего необыкновенного. Женщины всегда правы. Даже когда они огорчаются из-за нашего неизлечимого кретинизма. Да к тому же, как бороться? На нас давят тысячелетия атавизма.

И дни, и месяцы протекают в этом доме, где я на пансионе. С самого детства я был посвящен во все тонкости ритуалов, которые женщины приезжают совершать здесь, чтобы забыть о своих днях, полных труда и ответственности.

Только что окончив ВШСН*, я был взят на пансион. Это я, кажется, исключительно одаренный природой, с тонкой интуицией, иногда нежный, всегда действующий. И как не быть таким, если они все предусмотрели? Даже когда они отталкивают, у нас срабатывает условный рефлекс, чтобы их обслужить. Это сильнее, чем наши желания. Увы, плоть слаба, и они прочли все книги. Так что научные эксперименты одного профессора XX века подсказали им решение, о котором они мечтали. Решение, которые было успешно исполнено. В ВШСН в течение долгих лет учебы каждый раз, когда нас вводили в эйфорию – и они знают, как это делать! –, раздавался звонок в аудиториях для практических занятий. После бесконечных сеансов эйфории, у нас выработался условный рефлекс, что при любом звонке... Короче, как только женщина, сколь бы малопривлекательной она ни была, наносит

* Высшую школу сладотрастных наук.

нам визит, хитроумная система звоночков, раздающихся в спальнях, автоматически делает из нас неисчерпаемую, или почти неисчерпаемую, восторженную жертву.

Может быть, однажды все снова изменится. Моя интуиция мне говорит, что перемена произойдет благодаря этим странным мутантам, появившимся после первого Великого Разрушения, андрогинам, вызывающим беспокойство, с глазами, усеянными золотыми пылинками. Пока еще они прислуживают нам. Но их странные улыбки и расширение их полномочий не могут обмануть. Мы, мужчины, и женщины, которые властвуют над нами, исчезнем в грядущих веках. И я думаю, что это будет только справедливо.

Но это случится лишь в будущем. А в данный момент, покорный постоялец пансиона, я слышу шаги, которые поднимаются в мою комнату. Дверь открывается. Я слишком утомлен, чтобы повернуться и посмотреть, и я продолжаю лежать, безразличный, с закрытыми глазами.

Еще одна женщина...

Она приближается, и голосом, залитым волнами мартини, здоровается со мной. Затем она начинает меня раздевать. Красивая она или безобразная? Я думаю, что пора открыть глаза, чтобы это узнать. Но уже нежное головокружение от звоночков дает мне все ответы. Я предпочитаю лежать с закрытыми глазами, давая увлечь себя, смирившегося и счастливого.

Бунт невозможен. Это снова матриархат».

Содержание

ИСТОРИЯ ЖЕНЩИН НА ЗАПАДЕ

В 5 томах

Том V

СТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В XX СТОЛЕТИИ

Главный редактор издательства *И.А. Савкин*
Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Оригинал-макет *И.Р. Поздняков*
Корректор *И.Е. Иванцова*

16+

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:
СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,
тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. (921) 951-98-99

www.aletheia.spb.ru

Формат 70х100 1/16. Усл. печ. л. 50,23. Печать цифровая.
Заказ № 0314302-4. Отпечатано в типографии
ООО "Супервэйв Групп". 193149, РФ, Ленинградская область,
Всеволожский район, пос. Красная Заря, д.15.